

Міністерство освіти і науки України
Полтавський національний педагогічний університет
імені В.Г. Короленка

ФІЛОСОФІЯ ПСИХОЛОГІЇ

Тексти

Полтава
2017

УДК 159.922.6
Ф 56

*Затверджено і рекомендовано до друку
вченою радою Полтавського національного педагогічного університету
імені В.Г. Короленка (протокол № 13 від 23.06.2016 р.)*

Рецензенти:

Седих Кіра Валеріївна – доктор психологічних наук, професор, дійсний член Академії наук вищої освіти України, завідувача кафедрою психології Полтавського національного педагогічного університету імені В.Г. Короленка;

Рибалка Валентин Васильович – доктор психологічних наук, професор, провідний науковий співробітник відділу педагогічної психології та психології праці Інституту педагогічної освіти та освіти дорослих НАПН України.

Філософія психології: тексти.

Ф 56 Хрестоматія для студентів психологічних спеціальностей / укладачі: Ю.Л. Горбенко, Ю.О. Клименко, В.Ф. Моргун (відпов. за вип.). – Полтава: ПНПУ імені В.Г. Короленка, 2017. – 402 с.

Хрестоматія укладена відповідно до програми курсу «Філософія психології» для студентів психологічних спеціальностей. Тексти є уривками та витягами з праць провідних філософів і психологів світу та України.

Книга розрахована на студентів психологічних спеціальностей і також може бути корисною викладачам, науковцям, практичним психологам, всім, хто цікавиться світоглядними аспектами психологічного пізнання, практичної психології та психологічної пракики.

УДК 159.922.6

© Автори праць, 2017

© ПНПУ імені В.Г. Короленка, 2017

З М І С Т

У пошуках істини. <i>Замість передмови</i> (<i>Ю.Л. Горбенко, Ю.О. Клименко, В.Ф. Моргун</i>)	5
Тема 1. ТЕОРІЯ ПІЗНАННЯ ЯК ФІЛОСОФСЬКО-МЕТОДОЛОГІЧНА ОСНОВА ПСИХОЛОГІЇ	8
1. Символ печери (<i>Платон</i>)	8
2. Теоретична психологія – методологічна основа психологічної науки (<i>А.В. Петровський</i>)	12
3. Місце психології в системі наук (<i>Б.Г. Ананьев</i>)	15
Тема 2. СТРУКТУРА МЕТОДОЛОГІЧНОГО ЗНАННЯ	23
4. Методологія та її функції (<i>Е.Г. Юдін</i>)	23
5. Поняття методу у вузькому і широкому сенсі (<i>Т.В. Корнілова, С.Д. Смирнов</i>)	28
Тема 3. СУТНІСТЬ ТА ОСОБЛИВОСТІ НАУКОВОГО ПІЗНАННЯ	40
6. Майбутність науки (<i>Ф.В. Ніцше</i>)	40
7. Психологічне пізнання як діяльність (<i>М.Г. Ярошевський</i>)	42
8. Наука та істина (<i>Х.-Г. Гадамер</i>)	55
9. Світогляд, метод і теорія пізнання (<i>П.В. Копнін</i>)	66
10. Проблеми методології наукового пізнання (<i>В.О. Штофф</i>)	75
11. Філософія винаходу і винахід у філософії (<i>І.І. Лапшин</i>).....	79
Тема 4. ПСИХОЛОГІЯ У СИСТЕМІ НАУКОВОГО ПІЗНАННЯ	83
12. Обов'язковість форми (<i>М.К. Мамардашвілі</i>)	83
13. Свідомість – це парадоксальність, до якої неможливо звикнути (<i>М.К. Мамардашвілі</i>)	88
Тема 5. ОСОБИСТІТЬ ТА ЇЇ ВІДОБРАЖЕННЯ В КАТЕГОРІАЛЬНОМУ ЛАДІ ПСИХОЛОГІЇ	100
14. Категоріальна система психології. Структура психосфери (<i>А.В. Петровський, В.А. Петровський</i>)	100
15. Генетико-моделюючий метод дослідження особистості (<i>С.Д. Максименко</i>)	122
Тема 6. ПОЯСНЮВАЛЬНІ ПРИНЦИПИ У ПСИХОЛОГІЇ	133
16. Принципи психологічної науки (<i>О.М. Ткаченко</i>)	133
17. Принцип детермінізму в працях С.Л. Рубінштейна (<i>А.В. Брушлинський</i>)	145
18. Норми, закони, закономірності (<i>В. Віндельбанд</i>)	154

Тема 7. ПАРАДИГМИ В ПСИХОЛОГІЧНІЙ НАУЦІ	156
19. Структура наукових революцій (<i>Т. Кун</i>)	156
20. Витоки неklasичної психології (<i>О.Г. Асмолов</i>)	167
21. Подія дійсності і факт науки: постнеklasичний діалог (<i>Ю.О. Мелков</i>)	181
Тема 8. ПСИХОЛОГІЯ ОСОБИСТОСТІ В КОНТЕКСТІ МЕТОДОЛОГІЇ ДІЯЛЬНІСНОГО ПІДХОДУ	189
22. Суб'єктно-вчинковий варіант визначення предмета психології (<i>В.О. Татенко</i>)	189
23. Багатовимірна концепція особистості та інтеграція психологічних теорій діяльності, установки і вчинку (<i>В.Ф. Моргун</i>)	194
Тема 9. ФІЛОСОФСЬКО-МЕТОДОЛОГІЧНА ЄДНІСТЬ ПСИХОЛОГІЇ У БЕЗПОСЕРЕДНЬО-НАУКОВИХ КОНСТРУКТАХ	211
24. Методологічний аналіз в психології (<i>Ф.Ю. Василюк</i>)	211
Тема 10. СМИСЛ ЯК ІНТЕГРАЛЬНА ОСНОВА ОСОБИСТОСТІ	292
25. Наука і цінності – нескінченне і кінцеве (<i>М.К. Мамардашвілі</i>) ...	292
26. Смысл як інтеграційна основа особистості (<i>Д.О. Леонтьєв</i>)	296
Тема 11. ПРОБЛЕМИ ЦІЛІСНОГО ПІЗНАННЯ І ФОРМУВАННЯ ОСОБИСТОСТІ В ПСИХОЛОГІЇ	304
27. Свідомість і цивілізація (<i>М.К. Мамардашвілі</i>)	304
28. Принципові питання загальної теорії функціональних систем (<i>П.К. Анохін</i>)	311
29. Потребнісно-результативна теорія еволюції: роль системоквантів поведінки (<i>К.В. Судаков</i>)	355
Тема 12. МЕТОДОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ НАУКОВОЇ СИТУАЦІЇ У ПСИХОЛОГІЇ	372
30. Про методологічні проблеми сучасної психології (<i>Є.Д. Хомська</i>)	372
31. Методологічні проблеми психології майбутнього та наукова програма «Особистість – ХХІ століття» (<i>В.В. Рибалка</i>)	387

Бо істина є ціле.

Ханс-Георг Гадамер

Цілісність може бути досліджена адекватно, якщо реально вивчатиметься процес її виникнення і становлення, а не певний результат (post faktum). Отже, вихідна наукова проблема психологічного дослідження тут принципово змінюється – є проблемою не сама по собі цілісність особистості як факт, а процес її виникнення.

Сергій Максименко

У ПОШУКАХ ІСТИНИ

Замість передмови

Сучасна вища освіта в Україні неможлива без текстів першоджерел. Хрестоматія з філософії психології – це тексти філософів і психологів, які вимагають міркування стосовно цих текстів і обговорення під час семінарських занять. Звичайно, давно є повні паперові і електронні версії значної частини текстів філософської і психологічної класики, але ймовірніше, що програмні твори будуть прочитані студентами швидше тоді, коли вони спеціально підібрані й компактно викладені у форматі хрестоматії. Тому рекомендований посібник орієнтований на вивчення курсу «Філософія психології», передовсім, студентами-психологами.

Хрестоматія забезпечує подальше поглиблене вивчення природи наукового знання і методології психологічного пізнання. Безпосереднє звернення до текстів представників світової наукової думки та України, учених і методологів різних галузей знань як зарубіжних, так і вітчизняних стає запорукою розвитку творчого мислення і вміння систематизувати і застосовувати на практиці отримані знання.

Відібрані тексти дають досить повне і конкретизоване уявлення про наукову позицію авторів, які розробляли той або інший аспект психології або філософії, в той же час характеризують важливу роль і особливе її місце в системі світової психологічної науки.

Читач може звернути увагу на нерівномірність представлення деяких творів (від однієї сторінки до практично всього тексту без пропусків). Це зроблено з метою представити у хрестоматії живі приклади методологічного аналізу категорій, теорій та ситуацій у сучасній психології. У хрестоматії наведено повну версію методологічного аналізу категорій А.В. Петровським, В.А. Петровським у цитуванні глави «Категоріальна система психології. Структура психосфери». Навчаючись на прикладі використання та систематизації психологічних категорій провідними вченими, студент має можливість побачити використання теоретичних

методів на практиці та спробувати самостійно застосовувати результати створеної «категоріальної системи психології» у своїх теоретичних та практичних дослідженнях. Така можливість, у сучасних умовах розвитку науки, є надзвичайно важливою і дозволяє знайти спосіб систематизації великої кількості категорій, які часто дублюють одна одну.

Класикою сучасної психологічної науки став методологічний аналіз принципів психології, зроблений українським ученим О.М. Ткаченком у роботі «Принципи і категорії психології». Студенти, які ознайомляться з цією роботою, отримають уявлення про способи теоретичного аналізу категорій та принципів психології та зможуть виділяти головне, фундаментальне у своїх дослідженнях.

Практично повністю у хрестоматію ввійшла робота «Методологічний аналіз в психології» Ф.Ю. Василюка. Ця фундаментальна робота є одночасно і реальним прикладом методологічного аналізу як категорій і теорій, так і ситуації у сучасній психології у цілому. Ознайомлення з думками автора дає можливість осмислити перехід від класичної парадигми наукового пізнання до постнекласичної, розкриває сутність розвитку науки як зміни парадигм, використовуючи встановлені закономірності, намічає шляхи подальшого розвитку наукового пізнання. Робота дає можливість проаналізувати співвідношення теоретичної та практичної психології у сучасній психології та спрогнозувати шляхи становлення психології майбутнього.

У хрестоматію увійшло багато творів М.К. Мамардашвілі: «Взаємодія науки і мистецтва в умовах НТР», «Свідомість – це парадоксальність до якої неможливо звикнути», «Формальна структура цивілізації», «Наука і цінності – нескінченне і кінцеве». Вони є прикладом цілісного ставлення до визначення та розуміння як категорій, так і теорій у сучасній психологічній науці. Особливого значення у сучасному світі набувають обґрунтовані вченим ідеї про неможливість існування майбутньої науки та цивілізації у цілому без усвідомлення моральної відповідальності за наслідки використання новітніх наукових досягнень, без орієнтації на загальнолюдські цінності дослідників та замовників наукових досліджень. Надсучасні технології (нанотехнології, штучний інтелект, генна інженерія, пропагандистські технології «промивання мізків» тощо) можуть привести до знищення цивілізації. Розміркування над цими проблемами дає можливість студентам підвищити власну відповідальність за наслідки своєї майбутньої діяльності та формує цілісне бачення її результатів.

У хрестоматії представлена робота «Принципові питання загальної теорії функціональних систем» П.К. Анохіна, яка є фундаментальною для постнекласичної парадигми тому, що в ній розкривається основа для побудови всіх функціональних систем – їх майбутній кінцевий результат. Читаючи цю роботу, по новому розкриваються можливості підтвердженого постулату про те, що усвідомлений смисл майбутньої діяльності і є основою розвитку як людини, так і цивілізації в цілому.

Глибина сучасного тлумачення теорії функціональних систем та нові закономірності, що виявлені наукою, розкриті у роботі послідовника школи П.К. Анохіна – К.В. Судакова у роботі «Потребнісно-результативна теорія еволюції: роль системоквантів поведінки». К.В. Судаков розкриває на практиці можливості теоретичного дослідження та прогнозування майбутнього як системи що самоорганізовується.

Наряду із сучасними російськими класиками психологічної науки О.Г. Асмоловим, який розкриває «Витоки неklasичної психології», та Д.О. Леонт'євим, який досліджує майбутнє психології у роботі «Смисл як інтеграційна основа особистості», та іншими, у хрестоматії представлені наукові школи української психології.

Сучасні українські вчені надають можливість зрозуміти генетико-моделюючий метод дослідження особистості за С.Д. Максименком, здійснити аналіз суб'єктно-вчинкового варіанту визначення предмету психології за В.О. Татенком, опанувати цілісність особистості у багатовимірній теорії особистості за В.Ф. Моргуном, розкрити методологічні проблеми психології майбутнього за В.В. Рибалкою, що дасть можливість студентам осмислити стан та перспективи розвитку психологічної науки, в цілому, та процеси, що відбуваються у психологічному науковому просторі України, зокрема.

Послідовність наведення текстів побудована за навчальною програмою курсу «Філософії психології» та розкриває її основні складові. Всі тексти, що включені в хрестоматію, публікуються зі скороченнями. Водночас, даючи фрагменти робіт, укладачі прагнули не розривати їх загальну логіку, залишаючи в текстах усе найбільш важливе, необхідне для опанування відповідного розділу навчальної програми.

***Ю.Л. Горбенко**, кандидат психологічних наук, доцент кафедри психології ПНПУ імені В.Г. Короленка*

***Ю.О. Клименко**, кандидат психологічних наук, доцент кафедри психології ПНПУ імені В.Г. Короленка*

***В.Ф. Моргун**, кандидат психологічних наук, професор кафедри психології ПНПУ імені В.Г. Короленка*

ТЕОРІЯ ПІЗНАННЯ ЯК ФІЛОСОФСЬКО-МЕТОДОЛОГІЧНА ОСНОВА ПСИХОЛОГІЇ

ПЛАТОН

Платон (428 або 427 р. до нашої ери – 348 або 347 р.) – давньогрецький філософ, учень Сократа. Приблизно у 387 році Платон заснував в Афінах школу, де розвивалася одна з його основних ідей – ідея блага. Світ для Платона – це вічні і незмінні прообрази речей, які є подібністю та віддзеркаленням ідей, що є системоутворюючими.

Серед творів Платона можна виділити: «Апологія Сократа», «Бенкет», «Федр» (вчення про ідеї), «Держава», «Парменід» і «Софіст» (діалектика категорій), «Тимей» (натурфілософія).

Платон. Государство / Платон // Диалоги: сб. / пер. с др. греч. – М. : Аст; Харьков : Фолио, 2001. – С. 255 – 258.

СИМВОЛ ПЕЧЕРИ

Уяви, що люди як би знаходяться в підземній оселі на кшталт печери, де в усю її довжину тягнеться широкий просвіт. З малих років у них на ногах і на шії окупи, так що людям не зрушити з місця, і бачать вони тільки те, що у них прямо перед очима, бо повернути голову вони не можуть із-за цих кайданів. Люди обернені спиною до світла, яке виходить від вогню, вогонь горить далеко у височині, а між вогнем і в'язнями проходить верхня дорога, захищена, уяви собі, невисокою стіною на зразок тієї ширми, за якою фокусники поміщають своїх помічників, коли поверх ширми показують ляльок.

– Це я собі уявляю, – сказав Главкон.

– Так уяви ж собі і те, що за цією стіною інші люди несуть різне знаряддя, тримаючи його так, що воно видно поверх стіни; проносять вони і статуї, і усілякі зображення живих істот, зроблені з каменю і дерева. При цьому, як повелося, одні з тих, що несуть розмовляють, інші мовчать.

– Дивний ти малюєш образ і дивних в'язнів!

– Подібних до нас. Передусім хіба ти думаєш, що, знаходячись в такому положенні, люди що-небудь бачать, чи своє або чуже, окрім тіней, що відкидаються вогнем на розташовану перед ними стіну печери?

– Як же їм бачити щось інше, якщо усе своє життя вони вимушені тримати голову нерухомо?

– А предмети, які проносять там, за стіною? Чи не те ж саме відбувається і з ними?

– Тобто?

– Якби в'язні були в змозі один із одним розмовляти, хіба, думаєш ти, не вважали б вони, що дають назви саме тому, що бачать?

– Неодмінно так.

– Далі. Якби в їх темниці віддавалося відлунням усе, що б не вимовив будь-який із тих, що проходить мимо, думаєш ти, вони приписали б ці звуки будь-чому іншому, а не тіні, що проходить?

– Присягаюся Зевсом, я цього не думаю.

– Такі в'язні цілком і повністю вважали б істиною тіні предметів, що проносилися мимо.

– Це абсолютно неминуче.

– Простеж же їх звільнення від кайданів, нерозуміння і зцілення від нього, інакше кажучи, як би це усе у них відбувалося, якби з ними природним чином вийшло щось подібне.

Коли з кого-небудь з них знімуться окови, змусять його раптом встати, повернути шию, пройтися, поглянути вгору – у бік світла, йому важко виконати усе це, він не в силах дивитись при яскравому сяйві на ті речі, тінь від яких він бачив раніше. І як ти думаєш, що він скаже, коли йому почнуть говорити, що раніше він бачив дурниці, а тепер, наблизившись до буття і звернувшись до більше справжнього, він міг би набути правильного погляду? Та ще якщо стануть вказувати на ту або іншу річ, що проходить перед ним, і змусять відповідати на питання, що це таке? Чи не вважаєш ти, що це поставить його у складне положення і він подумає, ніби значно більше правди в тому, що він бачив раніше, ніж в тому, що йому показують тепер?

– Звичайно, він так подумає.

– А якщо змусити його дивитися прямо на саме світло, хіба не заколють у нього очі й не відвернеться він поспішно до того, що він у силах бачити, вважаючи, що це дійсно достовірніше за ті речі, які йому показують?

– Так, це так.

– Якщо ж хто стане насильно тягнути його по крутизні вгору, вгору і не відпустить, поки не витягне його на сонячне світло, хіба він не страждатиме і не обуриться таким насильством? А коли б він вийшов на світло, очі його настільки були б уражені сяйвом, що він не міг би розгледіти жодного предмета з тих, про достовірність яких йому тепер говорять.

– Так, так відразу він цього б не зміг.

– Тут потрібна звичка, раз йому належить побачити все те, що там, вгорі. Починати потрібно з найлегшого: спершу дивитися на тіні, потім – на

віддзеркалення у воді людей і різних предметів, а вже потім – на самі речі; при цьому те, що на небі, і саме небо йому легше було б бачити не вдень, а вночі, тобто, дивитися на зоряне світло і місяць, а не на Сонце і його світло.

– Поза сумнівом.

– І нарешті, думаю я, ця людина була б у змозі дивитися вже на саме Сонце, що знаходиться в його власній області, і бачити його властивості, не обмежуючись спостереженням його оманливого віддзеркалення у воді або в іншому йому не властивому чужому середовищі.

– Звичайно, йому це стане доступно.

– І тоді вже він зробить висновок, що від Сонця залежать і пора року, і течія років, і що воно відає усім у видимому просторі, і воно ж якимсь чином є причина усього того, що ця людина й інші в'язні бачили раніше в печері.

– Ясно, що він дійде такого висновку після тих спостережень.

– То як же ж? Згадавши своє колишнє житло, тамтешню премудрість і співтоваришів по ув'язненню, хіба не визнає він блаженством зміну свого положення і хіба не пожаліє своїх друзів?

– І навіть більше.

– А якщо вони віддавали там які-небудь почесті та хвалу один одному, нагороджуючи того, хто відрізнявся найбільш гострим зором при спостереженні предметів, що проходять мимо, і краще за інших запам'ятовував, що зазвичай з'являлося спершу, що потім, а що і одночасно, і на цій підставі передбачав прийдешнє, то, як ти думаєш, жадав би всього цього той, хто вже звільнився від уз, і хіба заздрих би він тим, кого шанують в'язні і хто серед них впливовий? Чи він відчував би те, про що говорить Гомер, тобто, найсильнішим чином бажав би... як робітник, працюючи в полі службою у бідного землероба, хліб добувати свій насущний і швидше терпіти що завгодно, аби лише не розділяти уявлень в'язнів і не жити так, як вони?

– Я-то гадаю, він вважатиме за краще витерпіти усе що завгодно, чим жити так.

– Обдумай ще і ось що: якби така людина знову спустилася туди і сіла б на те ж саме місце, хіба не були б його очі охоплені мороком при такому раптовому відході від світла Сонця?

– Звичайно.

– А якби йому знову довелося змагатися з цими вічними в'язнями, розбираючи значення тих тіней? Поки його зір не притупиться і очі не звикнуть – а на це було б потрібно чималий час, – хіба не здавався б він смішним? Про нього стали б говорити, що зі свого сходження він повернувся із зіпсованим зором, а значить, не варто навіть і намагатися йти увись. А хто почав би звільняти в'язнів, щоб повести їх увись, того хіба вони не вбили б, якщо б він попався б до них у руки?

– Неодмінно вбили б.

– Так от, дорогий мій Главкон, це уподібнення слід застосувати до усього, що було сказано раніше: область, що охоплюється зором, подібна до тюремного житла, а світло від вогню уподібнюється в ній потужності Сонця. Сходження і споглядання речей, що знаходяться у височині, – це підйом душі в область що усвідомлюється розумом. Якщо ти усе це допустиш, то досягнеш мою заповітну думку – якщо ти прагнеш її упізнати, – а вже Богові ясно, чи вірна вона. Отже, ось що мені бачиться: в тому, що пізнається, ідея блага – це межа, і вона майже не помітна, але варто тільки її там розрізнити, як звідси напрошується висновок, що саме вона – причина усього правильного і прекрасного. В області видимого вона породжує світло і його владику, а в області, що усвідомлюється розумом, вона сама – володарка, від якої залежать істина і розуміння, і на неї повинен дивитись той, хто хоче свідомо діяти як в особистісному, так і в суспільному житті.

– Я згоден із тобою, наскільки мені це доступно.

– Тоді будь зі мною разом ще ось у чому: не дивуйся, що ті, хто прийшли до усього цього не хочуть займатися людськими справами; їх душі завжди прагнуть увись. Та це і природно, оскільки відповідає картині, що намальована вище.

ПЕТРОВСЬКИЙ Артур Володимирович

Артур Володимирович Петровський народився 14 травня 1924 р. в Севастополі.

Тема його кандидатської дисертації «Психологічні переконання О.М. Радищева» поєднувала в собі аспекти двох наук: філології і психології. Надалі Петровським ведуться серйозні дослідження в області теорії психології, він працює на кафедрах психології Волгоградського і Московського міського педінституту. У 1965 р. А.В. Петровський захистив докторську дисертацію на тему «Шляхи формування основ радянської психології». Під керівництвом А.В. Петровського велися інтенсивні наукові дослідження, були підготовлені і захищені понад 60 кандидатських і декілька докторських дисертацій, опубліковано близько 2000 статей, підручників, навчальних посібників, монографій, довідкових видань. Найбільш значні серед них: «Психологія про кожного з нас і кожному з нас про психологію», «Теоретична психологія», «Психологія і час».

Петровский А.В. Теоретическая психология – методологическая основа психологической науки / А.В. Петровский // Теоретическая психология: учеб. пособие для студ. психол. факульт. / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: Академия, 2003. – С. 4 – 11.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ – МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<...> Как правило, основное содержание учебников по общей психологии, в том числе написанных авторами настоящей книги, составляло подробное рассмотрение различных психических функций. Таким образом, общая психология в том виде, в котором она представлена в различных руководствах, выступает в качестве пропедевтики психологического познания. Лишь абстрагируясь от конкретных исследований, осуществляемых в отраслях психологии, перечисленных выше, можно обнаружить и описать эти общие принципы, методы, закономерности и понятия. Общая психология иногда именуется *теоретической* психологией.

Однако в том виде, в каком она обычно представлена в книгах, у нее нет основания претендовать на этот статус. В ее состав обычно входят: описание характеристики ощущений, восприятия, памяти, воображения, мышления, психической саморегуляции, дифференциально-психологических особенностей психики человека.

Таким образом, перед нами классический пример понимания психологии с позиций функционализма. Общая психология в этом случае не рассматривается как сколько-нибудь целостная, в качестве упорядоченной системы знаний. Различные психические функции выступают здесь как рядоположенные друг другу, не интерпретируются в качестве системообразующих и потому не имеют категориального характера. Стремясь преодолеть функционализм и заявляя на словах об отказе от него,

авторы учебников привычно следовали за традиционным описанием психических функций, где, к примеру, «категория» ощущения оказывалась рядоположенной категории личности, а «категория» навыка – категории деятельности. В перечне когнитивных процессов возможен был любой порядок изложения. Он мог начинаться, как это было принято, с ощущения, а мог бы иметь началом рассмотрение аффективно-потребностной сферы человека, запускающей в ход «познавательный» процесс.

Функционализму традиционной общей психологии должен быть противопоставлен методологически иной принцип построения психологического знания – *теоретическая психология*.

Предметом теоретической психологии является *саморефлексия психологической науки*, выявляющая и исследующая ее категориальный строй (протопсихологические, базисные, метапсихологические категории), объяснительные принципы (детерминизм, системность, развитие), ключевые проблемы, возникающие на историческом пути развития психологии (психофизическая, психогностическая и т. п.), а также само психологическое познание как особый род деятельности.

Термин «теоретическая психология» встречается в трудах многих авторов, однако он не был использован для оформления особой научной отрасли. <...>

Особенностью формирования теоретической психологии в настоящее время является противоречие между уже сложившимися ее компонентами (категориями, принципами, проблемами) и ее непредставленностью как целостной области, как системы психологических категорий. Нами сделана попытка устранить это противоречие.

Мы имеем дело с «открытостью» этой научной отрасли для включения в нее многих новых звеньев.

В контексте теоретической психологии возникает проблема соотношения эмпирического знания и его теоретических предпосылок и обобщений. При этом сам процесс психологического познания рассматривается как особого вида деятельность. Отсюда, в частности, возникает проблема соотношения объективных методов исследования и данных самонаблюдения (интроспекции). Неоднократно вставал сложный в теоретическом отношении вопрос о том, что фактически дает интроспекция, могут ли результаты самонаблюдения рассматриваться наравне с тем, что удается обрести объективными методами (Б.М. Теплов). Не получается ли так, что, заглядывая в себя, человек имеет дело не с анализом психических процессов и состояний, а только лишь с внешним миром, который в них отображен и представлен?

Важной стороной рассматриваемой отрасли психологии выступают ее прогностические возможности. Теоретическое знание является системой не только утверждений, но и предсказаний по поводу возникновения различных феноменов, переходов от одного утверждения к другому без непосредственного обращения к чувственному опыту.

Выделение теоретической психологии в особую сферу научного знания обусловлено тем, что психология способна собственными силами, опираясь на собственные достижения и руководствуясь собственными ценностями, постичь истоки своего становления, перспективы развития. Еще памятны те времена, когда «методология решала все», хотя процессы ее возникновения и применения не имели с психологией ничего общего. У многих до сих пор сохраняется убеждение в том, что предмет психологии и ее основные категории могут быть взяты откуда-то извне – из области внепсихологического знания. Огромное число распространенных методологических разработок, посвященных проблемам деятельности, сознания, общения, личности, развития, написаны философами, но при этом адресованы именно психологам. Последним вменялось в обязанность особое видение своих задач в духе вполне уместного для конца XIX века вопроса «Кому и как разрабатывать психологию?». Ответ на него находится в поиске тех областей научного знания (философии, физиологии, теологии, социологии и т.д.), которые создавали бы психологическую науку. Конечно, поиск психологией в себе самой источников своего роста, «ветвлений», расцвета и зарождения новых теорий был бы абсолютно немыслим вне обращения психологов к специальным философским, культурологическим, естественно-научным и социологическим работам. Однако при всей значимости той поддержки, которую оказывают психологии непсихологические дисциплины, они не способны подменить собой труд самоопределения психологической мысли. Теоретическая психология отвечает на этот вызов: она формирует образ самой себя, вглядываясь в свое прошлое, настоящее и будущее.

Теоретическая психология не равна сумме психологических теорий. Подобно любому целому, она представляет собой нечто большее, чем собрание образующих ее частей. Различные теории и концепции в ее составе ведут диалог друг с другом, отражаются друг в друге, открывают в себе то общее и особенное, что роднит или отделяет их. Таким образом, перед нами – место «встречи» этих теорий.

До сих пор ни одна из общепсихологических теорий не могла заявить о себе в качестве теории действительно общей по отношению к совокупному психологическому знанию и условиям его обретения. Теоретическая психология изначально ориентирована на построение подобной системы научного знания в будущем. В то время как материалом для развития специальных психологических теорий и концепций служат факты, получаемые эмпирически и обобщаемые в понятия (первая ступень психологического познания), материалом для теоретической психологии являются сами эти теории и концепции (вторая ступень), возникающие в конкретных исторических условиях.

АНАНЬЄВ Борис Герасимович

Борис Герасимович Ананьєв народився 1 серпня 1907 року у Владикавказі. Б.Г. Ананьєв кандидат педагогічних наук, захистив докторську дисертацію, присвячену історії психології. У 1943 році. Б.Г. Ананьєв очолив утворену в Ленінградському державному університеті кафедру психології. У 1967 р. став деканом уже факультету психології. За його ініціативою при ЛДУ був відкритий Інститут комплексних соціальних досліджень, а також лабораторія диференціальної антропології і психології. Він організував таку нову форму навчання студентів, як творчі зустрічі з відомими вченими (на факультет в ЛДУ приїжджали А.А. Смірнов, О.М. Леонтьєв, А.Р. Лурія, П.Я. Гальперін та інші учені з Києва і Тбілісі).

Основні праці: «Психологія чуттєвого пізнання», «Теорія почуттів» «Людина як предмет пізнання», «Особистість, суб'єкт діяльності, індивідуальність».

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. / Борис Герасимович Ананьев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – С. 13 – 42.

МЕСТО ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ НАУК

Для развития современной науки, как известно, характерно совмещение двух противоположных тенденций – все более возрастающей дифференциации и все более мощной интеграции различных наук. Возникновение в последние десятилетия специальных дисциплин объясняется, конечно, растущей дифференциацией и прогрессом аналитических методов науки. Однако в области человекознания эта тенденция теснейшим образом переплетается с синтетическими подходами к реальному целостному или сложному видам человеческой деятельности. Поэтому специализация знания в этой области чаще всего сочетается с комплексным объединением отдельных частных учений в общую теорию того или иного образования, свойства или вида человеческой деятельности.

Выдвижение проблемы человека в качества общей проблемы всей современной науки коренным образом изменяет положение психологии в системе наук, поскольку именно психология становится орудием связи между всеми областями познания человека, средством объединения различных разделов естествознания и общественных наук в новом синтетическом человекознании. Однако интеграция этих наук, сочетающаяся с дальнейшим развитием их специализации, определяется прежде всего прогрессом философского учения о человеке.

Потребность в едином фундаментальном учении о человеке остро ощущается в различных областях общественной практики. Стремление преодолеть частичность и односторонность в практической работе с людьми, связать воедино различные виды этой работы становится все более характерным для жизни нашего общества.

Оптимизация производства в современных условиях связана с оптимизацией управления и рациональной организацией труда. Проблемы

научной организации труда решаются на всех уровнях хозяйства и управления. В подавляющем большинстве эти проблемы касаются человеческих факторов производства. Эти факторы особенно важны для структуры потребления, являющегося своего рода обратной связью для производства. Организация обслуживания в соответствии со структурой потребностей человека и требованиями современности имеет огромное значение для общей системы управления экономической жизнью общества.

<...>

В сфере человекознания, как показал опыт последних десятилетий, все больше открывается глубина непознанного, недостаточность нашего знания исторической природы человека и гигантского потенциала этой природы. Поэтому *создание новых дисциплин и междисциплинарных связей между науками о человеке следует расценивать как новый подступ к фронтальному наступлению науки на не познанные еще явления и законы человеческого развития, как важнейший момент, предшествующий великим открытиям в этой области.*

Понимание перспектив и стратегий исследований в области человекознания, неразрывно связанное с отчетливым осознанием неразрешенности ряда ее проблем, основывается на фундаменте накопленных научных данных и относительном решении других проблем. Такое понимание есть вместе с тем убеждение в принципиальной познаваемости законов человеческого развития, сущности человека, исключаящее всякую возможность агностицизма, вновь распространившегося в современной идеалистической философии, особенно в экзистенциализме.

Различные концепции экзистенциализма используют нерешенность ряда проблем человекознания или крайнюю сложность их решения в качестве аргумента принципиальной непознаваемости человеческой сущности и, особенно, как это было во все времена идеалистической философии, внутреннего мира человека. В этом плане представляется весьма уместным критическое замечание Т.И. Ойзермана по поводу мистификации проблемы человека экзистенциализмом, «исходным положением которого является утверждение, что история общества, совокупный человеческий опыт, развитие наук о человеке не только не приблизило нас к познанию человека, но, напротив, все более удаляет нас от этой цели. Именно в этом смысле следует понимать следующие изречения Г. Марселя: “Хотя мы все более и более узнаем о человеке, его сущность, по-видимому, все менее и менее для нас ясна. Я даже склоняюсь к тому, чтобы поставить вопрос так: не делает ли нас в конечном счете слепыми именно это обилие знаний о частостях?”. Итак, экзистенциализм выступает как учение о принципиально, якобы, непознаваемой (все более непонятной, непостижимой) сущности человека». В другой своей критической работе – «Философия кризиса и кризис философии» Т.И. Ойзерман вновь подчеркивает эту агностическую позицию

экзистенциализма. Он пишет: «Экзистенциализм объявляет предметом своего исследования человека, но вместе с тем считает, что человек непознаваем, многообразные знания о человеке, по мнению экзистенциалистов, все далее уводят нас от понимания человека».

Спекуляция на трудностях познания и непознанныости отдельных сторон и законов человеческого развития составляет важный момент агностицизма, который, конечно, нельзя преодолеть декларативным провозглашением решёнными всех основных проблем человекознания и познаваемости законов человеческого развития. Между тем в критике современного экзистенциализма со стороны некоторых философов-марксистов подчас проскальзывают подобные декларативные утверждения, порождающие иллюзии решения нерешенных проблем и нередко сводящие всю совокупность наук, необходимую для их решения, лишь к социологии. <...>

Многообразие подходов современной науки к изучению человека, отмеченное выше, не является, конечно, только следствием все большего расчленения теоретической мысли. Это многообразие подходов есть отражение многообразия самих феноменов человека, выступающего как вид *Homo sapiens* и индивид, как человечество в его историческом существовании и личность, как субъект и индивидуальность.

Между всеми этими характеристиками человека существуют многообразные взаимосвязи, относящиеся к разным классам зависимостей (структурных, функциональных, причинно-следственных и др.), объединяющих общество и природу. Познание этих взаимосвязей – необходимое условие практического овладения управлением человеческим развитием. Философское обобщение разнородных научных знаний о взаимосвязях общественного и индивидуального развития человека является одним из важнейших путей построения общей теории человекознания. Комплексное изучение и решение крупных проблем общественного развития (например, повышения производительности труда и технического прогресса, построения оптимальных режимов воспитания и т. д.) должны основываться на известной общей теории связей между отдельными характеристиками этого развития.

По мере увеличения числа специальных дисциплин и аспектов в том или ином исследовательском комплексе потребность в общей теории становится все более настоятельной. Это достаточно ясно обнаруживается при анализе современного состояния проблем, связанных с техническим прогрессом и новыми взаимоотношениями между человеком и машиной.

В современных условиях автоматизации производства качественно изменяются соотношения между человеком и машиной. Вместе с развитием техники автоматического регулирования и дистанционного управления машинами все большее значение приобретает оператор, связанный цепью звеньев с другими, автоматическими звеньями системы управления. При изучении этих взаимосвязей между человеком и

машинами в одной системе управления необходимо использовать количественные методы новейшей теории информации и общие законы управления и регулирования, составляющие предмет кибернетики. В этом изучении принимают участие, конечно, не только математики, физики и специалисты по теории автоматического регулирования, но и специалисты в области антропологических наук (психологии, психофизиологии, физиологии человека, гигиены труда и т. д.). Общим языком для них все больше становится язык кибернетики и теории информации, с помощью которого можно в допустимых пределах найти общее в работе человека и автомата как управляющих систем или своеобразных кибернетических машин, определить эффективные условия передачи информации от человека к машине и от машины к человеку, оптимальные характеристики управления и регулирования во всей системе управления машинами, включающей человека и автоматические устройства. Специальные задачи именно в этой области решает инженерная психология путем сравнительного изучения особенностей информационных процессов, обработки и сохранения информации, структуры регулирующих действий и т. д.

Положительное значение опыта моделирования и изучения человека с «инженерной» точки зрения в теоретическом отношении заключается в возможности более глубоко проникнуть в одну из закономерностей общественного развития естественной природы человека. Современная автоматика является новым проявлением этой закономерности социально-исторического опосредования природных свойств человека.

Известно, что благодаря материальному производству, особенно производству средств производства, общество вооружает человека самыми разнообразными техническими средствами, бесконечно «усиливающими» естественные органы человеческого тела, а подчас и создающими новые подвижные функциональные системы или «функциональные органы», т. е. орудия в самом широком смысле слова. С помощью таких технических средств человек воздействует на окружающую природу, изменяет ее, а в процессе ее изменения преобразует и собственную природу. <...>

Последнее замечание относится к предложенной Б.М. Кедровым классификации наук, которую Ж. Пиаже оценил весьма высоко за ее нелинейный характер и правильное, в общем, решение вопроса о месте психологии в системе наук: «...она представляет большой интерес для психологии, которая занимает в этой классификации центральное место. Классификационная схема, предложенная Б. Кедровым, представляет собой треугольник, вершину которого составляют естественные науки, нижний правый угол – философские и нижний левый угол – общественные науки; психология расположена в самом центре треугольника» (Б.М. Кедров. 1961).

Можно присоединиться к этой характеристике и со своей стороны отметить крупный вклад Б.М. Кедрова в теорию познания и специальное

учение о классификации наук (Б.М. Кедров, 1962). Он первым из современных философов-марксистов рассмотрел структуру научного познания в целом, руководствуясь объективными критериями классификации форм движущейся материи, и продолжил, таким образом, работу, начатую Ф. Энгельсом. Поэтому особенно важно, что Б.М. Кедров в сложной структуре современной науки столь верно определил место психологии, а тем самым и ближайшее будущее ее междисциплинарных связей.

Об этом же в 1967 г. писал академик Ф.В. Константинов: «...психология – находясь ровно посередине между естествознанием и обществоведением – является среди конкретных наук главным связующим звеном между естественными и общественными науками» (Константинов, 1967).

Ж. Пиаже в своей трехмерной классификации выделил эпистемологический критерий связи, который относится к человеку как к субъекту. Впрочем, в известном смысле, Пиаже отождествляет понятия «субъект» и «организм» с его системой саморегулирования и активными действиями именно потому, что организм в целом рассматривается как субъект. Остальные определения и характеристики, особенно человека как личности, им не принимались во внимание, так как в человеке Ж. Пиаже прежде всего усматривает высшую степень психического развития, интересующего его как биолога и психолога.

Рассмотрим теперь положение человекознания в классификационной схеме Б.М. Кедрова, которая представляет тем больший интерес, что предложена философом.

Рассмотрим основу («скелет») общей классификации наук, в которой принят принцип соответствия наук объектам. Слева на этой схеме представлены объекты, справа – науки. К объектам относятся: природа (неорганическая и органическая) и человек. Как видим, уже в классификации объектов познания Б.М. Кедров выделяет человека как фундаментальный предмет познания. Однако понимание этого объекта скорее социологическое, характеризующее человека как объект познания. Б.М. Кедрову принадлежит следующее определение: «Человек, т. е. общество и мышление (человеческие)». Проблема человека, как видим, исследуется в группе социальных, философских и гуманитарных наук. Приведем классификационную схему (Б.М. Кедров. Наука. Философская энциклопедия, т. III, стр. 581) полностью (рис. 1).

Жирными линиями на схеме обозначены связи 1-го порядка – между тремя главными разделами науки. Пунктирными линиями обозначены связи 2-го порядка – между науками, которые располагаются на стыке главных, но не входят целиком ни в одну из них (технические науки в широком понимании, включая сельское хозяйство и медицинские науки). Что касается психологии, то Б.М. Кедров пишет следующее: «Между всеми тремя главными разделами стоит психология в качестве самостоятельной науки, изучающей психическую деятельность человека с

естественноисторической стороны (отсюда ее связь с физиологией высшей нервной деятельности, т. е. отраслью естествознания) и с социальной стороны (отсюда ее связь, в частности, с педагогикой как отраслью общественной науки). Но еще теснее ее связь с логикой (наукой о мышлении как частью философии)».

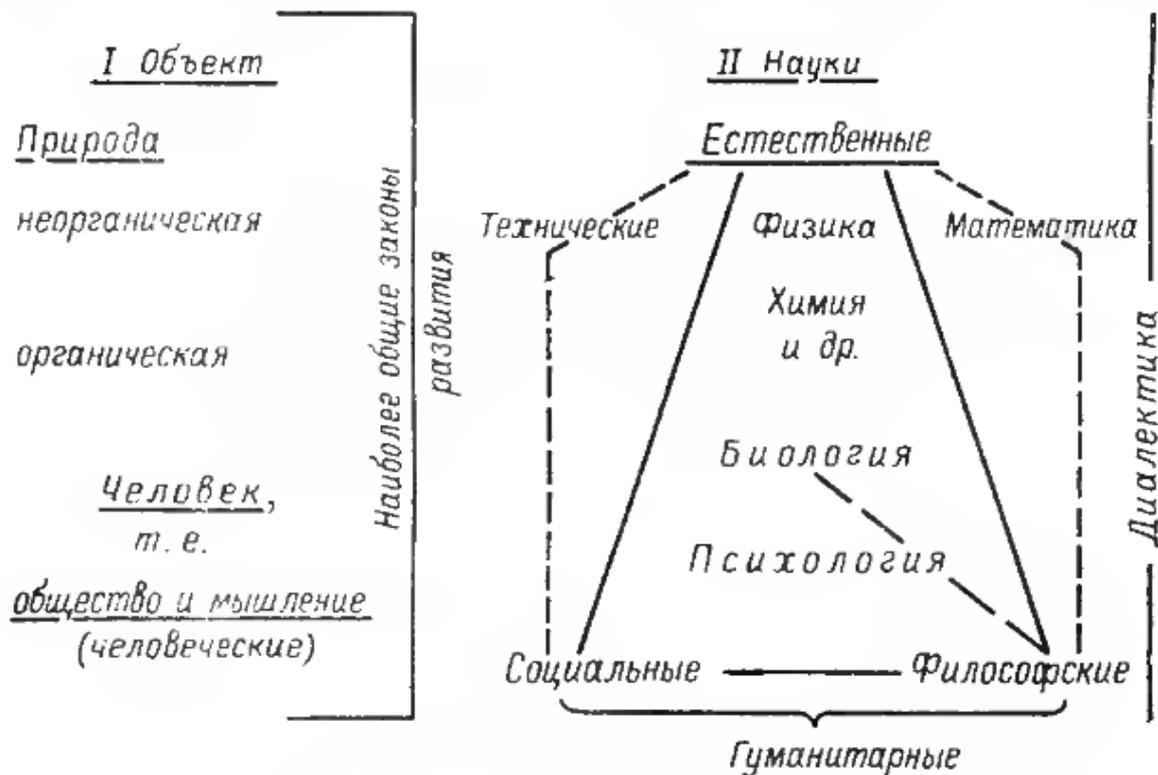

Рис. 1. Схема классификации наук по Кедрову

Таким образом, психология как наука о психической деятельности человека находится между тремя главными разделами, что вполне согласуется с ранее изложенными нами соображениями о положении нашей науки. Однако в данный момент интересен более общий вопрос о положении всей проблемы человека в современной науке. Рассмотрим в связи с этим один из возможных вариантов перехода от разветвленной к однолинейной классификации наук (по Б.М. Кедрову):

Философские науки

Диалектика
Логика

Математические науки

Математическая логика
Математика и практическая математика, включая кибернетику

Естественные и технические науки

Механика и прикладная механика
Астрономия и космонавтика
Астрофизика

Физика и техническая физика
Химическая физика
Физическая химия
Химия и химико-технические науки с металлургией и горное дело
Геохимия
Геология
География
Биохимия и сельскохозяйственные науки
Биология
Физиология человека и медицинские науки
Антропология

Социальные науки

История
Археология
Этнография
Экономическая география
Социально-экономическая статистика
Науки о базисе и надстройках: политическая экономия,
науки о государстве и праве, история искусства и искусствоведение
и т. д.
Языкознание
Психология и педагогическая наука и другие науки

В этой схеме науки о человеке представлены в биологическом цикле (физиология человека, антропология и их приложения в медицинских дисциплинах), в социальных науках и психологии (с их применением в педагогических науках). По сравнению с нелинейной классификацией в этой схеме проблема человека представлена более полно и охватывает не только социальные, но и естественные науки во многих разделах. Однако в рассматриваемой классификации функции естествознания представляются крайне аморфными и второстепенными по сравнению с социальными науками как науками о человеке, поскольку понятие «человек» идентифицируется с понятиями «общество и мышление». Между тем значение естествознания в современной системе наук о человеке не уменьшается, а возрастает, так как в изучение человека все более успешно включаются многие точные и естественные науки с их техническими приложениями.

Особая сложность классификации наук о человеке в современных условиях заключается в том, что проблема человека как общая проблема всей науки охватывает почти все разделы знаний, поэтому она не может быть локализована в определенной области системы наук в той мере, в какой это было возможно еще полвека назад. Вместе с тем своеобразная антропологизация и гуманизация многих областей знаний, впервые подступающих к исследованию человека, характеризуют явление генерализации антропологических подходов во всей системе наук.

Классификация наук о человеке в шестидесятых годах XX в. становится своего рода дублером общей классификации наук.

Становление системы человекознания – новое явление в научном развитии. Классификация наук о человеке должна отражать объективные тенденции и пути этого становления, ориентируясь на те стержневые проблемы человекознания, которые служат естественными центрами междисциплинарных связей. Вопрос об этих связях нельзя решать безотносительно к объективному ходу становления системы человекознания, охватывающей почти всю систему современной науки. В постановке вопроса о междисциплинарных связях у Ж. Пиаже, как мы видим, определяющим началом было стремление объединить разные науки по одному из параметров научного знания – генетическому пониманию самого знания в духе генетической эпистемологии и разрабатываемой им детской психологии. О системе человекознания в целом и междисциплинарных связях внутри этой системы. <...>

Ж. Пиаже и не ставит вопроса, хотя по отношению к генетической психологии им был охвачен довольно широкий круг таких связей.

Иначе обстоит дело с американским научным движением в пользу междисциплинарных связей, поскольку, по определению Джона Гиллина, оно направлено на создание междисциплинарных интегрированных наук о социальном человеке. Однако весь замысел этого движения заключается в сведении к общим началам и направлениям (конвергенции) трех наук: антропологии, психологии и социологии (D. Gillin (Ed.), 1954). Конечно, известный шаг вперед по сравнению с взаимообособленностью этих наук имеется и в этом движении, однако речь, как видим, не идет о создании системы человекознания. К тому же междисциплинарные связи в таком толковании ограничиваются утилитарными задачами взаимосогласования, устранения дублирования, заимствования идей и т. д. с помощью интегрированной социальной науки. Все это, несмотря на кажущуюся значительность замысла, на самом деле есть глубокий провинциализм теоретической мысли, противостоящий действительно грандиозному процессу становления современной системы человекознания с множеством междисциплинарных связей.

СТРУКТУРА МЕТОДОЛОГІЧНОГО ЗНАННЯ

ЮДІН ЕРІК ГРИГОРОВИЧ

Ерік Григорівич Юдін народився 14 лютого 1930 року в Дніпропетровську. Здобув вищу юридичну освіту в Московському юридичному інституті, потім закінчив аспірантуру по кафедрі філософії Московського міського педагогічного інституту імені В.П. Потемкіна. Після захисту дисертації (1955) працював у Томському університеті. У 1956 піддався політичним репресіям; звільнився з ув'язнення в 1960 році. Протягом років працював старшим науковим редактором видавництва «Радянська енциклопедія». Один з ініціаторів розробки системного підходу, а також видання щорічника «Системні дослідження».

Е.Г. Юдін засновник наукової школи «Філософія і методологія системних досліджень». Основними науковими інтересами Юдіна були: природа і особливості сучасного методологічного знання як специфічного типу рефлексії над наукою; системний підхід; категорія діяльності, що оригінально розуміється ним, у філософії і науці. Ці ідеї розкриті в таких роботах: «Системний підхід і принцип діяльності: методологічні проблеми сучасної науки», «Методологія науки. Системність. Діяльність» та ін.

Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Эрик Григорьевич Юдин. – М.: УРСС, 1997. – С. 36 – 55.

МЕТОДОЛОГИЯ И ЕЕ ФУНКЦИИ

Какие бы определения ни давались науке в целом, в них всегда так или иначе содержится указание на то, что наука представляет собой форму теоретического сознания. Тем самым принимается, что она принадлежит к определенному уровню организации знания. Одной из наиболее существенных имманентных черт этого уровня можно считать рефлексию – стремление не просто к воспроизведению, отображению в знании реальности, но к сознательному контролю за ходом, формами, условиями и основаниями процесса познания. Поэтому наука, именно в силу своей теоретичности, немислима вне постоянно углубляющейся самокритики, а развитие научного познания выступает не только как накопление положительных знаний, но и как развитие самосознания науки.

Если результативная сторона научного прогресса выражается прежде всего в экстенсивных характеристиках (грубо говоря, в том, что расширяется сфера познанного), то продуктом развития рефлексии над наукой является все более глубокое проникновение в «механику» процесса познания, все более систематическое выявление его внутренних и внешних детерминант. Конечно, эти два процесса органически взаимообусловлены и неотделимы один от другого, однако это не исключает возможности их относительно изолированного рассмотрения. Такое рассмотрение тем более необходимо применительно к рефлексии над наукой, что превращение науки в предмет

систематического изучения совершенно естественно привело к заметному умножению многообразия форм самосознания науки. Формы эти столь разнородны, что возникает потребность в их систематизации и «инвентаризации».

Вплоть до начала XX в. рефлексия по поводу науки характеризовалась двумя важными специфическими моментами: во-первых, ее осуществление (как и вообще анализ познания) считалось исключительной прерогативой философии; во-вторых, рефлексия была внутренней по отношению к науке, имела своим предметом собственно процесс научного познания, и, следовательно, ее с полным основанием можно было бы аттестовать как методологическую рефлексию *par excellence*.

В наши дни оба эти момента выглядят совсем не так. С одной стороны, философия утратила прежнюю монополию на изучение познания и оказалась вынужденной поделить этот предмет с целым рядом других дисциплин (среди них наибольшее развитие получило науковедение, поскольку оно, помимо всего прочего, стремится осуществить синтез различных подходов к анализу науки и ее развития). С другой стороны, существенно расширилась и сфера рефлексии над наукой. В принципиальном плане самым значительным является здесь тот факт, что наряду с углублением и дифференциацией внутренней, специфической рефлексии, чрезвычайно быстро растет другая ее форма – внешняя, «неспецифическая» рефлексия, имеющая своим предметом не процесс познания как таковой, а его условия и социальные результаты. Вокруг этих двух форм группируются практически все существующие в настоящее время изображения науки. <...>

1. Изменение типа внутринаучной рефлексии

Первый тип рефлексии, практически безраздельно господствовавший на протяжении всего классического периода развития науки, характеризуется направленностью на объект познания. Самосознание науки движется вокруг связки «знание – объект», а субъект познания, поскольку он привлекается к анализу, рассматривается лишь в качестве посредника между объектом и знанием. Пользуясь удачным термином, предложенным П.П. Гайденом, этот тип рефлексии можно назвать *онтологизмом* (*подчеркн. сост.*). Характерным моментом онтологизма является однозначная трактовка отношения объекта и знания, восходящая к аристотелевской концепции истины как *adaequatio intellectus ad rem*. В соответствии с этим при анализе научного знания принимается в расчет только его объективное содержание. Предполагается, что каждому определенному объекту соответствует вполне определенное знание (типологически единственное). Процесс получения знания рассматривается непосредственно как движение по пути к объективной истине. Поэтому целью рефлексии является контроль за истинностью движения исследовательской мысли и нахождение тех последних оснований в объекте, обращение к которым дает единственную истину. <...>

3. Изменение схем объяснения в научном познании

Изменение типа внутринаучной рефлексии имеет в качестве одного из своих последствий и изменение схем объяснения, на которые ориентируется научное познание. Под схемой объяснения в данном случае понимается способ организации концептуального аппарата, задающий общую стратегию исследования.

В классической науке, в силу уже охарактеризованных особенностей ее строя, господствующим было аналитическое (элементаристское), сущностно-онтологическое объяснение. Оно строилось как сведение всей изучаемой реальности к единой субстанциональной первооснове. Иначе говоря, задача познания заключалась в том, чтобы отыскать реальную вещь, субстанцию, «ответственную» за специфику данной сферы реальности и обязательно элементарную. В первый период развития новоевропейской науки такой способ объяснения выступал в наивно онтологической форме (типа поисков теплорода и т. п. субстанций, генерирующих соответствующие качества объектов), подвергнутой впоследствии многочисленным осмеяниям. И в самом деле, современному изощренному методологическому уму кажется просто невероятным, как это можно было упорно доискиваться до фундаментальных «сил», не отдавая себе отчета в том, что сами эти «силы», субстанции, исходные элементы непременно должны обладать каким-то внутренним строением, т. е. быть далеко не элементарными.

Но все же осмеяния здесь были не вполне уместны. Во-первых, поиск первоначал – существенная черта всякого теоретического мышления, его важный стратегический ориентир. Можно согласиться с академиком М.А. Марковым относительно того, что «идея первоначал как основа и мотив определенного подхода к анализу материального мира всегда являлась и является продуктивной». И если в наше время такого рода идея не находит широкого отклика, то это следует объяснить, видимо, спецификой современного этапа организации и развития научного знания, когда существенно трансформируется само понимание первоначал, а единство познания достигается при помощи иных методологических средств. Однако это вовсе не значит, что в будущем интерес к поиску первоначал не возродится с новой силой, но, конечно, и в новых формах.

Во-вторых, сущностно-онтологическое объяснение применялось не только у колыбели науки или в натурфилософских системах XVII-XVIII вв. К нему прибегали и в гораздо более поздние эпохи. Достаточно сослаться на первоначальную трактовку гена при объяснении наследственности, на понимание деятельности как субстанции культуры и т. п., не говоря уже о концепциях «жизненной силы», «духа народа» и многих других, аналогичных им по способу построения, т. е. опять-таки по схеме объяснения.

Современное познание, по крайней мере в некоторых своих отраслях, отказывается или уже отказалось от сущностно-онтологического объяснения. Этот процесс начался уже в конце XIX в. и тогда же получил отражение в философии. В частности, позитивистски ориентированные направления подвергли резкой критике само понятие субстанции и основанное на нем мышление. Эта критика, однако, в подавляющем

большинстве случаев содержала в себе слишком мало конструктивного. Значительно более глубокими и содержательными оказались соображения неокантианцев, особенно Э. Кассирера, который выдвинул идею теории познания, основанной на понятиях функции и отношения, и тем самым в значительной мере предвосхитил действительную перестройку схем объяснения в научном познании.

Сущность такой перестройки составил переход от субстанциальности к объяснениям, опирающимся на различного рода универсально-абстрактные конструкции. Типологически подобные конструкции можно разделить на три вида. В первом из них отыскивается универсальное свойство, во втором – универсальное отношение, а в третьем – универсальный механизм преобразования. Примером конструкций первого вида могут служить объяснения, основанные на понятии информации: в объектах или процессах определенного рода отыскиваются информационные свойства, благодаря чему задается не только стратегия исследования, но также в значительной мере его содержание, и даже исследовательский аппарат. Универсальное отношение, выступающее в роли объяснительного принципа, хорошо иллюстрируется схемой «стимул – реакция», которая сыграла выдающуюся роль в развитии физиологии, а позднее составила основу психологических исследований бихевиористского направления. Наконец, поиску универсального механизма посвящена, в сущности, вся тектология А.А. Богданова, основное содержание которой составляют тектологические схемы возникновения и распада структур на базе подбора. Возможны, конечно, и комбинации этих трех схем . <...>

Таким образом, сдвиги в формах движения научной мысли, начавшиеся еще в XIX в., в большей или меньшей степени затронули фактически все компоненты структуры познавательной деятельности. Используя тезис Т. Куна о смене парадигм научного мышления, можно сказать, что на рубеже XIX-XX вв. парадигма классической науки уступила место новой парадигме. Понятно, что новая (как, впрочем, и предшествующая) парадигма не выступает в виде жестко фиксированной системы правил мышления. Ее компонентами являются кратко рассмотренные нами сдвиги в структуре научного познания, а сами эти сдвиги находят суммарное конструктивное выражение в новых методологических направлениях, хотя, конечно, далеко не исчерпываются ими, утверждаясь в науке и в менее очевидных формах. Именно поэтому обстоятельный анализ новых методологических направлений представляет отнюдь не частный интерес, а способствует уяснению методологического строя всей современной науки. <...>

4. Природа методологического знания

Методология, трактуемая в широком смысле этого слова, есть учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности. В таком понимании методология образует необходимый компонент всякой деятельности, поскольку последняя становится предметом осознания, обучения и рационализации. Основной функцией методологического

знания является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта.

В современной литературе под методологией обычно понимают прежде всего методологию научного познания, т.е. учение о принципах построения, формах и способах научно-познавательной деятельности. Методология науки дает характеристику компонентов научного исследования – его объекта, предмета анализа, задачи исследования (или проблемы), совокупности исследовательских средств, необходимых для решения задачи данного типа, а также формирует представление о последовательности движения исследователя в процессе решения задачи.

Таким образом, вводя понятие методологии, мы фактически различаем два типа знания – знание о мире и знание о знании (или, точнее, о познании). Первое указывает на то, *что познается*, второе – *каким образом* достигается знание о мире. Однако, как мы увидим несколько позже, это различие не абсолютно, оно в очень большой степени является функциональным.

Зачатки методологических знаний обнаруживаются уже на ранних ступенях развития культуры. Так, в древнем Египте геометрия выступала в форме методологических предписаний, которые определяли последовательность осуществления измерительных процедур при разделе и перераспределении земельных площадей. Специальной разработкой проблемы условий, соблюдение которых необходимо для получения знания, начинает заниматься древнегреческая философия; наиболее значительный вклад в анализ этой проблемы внес Аристотель. Он рассматривал созданную им логическую систему как «органон», т. е. как универсальное орудие истинного познания. В целом, однако, вплоть до нового времени проблемы методологии не занимали самостоятельного места в системе знания и включались в контекст натурфилософских или логических рассуждений.

Родоначальником методологии в собственном смысле считают Ф. Бэкона. Одно из главных его произведений, «Новый органон», представляло собой попытку вооружить науку системой методов, которые позволяют кратчайшим путем достигать истины. Громадная заслуга Бэкона состояла в том, что он показал решающую роль метода в успехе познания: поскольку главное препятствие на пути к истине заключено не в предмете, а в употреблении ума человека, считал Бэкон, постольку нужно направить усилия прежде всего на отыскание такого метода, который позволит правильно ориентировать теоретическую и практическую деятельность человека, поднять ее эффективность. Для последующего развития методологии огромное значение имело также данное Ф. Бэконом обоснование индуктивного, эмпирического подхода к научному познанию.

С этого времени проблема метода становится одной из центральных в философии. Первоначально она целиком совпадает с вопросом об условиях достижения истины; при этом ее обсуждение сильно отягощено натурфилософскими представлениями. Опираясь на правильный сам по себе тезис о том, что к истинному знанию ведет лишь истинный метод, именно его и пытаются сразу отыскать многие философы нового времени.

КОРНИЛОВА Тетяна Василівна

Т.В. Корнілова народилася в 1954 році. Перші роки заняття науковою роботою пройшли під керівництвом проф. О.К. Тихомирова. Захистила кандидатську дисертацію з проблеми особливостей рішення розумових завдань із використанням комп'ютерних даних і в умовах спілкування з іншою людиною. У докторській дисертації «Психологічна регуляція інтелектуальних рішень» вона обґрунтувала цілісну психологічну концепцію функціонально-рівневої регуляції ухвалення інтелектуальних рішень. Нині – професор кафедри загальної психології факультету психології Московського державного університету імені М.В. Ломоносова.

Основні напрями досліджень присвячені обґрунтуванню напряму перетворення мислення в новій історичній ситуації (використання комп'ютерних засобів). Т.В. Корнілова уперше з'єднала проблематику смислової регуляції мислення і досліджень ухвалення рішень. Основні роботи: навчальний посібник спільно з С.Д. Смирновим «Експериментальна психологія. Практикум», «Методологічні основи психології» (з С.Д. Смирновим), «Діагностика мотивації і готовності до ризику».

СМИРНОВ Сергій Дмитрович

Народився 29 серпня 1941 р. в м. Слонім в Білорусії. Кандидатська дисертація виконана під керівництвом Ю.Б. Гиппенрейтер на тему: «Рівні регуляції стежачих рухів очей». Тема докторської дисертації: «Принцип активності в побудові і функціонуванні психічного образу». У цьому дослідженні виділені і описані структура і функціональні властивості «образу світу», виступаючого в ролі інтегрального утворення пізнавальної сфери особистості.

Завідувач кафедрою педагогіки, психології і методики викладання у вищій школі факультету психології МДУ, член Науково-методичної ради з психології, Комітету з вищої школи Російської Федерації. Підготував 3 кандидати наук, опублікував більше 50 наукових робіт, основні з них: «Методологічні питання психології» (у співавт. з В.П. Зінченко), «Психологія образу: проблема активності психічного відображення», «Педагогіка і психологія вищої освіти: від діяльності до особистості».

Корнілова Т.В. Методологические основы психологии. / Т.В. Корнілова, С.Д. Смирнов. – СПб.: Питер, 2006. – С. 11 – 26.

ПОНЯТИЕ МЕТОДА В УЗКОМ И ШИРОКОМ СМЫСЛЕ

В словарях и энциклопедиях обычно дается определение методологии как учения о методе, под которым, в свою очередь, понимается совокупность приемов, способов, регулятивных принципов познавательной деятельности¹, обеспечивающих ей «верный путь к цели», т. е. к объективному знанию. Соответствие, сообразность действия поставленной цели есть то исходное значение метода в широком смысле – как «пути к цели», которое нередко заслоняется пониманием его в качестве характеристики операциональной стороны действия (способ, прием и т. п.). Такое более широкое понимание метода можно найти, например, в «Философской энциклопедии», где он определяется как «форма практического и теоретического освоения действительности, исходящего из закономерностей движения изучаемого объекта».

Метод (в широком смысле) – путь познания, опирающийся на некоторую совокупность ранее полученных общих знаний (принципов).

Методология – учение о методах и принципах познания.

Можно выделить по крайней мере два понимания методологии, развиваемых: 1) как представленное при рефлексии теории познания понимание метода в указанном широком смысле и 2) как учение о системе методов (в узком смысле), посредством которых в рамках той или иной науки в ходе теоретического или теоретико-эмпирического исследования проверяется правдоподобие (или истинность) теории (или теоретической гипотезы).

Таким образом, в методологии психологии должно присутствовать как общефилософское представление о методе и связи его с принципами познания, так и более детально разрабатываемое в методологии науки (или в науковедении) понимание методов как системы исследовательских способов отношения к познаваемой действительности.

Метод (в узком смысле слова) представляет собой реализацию определенного познавательного отношения к изучаемой действительности, направляющего организацию исследования и предполагающего использование соответствующих приемов и процедур исследования.

Так, «пассивный» метод наблюдения отличается от экспериментального метода как «активного» тем, что при втором методе для проверки каузальных гипотез реализуется активное отношение – посредством вмешательства в изучаемые реалии. В психологии второе понимание методологии предполагает выделение системы методов, направленных на достижение цели познания (и реконструкций) психологической реальности. Однако вернемся к первому из названных выше пониманий метода.

В общей методологии науки принимается положение, что метод находится в неразрывном единстве с теорией: любая система объективного знания может стать методом. По существу метод – это сама удостоверенная практикой теория, обращенная к практике же исследования; любой закон науки, будучи познанным, выступает и как принцип, и как метод познания. В этом смысле правомерно говорить о методе как теории в действии.

Поскольку метод связан с использованием предварительных знаний, методология может подразделяться на две части: учение об исходных основах (принципах) познания и учение о способах и приемах исследования, опирающихся на эти основы.

В учении об исходных основах познания анализируются и оцениваются те философские представления и взгляды, на которые исследователь опирается в процессе познания. Следовательно, эта часть методологии непосредственно связана с философией, с мировоззрением, априорным принятием некоторых посылок. В учении о способах и приемах исследования рассматриваются общие стороны частных методов познания, составляющих общую методику исследования.

В этом определении сняты крайности понимания методологии как исключительно философско-мировоззренческого основания познания или только как набора технических средств, приемов, процедур исследования. Вторая из названных точек зрения свойственна ученым и философам позитивистских ориентаций, которые отрицают важную роль мировоззрения в познании.

Итак, говоря о методологии, мы имеем в виду особую форму рефлексии, самосознания науки (особый род знания о научном знании), включающую в себя анализ предпосылок и оснований научного познания (прежде всего философско-мировоззренческих), методов, способов организации познавательной деятельности; выявление внешних и внутренних детерминант процесса познания, его структуры; критическую оценку получаемых наукой знаний, определение исторически конкретных границ научного познания при данном способе его организации (Юдин, 1978). Применительно к конкретной науке методологический анализ включает также ответы на вопросы о предмете науки, в том числе о критериях, отграничивающих ее предмет от предмета смежных с ней наук; об основных методах данной науки, о строении ее концептуального аппарата. К методологии относятся также анализ используемых в науке объяснительных принципов, ее связей с другими науками, критическая оценка получаемых результатов, общая оценка уровня и перспектив развития данной науки, и ряд других вопросов.

Прежде чем рассмотреть строение и функции методологии в научном познании, необходимо обсудить соотношение понятия методологии с близкими ему понятиями рефлексии, философии, мировоззрения, науковедения.

Соотношение понятий

«наука», «философия» и «мировоззрение»

Вопросы соотношения философии и науки, их специфика широко обсуждаются в современной философской литературе. В западной философии существуют две тенденции в решении вопроса о соотношении философии и науки. С одной стороны, такие иррационалистические концепции, как экзистенциализм, философия жизни, философская антропология, полностью отвергают значение науки для формирования философского мировоззрения и даже рассматривают ее как враждебную человеку силу. С другой стороны, неопозитивизм (прежде всего сциентизм) признает собственно научное познание высшей культурной ценностью, способной без других форм общественного сознания обеспечить ориентацию человека в мире. Согласно второй точке зрения, философия должна отбросить мировоззренческие аспекты и ценностные подходы, выступая при этом лишь в функции логики и методологии науки. И в том и в другом случае отрицается внутренняя взаимосвязь, растущая заинтересованность науки и мировоззрения друг в друге.

Фундаментальная особенность, которая отличает философское знание от всех других видов знания, состоит в том, что «философия специфически теоретическими средствами (и это обстоятельство определяет ее глубокую общность с наукой) выполняет мировоззренческую функцию» (Юдин, 1978).

Из приведенных высказываний видно, что главный вопрос, который встает при рассмотрении соотношения философии и науки, касается мировоззренческих аспектов философского и конкретно-научного знания, поскольку последнее также несет высокую мировоззренческую нагрузку. Вопреки имевшейся ранее тенденции отождествлять философию и мировоззрение в философской литературе все более последовательно проводится различие философии и мировоззрения. Это различие следует из определения мировоззрения, данного в «Философской энциклопедии».

Мировоззрение – обобщенная система взглядов человека на мир в целом, на свое собственное место в нем, понимание и эмоциональная оценка человеком смысла его деятельности и судеб человечества, совокупность научных, философских, политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических убеждений и идеалов людей.

Отношение человека к миру бесконечно разнообразно. Это и обуславливает различные аспекты осознания человеком себя в мире, различные грани единого мировоззрения. Именно отношение человека к миру составляет специфику мировоззрения в отличие от других систем знания, т. е. оно включает в себя не просто знание о мире самом по себе и не просто о человеке безотносительно к миру. Основной мировоззренческий вопрос – это и есть вопрос о том, каково отношение человека к объективной реальности и в каком отношении она находится к человеку. Любой другой вопрос является мировоззренческим постольку, поскольку он связан с отношением такого рода, является конкретизацией основного вопроса философии. В то же время без знания двух соотносимых миров любой разговор об их отношении становится бессодержательным.

Из сказанного ясно, что мировоззренческий аспект может иметь любое знание, в том числе и конкретно-научное. <...>

Данные науки, благодаря своей объективности и прямому влиянию на образ жизни людей, начинают приобретать все большую мировоззренческую силу, несмотря на происходящий время от времени всплеск интереса к иррационалистическим концепциям. В той или иной мере экспликация мировоззренческого потенциала научного знания осуществляется в рамках самой науки, особенно отчетливо и даже с необходимостью она должна присутствовать в общественных и гуманитарных науках, но только философия является непосредственно и собственно мировоззренческой наукой, специальной задачей которой является анализ совокупного содержания мировоззрения, раскрытие его общей основы и изложение его в виде обобщенной логической системы. Осуществляя эту задачу, она, тем самым, выступает как основа мировоззрения, как наиболее

концентрированное и обобщенное, теоретически оформленное выражение мировоззрения.

Философия образует сердцевину мировоззренческой системы, является теоретической формой мировоззрения, его общеметодологическим ядром.

Итак, мировоззрение включает в себя не только общефилософские, но и частные положения, в том числе формулируемые частными науками. Более того, и это особенно важно подчеркнуть для психолога, мировоззрение опирается на всю духовную культуру и впитывает в себя, синтезирует в себе отражение всех форм и аспектов общественного бытия сквозь призму основного мировоззренческого вопроса об отношении человека к миру.

Философия – высший уровень сознательно отрефлексированного и теоретически оформленного мировоззрения, изложенного в систематической форме.

При этом те или иные исторически сложившиеся формы мировоззрения могут не иметь философски оформленного завершения. Мировоззрение и его теоретическое ядро – философия, выполняя общеметодологическую функцию в психологическом исследовании, вносят большой вклад в обеспечение объективности и научности получаемых в нем результатов.

Рассмотрев кратко вопрос о соотношении мировоззрения и философии и определив философию как теоретическую форму мировоззрения, необходимо отметить, что философия вскрывает и наиболее общие законы развития природы и общества. При этом философия опирается не только на науку, но и на всю совокупность духовной культуры; она использует свои специфические методы, не сводящиеся к специально-научным методам исследования (пример такого метода – рефлексия).

Принципиальное отличие философии от любой науки сводится к различию самих объектов частных наук и философии. Философия имеет своим специфическим объектом не просто действительность, освоенную в других формах сознания; она сопоставляет тип ориентации, задаваемый наукой, и все иные типы ориентации. Потому философия и является самосознанием культуры и еще шире – эпохи в целом, а не одной только науки. Философия как теоретически оформленное мировоззрение опирается на всю совокупность общественной практики, в которой наука является лишь одной из форм кристаллизации человеческого опыта. Именно ассимиляция философией всего богатства человеческого опыта позволяет ей задавать ориентиры самой науке и даже часто выполнять содержательно эвристическую функцию. Нелишне вспомнить, как часто наука «переоткрывала» на конкретном материале те истины, которые были известны философии в виде более абстрактных формулировок на столетия раньше, какую роль сыграло знание философии при совершении научных открытий в области такой точной науки, как физика (А. Эйнштейн, Н. Бор). <...>

Виды и формы рефлексии научного знания

Рефлексия – один из видов и даже методов познания, главной особенностью которого является направленность на само знание, на процесс его получения.

Можно сказать, что рефлексия является самопознанием коллективного или индивидуального субъекта. В первом случае рефлексия осуществляется над объективированными формами знания и ее условно можно назвать объективной, а во втором случае – над знанием, неотделимым от индивидуального субъекта, и она является субъективной по своей форме. Примером рефлексии над объективированным знанием является рефлексия над наукой, а примером субъективной рефлексии может служить самонаблюдение как прием познания индивидом своих собственных психических процессов.

Рефлексия представляет собой единство отражения и преобразования объекта; применение ее в исследовании приводит к творческой переделке самого изучаемого предмета. «В результате рефлексии ее объект – система знаний – не только ставится в новые отношения, но достраивается и перестраивается, т. е. становится иным, чем он был до процесса рефлексии. <...>

Столь необычное отношение между познанием и изменением объекта объясняется тем, что мы имеем в данном случае дело не с таким предметом, который существует независимо от познания и сознания, а с познавательным воспроизведением самого познания и сознания, т. е. с обращением познания на самого себя» (Лекторский, 1980). <...>

Исключительно важно понять, что всякий раз, когда отодвигаются рамки неявного, неререфлексируемого знания за счет рефлексии, неизбежно возникают новые неявные допущения, имплицитно присутствующие предпосылки. Следовательно, всякая рефлексия одновременно порождает новое неявное знание, что служит хорошей иллюстрацией диалектического характера любого акта познания. Это новое неявное знание, в свою очередь, может быть отрефлексировано и т. д. Но при этом всегда необходима некоторая «смысловая рамка», которая выполняет роль средства рефлексирования, а сама при этом не рефлексирована. Осмыслить ее можно лишь с помощью иной смысловой рамки, которая в новом контексте будет оставаться неререфлексируемой. Предел такого движения определяется теми познавательными или практическими задачами, которые необходимо решить с помощью нового знания.

Рефлексия является одной из наиболее существенных имманентных черт науки, как, впрочем, и всякого разумного действия индивида. Она предполагает не просто отображение в знании реальности, но и сознательный контроль за ходом и условиями процесса познания.

Само зарождение науки связано с переходом от дорефлективных представлений обыденного сознания к научным понятиям с помощью рефлексивных процедур. Выделение эмпирической и теоретической стадий

развития науки также включает в себя в качестве одного из критериев степень отрефлексированности, осознания познавательных средств.

Структура методологического знания (уровни и подходы)

<...> Если рассматривать структуру методологии науки «по вертикали», то можно выделить следующие ее уровни: 1) уровень философской методологии; 2) уровень конкретно-научной методологии; 3) уровень общенаучных принципов и форм исследования; 4) уровень методики и техники исследования. <...>

Философия выполняет двоякую методологическую роль: осуществляет конструктивную критику научного знания с точки зрения условий и границ его применения, адекватности его методологического фундамента и общих тенденций его развития; дает мировоззренческую интерпретацию результатов науки (в том числе и методологических результатов) с точки зрения той или иной картины мира.

Уровень общенаучных принципов и форм исследования получил широкое развитие в XX в., и этот факт предопределил выделение методологических исследований в самостоятельную область современного научного знания. К нему относятся:

- содержательные общенаучные концепции типа теоретической кибернетики как науки об управлении, концепции ноосферы В.И. Вернадского;
- универсальные концептуальные системы: тектология А.А. Богданова, общая теория систем Л. фон Берталанфи;
- собственно методологические или логико-методологические концепции: структурализм в языкознании и этнографии, структурно-функциональный анализ в социологии, системный анализ, логический анализ и др.

Они выполняют функцию логической организации и формализации специально-научного содержания. К концепциям последнего типа относится и ряд разделов математики.

Общенаучный характер концепций этого уровня методологического анализа отражает их междисциплинарную природу, т. е. они относительно безразличны к конкретным типам предметного содержания, поскольку направлены на выделение общих черт процесса научного познания в его развитых формах. Именно в этом состоит их методологическая функция по отношению к конкретно-научному знанию.

Следующий уровень – уровень конкретно-научной методологии – применим к ограниченному классу объектов и познавательных ситуаций, специфических для данной области знания. Обычно вытекающие из него рекомендации носят выраженный дисциплинарный характер. Разработку этого уровня методологического анализа осуществляют как методологи науки, так и теоретики соответствующих областей знания (второе, по-

видимому, встречается чаще). Можно сказать, что на этом уровне (иногда называемом частной, или специальной, методологией) определенный способ познания адаптируется для более узкой сферы знания. Но эта «адаптация» происходит отнюдь не механически и осуществляется не только за счет движения «сверху вниз», движение также должно идти от самого предмета данной науки.

Как правило, философско-методологические принципы не прямо соотносятся с принципами, формулируемыми на уровне специально-научной методологии, они прежде преломляются, конкретизируются на уровне общенаучных принципов и концепций.

Уровень методики и техники исследования наиболее близко примыкает к исследовательской практике. Он связан, например, с описанием способов, конкретных приемов получения релевантной информации, требований к процессу сбора эмпирических данных, в том числе проведения эксперимента и методов обработки экспериментальных данных, учета погрешностей. Регламентации и рекомендации этого уровня наиболее тесно связаны со спецификой изучаемого объекта и конкретными задачами исследования, т. е. методологическое знание здесь является наиболее специализированным. Оно призвано обеспечить единообразие и достоверность исходных данных, подлежащих теоретическому осмыслению и интерпретации на уровне частнонаучных теорий.

Одна из важных функций дифференциации уровней методологического знания заключается в преодолении ошибок двоякого рода: 1) переоценка меры общности знаний более низких уровней; попытка придать им философское и мировоззренческое звучание (часто (встречается философская интерпретация методологии структурализма, системного подхода и других общенаучных концепций); 2) непосредственный перенос положений и закономерностей, сформулированных на более высоком уровне обобщений без преломления, конкретизации их на материале частных областей знания; например, иногда делается вывод о конкретных путях развития того или иного объекта на основе применения к нему закона отрицания отрицания и т. п.

Кроме дифференциации методологического знания по уровням все более выраженным становится процесс консолидации его по содержательным основаниям вокруг доминирующих методологических принципов и даже мировоззренческих установок. Этот процесс приводит к формированию более или менее выраженных методологических подходов и даже методологических теорий. За ними стоят особые методологические ориентации. Многие из них строятся по дихотомическому принципу и противостоят друг другу (диалектический и метафизический, аналитический и синтетический, атомистический и холистический (целостный), качественный и количественный, энергетический и информационный, алгоритмический и эвристический).

Понятие подхода применимо к разным уровням методологического анализа, но чаще всего такие подходы охватывают два верхних уровня – философскую и общенаучную методологии. Поэтому для выполнения ими конструктивной функции в специальных науках необходима «переплавка» этих подходов с тем, чтобы они перестали быть внешними по отношению к той или иной дисциплине, а были имманентно связаны с ее предметом и сложившейся в ней системой понятий. Простой факт прогрессивности и очевидной полезности того или иного подхода не гарантирует успешности его применения. Если частная наука не подготовлена «снизу» для применения, например, системного подхода, то не происходит, образно говоря, «зацепления» между материалом частной науки и концептуальным аппаратом этого подхода, а простое наложение его «сверху» не обеспечивает содержательного продвижения.

Тот или иной подход не всегда осуществляется в явной и рефлексивной форме. Большинство сформулированных в современной методологии подходов явились результатом ретроспективного выделения и осознания постфактум того принципа, который был реализован в наиболее успешных конкретно-научных исследованиях. Наряду с этим наблюдаются случаи прямого переноса методологических подходов и научных категорий из одной науки в другую. Например, понятие поля в гештальтпсихологии, в том числе и теория поля К. Левина, несет на себе явные следы физической теории поля.

Дескриптивная и нормативная функции методологического знания

Структурная организация методологического знания прямо связана с теми функциями, которые оно выполняет в процессе научного познания. Рефлексия над процессом научного познания не является совершенно необходимым его компонентом. Основная масса знаний применяется, так сказать, автоматически, без специального размышления по поводу их истинности, их соответствия объекту. В противном случае процесс познания был бы вообще невозможен, ибо каждый раз уходил бы в дурную бесконечность. Но в развитии каждой науки бывают периоды, когда сложившаяся в ней система знаний не обеспечивает получения адекватных новым задачам результатов. Главным сигналом необходимости методологического анализа системы знаний является возникновение различных парадоксов, главный из которых заключается в противоречии между теоретическими предсказаниями и реально получаемыми эмпирическими данными.

Приведенное положение относится к ситуациям, когда необходима рефлексия над категориальным строем и объяснительными принципами целой науки, т. е. над сложной и объективированной системой знания. Но рефлексии могут требовать и познавательные ситуации более мелкого масштаба – несостоятельность той или иной частной теории, невозможность решения новой задачи имеющимися методами, наконец,

неудачные попытки дать решение актуальной прикладной задачи. Если провести аналогию с процессами разного уровня контроля человеческой деятельности, можно сказать, что научная рефлексия того или иного уровня, так же как и осознание человеком своих собственных действий, требуется там, где имеющиеся автоматизмы не обеспечивают получения необходимых результатов и нуждаются в перестройке или дополнении.

Рефлексия и осознание нужны тогда, когда ставится задача построения нового научного знания или формирования принципиально нового поведенческого акта.

Чем же здесь может помочь методология, каковы ее функции в процессе конкретно-научного познания? Анализируя различные ответы на этот вопрос, можно встретиться как с недооценкой, так и с переоценкой роли методологии. Недооценка ее роли связана с узко эмпирическими тенденциями, игнорирующими ее философско-мировоззренческую основу. Эти тенденции характерны, как мы уже указывали, для позитивистски ориентированных подходов. Но и здесь, в новейших вариантах постпозитивистской философии науки, наблюдаются сдвиги в сторону признания важности философии и мировоззрения для научного исследования (см. п. 2.9). Рост интереса к методологическому знанию и повышение его роли в современной науке являются совершенно объективным и закономерным процессом, в основании которого лежат такие причины, как усложнение задач науки, появление новых организационных форм научной деятельности, увеличение числа людей, вовлекаемых в эту деятельность, рост затрат на науку, усложнение используемых средств. Одна из главных причин естественного роста «спроса на методологию» связана с превращением занятий научной деятельностью в массовую профессию, в методологии начинают искать фактор, обеспечивающий эвристическую компенсацию – восполнение продуктивных возможностей среднестатистического индивида.

При этом часто складывается наивное представление, что все в науке сводится к отысканию подходящих методов и процедур, применение которых автоматически обеспечит получение значимого научного результата. Действительно, часто для решения проблемы необходимо именно найти адекватный метод, но сделать это, особенно если речь идет о новом методе, невозможно только за счет движения «сверху». Становится все более ясно, что сама по себе методология не может решать содержательных научных задач. Недостаточное осознание этого факта порождает «потребительское» отношение к методологии как к набору рецептов, которые достаточно просто усвоить и применить в практике научного исследования. Именно в этом и заключается опасность переоценки роли методологии, что, в свою очередь, по закону маятника может привести к ее мнимой дискредитации и как следствие к недооценке ее значения. Использование методологических принципов есть процесс сугубо творческий. «Как показывает история науки, познание обычно

остаётся удивительно индифферентным к навязываемой ему извне методологической помощи, особенно в случаях, когда эта последняя предлагается в виде детализированного, скрупулезно разработанного регламента. Поэтому и новый концептуальный каркас может возникнуть и действительно возникает не как результат проводимой кем-то сверху методологической реформы, а как продукт внутренних процессов, совершающихся в самой науке. Что же касается методологических исследований в специальном смысле этого слова, то они в лучшем случае могут выступать катализаторами этих процессов, интенсифицируя самосознание науки, но ни в коем случае не подменяя его» (Юдин, 1978).

Итак, первой может быть выделена функция катализации, стимулирования процесса познания как одна из основных функций методологического анализа. Ближе к ней примыкают такие функции, как проблематизация и критическое осмысление функционирующих в культуре идей, формирование творческой личности ученого за счет расширения его кругозора, воспитания культуры мышления.

Вторая функция методологии связана с организацией и структурированием научного знания как целого за счет его интеграции и синтеза, разработки общенаучных средств и форм познания – общенаучных понятий, категорий, методов, подходов, а также за счет выделения единых философско-мировоззренческих принципов познания. Одним из следствий рефлексии методов той или иной науки является возможность их переноса и использования в других науках, что позволяет методологи, при определенных условиях, выполнять и непосредственно эвристическую функцию.

Определенную роль играет методология в выработке стратегии развития науки, оценке перспективности того или иного научного направления, особенно при планировании комплексных исследований, обосновании целевых программ. Можно сказать, что методология здесь выступает в роли своеобразного «предзнания», которое должно указать наиболее вероятный путь к успеху, предвосхищая результат, который будет получен в будущем. Главное место в таком обосновании занимает именно характеристика методов и способов движения к цели, соответствие их общим требованиям, сложившимся не только в науке, но и в обществе на текущий момент.

Важной функцией методологии (ее философского уровня) является мировоззренческая интерпретация результатов науки с точки зрения той или иной картины мира.

Перечисленные функции можно отнести к функциям методологии преимущественно дескриптивного типа, т. е. имеющей форму ретроспективного описания уже осуществленных процессов научного познания. Даже когда мы осуществляем выбор и обоснование направления научного исследования, пытаясь предвосхитить будущие результаты, мы опираемся на рефлексию ранее пройденного пути к знанию в надежде выбрать

оптимальный путь дальнейшего движения. Принципиально иной, конструктивный характер имеет нормативное методологическое знание, включающее в себя положительные рекомендации и правила осуществления научной деятельности.

Нормативная методология – рефлексия формально-организационной стороны исследовательской деятельности.

Ее результатом является построение предписаний и норм, соблюдение которых необходимо для обеспечения правильности постановки проблемы как со стороны ее содержания, так и формы.

Нормативная методология дает определенные средства для решения уже поставленных задач (интеллектуальная техника научной деятельности), улучшает организационную сторону исследований.

Дескриптивная методология – рефлексия исходных оснований и предпосылок научного познания, осуществляемая, как правило, постфактум по отношению к вновь возникающим научным подходам.

СУТНІСТЬ ТА ОСОБЛИВОСТІ НАУКОВОГО ПІЗНАННЯ

НІЦШЕ Фрідріх Вільгельм

Народився Ф.В. Ніцше 15 жовтня 1844 року поблизу Лейпціга. Прекрасно закінчивши університет, почав викладати, став професором в університеті Базеля. Близько 10 років викладав класичну філологію. Філософія Ніцше охоплює багато різних питань, але фундаментальна концепція включає особливі критерії оцінки дійсності, базисні принципи діючих форм моралі, що поставили під сумнів релігію, культуру і суспільно-політичних стосунки і, згодом, життя, і відбилися у філософії.

Будучи викладеними в афористичній манері, твори Ніцше не піддаються однозначній інтерпретації і викликають багато розбіжностей. «Бог задихнувся в богослов'ї, моральність – в моралі», – пише Ніцше, вони стали чужі людині. За задумом автора афоризм як свій власний коментар розгортається лише при залученні читача до постійного переконструювання смислу, що виходить далеко за межі контексту окремого афоризму. Цей рух смислу не може ніколи закінчитися, все адекватніше відтворюючи досвід життя. Життя, яке відкрите в думці, виявляється доведеним за самим фактом прочитання афоризму, зовні бездоказового.

За усю біографію Фрідріх Ніцше створив багато творів, серед яких: «Так говорив Заратустра. Книга для усіх і ні для кого», «По той бік добра і зла. Прелюдія до філософії майбутнього», «Антихрист. Прокляття християнству», «Ессе Номо. Як стають самі собою», «Воля до влади».

Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов Сочинения: В 2 т. Т. 1./ Ф. Ницше. – М., 1990. – С. 373 – 376.

МАЙБУТНІСТЬ НАУКИ

Ознакою вищої культури є вища оцінка маленьких, непомітних істин, знайдених строгими методами, чим добродійних і блискучих помилок. <...>

Наука дає тому, хто працює і шукає в ній, багато задоволення, тому ж, хто дізнається її висновків – дуже мало. Але оскільки поступово всі найважливіші істини повинні стати буденними і загальноживаними, то припиняється і це мале задоволення; так при вивченні такої дивовижної таблиці множення ми вже давно перестали радіти. Якщо, таким чином, наука сама по собі приносить все менше радості і віднімає все більше радості, вселяючи сумніви в утішливій метафізиці, релігії і мистецтві, то вичерпується те найбільше джерело задоволення, якому людство зобов'язане майже усією своєю людяністю. <...>

Можна майже з достовірністю передбачити подальший хід людського розвитку: чим менше задоволення доставлятиме інтерес до істини, тим більше він падатиме; ілюзія, помилка, фантастика крок за кроком завоюють

свій колишній ґрунт, бо вони пов'язані із задоволенням; найближчим наслідком цього стане крах наук, зворотне занурення у варварство. <...>

Наука удосконалює уміння, а не знання. Цінність того, що людина деякий час строго вивчає яку-небудь строгу науку, покоїться зовсім не на результатах цього вивчення: бо останні в порівнянні з океаном явищ, що заслуговують на вивчення, складають нескінченно малу краплю. Але це дає приріст енергії, здібності до висновків, сили витримки; людина навчається доцільно досягати мети. У цьому сенсі для всяких пізніших занять дуже цінно бути деякий час людиною науки. <...>

ЯРОШЕВСЬКИЙ Михайло Григорович

Михайло Григорович Ярошевський народився 22 серпня 1915 р. в Херсоні.

У 1945 під керівництвом С.Л. Рубінштейна закінчив аспірантуру і захистив кандидатську дисертацію на тему «Вчення Потебні про мову і свідомість». Одна з кращих його робіт «Проблема детермінізму в психофізіології ХІХ століття», яка лягла в основу його докторської дисертації, захищеної в 1961 р. Працював в Інституті філософії АН СРСР. Був обраний почесним академіком Російської Академії освіти (1990) і дійсним членом Нью-йоркської Академії наук (1994).

М.Г. Ярошевський відкрив багато важливих принципів наукознавства, категоріального ладу психології та її методології. Його погляди опубліковані в таких фундаментальних монографіях: «Л.С. Виготський: у пошуках нової психології», «Історія психології», «Розвиток і сучасний стан зарубіжної психології», «Психологія в ХХ столітті» та ін.

Ярошевский М.Г. Психологическое познание как деятельность / М.Г. Ярошевский // Теоретическая психология: учеб. пособие для студ. психол. факульт. / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. –М.: Академия, 2003. – С. 36 – 50.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Одним из главных направлений работы человеческого духа является производство знания, обладающего особой ценностью и силой, а именно – научного. К его объектам относятся также и психические формы жизни. Представления о них стали складываться с тех пор, как человек, чтобы выжить, стал ориентироваться в поведении на других людей, сообразуя с ними свое собственное.

С развитием культуры житейский психологический опыт своеобразно преломлялся в творениях мифологии (религии) и искусства. На очень высоком уровне организации общества наряду с этими творениями возникает отличный от них способ мыслительной реконструкции зримой действительности. Им и явилась наука. Ее преимущества, изменившие облик планеты, заданы интеллектуальным аппаратом, сложнейшая «оптика» которого, определяющая особое видение мира, в том числе психического, веками создавалась и шлифовалась многими поколениями искателей истины о природе вещей.

Научное знание принято делить на *теоретическое* и *эмпирическое*. Слово «теория» – греческого происхождения, означает систематически изложенное обобщение, позволяющее объяснять и предсказывать явления.

Обобщение соотносится с данными опыта, или (опять же по-гречески) эмпирии, т. е. наблюдений и экспериментов, требующих прямого контакта с изучаемыми объектами.

Зримое, благодаря теории, «умственными очами» способно дать верную картину действительности, тогда как эмпирические свидетельства органов чувств – иллюзорную. <...>

В то же время эта истинная картина, противоречащая тому, что говорит чувственный опыт, была создана, исходя из его показаний, поскольку использовались наблюдения перемещений солнца по небосводу.

Здесь выступает еще один решающий признак научного знания – его опосредованность. Оно строится посредством присущих науке интеллектуальных операций, структур и методов. Это целиком относится и к научным представлениям о психике. На первый взгляд ни о чем субъект не имеет столь достоверных сведений, как о фактах своей душевной жизни. (Ведь «чужая душа – потемки»). Причем такого мнения придерживались и некоторые ученые, считавшие, что психологию отличает от других дисциплин субъективный метод, или интроспекция, особое «внутреннее зрение», позволяющее человеку выделить элементы, из которых образуется структура сознания. Однако прогресс психологии показал, что, когда эта наука имеет дело с явлениями сознания, достоверное знание о них достигается благодаря объективному методу.

Именно он дает возможность косвенным, опосредованным путем преобразовать испытываемые индивидом состояния из субъективных феноменов в факты науки.

Сами по себе свидетельства самонаблюдения, или, иначе говоря, самоотчеты личности о своих ощущениях, переживаниях и т. п., – это «сырой» материал, который только благодаря его обработке аппаратом науки становится ее эмпирией. Этим научный факт отличается от житейского.

Сила теоретической абстракции и обобщений рационально осмысленной эмпирии открывает закономерную причинную связь явлений.

Применительно к наукам о физическом мире это очевидно. Опора на изученные ими законы этого мира позволяет предвосхищать грядущие явления, например солнечные затмения и эффекты контролируемых людьми ядерных взрывов.

Конечно, психологии по своим теоретическим достижениям и практике изменения жизни далеко до физики.

Психологические явления неизмеримо превосходят физические по сложности и трудности познания. Великий физик А. Эйнштейн, знакомясь с опытами великого психолога Ж. Пиаже, заметил, что изучение физических проблем – это детская игра сравнительно с загадками детской игры.

Тем не менее и о детской игре как особой форме человеческого поведения, отличной от игр животных (в свою очередь, любопытного феномена), психология знает отныне немало. Изучая ее, она открыла ряд факторов и механизмов, касающихся закономерностей интеллектуального и нравственного развития личности, мотивов ее ролевых реакций, динамики социального восприятия и др.

Простое, всем понятное слово «игра» – это крошечная вершина гигантского айсберга душевной жизни, сопряженной с глубинными социальными процессами, историей культуры, «излучениями» таинственной человеческой природы.

Возникли различные теории игры, объясняющие посредством методов научного наблюдения и эксперимента ее многообразные проявления. От теории и эмпирии протянулись нити к практике, прежде всего педагогической (но не только к ней).

Наука – это и знание, и деятельность по его производству. Знание оценивается в его отношении к объекту. Деятельность – по вкладу в запас знаний.

Перед нами три переменные: реальность, ее образ и механизм его порождения. Реальность – это объект, который посредством деятельности (по исследовательской программе) превращается в предмет знания. Предмет запечатлевается в научных текстах. Соответственно и язык этих текстов предметный.

В психологии он передает доступными ему средствами (используя свой исторически сложившийся «словарь») информацию о психической реальности. Она существует сама по себе независимо от степени и характера ее реконструкции в научных теориях и фактах. Однако только благодаря этим теориям и фактам, переданным на предметном языке, она выдает свои тайны. Человеческий ум разгадывает их не только в силу присущей ему исследовательской мотивации (любопытности), но и исходя из прямых запросов социальной практики. Эта практика в ее различных формах (будь то обучение, воспитание, лечение, организация труда и др.) проявляет интерес к науке лишь постольку, поскольку она способна сообщить отличные от житейского опыта сведения о психической организации человека, законах ее развития и изменения, методах диагностики индивидуальных различий между людьми и т. д.

Такие сведения могут быть восприняты практиками от ученых лишь в том случае, если переданы на предметном языке. Ведь именно его термины указывают на реалии психической жизни, с которыми имеет дело практика.

Но устремленная к этим реалиям наука передает, как мы уже отмечали, накапливаемое знание о них в своих особых теоретико-экспериментальных формах. Дистанция от них до жаждущей их использовать практики может быть очень велика .<...>

Наука выступает в ее предметном измерении, проекцией которого служит предметный язык. Именно его терминами описываются расхождения между исследователями, ценность их вклада и т. п. И это естественно, поскольку, соотнесясь с реальностью, они обсуждают вопросы о том, обоснована ли теория, точна ли формула, достоверен ли факт.

Существенные расхождения, например, были между Сеченовым и Вундтом, Торндайком и Келером, Выготским и Пиаже, но во всех ситуациях их мысль направлялась на определенное предметное содержание.

Нельзя объяснить, почему они расходились, не зная предварительно, по поводу чего они расходились (хотя, как мы увидим, этого недостаточно, чтобы объяснить смысл противостояний между лидерами различных школ

и направлений), иначе говоря, какой фрагмент психической реальности они из объекта изучения превратили в предмет психологии.

Вундт, например, направил экспериментальную работу на вычленение исходных «элементов сознания», понимаемых им как нечто непосредственно испытываемое. Сеченов же относил к предметному содержанию психологии не «элементы сознания», а «элементы мысли», под которыми понимались сочетания различных структур, где психические образы сопряжены с двигательной активностью организма.

Торндайк описывал поведение как слепой отбор реакций, случайно оказавшихся удачными, тогда как Келер демонстрировал зависимость адаптивного поведения от понимания организмом смысловой структуры ситуации. Пиаже изучал эгоцентрическую (не адресованную другим людям) речь ребенка, видя в ней отражение «мечты и логики сновидения», а Выготский экспериментально доказал, что эта речь способна выполнять функцию организации действий ребенка соответственно «логике действительности».

Каждый из исследователей превращал определенный пласт явлений в предмет научного знания, включающего как описание фактов, так и их объяснение. И одно и другое (и эмпирическое описание, и его теоретическое объяснение) представляют предметное «поле». Именно к нему относятся такие, например, явления, как двигательная активность глаза, оббегающего контуры предметов, сопоставляющего их между собой и, тем самым, производящего операцию сравнения (И.М. Сеченов), беспорядочные движения кошек и низших видов обезьян в экспериментальном (проблемном) ящике, из которого животным удается выбраться только после множества неудачных попыток (Э. Торндайк), осмысленные, целенаправленные реакции высших видов обезьян, способных выполнять сложные экспериментальные задания, например построить пирамиду, чтобы достать высоко висящую приманку (В. Келер), устные рассуждения детей наедине с собой (Ж. Пиаже), увеличение у ребенка количества таких рассуждений, когда он испытывает трудности в своей деятельности (Л.С. Выготский).

Эти феномены нельзя рассматривать как «фотографирование» посредством аппарата науки отдельных эпизодов неисчерпаемого многообразия психической реальности. Они явились своего рода моделями, на которых объяснялись механизмы человеческого сознания и поведения – его регуляции, мотивации, научения и др.

Предметный характер носят также, и, стало быть, выражаются в терминах предметного языка, теории, интерпретирующие указанные феномены (сеченовская рефлексорная теория психического, торндайковская теория «проб, ошибок и случайного успеха», келеровская теория «инсайта», пиажевская теория детского эгоцентризма, преодолеваемого в процессе социализации сознания, теория мышления и речи Выготского). Эти теории отдалены от деятельности, приведшей к их построению, поскольку они

призваны объяснять не эту деятельность, а независимую от нее связь явлений, реальное, фактическое положение вещей.

Научный вывод, факт, гипотеза соотносятся с объективными ситуациями, существующими независимо от познавательных усилий человека, его интеллектуальной экипировки, способов его деятельности – теоретической и экспериментальной. Между тем объективные и достоверные результаты достигаются субъектами, деятельность которых полна пристрастий и субъективных предпочтений. Так, эксперимент, в котором справедливо видят могучее орудие постижения природы вещей, может строиться исходя из гипотез, имеющих преходящую ценность. Известно, например, что внедрение эксперимента в психологию сыграло решающую роль в ее преобразовании по образу точных наук. Между тем ни одна из гипотез, вдохновлявших создателей экспериментальной психологии – Вебера, Фехнера, Вундта, не выдержала испытания временем. Из взаимодействия ненадежных компонентов рождаются надежные результаты типа закона Вебера-Фехнера – первого настоящего психологического закона, который получил математическое выражение.

Фехнер исходил из того, что материальное и духовное представляют «темную» и «светлую» стороны мироздания (включая космос), между которыми должно быть строгое математическое соотношение.

Вебер ошибочно считал, что различная чувствительность различных участков кожной поверхности объясняется ее разделенностью на «круги», каждый из которых снабжен одним нервным окончанием. Вундт выдвигал целую вереницу оказавшихся ложными гипотез – начиная от предположения о «первичных элементах» сознания и кончая учением об апперцепции как локализованной в лобных долях особой психической силе, изнутри управляющей как внутренним, так и внешним поведением.

За знанием, которое воссоздает объект адекватно критериям научности, скрыта особая форма деятельности субъекта (индивидуального и коллективного).

Обращаясь к ней, мы оказываемся лицом к лицу с другой реальностью. Не с психической жизнью, постигаемой средствами науки, а с жизнью самой науки, имеющей свои собственные особые «измерения» и законы, для понимания и объяснения которых следует перейти с предметного языка (в указанном смысле) на другой язык.

Поскольку теперь перед нами наука выступает не как особая форма знания, но как особая система деятельности, назовем этот язык (в отличие от предметного) деятельностным.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой системы, отметим, что термин «деятельность» употребляется в различных идейно-философских контекстах. Поэтому с ним могут соединяться самые различные воззрения – от феноменологических и экзистенциалистских до бихевиористских и информационных «моделей человека». Особую осторожность, вступая в область психологии, следует проявлять в отношении термина «деятельность».

Здесь принято говорить и о деятельности как орудийном взаимодействии организма со средой, и об аналитико-синтетической деятельности мысли, и о деятельности памяти, и о деятельности «малой группы» и т. д.

В научной деятельности, поскольку она реализуется конкретными индивидами, различающимися по мотивации, когнитивному стилю, особенностям характера и т. д., конечно, имеется психический компонент. Но глубоким заблуждением было бы редуцировать ее к этому компоненту, объяснить в терминах, которыми оперирует, говоря о деятельности, психология.

Она рассуждает о ней, как явствует из сказанного, на предметном языке. Здесь же необходим поворот в другое измерение. Поясним, проводя аналогию с процессом восприятия. Благодаря действиям глаза и руки конструируется образ внешнего предмета. Он описывается в адекватных ему понятиях о форме, величине, цвете, положении в пространстве и т. п. Но из этих данных, касающихся внешнего предмета, невозможно извлечь сведения об устройстве и работе органов чувств, давших информацию о нем. Хотя, конечно, без соотнесенности с этой информацией невозможно объяснить анатомию и физиологию этих органов.

К «анатомии» и «физиологии» аппарата, конструирующего знание о предметном мире (включая такой предмет как психика), и следует обратиться, переходя от науки как предметного знания к науке как деятельности.

Всякая деятельность субъектная. Вместе с тем она всегда регулируется сложной системой социально-когнитивных запросов, эталонов, норм, идеалов. Здесь возникает одна из главных коллизий научного творчества. С одной стороны, только благодаря интеллектуально-мотивационной энергии человека науки добывается еще неведомая информация о Природе, не вошедшая в одну из оболочек этой Природы (ноосферу).

В.И. Вернадский писал: «Научная мысль сама по себе не существует. Она создается человеческой живой личностью, есть ее проявление. В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию. Ими созданные невесомые ценности – научная мысль и научное открытие – в дальнейшем меняют ход процессов биосферы, окружающей нас природы».

С другой стороны, полет творческой мысли возможен только в социальной атмосфере и под действием объективной динамики идей, которая не зависит от индивидуальной воли и личного таланта. Поэтому теоретико-психологический анализ науки как деятельности (в отличие от обсуждения теорий и эмпирических результатов, в которых «погашено» все, что их породило) всегда имеет дело с интеграцией трех переменных: социальной, когнитивной и личностно-психологической. Каждая из них порознь издавна стала предметом обсуждения в различных попытках

описать и объяснить своеобразие научного труда. Соответственно различные аспекты этого труда интерпретировались независимо друг от друга в понятиях таких дисциплин, как социология, логика и психология.

Однако будучи включены в особую систему, каковой является наука, эти понятия приобретают другое содержание.

Историк М. Грмек выступил со «Словом в защиту освобождения истории научных открытий и мифов». Среди этих мифов он выделил три:

1. Миф о строго логической природе научного рассуждения. Этот миф воплощен в представлении, сводящем научное исследование к практическому приложению правил и категорий классической логики, тогда как в действительности оно невозможно без творческого элемента, неуловимого этими правилами.

2. Миф о строго иррациональном происхождении открытия. Он утвердился в психологии в различных «объяснениях» открытия интуицией или гением исследователя.

3. Миф о социологических факторах открытия. В данном случае имеется в виду так называемый экстернализм – концепция, которая игнорирует собственные закономерности развития науки и пытается установить прямую связь между общественной ситуацией творчества ученого и результатами его исследований.

Эти мифы имеют общий источник: «диссоциацию» единой триады, образуемой тремя координатами приобретения знания, о которых уже было сказано выше.

Чтобы преодолеть диссоциацию, необходимо воссоздать адекватную реальности целостную и объемную картину развития науки как деятельности. Это, в свою очередь, требует такого преобразования традиционных представлений о различных аспектах научного творчества, которое позволит продвинуться в направлении искомого синтеза.

Тщетны надежды на то, что удастся объяснить, как строится в творческой лаборатории ученого новое знание, если решать эту задачу, объединяя три издавна заданных традицией направления.

Ведь каждое из них «прорывало» собственную колею, шлифуя свой аппарат понятий и методов. Притом на совершенно иных объектах, чем деятельность человека науки. Здесь изначально нужен другой подход.

Социальная атмосфера, в которой творит ученый, имеет несколько слоев. Высший из них – это взаимосвязь науки и общества в различные исторические эпохи. Но и сама наука, как известно, представляет собой особую подсистему в социокультурном развитии человечества. Своеобразие этой подсистемы, в границах которой действуют люди науки, в свою очередь, стало предметом социологического изучения. Одним из лидеров этого направления выступил американский социолог Роберт Мертон, выделивший систему норм, сплывающих тех, кто занят исследовательским трудом, в особое сообщество, отличное от других человеческих установлений. (Система была названа этосом науки.)

Объектом анализа оказался социологический «срез» науки. Однако тем самым в новом свете выступила также и иерархия ценностных ориентаций каждой конкретной личности и, соответственно, мотивов ее действий, переживаний и других психологических детерминант творчества. Отношения между индивидом и обществом, посылающим свои экономические, политические, идеологические и другие запросы науке, выступили в качестве опосредованных особой социальной структурой – «республикой ученых», которой правят собственные, присущие только ей нормы. Одна из них требует производить знание, непременно получившее бы признание в качестве отличного от известного запаса представлений, об объекте, т. е. меченное знаком новизны. Над ученым неизменно тяготеет «запрет на повтор».

Таково социальное предназначение его дела. Общественный интерес сосредоточен на результате, в котором «погашено» все, что его породило. Однако при высокой новизне этого результата интерес способна вызвать личность творца и многое с ней сопряженное, хотя бы оно и не имело прямого отношения к его вкладу в фонд знаний.

Об этом свидетельствует популярность биографических портретов людей науки и даже их автобиографических записок, куда занесены многие сведения об условиях и своеобразии научной деятельности и ее психологических «отсветов».

Среди них выделяются мотивы, придающие исследовательскому поиску особую энергию и сосредоточенность на решаемой задаче, во имя которой «забываешь весь мир», а также такие психические состояния, как вдохновение, озарение, «вспышка гения».

Открытие нового в природе вещей переживается личностью как ценность, превосходящая любые другие. Отсюда и притязание на авторство.

Быть может, первый уникальный прецедент связан с научным открытием, которое легенда приписывает одному из древнегреческих мудрецов Фалесу, предсказавшему солнечное затмение. Тирану, пожелавшему вознаградить его за открытие, Фалес ответил: «Для меня было бы достаточной наградой, если бы ты не стал приписывать себе, когда станешь передавать другим, то, чему от меня научился, а сказал бы, что автором этого открытия являюсь скорее я, чем кто-либо другой».

Признание того, что научная истина была открыта его собственным умом и что память об авторстве должна дойти до других, Фалес поставил выше любых материальных благ. Уже в этом древнейшем эпизоде проявилась одна из коренных особенностей психологии человека науки. Она относится к тем аспектам поведения личности, которые обозначаются термином «мотивация». В данном случае речь идет об исследовательском поведении.

Познание никому прежде не ведомого оказывается для ученого высшей ценностью и наградой, дающей наибольшее удовлетворение. Но тут же выясняется, что это не только личное переживание успеха. Для него значимо, чтобы о достигнутом им результате был оповещен социальный

мир, признав его приоритет, иначе говоря – превосходство над другими, но не в экономике, политике, спорте, так сказать, делах земных, а в особой сфере, в сфере интеллекта, духовных ценностей.

Велико преимущество этих ценностей в приобщении к тому, что сохраняется безотносительно к индивидуальному существованию, от которого открытая истина не зависит.

Тем самым личная мысль, ее познавая, также метится знаком вечности. В этом эпизоде проявляется своеобразие психологии ученого. Споры о приоритете пронизывают всю историю науки.

Индивидуально-личностное и социально-духовное в психологии ученого навечно сопряжены. Так было в далекой древности. Так обстоит дело и в современной науке. Споры о приоритете имеют различные аспекты. Но «случай Фалеса» открывает то лицо науки, над которым не властно время.

Своеобразие этого «случая» в том, что он высвечивает в мотивах творчества человека науки особый глубинный слой. В нем запечатлено притязание на личное бессмертие, достигаемое благодаря отмеченному его собственным именем вкладу в мир нетленных истин.

Этот древний эпизод иллюстрирует изначальную социальность личностного «параметра» науки как системы деятельности. Он затрагивает вопрос о восприятии научного открытия в плане отношения к нему общественной среды – макросоциума.

Но исторический опыт свидетельствует, что социальность науки как деятельности выступает не только при обращении к вопросу о восприятии знания, но и к вопросу о его производстве. Если вновь обратиться к древним временам, то фактор коллективности производства знаний уже тогда получил концентрированное выражение в деятельности исследовательских групп, которые принято называть школами.

Многие психологические проблемы, как мы увидим, открывались и разрабатывались именно в этих школах, ставших центрами не только обучения, но и творчества. Научное творчество и общение нераздельны, менялся от одной эпохи к другой лишь тип их интеграции. Однако во всех случаях общение выступало неотъемлемой координатой науки как формы деятельности.

Сократ не оставил ни одной строчки, но он создал «мыслильню» – школу совместного думания, культивируя искусство майевтики («повивального искусства») как процесс рождения в диалоге отчетливого и ясного знания.

Мы не устаем удивляться богатству идей Аристотеля, забывая, что им собрано и обобщено созданное многими исследователями, работавшими по его программам. Иные формы связи познания и общения утвердились в Средневековье, когда доминировали публичные диспуты, шедшие по жесткому ритуалу (его отголоски звучат в процедурах защиты диссертаций). Им на смену пришел непринужденный дружеский диалог между людьми науки в эпоху Возрождения.

В Новое время с революцией в естествознании возникают и первые неформальные объединения ученых, созданные в противовес официальной университетской науке. Наконец, в XIX веке возникает лаборатория как центр исследований и очаг научной школы.

«Сейсмографы» истории науки Новейшего времени фиксируют «взрывы» научного творчества в небольших, крепко спаянных группах ученых. Энергией этих групп были рождены такие радикально изменившие общий строй научного мышления направления, как квантовая механика, молекулярная биология, кибернетика.

Ряд поворотных пунктов в прогрессе психологии определила деятельность научных школ, лидерами которых являлись В. Вундт, И.П. Павлов, З. Фрейд, К. Левин, Ж. Пиаже, Л.С. Выготский и др. Между самими лидерами и их последователями шли дискуссии, служившие катализаторами научного творчества, изменявшими облик психологической науки. Они исполняли особую функцию в судьбах науки как формы деятельности, представляя ее коммуникативное «измерение».

Это, как и личностное «измерение», неотделимо от предмета общения – тех проблем, гипотез, теоретических схем и открытий, по поводу которых оно возникает и разгорается.

Предмет науки, как уже отмечалось, строится посредством специальных интеллектуальных действий и операций. Они, как и нормы общения, формируются исторически в тигле исследовательской практики и подобно всем другим социальным нормам заданы объективно, индивидуальный субъект «присваивает» их, погружаясь в эту практику. Все многообразие предметного содержания науки в процессе деятельности определенным образом структурируется соответственно правилам, которые являются инвариантными, общезначимыми по отношению к этому содержанию.

Эти правила принято считать обязательными для образования понятий, перехода от одной мысли к другой, извлечения обобщающего вывода.

Наука, изучающая эти правила, формы и средства мысли, необходимые для ее эффективной работы, получила имя логики. Соответственно и тот параметр исследовательского труда, в котором представлено рациональное знание, следовало бы назвать логическим (в отличие от личностно-психологического и социального).

Однако *логика изучает любые способы формализации порождений умственной активности*, на какие бы объекты она ни была направлена и какими бы способами их ни конструировала. Применительно же к науке как деятельности ее логико-познавательный аспект имеет свои особые характеристики. Они обусловлены природой ее предмета, для построения которого необходимы свои *категории и объяснительные принципы*.

Учитывая их исторический характер, обращаясь к науке с целью ее анализа в качестве системы деятельности, назовем третью координату этой системы – наряду с социальной и личностной – *предметно-логической*.

Термин «логика», как известно, многозначен. Но как бы ни расходились воззрения на логические основания познания, под ними неизменно имеются в виду всеобщие Логика развития формы мышления в отличие от его содержательных характеристик.

Как писал Л.С. Выготский, «имеется известный *органический рост логической структуры* (курсив мой. – М.Я.) знания. Внешние факторы толкают психологию по пути ее развития и не могут отменить в ней ее вековую работу или перескочить на век вперед».

Говоря об «органическом росте», Выготский, конечно, имел в виду не биологический, а исторический тип развития, однако подобный биологическому в том смысле, что развитие совершается объективно, по собственным законам, когда «изменить последовательность этапов нельзя».

Предметно-исторический подход к интеллектуальным структурам представляет собой направление логического анализа, которое должно быть отграничено от других направлений также и терминологически. Условимся называть его логикой развития науки, понимая под ней (как и в других логиках) и свойства познания сами по себе, и их теоретическую реконструкцию, подобно тому, как под термином «грамматика» подразумевается и строй языка, и учение о нем.

Основные блоки исследовательского аппарата психологии меняли свой состав и строй с каждым переходом научной мысли на новую ступень. В этих переходах и выступает логика развития познания как закономерная смена его фаз. Оказавшись в русле одной из них, исследовательский ум движется по присущему ей категориальному контуру с неотвратимостью, подобной выполнению предписаний грамматики или логики. Это можно оценить как еще один голос в пользу присвоения рассматриваемым здесь особенностям научного поиска имени логики. На каждой стадии единственно рациональными (логичными) признаются выводы, соответствующие принятой детерминационной схеме. Для многих поколений до Декарта рациональными считались только те рассуждения о живом теле, в которых полагалось, что оно является одушевленным, а для многих поколений после Декарта – лишь те рассуждения об умственных операциях, в которых они выводились из свойств сознания как незримого внутреннего агента (хотя бы и локализованного в мозге).

Для тех, кто понимает под логикой только всеобщие характеристики мышления, имеющие силу для любых времен и предметов, сказанное даст повод предположить, что здесь к компетенции логики опрометчиво отнесено содержание мышления, которое, в отличие от его форм, действительно меняется, притом не только в масштабах эпох, но и на наших глазах. Это вынуждает напомнить, что речь идет об особой логике, именно о логике развития науки, которая не может быть иной, как предметно-исторической, а стало быть, во-первых, содержательной; во-вторых, имеющей дело со сменяющимися друг друга интеллектуальными «формациями». Такой подход не означает смешения формальных аспектов

с содержательными, но вынуждает с новых позиций трактовать проблему форм и структур научного мышления. Они должны быть извлечены из содержания в качестве его инвариантов.

Ни одно из частных (содержательных) положений Декарта, касающихся деятельности мозга, не только не выдержало испытания временем, но даже не было принято натуралистами его эпохи (ни представление о «животных духах» как частицах огнеподобного вещества, носящегося по «нервным трубкам» и раздувающего мышцы, ни представление о шишковидной железе как пункте, где «контакат» телесная и бестелесная субстанции, ни другие соображения). Но основная детерминистская идея о машинообразности работы мозга стала на столетия компасом для исследователей нервной системы. Считать ли эту идею формой или содержанием научного мышления? Она формальна в смысле инварианта, в смысле «ядерного» компонента множества исследовательских программ, наполнявших ее разнообразным содержанием от Декарта до Павлова. Она содержательна, поскольку относится к конкретному фрагменту действительности, который для формальнологического изучения мышления никакого интереса не представляет. Эта идея есть содержательная форма.

Логика развития науки имеет внутренние формы, т. е. динамические структуры, инвариантные по отношению к непрерывно меняющемуся содержанию знания. Эти формы являются организаторами и регуляторами работы мысли. Они определяют зону и направление исследовательского поиска в неисчерпаемой для познания действительности, в том числе и в безбрежном море психических явлений. Они концентрируют поиск на определенных фрагментах этого мира, позволяя их осмыслить посредством интеллектуального инструмента, созданного многовековым опытом общения с реальностью.

В смене этих форм, в их закономерном преобразовании и выражена логика научного познания – изначально историческая по своей природе. При изучении этой логики, как и при любом ином исследовании реальных процессов, мы должны иметь дело с фактами. Но очевидно, что здесь перед нами факты совершенно иного порядка, чем открываемые наблюдением за предметно-осмысленной реальностью, в частности психической. Это реальность обнажаемая, когда исследование объектов само становится объектом исследования. Это «мышление о мышлении», рефлексия о процессах, посредством которых только и становится возможным знание о процессах как данности, не зависимой ни от какой рефлексии.

Знание о способах построения знания, его источниках и границах издревле занимало философский ум, выработавший систему представлений о теоретическом и эмпирическом уровнях постижения действительности, о логике и интуиции, гипотезе и приемах ее проверки (верификация, фальсификация), особом языке (словарь и синтаксис), науке и т. д.

Конечно, этот изучаемый *философией* уровень *организации мыслительной активности*, кажущийся сравнительно с физическими,

биологическими и тому подобными реалиями менее «осязаемым», ничуть не уступает им по степени реальности. Стало быть, и в отношении его столь же правомерен вопрос о фактах (в данном случае фактами являются теория, гипотеза, метод, термин научного языка и пр.), как и в отношении фактов так называемых позитивных областей знания. Однако не оказываемся ли мы тогда перед опасностью удалиться в «дурную бесконечность», и после построения теоретических представлений по поводу природы научного познания мы должны заняться теорией, касающейся самих этих представлений, а эту новую «сверхтеорию», в свою очередь, превратить в предмет рефлексивного анализа еще более высокого уровня и т.д. Чтобы избежать этого, мы не видим иной возможности, как погрузиться в глубины исследовательской практики, в процессы, совершающиеся в мире истории, где и происходит зарождение и преобразование фактов и теорий, гипотез и открытий.

Состоявшиеся исторические реалии (в виде сменявших друг друга научных событий) являются той фактурой, которая, будучи независимой от конструктивных способностей ума, одна только может служить проверочным средством этих способностей, эффективности и надежности выстроенных благодаря им теоретических конструктов. Наивно было бы полагать, что само по себе обращение к историческому процессу может быть беспредпосылочным, что существуют факты истории, которые говорят «сами за себя», безотносительно к теоретической ориентации субъекта познания. Любой конкретный факт возводится в степень научного факта в строгом смысле слова (а не только остается на уровне исходного материала для него) лишь после того, как становится ответом на предварительно заданный (теоретический) вопрос. Любые наблюдения за историческим процессом (стало быть, и за эволюцией научной мысли), подобно наблюдениям за процессами и феноменами остальной действительности, непременно регулируются в различной степени осознаваемой концептуальной схемой. От нее зависят уровень и объемность реконструкции исторической реальности, возможность ее различных интерпретаций.

Имеется ли, в таком случае опорный пункт, отправляясь от которого, изучение состоявшихся теорий приобрело бы достоверность? Этот пункт следует искать не вне исторического процесса, а в нем самом.

Прежде чем к нему обратиться, следует выявить вопросы, которые в действительности регулировали исследовательский труд.

Применительно к психологическому познанию мы прежде всего сталкиваемся с усилиями объяснить, каково место психических (душевных) явлений в материальном мире, как они соотносятся с процессами в организме, каким образом посредством них приобретается знание об окружающих вещах, от чего зависит позиция человека среди других людей и т. д.

ГАДАМЕР Ханс-Георг

Ханс-Георг Гадамер народився 11 лютого 1900 року в Марбурзі, Німеччина. Захистив докторську дисертацію під керівництвом Пауля Наторпа. У 1929 році він під керівництвом Хайдеггера захистив дисертацію про платонівського «Філеба».

Х.-Г. Гадамер один із найзначніших мислителів другої половини ХХ ст., відомий передусім як засновник «філософської герменевтики». Член академій наук Лейпціга, Гейдельберга, Афін, Будапешта, Брюсселю, Риму, Турину і Лондона, почесний член німецької академії творчості в Дармштадте і американської академії витончених мистецтв у Бостоні. Почесний доктор Оттавського і Макмастерського університетів (Канада), Католицького університету Америки (США), Бамбергського, Лейпцігського, Марбургського, Тюбінгенського університетів (ФРН), Карлова університету (Чехія), Вроцлавського університету (Польща), СПбДУ (Росія), почесний професор МДУ (Росія). Основні роботи: «Актуальність прекрасного», «Істина і метод», «Що є істина», «Істина і метод. Основи філософської герменевтики».

Гадамер Х.-Г. Что есть ИСТИНА? / Ханс-Георг Гадамер // Логос. Философско-литературный журнал. – Вып. 1. – М., 1991. – С. 30 – 37.

НАУКА ТА ІСТИНА

Питання Пілата «що є істина»? (Іоан. XVIII, 38) зрозуміле безпосередньо з сенсу історичної ситуації, містить в собі проблему нейтральності. Те, як були сказані ці слова прокуратором Понтієм Пілатом, в державно-правовій історичній ситуації в Палестині означало: усе, що за твердженням такої людини, як Ісус, є істиною, абсолютно не торкається держави.

Було б ілюзією вважати, ніби в сучасній державі проблеми нейтральності більше немає лише тому, що в ній принципово признається свобода науки. Посилання на свободу науки завжди залишається небезпечною абстракцією і не звільняє дослідника від політичної відповідальності, як тільки він покине тишу робочого кабінету і закриту для сторонніх лабораторію і повідомить громадськість про свої результати. Наскільки безумовно і однозначно володіє ідея істини життям дослідника, настільки ж обмежена і багатозначна відвертість його слів. Дослідник зобов'язаний знати про дію своїх слів і відповідати за них. Але демонічна зворотна сторона цього зв'язку полягає в тому, що озируючись на дію своїх слів, він впадає в спокусу говорити і навіть вселяти самому собі як істину те, що насправді диктує йому громадська думка або інтереси державної влади. Між обмеженістю у висловлюванні думки і несвободою в самому мисленні є внутрішній зв'язок. Не приховуватимемо, питання «що є істина»? у тому сенсі, в якому ставив його Пілат, ще і сьогодні визначає наше життя.

Але ми звикли чути і інший тон в словах Пілата, тон, який, ймовірно, чув в них Ніцше, коли говорив, що це єдині слова Нового Заповіту, що

мають цінність. У цьому тоні пілатовських слів виражається скептичне презирство до «фанатика», не випадково їх цитував Ніцше, бо його критика християнства того часу була критикою фанатика психологом.

Ніцше загострив цей скепсис до скепсису відносно науки. Дійсно, наука має з фанатиком те загальне, що вона також нетерпима, як і він, оскільки постійно доводить і вимагає доказів. Немає людини нетерпимішої, ніж той, хто прагне довести, що сказане їм має бути істинним. Згідно Ніцше, наука нетерпима, тому що вона взагалі є симптом слабкості, пізній продукт життя, александрійство, спадщина того декадентства, яке винахідник діалектики Сократ приніс у світ, де не було ще ніякої «непристойності доказу», але де бездоказово розпоряджалася і висловлювалася благородна самовпевненість.

Психологічний скепсис відносно відстоювання істини, звичайно, не зачіпає саму науку. У цьому за Ніцше не піде ніхто. Але насправді виникає сумнів у науці як такій, що відкривається нам як третій смисловий шар за словами «що є істина»? Чи дійсно наука є остання інстанція і єдиний носій істини, як вона на те претендує?

Ми зобов'язані науці звільненням від багатьох забобонів і розчаруванням у багатьох ілюзіях. Знову і знову претендуючи на істину, наука претендує на те, щоб, поставивши під питання неперевірені забобони, пізнати таким чином існуюче (was ist) краще, ніж воно до того було пізнане. Але водночас чим далі на усе існуюче (was ist) поширюється цей спосіб діяльності науки, тим більше сумнівним для нас стає те, що допустимо взагалі ставити питання про істину в усій її повноті, виходячи з передумов науки. Ми із занепокоєнням задаємося питанням, наскільки саме від способу діяльності науки залежить те, що є так багато питань, на які ми повинні знати відповіді, але ставити які наука забороняє нам. Забороняє, дискредитує їх, оголошуючи їх безглуздими. Бо для неї сенс має тільки те, що задовольняє її власному Методу встановлення і перевірки істини. Незадоволення домаганнями науки на істину проявляється передусім в релігії, філософії і світогляді. Вони є ті інстанції, до яких звертається скептицизм відносно науки, бажаючи показати обмеженість наукової спеціалізації і методичного дослідження перед лицем вирішальних життєвих питань.

Коли ми заздалегідь пройшли таким чином крізь три смислові шари пілатовського питання, то стало ясно, що останній шар, в якому проблематизується внутрішній зв'язок істини і науки, є для нас найважливішим. Тому слід передусім віддати належне тому факту, що істину взагалі переважно зв'язують з наукою.

Наука і істина

Те, що саме з наукою пов'язана західноєвропейська цивілізація в її своєрідності і майже пануючій єдності, бачить кожен. Але щоб зрозуміти це, треба повернутися до витоків західноєвропейської науки, до її грецького походження. Грецька наука – щось нове в порівнянні з усім, що раніше

люди знали і зазвичай вважали знанням. Створивши науку, греки відокремили Захід від Сходу і вивели його на свій власний шлях. Єдине у своєму роді прагнення до знання, пізнання, дослідженню невідомого, рідкісного, дивного і такий же єдиний у своєму роді скепсис до того, що говориться і видається за істинне, було тим, що визначило створення науки. Хорошим прикладом цьому буде сцена з Гомера. У Телемаха запитують, хто він такий, і він відповідає на це: «Мою матір звать Пенелопа, а хто батько – адже цього ніколи не можна знати точно. Люди говорять, що Одісей». Подібний, такий, що доходить до крайності, скепсис виявляє особливий дар греків відшліфовувати своє безпосереднє бажання пізнання і потребу в істині до науки.

Тому повернення Гайдеггера у наш час до значення грецького слова, що означає істину, сприяло переконливому висновку. Висновок про те, що $\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ власне означає невідкритість, був уперше зроблений не Гайдеггером. Але Гайдеггер показав нам, що означає для мислення буття те, що істину треба витягати із прихованості та потаємності речей (Ding) так, ніби здійснюєш крадіжку. Прихованість і потаємність пов'язані між собою. Речі ховаються від самих себе, або як, за переказами, говорив Гераклит: «Природа любить ховатися». Але так само потаємність властива людській діяльності і мові. Людська мова передає не лише істинне, їй знайоме і видимість, і спотворення, і обман. Існує, таким чином, внутрішній зв'язок між істинним буттям і істинною мовою. Неприхованість суцього (Seiendes) виражається в непотаємності висловлювання.

Способом мови, в якому цей взаємозв'язок здійснюється в найбільш чистому виді, є навчання (Lehre). При цьому необхідно збагнути собі: те, що мова навчас, не являється, звичайно, для нас єдиним і первинним досвідом мови, але це той досвід мови, який першим був осмислений грецькими філософами і викликав появу науки з усіма її можливостями. Мова, Logos, часто переводиться як розум, і це правомірно, оскільки греки досить швидко осягнули те, що в мові виявляється і ховається, – в першу чергу самі речі в їх зрозумілості. Саме розум самих речей можна представити і повідомити специфічним способом мови, який називається висловлюванням або судженням. Грецьке вираження для цього способу – $\alpha\rho\phi\alpha\nu\sigma\iota\varsigma$, а пізніша логіка сформулювала для нього поняття судження. Завдяки цьому судження, на відміну від усіх інших способів мови, призначене для того, щоб бути тільки істинним, і пристосовано виключно до того, щоб розкривати суще таким, як воно є. Існує наказ, прохання, вимога, існує абсолютно загадковий феномен питання, про який ще слід сказати, коротше, існують незліченні форми мови, кожна з яких містить щось на зразок істинного буття. Але усі вони не мають виняткового призначення показувати суще таким, як воно є.

Що ж це за досвід, який повністю показує істину в мові? Істина є неприхованість. Представлення (Vorliegenlassen) неприхованого, розкриття його є зміст промови. Показують і, таким чином, представляють –

повідомляючи інше, представляють і самому собі. Аристотель говорив, що судження істинне, якщо в нім представлено сполученим те, що в предметі існує (*vorliegt*) сполучено; судження помилкове, якщо в нім представлено сполученим те, що в предметі існує окремо. Істина мови визначається, отже, як відповідність мови предмету, тобто як відповідність акту представлення (*Vorliegenlassens*) за допомогою мови існуючому предмету (*die vorliegende Sache*). Звідси відбувається добре відоме в логіці визначення істини: істина є *adaequatio intellectus ad rem*. При цьому, само собою зрозуміло, передбачається безперечним, що мова, тобто *intellectus*, що висловлюється в мові, має можливість відповідати так, щоб в тому, що він говорить – в мові – виражалось тільки існуюче; щоб мова дійсно показувала речі такими, які вони є. У філософії ми називаємо це істиною пропозиції, маючи на увазі, що є і інші можливості істини мови. Місцем істини є судження.

Нехай це – одностороннє твердження, яке Аристотель не підтвердив би однозначно, але воно розвинулося з грецького вчення про логос і лежить в основі розгортання цього вчення в поняття науки Нового часу. Створена греками наука є, передусім, абсолютно не те, що відповідає нашому поняттю науки. Не природознавство, не кажучи вже про історію, але математика була для греків справжньою наукою. Її предметом є чисто раціональне буття, і її вважали зразком для всякої науки, оскільки вона представлена в замкнутій дедуктивній системі. Для сучасної науки, навпаки, характерне те, що математика є для неї зразковою не завдяки буттю свого предмета, але як найдосконаліший спосіб пізнання. Наука Нового часу здійснила рішучий розрив із формами знання грецького і християнського Заходу. Віднині опановують саме ідею Методу. У Новий час Метод, при усьому різноманітті, яке він може мати в різних науках, розумівся як щось єдине. Ідеал пізнання, сформульований на основі поняття Методу, полягає в тому, щоб ми проходили шлях пізнання настільки усвідомлено, щоб завжди можна було повторити його. *Methodos* означає шлях дотримання. Здатність знову і знову наслідувати шлях, по якому вже проходили, і є методичність, що відрізняє спосіб діяльності в науці. Але якраз це з необхідністю обмежує претензії на істину. Якщо тільки перевіряємість, в якій би то не було формі, складає істину (*veritas*), то масштаб, із яким зіставляється пізнання, вже більше не істина, а достовірність. Тому, починаючи з класичного формулювання правила достовірності Декарта, справжнім етосом сучасної науки вважається припущення як достатня умова істини тільки того, що задовольняє ідеалу достовірності.

Ця суть сучасної науки є визначальною для усього нашого життя. Ідеал верифікації, обмеження знання перевіряється знаходить своє втілення в наслідуванні. Така сучасна наука і весь світ планування і техніки, що утворився із законів її руху. Проблеми нашої цивілізації і біди, які готує нам її технізація, полягають зовсім не в тому, що бракує відповідної проміжної інстанції між пізнанням і його практичним застосуванням. Саме Спосіб

пізнання самої науки робить неможливою таку інстанцію. Сама наука є технікою.

Тепер поміркуємо власне про ту зміну, яку зазнало поняття наука на початку Нового часу. У цій зміні все ж зберігся фундаментальний початок грецького мислення буття: сучасна фізика припускає античну метафізику. Те, що Хайдеггер усвідомив цю форму західноєвропейського мислення, що справдана дійшла до нас, складає його справжнє значення для історичної сучасної самосвідомості. Цей висновок, стверджуючи неухильність руху західноєвропейської цивілізації, перебиває шлях усім романтичним спробам реставрації минулих ідеалів, будь то середньовічний або еллінсько-гуманістичних. Сьогодні не може бути достатньою і створена Гегелем схема філософії історії та історії філософії, оскільки згідно з Гегелем грецька філософія є лише спекулятивною підготовкою того, що знайшло своє повне завершення в самосвідомості духу Нового часу. Спекулятивний ідеалізм і його вимоги спекулятивної науки самі залишилися кінець кінцем невдалою спробою реставрації. Як би не ляли науку, вона є альфою і омегою нашої цивілізації.

Істина по той бік науки

Справа не в тому, що філософія нібито тільки сьогодні починає бачити в цьому проблеми. Навпаки, очевидно, що саме тут лежить «хрест» (Cruz) усього нашого усвідомлення цивілізації, що сучасна наука переслідується критикою «школи» («Schule»), як власною тінню. У філософії питання ставиться так: чи можна від знання, що тематизує наука, повернутися назад?, і в якому сенсі?, і яким чином це можливо?

Те, що кожен із нас у своєму практичному життєвому досвіді постійно здійснює це повернення, не вимагає підкреслювання. Завжди є надія, що інша людина зрозуміє те, що ти вважаєш істинним, навіть якщо ти не можеш цього довести. Більше того, не завжди доказ можна розглядати як відповідний шлях для того, щоб привести іншого до розуміння. Ми раз у раз переходимо межу об'єктивності, з якою по своїй логічній формі пов'язано висловлювання. Ми постійно живемо у формах повідомлення того, що не об'єктивувалося у формах, підготовлених для нас мовою, у тому числі мовою поетів.

Проте наука претендує на подолання випадковості суб'єктивного досвіду за допомогою об'єктивного пізнання, на подолання мови багатозначної символіки за допомогою однозначності поняття. Але питання в тому, чи є усередині науки як такої межа об'єктивності, що лежить у суті судження і в самій істині висловлювання?

Відповідь на це питання зовсім не самоочевидна. У сучасній філософії є одна дуже велика течія, за своїм значенням, звичайно, що неабиякою мірою заслуговує на увагу, для якої ця відповідь є очевидною. Вона вважає, що уся таємниця і єдине завдання філософії полягає в тому, щоб формулювати висловлювання настільки точно, щоб вони дійсно були в змозі висловити те що мається на увазі однозначно. Згідно з цим напрямом,

філософія повинна сформувати систему знаків, яка не залежала б від метафоричної багатозначності природних мов і від багатомовності культурних народів в цілому і від витікаючих із цього постійних двозначностей і непорозумінь; систему, яка досягла б однозначності і точності математики. Математична логіка вважається тут шляхом рішення усіх проблем, які наука до теперішнього часу залишила за філософією. Ця течія, що поширилася з батьківщини номіналізму на весь світ, є відродженням ідей вісімнадцятого століття. Будучи філософією, вона зазнає, звичайно, іманентні труднощі. Поступово вона і сама починає це розуміти. Можна показати, що введення конвенціональної знакової системи не може бути здійснене за допомогою системи, що знаходиться в цій же конвенції, отже, всяке введення якої-небудь штучної мови вже припускає іншу мову, на якій вона говорить. Тут є методологічна проблема метамови. Але за нею стоїть і щось інше: мова, на якій ми говоримо і в якій ми живемо, займає особливе положення. Вона одночасно являється змістовною пред-данністю для всякого наступного логічного аналізу. Але вона є такою не як проста сума висловлювань. Висловлювання, яке прагне говорити істину, повинно задовольняти і абсолютно іншим умовам, окрім умов логічного аналізу. Домагання висловлювання на неприхованість полягає не лише в представленні існуючого (*Vorliegenlassen des Vorliegenden*). Недостатньо того, що існує показується у висловлюванні. Бо проблема якраз в тому, чи усе існує таким чином, те що може бути показано в мові. Показуючи тільки те, що можемо показати, чи не відмовляємо ми у визнанні тому, що все ж є і тим, що відчувається (*erfahren wird*).

Я вважаю, гуманітарні науки дуже красномовно свідчать про цю проблему. І там є багато того, що може бути підпорядковано поняттю Методу сучасної науки. Кожен із нас повинен, в межах можливого, вважати верифікованість ідеалом всякого пізнання. Але треба визнати, що цей ідеал дуже рідко досягається, і ті дослідники, які прагнуть досягти його буквально, переважно нічого не можуть сказати про істинно важливі речі. Виходить так, що в гуманітарних науках є щось таке, що абсолютно немислимо в природознавстві, а саме, що іноді з книги дилетанта дослідник може навчитися більшому, ніж із книг професіоналів. Це обмежено, звичайно, винятковими випадками, але те, що такі є, показує, що тут відкривається зв'язок між пізнанням істини і тим, що виразимо в розмові, зв'язок, який не можна розміряти з верифікованістю висловлювання. Це так знаємо нам по гуманітарних науках, що ми переживаємо обґрунтовану недовіру до певного типу наукових робіт, в яких в передмовах і післямовах, а особливо в примітках занадто явно показується Метод, яким вони спрацьовані. Але чи дійсно там ставиться питання про щось нове? Чи дійсно там щось пізнається? Або ж в цих роботах лише настільки добре наслідують Метод пізнання і схоплюють його в зовнішніх формах, що таким чином створюється враження наукової роботи? Ми повинні зізнатися, що найбільші і плідотворні досягнення в гуманітарних науках, навпаки,

далеко випереджають ідеал верифікованості. А це набуває філософського значення, оскільки поширена думка полягає не в тому, що неоригінальний дослідник із метою обману видає себе за ученого, але навпаки, що нібито плідний дослідник у революційному протесті повинен усувати усе, що раніше цінувалося в науці. Більше того, тут проявляється важливе співвідношення, у зв'язку з яким те, що робить науку можливою, одночасно може перешкодити плідності наукового пізнання. Тут мова піде про принципове співвідношення істини і не-істини.

Це співвідношення проявляється в тому, що хоча чисте представлення існуючого істинно, таким чином розкриває його таким, як воно є, але воно завжди в той же час наказує, про що надалі взагалі має сенс запитувати, і що може бути розкрито в ході подальшого пізнання. Не можна постійно просуватися вперед в пізнанні, не упускаючи при цьому з рук можливої істини. Тут йдеться про кількісне відношення, начебто ми завжди могли утримати тільки кінцевий об'єм знання. Справа не в тому, що пізнаючи істину, ми в той же час закриваємо і забуваємо її, а швидше в тому, що ставлячи питання про істину, ми з необхідністю знаходимося у межах своєї ситуації герменевтики. А це означає, що ми абсолютно не в змозі пізнати багато чого, що є істинним, оскільки нас обмежують забобони, про які ми нічого не знаємо. І в практиці наукової роботи є щось схоже на «моду».

У науці слово «мода» звучить дуже погано, оскільки наші домагання, зрозуміло, повинні перевершувати те, чого вимагає лише мода. Але питання ставиться так: чи не полягає сутність справи в тому, що і в науці є мода. Чи не несе наш спосіб пізнання істини з собою те, що кожен крок вперед все далі віддаляє нас від передумов, із яких ми виходили, занурює їх в морок самоочевидності і цим нескінченно ускладнює вихід за ці передумови, апробацію нових і досягнення дійсно нових результатів. Не лише у житті, але і в науці є щось подібне бюрократизму. Ми запитуємо, чи належить це суті науки, або ж це лише свого роду її культурна хвороба, аналогічна хворобливим явищам, знайомим нам по інших областях, наприклад, коли ми захоплюємося величезними коробками наших адміністративних будівель і страхових установ? Можливо, це дійсно лежить у суті самої істини, якою вона спочатку мислилася греками, а тим самим і по суті наших пізнавальних можливостей, якими їх уперше створила грецька наука. Адже, як ми бачили вище, сучасна наука лише радикалізувала передумови грецької науки, які введені в поняття «Logos», «висловлювання», «судження». Філософське дослідження, яке в нашому поколінні в Німеччині було визначено Гуссерлем і Гайдеггером, поставивши питання, які умови істини висловлювання за межами логічного, спробувало дати собі в цьому звіт. Я вважаю, можна принципово стверджувати, що не може бути висловлювання, яке було б абсолютно істинним. Ця теза добре відома як початковий пункт гегелівського самоконструювання розуму за допомогою діалектики. «Форма пропозиції недостатньо майстерна для того, щоб висловити спекулятивні істини». **Бо істина є ціле.** Між тим ця гегелівська

критика висловлювання і пропозиції сама пов'язана ще з ідеалом тотальної висловлюваності, а саме, з тотальністю діалектичного процесу, пізнаваного в абсолютному знанні. Ідеал, що повторно довів до радикального здійснення грецького початку. Не за допомогою Гегеля, але тільки звертаючись до наук історичного досвіду, що здолали його, можна дійсно визначити межу, покладену логіці висловлювання з неї самої. Крім того в новому почині Гайдеггера зіграли важливу роль і роботи Дільтея, присвячені досвіду історичного світу.

Істина як відповідь

Немає такого висловлювання, яке можна зрозуміти тільки за змістом того, що воно показало, якщо хочуть досягнути це висловлювання в його істині. Всяке висловлювання мотивоване. Всяке висловлювання має передумови, яких воно не висловлює. Тільки той, хто враховує ці передумови, може дійсно визначити істинність висловлювання. Тут я стверджую, що останньою логічною формою такої мотивації всякого висловлювання є питання. Не судження, а питання має примат у логіці, що історично підтверджують платонівський діалог і діалектичне походження грецької логіки. Примат питання по відношенню до висловлювання означає, що висловлювання істотним чином є відповіддю. Немає такого висловлювання, яке не було б якою-небудь відповіддю. Звідси немає і розуміння якого-небудь висловлювання, що не розкриває свій єдиний масштаб у розумінні того питання, на яке воно відповідає. Коли говориш про це, то звучить це як само собою зрозуміле, відоме кожному по своєму життєвому досвіду. Якщо хтось висуває твердження, якого не розуміють, то намагаються з'ясувати, як він до цього прийшов, на яке питання, поставлене їм перед собою, його висловлювання є відповіддю. Якщо це висловлювання, яке повинно бути істинним, то треба самому спробувати поставити питання, відповіддю на яке воно може бути. Поза сумнівом, що не завжди легко знайти те питання, на яке висловлювання дійсно є відповіддю. Це нелегко передусім тому, що саме питання знову-таки не є щось первинне, якого ми можемо досягти за бажанням. Бо саме питання є відповіддю. Це і є діалектика, яка нас тут обвиває. Кожне питання мотивоване. І сенс його ніколи не можна повністю знайти в ньому самому. У нашій культурі, пов'язаній із наукою, порушена первинність запитання, тут і лежить корінь загрозованої проблеми олександрійства, на яку я вказував вище. Те вирішальне, що тільки і створює дослідника в науці, є вміння бачити питання. А бачити питання – означає бути здатним здолати замкнений непроникний шар розхожих упереджень (Vormeinungen), що володіють усім нашим мисленням і пізнанням. Справжньому дослідникові властива здатність долати цей шар таким чином, що водночас розкриваються нові питання і стають можливими нові відповіді. Кожне висловлювання має власний смисловий горизонт, що виникає в проблемній ситуації (Fragesituation).

Вживаючи в зв'язку з цим поняття ситуації, я вказую на те, що наукове питання і наукове висловлювання є лише спеціальними випадками загального відношення, сконцентрованого в понятті ситуації. Взаємозв'язок ситуації й істини був розкритий уже в американському прагматизмі. Там справжньою ознакою істини вважається підготовленість до ситуації. Плідність пізнання доводиться в прагматизмі тим, що воно усуває проблемну ситуацію. Я вважаю, що прагматичний поворот справи, який має тут місце, недостатній. Це проявляється вже в тому, що прагматизм просто усуває так звані філософські, метафізичні питання, оскільки для нього важливо тільки бути готовим у кожному випадку до ситуації. Щоб йти вперед, згідно з прагматизмом, слід відкинути увесь догматичний баласт традиції. Я вважаю, що це дуже поспішне узагальнення. Першість питання, про яке я говорив, не є прагматичною. Так же мало пов'язана з масштабом наслідків дії й істинна відповідь. Але прагматизм, мабуть, прав у тому, що треба вийти за межі формального відношення питання до смислу висловлювання. Ми зустрінемо у людей, що оточують нас, феномен питання в усій його конкретності, якщо відволічемося від теоретичного співвідношення питання і відповіді, що становить науку, і згадаємо про особливі ситуації, в яких до людей звертаються, просять і в яких вони самі запитують. Тоді стане ясно, що суть висловлювання розширюється. Не лише висловлювання завжди є відповіддю і вказує на питання, але саме питання, як і відповідь, в загальному характері висловлювання має функцію герменевтики. Вони обоє є зверненнями. Це повинно означати не лише те, що в змісті наших висловлювань грає роль щось із соціального оточення, хоча це вірно. Але йдеться про інше, про те, що істина є у висловлюванні лише настільки, оскільки висловлювання є зверненням. Бо ситуаційний горизонт, що становить істину висловлювання, включає і того, кому це висловлювання щось повідомляє.

Сучасна екзистенціальна філософія цілком свідомо зробила цей висновок. Я нагадаю про філософію комунікації Ясперса, суть якої полягає в тому, що обов'язковість науки кінчається там, де досягнуті істинні питання людського буття: кінцівка, історичність, провина, смерть, – коротше, так звані «пограничні ситуації». Комунікація тут є вже не передачею знання за допомогою обов'язкового доказу, але і способом спілкування екзистенції з екзистенцією. Той, хто говорить, сам є об'єктом звернення і в якості Я відповідає Тобі, оскільки для свого Ти він сам є Ти. Звичайно, мені здається недостатнім сформулювати в протилежність поняттю наукової істини, яка є безособовою, загальною і має обов'язковий характер, протилежне поняття екзистенціальної істини. Швидше, за зв'язком істини з можливою екзистенцією, на якій наполягав Ясперс, приходиться загальніша філософська проблема.

Тільки тут гайдеггерівське питання про суть істини дійсно вийшло за рамки проблемної області суб'єктивності. Його думка пройшла шлях від «предмета вживання» (Zeug) через «предмети, що є результатом праці»

(Werk), до «речі, що відноситься до сфери справжнього буття» (Ding), – шлях, який залишив далеко позаду питання науки, а також історичних наук. Не час забувати про те, що історичність буття (Sein) панує і там, де тут-буття (Dasein) усвідомлює себе і де воно, будучи наукою, поводить себе історично. Герменевтика історичних наук, колись розвинена в романтизмі історичної школи від Шлейєрмахера і до Дильтея, набуває абсолютно нового завдання, якщо, слідуючи Гайдеггеру, вона виходить із проблематики суб'єктивності. Єдиним, хто виконав тут підготовчу роботу, являється Ханс Липпс, чия логіка герменевтики хоча і не дає дійсної герменевтики, але успішно підкреслює обов'язковість мови всупереч її логічному нівелюванню.

Історія і істина

Те, що всяке висловлювання, як говорилося вище, має свій ситуаційний горизонт і свою функцію звернення, є лише основа для наступного висновку про те, що кінцівка й історичність всякого висловлювання сходять до принципової кінцівки й історичності нашого буття. Те, що висловлювання є щось більше, ніж тільки представлення (Vergegenwartigen) існуючого стану справ, означає передусім те, що воно належить цілому історичній екзистенції і є «одночасним» усьому тому, що в ній може бути сьогоднішнім. Коли ми хочемо зрозуміти які-небудь традиційні положення, то вдаємося до історичних роздумів, які дозволяють простежити, де і як ці положення були висловлені, що є їх справжнім мотиваційним фоном, а тим самим і їх справжнім сенсом. Отже, якщо ми хочемо уявити собі деяке положення як таке, ми повинні спів-уявити собі його історичний горизонт. Але очевидно, що цього недостатньо для опису того, що ми насправді робимо. Бо наше відношення до традиції не обмежується тим, що ми хочемо її зрозуміти, встановивши її сенс за допомогою історичної реконструкції. Нехай цим займається філолог, але навіть він міг би визнати, що насправді робить більше. Якби старовина не була класичною, тобто зразковою для всякої мови, думки і поезії, то не було б і класичної філології. Але і в будь-якій іншій філології діють чари іншого, чужого або далекого, відкриваючого нам себе. Справжня філологія є не лише історія, саме тому, що сама історія є *ratio philosophandi* – шлях пізнання істини. Той, хто займається історичними дослідженнями, завжди зумовлений своїм власним переживанням історії. Історія завжди переписується наново тому, що нас визначає сьогоднішнє. У ній йдеться не лише про реконструкцію, не тільки про те, щоб зробити минуле «рівночасовим» (*gleichzeitig*), але справжня загадка і проблема розуміння полягає в тому, що таким чином зроблене «рівночасовим», завжди було «одночасним» нам як щось, що бажає бути істинним. Те, що здається лише реконструкцією минулого смислу, зливається з тим, що безпосередньо звертається до нас як істинне. Я вважаю, що одна з найважливіших поправок, яку ми повинні внести в саморозуміння історичного розуму, полягає в тому, що «одночасність» виявляється вищою діалектичною

проблемою. Історичне пізнання ніколи не є тільки представленням, а розуміння – тільки реконструкцією смислової структури, свідомим тлумаченням неусвідомленого створення. Швидше, розуміти один одного – означає розуміти один одного в чомусь. Відповідно, розуміти минуле – означає почути те, що воно, як дійсне, хоче нам сказати. Першість питання перед висловлюванням у герменевтиці означає, що кожне питання, яке розуміють, ставлять самі собі. З'єднання горизонту сучасності з горизонтом минулого – справа історичних гуманітарних наук. Але при цьому вони роблять тільки те, що робимо і ми самі вже тим, що існуємо.

Коли я вживав поняття «рівночасність», то робив це, щоб сприяти способу його застосування, запропонованому Киркегором. Саме він позначив істину християнського Євангелія як "рівночасність". Для нього справжнє завдання буття Христа полягало в тому, щоб зняти в «рівночасності» дистанцію з минулим. Те, що у Киркегора з теологічних причин сформульовано у вигляді парадоксу, насправді має силу для усього нашого відношення до традиції і минулого. Я вважаю, що мова здійснює постійний синтез між горизонтом минулого і сьогодення. Ми розуміємо один одного, розмовляючи один із одним, постійно «говорячи різними мовами» і кінець кінцем вживаючи слова, якими ми представляємо один одному виражені цими словами речі. Річ у тому, що мова має свою власну історичність. Кожен із нас має свою власну мову. Дві людини, що живуть разом, мають свою мову. Проблеми спільної для усіх мови не існує взагалі, але є диво того, що усі ми хоча і маємо різні мови, все ж можемо розуміти один одного всупереч межах індивідумів, народів і часів. Це диво, очевидно, невіддільно від того, що і речі, про які ми говоримо, представляються нам як загальне завдяки тому, що ми говоримо про них. Який предмет, з'ясовується, так би мовити, лише коли ми говоримо про нього. Отже, те, що ми маємо на увазі під істиною – відкритість, незакритість мови – має власну тимчасовість й історичність. Ми зі здивуванням помічаємо, що при всій нашій турботі про істину ми не можемо висловити істини без звернення, без відповіді, а тим самим і без спільності досягнутої згоди. Але самим дивним по суті мови і бесіди являється те, що і я сам не пов'язаний своєю думкою, коли говорю з кимось іншим; що ніхто з нас не охоплює своєю думкою усю істину, але проте повна істина може охопити нас обох у наших окремих думках. Герменевтика, відповідна нашій історичній екзистенції, повинна була б мати своїм завданням розгортання тих смислових зв'язків мови і бесіди, які ми не помічаємо (*hinwegspielen*).

КОПНІН Павло Васильович

Павло Васильович Копнін народився 27 січня 1922 року у селі Гжель Раменського району Московської області. Захистив кандидатську дисертацію «Боротьба матеріалізму і ідеалізму в розвитку вчення про суть судження». Докторська дисертація – «Форми мислення і їх роль в пізнанні». Завідувач кафедру філософії АН СРСР (1956-1958), з 1958 року завідував кафедрою філософії Київського політехнічного інституту, працював директором Інституту філософії АН УРСР, із 1968 року – Інституту філософії АН СРСР.

Член редколегій «Філософської енциклопедії» (1961-1970) і журналу «Питання філософії» (1963-1971). З 1963 року – член Виконавського комітету Міжнародної федерації філософських суспільств.

Їм здійснена розгалужена типологія форм мислення, форм пізнання і форм систематизації наукових знань, зроблені істотні уточнення в розумінні співвідношення чуттєвого і раціонального, теоретичного і емпіричного.

Основні праці: «Діалектика як наука», «Гіпотеза і пізнання дійсності», «Ідея як форма мислення», «Логічні основи науки», «Діалектика як логіка і теорія пізнання», «Гносеологічні і логічні основи науки», «Проблеми діалектики як логіки і теорії пізнання».

Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. / Павел Васильевич Копнин. – М., 1974. – С. 19 – 30, с. 141 – 14, с. 222 – 254, с. 297 – 329, с. 491 – 497.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ, МЕТОД И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Понятие мировоззрения и изменение его содержания в ходе развития познания современная наука отчетливо понимает так, что бесконечный мир как целое, с одной стороны, не охватывается ни одной системой взглядов, а с другой стороны, любая наука так или иначе рассматривает мир в целом. Например, математика, изучая количественные или пространственные отношения, дает знания о мире в целом в том смысле, что изучаемые ею отношения характерны для всех явлений в мире. И физика изучает в определенном смысле мир как целое, ибо физическая форма движения материи существует во всех системах Вселенной. Человечество исследовало довольно незначительную часть Вселенной. В любую эпоху существуют трудности воспроизведения Вселенной как целого в научных понятиях. Как бы человечество к этому ни стремилось, оно, по-видимому, никогда этого не достигнет. Стремление воспроизвести в научных понятиях Вселенную в целом составляет задачу не мировоззрения, а всей совокупности научного знания. <...>

В задачу мировоззрения входит воспроизведение в научных понятиях всеобщих законов развития, действующих в явлениях, а не отдельных явлений как целого и тем более мира как целого. Мир как целое воспроизводится системой наук, рассматривающих его с разных сторон. Представить мир как целое – это стремление может быть осуществлено

всей совокупностью знания в процессе бесконечного развития и оно всегда остается в силу бесконечности мира только стремлением.

Таким образом, определение мировоззрения как системы взглядов на мир в целом утратило свое значение. Понятие мировоззрения приобрело новое специфическое значение только после того, как произошло разделение знания на философское и нефилософское (позитивное). Раньше все знание и даже незнание входило в философию, в мировоззрение, и поэтому не было противопоставления мировоззренческих проблем специальным. Развитие научного знания привело к необходимости такого разделения, а также потребовало четкого осознания собственно мировоззренческих проблем и выяснения их отношения к конкретным областям научного знания. <...>

Функция мировоззрения в познании и практике

Какова же роль мировоззрения в науке и практике? Мировоззрение выступает методом, теорией познания и практического действия. Известно, что всякий научный метод является использованием объективных закономерностей в познании и практике человека.

Представление мировоззрения, философского метода и теории познания самостоятельными, отдельными частями философии не отвечает современному понятию мировоззрения, оно суживает как мировоззрение, так и философский метод и теорию познания. <...>

Мировоззрение функционирует в познании и практике в качестве метода достижения новых результатов.

Мировоззрение следует отличать от собственно научной картины явлений природы, общества и человеческого мышления. Наука стремится в каждый исторический период своего развития суммировать знания о природе, обществе и человеческом мышлении, выразить каким-то образом совокупность всех человеческих знаний. Систематизация человеческих знаний в определенный исторический период их развития имеет, во-первых, методологическое значение; во-вторых, такое подведение итогов служит толчком для дальнейшего развития науки. Создание научной картины мира – общая задача всех отраслей научного знания, каждая из них вносит свой вклад в это дело. Причем мировоззрению принадлежит особая роль: оно выступает цементирующим, связующим звеном, давая знание о наиболее общих законах всякого развития. В связи с дальнейшим процессом дифференциации и интеграции научного знания роль научного мировоззрения непрерывно возрастает, каждая наука стремится осознать свое место в общей системе знания, а также перспективы своего дальнейшего развития, пути связей с другими науками, возможности применения методов других наук к изучению своего предмета. Научное мировоззрение помогает плодотворно решать эти проблемы, способствуя тем самым общественному прогрессу.

С развитием научного знания роль мировоззрения не только не уменьшается, а, наоборот, возрастает. При этом меняется само содержание

мировоззрения, его место в развитии науки и общества. Не подменяя роли других наук, оно выполняет свою специфическую и очень важную функцию в общественном прогрессе. <...>

Истина и ее критерий

Истина как процесс. Конкретность истины.

Исходя из рассмотрения истины как процесса, можно решить ряд трудных проблем гносеологии. Одной из них является вопрос о суверенности человеческого познания. Может ли человек иметь истинное знание о всей объективной реальности? Может ли он познать все явления и процессы во всей их полноте? <...>

Истина, как и все остальное, в чистом виде существует только в абстракции, а каждый действительный процесс движения познания означает движение от неистинного к истинному, и он не свободен от моментов иллюзорности, заблуждений. Любая теория содержит элементы, неистинность которых обнаруживается последующим ходом развития науки.

Но не только в целом объективно-истинное знание содержит в себе моменты заблуждений. На определенном этапе развития познания обнаруживается, что некоторые положения науки были заблуждением. <...>

История человеческой мысли, одиссея человеческого разума полна трагических моментов борьбы истины и заблуждения, которые как два противоположных процесса непримиримы. Но где причина существования наряду с истиной и заблуждения как особого пути движения мышления?

Эти причины прежде всего внегносеологического характера. Они коренятся в противоречиях общественной жизни людей. Как уже отмечалось, познание – общественно-исторический процесс. В обществе возникают определенные социальные силы, которые толкают познание на путь заблуждения, превращают моменты иллюзорности, которые неизбежны в процесс движения познания по пути к объективной истине, в самостоятельное направление движения познания, независимое от истины и противоположное ей. <...>

«Абсолютная истина в последней инстанции», «вечная истина» – это химеры, погоня за которыми может сбить познание с пути истины и привести под видом «вечных истин» к величайшим заблуждениям времени. <...>

Следовательно, нет отдельно абсолютной истины и относительной, а существует одна объективная истина, которая одновременно является абсолютно-относительной. Абсолютность и относительность – это характеристики зрелости процесса, носящего имя объективной истины, которая никогда не бывает только либо абсолютной, либо относительной. Поиски только абсолютного сведут ее к банальностям «вечных истин», а относительная истина, лишенная момента абсолютности, смыкается с заблуждением. А между «вечной истиной» и заблуждением разница

незначительная, часто вечные истины превращаются в заблуждения эпохи. <...>

Гносеологические вопросы научного исследования

Гносеологическая природа научного исследования и его основные категории.

Но эта общегносеологическая характеристика исследования как процесса познания еще недостаточна. Необходимо знать его как исследование, а именно вскрыть особенности того акта познания, который непосредственно направлен на получение ранее неизвестных результатов субъекту как обществу, а не как индивидууму. Школьник или студент, присутствуя на учебных занятиях, читая учебники, познает, но не исследует. Он осваивает новое для него знание, но не достигает новых для человеческого общества результатов. Можно различать познание для себя и познание для других, для общества. Обучение – познание для себя (индивидуальное познание), а научное исследование – познание для других. Научное исследование – это познание, непосредственно нацеленное на достижение в мысли результата, нового не только для данного субъекта, но для субъекта вообще. Причем, чтобы понять сущность познания, надо его рассмотреть как исследование, поскольку в последнем выступает характерная особенность человеческого познания – движение мысли к действительно новым результатам. <...>

В научном исследовании, в том числе и при выдвижении новых идей, предположений, ученый пользуется не только аналогией и индукцией, но и всеми формами дедуктивных умозаключений. Когда ставится вопрос о категориях научного исследования, то речь идет о понятиях, в которых выражена сущность научного исследования, составляющих его моментов. Категориями, характеризующими главные этапы научного исследования, являются проблема, факт, система. Научное познание начинается с постановки проблемы. <...>

Собрание фактов – одна из важных составных частей научного исследования. Ученый не уподобляется старьевщику и не подбирает любые факты по принципу: авось пригодятся. Он с самого начала ищет факты, руководствуясь определенной целью, заложенной уже в самой постановке проблемы.

Эта цель развивается, видоизменяется в процессе исследования, но она в то же время всегда сохраняется, пока окончательно не будет решена проблема. Какое бы количество фактов собрано ни было, сами по себе они не составляют научного исследования. Факты можно собирать до бесконечности, и никогда всех не соберешь. К поискам фактов ученый обращается на всем протяжении своего исследования, но никогда факт не выступает самоцелью, а только средством решения стоящих задач. Исследователю для выдвижения научного предположения всегда необходимо иметь определенное количество фактов. Другие же факты нужны ему для обоснования и развития этого предположения, третьи – для

доказательства. Решение научной проблемы всегда выступает в форме системы знания, объясняющей интересующее нас явление или процесс.

Истина, Красота, Свобода

Идея как гносеологический идеал.

<...> Наука должна использовать весь богатейший опыт, накопленный различными народами; и если она еще всего не сделала в этом направлении, то это не означает, что мы должны отвернуться от нее.

Научно-теоретическое познание создает значительно более широкие возможности для человеческой практики, поэтому роль науки в общественной жизни непрерывно возрастает. Человек все больше в практике ориентируется не на эмпирическое наблюдение, а на научную теорию.

В достоверной научной теории знание достигает той степени зрелости, когда созданы многие предпосылки для его перехода в практическое действие. Прежде всего в этой теории дана объективная конкретная истина, обоснованная до степени достоверности, знание из единичности через особенность доведено до постижения всеобщности, что, несомненно, очень важно для практики. В идеале практическое действие должно быть столь же универсальным, как и закон. <...>

Для научного понимания идеи необходимо знание не только об объекте, но и о субъекте, его целях и стремлениях, общественных потребностях и, наконец, знание о знании, т. е. средствах и путях преобразования действительности, воплощения теоретического знания в жизнь. <...>

Своеобразие идеи состоит также в том, что в ней по существу теоретическое познание развивается до порога самоотрицания, знание намечает переход в иную сферу – практическую, в результате чего в мире возникают новые явления и вещи. Идея – это конец знания и начало вещи. Идея реализуется не только в практической, но и теоретической деятельности человека. В строении науки она выполняет синтезирующую функцию, объединяет знание в некоторую единую систему – теорию или систему теорий. <...>

Вера – субъективное средство объективации идеи.

Идеи практически реализуются людьми не только с помощью материальных (орудий труда), но и с помощью духовных средств (воли, эмоций и т.д.). У человека должна созреть решимость действовать в соответствии с идеей; в формировании этой решимости определенная роль принадлежит уверенности, вере в истинность идеи, в необходимость действия в соответствии с ней, в реальную возможность воплощения идеи в действительность.

Знание и вера считались исконно противоположными, несовместимыми. И действительно, если под верой понимать слепую веру в иллюзорный, фантастический мир, веру, с которой связано религиозное мировоззрение, то они несовместимы. <...>

Необходимо строго различать слепую веру, ведущую к религии, и веру как уверенность, твердость и убежденность человека, основанную на знании объективной закономерности. Последняя не только не противоречит истине науки, но вытекает из нее.

Вера выступает определенным промежуточным звеном между знанием и практическим действием, она не только и не просто знание, а знание, оплодотворенное волей, чувствами и стремлениями человека, перешедшее в убеждение. Внутренняя убежденность, уверенность в истинности знания и правильности практического действия необходимы человеку, но эта убежденность ничего общего не имеет с религией и ее атрибутами. <...>

Сознательная вера выражает внутреннюю убежденность субъекта в истинности идеи, правильности плана ее практической реализации. В ней объективно-истинное знание переходит в субъективную уверенность, которая толкает, побуждает, психологически настраивает человека на практическое действие, претворяющее идею в жизнь. В этом гносеологическое содержание понятия веры и ее необходимость для развития познавательного процесса.

Логические основы науки

Понятие знания.

Раскрытие содержания понятия знания начнем с утверждения: «Я не знаю, что такое знание». Анализ этого предложения позволит нам выяснить особенности того явления, которое называется знанием.

Если я, будучи философом, не знаю, что такое знание, то это влечет за собой некоторые неприятные социальные последствия. Признано, что каждый человек должен что-то знать о той области, с которой связана его практическая деятельность. Сапожник должен знать, что такое сапоги и как их шьют, повар – как надо варить борщ, каменщик – как делается кладка при строительстве дома и т.п. В силу этого знания и умения каждый из них занимает определенное место в общественном разделении труда. Точно так же философ должен знать, что такое знание, и сделать это знание достоянием других людей. В этом – его общественная функция.

<...> Знание – необходимый элемент и предпосылка практической деятельности человека. <...>

Утверждение «Я не знаю, что такое знание» означает отсутствие овладения предметом, в данном случае знанием. Однако в отличие от труда знание является только теоретическим, а не практическим овладением объектом. Знать, что такое сапоги и как их можно сшить, – это еще не значит иметь сапоги на ногах. Знание дает не сам предмет, а идею предмета и способ его практического получения. Теоретическое овладение предметом является предпосылкой получения его в практике.

Таким образом, можно дать еще одно определение знания: знание – форма деятельности субъекта, в которой целесообразно, практически-направленно отражены вещи, процессы объективной реальности.

Утверждение «Я не знаю, что такое знание» таит в себе мысль о невозможности оперировать знанием как чем-то реально данным, развивать его, передавать другим людям и т. п. В самом деле, как можно им оперировать, если знание, как форма деятельности человека идеально. Оно дает образ, форму вещи, которая существует только в деятельности, в формах его сознания и воли, «как форма» вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке «как внутренний образ, как потребность, как побуждение и цель человеческой деятельности». Но оно существует и реально, практически, принимая определенную чувственно воспринимаемую форму знаков, языка, в котором эти внутренние формы, образы вещей связываются с предметами определенного вида (звуками, графическими изображениями и т. п.).

Если бы знание не было выражено с помощью языка, им нельзя было бы оперировать в обществе. Человек не может передать другому, например, план создания топора, который имеется у него в голове, – это возможно только тогда, когда план будет выражен в той или иной чувственно-воспринимаемой форме. Знания приобретают предметный характер, становясь языком.

<...> Знание как необходимый элемент и предпосылка практического отношения человека к миру является процессом создания идей, целенаправленно, идеально отражающих объективную реальность в формах его деятельности и существующих в виде определенной языковой системы. <...>

Особенности современного научного знания

Знания человека первоначально существовали в виде эмпирического опыта, фиксирующего наблюдения над явлениями природы и общественной жизни. Этот опыт передавался от поколения к поколению и обогащался по мере развития самого общества.

Но наступил период, когда потребовалась систематизация имеющихся знаний и осмысление их. Философия возникла именно как любовь к мудрости, как любознание. В своем первоначальном виде она стремилась охватить всю сферу существовавшего знания вне зависимости от его характера, стремилась осознать само знание и дать метод его приобретения. Поэтому философия явилась первой формой науки и науки о науке, но и в первом и во втором случае была еще весьма несовершенна.

В настоящее время вместо одной науки мы имеем дело с очень разветвленной сетью отдельных наук; существенной частью их становятся теоретические системы, в которых абстракции связаны по более или менее строгим правилам. Количество этих систем непрерывно растет; когда открывается новая предметная область, входящая в сферу практической и теоретической деятельности человека, возникает вопрос, не является ли эта теоретическая система знания самостоятельной наукой.

Первым отличительным признаком науки может быть указание, что она «является знанием, основанным на фактах и организованным таким образом, чтобы объяснять факты и решать проблемы». <...>

Науки никогда не конструируются из кусочков знания, взятых из различных систем. Они возникают в ходе внутреннего развития какой-то системы теоретического знания, на основе вновь открытых фундаментальных закономерностей, служащих основой нового метода познания.

Категориальный характер знания

На основе категорий образуются новые научные понятия, теоретически осмысливаются, экстраполируются данные опыта, соединяются результаты познания, достигнутые в разное время, различными способами и, казалось бы, не имеющие отношения друг к другу. Творческая способность разума покоится на синтезе, а в основе последнего лежат категории мышления. Но категории способны не только направить мысль на образование новых понятий и теорий в науке, но и, осваивая их, менять свое собственное содержание, образовывать другие категории. Только таким путем мышление способно переходить границы в познании, постигать такие объективные его свойства, которые ранее казались непостижимыми. <...>

Наука как логическая система

Логическая система создается для выражения существа знания и как арсенал средств его движения. В качестве адекватной формы знания выступает наука.

<...> Логическая природа науки заключается не только в том, что в ней предмет схватывается в отличие от искусства в системе абстракций. Наука – прикладная логика, ибо она создает средства движения знания к новым результатам.

Всякая наука на основе своих теоретических построений создает правила, регулирующие дальнейшее движение познания своего предмета. Где есть правила движения мысли, там есть логика.

Наука – <...> логически организованная система теорий, а не механическая совокупность их. Именно в этой связи теорий заключается особенность науки как системы знания. Система нигде не является самоцелью, она выступает средством решения каких-то задач; в науке она строится с несколькими целями: 1) достигнутые результаты познания выявить во всей полноте, 2) использовать полученное знание для движения к новым результатам. Во втором случае система становится методом. Зрелость науки определяется ее методом, наличие которого свидетельствует о способности возникшей системы знания к саморазвитию, обогащению новыми положениями. <...>

Система и метод в науке взаимосвязаны. В качестве объективной основы научного метода выступает система знания, отражающая закономерности движения изучаемого предмета. Но само по себе познание объективных закономерностей еще не составляет метода, необходимо на основе этого познания выработать приемы, способы теоретического и

практического постижения объекта. Система науки непосредственно направлена на полное выражение достигнутого знания свойств и закономерностей объекта.

Задачей метода науки является достижение новых результатов, в нем зафиксированы способы движения к ним, в нем как бы воедино соединяются познанное в объективном мире с человеческой целенаправленностью на дальнейшее познание и преобразование объекта. Система научного знания реализует себя в методе познания и практического действия. <...>

Элементы логической структуры науки

Наука как система знания имеет свою структуру, выполняющую определенные логические функции.

Приобретение наукой логической структуры предполагает прежде всего более или менее строгое выделение предмета ее изучения, особенности которого во многом определяют ее. Первой в истории строгой научной системой, имеющей ярко выраженную логическую структуру, является геометрия, изложенная в «Началах» Евклида. В ней, во-первых, очерчен предмет – простейшие пространственные формы и отношения; во-вторых, знание приведено в определенную логическую последовательность: сначала идут определения, постулаты и аксиомы, потом формулировки теорем с доказательствами. В ней выработаны основные понятия, выражающие ее предмет, метод доказательства, и она по праву считается одним из первых образцов дедуктивной системы теорий <...>

Конечно, науки различаются по их предмету, степени зрелости их развития. Поэтому можно говорить о своеобразии логической структуры каждой науки. Но эти специфические особенности могут быть вскрыты специалистами каждой отдельной области, и они представляют интерес только для них. Для логики же научного исследования чрезвычайно важно выявить логическую структуру построения науки вообще. Само собой разумеется, что эта структура будет носить до некоторой степени характер идеала, к которому должны стремиться науки в своем развитии.

Нельзя выявить логическую структуру науки путем сравнения структур различных отраслей знания на всех этапах их исторического развития и нахождения общего в их построении. <...>

Поэтому существует один путь – рассматривать современные зрелые отрасли научного знания, в которых наиболее четко выражена и уже осмыслена структура; на основе анализа этих отраслей знания попытаться уловить тенденцию в развитии структуры науки, образующую реальный идеал научного знания. Элементами логической структуры науки являются: 1) основания, 2) законы, 3) основные понятия, 4) теории, 5) идеи.

ШТОФФ Віктор Олександрович

Віктор Олександрович Штофф народився 12 лютого 1915 року в місті Харкові.

У військові роки Віктор Олександрович підготував свою першу кандидатську дисертацію на тему «Теорія розвитку у філософії Фіхте». Проте прийнята в 1943 році постановою ЦК ВКП(б), що містила різку критику німецької класичної філософії, зробила захист цієї дисертації неможливою. В результаті Віктор Олександрович вимушений почати роботу над новою дисертацією, присвяченою філософським поглядам М.А. Антоновича. Тема докторської дисертації: проблеми моделювання як методу наукового пізнання, роль моделей в пізнанні.

Більше сорока п'яти років В.О. Штофф викладав філософію на різних факультетах Ленінградського університету. В.О. Штофф бере участь в роботі кафедри філософії АН СРСР. Під його керівництвом підготовлені десятки кандидатських і ряд докторських дисертацій.

Віктор Олександрович Штофф розглядає широке коло питань наукової методології (співвідношення чуттєвого і логічного, емпіричного і теоретичного, проблеми наукового опису і пояснення, виміру, спостереження і експерименту і багато іншого). Слід підкреслити, що, хоча він цікавився онтологічними і гносеологічними проблемами в рівній мірі, все ж більшою мірою схилявся до дослідження логіко-методологічних питань наукового пізнання.

Штофф є автором більше 80 наукових праць, у тому числі – фундаментальних монографій: «Моделювання і філософія», «Проблеми методології наукового пізнання». Праці В.О. Штоффа отримали міжнародне визнання, перекладені і видані в Угорщині, Німеччині, Польщі, Болгарії.

Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. / Виктор Олександрович Штофф. – М., 1978. – С. 113–114, с. 135–137, с. 143 – 145, с. 191 – 193, с. 199 – 201.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Модели и модельный эксперимент

Модель – это специфическая, качественно своеобразная форма и одновременно средство научного познания. Она выполняет специальные функции в процессе научного познания.

Имея в виду сказанное выше, мы будем называть моделью любую систему, мысленно представляемую или реально существующую, которая находится в определенных отношениях к другой системе (называемой обычно оригиналом, объектом или натурой) так, что при этом выполняются следующие условия:

1. Между моделью и оригиналом имеется отношение сходства, форма которого явно выражена и точно зафиксирована (условие отражения или уточненной аналогии).

2. Модель в процессах научного познания является заместителем изучаемого объекта (условие репрезентации).

3. Изучение модели позволяет получать информацию (сведения) об оригинале (условие экстраполяции).

Эти три взаимно связанные и обуславливающие друг друга условия являются необходимыми и достаточными признаками модели. Необходимыми потому, что отсутствие одного из них лишает систему ее модельного характера. Достаточными потому, что они объясняют все специфические особенности модели как своеобразной формы и специального средства научного познания. <...>

Для построения научной классификации очень важно выбрать в качестве основы такой признак или такие признаки, которые отражали бы существенные свойства, связи и отношения классифицируемых объектов. В нашем случае в качестве таких признаков, позволяющих различить и сгруппировать, систематизировать различные типы моделей, мы выберем: а) характер их отношения к объекту или, точнее, способ, форму репрезентации оригинала и б) степень, характер или уровень сходства модели и замещаемого объекта.

Понятие научного факта

<...> Термин «факт» употребляется в трех следующих значениях:

1. В значении некоторого «события», «явления», «фрагмента действительности» <...>

2. В значении особого рода эмпирических высказываний или предложений (фактофиксирующие предложения), в которых описываются познанные события и явления. <...>

3. В некоторых контекстах термины «факт», «фактически» употребляются как синонимы слов: «верно», «истина», «истинный» (например, «факт, что сумма углов треугольника равна 180 градусам»). <...>

Очевидно, что употребление слова «факт» как синонима понятия «истина» не порождает особой методологической проблематики, которая не входила бы в теорию истины. Поэтому мы исключаем из дальнейшего рассмотрения это значение термина «факт», как неспецифическое. <...>

Средством, которое позволяет сохранить факты, включить их в состав науки, оперировать с ними и перерабатывать их в теории, является язык, прежде всего естественный, а затем и искусственный. С помощью языка формулируются предложения, значениями которых могут быть содержание истинное или ложное, представление о единичном событии или мысль об общем законе и т. д. <...>

В отличие от фактов действительности (факт-1), которые существуют независимо от того, что о них думают люди и поэтому не являются ни истинными, ни ложными, факты-2, будучи предложениями (высказываниями, суждениями), допускают истинностную оценку. Если предложением мы называем такое высказывание, которое является либо

истинным, либо ложным, то от факта-2, от фактофиксирующего предложения требуется, чтобы оно было только истинным. Понятие ложности и понятие факта являются несовместимыми понятиями. Ложные предложения не могут составлять фундамент научной теории. Более того, в качестве фактов-2 фактофиксирующие предложения должны быть эмпирически истинными, т. е. их истинность устанавливается опытным, практическим путем. <...>

Гипотеза и ее роль в познании

Во многих книгах, учебниках и руководствах по методологии науки процесс научного открытия и создания теории изображается как результат применения метода индукции, с помощью которого обработка и обобщение результатов наблюдений и экспериментов приводит прямой дорогой к установлению научной теории, причем неясно, почему проводятся данные наблюдения, задумываются и ставятся именно такие эксперименты. Согласно такой концепции, создание теории по методу индукции подобно работе некоего автоматического устройства или машины, в которую в качестве сырого материала «загружаются» факты, а в качестве готовой продукции получают научные теории. Ответственность за распространение подобной концепции в известной мере несут эмпирики и индуктивисты, перевозносившие до небес индукцию и рассматривавшие ее как универсальный метод познания, с помощью которого ученые от фактов, установленных в наблюдении, переходят к построению теории, к научному открытию.

Нельзя придумать более антидиалектической и упрощенной картины пути научного познания, чем эта схема. В действительности движение научного познания от эмпирического базиса к теоретическим построениям, к научному открытию значительно сложнее <...>

К числу необходимых узловых пунктов на пути к теории находится гипотеза, ее выдвижение, ее формулировка и разработка, ее обоснование и доказательство. <...>

Гипотеза возникает не как автоматический результат индукции, не как индуктивное заключение, а как один из возможных ответов на возникшую проблему. Здесь мы обнаруживаем еще одну слабость индуктивизма и эмпиризма. Дело в том, что эмпирическое исследование, сбор и изучение фактов не могут даже начаться до тех пор, пока не появится некоторая трудность в практической или теоретической ситуации, т.е. пока не возникнет противоречие между существующей теорией и возможностью ее приложения к некоторой новой предметной области. <...>

Можно сформулировать ряд условий, которым должно удовлетворять любое предположение, чтобы получить статус научной гипотезы. Выполнение этих условий позволяет отсеять множество предположений уже до их проверки и сосредоточить усилия на разработке и проверке действительно ценных, перспективных научных предположений. Каковы же эти условия?

Первое условие охватывает отношение гипотезы к фактам. Гипотеза не должна противоречить известным и проверенным фактам. <...>

Научная ценность гипотезы определяется тем, насколько она может объяснить всю совокупность известных фактов и предсказать новые, неизвестные ранее факты. Объясняющая и предсказательная функции гипотезы – не только признак познавательной ценности гипотезы, но и важный фактор последующей проверки ее истинности.

Второе условие характеризует отношение, гипотезы к истинным законам науки – следовательно, к существующим научным теориям. Всякая новая гипотеза, объясняющая явления и законы данной предметной области не должна вступать в противоречие с другими теориями, истинность которых для этой же предметной области уже доказана. <...>

Третьим условием состоятельности научных гипотез является их соответствие общим принципам научного, т. е. диалектико-материалистического, мировоззрения. <...>

Оно не гарантирует истинности отобранной гипотезы, но исключает из науки безусловно несостоятельные гипотезы, ложные идеи. Выполнение этого требования является практическим выражением одной из методологических функций диалектического материализма.

Очень важным условием научного характера выдвигаемой гипотезы является ее доступность опытно-экспериментальной или вообще практической проверке. При этом следует различать 1) принципиальную и 2) технически и исторически осуществимую проверку истинности гипотезы. Принципиальная проверяемость гипотезы возможна тогда, когда она сформулирована без нарушения законов природы.

ЛАПШИН Іван Іванович

Іван Іванович Лапшин народився 11 жовтня 1870 року в Москві. Вчився на історико-філологічному факультеті Петербурзького університету, після захисту докторської дисертації «Закони мислення і форми пізнання» стає екстраординарним професором, а пізніше завідувачим кафедрою філософії Петербурзького університету. У 1922 разом із групою учених висланий із Радянської Росії, жив у Чехії.

Для філософських поглядів І.І. Лапшина характерна жорстка антиметафізична спрямованість, що призводить до відмови переносити закони мислення на речі поза всяким відношенням до нашої свідомості. Пізнавані лише предмети, що мають чуттєвий зміст, оформлені часом, простором та іншими категоріями, тобто явлені в досвіді. Метафізичні побудови і проблеми (в т.ч. і проблема «чужого я») є лише «робочі гіпотези», що мають евристичну цінність. Творчість, винахід, маючи виток «філософську пристрасть здивування», здійснюються за рахунок ідейної і стилістичної комбінаторики.

«Винахідливість» у філософії – це, по І.І. Лапшину, творчий елемент, який постійно є присутнім у філософському пізнанні. «Філософська пристрасть здивування» перед самим фактом буття стає первинним творчим імпульсом метафізичного самовизначення людини. І.І. Лапшин вибудовує систему принципів філософської творчості – винаходи, включаючи в їх число «комбінаторику фактів», «комбінаторику думок», «комбінаторику точок зору», «комбінаторику форм вираження». Усі ці моменти утворюють творчу єдність філософського досвіду і при цьому абсолютно раціональні, оскільки знаходяться під «безперестанним контролем думки».

Головні праці – «Закони мислення і форми пізнання», «Проблема "чужого я" в новітній філософії», «Гносеологічні дослідження. Логіка стосунків і силіогізм», «Філософія винаходу і винахід у філософії», «Феноменологія».

Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии / Иван Иванович Лапшин. – М., 1999. – С. 31, 33, 103, 149, 150, 195 – 196, 219.

ФИЛОСОФИЯ ИЗОБРЕТЕНИЯ И ИЗОБРЕТЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ

Я озаглавил мою книгу «Философия изобретения...». Можно по этому поводу задаться вопросом о различии терминов открытия и изобретения.

<...> Источником открытия является гипотеза, которая находит себе подтверждение в данных опыта, так сказать, раскрывает перед нами некоторую естественную законосообразную связь данных опыта. Изобретение есть порождение фикции, искусственного понятия, вспомогательной конструкции мысли, которая имеет чисто «инструментальное» значение, являясь лишь эвристической уловкой, методологическим приемом. Так, закон тяготения есть открытие Ньютона, а дифференциальное исчисление – изобретение Лейбница. <...>

Я предпочитаю употреблять в расширенном смысле термин изобретение, ибо в нем подчеркивается творческий активный момент человеческой мысли (изобретательность ума). В открытии более подчеркивается эмпирическая данность новых областей физического или духовного мира. Нельзя сказать, что Колумб изобрел Америку или Вебер изобрел известный психофизический закон, как нельзя сказать, что Аристотель открыл силлогизм; поскольку речь идет о результате творческой работы, мы сохраняем это разграничение, но поскольку речь идет о процессе открытия, можно сказать, что в основе всякого открытия, если оно не есть случайная находка, лежит новое изобретение мысли, конструкция нового научного понятия.

Если всякое научное и философское изобретение есть прежде всего конструкция нового понятия, то оно, очевидно, глубоко отличается и от простой приспособляемости животного к новым условиям среды, и от находчивости обывателя в непривычной и затруднительной обстановке. <...>

Ни нужда, ни борьба за существование, ни заманчивые перспективы практических выгод не могут создавать новые изобретения, но они могут быть значительным побочным импульсом для интенсивной, но свободной игры творческих сил в умах изобретателей данного времени. <...>

По мере восхождения к более высоким, тонким потребностям человека, каковы религия, искусство, наука и философия, формы изобретения углубляются, но механизм изобретательности в основных чертах остается тем же.

В частности, что касается занимающего нас вопроса об изобретении в философии, то нужно, во избежание недоразумений, несколько остановиться на том, что является исходным пунктом для философской изобретательности. Если рассматривать этот вопрос с точки зрения современного человека, психогенезиса его личности, тогда на него не трудно ответить. Если же брать вопрос с исторической точки зрения, то на него можно ответить удовлетворительно лишь в самых гадательных и общих чертах. Что источником философских изобретений является великая философская страсть удивления человека перед самым фактом его бытия, перед загадками познания и деятельности, перед вопросом о сущности мира и цели бытия, – это бесспорно, не нужно только в эту общую постановку вопроса субъективно привносить свою собственную точку зрения, модернизировать неведомого нам первобытного человека. <...>

Фантасмы научного воображения

<...> Я хочу обратить внимание на то, что во всех науках играют особую роль особые фантасмы, но не фантастические образы, какие мы встречаем в искусстве. Фантастические образы заведомо не имеют себе соответственных реальностей, но лишь принимаются за якобы реальные в процессе эстетического эмоционального мышления. Научные фантасмы таковы, что они в сознании ученого хотя и не соответствуют вполне по

своему содержанию действительности, но в гипотетической форме и в самых грубых и приблизительных чертах верно схватывают известные объективные отношения между явлениями или косвенно наглядным образом дают нам в воззрительной форме картину тех отношений, какие были бы между вещами, если бы основные законы природы и мысли были бы иными.

При этом нужно иметь в виду, что в процессе образования научных фантазмов играет роль не только фантазия изобретателя, но и объективные данные, нередко даже поддающиеся в известных пределах количественному расчету. Только в первоначальном замысле играет роль фантазия – в его осуществление уже приходит расчет.

В истории науки нередки случаи вольной, т. е. умышленной или неумышленной, подмены объективно значимого научного фантазма субъективной фантазией ученого. <...>

Изобретение и индуктивные операции мысли

Ученый исследователь приступает к наблюдению или экспериментации не с *tabula rasa* в голове, его мозг подготовлен к своеобразному восприятию внешних раздражений путем многолетней установки (*Einstellung*), его дух обогащен множеством знаний в организованной форме; он обладает в высшей степени в сфере своей специальности тем, что Мах называет изошренностью внимания; воспринимаемым явлениям он придает сложное истолкование, дополняя непрерывно наблюдения и эксперименты мысленными экспериментами – комбинированием фактов и идей в воображении. Поэтому его проницательность и догадливость проявляются в процессе индукции в тройкой форме.

1. В виде чуткости к деталям внутри поля наблюдения, к подробностям, которые могут иметь решающее значение в постановке наблюдений и экспериментов, но которые ускользают от внимания других исследователей или вследствие недостаточной подготовленности, или вследствие недостаточного дара наблюдательности, или вследствие ослепления предвзятой теорией. <...>

2. В виде широты комбинационного поля творческого воображения, когда ученый сближает между собою весьма диспаратные, обособленные друг от друга сферы явлений. <...>

3. В способности благодаря живости воображения и проницательности мысли выходить за пределы непосредственного поля наблюдения и заглядывать в соседнюю запредельную область явлений, где может в скрытой форме находиться остаточный искомый фактор, являющийся причиной данного явления. Мир опыта не есть шашечная доска, где причины и следствия расположены по соседству в соответствующих квадратах, но сплошной поток многообразных процессов, где наряду с известными нам факторами имеются налицо и

менее известные и совершенно неведомые (новые элементы, новые силы). Гершель впервые обратил внимание на то, что раскрытию этих запредельных факторов особенно содействует метод остатков. <...>

Формальные чувствования в интеллектуальной области в их отличии от эстетических чувствований

<...> Интеллектуальные чувствования в творческой фантазии ученого или техника отличаются от эстетических следующими свойствами.

I. Стремление к свободе от противоречий для ученого обязательно безусловно, ибо внутреннее противоречие разрушает самую постройку мыслей. <...>

II. Соответствие данным опыта является безусловно обязательным для натуралиста. В искусстве чувство «реальности» изображаемого не всегда требует близости с изображаемой действительностью. <...>

III. Ясность и отчетливость в развитии научной и философской мысли всегда желательна, а неясность и смутность всегда являются недостатком в ученом исследовании. В искусстве же ясность и отчетливость образов вовсе не являются необходимым условием наивысшего эстетического эффекта – весьма часто тонкие, трудно уловимые и неопределенные переживания могут быть сообщены поэтом, художником или музыкантом именно при помощи пробуждения в нас неясных, отрывочных или неопределенных образов. <...>

IV. Архитектоничность научного произведения, симметрия между его частями – не то же, что архитектурность симфонии или храма. Мысли всевременны и всепространственны, чувство гармонических отношений между смыслами – не то же, что чувство гармоничности отношений между словами, образами, звуками или математическими символами. Между тем очень часто чувство внешней симметрии схем, формул, классификаций, которое есть элементарное эстетическое чувствование, смешивают с чувством соответствия смыслов и правильности отношений между ними. <...>

Психологическая реконструкция творческого процесса. Творческая интуиция ученых

<...> Полагаю, что не существует никакой творческой интуиции как особого творческого акта, который не разлагался бы без остатка на описанные мною переживания чуткости (т. е. памяти на чувства, ценности или значимости известных образов, мыслей или движений), пронизательности (т. е. умения пользоваться теми же чувствами ценности в комбинационной работе воображения, мышления и двигательных процессов) и чувства целостной концепции (т. е. опять же способности учуять по эмоциональным подголоскам сродство между собою образов, мыслей или движений, организуемых нами в направлении известной конечной цели). <...>

ПСИХОЛОГІЯ У СИСТЕМІ НАУКОВОГО ПІЗНАННЯ

МАМАРДАШВІЛІ Мераб Костянтинович

Мераб Костянтинович Мамардашвілі народився 15 вересня 1930 року в селищі Горі, Грузія.

М.К. Мамардашвілі захистив кандидатську дисертацію «До критики гегелівського вчення про форми пізнання», в 1970 році захистив докторську дисертацію «Форми і зміст мислення».

Працював у московських інститутах, читав лекції на психологічному факультеті МДУ, у ВДКі, в Інституті загальної і педагогічної психології АПН СРСР. У 1968-1975 роках був заступником головного редактора журналу «Питання філософії». З 1980 року М.К. Мамардашвілі працював в Інституті філософії в Тбілісі. Розробив вчення про буття як пояснення того, чому існує саме таке відношення між людиною і світом. Мамардашвілі виходить із тотожності буття і мислення. Оскільки людина – мисляча істота, а буття – це те, де знаходиться і діє мисляча істота, то ніякої відмінності немає, буття – це існування мислячої людини. Він стверджує, що основна таємниця буття – це совість, наявність етичних стосунків; тому розрізнення добра і зла складає ядро філософії. Розробив вчення про свободу та її умови.

Основні наукові праці: «Форми і зміст мислення», «Як я розумію філософію», «Символ і свідомість», «Картезіанські роздуми».

Мамардашвили М.К. Обязательность формы / Мераб Константинович Мамардашвили // Вопросы философии. – М., 1976. – № 12. – С. 134–137.

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ФОРМЫ*

**Выступление на Круглом столе*

по теме «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР».

Очевидно, искусство и науку можно сопоставлять в самых разных отношениях и на самых разных уровнях, получая в зависимости от этого самые разные заключения. Можно говорить и о взаимозаимствовании проблемных тем, сюжетов или духовного опыта, о миграции терминов из одной области в другую и т. д. Но любое сопоставление я хотел бы оговорить одной посылкой: в выражении «наука и искусство в условиях научно-технической революции» нельзя термин «наука» принимать за нечто всегда себе тождественное, известное и само собой разумеющееся, потому что наука не есть одна структура, а состоит из многих и в разное время возникших, неоднородных структур, которые наслоились одна на другую и лишь вместе составляют науку. Скажем, искусство явно несопоставимо с довольно разветвленной структурой в науке, которую можно было бы назвать вычислительно-индустриальной и которая развилась в ней в условиях научно-технического прогресса, производственных применений знания и обобществления труда; наука

обслуживается громадной массой людей, сложным промышленным инструментарием и является на сегодняшний день целой системотехникой интеллекта. Но дело выглядит иначе, если выделить другую структуру, которая мне кажется постоянно действующим творческим ядром науки и которую по времени ее возникновения в XVII веке (если не говорить об античности) можно условно назвать «галилеевой». Я бы ее определил так: люди, работающие в рамках этой структуры, в полном виде и в полном объеме воспроизводят мыслительное действие познания предмета – со всеми его посылками, допущениями, гносеологическими и онтологическими импликациями, со всеми его последствиями, задающими то или иное место человека в познаваемом им мире (неважно, выражается ли все это в специальных понятиях или остается растворенной в видении предмета интуицией), а тем самым в структуре каждый раз идет речь не только о новом знании, но и о формировании и воспроизводстве измененного субъекта. При этом параллельно в другом своем слое (вычислительно-дедуктивном) наука может прекрасно развиваться, а мыслительное действие осуществляться ее агентами не в полном и развернутом виде, без формативных отложений в самом субъекте и т. д.

Если так расчлененно понимать науку, то наука и искусство связаны друг с другом и обнаруживают определенные гомологии на уровне своего отношения к тому режиму, в каком вообще работает наше сознание и который сложился, отрегулировался давно (так же, как тот устойчивый вид, в какой отлились наши простейшие функции сна, питания, работы, отдыха, общения), став, так сказать, соприродным специфическому облику феномена «человек» (как некоторого выделенного образа во Вселенной) и воспроизводясь вместе с ним.

Поэтому вторая моя посылка будет состоять в том, что существует определенная (идеально «проигрываемая» и наукой и искусством) сумма преданных человеческих требований к миру – к тому, каким он может и должен быть, чтобы о нем вообще что-либо можно было сказать или жить в нем, реализуя вышеупомянутый образ. Скажем, наука в принципе не может построить знания о таком мире, который по физическим законам исключал бы последовательную связь сменяющихся восприятий в одном-едином чувствующем аппарате или предполагал бы, что ноги должны быть в одном месте, у одного физического индивида, а голова и руки – в другом месте, у другого физического индивида, – такой мир мы вообще не могли бы воспринимать. Не случайно одной из первых моделей мира – и в познании и в искусстве – была модель человеческого тела, в которой космическими аналогиями и гомологиями мир как целое и разные его части проецировались на целое и части человеческого тела (то есть в целях понимания существенно использовалось описание мира таким, чтобы в нем было место человеку с его заданной телесно-духовной формой). Но человек вырабатывает способы и «места» экспериментирования с этой формой, и речь идет о возможном человеке, в зависимости от которого

воспроизводится и реальный человек – как человек, а не как природное, биологическое существо. То, что мы есть, есть отложения в нас результатов поиска того, чем мы можем быть.

В рамках этих посылок я и выскажу то, что хотел сказать о предмете обсуждения. Искусство мне кажется уже в архаических основаниях сознания данным «местом», органом такого поиска, воображаемым пространством очень сильно организованных предметных структур, несущих в себе одновременно большую избыточность и неопределенность (или переопределенность), пространством, в котором или через которое происходит реконструкция и воспроизводство человеческого феномена на непрерывно сменяющемся психобиологическом материале природных существ. Пока я слушал дискуссию, у меня перед сознанием навязчиво всплывало одно воспоминание детства: дело происходит в грузинской горной деревне, где родился отец и где я часто бывал. Там на похоронах плачут профессиональные плакальщицы, как ударами кнута взбивая чувствительность и приводя человека в психически ненормальное состояние, близкое к экстатическому. Они профессионалы и, естественно, не испытывают тех же эмоций, что и близкие умершего, но тем успешнее выполняют форму ритуального плача или пения. Юношей я не мог понять: зачем это? Ведь они притворяются! А позже, как мне показалось, понял: психические состояния как таковые («искренние чувства», «горе» и т. п.) не могут сохраняться в одной и той же интенсивности, рассеиваются, сменяются в дурной бесконечности, пропадают бесследно и не могут сами по себе, своим сиюминутным дискретным, конкретным содержанием служить основанием для явлений памяти, продуктивного переживания, человеческой связи, общения. Почему, собственно, и как можно помнить умершего, переживать человеческое чувство? Всплакнул, а потом рассеялось, забыл! Дело в том, что естественно забыть, а помнить – искусственно. Искусственно в смысле культуры и самих основ нашей сознательной жизни, в данном случае – в смысле необходимости возникновения и существования сильных форм или структур художественного сознания, эффекты собственной «работы» которых откладываются конституцией чего-то в природном материале, который лишь потенциально является человеческим. Своей организацией они вводят психического природного индивида в человеческое, в преемственность и постоянство памяти, в привязанности и связи, и это важно, потому что в природе не задан, не «закодирован», не существует естественный, само собой действующий механизм воспроизводства и реализации специфически человеческих отношений, желаний, эмоций, поступков, целей, форм и т. д. – короче, самого этого феномена как такового. Реактивность нашей психики – это одно, а ее проработка человеком в преднаходимых им общественных культурных предметах (предметы искусства – лишь частный их случай) – другое. Именно последняя конститутивна для самого бытия того человеческого чувства, которое в приводимом примере выразилось плачем.

Специальные продукты искусства – это как бы приставки к нам, через которые мы в себе воспроизводим человека. И, может быть, искусство делает это как раз избыточностью и неопределенностью в своих структурах (я говорил выше о возможном именно человеке), приводя в действие прежде всего обязательность и силу формы, без предположения знания и поучения о том, каков мир, как устроено общество, каковы сцепления и связи мироздания. Повторяю, в формах искусства мы имеем дело с обязательностью сильно организованной формы, следование которой обеспечивает воспроизводство состояний при неполном знании ситуации или вообще невозможности ее аналитически представить.

Таким свойством спасительной (при незнании) обязательности формы обладают и некоторые нравственно-правовые установления. В качестве примера я сошлюсь на запрет эутаназии, являющийся правилом медицинской этики. Ведь в том или ином конкретном случае можно совершенно точно и рационально знать, с уверенностью, исключаящей какие-либо сомнения, что гуманно, справедливо и нравственно было бы помочь данному, безысходно страдающему существу умереть. Но запрет остается, и его общий, неконкретный смысл не может быть поколеблен этим аргументом. Форма потому и форма, что она не об этом. А она о том, что мы, с нашим конечным, ограниченным умом, не можем, во-первых, проследить и охватить все связи и последствия, в цепи которых стоит наша «помощь убиением» в общей экономии мироздания, во-вторых, знаем лишь непросчитываемую и неконтролируемую опасность прецедента убиения человеческого существа на том основании, что кому-то что-то было совершенно ясно. И того и другого достаточно для того, чтобы предпочесть форму содержанию. Не знаешь, не можешь просчитать все следствия – не вмешивайся; не знаешь, прецедентом чего окажется реализация какого-то несомненного содержания, – придерживайся формы! А она как раз содержит запрет. Я назвал бы это мудрым невмешательством в законы мироздания. Может быть, аналогичной вещью является и так называемая «эстетическая мера».

В итоге мысль моя, которую я хотел бы подчеркнуть, состоит в следующем. Во-первых, в искусстве речь не идет, как говорилось здесь, об охране индивида, человека как исторического капитала и т. д., а речь идет скорее об одной из сфер, где все это выдумывается (в том числе индивид и т. п.), впервые строится и изобретается, о сфере, через которую происходит непрерывный процесс воссоздания в лишь потенциально человеческом материале самого феномена «человек» и затем воспроизводства его (и в этом смысле охраны) в пространстве и времени культуры. Во-вторых, и наука такова (хотя она – исторически позднее возникшее образование) как культурный орган, сложившийся вокруг того продуктивного ядра, которое я назвал «галилеевым», как предметно организованное и расширенное восприятие (а не просто система знаний) человеком мира и себя в нем,

непрерывно актуализируемое на уровне живой деятельности субъектов и формирующее, меняющее их и т. д.

Кстати, о свободе, случайных процессах, производящих законы, о которых здесь говорилось. Было бы в высшей степени странно, а главное, маловероятно, чтобы лишь хаотически и случайно появляющиеся формулы, знания, идеи содержали в себе в то же время столь жестко детерминирующие, законоподобные описания событий в природе и их последовательностей. Я не хочу сказать, что нет вполне свободного действия, проявления, – скорее, наоборот. Но это не свобода выбора. По смыслу моих посылок, о которых я говорил вначале, мне как раз представляется, что развитие наших знаний есть часть общей эволюции Вселенной. Поэтому в предметно-деятельной организации науки, в формировании ею субъектов и т. д. должны существовать вещи, которые как бы максимально детерминируют, суживают края поля так, чтобы внутри него вспыхивало (индуцировалось, если хотите) определенное свободное событие, содержащее законоподобное суждение, хотя оно (это действие) и не может быть предопределено средствами самой теоретической системы. Таким образом, на уровне жизненных процессов и свободных явлений я почти что отождествляю науку и искусство, что, конечно, довольно неопределенно.

И последняя мысль, связанная с предшествующим рассуждением, – это мысль о том, что я назвал бы феноменом непонимания. Он, очевидно, должен сознательно допускаться и «планироваться» как в науке, так и в способе жизни художественных произведений. Ю.М. Лотман говорил, что полное понимание исключало бы вообще необходимость иметь многих представителей одного и того же явления. Но это относится не только к реальности явлений, но и к процессам отражения, к способам воспроизводства знаний, к способности формы, помимо любой аналитической развертки, вызывать творческий акт понимания со стороны субъекта. Если не будет заданного в структуре непонимания, то не вспыхнет способность человека понимать предмет знания – она просто не была бы нужна. Этот принцип должен быть заложен в организации знания в случае науки и в организации произведения в случае искусства.

МАМАРДАШВИЛІ Мераб Костянтинович

(Біографічну довідку див. на стор. 83)

Мамардашвили М.К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть / Мераб Константинович Мамардашвили // Вопросы философии. – М., 1989. – № 7 – С. 112 – 118.

СОЗНАНИЕ – ЭТО ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ, К КОТОРОЙ НЕВОЗМОЖНО ПРИВЫКНУТЬ*

*Текст беседы, которую вел В.В. Майков

– **В.М.:** *Как известно, еще 100-200 лет назад сознание было предметом занятий исключительно гуманитарных дисциплин и, прежде всего, философии. Сегодня ситуация иная. Многие естественные науки – физиология, нейропсихология, психоэндокринология, кибернетика и даже физика – также занимаются изучением сознания и находят в нем некоторые закономерности и регулярности. При этом ученые опираются, естественно, на определенные фундаментальные представления о природе сознания. В какой степени эти представления пересекаются с философским пониманием сознания? Не занимается ли естественно-научный подход препарированием «трупа сознания», ибо в силу своего объективно-предметного характера он изучает только «мертвое»?*

– **М.М.:** Традиционный, «внутренний» путь естественнонаучного изучения сознания идет от исследования мозга и его структур. Эти исследования все более утончаются, и сегодня существуют электронные средства и методы анализа, о которых прежде и не мечтали. Но, может быть, более эффективны другие, «внешние» пути анализа сознания с помощью моделей. Специалисты по информатике, когнитологии и когнитивной психологии пытаются моделировать или имитировать некоторые функции мышления, используя для этого современный научный инструментарий (микропроцессоры высокого быстродействия, компьютерные томографы, сверхчувствительные датчики, новое поколение математических программ и т. п.). Создаются сложные нежесткие модели, по поведению которых, в особенности, если оно неожиданно и не предсказывалось при построении самой модели, пытаются узнать что-то новое. Для исследователей наиболее интересны те параметры модели, которые будут индуцироваться при испытании на компьютере при количестве связей внутри нее и скоростях их соединения намного больших, чем существуют в человеческом мозге при совершении актов сознания, управляемых волей.

Дело в том, что существует обозримый предел как внутреннего подхода, так и внешнего моделирования, за границами которого даже в предсказуемом будущем, – которое, кстати, предсказать довольно трудно, потому что технологический прогресс происходит очень бурно, – мы не

можем дать ответы на вопросы, традиционные для философии сознания. В этих вопросах, как мне кажется, содержатся как бы в «упакованном» виде все другие возможные вопросы, которые можно поставить относительно сознания, та или иная картина относительно предельных возможностей самого человеческого существа как такового. Эти вопросы и картины есть своего рода «сгущенная мысль» или, – если воспользоваться терминологией Вернадского, – живое вещество сознания, которое мы не можем локализовать под черепной коробкой конкретной человеческой особи. По обыденной привычке мы, как правило, вписываем акты сознания в границы анатомического очертания человека. Но, возможно, существенным, каким-то первичным образом сознание размещено вне индивида и представляет собой какое-то пространственно-подобное или полевое образование. И поэтому метафоры и символы древности (в том числе мифологические, религиозные) содержат в себе, при условии их расшифровки, больше информации о свойствах сознания, чем любая привязка наблюдаемого поведения к изменениям характеристик мозга. И в целом, я считаю, что пересечение гуманитарных и естественнонаучных исследований сознания носит серьезный, не внешний характер, напоминающий переключку двух соседей. Но связь здесь пролегает в другом, более существенном измерении, а именно в измерении места сознания в космических процессах, во Вселенной.

– *Вы имеете в виду дискуссии вокруг антропного принципа, обсуждаемого в науке уже свыше десяти лет?*

– Несомненно. Кстати, этот принцип давно сформулирован в философии. Самая четкая формулировка его принадлежит Декарту, который подчеркивал наличие в сознании особых непосредственно данных знаний о целом, к которым мы могли бы прийти, лишь проделав бесконечно большое количество познавательных шагов. А они каким-то образом даны непосредственно. Но этого не было бы, если бы мир не был устроен определенным образом, т. е., если бы мир был устроен по-другому, акт локальной данности целого был бы невозможен.

Хотя эта данность и совершается по законам самого мира, она одновременно содержит в себе неизменную тайну. Дело в том, что мы не можем отделить от себя и сделать объектом позитивного исследования то, что осуществляется одновременно и неразрывно вместе с актом выбора, решения или разрешения какой-то ситуации. Причем слова «выбор» или «решение» необязательно связывать с сознательным волеуправляемым действием. Чаще всего мы выбираем, не занимаясь просчетом каких-то возможностей, не совершая волеуправляемый акт выбора. Здесь само слово «выбор» несколько нас сбивает, но это общая при исследовании сознания трудность, поскольку из-за того, что сознание есть нечто вещное и в то же время невещное, возникает фундаментальная двойственность терминологии. Слова человеческого языка всегда предметны – они предполагают референты. И о сознании мы можем говорить только на

каком-то языке, где каждое слово соответствует какому-то объекту или предмету. И поэтому в одном смысле мы можем говорить «выбор», имея в виду разрешение сознательным актом каких-то ситуаций в системах или в органических целостностях. А в другом смысле мы говорим «выбор», имея в виду процессы, в которых человек в принципе не может уловить точку, где что-то возникает. Он всегда имеет дело с уже возникшим.

Так вот, эти естественные процессы появления, возникновения, характеризующие также и сознание, не улавливаются в терминах выбора как сознательно-волевого акта, но являются выборами в том смысле, что кристаллизуют после себя тот или иной мир. Рассмотрим их ближе к естественному подходу в следующем смысле. Физика, исследуя обратимые процессы, исходит, как известно, из идеи необратимости. Ведь время, знание и память в физике предположены. Они не введены ею в рамки корпуса физических наук на основе собственного исследования. Значит, уже для исследования обратимых процессов приходится использовать необратимые.

По линии обратимость-необратимость обсуждается и проблема включенности сознательных процессов в само содержание наблюдения. Ведь используя время, мы тем самым предполагаем сознание уже изначально данным в исследовании. И в этом смысле мы не можем судить о том, какой Вселенная была в «чистом виде», до сознания.

То есть я хочу сказать, что обсуждение этих проблем гораздо больше роднит философию сознания с современной физикой, биологией, космологией и т. д., чем с традиционными подходами изучения сознания, скажем, с физиологией мозга, его моделированием и т. д. Но важно, что покажут такого рода исследования. Возможно, что из них мы сможем потом узнать, как вообще организовано поле информации, в котором имеют место какие-то пульсации процессов, от которых сознание неотмыслимо. Мы тут должны, очевидно, вводить новые дерзкие абстракции и представления.

– *Типа, например, гипотезы американского психолога Т. Лири о космогалактическом коде, задающем «поле сознания», или голографической Вселенной английского физика Д. Бома?*

– Здесь как раз допустимы и даже нужны самые безумные фантазии, при условии четкого понимания того, что мы обсуждаем. А обсуждается все та же роковая проблема необратимости, возникновения необратимых миров, внутри которых мы помещены, и уже не можем рассуждать о том, какова Вселенная сама по себе.

– *То есть в несколько другом выражении, это вопрос о границе между законом и свободой?*

– Как я говорил, понятия времени, памяти, знания физикой предположены как готовая посылка. Физика существует в определенном образом установленной дофизической Вселенной. Здесь мы имеем дело с тайной, которая всегда остается тайной. Чем глубже в нее проникаешь, тем дальше она отступает. И это сознание тайны очень важно. Может быть, оно

и является той тайной, что мы хотим постичь. И оно фундаментальным образом содержит в себе феномен свободы. Мы вообще бы не могли иметь дело с миром, который полностью исчерпывался бы своими причинно-следственными связями. Если бы мир был таковым, то, с учетом того, что для «игры» такого мира мы имеем бесконечность, его информативность давным-давно исчерпалась бы. И нас сейчас просто не было бы. Но этому противоречит антропный принцип: мы существуем. Если я получил в результате исследования такой мир, который явно исключает меня самого, значит, исследование было неправильно.

– Как известно, естественные науки и – шире – все науки, устроенные по образцу естественных наук (прежде всего, физики), изучают объективные закономерности. Однако сущностью феномена сознания является свобода. А свободу нельзя определить внешним по отношению к ней образом, ибо это означало бы подвести свободу под какой-то закон, какую-то регулярность и начинать определять то, что в принципе неопределимо. Именно в этом смысле грамотные философы говорили и говорят, что свобода имеет причиной саму себя и не имеет причины вне себя. Что – с учетом этого фундаментального и никем не опровергнутого положения – философ может сказать о принципиальной границе исследования сознания объективными методами? Существует ли она, и если да, то что же мы все-таки можем знать о сознании несомненно и объективно?

– Принципиальная граница, конечно, существует, но только в очень странном смысле. Например, математик мог бы сказать, что есть граница и есть то, что очерчивается границей, и процессы, происходящие в этих областях, радикально отличны. При изучении сознания мы фактически исследуем границу, очерчиваемую и создающуюся взаимодействием исследователя с сознанием. А что значит исследовать? Это значит вводить некоторую определенность, проводить некоторую концептуальную, теоретическую границу. А граница границы, как сказал бы математик, равна нулю. Таким образом, изучая сознание, мы исследуем граничные явления, то, что имеет в принципе как бы нулевой характер. В этом процессе мы всегда исследуем возможное сознание. И что бы мы ни сказали о сознании, не исчерпывает его всего, и оно никогда не есть это сознание, а всегда что-то еще. Сознание существует для объективного наблюдателя, исследователя только на границе, но в смысловом, «внутреннем» аспекте оно предстает как чистый нуль.

Эту аналогию можно расширить. Предметом философии также является возможный человек. После того, как возникли спонтанные (свободные) продукты духовных актов – это могут быть архетипические представления произведения искусства или науки, – у человека появляются определенные – именно эти, а не другие – чувства, мысли и т.д. И каждый раз, как только мы зафиксировали какой-то процесс становления сознания,

оно уже не то, что мы зафиксировали. В этом смысле метафизика сознания всегда есть отрицательная, «нулевая» метафизика.

И мне кажется, физические поиски идут тоже в этом направлении. Например, здесь приходится иметь дело с некоторым числом допущений, которые закладываются в характеристики вакуума, который как вакуум не должен был бы иметь никаких характеристик. Однако оказывается, что в вакууме при определенных условиях происходит рождение частиц, и поэтому он не абсолютно пуст, но пуст лишь в смысле невозможности схватить его в каком-то отстраняемом от него объективном предмете, ибо таких предметов (свойств) нет. Ухватить его невозможно, потому что перед этим мы уже ввели какую-то соразмерность: предположение о том, что размерность космических процессов близка к размерности сознания или размерность сознания как некоторого «живого тела» близка к космическим размерностям. Поэтому для теории информации и возникает проблема того, как организованы «поля» между человеческими головами, а не под черепной коробкой. И любая удавшаяся коммуникация: реализовавшаяся любовь, акт понимания и многое другое – все это предполагает некое слияние, вложение одних состояний в другие. Все эти явления, – опыт которых имеет каждый из нас, – говорят о том, что какие-то свойства существуют: сродственность, сонатроенность, пересечение (каким образом одно находит другое, родственное ему, и не проходит мимо, а иногда – проходит мимо, это тоже интересная проблема).

– В наше время бурно развиваются информационно-компьютерная техника и научные дисциплины, обеспечивающие это развитие, – информатика, кибернетика, теория информации, теория искусственного интеллекта и т.д. Что нового эти дисциплины дали для понимания сознания?

– Быть может, проблемы, внесенные компьютерной техникой, научат нас делать выводы из одного простого факта, который является следствием фундаментальных законов устройства «полей» сознания. Я имею в виду фантастическую компактность упаковки информации, ее всеобщую доступность и ничем не стесняемую циркуляцию, подобную прохождению токов жизни. И если какие-то социальные структуры мешают концентрированному сбору информации в доступных всем точках и ее мгновенному распространению по всем заинтересованным адресам, то эти структуры должны перестраиваться как несоответствующие природе человеческого сознания.

Вот почему демократичное, цивилизованное поведение – а не сентиментальные требования гуманистов – выражает саму суть законов сознания и устройства человеческого общежития в соответствии с ними. А нарушение этих законов неудачной социальной формой, неудачным способом общения людей, цензурой, предрассудками, стереотипами, навязываемыми извне нормами, душащими человеческую свободу, – все

это создает зоны напряжения, роковые узлы, которые или развязываются драматическим образом или ведут человечество к вырождению и гибели.

– Согласно американскому футурологу О. Тоффлеру, человечество находится сейчас на «третьей волне» – фазе информационно-технологического общества, – когда основным его ресурсом являются уже не капитал, а информация и технология. Возможно, на следующей фазе основным ресурсом станет творчество. Однако, если обратиться к ситуации в нашей стране, многое еще препятствует интенсивному включению в фазу информационно-технологического общества. Отсюда – новый поворот, куда бы хотелось направить нашу беседу. Сначала следующий вопрос. Известно, что в советской философской литературе циркулирует наработанный аппарат философских категорий, понятий, доставшихся нам в наследство от сталинской версии марксизма. Что же теперь делать со всем этим хозяйством предыдущей эпохи?

– Накопившийся аппарат неадекватных представлений, понятий, стереотипов, конечно, тормозит развитие философии. На вопрос же «что с этим делать?» – этот роковой российский вопрос – я бы ответил так: «Ничего не делать!»

Что-либо делать с этим невозможно. Только начни – и тотчас будешь вовлечен в определенные правила игры, в реанимацию окоченевших, отживших представлений, и ни во что это не выльется, кроме очередной схоластики и дробления костей. Речь же идет о том, чтобы деблокировать ситуацию простым способом. Не участвуй в этом ни «за», ни «против», – само рассосется, рассыплется. Делать же нужно свое дело, а для этого следует признать право на индивидуальные формы философствования. И чем больше появится людей с личностным опытом философствования, читающих свободные философские курсы, тем скорее оздоровится атмосфера в стране, долгое время находившейся под давлением унифицированных идеологических структур.

Понимаете, проблема сознания действительно неотделима от проблемы свободы. Сознание, по определению, есть моральное явление. Не случайно во многих языках слова «сознание» и «совесть» происходит от одного корня. Ведь моральные феномены означают просто следующую вещь: способность человека руководствоваться причинно ничем не вызванной мотивацией. Так называемой идеальной мотивацией. Это и есть область морали.

Мы, например, говорим: морально то, что бескорыстно, беспричинно. Ведь совесть, она – не «почему»? Она, наоборот, «обрубает» цепь причинных аргументов. Мы говорим: «потому, что испугался; потому, что храбрый; потому-то и сделал то-то». Или – «был в хорошем настроении и потому сделал это или не сделал того-то». А когда речь идет о феномене сознания, этическом по своему содержанию, мы говорим не «почему», а «по совести». Это – как бы конечный аргумент. Воплощение такого состояния в мысли и есть философия.

Фактически в сознании выделена сфера. Это одновременно и сфера морали. Любые аргументы, похожие на моральные, но теряющие качество «чистоты», т.е. прагматичности, неутилитарности, неприспособляемости, выпадают автоматически из сферы морали, не являются моральными суждениями по своей природе. Например, когда говорят «я делаю это сегодня, чтобы завтра было то-то» (и тем самым это завтрашнее оправдывает средства сегодняшние), то это рассуждение вообще не из области морали. Не то, чтобы плохое или хорошее, достаточно моральное или аморальное, а вообще не из области морального существования, потому что совесть внутри себя неразличима во временной терминологии, она – «всегда». Времени в совести нет; она – нечто вечное и вневременное.

Свойство неутилитарности одновременно, конечно, и тавтологично, ибо, чтобы стремиться к добру, нужно уже быть добрым – другой причины нет. Именно поэтому сенсуалистские, прагматические обоснования морали или ее обоснования на биологических теориях естественного отбора никогда не работали и никогда не сработают. Первый признак морали и состоит в том, что моральные явления – причина самих себя. И тогда они моральны.

– В последнее время усилились апокалипсические настроения, связанные со следующим предчувствием. За истекшие века разогнана гигантская машина налаженного материального производства социальных автоматизмов, бессмыслия, действующая как бы сама по себе, разрушены многие традиционные структуры и культуры. Во всем этом можно усмотреть драматическое противоборство между набравшей гигантскую инерцию машинно-технократической цивилизацией, которая стала почти неуправляемой, и хрупким миром сознания. Как вы относитесь к этим взглядам и видите ли возможность позитивного выбора или исхода?

– Это очень трудный вопрос, очень трудная область для оценки ситуации и точного прогноза. Обратите внимание, что мы опять употребили слово «выбор» не в первом, а во втором смысле, имея в виду естественное органическое развитие, которое обладает собственной размерностью. Этот процесс можно аналитически разложить по частям, повторить. И этим, кстати, «компьютерный путь» принципиально отличается от того, которым идет эволюция сознания, потому что он опирается на аналитическую картину мира, раскладываемость по шагам на простейшие операции и последовательное (пошаговое) сцепление этих операций. Правда, в ЭВМ эти сцепления производятся с чудовищной скоростью, что как бы компенсирует отсутствие времени у человека. Но возникает вопрос, а как быть с неаналитическими образованиями? Ведь образ, который сознательное существо имеет о каком-то предмете, является частью определения и сутью самого же предмета. Например, то, что я думаю о деньгах, есть существенный элемент самой природы денег. И этот элемент аналитически невыводим. Нельзя из свойств золота однозначно и непрерывным образом вывести тот факт, что золото стало деньгами. Это

сращение мы должны принять как исходный факт. Внутри него уже содержится феномен денег: явление, ставшее формой сознания. Температуру же газа можно аналитически вывести из его свойств. И поэтому в компьютерных исследованиях постоянно сталкиваются с проблемой, которая есть «хвостик» этой проблемы образа, поскольку относительно сознания природные процессы в принципе не определяемы до конца; из их естественного описания нельзя получить их характеристику.

На вопрос же кратко можно ответить следующим образом. Так называемая техника – это, по существу, искусственные органы и приспособления человека. Если судить по истории техники, эти органы в тенденции моделируются и строятся как человекоподобные. Причем самыми стойкими оказываются такие технические структуры, которые в чем-то подражают живым организмам. Не случайно в архитектуре, например, совершенно мертвая, казалось бы, вещь – купольный свод – до сих пор сохраняется и часто используется.

На первый взгляд, развитие техники и технических систем действительно несет большую угрозу для человека, который эмпирически весьма часто продолжает жить в конечной размерности своих малых способностей, ограниченных сил, а при этом создает технические системы, которые нарушают и превосходят его антропологический масштаб. Однако изобретение, развитие новой техники одновременно предполагает фантастическую духовную активность. Поэтому представления об удушаемом технократической средой человеке не вполне соответствуют истине: они несколько «сбиты», вне фокуса. Такой человек не смог бы создавать то, что его душит. В фундаментальном смысле техника, все же, продукт духовной деятельности и, например, оказывается, что для того, чтобы социально-экономическая система была конкурентноспособной, нужно иметь в обществе достаточное число людей, не сидящих в задумчивости, а ведущих себя активно, самостоятельно; людей, на которых нельзя было бы поставить хозяйское клеймо продукта коллективного труда, тавро хозяина, без которого ты – не человек.

Так вот, «системы с тавром» проигрывают – и в чем? В создании той самой высокой технологии и техники, которая кажется такой страшной и опасной. В своем экстремуме техника несет и спасение, потому что она сама как среда, орган культуры составлена из изобретений, которые требуют, однако, прогрессивных социальных форм, максимально освобождающих человека от его капризов, страхов и т. д. Я не представляю себе, чтобы сенсуально безрадостный человек, лишенный всего того, что уже дано ему как человеку, смог бы действительно совладать с угрозой экспансии техники. Но тот, кто помнит вкус травы, прозрачность бездонного неба... У меня надежда на этих людей, на то, что они будут спасать небо от закопчения. Однако эта надежда становится реальной, повторяю, лишь там, где действительно высвобождается пространство для развития определенных технических, «чудесных» изобретений. И это

высвобождение начинает решать и экологические проблемы. Ведь, обратите внимание, эти проблемы острее всего в тех странах, которые имеют индустрию вместе со всеми ее негативными последствиями.

И именно эти социальные системы отстают в вопросах техники, которые кажутся нейтральными, как будто бы не имеющими отношения к общественному устройству. Ничего подобного. Техника «питается» живым очагом человеческого творчества, свободой. Ты не можешь быть в гражданской жизни рабом и при этом быть свободным в изобретательстве. Изобретательство требует интеллектуального мужества, определенной раскрепощенности. А сознание едино. И нельзя иметь раскрепощенность в одной точке и не иметь ее в другой. Тот, кто раб перед начальством, раб и перед техническими проблемами. Он не может проявить чудес изобретательности или ответственности. А если и проявил, то это постепенно нивелируется, исчезает, как сегодня уже почти выдохся запал технического творчества, унаследованный нами на волне революции от предшествующей эпохи. Это видно даже по человеческому типу изобретателей, инженеров, ученых и т.д. И речь идет о том, чтобы снова высвободить пространство, в котором человек мог бы распрямиться.

– Таким образом, проблема сознания снова оказывается «замкнутой», отраженной на все другие проблемы – и технические, и социальные, и экологические, – которые, на первый взгляд, выглядят как бы изолированными?

– Несомненно. Сознание – это как бы «всепроницающий эфир» в мире. Или, как сказал бы Вернадский, громадное тело, находящееся в пульсирующем равновесии и порождающее новые формы. Творчество новых форм всегда опосредуется прохождением через хаос.

Если же вернуться к исследованиям сознания, то прорыв в этой области тесно связан с дальнейшим развитием социальных структур, демократии, а не просто с тем, что какой-то гений-одиночка придумал бы нечто новое, как иногда представляется в фантастической литературе. Коль скоро мы определили сознание как нечто, что – между нашими головами, то это определение имеет фундаментальное отношение к социальной форме, благодаря которой люди способны жить друг с другом, а фактически – пропускать через себя поток жизни. Правила общения и жизни обязательно должны быть демократическими. Нужно воспитывать в себе способность слушать другого, поскольку, как я говорил, мы вообще живы только в тех точках, в которых проходит ток коммуникации, происходит встреча сродственного, слияние состояний, взаимоотождествление сознания у разных людей, а не чисто логический акт.

Даже из нашего опыта мы знаем, что другой человек понимает тебя, если уже понимает. Понимание случается тогда, когда помимо ряда словесно-знаковых форм присутствует дополнительный эффект сосуществования двух точек какого-то «поля». И тогда мы узнаем, что если кто-то не понимал того, что ему говорят, то уже не поймет, как бы ему ни

объясняли. Это исключительно интересный факт, и подступы к его изучению, конечно же, должны быть действительно интердисциплинарными, без исключительного приоритета какого-либо одного подхода.

– Хотелось бы задать вопрос, имеющий несколько фантастический характер и возвращающий к употребленной вами метафоре о «космическом» измерении сознания, или к той метафоре, согласно которой в философском смысле сознание не только едино и неделимо, но и одно. В фантастических романах допускается, что разум, сознание может существовать и в нечеловеческих биологических формах. Это предположение также исходит из того, что сознание, возможно, – не только земной, но и космический феномен. Что вы думаете об единственности (уникальности) либо множественности феномена сознания во Вселенной? Если существует сознание в негуманоидных формах, но при этом справедлив некий обобщенного вида антропный принцип, и сознание есть космический феномен, то тем самым проблема контакта с нечеловеческим (неземным) разумом уже предрешена; встретившись, два разума, обитающих в одной Вселенной, безусловно, поймут друг друга. В универсальных координатах сознания будут преодолены любые культурные различия.

– Да, эта проблема решена, но в одном простом смысле. Сознание, действительно, уникально. Это нечто, существующее только в одном экземпляре; разумеется, сознание в фундаментальном, онтологическом смысле, а не эмпирически-психологическом. И вполне допустимо, что сознание может реализовываться на разных субстратных носителях, чья нервная система не обязательно организована по типу человеческой. И все глубокие философские исследования всегда строились так, что не исходили из предположения о какой-то конкретной природе субстрата сознания.

– Но, может быть, все же существуют некие глубинные антропологические предпосылки всех философских исследований?

– Об этом очень трудно судить. Надо соблюдать правило физического мышления, которое не допускает введения аргументов, идущих от догадок о внутреннем состоянии животного, растения, человека... Это запрещено. Однако в философской абстракции ничто не запрещает того, что сознание может реализовываться и на ином, непохожем на нас биологическом субстрате. Но дело в том, что, если мы встречаемся с иносубстратным сознанием, мы его вообще не можем отличить от самих себя в качестве сознания. Это гоже сознание и то же самое сознание. И тогда как бы отпадает вопрос об условиях понимания. Если мы понимаем другое сознание, оно неотлично от нас самих, если же не понимаем, то оно полностью непроницаемо, «невидимо» для нас. Именно поэтому я сомневаюсь в том, что земляне встречались с инопланетным разумом. И отсюда же следует возможность уникальности человеческого сознания во Вселенной. Это тоже не исключено, если принять во внимание к тому же

ограниченность наших возможностей суждения. Если мы поняли чужое сознание, то это мы сами. <...>

Сознание, мышление и свобода производят только самих себя и есть возможность большего сознания, большего мышления и большей свободы. Ничем другим они не ограничены. Конечно, для выражения этого фундаментального положения можно использовать другие, более частные языки, например говорить о резервных возможностях человека.

Все, что я сказал, это определенного рода стилистика грамотного философского рассуждения о сознании, и ее надо удерживать в голове перед лицом любых фантазий. Фантазии хороши, когда человек не становится их рабом.

– По-видимому, для этого требуется какая-то «гигиена» философского мышления, школа мысли, чтобы не попадать в плен химерам?

– Это предполагает, что позади тебя есть устойчивая традиция дисциплинированной мысли. Философ своей деятельностью передает фактически «огонь бытия». Не случайно Прометей является одним из первичных символов философствования: удержания и передачи «огня бытия». А разве можно держать огонь? Держать неудержимое – это символ некоторых первичных условий сознательной жизни, когда в этой жизни совершаются акты философствования. Удержать неудержимое можно попытаться в том числе и через негативное определение: «Не это я имел в виду, не это и не это». И вот, слушая друг друга в такого рода весьма напряженных отрицательных утверждениях, люди могут впадать в какое-то состояние взаимопонимания, которое они в карман, естественно, положить не могут, поскольку в него приходится впадать и через секунду, и через пять лет. Его невозможно «держать в кармане», про запас. Это и означает следовать традиции философствования.

Традиция для философа в чем-то подобна театру. Театр – это тоже своеобразное устройство для впадения в состояние сознания, которое невозможно получить посредством чтения текста. Казалось бы, пьеса известна, и ничего нового не происходит. Но в действительности театр вызывает своим динамическим действием, движением звуков, ситуаций и т.д. то, чего иначе достичь невозможно.

Так вот, чтобы испытать это, люди идут в театр, а я как философ обращаюсь к традиции.

– Как вы думаете, какие важнейшие проблемы сознания будут решать наука и философия XXI века? Предвидятся ли какие-либо новые горизонты, прорывы в этой области?

– Ну, я не вижу ни прорывов, ни принципиально новых ходов. Хорошо, если в своей жизни все большее число людей будет способно выполнять акты сознательной жизни – мыслить.

– На протяжении беседы вы определяли сознание как некий нулевой космический феномен, как чистую потенциальность, как точку нулевой

размерности, как возможность большего сознания, как то, во что философ впадает, находясь в традиции. Скажите, так что же такое сознание?

– Не знаю, не знаю, не знаю...

– Ваш ответ напомнил мне ситуацию на одной конференции, посвященной роли духовных традиций в жизни человека. Председательствующий Аллан Уотс – известный американский писатель и автор многих книг по этой тематике – задал участникам первый вопрос: «Что должны мы делать для достижения просветления?» – «Ничего», – ответил буддистский мыслитель Тартанг Тулку. Удовлетворенный председатель объявил конференцию закрытой.

– Всякий, кто глубоко занимается сознанием, входит в сферу парадоксальности, к которой невозможно привыкнуть.

«Нельзя термин «наука» принимать за нечто всегда себе тождественное, известное и само собой разумеющееся, потому что наука не есть одна структура, а состоит из многих и в разное время возникших, неоднородных структур, которые наслоились одна на другую и лишь вместе составляют науку».

ОСОБИСТІТЬ ТА ЇЇ ВІДОБРАЖЕННЯ В КАТЕГОРІАЛЬНОМУ ЛАДІ ПСИХОЛОГІЇ

ПЕТРОВСЬКИЙ Артур Володимирович

(Біографічну довідку див. на стор. 12)

ПЕТРОВСЬКИЙ Вадим Артурович

Вадим Артурович Петровський народився 14 серпня 1950 року. Представник наукової династії російських психологів, син Артура Володимировича Петровського.

Доктор психологічних наук, ректор Інституту консультативної психології (м. Москва), професор департаменту психології факультету соціальних наук НДУ «Вища школа економіки», Член-кореспондент Російської академії освіти (РАО). Під керівництвом В.А. Петровського було успішно захищено 28 докторів і кандидатів наук.

Автор і розробник мультисуб'єктної теорії особистості. Автор більше 180 наукових публікацій і 18 монографій, серед них: «Категоріальна система психології», «До розуміння особистості в психології», «Особистість у психології: парадигма суб'єктності».

Петровский А.В. Категориальная система психологии. Структура психосферы / А.В. Петровский, В.А. Петровский // Теоретическая психология: учеб. пособие для студ. психол. факульт. / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: Академия, 2003. – С.12 – 35.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПСИХОЛОГИИ. СТРУКТУРА ПСИХОСФЕРЫ

<...> В данный момент разработки проблем теоретической психологии может быть отмечена возможность восходящего движения конкретизации базисных психологических категорий в направлении метапсихологических категорий различной степени обобщенности и конкретности. Вырисовывается следующий ряд соответствий между базисными и метапсихологическими категориями:

Образ – Сознание

Мотив – Ценность

Переживание – Чувство

Действие – Деятельность

Взаимоотношения (интеракция, взаимодействие) – Общение

Я – Личность

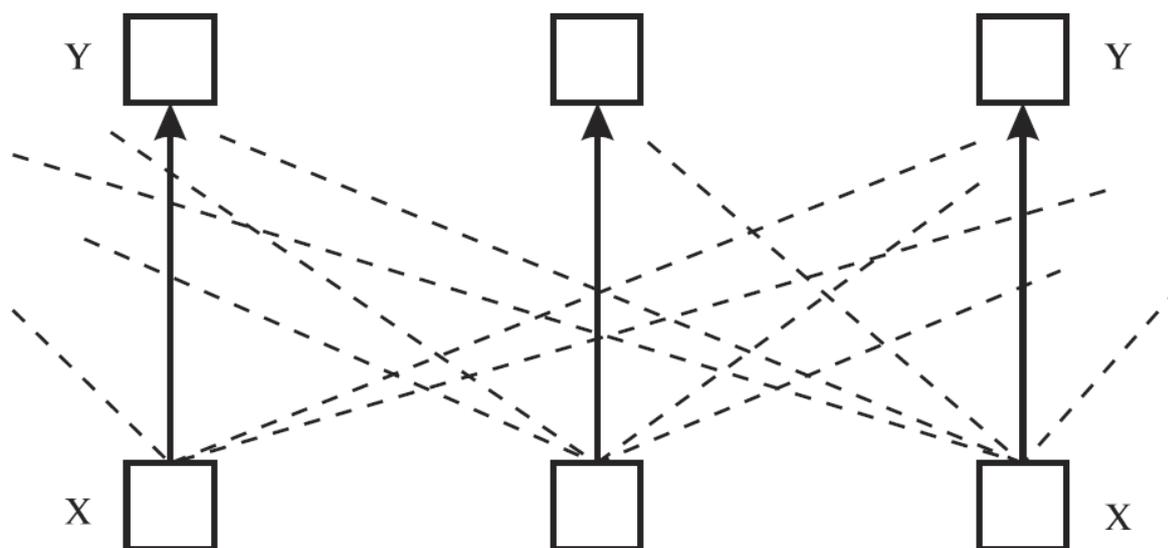
Ситуация – Персоносфера

Определяемое ниже соотношение базисных и метапсихологических категорий может быть осмыслено следующим образом: в каждой метапсихологической категории раскрывается некоторая базисная психологическая категория через соотнесение ее с другими базисными категориями (что позволяет выявить заключенное в ней «системное качество»). В то время как в каждой из базисных категорий каждая другая базисная категория существует скрыто, «свернуто», каждая метапсихологическая категория представляет собой «развертку» этих латентных образований, Возникает аналогия с принципом полного взаимодействия субстанций, сформулированного И. Кантом (все сущее в данный момент времени включает в себе определения, присущие всему остальному, существующему в тот же момент времени). *Каждая из одноуровневых категорий несет на себе «отпечаток» других категорий того же уровня.* Взаимоотношения между базисными категориями психологии можно сравнить со взаимоотношениями лейбницианских монад: каждая отражает каждую. Если же попытаться метафорически выразить взаимоотношения между базисными и метапсихологическими категориями, то будет уместно вспомнить о голограмме: часть голограммы (базисная категория) включает в себе целое (метапсихологическая категория). Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на любой фрагмент этой голограммы под определенным углом зрения.

В логическом отношении каждая метапсихологическая категория определяется через слитную субъект-предикативную конструкцию, в которой положение субъекта занимает некоторая базисная категория. Один из примеров: «Образ» как базисная категория – в метапсихологической категории «Сознание», в качестве предиката выступает соотношение этой базисной категории с другими базисными категориями – «Мотивом», «Действием», «Отношением» («Взаимоотношениями», «Интеракцией»), «Переживанием» и пр.

Или другой пример: метапсихологическая категория «Сознание» рассматривается как развитие базисной психологической категории «Образ», а, например, базисная категория «Действие» обретает конкретную форму в метапсихологической категории «Деятельность» и т. п. Базисную категорию в функции логического субъекта какой-либо метапсихологической категории будем называть «категориальным ядром», а категории, посредством которых данная ядерная категория превращается в метапсихологическую, обозначим как «оформляющие» («конкретизирующие»). Формальное соотношение между базисными и метапсихологическими категориями изображено на рис. 1.

Метапсихологические категории

Базисные психологические категории

Рис. 1. Базисные (ядерные) психологические категории связаны с метапсихологическими жирными вертикальными линиями, а оформляющие – тонкими наклонными

Из приведенного рисунка видно, что в соответствии с принципом открытости категориальной системы теоретической психологии ряд базисных психологических категорий, как и ряд метапсихологических, может быть расширен. Это объясняется тем, что некоторые категории рождаются только сегодня (к примеру «Ситуация» – «Персоносфера»); как и все, возникающие «здесь и теперь», они оказываются пока отчасти за пределами актуальной саморефлексии науки.

Предлагаемый способ восхождения к метапсихологическим категориям с опорой на категории базисного уровня далее кратко иллюстрируется на примере их соотнесения.

Образ → **Сознание**. Действительно ли «Сознание» является метапсихологическим эквивалентом базисной категории «Образ»? В литературе последнего времени высказываются мнения, исключающие подобную версию. Утверждается, что сознание не есть, как полагал, например, А.Н. Леонтьев, «в своей непосредственности... открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния», и не есть «отношение к действительности», а есть «отношение в самой действительности», «совокупность отношений в системе других отношений», «не имеет индивидуального существования или индивидуального представительства». Другими словами, сознание якобы не есть образ – акцент переносится на категорию «Отношение». Подобный взгляд, как нам представляется, вытекает из ограниченного представления о категории «Образ». Упущена связь между понятием «Образ» и имеющим

многовековую традицию в истории философской и психологической мысли понятием «идея». Идея есть образ (мысль) в действии, продуктивное представление, формирующее свой объект. В идее преодолевается оппозиция субъективного и объективного (вполне резонно полагать, что «идеи творят мир»). Выявляя в образе то, что характеризует его со стороны действительности (а значит, «Мотивов», «Взаимоотношений», «Переживаний» «Я»), мы определяем его как «Сознание». Итак, «Сознание» есть целостный образ действительности (что, в свою очередь, означает область человеческого действия), реализующий мотивы и отношения индивида и включающий в себя его самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором существует «Я» индивида. Логическим ядром определения категории «Сознание» здесь является базисная категория «Образ», а оформляющими категориями – «Действие», «Мотив», «Взаимоотношения», «Переживание», «Я».

Мотив → Ценность. Проверка на прочность идеи восхождения от абстрактных (базисных) к конкретным (метапсихологическим) категориям может быть проведена также на примере развития категории «Мотив». В этом случае возникает сложный вопрос о том, какая метапсихологическая категория должна быть поставлена в соответствие этой базисной категории: «значимость», «ценностность», «смысловое образование», «ценностные ориентации»? Однако при всей несомненности того, что все эти понятия находятся в перекличке друг с другом и при этом соотносятся с категорией «Мотив», они не могут по разным причинам считаться метапсихологическим эквивалентом последней. Одно из решений этой проблемы – привлечение категории «Ценность». Спрашивая, каковы ценности этого человека, мы задаемся вопросом о сокровенных мотивах его поведения, но сам по себе мотив еще не есть ценность. Например, можно испытывать влечение к чему-либо или к кому-либо и вместе с тем стыдиться этого чувства. Являются ли такие побуждения «ценностями»? Да, но только в том смысле, что это – «негативные ценности». Данное словосочетание должно быть признано производным от исходной – «позитивной» – интерпретации категории «ценность» (говорят о материальных и духовных, предметных и экзистенциальных, познавательных и нравственных ценностях и т. д. и т. п.).

Таким образом, «ценность» – это не просто мотив, а мотив, характеризуемый определенным местом в системе самоотношений индивида. *Мотив, рассматриваемый как ценность*, выступает в сознании субъекта как определяющая характеристика его существования в мире. Мы сталкиваемся с подобным пониманием ценности как в обыденном, так и в научном сознании («ценность» в обычном словоупотреблении означает «явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-нибудь отношении»; в философском плане подчеркивается нормативно-оценочный характер «ценности»). *Ценностно то, что человек, по словам Гегеля, признает своим.*

Однако прежде чем мотив выступит перед индивидом как ценность, должна быть произведена оценка, а порой и переоценка той роли, которую мотив играет или может играть в процессах самоосуществления индивида. Иначе говоря, для того чтобы мотив был включен индивидом в образ себя и выступил, таким образом, как ценность, индивид должен осуществить определенное действие (ценностное самоопределение). Результатом этого действия является не только образ мотива, но и переживание данного мотива индивидом в качестве важной и неотъемлемой части его «Я». Вместе с тем ценность есть то, что в глазах данного индивида ценимо и другими людьми, т. е. обладает для них побудительной силой. Посредством ценностей индивид персонализируется (обретает свою идеальную представленность и продолженность в общении).

Мотивы-ценности, являясь сокровенными, раскрываются в общении, служа тому, чтобы «приоткрыть» общающихся друг другу. Таким образом, категория «Ценность» неотделима от базисной категории «Взаимоотношения» («Интеракция»), рассматриваемой не только во внутреннем, но и во внешнем плане. Итак, ценность – это мотив, который в процессе самоопределения рассматривается и переживается индивидом как его собственная неотчуждаемая «часть», что образует основу «самопредъявления» (персонализации) «Я» в общении.

Переживание → **Чувство**. Категория «Переживание» (в широком смысле слова) может рассматриваться как ядерная в построении метапсихологической категории «Чувство». С.Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» различал первичное и специфическое «Переживание». В первом значении (его мы рассматриваем как определяющее для установления одной из базисных психологических категорий) «переживание» рассматривается как сущностная характеристика психики, качество «принадлежности» индивиду того, что составляет «внутреннее содержание» его жизни.

С.Л. Рубинштейн, говоря о первичности такого переживания, отличал его от переживаний «в специфическом, подчеркнутом смысле слова»; последние имеют событийный характер, выражая «неповторимость» и «значительность» чего-либо во внутренней жизни личности. Такие переживания, на наш взгляд, и составляют то, что может быть названо чувством. Специальный анализ текстов Рубинштейна мог бы показать, что путь становления событийного переживания («чувства») есть путь опосредствования: образующее его первичное переживание выступает при этом в его обусловленности со стороны «Образа», «Мотива», «Действия», «Отношений», «Я». Рассматривая, таким образом, «Переживание» (в широком смысле слова) как базисную категорию психологии, категорию «Чувство» – в логике восхождения – можно рассматривать как метапсихологическую категорию.

Действие → **Деятельность**. Метапсихологическим эквивалентом базисной категории «Действие» является категория «Деятельность».

Деятельность есть целокупное (имеющее первоначально коллективно-распределенный характер) самоценное действие.

Источником деятельности являются мотивы индивида, ее целью – образ возможного, в качестве прообраза того, что свершится, ее средствами – отдельные действия в направлении промежуточных целей и, наконец, ее результатом – переживание отношений, складывающихся между «Я» и ситуацией.

Интеракция (взаимоотношения) → Общение. Категория «Интеракция» («Психосоциальное отношение», «Взаимоотношения», «Взаимодействие») является системообразующей (ядерной) для построения метапсихологической категории «Общение». Будучи включенным в диаду базисный – метапсихологический уровень «Интеракция» выступает как общение людей. «Общаться» – значит относиться друг к другу, содействовать или не содействовать, реализуя индивидуальные цели друг друга, закрепляя сложившиеся или формируя новые взаимоотношения. Конституирующей характеристикой отношений является принятие на себя позиции другого субъекта («проигрывание» его роли) и способность совместить в мыслях и чувствах собственное видение ситуации и точку зрения другого и, таким образом, действовать совместно с ним. Это возможно через совершение определенных действий. Цель этих действий – производство общего (чего-то «третьего» по отношению к общающимся). Среди этих действий выделяются: коммуникативные акты (обмен информацией), акты децентрации (постановка себя на место другого) и персонализации (достижение «Я»-отраженности индивида в другом).

Последнее включает в себе целостный образ-переживание другого человека, создающий у его партнера дополнительные побуждения (мотивы).

Индивид → Я. В логике «восхождения от абстрактного к конкретному» категория «Индивид» может рассматриваться в качестве протопсихологической при построении базисной категории «Я». Предлагается следующее понимание «Я» (в ранге дефиниции): «Я» есть индивид в саморефлексии. Под именем «Я» индивид выступает как сложное рефлексивное образование, заключающее в себе наряду с самим индивидом как психофизической целостностью («бытийное Я») его данность себе в ощущениях («эмпирическое Я», разные по уровню сложности образы «Я»); индивид, определяемый как «Я», сосуществует с другими индивидами, являясь автономным носителем опредмеченных потребностей, целостных рефлексивных актов поведения и аффектов.

Как это очевидно из вышесказанного, было бы ошибкой считать лишь приведенную двучленную категориальную сетку завершенной. Базисными и метапсихологическими категориями не исчерпывается категориальный анализ психологического познания, и его необходимо достроить, показав, что в каждой психологической категории представлено единство явления и

сущности. В этом – принципиальная характеристика категориальной системы психологии.

В свое время в поисках отграничения специфической предметной области психологии Н.Н. Ланге ввел понятие «психосфера», призванное охватить богатство и многоплановость феноменов этой науки. При соотнесении представления Н. Н.Ланге о психосфере с фундаментальными идеями В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере возникает перспектива понять и описать подлинное место психосферы в едином пространстве, образуемом природой и социумом. По Вернадскому, биосфера представляет собой активную оболочку Земли, в которой совокупная деятельность живых организмов (в том числе человека) проявляется как фактор планетарного масштаба и значения. Вслед за Э. Леруа и П. Тейяром де Шарденом В.И. Вернадский понимает ноосферу как новое эволюционное состояние биосферы, при которой разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития. Для ноосферы характерна тесная взаимосвязь законов природы с законами мышления и общества. Отсюда очевидно, что психосфера (сохраняя собственную уникальную предметность) интегрирует в превращенном виде процессы, совершающиеся в биосфере и ноосфере, тяготея в одних случаях к первой, в других – ко второй. Сказанное позволяет, исследуя базисные и метапсихологические категории, обратиться и к пространству биосферы, в недрах которой сложились протопсихологические категории, сущностно проявляющиеся в базисном категориальном строе психологии. Вместе с тем уровень метапсихологических категорий содержит сущностные характеристики по отношению к социоцентрическим категориям, детерминированным специфическими характеристиками ноосферы. Отсюда следует, что, к примеру, «Потребность» (протопсихологическая категория) выступает, что было уже показано в предыдущем разделе, как сущность, а «Мотив» (базисная категория) – как явление, в котором эта сущность обнаруживается. В свою очередь, «Ценность» (метапсихологическая категория) проявляется в «Идеале» – категории социоцентрической. Итак, мы можем представить себе категориальную систему психологического познания как своего рода сетку, образующую пять уровней категорий (из которых первая не является собственно психологической, но остается сущностной по отношению к вышележащим психологическим категориям): биоцентрические, протопсихологические, базисные психологические, метапсихологические и социоцентрические, охватывающие в целом всю психосферу и порождающие весь понятийный аппарат психологической науки. Например, условная вертикаль «нужда – потребность – мотив – ценность – идеал» включает величайшее множество психологических понятий (влечения, желания, интерес, склонность, ценностные ориентации и т. д.).

Ниже приведена таблица, достаточно полно характеризующая категориальную систему психологии.

Могут быть специфицированы как «параллели» (плеяды), так и «меридианы» (кластеры) категорий, которые упорядочены в приведенной таблице. Характеризуя плеяды категорий, мы выскажем здесь всего два суждения, обоснование которых требует специальной работы.

1. Каждая из категорий любой из строк при всей своей специфичности неотделима от каждой другой категории той же строки. Например, категория «Личность» из плеяды метапсихологических категорий немыслима вне соотношения с категориями «Ценность», «Деятельность», «Сознание», «Чувство», «Общение», «Персоносфера», а категория «Образ» (плеяда базисных психологических категорий) неотделима от категорий «Я», «Мотив», «Действие», «Переживание», «Интеракция», «Ситуация».

2. Содержание категорий внутри каждой из пяти плеяд в строках таблицы характеризуется особым познавательным статусом. Нижняя первая строка таблицы, т. е. плеяда биоцентрических категорий, указывает на явления, которые могут быть изучены объективными методами, «извне», подобно тому как физики изучают объекты «подведомственной» им области знания. Интерпретация накапливаемых фактов при этом осуществляется на основе схем естественной причинности.

Вторая нижняя строка таблицы – плеяда протопсихологических категорий – включает в себе то, что на языке философии обозначается как ноумены – умопостигаемые сущности. Действительно, каждый из соответствующих объектов не дан наблюдателю непосредственно ни в показаниях датчиков, ни тем более путем прямого наблюдения извне. Например, даже такая, казалось бы, вполне наблюдаемая форма проявления активности, как рефлекс, не может быть осмыслена без введения особых конструктов, природа которых исключает возможность их «созерцания» (например, понятия о «промежуточных переменных» у Э. Толмена, «настроения» у М.Я. Басова и т. п.). Кроме того, и в интроспекции категории этой плеяды непосредственно не выступают (например, «потребность» приоткрывается нам исключительно в виде мотивов <...>.

В отличие от плеяды протопсихологических категорий следующая плеяда – базисные психологические категории – включает в себе явления, в той или иной мере доступные интроспекции. Это – плеяда феноменов. Чтобы убедиться в этом, достаточно «вглядеться» в любое из содержаний, вырисовывающихся за терминами «Я», «Мотив», «Действие» и т. д.

Метапсихологические категории – это плеяда идей. Каждая идея – это не просто мысль о чем-либо; это – единство мысли и мыслимого, мысль, заряженная импульсом самоосуществления. Вот почему, например, невозможно изучать личность подобно тому, как мы изучаем физические тела. С каким наслаждением признал свое «поражение» в попытках «понять» личность один из выдающихся ее исследователей, Р. Кеттелл, говоря, что личность подобна любви, все знают, что она есть, но никто не

знает, что она есть! «Личность», «Ценность», «Деятельность», «Чувство», «Сознание», «Общение», «Персоносфера» – все это идеи, творящие свой объект. И наконец, плеяда экстрапсихологических категорий. Познавательный статус этих категорий парадоксален. Они будто играют в прятки с исследователем. Любой шаг познания здесь как бы отталкивает от себя познаваемое содержание; объект исследования вступает в конкурентные отношения с самим исследователем, доказывая свою несводимость к чему-либо, что могло бы быть известно заранее.

Напомним: споры об идеалах; принципиальная невозможность определить, что есть свобода; сопротивляемость личностных смыслов (экзистенций) переводу их на чужой язык; сокровенность миропостижения; интимность соучастования – все это – приметы категорий особого рода. Они могут быть названы – «категории – *контроверзы*».

Обсудим теперь подробнее кластеры категорий, образующие столбцы приведенной матрицы.

Кластеры категорий психосферы («меридианы», вертикали, столбцы матрицы). Каждый из столбцов матрицы содержит в себе вполне определенный кластер категорий.

Мы говорим о кластерах категорий, потому что каждая из вертикалей символизирует, и притом вполне отчетливо, то или иное фундаментальное психологическое измерение бытия человека.

Кластер субстанциональности. Объединяет в себе такие категории, как «Организм» (нулевой уровень), «Индивид», «Я», «Личность», «Человек» (высший уровень). Действительно, если под субстанциональностью понимать то, что соответствует этому термину в истории человеческой мысли, а именно свойство быть первоосновой чего-либо, то можно убедиться в том, что именно такова суть всех категорий означенной вертикали.

Свойство субстанциональности при этом все более полно раскрывает себя при переходе с нижней на все более высокие ступени в этом ряду. Первоначально, применительно к организму, субстанциональность раскрывается весьма ограничено, означая «не более чем» жизнеспособность органического тела живого существа при взаимодействии с окружающей средой (воспроизводство собственной телесной целостности), но применительно к человеку данное качество означает также превращение окружающей природы в органическое тело самого человека (что предполагает уже не просто приспособление к природной среде, но и ее подчинение своей собственной воле). Точно такое же «нарастание» полноты самораскрытия по мере продвижения вверх каждой из родовых категорий, охватывающих каждую из вертикалей, мы можем зафиксировать во всех других рассматриваемых случаях. Конспективно рассмотрим каждый из них.

Кластер направленности. Синонимы: «телеология», «устремленность». Род категорий, включающий в себя «Нужду» (нулевой уровень), «Потребность», «Мотив», «Ценность», «Идеал» (высший уровень). Категория «Нужда», характеризуя то, что насущно необходимо, не означает, что необходимое для существования организма изначально уже «записано» в нем, – речь может идти лишь о том, в чем совершенно объективно нуждается организм; иными словами, последний может, так сказать, «и не догадываться» о своих подлинных интересах, и даже более того – никоим образом не обнаруживать их вовне. Что же касается потребности, то она как бы сама заявляет о себе активностью (потребность есть «зависимость как источник активности»). Далее – категория «Мотив»; в отличие от потребности вообще мотив есть не что иное, как субъективированная устремленность – феноменальная данность потребности. Продолжая подъем «вверх» по вертикали, мы застаем такую форму интенциональности, как «Ценность», – здесь перед нами признанный самим индивидом, ставший целью его собственных действий мотив. И наконец, «Идеал»: осознанная личностью ценность, направляющая его деятельность и, более того, предъявляемая в общении как образец для всех.

Кластер активности. Этот кластер обобщает в себе такие категории, как «Метаболизм» (нулевой уровень), «Рефлекс», «Действие», «Деятельность», «Свобода» (высший уровень). Здесь сохраняется та же логика все более глубокого и существенного раскрытия родового определения бытия человека, что и в других случаях. Каждый шаг продвижения вверх внутри кластера раскрывает категорию активности все более полно. Предлагаемая трактовка «активности» объединяет в себе две эпохи философии причинности: кантианско-гегелевскую и античную. В определении «активности» вообще мы следуем наиболее емкому из всех мыслимых определений, принадлежащему И. Канту: «активность есть причинность причины». Высший уровень активности – «первопричинность» или, что то же самое, – «свободная причинность». В развитие взглядов Гегеля, свободная причина может быть осмыслена как *causa sui* («причина себя»), что и задает нам общее представление о высшей категории кластера активности («Свобода»). Такое понимание применительно к категориям психосферы конкретизируется в соответствии с учением Аристотеля о четырех причинах («материальной» – имеется в виду то, из чего строится что-либо, «формальной» – то, по форме чего строится, «действующей» – то, что или кто строит, и «целевой» – то, ради чего строится) и гегелевским пониманием «свободной причины».

Первый уровень кластера активности – «Метаболизм». Живое существо воспроизводит свою собственную телесность, а именно то, из чего он состоит, «материю» своего бытия; в этом случае мы говорим о материальной самопричинности; формальная, действенная и целевая причинности здесь еще не выступают самостоятельно: внутри самого тела

не «записано», в каком направлении, кто и зачем будет действовать. Чтобы представить происходящее, можно воспользоваться аналогией «круговорота воды в природе»: здесь нет ни формальной, ни действующей, ни целевой причинности, между тем как материальная самопричинность, сохранение водной массы, налицо.

Второй уровень кластера – «Рефлекс» (целостный рефлекторный акт поведения). Рефлекторная активность образует условие осуществления метаболизма, когда он невозможен в настоящем или, если ничего не менять, – в будущем. В этих случаях индивид осуществляет «опережающее отражение действительности» (П.К. Анохин), восстанавливающее или подготавливающее протекание метаболизма. Перед нами проявления формальной причинности, выступающие самостоятельно в качестве условия существования индивида (однако здесь еще рано говорить об автономизации действующей и целевой причинности). Любопытно, что метаболизм обеспечивает превращение как бы случайного, пробного, разового акта опережающего отражения собственно в рефлекс, играя роль «подкрепления»; в результате воспроизводится не просто материальный состав организма, а целостность более высокого порядка – тело, наделенное рефлексом. На языке концепции причинности перед нами в рефлексе формальная самопричинность, что означает проявление свободы.

Третий уровень кластера – «Действие». Действие («произвольная активность») выступает на передний план тогда, когда свободное протекание рефлекторного акта без дополнительных преобразований обстоятельств невозможно сейчас или потом, и для его обеспечения живое существо должно строить помимо образа среды еще и образ себя во взаимодействии с нею. В этом случае рождается собственно «Я» – действующая самопричинность (еще одно, более высокое проявление свободы).

Четвертый уровень – «Деятельность». Здесь обеспечивается само существование деятельной способности субъекта, что и составляет конечный ориентир активности, – ее целевую причинность. Заметим, что деятельность объединяет в себе множество действий, субъекты которых могут не быть идентичны. Иными словами, тот, «ради кого» осуществляется деятельность, и тот, «кто» действует, не обязательно одно целое. Таким образом, «целевая причинность» может выступать здесь обособленно от «действующей» и соответственно «формальной» и «материальной» причинности. И наконец, об успешности деятельности говорят лишь в том случае, когда она воспроизводима, а это, в свою очередь, свидетельствует о целевой самопричинности деятельности, – свободе субъекта в ее осуществлении.

На пятом, высшем, уровне активности четыре причины выступают совместно, опосредствуя друг друга, содействуя друг другу, принадлежа друг другу и образуя подлинную цель друг для друга, что и означает: «Свобода».

Кластер когнитивности. *Синонимы:* «идеальность», «запечатленность», «репрезентированность», «отраженность», «отображенность». Данный кластер имеет категории «Сигнал» (нулевой уровень), «Ощущение», «Образ», «Сознание», «Разум» (высший уровень). Общим для всех этих категорий является то, что они обозначают факт представленности чего-либо в чем-либо, «бытия вещи вне самой вещи», как об этом говорит философия. Прослеживая путь восхождения от «Сигнала» к «Разуму», мы видим, как все более приоткрывается мир человеку, как освобождается картина мира от гнета сиюминутных нужд, диктата потребностей, пристрастности мотивов, наводки ценностей человека. Видим, как относительно более простая способность организма отзываться на биологически значимое воздействие (уровень сигнала) перерастает в значительно более сложную и загадочную «раздражимость» особи к абиотическим воздействиям (способность ощущения), превращается далее в способность субъекта к перцепции (возникновению образов), приходит далее к способности личности осознавать мир и, наконец, восходит на ступень миропостижения, на котором человеку открываются принципиально разные, принципиально незавершимые в своей распахнутости или потаенности миры.

Кластер субъективности. *Его синонимы:* «значимость», «пристрастность». Перед нами ступени продвижения к истине («ясному и отчетливому», «подлинному», «аутентичному», «всеобщему» или, наоборот, «уникальному» знанию). Термин «субъективность» может рассматриваться как возможное обозначение для родовой категории, объединяющей в себе «Избирательность» (нулевой уровень), «Аффективность», «Переживание», «Чувство» и «Экзистенцию» (высший уровень). В то время как избирательность еще совершенно «безадресна, объективна, образует лишь предпосылку телеологии», «экзистенция» (от лат. *existentia* – существование) представляет собой осмысленное (осознанное = с-мыслью) индивидом чувство собственного «Я», обладающее для него самоценностью и обуславливающее его сопричастность персоносфере.

Таковы лишь полярные категории, репрезентирующие атрибут «субъективности». Специальный анализ может показать, как при подъеме вверх по меридиану все плотнее и нерасторжимее связываются в «субъективности» многообразные проявления бытия человека. По сути речь идет об углублении процессов субъективации при постижении собственной экзистенции.

Кластер событийности. *Синонимы:* «социальность», «общность», «сопричастность». Данный кластер включает в себя категории «Синергия» (нулевой уровень), «Сосуществование», «Интеракция», «Общение», «Соучастование» (высший уровень). Восхождение по ступеням этого ряда – это переход от идеи функциональной связанности, нерасторжимости двух частей организма или двух существ к идее автономии и в то же время

отраженности бытия их друг в друге. Событийность на ступени «Сосуществования» характеризуется тем, что особи принимают друг друга в расчет только в той мере, в какой их присутствие может нарушить естественные проявления их собственной жизнедеятельности (это существование «рядом», но не «вместе»). Событийность на ступени «Интеракции» означает взаимную поддержку, иначе говоря, реализацию хотя бы одним из субъектов инструментальной функции по отношению к другому (предоставление информации, присоединение собственных усилий, в том числе и физических и т.п.). Общность на ступени общения – это, собственно, «производство общего» (В.А. Петровский).

Подобное «производство» может и не иметь своей подлинной целью достижение отраженности, «присутствия» человека в человеке. Но если признать правоту М.Хайдеггера в том, что «человек есть присутствие», то надо будет признать также и то, что «человеческое в человеке» достижимо лишь на высшей ступени событийности, знаменуемой соучастием людей.

Кластер действительности. Данный кластер включает в себя категории «Среда», «Предметность», «Ситуация», «Персоносфера», «Эйкумена». По мере продвижения вверх по вертикали категории все более богато раскрывают область бытия сущего на каждом из его уровней.

«Среда» – область физико-химических предпосылок и результатов воспроизводства сущего.

Следующая категория, «Предметность», центральная для развертки общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, характеризует среду существования организма как источник удовлетворения его нужд («опредмечивания» потребностей, становления избирательных сигнальных отношений с биологически значимыми агентами окружения, в том числе и себе подобными).

Термину «Ситуация» соответствуют такие понятия, как «проблемная ситуация», «проблема» (познавательная, экзистенциальная и т.п.); говоря о ситуации, мы подчеркиваем, что субъект действует, разрешая ее, «поднимаясь на ней».

Следующая категория – «Персоносфера». Поскольку термин «персоносфера» (А.В. Петровский) вводится здесь впервые, охарактеризуем его значение подробнее. Категория персоносферы не ограничивает универсум человеческого бытия областью межсубъектных контактов; персоносфера не означает только лишь общение vis-a-vis, хотя и вбирает его в себя. «Человек никогда не производит и не потребляет предметы, которые бы затрагивали лишь его интересы и ничьи более; точно так же не производит и не потребляет предметы, отвечающие интересам других людей и оставляющие вполне равнодушным его самого. Игрушка, взятая одним ребенком, тут же становится особо притягательной для другого ребенка; поэт, делящийся сокровенным, рискует стать объектом пародии; философ, входящий, как ему представляется, в сферу «подлинного»,

отъединенного от других, бытия, увлекает за собой сонм адептов. Через предметы своей деятельности человек тысячью нитей и уз связан с другими людьми: обогащает или обедняет круг их потребностей, формирует новые взгляды, расширяет или ограничивает их возможности.

...Независимо от того, кому в начале своей деятельности индивид предназначает продукты своей активности – себе или другим людям, в ходе его деятельности осуществляется перестройка как собственной его социальной позиции, так и социальной позиции других людей... социальные позиции образуют связное целое, так, изменение, к примеру, положения хотя бы одной фигуры на шахматной доске перестраивает позиции всех остальных» (В.А. Петровский). Персоносфера – это невидимая сеть актуальных и потенциальных предметных связей, объединяющих всех людей на земле в единое человечество, преодолевающая государственные, религиозные, этнические и иные границы. Множество реальных и возможных пересечений персонализаций людей друг в друге, в том числе людей, живущих вдали друг от друга и в разные эпохи истории, образуют единое пространство персоносферы (А.В. Петровский).

Завершающая и высшая категория кластера – «Эйкумена». Здесь, так же как и в случае введения нового термина «персоносфера», требуется пояснение. Слово «эйкумена» («ойкумена») происходит от греческого «oikumene», что означало, с точки зрения древних греков, все то, что заселено человеком. Подобно античному «обжитому пространству», данная категория постепенно «обживается» психологами. Ближе всего к ней подступает категория «Жизненный мир» в интерпретации Ф.В. Василюка. Категория «Эйкумены», однако, шире и в отличие от категории «Жизненный мир», «онтология» которого хотя и противостоит «онтологии изолированного индивида», сфокусирована все-таки на последнем, охватывает и связывает воедино пространство жизни многих субъектов, множество жизненных миров.

Применительно к диаде мы можем сравнить эйкумену с эллипсом, заключающем в себе, как известно, два фокуса, в каждом из которых пребывает субъект. Для понимания эйкумены существенно, что она описывает «обжитое пространство» совместного пользования людей, причем пространство это не сводится к объектам и инструментам совместных действий людей. Оно объемнее и представляет собой обстоятельства их жизни, регионы их совместного существования, их соприсутствия, «бытования» (если воспользоваться термином В.И. Слободчикова).

Эйкумена шире также и области взаимодействия людей в условиях совместной деятельности, коллективной обработки земли, изготовления орудий труда, предметов материального и духовного потребления и целенаправленного распределения. Эйкумена включает в себя область всего производимого и произведенного человеком, в том числе и существующее за пределами самого производства и прямого обмена, описываемого

сакраментальной формулой «ты мне – я тебе». Эйкумена – то же, что и «Мир» в понимании С.Л. Рубинштейна и в последующих версиях. Перед нами «множество миров» (А.Г. Асмолов), можно сказать, – единство качественно своеобразных, но сквозь пространства и времена соприкасающихся друг с другом жизненных пространств индивидов.

Эйкумена, таким образом, есть не только многомерная, но и многомировая целостность. Становление личности есть субъективация индивидом эйкумены. Это значит, что индивид осваивает свой собственный жизненный мир, объединяющий в себе «мир четырех миров»: ими являются Природа, Культура, Общение, «Я сам»; и каждый из них, будучи проекцией эйкумены, весьма специфичен («параметры» пространства и времени в этих мирах могут иметь мало общего друг с другом).

Таким образом, выше сделана попытка дать обобщенную характеристику кластеров и плеяд, с помощью которых оказывается возможным описание структуры психосферы.

Необходимо отметить, что каждая категория теоретической психологии является родовой по отношению к определенному кругу психологических (в широком смысле) понятий. Так, например, категория «Образ» может быть конкретизирована в таких понятиях, как «Восприятие», «Представление», «Воображение», «Память» и т. д. Возьмем, например, категорию «Потребность». Встречаются самые различные способы типологизации потребностей человека: по их предмету (материальные и духовные потребности), по их происхождению (естественные и культурные) и др. В некоторых случаях выделение видовых по отношению к той или иной категории понятий представляет известную сложность. Каковы, например, понятийно-видовые спецификации категории «Сознание»? Интересно, что в связи с введением весьма популярного в наши дни понятия об «измененных состояниях сознания» («измененном сознании») сознание, так сказать, в норме не ассоциируется психологами с каким-либо специальным термином (хотя психиатры используют в этом случае точное слово, говоря о «ясном состоянии сознания», «ясном сознании»). Отметим, что особую проблему в рамках предложенного подхода может представлять разграничение видов в рамках одной категории. К примеру, разграничение сенсорного, перцептивного и ментального «Я» и т. п.

Наряду с возможностью установления родовидовых отношений, существующих между той или иной категорией и понятиями, что свидетельствует о многообразии психологической реальности, богатстве ее форм, открывается также возможность описания понятийной архитектоники каждой из таких категорий, ее внутреннего устройства, что говорит нам о сложности психологической реальности, представленной в категориальной модели. Используем для примера категорию «Образ». Какие бы психологические трактовки образа мы ни взяли, в любой из них мы сталкиваемся с рядом понятий, посредством которых содержательно

раскрывается данная категория. Здесь перед нами, например, такие конструкты, как «чувственная ткань», «перцепт», «значение» (А.Н. Леонтьев), или, например, образующие перцепт «первичные сенсорные образы» и «образы представления» о мире (Г. Гельмгольц) и т. п. Другой иллюстрацией сказанного о понятийной архитектонике категорий может быть психологическое строение категории «Я». Заклучая в себе идею самоотраженности субъекта, категория «Я» содержательно раскрывается, например, через такие понятия, как «самооценка», «концепция Я», или, скажем, в понятиях об «эго-состояниях» «Родитель», «Взрослый», «Ребенок» (Э. Берн) и т. д. и т. п.

Предложенная нами «подборка» иллюстраций может показаться слишком разрозненной и фрагментарной, впрочем, полную удовлетворенность могло бы принести только обращение ко всему понятийному аппарату, зафиксированному в психологических словарях. Легко заметить, что каждая из категорий образует центр той или иной психологической разработки, концепции или теории, иногда нескольких концептуальных систем (между тем каждая из таких теоретических разработок содержит в себе ряд понятий, сцепление которых образует существо категории). Очевидно, что само перечисление этих концепций в пределах данной работы весьма затруднительно, не говоря уже об «исчислении» понятий, в этих концепциях содержащихся. Но вместе с тем нельзя не отметить, что такова перспектива, закономерно открывающаяся перед теоретической психологией, коль скоро она пожинает плоды с «грядок», расчерченных параллелями и меридианами психосферы. Безусловно, авторы считают возможным в дальнейшем, в случае необходимости, уточнение «элементов» предложенной таблицы. Но это отнюдь не означает, что при этом может измениться логика построения категориальной системы.

Имеется в виду неизменность определяющих принципов взаимосвязи категорий:

- 1) восхождение от абстрактного к конкретному посредством синтеза системобразующих (ядерных) и оформляющих категорий;
- 2) сущность как явление и это же явление как сущность;
- 3) встречная детерминация психосферы со стороны биосферы и ноосферы (биогенетическая и социокультурная детерминация).

Отметим в этой связи, что некоторые термины, соответствующие элементам-категориям разрабатываемой таблицы, являются условными и в дальнейшем могут быть заменены более удачными.

В приведенной выше таблице получают фактическое воплощение три объяснительных принципа построения психологического познания: принципы детерминизма, развития, системности.

Категории каждой из вертикалей таблицы в своей эмпирической реализации детерминированы как «снизу», так и «сверху». Так, категория «Я» (метапсихологическая) включает в себя (в снятом виде) биологическое

начало, поскольку сохраняет типологические и индивидуальные особенности нервной деятельности организма. Но в то же время приоритетной для этой категории детерминантой (если иметь в виду эмпирическое ее наполнение) выступает ноосфера, порождая бесчисленное множество вариантов межличностных проявлений. Таким образом, обусловленность со стороны биосферы не теряет здесь своей силы, хотя приоритет принадлежит культурно-исторической детерминации.

Переход между категориями мыслится согласно схеме восхождения *от абстрактного к конкретному*. Протопсихологический ряд отвечает в известной степени идее преформизма, в нем в свернутом виде содержится все богатство, обнаруживающее себя на более высоком категориальном уровне. При этом определяющую роль играет та категория, которая находится непосредственно ниже по вертикали; она носит характер примата по отношению к категории «выше», имеющей соответственно характер деривата. «Оформляющие» категории выступают в качестве условий «проращивания» возможностей, присущих категориальному ядру. Категория «Ценность», как было показано, является прямым развитием категории «Мотив», получая свое «оформление» через категории «Переживание», «Отношение» («Интеракция»), «Действие» и др.

Итак, характеризуя взаимоотношения между категориями, входящими в плеяду, расположенные ниже в матрице, и категориями плеяды последующего, более высокого уровня, мы видим, что первые являются определяющими для вторых, – убеждаемся в том, что посредством ядерных и оформляющих категорий удастся ввести в психологию новые категории, дать им начальные, «стартовые» определения. Но порожденные таким образом дефиниции новых категорий, конечно, не исчерпывают содержания определяемых категорий (определения, как известно, заключают в себе необходимые и достаточные признаки для вычленения определяемых сущностей, но не претендуют на полноту их раскрытия). Конкретизация (развитие) категорий становится возможным благодаря «добрососедству» (соприкосновению) с другими категориями вбирающего их в себя кластера. Взаимоотношения между категориями внутри плеяды можно сравнить со взаимоотношениями лейбницианских монад: *каждая отражает каждую*, сообщая ей дополнительные определения.

Это положение мы проиллюстрируем на единственном примере, рассматривая уровни определения (ступени развития) «Я». Выше уже было дано определение «Я» как индивида в саморефлексии. В то время как «стартовое» определение «Я» строится на основе композиции «нижележащих» категорий «Индивид», «Ощущение», «Аффект» и т. д., последующие определения опираются на такие категории, как «Образ», «Действие» и т. д., лежащие в той же строке матрицы, что и «Я». Таким образом, наряду с чувственным «Я» (индивид, данный себе в ощущении) на сцене сознания индивида появляются «Я» в восприятии, «Я» в представлении, «Я» в мысли. Индивид при этом выступает в единстве

четырёх своих ипостасей: как субъект, объект, носитель и содержание рефлексии. Будучи особым действием, саморефлексия соотносит и связывает в составе «Я» субъективный и объективный аспекты бытия индивида: переживание и переживаемое, восприятие и воспринимаемое, мысль и мыслимое. Тем самым определяется не совсем обычный (в глазах психологов) онтологический статус «Я» – статус идеи, выражающей, согласно Г. Гегелю, «единство понятия и объективности», т. е. самую суть пульсации взаимопереходов между полюсами субъективного и объективного бытия индивида.

Выделяются следующие предпосылки и результаты саморефлексии, производящие «Я»: сам индивид (предпосылка «Я»), индивид в самопереживании («Я как таковое», «самость»), индивид в самовосприятии («наличное Я», «Я сам»), индивид в самосознании («рефлексивное Я», «Я само по себе»). Гегелевская идея позволяет связать рекурсивным отношением все более усложняющиеся определения «Я»: индивид как идея себя есть первое определение «Я» («Я как таковое», «самость»); поднимаясь в своих определениях выше, мы замечаем, что идея «самости» индивида образует его «наличное Я» («Я» в значении личного местоимения, «Я сам») и, наконец, идея «Я сам» образует «рефлексивное Я» индивида («Я само по себе», или, в терминах наукоучения Г. Фихте, «яйность»).

Специальное исследование могло бы убедить нас в том, что возрастное развитие «Я», движение от ступени к ступени: «самость», «я сам» и «я само по себе», основаны на интеракциях: так, в процессах межиндивидуальных взаимодействий у ребенка первоначально формируется обобщенное «переживание себя» (имеющее, возможно, несколько «представительств», таких, как «живое движение» тела индивида, его собственный плач, образ себя в зеркале, «телесное чувство» контакта с другими индивидами, и даже такие на первый взгляд странные образования, как зрительной проекции собственного носа на сетчатку); «переживание себя» являет собою знак и значение любых переживаний, порождаемых телом индивида (необходимо заметить, что переживания, имеющие своим источником тело индивида, в интеракциях последнего постепенно отделяются от переживаний, источник которых расположен во вне); далее, со временем, в интеракциях рождается «сторонний» взгляд на себя как на источник и носитель самопереживания – «Я в представлении о себе» (фундаментальную роль здесь играет личное имя); в конечном счете индивидом конструируется символ себя как трансцендентного существа, осмысливающего свои переживания и представления – «Я в мысли о себе»; последнее удивительным образом оказывается «по ту сторону» различения «внутреннего» (переживание) и «внешнего» (представление) аспектов самосознания индивида. Процессы саморефлексии, раскрывающие и строящие «Я» индивида, который «как в зеркале» отражается в других индивидах, суть его внутренне мотивированные действия (*cogito* – «мыслю» – самоценно). На ступени «рефлексивного Я» индивид проявляет себя как

носитель свободной причинности – «причины себя», как подлинный источник надситуативной активности.

Таким образом, опираясь на системные связи, существующие между категориями внутри кластера, можно рассчитывать на то, что удастся «вырастить» третье, понятийно-категориальное измерение, поднимающееся над кластером и формируемое «произведениями» образующих его категорий и понятий (но это – дело будущих исследований).

В логике развертки категорий представлена реальная история развития человеческого рода и конкретного индивида – как социогенеза, так и онтогенеза. Категории, выстроенные по вертикали и расположенные на четырех горизонталях таблицы, образуют узловые пункты развития психосферы. Так, категория «Личность» появляется лишь на высшей ступени социо- и онтогенеза и т. п.

В приведенной выше категориальной сетке в полной мере представлен принцип системности, столь важный для теоретической психологии. К сожалению, многократно и на протяжении последних двух-трех десятилетий принцип системности хотя и декларировался как приоритетный для психологической науки, но он так и не получил конкретного воплощения и теоретического обоснования. Не были выделены общепсихологические системообразующие признаки и принципы. Приметой системности настоящей категориальной сетки является уже сам факт реализации в ней идеи восхождения от абстрактного к конкретному. Это представлено положением о преформизме переходов между категориями разных уровней, выделением категорий, имеющих характер примата и деривата, «ядерных» и «оформляющих», участвующих в категориальном синтезе. Это обнаруживается также в демонстрации идеи восходящего и нисходящего детерминизма (представленной положением об эмпирическом наполнении каждой из категорий содержаниями вышележащих и нижележащих уровней, в конечном счете граничащих с ноосферой и биосферой). Таким образом, *можно говорить о единстве социогенеза и онтогенеза.*

Рассмотрение любого категориального уровня выявляет его патогенетический аспект. Если выпадает или нарушается функционирование одной из расположенных на «горизонтальной» линии категорий, системное качество категориального уровня оказывается деформированным, что сказывается на всех других его компонентах.

Все это позволяет видеть в категориальной системе возможности обращения не только к *фило-* и *социогенезу*, но и к *патогенезу* личности.

Категориальная система психологии не может быть выращена из какого-то одного-единственного «зернышка». Это особенно важно подчеркнуть, потому что для каждой сколько-нибудь значимой в истории психологии теоретической системы (научной школы) были характерны поиски «клеточки», которая могла бы стать отправной точкой для построения общей конфигурации заявляемого учения. Первым на

бесперспективность такого подхода обратил внимание М.Г. Ярошевский в начале 1970-х годов. Для адептов физиологии ВНД такой гипотетической «клеточкой» был «условный рефлекс», для реактологии – «реакция», для «структурной» психологии – «гештальт», для бихевиоризма – «стимул – реакция», для раннего З. Фрейда – «либидо», в общепсихологической теории А.Н. Леонтьева – «деятельность», в учении Д.Н. Узнадзе – «установка», в трудах В. Н. Мясищева – «отношение» и т. д.

Видимо, испытывая неудовлетворенность результатами поиска подобной «клеточки», идеолог этих изысканий Л.С. Выготский последовательно переходил от «речевого рефлекса» к «знаку», затем – к «значению», далее фигурировали «смысл», «переживание». Не исключено, что если бы так рано не оборвалась жизнь замечательного ученого, он бы отказался от этих фактически безнадежных поисков и попытался найти иное теоретическое решение. Ничуть не удивительно то упорство, с которым советские психологи были заняты поисками этой сакраментальной «клеточки» психического. Представлялось более чем соблазнительным перенести в сферу психологических построений классическую «клеточку» политэкономии марксизма – «товар». Но в ходе последующего критического рассмотрения каждая из этих «клеточек» так и не становилась единственным создателем психического, что привело к невозможности обрести целостную картину психического мира. Основа содержательной интерпретации психосферы – это не отдельно взятая «клеточка» в ее развитии, а сложная, многоступенчатая, внутренне связанная, но качественно своеобразная система категорий, находящая источники своего развития и внутренней организации в природе и обществе.

Еще раз подчеркиваем: не клеточка, даже в своем вершинном развитии, а динамическая система категорий способна охватить и отразить в себе психический мир человека. Этим же объясняется отказ от претензии построить одну-единственную, все объясняющую теорию психологии. Вместе с тем целесообразна попытка сохранить и реализовать стремление сконструировать теорию теорий психологии.

Предложенный здесь проект «теоретической психологии», как можно полагать, включает в себе искомую модель «теории теорий» – инструмент разрешения исторического кризиса психологии, о котором некогда писал Л.С. Выготский. Мы говорим о категориальном подходе в построении «теории теорий», чтобы избежать двойственности в интерпретации последнего словосочетания. Впрочем, вполне допустима и другая версия того, чем должна быть и чему должна служить «теория теорий»: например, раскрывать закономерности спонтанного становления теоретических систем, инварианты движения психологических концепций и школ. Характерной иллюстрацией такого движения могут служить судьбы психоанализа, рефлексологии, гештальтпсихологии и персонализма в понимании автора «Исторического смысла психологического кризиса». «Эти судьбы, – писал Л.С. Выготский, – схожие, как четыре капли одного и

того же дождя, влекут идеи по одному и тому же пути». Выготский детально описывает внутреннюю логику движения идеи, закономерные стадии ее заражения и отмирания.

Идея неотвратимой логики движения научной мысли на примере «развитых наук» весьма активно и плодотворно обсуждалась в работах Г.П. Щедровицкого и его школы (идея «исторической теории» решения научных проблем, «генетической реконструкции»), в работах других выдающихся философов. В данном понимании «теория теорий» нацеливала бы нас на анализ и обобщение тенденций, которые, как мы еще раз подчеркиваем, спонтанно проявляются «с такой удивительной закономерностью, постоянством, с такой правильной однообразностью в самых различных областях, что положительно допускают предсказание о ходе развития того или иного понятия или открытия, той или иной идеи». Но, говоря о «теории теорий», мы придерживаемся иного взгляда (впрочем, вполне сочетающегося с первым). Мы видим в ней не только обобщение, но и принцип построения психологии как целостной области знания.

Идея, что «клеточки» категориальной системы психологии, – а речь здесь идет о каждой, начиная с протопсихологических категорий, – сотканы из «системообразующих» и «оформляющих» нитей-связей, исходящих из «клеточек» нижележащего уровня, есть основание для того, чтобы задуматься, насколько теоретически и эмпирически «проработаны» эти связи. Определяя категорию «Ценность», мы должны, например, обратиться к категориям «Мотив», «Я», «Действие», «Образ», «Переживание», «Интеракция», «Ситуация». Вполне вероятно, что чисто формально эта и другие подобные дефиниции смогли бы вместить в себя все перечисленные категории. Но вполне правомерен вопрос: обеспечены ли уже сейчас предлагаемые дефиниции наличными психологическими разработками? Понятно, что «проработанность» межкатегориальных связей (предмет конкретных исследований) и «предначертанность» таких связей (методологическая функция категориальной таблицы) – далеко не одно и то же. Поиск соответствующих теоретических и эмпирических аргументов в пользу предлагаемых дефиниций (что необходимо для установления общего взгляда, построения «теоретической психологии») есть в то же время путь развития каждой из конкретных областей психологического знания. *Теоретическая психология в ее категориальном прочтении призвана – применительно к каждой конкретной теории – ответить на вопрос: что есть эта теория для психологии в целом и что есть психология как целое для каждой данной конкретной теории.*

Л.С. Выготский, разрабатывая основы новой общей науки, помышлял о создании особого инструмента («орудия»), позволяющего овладеть практикой психологического познания. Окажется ли предложенная нами категориальная модель «теории теорий» как раз таким искомым инструментом познания, выполнит ли она задачу интеграции и развития частных психологических исследований – покажет будущее.

МАКСИМЕНКО Сергій Дмитрович

Сергій Дмитрович Максименко народився 15 грудня 1941 р., с. Запруддя, Рокитнянський район, Київська область. Доктор психологічних наук, професор, дійсний член Національної академії педагогічних наук України, академік-секретар відділення психології, вікової фізіології та дефектології НАПН України, обіймає посади директора Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України, декана медико-психологічного факультету Національного медичного університету імені О.О. Богомольця.

Дійсний член Міжнародної ради психологів (США), іноземний член Російської академії освіти (РАО), дійсний член Європейської академії природничих наук (ФРН, м. Ганновер), Голова Товариства психологів України, почесний президент Української асоціації лікарів-психологів, голова експертної ради ВАК України з психологічних наук.

На основі циклу теоретико-експериментальних робіт та генетико-моделюючого методу під керівництвом С.Д. Максименка створена українська наукова школа генетичної психології. Розроблені Максименком формувальні та діагностичні методи включені до Європейського банку дослідницьких процедур із лонгітюдних досліджень при Інституті Макса Планка (Мюнхен).

Автор понад 640 наукових праць (у тому числі 27 монографій, 20 підручників і 32 навчальних посібників), серед яких: «Основи генетичної психології», «Розвиток психіки в онтогенезі», «Генеza здійснення особистості», «Психологія учіння людини: генетико-моделюючий підхід» (удостоєна Державної премії України в галузі науки і техніки 2010 року), «Практикум із групової психокорекції», «Genesis of Personality Existence».

Максименко С.Д. Генетико-моделюючий метод дослідження особистості / С.Д. Максименко // Особистість у розвитку: психологічна теорія і практика. Монографія / за ред. С.Д. Максименка, В.Л. Злиwkова, С.Б. Кузікової. – Суми: Вид-во СумДПУ імені А.С. Макаренка, 2015. – С. 17-35.

ГЕНЕТИКО-МОДЕЛЮЮЧИЙ МЕТОД ДОСЛІДЖЕННЯ ОСОБИСТОСТІ

Наукове дослідження психології особистості як дійсного (а не уявного лише) предмету вивчення, як унікальної, неповторної і цілісної системи, єдності, являє собою дуже велику проблему. Справа в тому, що сучасна наука не має головного – *методу*, який був би адекватним даному предмету. Метод виступає центральною ланкою всієї проблеми психології особистості, оскільки він є не лише засобом отримання наукових емпіричних фактів, він являє собою ще й засіб втілення наукового знання, спосіб його існування і зберігання.

Дуже типовий і яскравий приклад – Гордон Олпорт і його робота по створенню теорії особистості. Олпорт належить до тих небагатьох персонологів, які розуміли дійсно ключове значення проблеми методу у теоретизуванні з приводу природи особистості й віддавали собі звіт про існуючу вражаючу суперечливість між теоретичними уявленнями і

способом зібрання емпіричних фактів, а отже, – і їх реальною цінністю. Він найбільш чітко і яскраво визначає істотними ознаками особистості цілісність і унікальність, і робить такий необхідний крок у бік розробки адекватних цим атрибутивним ознакам методів.

У Г. Олпорта ми зустрічаємо розподіл всіх існуючих методів дослідження особистості на дві полярні групи – номотетичні та ідіографічні. І цей розподіл виявляється настільки важливим, що, як доводить автор, йому відповідають два різні *теоретичні підходи* до вивчення особистості, які отримують ті самі назви. Ідіографічний (морфогенетичний) підхід полягає у спробі досліджувати особистість як унікальну цілісність і передбачає застосування відповідних методів і методичних процедур.

Номотетичний підхід є, власне, традиційно існуючим напрямом – коли особистість штучно розкладається на складові, і якісь узагальнення намагаються отримати лише за допомогою набору великої кількості результатів, щоб вони стали статистично достовірними. Олпорт все зрозумів вірно, але у реальних своїх емпіричних дослідженнях використовував саме останній, номотетичний метод, і тому його наукові тексти читаються, як драматичні твори: ми відчуваємо, як важко йому ставати на той же шлях, який він критикує – отримувати узагальнення не від емпіричних даних, а завдяки власним роздумам.

Г. Олпорт не зміг створити методу, який опредметнив би його вихідні уявлення, і в цьому – його дійсна проблема. Вона, однак, є загальною для психології особистості. Більшість вчених вбачає її рішення у редуccionізмі: оскільки особистість – надто «завеликий» об'єкт, у ньому треба спочатку теоретично виокремлювати деякі частини, але не *будь-які*, а змістовні, тобто ті, дослідження яких буде, власне, адекватним вивченню *всієї* особистості.

Це звернення до так званого конститууючого начала особистості, безумовно, було кроком уперед. Але дуже швидко виявилася дивна річ – кожен дослідник виділяв *різне* конститууюче начало. Якщо говорити про вітчизняну психологію, то в якості такої вихідної інстанції розглядалася і спрямованість (Л.І. Божович), і відношення (В.М. М'ясищев), і спілкування (О.О. Бодальов), і ієрархія діяльностей та мотивів (О.М. Леонтьєв), і вибірковість (М.Ф. Добринін), і установка (Д.М. Узнадзе), і емоційна спрямованість (Б.І. Додонов) тощо. Той самий процес спостерігаємо в зарубіжній психології. Лише З. Фрейд був до кінця послідовним. Безумовно, його підхід – теж редуccionія, і не дуже проаналізована. Але нас тут цікавить інше: саме Фрейду (і поки що тільки йому) вдалося втілити свої уявлення в метод, застосувати цей метод, отримати результати і саме на їх основі побудувати теорію особистості.

Інша справа, що *змістовно* Фрейд, власне, проігнорував атрибутивні ознаки особистості: і цілісність, і активність, і унікальність. Тому доля його теорії не відрізняється від усіх інших – часткове уявлення, побудоване на аналізі довільно обраної структури, не може дати нічого іншого, окрім того,

що воно й сформувало. І якщо це претендує на всезагальність – виходить лише непорозуміння.

Чи може сучасна психологія особистості подолати кризу методу дослідження? Нам здається, що для цього існують всі підстави.

«Некласична психологія» Л.С. Виготського (культурно-історична теорія) містить у собі важливі вихідні методологеми, подальша розробка і осмислення яких впритул підводять нас до створення адекватного методу дослідження особистості. З точки зору даної теорії, культура є ідеальним представництвом реальних здібностей людей, а психіка людини – «соціокультурним і семіотичним утворенням, що розвивається в ситуаціях спілкування». Для психології це положення, як вважає Ф.Т. Михайлов, виявляється дійсним визначенням власного *предмета* дослідження: «1) формування в онтогенезі системоутворюючої вихідної здібності цілеспрямованого відношення до свого буття, світу його об'єктивних умов; 2) розвиток цієї здібності в багатстві чисельності її проявів (у мисленні, емоціях, волі, увазі й тощо); 3) *перетворення їх у цілісність* (єдність) усього суб'єктивного світу індивіду». Мова, таким чином, ведеться про вихідну (ключову) здібність людини, яка розвивається за власними законами і на цій *підставі* об'єднує всі психічні явища в єдине й унікальне ціле – особистість.

У цих міркуваннях ми вбачаємо суттєвий момент щодо методу дослідження – цілісність може бути досліджена адекватно, якщо реально вивчатиметься *процес її виникнення і становлення*, а не певний результат (*post faktum*). Таким чином, вихідна наукова проблема психологічного дослідження тут принципово змінюється – є проблемою не сама по собі цілісність особистості як факт, а процес її виникнення. Іншими словами, психологія особистості має починатися не з констатації наявних психічних структур і пошуку засобів їх подальшого аналізу, а з «проблеми формування людської суб'єктивності, проблеми *засад* процесу перетворення об'єктивних умов буття людини у внутрішній світ, що суб'єктивно переживається, опосередковує, спрямовує і мотивує життєдіяльність».

Так виникає ще один суттєвий методологічний аспект – вищі психічні функції людини (тобто – особистість, адже ми визначили її як форму існування людської психіки в цілому), взагалі, не дані як такі, а – *задані*, їх не можна дослідити, не задаючи індивіду засобів їх побудови. В цілому, мова йде про дослідження розвитку і дослідження у розвитку. П.Я. Гальперін зазначав, що дійсна будова психічних функцій розкривається лише в генезисі: коли вони повністю утворюються, будову їх стає неможливо розрізнити, більше того, вони відходять «у глибину» і приховуються «явищем» зовсім іншого виду, природи і будови.

Викладені методологічні положення були упередметнені авторами культурно-історичної теорії в особливому методі дослідження – експериментально-генетичному. Смісл цього методу полягає в тому, що предметність діяльності й відповідна до неї інтерпсихічна форма

організується і вибудовується самим експериментатором, із урахуванням відомих механізмів і теоретичних положень. Дослідник не створює стимули і не фіксує реакції – він організовує розвиток певного психічного процесу, він – поруч, а не «супроти», враховуючи те, що наголошував Л.С. Виготський: не лише об'єкт перед дослідником, але й дослідник – перед об'єктом. Такий спільний рух, спільно-розподілена діяльність і дозволяє дійсно вивчати, як виникає і розвивається та чи інша вища психічна функція, а, отже, як вона влаштована. Важливо зафіксувати і підкреслити: сама позиція дослідника тут є унікальною – він не «перед», а «поруч». Із своїми структурно-схематичними показниками ця позиція тяжіє до позиції психотерапевта (особливо в психоаналітичних і гуманістичних напрямках). Але є суттєва відмінність – експериментально-генетичний метод покликаний *формувати і вивчати*, а не долати проблеми, хоча останнє теж відбувається, але – неконтрольовано, ніби мимовільно.

Логіка даного методу передбачає не просто фіксування особливостей тих чи інших емпіричних форм прояву психіки, а їх активне моделювання і відтворення в особливих умовах. Це і дозволяє розкривати їхню сутність, тобто закономірності виникнення і становлення в онтогенезі певних психологічних функцій. Тому конкретна реалізація експериментально-генетичного методу в дослідженнях із вікової та педагогічної психології як необхідний компонент включає формувальний експеримент.

Теоретичний рівень вивчення психічних процесів в експериментально-генетичному методі, на відміну від інших методів, спеціально задається дослідникові через конструювання змістовно-операціональних сторін предметної діяльності. Причому специфічною особливістю подібного конструювання є те, що модель, створена дослідником із метою пізнання, відповідає реальній внутрішній структурі самого психічного процесу.

Тут родовий психічний процес, будь-то спосіб мислення чи пам'ять, відтворюється окремим індивідом за тими соціально-культурними нормами, які зробили його здобутком духовної культури суспільства.

Говорячи словами Ф. Енгельса, експериментально-генетичний метод, фіксуючи власною організацією «об'єктивну діалектику речей», породжує «суб'єктивну діалектику ідей», складну діалектику психічного світу індивіда, який розвивається за законами відображення дійсності.

Ці закони виражаються не в абстрактно-загальній формі, а як змістовно-поопераційна система певної діяльності. Лише у такій якості вони стають основою тих зв'язків та відносин, які утворюють психічний процес, що розвивається. Таким чином, саме змістовно-поопераційна система експериментально-генетичного методу є психологічним центром дослідження.

Це означає, що досліджуваний психічний процес або функція спочатку конструюються у вигляді моделі певної діяльності, а потім актуалізуються через посередництво спеціальних способів організації

активності суб'єкта. У педагогічній психології таким універсальним способом організації активності суб'єкта є задача, вирішення якої і передбачає функціонування відповідного психічного процесу.

Критерієм психологічної оцінки проведеного дослідження стає міра відповідності реально здійснюваного процесу вирішення задачі її моделі.

Учбова задача в експериментально-генетичному дослідженні служить штучним засобом викликання й розвитку психічних процесів, специфічною їх моделлю. Звичайно, між моделлю як об'єктивним та психічним як суб'єктивним, породженим на її основі, немає повної тотожності, а виникають відношення адекватності. У процесі інтеріоризації (присвоєння) зовнішні соціальні зразки спочатку стають засобами психологічної організації й регуляції діяльності суб'єкта, а потім переходять у внутрішній план, набуваючи форми психічних процесів. Вони не залишаються незмінними, а в ході свого функціонування збагачуються, набуваючи необхідної лабільності.

Експериментально-генетичний метод, таким чином, несе безпосередньо у собі способи побудови вищих психічних функцій, які присвоюються суб'єктом у процесі перетворення ним певного змісту. При цьому саме перетворення поєднує у собі генетичний та структурно-функціональний моменти об'єктивної реальності й задає тим самим подібні структури (у вигляді способів аналізу) самому психічному.

Інтеріоризуючись, способи перетворення виступають психологічними механізмами предметної діяльності суб'єкта. Таке уявлення про психічні процеси як про регулятори діяльності та поведінки індивідів примушує інтерпретувати закономірності психічного розвитку як необхідний і логічний наслідок даної лінії процесу формування, передбаченого експериментально-генетичним методом.

Реалізація експериментально-генетичного методу у віковій та педагогічній психології здійснюється у вигляді конструювання шкільних програм, що дозволяє експериментально зв'язати в єдиний органічний вузол вікову та педагогічну психологію, показати неправомірність протиставлення, роз'єднання виховання та розвитку. Він є методом вивчення закономірностей процесу становлення нових видів пізнавальної діяльності. Тому актуальним є завдання: вичленувати принципи побудови цього методу дослідження і виявити оптимальні умови його реалізації.

Теоретичне осмислення досвіду експериментального навчання, здійсненого у руслі вищезгаданого підходу, приводить до необхідності вичленування системи принципів побудови експериментально-генетичного дослідження, а також виявлення послідовності основних логіко-операціональних структур, що його реалізують.

Основними принципами є такі: 1) принцип аналізу за одиницями (вичленування вихідного суперечливого відношення, що породжує клас явищ як ціле); 2) принцип історизму (принцип єдності генетичної та експериментальної лінії у дослідженні); 3) принцип системності (принцип

цілісного розгляду психічних утворень); 4) принцип проектування (принцип активного моделювання, відтворення форм психіки в особливих умовах).

Відповідність експериментально-генетичного методу вивченню психічних функцій безпосередньо визначається діалектичними положеннями про соціальний генезис свідомості індивіда, про психічний розвиток як присвоєння суб'єктом культурних набутків суспільства. Тому він є найбільш адекватним методом дослідження проблем навчання і психічного розвитку особистості.

Експериментально-генетичний метод не використовувався і не може використовуватися для дослідження особистості як такої. Але ті реальні емпіричні результати, які отримані завдяки його застосуванню, теоретичні узагальнення, що здійснені у межах теорії розвивального навчання, дозволяють розглядати його у вигляді концептуального підґрунтя створення методу вивчення особистості.

За допомогою експериментально-генетичного методу досліджено механізми виникнення і розвитку окремих вищих психічних функцій: суб'єкт, застосовуючи (створюючи) спеціальні засоби, привласнює загальнолюдські здібності, що існують в соціальному оточенні у вигляді опрідметнених проявів інших суб'єктів, і перетворює їх у власні здібності (вищі психічні функції). Встановлено психологічний механізм цього явища – інтеріоризацію. Встановлено також, що в подальшому присвоєні вказаним шляхам здібності вже як інтрапсихічні структури утворюють «навколо себе» те, що отримало назву «міжфункціональні психологічні системи», і визначають подальші процеси «вростання» індивіду в культуру, опосередковуючи їх зсередини (явище подвійного опосередкування).

Ці дані дозволили впритул підійти до аналізу особистості. Але даний метод не може охопити особистість як цілісність, що являє собою не суму окремих частин, а їхню особливу організованість і рухливе взаємопроникнення. Цілісність, яка присутня в усій особистості й у кожній окремоті, яка специфікується кожен раз відповідно до конкретної частини, залишаючись при цьому рівною собі самій. У цьому сенсі експериментально-генетичний метод є «типовим» номотетичним способом дослідження особистості. Хоча він і спрямований на те, щоб встановити, як ця унікальна система, що саморозвивається, створює свою власну цілісність, сама цілісність знову залишається «за дужками», і дослідник має добудовувати її у власному мисленні, виходячи з конкретних і часткових результатів.

Різниця об'єктів вивчення і реальних дослідницьких цілей зумовлює різну логіку розгортання і технологію використання експериментально-генетичного і генетико-моделюючого методів.

Експериментально-генетичне дослідження передбачає виокремлення змістовної одиниці аналізу в просторі наукової дисципліни як феномену, що є результатом опрідметнення вищих психічних функцій великої кількості людей в історичному масштабі. Далі відбувається «переведення» даного

матеріалу у форму навчального предмету і потім здійснюється привласнення його у вигляді учбової задачі як засобу вирішення конкретної навчальної проблеми. Результатом такого привласнення є виникнення нової психічної структури вищого рівня складності (одиниці свідомості).

Генетико-моделюючий метод має на меті вивчення самої цілісної особистості, що саморозвивається. У зв'язку з цим виникла необхідність пошуку «одиниць» зовсім іншої природи, і було встановлено, що такою є *нужда*, як суперечлива вихідна єдність біологічного і соціального, яка зумовлює існування особистості. Принципи побудови методу відбивають природу існування об'єкта вивчення: соціального, неможливість отримати остаточні (кінцеві) емпіричні пошуки щодо внутрішнього світу людини (рефлексивний релятивізм). Технологія методу (принцип єдності генетичної і експериментальної ліній розвитку) передбачає проведення дослідження в максимально природних умовах існування особистості і створення актуального простору реалізації самою особистістю численних можливостей моделювання власного розвитку та існування.

Інший момент. Привласнення культурно-історичного досвіду у вигляді засобів-знаків, що починається на певному (не початковому!) етапі онтогенезу, відбувається у власній активності індивіду, спрямованій на задоволення існуючих потреб. Це – азбука культурно-історичної теорії. Але тут з'являються, як мінімум, два кардинальні питання. Як виникає сам цей етап, із якого починається «вростання в культуру»? Що було до його виникнення і що призвело до його появи?

Друга група питань стосується, власне, потреб. Адже індивід ніколи актуально не переживає як такої *потреби у привласненні здібності*. Що ж означає фраза про те, що це привласнення здійснюється *в процесі* реалізації потреби? І чому індивід (як засвідчують наші експериментальні результати) на будь-якому із найранніших етапів онтогенезу виявляється готовим до інтеріоризації? Це по-перше. А по-друге, звідки виникають *людські* потреби, що породжує їх?

Відповідь на ці фундаментальні питання вимагає створення нової методології як *методу теоретичного аналізу особистості*.

Жива істота, яка *починається* в материнському лоні, є споконвічно «плоть від плоті» *твором двох людських істот*. Соціальне (весь неосяжний досвід поколінь, привласнений і сконцентрований у двох люблячих істотах – батьках) опредметнюється і втілюється в *дивне* створіння – нову біологічну істоту, але... не лише біологічну, а саме – біосоціальну. Нужда двох, біосоціальна за природою, *нужда їх один в одному і нужда у власному продовженні* – творінні, породжує це творіння і продовжується в ньому, реалізуючись у різних потребах, і забезпечує, в тому числі, і те, що називається «вростанням в культуру». Нужда виступає і носієм віковичного досвіду людини (і як біологічної, і як соціальної істоти) і, водночас, вона є виток *особистісної* активності – активатором, енергія якого ніколи не згасає, тому що вона *втілюється і відновлюється* у новому житті.

Коли ми спостерігаємо (досліджуємо) людську дитину в перший період її існування після фізичного народження, наш *чуттєвий досвід* (або й експеримент) надає нам інформацію про окремі частини, їх взаємозв'язок, функціонування. При цьому щось дуже головне, суттєве, залишається поза нашим чуттєвим досвідом, але ми *знаємо про це*. Ми знаємо, що це – жива, людська істота, що в основі її існування – дія біосоціальної нужди, що вона, істота, *вже зараз* є втіленням всього природного і культурного досвіду і конкретно – своїх батьків, що вона готова стати особистістю, і ми можемо уявити, *якою* вона стане (і біологічно, і соціально). Це знання – *не менш реальне*, ніж те, що ми отримуємо в чуттєвому плані, воно просто – *інше*. І.-В. Гете дуже давно назвав таке знання напрочуд вдало – «точна фантазія»: тобто, це наша *вільна* побудова, але вона ніби то «не зовсім» вільна, оскільки є водночас і *точною*, адже ґрунтується на надійних емпіричних даних. Це є наше *проекування* цілісного об'єкта вивчення. Але ця «точна фантазія» не охоплюється існуючими у психології дослідницькими процедурами. Вона або «мається на увазі», або підмінюється якимись частковими поняттями – домислами, які, взагалі-то, ніякого відношення до об'єкта вивчення не мають. Це є феномен, перед яким психологія в усіх її напрямках і проявах завжди зупинялася, і заявляла, що далеко не все може бути дане в досвіді.

Ми вважаємо інакше. Якщо чуттєвий досвід виявляється недостатнім у поясненні феномену особистості, немає смислу ні зупинятися, ні привчати думку до спекулятивних хитросплетінь. Треба подолати даний недолік шляхом *розширення* і *якісної зміни* досвіду. Підкреслимо: мова йде не лише про *розширення* (скільки б нових методик і технік ми не застосовували, якщо вони виходять із існуючої парадигми, то нічим не допоможуть). Необхідна саме якісна зміна, тобто зовсім інший і новий досвід, який відповідав би сутності самого явища, що вивчається.

У даному випадку суттєвим є єдність: природа – олюднена, людина – оприроднена. Сама ця фраза, звичайно, нічого не дає в пізнанні, але без неї ми не можемо йти далі, вона – точка відліку. Тому що олюднена природа і оприроднена людина – це є феномен (а не лише констатація), і як такий він має різні форми існування. Одна з них – біосфера як єдність, а інша – людська істота як єдність. В останній ця єдність *викликається і утримується* *нуждою*, біосоціальною за своєю сутністю.

Набуття якісно нового *досвіду* вимагає нового методу дослідження, адекватного і об'єкту, і вихідним положенням. Це не може бути аналітичний метод, оскільки нужда як вихідна суперечлива єдність біологічного і соціального не *розкладає*, а створює, інтегрує цілісну особистість у процесі її онтогенезу. Отже, це має бути метод, який би *моделював* генезу особистості. Ми назвемо його – генетико-моделюючим, оскільки ця назва максимально відповідає його сутності. (Необхідно зауважити, що в теорії розвивального навчання генетико-моделюючий метод називається генетико-моделюючим *експериментом* і ототожнюється

з формувальним навчальним експериментом. Нам здається, що це ототожнення є непорозумінням, оскільки відображає думку, ніби то Л.С. Виготський вживав терміни «експериментально-генетичний метод» і «генетико-моделюючий» як синоніми, що, на наш погляд, дуже сумнівно).

Особистість є складною системою, що саморозвивається, тобто – сама моделює і реалізує власну генезу. Для того щоб *науково* дослідити цей процес а отже, й дослідити саму особистість, ми маємо створити такі способи і форми вивчення, які б не переривали й не зупиняли його штучно, а – *викликали*, співіснували б із ним. В ідеалі – це є співіснування за принципом *сполучальності* (із усної розмови Г.С. Костюк): ми повинні дати змогу особистості (об'єкту вивчення) вільно функціонувати і розвиватися за власними законами, але водночас надавати їй *керовано* такі *можливості* (природні і соціальні), які підлягають емпіричній фіксації і верифікації.

Генетико-моделюючий метод, як уже сказано, не є, власне, аналізом. Разом із тим, він, як і будь-який *науковий* метод, обов'язково має аналітичну складову. Не на підставі *тільки* даних чуттєвого досвіду, і не на підставі *тільки* емпіричного мислення, а в результаті поєднання цих двох складових із третьою – «точною фантазією» (або – креативністю), ми повинні виокремити в цілісній особистості такі змістовні одиниці, які були б *самостійними і самодостатніми*, несли в собі всю цілісність і забезпечували в своїй сукупності її (цілісності) саморозвиток і функціонування. Останнє – головне і суттєве: «одиниця» системи, що саморозвивається і саморегулюється, принципово відрізняється від тих «одиниць», що встановлювались в експериментально-генетичному методі. Образно і, разом з тим, абсолютно *точно* кажучи – вона має бути *живою*. Дотримання цього і буде означати відхід від редукції.

При цьому не слід забувати, що й сама особистість є дійсною «одиницею» існування і розвитку людської психіки. І в цій своїй іпостасі вона – далі не розкладається. Психіка людини – особистісна, і цей вираз означає, що будь-яке дослідження будь-якого часткового процесу чи явища буде адекватним лише тоді, коли це останнє розглядатиметься як змістовне *відгалуження* особистості, і лише тоді воно стане зрозумілим (зазначимо, що це не враховується в психології далі, ніж декларація).

Як встановити в аналізі змістовні «одиниці» особистості? Звернемось знову до «точної фантазії»: генеза, існування, оформлення, саморозвиток особистості забезпечуються особливою й унікальною біосоціальною силою – *неуждою*. Неужда як суперечлива, рухлива і енергетична єдність біологічного і соціального, як втілення і *можливість* подальшого нескінченного втілення людського у людське, як те, що моделює і реалізує рух особистості, і є вихідною всезагальною одиницею – носієм особистісної природи психіки людини. В своєму «розгортанні» неужда «зустрічається» із соціальними і біологічними факторами оточення людини і *задає* змістовні точки – одиниці тезаурусу особистості. Вони, ці одиниці, є і вузлами структури, і водночас – *лініями розвитку особистості*.

Існування (функціонування, розвиток) окремих ліній розвитку особистості (змістовних «вузликів» її структури) має, таким чином, досить жорстку *подвійну* обумовленість-детермінованість.

Всезагальний плин людської нужди «зустрічається» з факторами оточення (біологічними чи соціальними). Виникають відгалуження нужди – потреби, які, реалізуючись, утворюють певні специфічні міжфункціональні системи, що спеціалізуються, залишаючись при цьому частинами і носіями цілісності (аналогія з тканинами і органами людського організму). Так виникає диференціація інтегрованої єдності особистості.

Таким чином, аналітична складова генетико-моделюючого методу спрямована на виокремлення змістовних рухливих одиниць генези і самомоделювання. І хоча це принципово відрізняється від встановлення одиниць у межах експериментально-генетичних, ми залишаємо без змін назву *першого принципу* нашого методу – *принцип аналізу за одиницями*.

Згідно нашої методологічної парадигми, застосування генетико-моделюючого методу дозволить, нарешті, «повернути людину в психологію», оскільки метод дає можливість проаналізувати і водночас інтегрувати те вихідне системостворювальне начало особистості, яким виступає нужда як унікальна єдність біологічного і соціального і їх активант. Розробка методу, таким чином, є першочерговою і найбільш актуальною проблемою. На даному етапі нами розроблені основні *принципи* його побудови і застосування (перший з них – «аналіз за одиницями» – тут викладено).

Інший важливий принцип генетико-моделюючого методу дослідження особистості відображає її відпочаткову природу. Це *принцип єдності біологічного і соціального*. Статус принципу наукового методу не дозволяє лише декларувати дану єдність, оскільки в цьому випадку він перестане бути принципом. Необхідно чітко усвідомити, що саме мається на увазі, що розуміється під єдністю?

Свого часу В. Штерн, дуже уважно розглядаючи проблему взаємодії біологічного і соціального в особистості, сформулював «принцип конвергенції». Його сутність полягає в тому, що ні про яку функцію особистості, ні про яку її властивість не можна сказати, виникає вона ззовні чи зсередини. Треба розібратися, *що* в ній виникає ззовні, а що – зсередини, оскільки і одне, і друге бере участь – але неоднакову – в її здійсненні. Питання, однак, набагато складніше. Ми вважаємо, що складну суперечливу взаємодію біологічного і соціального є сенс розглядати у двох площинах – як фактори, що діють на особистість, і як фактори, що *утворюють* особистість і забезпечують її існування і розвиток «зсередини». Перша площина аналізу являє собою взаємодію «особистість – навколишній світ». У ній дійсно можна деякою мірою виокремлювати власне біологічні (природні) і соціальні фактори.

Хоча останні, насправді, ніколи не є *чисто* соціальними, адже всі вони являють продукт людини (людства), в якому певним чином втілено не

лише соціальне, але й біологічне тієї цілісної, біосоціальної істоти, що їх створювала. Якщо ж розглядати біологічне і соціальне як *внутрішнє*, особистісне, слід визнати, що ми ніколи не маємо в цьому випадку їхньої *окремоті*. Ми відступаємо від традиційного розгляду біологічного як спадкового і тілесного: «усередині» особистості біологічні й соціальні фактори не існують як окремі, кожен із них являє собою *інобуття* іншого. Будь-яка думка, образ, ідея, потреба неможлива поза біологічними структурами і функціями організму. Так само вірним є і зворотне – кожна тілесна структура, кожна біологічна функція людини – це є прояв *людського* єства, тобто це є те, що одвічно несе в собі як біологічне, так і соціальне втілення, і психосоматичні явища, які інтенсивно досліджуються сучасною наукою, є найкращим підтвердженням цього.

Принцип єдності біологічного і соціального відкриває дійсну сутнісну природу витоків активності особистості. Коли психологія твердить, що такими витоками є потреби, вона помиляється. Адже є дуже просте й доречне питання: а звідки виникають потреби? Крім того, дією потреб не можна пояснити саморух, саморозвиток тієї складної відкритої системи, якою є особистість. Так і виникає уявлення про *дух*, як першоджерело активності, яке не може бути досліджено у межах сучасної науки. Знову найцікавіше й найголовніше зникає для психології.

Ми стверджуємо, що таке вихідне першоджерело активності особистості насправді існує, і воно цілком підлягає науковому дослідженню. І це є нужда. В.В. Давидов зазначав: «Нужда є глибинною основою потреби... Проблема полягає в тому, як ця нужда у людини перетворюється на відповідну потребу». Далі зазначається, що цього ще ніхто в психології не вивчав, і це правда. В.В. Давидов розглядає нужду в контексті діяльності (а не особистості), як її важливу складову, і зовсім не намагається аналізувати її психологічний зміст, зазначаючи, що це «дуже складна майбутня розмова...».

ПОЯСНЮВАЛЬНІ ПРИНЦИПИ У ПСИХОЛОГІЇ

ТКАЧЕНКО Олександр Миколайович

Олександр Миколайович Ткаченко народився 21 січня 1939, с. Мала Катеринівка Запорізького району Запорізької області. Захистив дисертацію на здобуття наукового ступеня кандидата психологічних наук: «Види мислення та їх генезис», та дисертацію на здобуття наукового ступеня доктора психологічних наук: «Розвиток категоріального апарату психологічної науки (принципи та методологічні передумови побудови сучасної системи психологічних знань)».

Розробив систематизацію принципів та категорій психологічної науки: у його методологічній системі принципи детермінізму, відображення, єдності психіки та діяльності, розвитку психіки, системно-структурний принцип діалектично об'єднані. Розроблено уявлення про цілісну організацію психічної регуляції діяльності суб'єкта на трьох рівнях – організму, індивіда й особистості. Методолог і теоретик психології, доктор психологічних наук, професор кафедри загальної та інженерної психології Київського державного (нині – Національного) університету імені Тараса Шевченка. Вперше у вітчизняній психології розглянуто проблему особистості через систему методологічних принципів, категоріальний лад і методи психологічної науки.

Основні наукові праці: «Види мислення та їх генезис», «Философская методология и метод построения системы психологических категорий», «Генетичний і функціональний зв'язок засобів комунікації та мислення», «Принципи і категорії психології», «Сучасна криза у психології», «Л.С. Виготський і О.О. Потєбня», «Розвиток категоріального ладу психологічної науки».

Ткаченко О.М. Принципи психологічної науки / О.М. Ткаченко // Принципи і категорії психології / Олександр Миколайович Ткаченко. – К.: Вища школа, 1979. – С. 28 – 55.

ПРИНЦИПИ ПСИХОЛОГІЧНОЇ НАУКИ

<...> Деякі загальні теоретичні судження без достатніх для цього підстав підносяться в ранг методологічних принципів психологічної науки. Складається ситуація, коли поряд із принципами починають сусідити псевдопринципи. Але ж «не всі теоретичні положення науки стають принципами. Такими виступають лише загальні закони, які стали знаряддям дослідження. Мабуть, передчасно, наприклад, визначати спілкування як методологічний принцип дослідження». Тому треба буде відсікти ті положення, які не є власне принципами. Бо в умовах нагромадження псевдопринципів наявна ж не мінімізація, «ущільнення» знань (в чому власне і полягає одна з функцій принципів), а їх розбухання внаслідок довільного творення або абсолютизації і неадекватної екстраполяції теоретичних положень психології, що вірні лише в певних межах. <...>

Обґрунтування і розробка як основоположних у психології таких принципів, як принцип єдності психіки і діяльності, детермінізму, історизму, відображення, – важливий внесок радянських теоретиків у світову психологічну науку. Водночас, якщо у висуненні й розробці принципів цієї науки радянські психологи мають безсумнівні успіхи, то в систематизації цих принципів (а також у власне психологічному їх формулюванні) наявні істотні прогалини. Тому існує не один, а кілька переліків принципів. Найбільш відомим із них є перелік, який міститься в матеріалах доповіді К.В. Шорохової на IV Всесоюзному з'їзді товариства психологів: «Діалектико-матеріалістичний монізм, рефлексорний принцип, принцип відображення, зв'язку свідомості і діяльності, детермінізму, розвитку, принципи суспільної зумовленості, історизму, принципи єдності індивідуального і суспільного, особистісний підхід». Проте ці десять принципів стосуються загальної психології. А скільки ще можна додати до них принципів спеціальних (прикладних) психологічних дисциплін? Серед принципів соціальної психології виділяють, наприклад, «принцип партійності, соціальної зумовленості психіки, детермінізму, відображення, спілкування, соціальної значимості суспільної свідомості».

Які положення в цих «списках» справді займають тут місце по праву, а які слід віднести до псевдопринципів («ще не принцип», «ніколи не принцип»)? Який порядок у цьому «списку» повинен бути визначений для істинних принципів, яка їх система? Звідси – друге питання: який критерій розрізнення принципу і псевдопринципу, яка основа – можливої системи принципів психологічної науки? Першорядними завданнями в розробці принципів <...> психології стають: а) визначення «списку» основних принципів і відсічення їх від псевдопринципів; б) розкриття змісту принципів, які виділені, та їх функцій у системі психологічних знань; в) опрацювання формулювань (і найменувань), які б підкреслювали приналежність принципу саме до психологічної науки; г) створення системи методологічних принципів. Якраз в системі кожен принцип набуває змістовно-психологічної наповненості, чіткого формулювання, саме система виявиться тим критерієм, який дозволить виключити «чужорідні тіла» (псевдопринципи) із наявних теоретичних психологічних знань. Розробка системи принципів психології – важлива передумова науково-категоріального синтезу психологічних знань. Ця система може бути використана як «пропускна» («чистилище») як для принципів та їх мнимих двійників і трійників (псевдопринципів), так і для категорій і «псевдокатегорій».

Одним із робочих прийомів розрізнення принципу і псевдопринципу на першому етапі можна взяти можливість включення (або відсутність такої) постулату, що верифікується, у взаємозв'язану систему принципів психології, які взаємоперетворюються. Але що може являти собою ця система?

За одну з основ класифікації можна взяти центрацію навколо ключового (провідного) принципу всіх інших. При побудові психологічної

теорії ключовий принцип служить не лише «точкою відліку» для інших, а й виступає «началом» теорії, яке виявляє себе у виборі висхідної «одиниці» аналізу психіки.

Трактування того чи іншого принципу як ключового визначає вибір висхідної «клітинки» психічного. Так, С.Л. Рубінштейн у різні часи відводив головне місце то принципіві єдності психіки і діяльності (1946), то принципіві детермінізму (1957). Саме йому належить спроба вичленити вузловий, ключовий принцип психологічної науки. Виділяючи як основні в системі радянської психологічної науки принципи психофізичної єдності, розвитку, історизму, єдності теорії і практики, С.Л. Рубінштейн відзначав: «Нитки, що ведуть від усіх цих основних принципів, сходяться в єдиній вузловій точці – положенні про єдність свідомості та діяльності» .

Прагнення С.Л. Рубінштейна виділити вузловий принцип свідчить про розуміння ним цієї сукупності принципів як центрованої навколо певного «начала» – висхідного принципу. Визнаючи в цілому перспективність такого підходу до систематизації принципів психології, відзначимо, що положення про єдність свідомості та діяльності не можна без обумовлень розглядати як висхідне при побудові системи психологічних знань в силу того, що воно є в певному смислі наслідком положень про причинну зумовленість психічних явищ (принципу детермінізму) і про активну відображальну природу психіки (принципу відображення). Сам С.Л. Рубінштейн у більш пізній праці «Буття і свідомість» не повторює положення про домінуюче становище принципу єдності психіки (свідомості) і діяльності. В цій праці ключовим виступає принцип детермінізму (хоч ця думка там не розгорнута).

На прикладі згаданих робіт Рубінштейна підкреслимо один важливий наслідок, до якого підводить визначення вузлового принципу психологічної науки, а саме: вибір висхідного принципу в системі психологічних знань зумовлює вибір висхідної, елементарної «клітинки» аналізу психічного. В «Основах загальної психології» С.Л. Рубінштейн як таку «клітинку» пропонує взяти дію: «В дії, як «клітинці» чи осередку, представлені зачатки усіх елементів чи сторін психіки. При цьому особливо важливе те, що в ній вони представлені не у зовнішніх штучних відношеннях... У дії всі сторони психіки виступають у тих взаємозв'язках, в яких вони реально існують насправді» .

Зрозуміло, що саме з положення про домінування принципу зв'язку психіки і діяльності випливає висновок про особливе місце основного елемента психіки і діяльності – дії. Зв'язок поміж вибором дії як висхідної ланки психічного і ключовим становищем принципу єдності психіки і діяльності простежується в «Основах загальної психології» досить чітко.

Коли ж провідним вибирається інший принцип психології, то це призводить (у С. Л. Рубінштейна) до зміни уявлень про висхідну «клітинку» психічного: при умові визнання за провідний принципу детермінізму на передній план висувається цілісний акт відображення об'єкта суб'єктом,

який мислиться в такому випадку як «одиниця» психіки: «Справді конкретною «одиницею» психічного (свідомості) виступає цілісний акт відображення об'єкта суб'єктом. Утворення це складне, воно завжди в тій чи іншій мірі включає єдність двох протилежних компонентів – знання й відношення, інтелектуального й «ефективного»..., з яких переважає то один, то другий» (Рубінштейн, 1957). Відзначений тут зв'язок висхідного принципу психології і висхідної «клітинки» психічного – це один із прикладів значимості визначення ключового принципу психології в структурі тої чи іншої концепції.

У працях С.Л. Рубінштейна, К.В. Шорохової, М.Г. Ярошевського проводиться думка, що основоположним принципом психології виступає *принцип детермінізму*. У відповідності з цим принципом необхідно відшукувати фактор, що визначає досліджуване явище. Цей принцип орієнтує на пізнання перш за все причин, які зумовлюють дане явище, але не лише причин. Завдання пізнавальної діяльності полягає не лише у пізнанні, а й передбаченні, прогнозуванні і, особливо, в пошуках шляхів до керування психічними явищами. Рубінштейн, який багато зробив для розробки цього найважливішого принципу радянської психології, відзначав науково-практичне значення його реалізації в психології: «У своєму практичному застосуванні питання про детермінованість психічних явищ – це питання про керування ними, про можливість їх спрямованої зміни в бажаний для людини бік. В цьому – основне значення, основний життєвий смисл питання про детермінацію психічних явищ. Конкретно досягнути детермінованість, закономірну обумовленість психічних явищ, психічної діяльності та психічних властивостей людини – це означає знайти шляхи для їх формування, виховання». Що ж стосується значення принципу детермінізму для розробки психологічної теорії, то його важко переоцінити.

С.Л. Рубінштейн правильно висував принцип детермінізму як основний у побудові наукового знання. «Принцип детермінізму діалектичного матеріалізму виступає в цьому зв'язку як методологічний принцип, що визначає побудову наукового знання, наукової теорії. Методологічним принципом цей принцип у його діалектико-матеріалістичному розумінні є тому, що відображає природу самих явищ, виражає характер їх взаємозв'язку в дійсності» .

Якщо цей підхід не зустрів яких-небудь заперечень із боку вчених, то відоме формулювання принципу детермінізму як переломлення «зовнішнього через внутрішнє» стало предметом критики. Першим, наскільки відомо, відзначив істотний недолік саме формулювання (але не самого вчення про детермінацію психіки, яке розвивалось у багатьох працях С.Л. Рубінштейна) В.С. Тютін, котрий вказав, що в такого роду інтерпретації «не до кінця подолані елементи механіцизму: дія зовнішніх факторів, незважаючи на їх трансформацію внутрішніми умовами, розуміється ще як одностороння дія». Найбільш аргументовану критику цієї формули дав М.Г. Ярошевський.

О.М. Леонт'єв, вказуючи, що ця формула нездатна розкрити причину «виникнення особистості як певної цілісності», запропонував «із самого початку повернути вихідну тези – внутрішнє (суб'єкт) діє через зовнішнє і цим самим само себе змінює». Відмітимо, що навряд чи можна вважати цю тезу науковим формулюванням принципу детермінізму. Скоріше це полемічний вислів, аніж науковий постулат. Але очевидно, що обидві тези (формули) мають однакове право на існування і їх справжня наукова цінність може бути визначена лише в конкретно-історичній ретроспективі, яка дає ключ і до пояснення причин виникнення обох тез, і причин живучості їх у мисленні сучасного психолога.

Розгляд історичних форм детерміністичного пояснення психіки (домеханістичний, механістичний, загальнобіологічний, біопсихічний, соціопсихічний детермінізм) показує, що формула «зовнішнє через внутрішнє» була висунута і розвивалась переважно психологами-матеріалістами. Контрформула «внутрішнє через зовнішнє» визначала принципівий підхід ідеалістичної психології до вирішення питання про природу психіки. <...>

В історії психологічного пізнання обидві формули («зовнішнє через внутрішнє», «внутрішнє через зовнішнє»), взяті ізольовано одна від одної, виявились односторонніми: перша не враховувала активності носія психічного, друга ж гіпертрофувала діяльне начало в людині. З діалектико-матеріалістичної точки зору психіка суб'єкта детермінується продуктами його взаємодії з об'єктами, а не об'єктом чи суб'єктом зокрема. В цьому єдиному процесі взаємодії представлено у взаємозв'язку переломлення як зовнішнього через внутрішнє, так і внутрішнього через зовнішнє. Замість двох антиномічних формул можна запропонувати робоче формулювання принципу детермінізму, яке знімає (зберігає і заперечує) обидві: психіка суб'єкта детермінується продуктами актуальної і постактуальної взаємодії з об'єктом і сама виступає як важлива детермінанта поведінки і діяльності людини. Поняття «продукт» діяльності знімає протилежність зовнішнього – внутрішнього, об'єктивного-суб'єктивного, оскільки продукт – це суб'єктивований (розпредмечений) об'єкт і об'єктивований (опредмечений) суб'єкт.

Висвітлення принципу детермінізму в історико-психологічному аспекті розкриває нам картину закономірної зміни історичних форм причинного пояснення психіки (домеханістичний, механістичний, загальнобіологічний, біопсихічний і соціопсихічний). <...>

Останнім часом для позначення рівнів детермінації поведінки як цілісних модифікацій суб'єкта діяльності використовують такі терміни, як організм, індивід, особистість, індивідуальність. Зокрема, виділяють рівні індивід – особистість – індивідуальність (Б.Г. Анан'єв), суб'єкт – особистість (П.Я. Гальперін), індивід – особистість (О.М. Леонт'єв), індивід – суб'єкт – особистість (Ш.О. Надірашвілі), реактивний – цільовий рівень (Т. Томашевський), організм – індивід (Д.М. Узнадзе), організм – індивід –

особистість (М.Г. Ярошевський). За різними назвами криються близькі (враховуючи природні варіації) характеристики трьох найважливіших рівнів. Організм (за М.Г. Ярошевським, Д.М. Узнадзе), індивід (за М.Г. Ярошевським), особистість (за Ш.О. Надірашвілі, М.Г. Ярошевським) – це цілісна модифікація суб'єкта активності на певному рівні.

Організм (індивід, за Б.Г. Ананьєвим, О.М. Леонт'євим, Ш.О. Надірашвілі; суб'єкт, за П.Я. Гальперіним; реактивний рівень організації поведінки, за Т. Томашевським) – це цілісність, неподільність, єдність суб'єкта на вихідному – психофізіологічному – рівні. Не лише генотипність (загальнобіологічна детермінація – вродженість, спадковість психічних властивостей), а й фенотипність (біологічна детермінація – набуття в індивідуально-приспосовній поведінці психічних якостей) характеризує цей рівень. Організм підпорядкований біопсихічним детермінантам – спадковим та здобутим.

Індивід (особистість, за Б.Г. Ананьєвим, П.Я. Гальперіним, О.М. Леонт'євим; суб'єкт, за Ш.А. Надірашвілі) – це суб'єкт суспільних відносин. «Індивід є суспільна істота. Тому всякий прояв його життя – навіть коли він і не виступає в безпосередній формі колективного, здійснюваного разом із іншими, прояву життя, – є проявом і утвердженням суспільного життя» (Маркс К., Енгельс Ф.). Система соціально-типових властивостей психіки людини (рівень соціопсихічної детермінації) і становить сутність індивіда.

Особистість (індивідуальність, за Б.Г. Ананьєвим) – це вищий рівень прояву активності суб'єкта. Це особливий «підрівень» соціопсихічної детермінації, який характеризує соціально-неповторні, оригінальні властивості психіки людини як особистості. <...>

Принцип детермінізму, якщо його розглядати в плані визначення якісної специфіки психічного відображення, трансформується в **принцип відображення**. Те, чим власне є психічні явища як детерміновані процесом і продуктами взаємодії суб'єкта з об'єктом, розкривається у принципі відображення. Останній конкретизує принцип детермінізму в певному аспекті: в чому полягає якісна специфіка психічних явищ на відміну від фізичних та фізіологічних, що являє собою психіка як продукт і передумова детермінаційних залежностей. У відповідності з принципом відображення всі психічні функції, а не лише пізнавальні, мають відображувальну природу. Психічне відображення має сигнальний характер, тобто воно випереджає фізичний контакт тіл, що взаємодіють (суб'єкта з об'єктом), попереджаючи, сигналізуючи про наближення – віддалення, посилення – ослаблення біологічно важливих стимулів за допомогою біологічно нейтральних подразників (сигналів). Сама поява психічного пов'язується з переходом від речово-однорідного середовища до речово-різнорідного (О.М. Леонт'єв), із виділенням суб'єкта, з одного боку, і об'єкта, з іншого. Сигнальність – це фундаментальна відмінна властивість психічного. Вона характеризується високою вибірковістю і випереджальністю

(випереджальністю відображення, за П.К. Анохіним і М.О. Бернштейном, екстраполяцією, за Л.В. Крушинським). <...>

Принцип відображення стосовно власне людського рівня в конкретно-психологічному плані розкривається в концепції про знаково-опосередкований характер психіки людини (Л.С. Виготський та його школа), де показано специфіку суспільно сформованих способів психічної діяльності на відміну від індивідуально здобутих або генетично зумовлених форм відображення...

Активність психічного на загальнобіологічному і біопсихічному рівні проявляється у випереджальному відображенні (П.К. Анохін, М.О. Бернштейн), екстраполяції просторово-часових залежностей (Л.В. Крушинський), на соціально зумовленому рівні – у прогностичній функції людської свідомості. <...>

Отже, розгляд принципу відображення як такого, що конкретизує принцип детермінації психічних явищ, дозволив: а) визначити його конкретно-психологічний зміст; б) запропонувати робоче його формулювання; в) співвіднести постулати про сигнальну і знакову природу психіки людини і включити їх як основні положення, які конкретизують принцип сигнально-знакового відображення.

Але який механізм відображення, в чому джерело детермінації психіки? Принцип детермінації через принцип відображення (завдяки послідовним взаємоперетворенням) поглиблюється у **принципі єдності психіки і діяльності**, який проливає світло на сам механізм детермінації психічних явищ і покликаний відповісти на питання: як детермінується психіка суб'єкта? <...>

Логіка розвитку індивіда досягається завдяки вивченню логіки його діяння, логіки створюваних ним речей. Останні як олюднена природа виступають лише в процесі їх використання: «об'єктивний розум «живе» у речах лише доти, поки речі ще мають яке-небудь застосування в суспільстві і ідеї, що містяться в них, знаходять який-небудь відгук у свідомості людей» (Мегрелідзе К.Р., 1973). <...>

Спосіб буття і розвитку особистості – діяльність, але діяльність особливого ґатунку: творчо перетворююча. Вона найбільш концентровано виявляє себе в трудових формах діяльності (виробничо-практичній, художньо-естетичній, науково-теоретичній). Але й вищі рівні дотрудових форм: діяльності (гри, навчання), набуваючи компонентів творчості, визначають розвиток людини як особистості.

Принцип єдності психіки і діяльності конкретизує принципи детермінізму і відображення, розкриваючи механізм детермінації психічного відображення. <...>

При визначенні рушійних сил якісних модифікацій психіки людини принцип єдності психіки і діяльності перетворюється у **принцип розвитку**. Детермінація поведінки, зв'язок свідомості і діяльності об'єктивно виявляються і реалізуються в процесі розвитку психічних явищ. У цьому

знаходить вираз реальний взаємозв'язок принципів, зокрема, принципів розвитку і детермінізму. <...>

Вихідні теоретичні уявлення про загальнобіологічну і біопсихічну детермінацію визначають і трактовку принципу розвитку. Розробляється вчення про психічний розвиток як визрівання (детермінація психіки людини історією виду) і як формування психічних функцій шляхом науціння (індивідуально-приспосувальної життєдіяльності). Трактовка принципів детермінізму і розвитку виявляється взаємопов'язаною при поясненні будь-якого рівня організації поведінки. Так, діалектико-матеріалістичні положення про соціопсихічну детермінацію поведінки підводили до розуміння психічного розвитку індивіда – особистості як такого, що здійснюється в процесі присвоєння і творіння суспільно-історичного досвіду. Дещо огрубляючи надзвичайно складні системи рівневих і міжрівневих зв'язків психіки, скажемо, що кожному рівню притаманний свій тип розвитку: організм розвивається в процесі визрівання і формування психофізіологічних структур, індивід – у процесі діяльності присвоєння (засвоєння), особистість – у процесі перетворюючої діяльності. Щоб запобігти непорозумінню, відзначимо, що в реальному процесі становлення людської особистості типи розвитку представлені не окремо і однозначно послідовно, а «інтегрально», з послідовним домінуванням одного з них. <...>

Якщо розвиток як визрівання і як науціння притаманний загальнобіологічному і біопсихічному рівням детермінації поведінки, то для соціопсихічного рівня притаманний розвиток у процесі присвоєння суспільно-історичного досвіду. Такий тип розвитку реалізується шляхом цілеспрямованого формування психічних структур у процесі взаємодії з дорослим. Соціальність цього типу розвитку полягає в тому, що він здійснюється: а) при «співробітництві» дитини з дорослим; б) шляхом засвоєння допоміжних засобів (знаків і найпростіших знарядь праці); в) у колективі і через певний колектив (сімейний, дитячий, змішаний).

Найбільш складним типом розвитку людини виступає розвиток у процесі творення суспільно-історичного досвіду. <...>

Ще раз відзначимо, що всі типи розвитку (шляхом визрівання, науціння, «присвоєння», «творення») в реальному онтогенетичному процесі становлення людини як особистості здійснюються не ізольовано, і не зв'язно-послідовно. Вони діалектично переплітаються, тому допустимо лише визнання відносного домінування одного з них на кожному етапі психічного розвитку. Ці типи розвитку притаманні певним типам детермінації поведінки: розвиток шляхом визрівання і науціння властивий для загальнобіологічної і біопсихічної детермінації (рівень організму); розвиток шляхом присвоєння і творення суспільно-історичного досвіду властивий для соціопсихічного рівня детермінації (індивідуального і особистісного). В цьому з особливою силою виявляє себе взаємозв'язок двох найважливіших принципів: детермінізму і розвитку. <...>

Принцип розвитку необхідно враховувати і при визначенні методологічних передумов систематизації психологічних категорій. Послідовність етапів розвитку об'єкта дослідження має відтворюватись у логіці розгортання відповідних циклів категорій психології. Об'єктивною основою взаємозв'язку різних циклів категорій має виступати взаємозв'язок типів розвитку і детермінації поведінки.

Якісні зміни психіки в процесі розвитку носять системний характер. Тому для адекватного відтворення складних внутріпсихічних зв'язків і місця психічного у всезагальному зв'язку явищ матеріального світу необхідно вміло використовувати *системно-структурний принцип*.

Відомо, що психологія належить до числа наук, в руслі яких зароджувався системний підхід. Ще в кінці XIX століття системні ідеї з ідеалістичних позицій розвиваються В. Джемсом, В. Дільтеєм, Е. Махом. Увівши поняття «потік свідомості», В. Джемс намагався подолати «атомізм» у тлумаченні природи психічного відображення. Йому ж належить спроба викладу психологічних знань не від елементів до цілого, а від опису нерозчленованих цілісних феноменів до їх елементів. Ця спроба реалізована в книзі В. Джемса «Психологія», де при аналізі психіки особистості він запропонував замість психічних «атомів» розглядати внутрішню пов'язані структури. Е. Мах у книзі «Аналіз відчуттів» вказує на те, що при вивченні чуттєвого відображення слід виходити не з окремих елементів, а з якісних цілісних форм. Але в умоглядно-спекулятивних концепціях цих авторів системність дослідження психіки лише декларувалась. З відкриттям Х. Еренфельсом і Е. Рубіном таких важливих феноменів у сфері зорового сприймання як фігура і фон, транспозиція обговорення контрастуючої пари «частина – ціле» з кабінетів було перенесено в психологічні лабораторії.

Експериментальні дослідження гештальтпсихологів остаточно підірвали позиції атомістського підходу. Структурний принцип гештальтисти спершу застосували до вивчення процесів сприймання, а згодом поширили на процеси пам'яті, мислення, мотивації. К. Левін спробував використати цей принцип для аналізу соціально-психологічних явищ.

На значення структурного принципу для поступу наукової психології звертав увагу Л.С. Виготський, піддаючи критичному аналізу методологічні засади гештальтпсихології. Він відзначав, що «структурний принцип виявився прогресивнішим тих понять, які він у ході розвитку нашої науки замінив. Тому на шляху до історичної концепції дитячої психології ми повинні діалектичне заперечувати структурний принцип, що означає одночасно: зберегти і подолати його» <...>

Серед сучасних зарубіжних дослідників, що широко використовують системний підхід, у першу чергу слід відзначити Ж. Піаже, який весь процес розвитку психіки розглядає як закономірну зміну різних структур. Психіка в розвинутій формі, на його думку, являє собою ієрархію структур, вершиною якої є інтелект. Сам інтелект має системно-структурну

організацію, вихідною одиницею якої є поняття операції. Окрема операція невідривна від всієї системи інтелектуальних дій суб'єкта. Про поодинокі операції можна говорити лише умовно, оскільки сутність операцій полягає в тому, що вони утворюють системи. Обмежившись вивченням інтелектуальної сфери психіки людини, Ж. Піаже не зміг розкрити справді системну природу поведінки особистості.

Якщо Виготський системний підхід застосував до аналізу розвитку свідомості, а Піаже – до вивчення генезису інтелекту, то Г. Олпорт використовує його в дослідженні особистості, розглядаючи її як особливу відкриту систему. Не розуміючи суспільно-історичної природи психіки особистості, Г. Олпорт зводить її до особливих структур (рис особистості), генезис і механізм функціонування яких залишився без будь-якого причинного пояснення. Системно-структурний принцип, коли він протиставляється (як у Олпорта) методології діалектичного та історичного матеріалізму, вироджується в схоластичне теоретизування. Системно-структурний принцип набуває евристичного значення тоді, коли враховується діалектико-матеріалістична природа об'єкта, до якого він застосовується.

В системі принципів психологічної науки цей принцип виконує важливу пояснювальну функцію, сприяє вирізненню суттєвих сторін психічної реальності, опису необхідних зв'язків психіки з відображувальною дійсністю, розкриттю структурної організації психіки.

Психіка в плані системно-структурного принципу є складною системою взаємопов'язаних елементів. Кожне психічне явище (пам'ять, воля, уява) має розглядатись не як щось автономне, а як складовий елемент цілого (психіки суб'єкта). Останнє і надає відповідного значення елементам. Психіка – це відкрита система, що ввімкнута в безперервний процес взаємодії організму і середовища, індивіда і суспільства. І будь-яке психічне явище виступає як компонент більш складної системи – біологічної та соціальної. Психічне не існує поза соціальними і біологічними системами, не має власної субстанції, тому системний аналіз і покликаний відобразити ці залежності психіки.

Психіка – це ієрархія структур, і сукупність категорій психологічної науки має відобразити цю ієрархію. Субординація психологічних категорій покликана описати взаємозв'язок ієрархізованих структур психіки. Тому ґрунтовний науково-категоріальний синтез психологічних знань неможливий без творчого використання системно-структурного принципу.

Отже, при вивченні якісних видозмін психіки в процесі розвитку необхідно враховувати їх системний характер. Принцип детермінізму послідовно через принцип розвитку конкретизується в принципі системності, у відповідності з яким психіка розглядається як особлива відкрита система зі зворотнім зв'язком. На кожному рівні детермінації ця система має свої специфічні структурні особливості. На рівні організму психіка ввімкнута як підсистема в біологічну систему, на рівні індивіда – в

соціальну, на рівні особистості – в створювані культурно-історичні здобутки. Принцип системності конкретизує принципи детермінізму, розвитку, відображення, єдності психіки та діяльності в певному аспекті: аспекті статичності, цілісної структурної організації психіки.

Аналіз показує, що пояснювальні загальнопсихологічні принципи взаємопов'язані. Попередньо окреслимо лінії внутрірівневих зв'язків у майбутній системі цих принципів: а) загальнобіологічна і біопсихічна детермінація (рівень організму) – психічне (сигнальне) відображення – життєдіяльність, як спосіб буття і функціонування психічного – розвиток психіки в процесі визрівання та навчання – психіка як цілісна система психофізіологічних функцій і підструктура біологічної системи (організм – середовище) зі зворотним зв'язком; б) соціопсихічна детермінація (рівень індивіда) – психічне (знакове) відображення – суспільна діяльність як спосіб буття і функціонування психіки – розвиток психіки в процесі присвоєння (засвоєння) і відтворення суспільно-історичного досвіду – психіка як цілісна система суспільно зумовлених психічних функцій і підструктура соціальної системи (індивід – група) зі зворотним зв'язком; в) вищий підрівень соціопсихічної детермінації (рівень особистості) – психічне (знаково-інтуїтивне) відображення – творча діяльність як спосіб буття, об'єктивування і функціонування психіки особистості – розвиток у процесі творення суспільно-неповторних зразків діяльності – психіка як цілісна система особистісних якостей і підструктура соціальної системи (особистість – суспільство) зі зворотним зв'язком. <...>

Отже, до системи пояснювальних принципів загальної психології слід віднести ті, які конкретизують у різних аспектах ключовий принцип – принцип детермінізму: адже в будь-якій теоретичній системі вихідним є положення, що розкриває причинну зумовленість досліджуваних явищ. Вчення про зв'язки, причинні залежності – вихідний і заключний пункт теорії. Цьому критерію відповідають проаналізовані вище принципи відображення, єдності психіки та діяльності, розвитку, системності. Зміст цих принципів висвітлює природу психічних явищ у різних аспектах. Принцип відображення пояснює, чим власне є психіка як якісно своєрідний продукт і передумова детермінаційних залежностей. Принцип єдності психіки та діяльності проливає світло на сам механізм детермінації психіки, відповідає на питання: як детермінується психіка і як вона регулює, мотивує, орієнтує поведінку (діяльність). Принцип розвитку розкриває рівневі типи якісних перетворень, якісну динаміку причинних зв'язків, взаємозалежностей психічного. Принцип системності конкретизує положення про якісну своєрідність статичних утворень психіки, про системну будову психіки (свідомості) людини, про її ввімкнутість у рівневі взаємодіючі системи – біологічну та соціальну. <...>

Взаємозв'язок принципів психології є методологічною основою вимоги пояснювати будь-який феномен психіки, застосовуючи весь арсенал принципів. Будь-яке психічне явище може бути адекватно і всебічно

описане, лише будучи пропущене крізь «призму» системи (а не одного чи декількох) принципів психології. Воно повинно розглядатись як: а) причинно зумовлене; б) продукт і умова відображення; в) внутрішній свідомий регулятор власної предметної діяльності (*прим. ред.*); г) вияв специфічно якісного рівня розвитку психіки суб'єкта; д) особлива система і разом із тим елемент іншої, більш складної системи.

БРУШЛИНСЬКИЙ Андрій Володимирович

Андрій Володимирович Брушлинський народився 4 квітня 1933 році в Москві. Закінчив відділення психології філософського факультету МДУ. Був одним із учнів С.Л. Рубінштейна. Доктор психологічних наук, професор, директор інституту психології РАН, заступник головного редактора журналу «Питання психології», з 1988 року головний редактор «Психологічного журналу» Російської академії наук, із 1991 р. член редакційної ради журналу «Синапс», з 1993 р. – член редколегії журналу «Іноземна психологія». Член Міжнародної академії кадрів (International Personnel Academy – UNESCO, Council of Europe, з 1997 р.), а також член Генеральної Асамблеї Міжнародного Союзу психологічних наук (International Union of Psychological Sciences, з 1995 р.).

Головна тема наукової діяльності А.В. Брушлинського – психологія особистості та мислення людини. Проводив дослідження в області онтологічних і гносеологічних підстав психології (у співвідношенні з логікою, математикою, інформатикою, фізіологією, соціологією), психології суб'єкта, особистості і мислення, психології розвитку, педагогічної психології. Відкрив новий вид інсайту – невмотивований інсайт, виявив підлеглість діалогу мисленню в ході спільного рішення задачі, проаналізував психологічні аспекти нового політичного мислення. Розробив антитоталітарну теорію розумового розвитку на основі нетрадиційного трактування зворотного зв'язку та інших механізмів саморегуляції, теорію проблемного навчання і гіпотезу про пренатальне виникнення психіки.

Основні наукові праці: «Культурно-історична теорія мислення», «Психологія мислення і кібернетика», «Філософсько-психологічна концепція С.Л. Рубінштейна» (у співавторстві з К.А. Абульхановой), «Суб'єкт: мислення, вчення, уява».

*Брушлинский А.В. Принцип детерминизма в трудах С.Л. Рубинштейна
Андрей Владимирович Брушлинский // Вопросы психологии. – М., 1989. –
№ 4. – С. 66–73.*

ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА В ТРУДАХ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

С.Л. Рубинштейн (1889–1960) живет в современной науке прежде всего как выдающийся психолог и философ, методолог и теоретик, научные труды которого представляют собой органическое, неразрывное единство философски обоснованной теории, эксперимента и педагогической практики. Он создал оригинальную философско-психологическую концепцию человека, его деятельности и психики, свободы и творчества, познания и речи, идеального, субъективного и объективного. Он выдвинул и систематически разработал деятельностный подход в психологической науке и затем обобщил его на основе развитого им общепсихологического принципа детерминизма: внешние причины действуют через внутренние условия (более кратко: внешнее через внутреннее).

Проблема детерминизма – самая жгучая и трудная в психологической науке, призванной рассматривать и решать вопрос о свободе воли, точнее, о свободе человека и его сознательных действий, которые именно в качестве свободных как будто бы исключают детерминированность как необходимость. Огромная сложность и даже парадоксальность данной проблемы постоянно приводили и приводят многих ученых к индетерминизму.

Психологическая наука издавна в той или иной степени учитывает эти трудности по реализации общенаучного принципа детерминизма в ходе исследования психических явлений как высшего уровня регуляции и саморегуляции всей деятельности, поведения и общения человека. Однако даже среди тех советских и зарубежных психологов, которые сознательно стоят на детерминистских позициях и отвергают индетерминизм, есть сравнительно немного ученых, систематически и методологически четко разрабатывающих принцип детерминизма как теоретически отрефлексированную основу своей науки. Примером может служить, в частности, Рубинштейн. Будучи еще с 10-х гг. профессиональным философом и методологом, а не только психологом, он лишь на последнем этапе своего творческого пути – с конца 40-х гг. – глубоко, оригинально и систематически разрабатывает принцип детерминизма в интересах философии, психологии, педагогики и т. д. До этого в психологической науке нашей страны принцип детерминизма был представлен лишь в очень общей, хотя и верной, формулировке, но специально и подробно не разрабатывался. Например, в «Психологическом словаре» (М., 1931) Л.С. Выготский писал: «Детерминизм – учение о полной причинной определенности всех психических процессов, в частности воли, в противоположность индетерминизму, учению о свободе воли и психической деятельности. Согласно принципу детерминизма все психические процессы, как и все прочие процессы во вселенной, совершаются закономерно и необходимо; ничто не возникает и не изменяется без причины».

Многие психологи ограничивались обычно лишь столь же общей, хотя и правильной, трактовкой детерминизма как причинности, закономерности, необходимости и т. д. и не углублялись в эту трудную проблему. Вот почему термин «детерминизм» отсутствует в предметном указателе к шести томам собрания сочинений Л.С. Выготского (1982–1984), к избранным психологическим произведениям А.Н. Леонтьева (1983), к его книге «Проблемы развития психики» (1959, 1965, 1972, 1981) и т. д. То же самое можно было бы, вероятно, сказать и об «Основах общей психологии» С.Л. Рубинштейна (1940 и 1946), если бы в них имелся предметный указатель. Правда, в этой монографии и в ряде статей того же периода Рубинштейн уже формулирует некоторые общие положения, вплотную подводящие его к будущему принципу детерминизма «внешнее через внутреннее».

Например, в докладе на Всесоюзной конференции по педагогическим наукам (апрель, 1941) Рубинштейн развивает общую идею о том, что «эффект, который наблюдает педагог вслед за каким-либо педагогическим мероприятием, ... никогда не является результатом изолированно взятого педагогического воздействия; он всегда продукт всего развития ребенка, обусловленный в какой-то мере всем его жизненным путем». Иначе говоря, внешнее (в данном случае педагогическое) воздействие не есть внешний толчок, якобы непосредственно определяющий конечный эффект такого воздействия; оно обуславливается, опосредствуется природой того, на кого или на что оно влияет. В «Основах...» 1946 г. Рубинштейн подчеркивает, что в состав этих «опосредствующих условий» входят физиологические и психические процессы, которые не искажают, а, напротив, обеспечивают все более адекватное отражение внешнего мира в ходе взаимодействия субъекта с объектом. Процитированные и сходные с ними другие положения Рубинштейн более обобщенно развивает в новой книге «Философские корни психологии» (М., 1946). Однако она так и не была опубликована: в 1947 г. набор рассыпали в связи с тем, что Рубинштейна обвинили в космополитизме, в «преклонении перед иностранщиной», в недооценке отечественной науки и в 1948–1949 гг. сняли со всех постов. Начались «проработки» и резко критические обсуждения «Основ общей психологии», опубликованных вторым изданием весной 1946 г. (первое издание этого фундаментального труда Рубинштейна было удостоено в 1942 г. Государственной премии).

Первое и потому еще не самое разгромное обсуждение «Основ...» проходило в Институте философии АН СССР с 26 марта по 4 апреля 1947 г. А.Н. Леонтьев и некоторые другие выступавшие критиковали Рубинштейна прежде всего за то, что его монография пронизана дуалистическими идеями двойной детерминации психики. Леонтьев, в частности, говорил: по мнению Рубинштейна, «психика детерминируется двояко. Она детерминируется мозгом, органическим субстратом. Это внутренняя детерминация. Она – далее – детерминируется объектом, отражаемым, т. е. внешним». Рубинштейн не согласился с такой критикой, поскольку в его «Основах общей психологии» постоянно подчеркивается, что в принципе не может быть речи «о рядоположном существовании двух разнородных и между собой никак не связанных детерминаций. Ведущая роль принадлежит здесь связи индивида с миром, с которым он вступает в действенный и познавательный контакт». Подобной рядоположности просто нет, потому что, по его мнению, определяющим является развитие образа жизни, в процессе изменения и перестройки которого происходит развитие индивидов и их органов (в том числе мозга) вместе с их психофизиологическими функциями. Эту свою главную идею Рубинштейн последовательно разрабатывает и реализует на всех страницах «Основ общей психологии».

Ту же идею, но на качественно новом уровне, он развивает дальше, с конца 40-х гг., в свете выдвинутого им принципа детерминизма «внешнее через внутреннее». В продолжение своей неопубликованной книги «Философские корни психологии» он работает начиная с 1948 г. над новой большой рукописью «Бытие и сознание» (которую удалось напечатать лишь 10 лет спустя, после XX съезда КПСС). В ней убедительно показано, что именно на основе вышеупомянутого монистического принципа детерминизма становится возможным наиболее последовательно объединить положения о психике как отражении мира и как функции мозга. По мнению Рубинштейна, неверно обособлять и противопоставлять одно другому – отношение психического к мозгу и его отношение к внешнему миру, потому что психическая деятельность есть деятельность мозга, взаимодействующего с внешним миром. Поэтому верно понятая связь психического с мозгом – это вместе с тем и правильно понятая связь его с внешним миром. И лишь адекватно поняв связь психического с внешним миром, можно правильно раскрыть и связь его с мозгом. Мозг – только орган психической деятельности, человек – ее субъект. Сама деятельность мозга, служащего для осуществления взаимодействия с внешним миром организма, индивида, человека, зависит от этого взаимодействия, от соотношения его деятельности с условиями жизни. Нервная система и, в частности, мозг возникают и развиваются в филогенезе и онтогенезе именно в процессе взаимодействия индивида с внешним миром, осуществляющемся по принципу «внешние причины действуют через внутренние условия» (в данном случае через специфические закономерности развития индивида, организма, его мозга и т. д.). С этих позиций Рубинштейн разработал общий и до сих пор верный подход к решению психофизиологической проблемы.

Таким образом, уже в конце 40-х и в начале 50-х гг. Рубинштейн развивает новый принцип детерминизма и на его основе начинает создавать новую теорию личности, мышления как деятельности и как процесса и т. д., хотя делает это в невероятно трудных для него условиях, будучи обвиненным сначала в космополитизме, а затем также и в недооценке павловского учения. От него, как и от других космополитов и антипавловцев – от Л.А. Орбели, П.К. Анохина, Н.А. Бернштейна и др. – требуют признания в печати своих ошибок. Рубинштейн долго сопротивляется столь несправедливому требованию и потому в течение трех лет (1949-1951) не имеет возможности опубликовать ни одной статьи в журналах. В 1952 г. положение становится еще более трудным. В результате, например, П.К. Анохин вынужден напечатать в «Физиологическом журнале» (№ 6) статью под названием «О принципиальной сущности моих ошибок в развитии учения И.П. Павлова и о путях их преодоления». В том же году и Рубинштейн вынужден выступить в печати с самокритикой. Ему удалось наконец впервые за 4 года опубликовать статью, поскольку он включил в нее абзац,

начинающийся следующими словами: «Главным недостатком «Основ общей психологии» является то, что в них автор не следовал по павловскому пути и некритически воспринял некоторые положения зарубежной психологии». Это была статья в сборнике «Учение И.П. Павлова и философские вопросы психологии», вышедшем в свет в конце 1952 г. А 5 марта 1953 г. умер Сталин.

После смерти Сталина оставшиеся в живых космополиты и антипавловцы (в том числе Рубинштейн) постепенно были восстановлены в правах. С 1955 г. начинает выходить журнал советских психологов «Вопросы психологии», в самом первом номере которого Рубинштейн публикует программную теоретическую статью. В ней он впервые уже «во весь голос» формулирует разрабатываемый им в течение 7-8 лет принцип детерминизма: «внешние причины действуют через посредство внутренних условий, представляющих собой основание развития явлений». Здесь же он дает абрис своей новой концепции, основанной на этом принципе и развитой им в рукописи «Бытие и сознание», на которую он ссылается в вышеупомянутой статье 1952 г.

Многие (но не все) советские психологи уже в 1955 г. поняли и приняли рубинштейновский принцип детерминизма и затем в той или иной мере разрабатывали его дальше в своих теоретических и экспериментальных исследованиях. Однако некоторые специалисты в ходе обсуждения вышеупомянутого самого первого номера только что созданного журнала «Вопросы психологии» резко критиковали данный принцип, считая его идеалистическим и потому несовместимым с теорией отражения: если внешний мир не прямо и непосредственно, а лишь через внутренние условия детерминирует психические образы, то тем самым в принципе невозможно адекватное отражение объекта, которое всегда будет искаженным. Эта критика – весьма существенная, но несправедливая, поскольку она исходила из широко распространенного тогда догматического понимания психического отражения как зеркального и пассивного (внешние воздействия, указания, приказание и т. д. прямо и непосредственно проецируются в человека и однозначно определяют все его поведение).

С точки зрения такого догматизма, любое опосредствование (преломление) внешних причин внутренними условиями рассматривалось только как неадекватное отражение внешнего мира и потому воспринималось как довод в пользу идеализма, например физиологического идеализма И. Мюллера и его современных продолжателей. Верно, конечно, что в последнем случае опосредствование внешнего внутренней природой (специфической энергией) органов чувств есть лишь искажение этих внешних воздействий, в результате чего детерминация становится только внутренней, оторванной от внешнего. Однако неверно было бы всякое опосредствование понимать столь идеалистически. При таком одностороннем понимании возникает ложная альтернатива: либо вообще не

может быть внутренних условий (преломляющих внешние воздействия) и только тогда познание объекта станет адекватным; либо эти внутренние условия действительно существуют, но тогда познание неизбежно будет искаженным. Первая часть альтернативы выражает механистическую трактовку психического отражения как зеркального и пассивного, вторая часть – идеалистическое понимание психики.

Разработанный Рубинштейном принцип детерминизма в корне преодолевает эту альтернативную и неверную постановку проблемы, преломление внешнего через внутреннее есть необходимое, очень существенное и позитивное условие адекватного отражения объекта. Такое преломление, опосредствование характеризует активную роль субъекта как деятельного, общающегося человека. Тем самым новая трактовка детерминизма позволила Рубинштейну по-новому и более глубоко реализовать его методологический принцип субъекта и, в частности, личностный и деятельностный подходы в психологии.

При объяснении любых психических явлений именно личность выступает, по Рубинштейну, как единая целостная система внутренних условий, через которые преломляются все внешние (педагогические и т. д.) воздействия. Иначе говоря, она объективно выступает как основание развития человека (см. выше). Следовательно, не личность низводится до уровня внутренних условий (как иногда думают), а, напротив, последние образуются и развиваются как единство личности. Они формируются в зависимости от предшествующих внешних воздействий, и потому преломление внешнего через внутреннее означает опосредствование внешних воздействий всей историей развития личности. Тем самым детерминизм включает в себя историзм, но отнюдь не сводится к нему. Эта история содержит в себе и процесс эволюции живых существ, и собственно историю человечества, и личную историю развития данного индивида. Отсюда неразрывное единство природного и социального в каждом человеке, отсюда же и его изначальная социальность.

В психологии личности есть поэтому компоненты разной меры общности и устойчивости: общечеловеческие, типологические (свойственные данному индивиду как представителю определенного общественного строя, нации, класса и т. д.), индивидуальные. Следовательно, свойства личности содержат в себе и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. С этих позиций Рубинштейн дает оригинальное и до сих пор перспективное решение проблемы общечеловеческого и классового и по-новому определяет предмет социальной и исторической психологии. На той же основе он решает в духе гуманизма общую проблему «Личность и общество». С его точки зрения, «в силу того, что внешние причины действуют лишь через внутренние условия, внешняя обусловленность развития личности закономерно сочетается с его «спонтанностью». Все в психологии формирующейся

личности так или иначе внешне обусловлено, но ничто в ее развитии не выводимо непосредственно из внешних воздействий». Поэтому Рубинштейн категорически возражает, в частности, против широко распространенной тогда (и теперь) механистической точки зрения, согласно которой надо выводить развитие личности непосредственно из требований, предъявляемых к ней обществом [там же]. По той же причине он не соглашается и с теорией интериоризации, возражая против «превращения человека в креатуру педагога», руководителя, начальника и т. д. Воздействие на человека внешних условий общественной жизни всегда опосредствовано его внутренним к ним отношением.

Этот гуманистический принцип детерминизма Рубинштейн и его ученики очень детально реализовали в теории мышления как деятельности и как непрерывного процесса. Она достаточно известна, поэтому отметим здесь лишь одну ее особенность. С позиций данного принципа по-новому разработана, в частности, методика экспериментального исследования мышления. Это методика подсказок, которая в прежних, очень разных, вариантах широко использована гештальтистами, а в нашей стране – Я.А. Пономаревым. В рубинштейновском варианте она означает, что строго дозируемое внешнее воздействие (подсказка экспериментатора, учителя, руководителя и т. д.) оказывает то или иное влияние на испытуемого лишь через внутренние условия его мышления, т. е. в меру продвинутости его самостоятельного анализа решаемой задачи. Тем самым степень принятия или непринятия подсказки (помощи извне) становится объективным показателем внутреннего, мыслительного процесса мышления, уровня его сформированности и микроразвития. Проведенные с таких позиций систематические экспериментальные исследования очень детально раскрыли активную роль именно внутренних условий, опосредствующих все внешние воздействия и в меру этого определяющих, какие из внешних причин участвуют в едином процессе детерминации всей жизни субъекта (а не в ходе совместного действия двух детерминации – внешней и внутренней).

«Сама подверженность тем или иным внешним воздействиям обусловлена внутренними условиями, существенными специфическими особенностями того, на кого или на что оказывается воздействие». Применительно к жизни людей особенно важно подчеркнуть, что вся в целом детерминация объективно выступает как процесс, т. е. нечто формирующееся в ходе деятельности человека, а не как изначально и полностью заданная или готовая.

Обобщая эти положения, Рубинштейн предлагает оригинальное решение проблемы свободы и необходимости на основе принципа детерминизма. Он исходит из того, что в жизни человека все детерминировано и нет в ней ничего predetermined, поскольку детерминация любого человеческого действия и самое свершение его происходят заодно. Поэтому закономерная детерминация распространяется

на человека, на все его сознательные действия, и вместе с тем человек сохраняет свободу действий: никакое предопределение не тяготеет над ним. С точки зрения Рубинштейна, всей своей деятельностью субъект включается в ход событий, в их детерминацию, осуществляющуюся не помимо сознательных действий людей, а через их посредство. Благодаря сознанию человек может заранее предусмотреть последствия своих действий. Он самоопределяется во взаимодействии с действительностью, данной ему в отраженной идеальной форме (в мысли, в представлении) еще до того, как она может предстать перед ним в восприятии в материальной форме. «Действительность еще не реализованная, детерминирует действия, посредством которых она реализуется. Это обращение обычной зависимости – центральный феномен сознания. С ним непосредственно и связана свобода человека».

Таким образом, рубинштейновский принцип детерминизма, будучи общефилософским, конкретизируется применительно к различным уровням бытия, выражая их специфику. Очень отчетливо, как мы видели, это выступает в отношении субъекта и, в частности, личности: особо учитывается именно ее специфическая активность, «спонтанность», самостоятельность, свобода в ходе деятельности, поведения, общения и т. д. (что наиболее детально изучено в экспериментах применительно к мышлению как деятельности и как процессу). Тем не менее в 1975 г. Леонтьев приходит к выводу о необходимости существенно уточнить и дополнить рубинштейновскую формулу «внешнее через внутреннее». Признавая ее «безоговорочно верной» для случаев, когда рассматривается эффект того или иного внешнего воздействия, он вместе с тем предлагает обернуть ее следующим образом с целью изучения своеобразия личности: «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет».

Леонтьев сразу же разъясняет, что первоначально субъект жизни выступает лишь как обладающий «самостоятельной силой реагирования». Он имеет в виду известное положение Энгельса о том, что если механическая, физическая реакция исчерпывает себя с каждым актом реакции, то, в отличие от нее, «органическое тело обладает самостоятельной силой реагирования; новая реакция должна быть опосредствована им». (Именно это положение Энгельса использует Рубинштейн в 1957 г. для обоснования всеобщего принципа детерминизма). Процитированная мысль Энгельса характеризует своеобразие любого органического тела, но еще не специфику личности. Учитывая это, Леонтьев продолжает: вышеупомянутая самостоятельная сила реагирования может действовать «только через внешнее, в этом внешнем и происходит ее переход из возможности в действительность...– ее преобразования, которые суть преобразования и самого субъекта, ее носителя. Теперь, т. е. в качестве преобразованного субъекта, он и выступает как преломляющий в своих текущих состояниях внешние воздействия... Какими бы потребностями и

инстинктами ни обладал индивид от рождения, они выступают лишь как предпосылки его развития, которые тотчас перестают быть тем, чем они были виртуально, «в себе», как только индивид начинает действовать. Понимание этой метаморфозы особенно важно, когда мы переходим к человеку, к проблеме его личности». И далее Леонтьев начинает новый параграф «Деятельность как основание личности», в котором его формула «внутреннее через внешнее» уже не упоминается.

Легко видеть, что основное содержание этой формулы, которое предельно кратко раскрывает Леонтьев, по существу входит в состав рубинштейновской формулы «внешнее через внутреннее», очень подробно обоснованной и конкретизированной автором во всех своих четырех последних книгах. Поэтому – вопреки до сих пор широко распространенной точке зрения – первая из двух формул является одним из компонентов второй, а не ее альтернативой или дополнением. В данном вопросе, по сути дела, позиция Леонтьева почти ничем не отличается от позиции Рубинштейна. Иначе говоря, последний в принципе детерминизма учитывает также и специфику детерминации личности – в отношении ее свободы, творчества и т. д. В пользу этого вывода приведем еще один аргумент. Известный американский политолог Р. Таккер, проанализировав формулу «внешнее через внутреннее» по уже упоминавшейся статье Рубинштейна 1955 г. приходит к заключению, что на основе данного принципа детерминизма в статье начато восстановление политически очень важной идеи об автономии личности. Поэтому он считает, что формула «внешнее через внутреннее» является по своему существу антисталинистской.

Многие годы творческой деятельности Рубинштейна приходится на период сталинской тирании. В последние 5 лет жизни Сталина, как уже выше отмечалось, Рубинштейн стал непосредственной жертвой его произвола. Тем не менее этот выдающийся ученый не изменил своим гуманистическим убеждениям, идеалам истины и справедливости. Даже будучи лишенным элементарных условий научной работы, он мужественно продолжал развивать свою философско-психологическую концепцию. Ее вершиной стала его новая большая работа «Человек и мир», почти законченная перед его кончиной и опубликованная посмертно в составе одноименника «Проблемы общей психологии». Концепция Рубинштейна по-прежнему служит гуманизации науки и общества.

ВІНДЕЛЬБАНД Вільгельм

Вільгелм Вінде́льба́нд народився 11 травня 1848 року в Потсдамі, Німеччина. У Берліні захистив дисертацію «Вчення про випадковість». Після захисту дисертації Вінде́льба́нд починає викладацьку діяльність у Лейпцігу: через три роки він приват-доцент, а через шість років – професор. Професор в Цюріху (1876), із 1877 – професор університету у Фрайбурзі, з 1882 – в Страсбурзі, з 1903 – в Гейдельберзі. Член Гейдельбергської академії наук із 1910.

Філософію Вінде́льба́нд визначає, як «критичну науку про загальнообов'язкові цінності», як нормативне вчення, засноване на оціночних судженнях, на пізнанні належного, і протиставляє її дослідним наукам, заснованим на теоретичних судженнях і емпіричних даних про суще. Цінності розуміються Вінде́льба́ндом як апріорні, трансцендентальні, загальнозначущі. Визнаючи кінцевою метою історичного прогресу самовизначення людства відповідно до «етичного ідеалу», Вінде́льба́нд зводить соціальні проблеми до етичних. Світ культури, по Вінде́льба́нду, є твором людини. Але людина створює, виходячи з абсолютних цінностей, а тому в змістовному плані він не творець, а виконавець, тобто в строгому сенсі не є суб'єктом. Дуалізм світу дійсності та світу цінностей він оголошує «священною таємницею», що виявляє обмеженість нашого пізнання і що спрямовує нас в сферу цінностей релігійних.

Вінде́льба́нд відомий наступними працями: «Історія древньої філософії», «Історія нової філософії», «Прелюдії», «Про свободу волі», «Платон», «Від Канта до Ніцше» та ін.

Виндельбанд В. Избранное. Дух и история / Вильгельм Виндельбанд. – М., 1995. – С. 193 – 194, С. 201– 202.

НОРМИ, ЗАКОНИ, ЗАКОНОМІРНОСТІ

Норми, таким чином, абсолютно відмінні від законів природи; але вони не протистоять їм як щось чуже і далеке; навпаки, всяка норма є такий спосіб з'єднання психічних елементів, який за належних умов може бути викликаний природно необхідним, закономірно обумовленим процесом душевного життя в такій же мірі, як і всякі інші, у тому числі прямо протилежні йому. Норма – це певна форма психічного руху, яку повинні здійснити природні закони душевного життя. Так, закон мислення (говорячи мовою логіки) є певний спосіб з'єднання елементів уявлень, який, відповідно до наявних у кожної особистості можливостей, може бути викликаний природним ходом мислення, але може і вислизнути від нього. Всякий моральний закон є певна форма мотивації, яка залежно від сукупності потягів особистості в цьому її стані реалізується природною течією вольової діяльності або ж порушується нею. Нарешті, всяке естетичне правило є певний спосіб відчуття, який, залежно від вразливості окремих людей, може наступити, але може і не наступити або бути витисненим іншими способами відчуття.

Отже, усі норми суть особливі форми здійснення законів природи. Система норм є відбором із неосяжного різноманіття комбінацій, в яких

можуть проявлятися відповідно до індивідуальних умов природні закони психічного життя. Закони логіки – відбір із можливих форм асоціацій уявлень, закони етики – відбір із можливих форм мотивації; закони естетики – відбір із можливих форм відчуття.

Неважко відразу ж встановити принцип, за яким в усіх трьох випадках повинен здійснюватися цей відбір із різноманіття природно необхідних форм розвитку. Логічна нормативність лише остільки вимагається від діяльності уявлень, оскільки мета її – бути істинною. <...>

Капризами мислення, що не бажають підкорятися нормі, може, мабуть, займатися психологія, але зовсім не логіка. Логічне законодавство існує для нас, отже, тільки за умови, що наша мета – істина; логічні форми мислення відрізняє від інших, можливих в природно необхідному процесі асоціацій тільки загальнозначуща, тобто цінність, що визнається усіма. Те ж повторюється в етичному і естетичному законодавстві: і тут сенс норми в тому, що вона служить мірилом оцінки, в основі якої лежить загальнозначущість. Моральний закон вимагає такої мотивації, яка підтверджується своєю загальнозначущістю; естетичне правило вимагає такого збудження почуттів, яке, припускаючи загальнозначущість свого судження, може характеризувати свій предмет як прекрасний.

Отже, норма стає для нас завжди такою внаслідок відношення до певної мети – до загальнозначущої. Йдеться не про фактичну загальнозначущість – це було б випадком природно закономірної необхідності, – а про вимогу загальної значущості. Норми – це такі форми здійснення законів природи, які мають бути схвалені, виходячи із загальнозначущості. Норми – це такі форми здійснення законів душевного життя, які з безпосередньою очевидністю пов'язані з переконанням, що вони, і тільки вони, мають бути реалізовані і що усі інші види індивідуальних комбінацій, до яких веде природно закономірна необхідність душевного життя, гідні осуду із-за їх відхилення від норми.

Таким чином, нормативна свідомість здійснює відбір із рухів природно необхідного душевного життя, схвалюючи одні та засуджуючи інші. Нормативне законодавство не тотожне законодавству природи, але і не суперечить йому; воно є вибором із можливостей, даних законодавством природи. Нормативна свідомість логічної, етичної і естетичної совісті не вимагає того, що взагалі не може статися: воно схвалює дещо з того, що відбувається, тим самим засуджуючи решту. <...>

Методичне дослідження в науці – це регульоване певною метою, істиною, умисне створення понять, суджень і висновків, послідовність і зв'язок яких визначаються свідомістю логічних норм.

ПАРАДИГМИ В ПСИХОЛОГІЧНІЙ НАУЦІ

КУН Томас Семюел

Томас Семюел Кун народився 18 липня 1922 року в Цинцинаті (шт. Огайо), США. У 1949 році захистив докторську дисертацію. Викладав із 1949 у Гарварді, з 1957 – у Принстоні. З 1968 по 1979 – професор Принстонського університету, в 1991 – професор Массачусетського технологічного інституту. Був членом Національної академії наук, Американського філософського суспільства, Американської академії наук і мистецтв.

Популярність Куну принесла друга з написаних їм книг – «Структура наукових революцій» («The Structure of Scientific Revolutions», 1962).

Її ідеї зародилися в період викладання в Гарварді, коли автор досліджував теоретичні витоки механіки XVII ст. Кун виявив, що фізика Аристотеля зовсім не була підготовчою фазою для фізики Галілея і Ньютона.

Аналізуючи революції в науці, Кун показує, що історія науки не є лінійним процесом накопичення знань, швидше це чередування періодів «нормальної науки» і «революційної науки», що заперечує її.

Прибічники Карнапа і логічного позитивізму розглядали науку як процес висунення і критичної перевірки (верифікації) тверджень; послідовники Поппера вважали ключовою процедурою не верифікацію, а фальсифікацію (спростування) наукових гіпотез. Але і ті, й інші виходили з уявлення про науку як процес акумуляції знання: аристотелівська і середньовічна фізика розглядалися як часткове розуміння реальності, доповнене згодом новою наукою. Кун же наполягав на тому, що вчення Аристотеля і Ньютона є двома несумісними системами знання.

Думка про те, що нова парадигма включає стару як окремий випадок, Кун вважає помилковою. Кун висуває тезу про несумірність парадигм. При зміні парадигми міняється весь світ ученого, оскільки не існує об'єктивної мови наукового спостереження. Сприйняття вченого завжди буде схильне до впливу парадигми.

Найбільша заслуга Т. Куна полягає в тому, що він знайшов новий підхід до розкриття природи науки і її прогресу. На відміну від К. Поппера, який вважає, що розвиток науки можна пояснити виходячи тільки з логічних правил, Кун вносить в цю проблему «людський» чинник, залучаючи до її рішення нові, соціальні і психологічні мотиви.

Серед інших значних творів Куна – «Сутнісна напруга» («The Essential Tension») і монографія «Теорія чорного тіла і квантова переривчастість» («Black – Body Theory and Quantum Discontinuity»).

Т. Кун. Структура научных революций. / Томас Семюел Кун. – М.: Прогрес, 1977. – 300 с. – С. 22 – 26, 54, 71 – 72, 77 – 79, 83 – 88, 101, 118, 140 – 142, 191 – 192.

СТРУКТУРА НАУКОВИХ РЕВОЛЮЦІЙ

Нормальна наука, на розвиток якої вимушена витратити майже увесь свій час більшість учених, ґрунтується на припущенні, що наукове співтовариство знає, який світ оточує нас. Багато успіхів науки

народжуються з прагнення співтовариства захистити це припущення, і якщо це необхідно – то і дуже дорогою ціною. Нормальна наука, наприклад, часто пригнічує фундаментальні нововведення, тому що вони неминуче руйнують її основні установки. Проте до тих пір, поки ці установки зберігають у собі елемент довільності, сама природа нормального дослідження дає гарантію, що ці нововведення не пригнічуватимуться занадто довго. Іноді проблема нормальної науки, проблема, яка має бути вирішена за допомогою відомих правил і процедур, не піддається неодноразовим натискам навіть найталановитіших членів групи, до компетенції якої вона відноситься. У інших випадках інструмент, призначений і сконструйований для цілей нормального дослідження, виявляється нездатним функціонувати так, як це передбачалося, що свідчить про аномалію, яку, незважаючи на усі зусилля, не вдається погоджувати з нормами професійної освіти. Таким чином (і не лише таким) нормальна наука збивається з дороги увесь час. І коли це відбувається, тобто коли фахівець не може більше уникнути аномалій, що руйнують існуючу традицію наукової практики, – починаються нетрадиційні дослідження, які врешті-решт приводять усю цю галузь науки до нової системи приписів (commitments), до нового базису для практики наукових досліджень. Виняткові ситуації, в яких виникає ця зміна професійних приписів, розглядатимуться в цій роботі як наукові революції. Вони є доповненнями до пов'язаної традиціями діяльності в період нормальної науки, які руйнують традиції.

Найбільш очевидні приклади наукових революцій є тими знаменитими епізодами в розвитку науки, за якими вже давно закріпилася назва революцій. Тому в IX і X розділах, де робиться безпосередній аналіз природи наукових революцій, ми не раз зустрінемося з великими поворотними пунктами в розвитку науки, пов'язаними з іменами Коперника, Ньютона, Лавуазьє і Ейнштейна. Краще за всі інші досягнення, принаймні в історії фізики, ці поворотні моменти служать зразками наукових революцій. Кожне з цих відкриттів із необхідністю обумовлювало відмову наукового співтовариства тій або іншій освяченій віками науковій теорії на користь іншої теорії, несумісної з колишньою. Кожне з них викликало наступне зрушення в проблемах, що підлягають ретельному науковому дослідженню, і в тих стандартах, за допомогою яких професійний учений визначав, чи можна вважати правомірною ту або іншу проблему або закономірним те або інше її рішення. І кожне з цих відкриттів перетворювало наукову уяву таким чином, що ми кінець кінцем повинні визнати це трансформацією світу, в якому проводиться наукова робота. Такі зрушення разом із дискусіями, незмінно супроводжуваними їх, і визначають основні характерні риси наукових революцій.

Ці характерні риси з особливою чіткістю вимальовуються з вивчення, скажімо, революції, здійсненої Ньютоном, або революції в хімії. Проте ті ж риси можна знайти (і в цьому полягає одне з основних положень цієї

роботи) при вивченні інших епізодів у розвитку науки, які не мають так явно вираженого революційного значення. Для набагато вузких професійних груп, наукові інтереси яких зачепило, скажімо, створення електромагнітної теорії, рівняння Максвелла були не менш революційні, чим теорія Ейнштейна, і опір їх прийняттю був анітрохи не слабкіший. Створення інших нових теорій із зрозумілих причин викликає таку ж реакцію з боку тих фахівців, чия область компетенції вони зачіпають. Для цих фахівців нова теорія припускає зміну в правилах, якими керувалися учені в практиці нормальної науки донині. Отже, нова теорія неминуче відбивається на широкому фронті наукової роботи, яку ці фахівці вже успішно завершили. Ось чому вона, якою б спеціальною не була область її застосування, ніколи не є (чи, в усякому разі, дуже рідко представляє) просто приростом до того, що вже було відоме. Засвоєння нової теорії вимагає перебудови колишньої і переоцінки колишніх фактів, внутрішнього революційного процесу, який рідко виявляється під силу одному вченому і ніколи не здійснюється в один день. Немає тому нічого дивного в тому, що історикам науки буває дуже важко визначити точно дату цього тривалого процесу, хоча сама їх термінологія змушує бачити в ній деяку локалізовану подію.

Крім того, створення нових теорій не є єдиною категорією подій в науці, надихаючих фахівців на революційні перетворення в областях, в яких ці теорії виникають. Приписи, що управляють нормальною наукою, визначають не лише ті види сутностей, які включає універсум, але, неявним чином, і те, чого в ньому немає. Звідси витікає (хоча ця точка зору вимагає ширшого обговорення), що відкриття, подібні до відкриття кисню або рентгенівських променів, не просто додають ще якусь кількість знання у світ учених. Кінець кінцем це дійсно відбувається, але не раніше, ніж співтовариство учених-професіоналів зробить переоцінку значення традиційних експериментальних процедур, змінить своє поняття про суті, з яким воно давно зріднилося, і в процесі цієї перебудови внесе видозміни і в теоретичну схему, крізь яку воно сприймає світ. Науковий факт і теорія насправді не розділяються один від одного непроникною стіною, хоча подібний розподіл і можна зустріти в традиційній практиці нормальної науки. Ось чому непередбачені відкриття не є просто введенням нових фактів. З цієї ж причини фундаментально нові факти або теорії якісно перетворюють світ ученого в тій же мірі, в якій кількісно збагачують його.

Надалі ми детальніше зупинимося на цьому розширеному понятті природи наукових революцій. Відомо, що всяке розширення поняття робить неточним його звичайне вживання. Проте я і далі говоритиму навіть про окремі відкриття, як про революційні, оскільки тільки таким чином можна порівняти їх структуру з характером, скажімо, коперникової революції, що і робить, на мою думку, це розширене поняття важливим. Попереднє обговорення показує, яким чином будуть розглянуті доповнюючі один одного поняття нормальної науки і наукових революцій у дев'яти розділах,

що безпосередньо йдуть за даним. У інших частинах роботи робляться спроби освітити ще три кардинальні питання. У XI розділі шляхом обговорення традицій підручників з'ясовується, чому раніше так важко було констатувати настання наукової революції. XII розділ описує суперництво між прибічниками старих традицій нормальної науки і прибічниками нових, яке характерне для періоду наукових революцій. Таким чином, розглядається процес, який міг би в якійсь мірі замінити в теорії наукового дослідження процедури підтвердження або фальсифікації, тісно пов'язані з нашим звичайним способом науки. Конкуренція між різними групами наукового співтовариства є єдиним історичним процесом, який ефективно призводить до заперечення деяких раніше загальноприйнятих теорій або до визнання іншої. Нарешті, в XIII розділі буде розглянуто питання, яким чином розвиток науки за допомогою революцій може поєднуватися з явно унікальним характером наукового прогресу. Проте цей нарис пропонує не більше, ніж основні контури відповіді на поставлене питання. Ця відповідь залежить від опису основних властивостей наукового співтовариства, для вивчення яких буде потрібно ще багато додаткових зусиль. <...>

Три класи проблем – встановлення значних фактів, зіставлення фактів і теорії, розробка теорії – вичерпують, як я думаю, поле нормальної науки, як емпіричної, так і теоретичної. Вони, зрозуміло, не вичерпують усю наукову проблематику без залишку. Існують також екстраординарні проблеми, і, ймовірно, саме їх правильне вирішення робить наукові дослідження в цілому особливо цінними. Але екстраординарні проблеми не повинні нас тут особливо хвилювати. Вони виникають лише в особливих випадках, до яких призводить розвиток нормального наукового дослідження. Тому переважна більшість проблем, піднятих навіть найвидатнішими вченими, зазвичай охоплюються трьома категоріями, вказаними вище. Робота у рамках парадигми не може протікати інакше, а відмовитися від парадигми означало б припинити ті наукові дослідження, які вона визначає. Незабаром ми покажемо, що примушує учених відмовитися від парадигми. Подібними відмовами від парадигми є такі моменти, коли виникають наукові революції. <...>

Якщо нормальна наука є такою жорсткою і якщо наукові співтовариства згуртовані так тісно, як малося на увазі вище, то як може зміна парадигми коли-небудь торкнутися тільки маленької підгрупи? Сказане досі може навести на думку, що нормальна наука є єдиний моноліт і уніфіковане підприємство, яке повинне встояти або рухнути разом із будь-якою з її парадигм або з усіма разом. Але в науці, мабуть, буває що-небудь подібне або взагалі не буває. Якщо розглядати усі галузі науки разом, то вона часто здається, швидше, хиткою спорудою із слабкою узгодженістю між різними ланками. Проте усе, що ми говоримо, не слід розглядати як протиріччя з цим добре відомим спостереженням. Навпаки, заміна парадигм на правила повинно полегшити розуміння розподілу між науковими

областями і спеціальностями. Експліцитні правила, коли вони існують, виявляються зазвичай загальними для дуже великої наукової групи, але для парадигм це зовсім не обов'язково. Дослідники в дуже далеких одна від однієї галузях науки, скажемо в астрономії і таксономічній ботаніці, здобувають освіту на основі абсолютно різних досягнень, викладених в самих різних книгах. І навіть вчені, які працюють у тих же або тісно примикаючих областях, приступивши до вивчення одних і тих же підручників і досягнень, найімовірніше, сформулюють різні парадигми в процесі професійної спеціалізації.

Як один із можливих прикладів розглянемо досить велике і строкате співтовариство, в яке входять усі учені-фізики. Нині кожен член цієї групи вивчає, скажемо, закони квантової механіки і більшість із них використовує ці закони в процесі дослідження або викладання. Але не всі вони заучують одні і ті ж додатки цих законів, отже, не всі вони у своїх поглядах будуть однаково схильні до дій змін в квантовомеханічних дослідженнях. На шляху до професійної спеціалізації деякі з вчених фізиків зустрічаються тільки з основними принципами квантової механіки. Інші детально вивчають парадигмальні застосування цих принципів до хімії, а декілька з них до фізики твердого тіла і т. п. Те, що означає квантова механіка для кожного з них, залежить від того, які курси він прослухав, які підручники читав і які журнали вивчав. Із цього виходить, що, хоча зміна в квантовомеханічних законах буде революційною для кожної з цих груп, зміна, що відбиває тільки одне або інше парадигмальне застосування квантової механіки, виявиться революційною тільки для членів невеликої професійної підгрупи. Для інших же представників цієї професії і для тих, хто займався дослідженнями в інших фізичних науках, ця зміна взагалі не обов'язково має бути революційною. Коротше, хоча квантова механіка (чи динаміка Ньютона, або електромагнітна теорія) є парадигмою для тих або інших наукових груп, вона не буде парадигмою в рівній мірі для всіх. Отже, вона може одночасно визначати різні традиції нормальної науки, які частково накладаються одна на одну, хоча і не співпадають в часі і просторі. Революція, що сталася у рамках однієї з традицій, зовсім не обов'язково охоплює в рівній мірі й інші. <...>

Відкриття починається з усвідомлення аномалії, тобто зі встановлення того факту, що природа якимсь чином порушила навіяні парадигмою очікування, що направляють розвиток нормальної науки. Це призводить потім до більш менш розширеного дослідження області аномалії. І цей процес завершується тільки тоді, коли парадигмальна теорія пристосовується до нових обставин таким чином, що аномалії самі стають очікуваними. Засвоєння теорією нового виду фактів вимагає чогось більшого, ніж просто додаткового пристосування теорії до тих пір, поки це пристосування не буде повністю завершено, тобто доки вчений не навчиться бачити природу в іншому світлі, новий факт не може вважатися взагалі фактом цілком науковим. <...>

Відкриття ніколи неможливо приурочити до певного моменту; часто його не можна і точно датувати. Ігноруючи Шеєле, ми можемо упевнено сказати, що кисень не був відкритий до 1774 року. Ми могли б, ймовірно, також сказати, що він був відкритий до 1777 року або не набагато пізніше. Але в цих межах або інших, подібних до цих, будь-яка спроба датувати відкриття неминуче має бути довільною, оскільки відкриття нового виду явищ є складною подією. Воно припускає усвідомлення і того, що сталося, і того, яким чином воно виникло. Помітимо, наприклад, що якщо кисень є для нас повітрям із меншою долею флогистона, то ми повинні стверджувати без коливань, що першовідкривачем його був Прістлі, хоча ще і не знаємо, коли було зроблено відкриття. Але якщо з відкриттям нерозривно пов'язано не лише спостереження, але і концептуалізацію, виявлення самого факту і засвоєння його теорією, тоді відкриття є процес і має бути тривалим за часом.

Ця теорія була ключем для перебудови хімії, причому такою ґрунтовною, що її зазвичай називають революцією в хімії. Насправді, якби відкриття кисню не було безпосередньою частиною процесу виникнення нової парадигми в хімії, то питання про пріоритет, із якого ми почали, ніколи не здавалося б таким важливим. В цьому випадку, як і в інших, визначення того, чи має місце нове явище, і, таким чином, встановлення його першовідкривача міняється залежно від нашої оцінки тієї міри, в якій це явище порушило очікування, витікаючі з парадигми. Помітимо, проте (оскільки це буде важливо надалі), що відкриття кисню само по собі не було причиною зміни хімічної теорії. Задовго до того, як Лавуазьє зіграв свою роль у відкритті нового газу, він був переконаний, що в теорії флогистона було щось невірним і що тіла, що горіли, поглинають якусь частину атмосфери. Багато міркувань із цього питання він повідомив у замітках, відданих на зберігання у Французьку Академію в 1772 році. Робота Лавуазьє над питанням про існування кисню додатково сприяла зміцненню його колишньої думки, що десь був допущений прорахунок. Вона підказала йому те, що він уже готовий був відкрити, – природу речовини, яка при окисленні поглинається з атмосфери. Це чіткіше усвідомлення труднощів, ймовірно, було головним, що змусило Лавуазьє побачити в експериментах, подібних до експериментів Прістлі, газ, який сам Прістлі виявити не зміг. І навпаки, для того, щоб побачити те, що вдалося побачити Лавуазьє, був потрібний ґрунтовний перегляд парадигм, що виявилось принциповою причиною того, що Прістлі до кінця свого життя не зміг побачити кисень. <...>

Чи повинні ми, спостерігаючи за тим, як часто такі інструментальні приписи призводять до помилок, зробити висновок, що наука повинна відмовитися від стандартних перевірок і стандартних інструментів? Це могло б привести до непорозумінь у методі дослідження. Процедури парадигми і її застосування потрібні науці так само, як парадигмальні закони і теорії, і служать тим же самим цілям. Вони неминуче звужують

область явищ, доступну зараз для наукового дослідження. Усвідомлюючи це, ми в той же час можемо бачити той істотний момент, згідно з яким відкриття, подібні до відкриття рентгенівських променів, роблять необхідним зміну парадигми, – і, отже, зміна як процедур, так і очікувань – для певної частини наукового співтовариства. В результаті ми можемо також зрозуміти, яким чином відкриття рентгенівських променів могло здатися багатьом ученим відкриттям нового дивного світу і могло так ефективно брати участь в кризі, яка привела до фізики ХХ століття. <...>

Тільки коли експеримент і пробна теорія виявляються відповідними один одному, виникає відкриття і теорія стає парадигмою.

Більшою чи меншою мірою (відповідно до сили потрясіння від непередбачених результатів) загальні риси, властиві трьом прикладам, приведеним вище, характеризують усі відкриття нових видів явищ. Ці характеристики включають: попереднє усвідомлення аномалії, поступове або миттєве її визнання – як практичне, так і понятійне, і наступна зміна парадигмальних категорій і процедур, яка часто зустрічає опір. Можна навіть стверджувати, що ті ж самі характеристики внутрішньо властиві самій природі процесу сприйняття. У психологічному експерименті, значення якого заслуговує на те, щоб про нього знали і не психологи, Дж. Брунер і Л. Постмін просили випробовуваних розпізнати за короткий і фіксований час серію гральних карт. Більшість карт були стандартними, але деякі були змінені, наприклад червона шестірка пік і чорна четвірка черві. Кожен експериментальний цикл полягав у тому, що випробовуваному показували одну за іншою цілу серію карт, причому час показу карт поступово зростав. Після кожного сеансу випробовуваний повинен був сказати, що він бачив, а цикл тривав до тих пір, поки випробовуваний двічі не визначав повністю правильно усю серію показуваних карт.

Навіть при найкоротших показах більшість випробовуваних розпізнавали значну частину карт, а після невеликого збільшення часу пред'явлення, усі випробовувані розпізнавали усі карти. З нормальними картами розпізнавання зазвичай протікало гладко, але змінені карти майже завжди без помітного коливання або утруднення ототожнювалися з нормальними. Чорна четвірка черві, наприклад, могла бути пізнана як четвірка пік або як четвірка черві. Без якого-небудь особливого утруднення випробовуваний миттєво пристосовувався до однієї з концептуальних категорій, підготовлених попереднім досвідом. Не можна навіть з упевненістю сказати, що випробовувані бачили щось відмінне від того, що вони ідентифікували. При наступному збільшенні експозиції змінених карт випробовувані починали коливатися і виявляли усвідомлення аномалії. Наприклад, зустрівши червону шестірку пік, деякі говорили: «Це – шестірка пік, але щось тут не те – чорне має червоний контур». Подальше збільшення експозиції викликало ще більший сумнів і замішання до тих пір, поки врешті-решт, іноді абсолютно несподівано, більшість випробовуваних починали виробляти ідентифікацію правильно. Крім того, після подібної

процедури з двома або трьома аномальними картами випробовувані надалі стикалися з меншими труднощами з іншими картами. Проте виявилось, що деяка кількість випробовуваних так і не змогла виробити належне коригування своїх категорій. Навіть після збільшення часу показу в сорок разів проти середньої тривалості експозиції, необхідної для розпізнавання нормальної карти, більш ніж 10 відсотків аномальних карт не було пізнано ними правильно, причому випробовувані, яким не вдавалося виконати завдання, часто виявляли гірку досаду. Один із них вигукнув: «Я не можу визначити жодної масті. Вона навіть не схожа на карту. Я не знаю, якої масті вона зараз: пікова або чирвова? Я не упевнений зараз, як виглядають списи? Боже!». У наступному розділі ми переконуємося в тому, що вчені поводяться іноді подібним же чином.

Мій колега Постмін сказав, що, знаючи усі деталі експерименту заздалегідь, він проте, дивлячись на безглузді карти, переживав сильне почуття незручності.

Незалежно від того, чи рахувати зіставлення з подібними експериментами метафоричним або відбиваючим природу розуму, ці психологічні експерименти дають напролюд просту і переконливу схему процесу наукового відкриття. У науці, як і в експерименті з гральними картами, відкриття завжди супроводжується труднощами, зустрічає опір, затверджується всупереч основним принципам, на яких засновано очікування. Спочатку сприймається тільки очікуване і звичайне навіть при обставинах, при яких пізніше все-таки виявляється аномалія. Проте подальше ознайомлення призводить до усвідомлення деяких погрішностей або до знаходження зв'язку між результатом і тим, що з передумання привело до помилки. Таке усвідомлення аномалії відкриває період, коли концептуальні категорії підганяються до тих пір, поки отримана аномалія не стає очікуваним результатом. У цьому пункті процес відкриття закінчується. Я вже підкреслював, що з цим процесом або з яким-небудь дуже подібним до нього пов'язано виникнення усіх наукових відкриттів. Дозвольте мені зараз звернути увагу на те, що, усвідомлюючи цей процес, ми можемо врешті-решт зрозуміти, чому нормальна наука, не прагнучи безпосередньо до нових відкриттів і маючи намір спочатку навіть подавити їх, може бути проте постійно ефективним інструментом, що породжує ці відкриття.

У розвитку будь-якої науки перша загальноприйнята парадигма зазвичай вважається цілком прийнятною для більшості спостережень і експериментів, доступних фахівцям у цій області. Тому подальший розвиток, що зазвичай вимагає створення ретельно розробленої техніки, є розвиток езотеричного словника, майстерності і уточнення понять, схожість яких із їх прототипами, узятими з області здорового глузду, безперервно зменшується. Така професіоналізація веде, з одного боку, до сильного обмеження поля зору вченого і до наполегливого опору всяким змінам в парадигмі. Наука стає усе більш строгою. З іншого боку, усередині тих

областей, на які парадигма направляє зусилля групи, нормальна наука веде до накопичення детальної інформації і до уточнення відповідності між спостереженням і теорією, якого неможливо було б досягти інакше. Крім того, така детальна розробка і уточнення відповідності мають цінність, яка перевищує інтерес (зазвичай незначний) до власне внутрішнього змісту цієї роботи. Без спеціальної техніки, яка створюється головним чином для очікуваних явищ, відкриття нових фактів не відбувається. І навіть коли така техніка існує, першовідкривачем виявляється той, хто, точно знаючи, чого він чекає, здатний розпізнати те, що відхиляється від очікуваного результату. Аномалія з'являється тільки на тлі парадигми. Чим точніша і розвиненіша парадигма, тим більше чутливим індикатором вона виступає для виявлення аномалії, що тим самим призводить до зміни в парадигмі.

У нормальній моделі відкриття навіть опір зміні приносить користь. Це питання буде більш повно розроблено в наступному розділі. Гарантуючи, що парадигма не буде відкинута занадто легко, опір в той же час гарантує, що увага учених не може бути зверхньо абстрактною і що до зміни парадигми приведуть тільки аномалії, що пронизують наукове знання до самої серцевини. Той факт, що важливі наукові нововведення так часто пропонувалися в один і той же час декількома лабораторіями, вказує на значною мірою традиційну природу нормальної науки і на повноту, з якою ця традиційність послідовно готує шлях до власної зміни. <...>

До тих пір, поки засоби, що представляються парадигмою, дозволяють успішно вирішувати проблеми, що породжуються нею, наука просувається найуспішніше і проникає на найглибший рівень явищ, упевнено використовуючи ці засоби. Причина цього ясна. Як і у виробництві, в науці зміна інструментів – крайній захід, до якого прибігають лише у разі дійсної необхідності. Значення криз полягає саме в тому, що вони говорять про своєчасність зміни інструментів. <...>

Зіткнувшись із аномалією або кризою, учені займають різні позиції по відношенню до існуючих парадигм, а відповідно до цього змінюється і природа їх дослідження. Збільшення конкуруючих варіантів, готовність випробувати що-небудь ще, вираження явного невдоволення, звернення по допомогу до філософії і обговорення фундаментальних положень – усе це симптоми переходу від нормального дослідження до екстраординарного. Саме на існування цих симптомів більшою мірою, чим на революції, спирається поняття нормальної науки. <...>

Розглядаючи результати минулих досліджень із позицій сучасної історіографії, історик науки може піддатися спокусі й сказати, що, коли парадигми міняються, разом із ними міняється сам світ. Захоплені новою парадигмою вчені отримують нові кошти на дослідження і вивчають нові області. Але найважливіше те, що в період революцій учені бачать нове і отримують інші результати навіть у тих випадках, коли використовують звичайні інструменти в областях, які вони досліджували до цього. Це виглядає так, як начебто професійне співтовариство було перенесене

миттєво на іншу планету, де багато об'єктів їм незнайомі, та і знайомі об'єкти видно в іншому світлі. Звичайно, насправді усе не так: немає ніякого переселення в географічному сенсі; поза стінами лабораторії повсякденне життя йде своєю чергою. Проте зміна в парадигмі змушує учених бачити світ їх дослідницьких проблем у іншому світлі. Оскільки вони бачать цей світ не інакше, як через призму своїх переконань і справ, остільки у нас може виникнути бажання сказати, що після революції учені мають справу з іншим світом.

Елементарні прототипи для цих перетворень світу вчених переконливо представляють відомі демонстрації з перемиканням зорового гештальта. Те, що здавалося ученому качкою до революції, після революції виявлялося кроликом. Той, хто спершу бачив зовнішню стінку коробки, дивлячись на неї згори, пізніше бачив її внутрішню сторону, якщо дивився знизу. Трансформації, подібні до цих, хоча зазвичай і більше поступові й майже безповоротні, завжди супроводжують наукову освіту. Поглянувши на контурну карту, студент бачить лінії на папері, картограф – картину місцевості. Подивившись на фотографію, зроблену в бульбашковій камері, студент бачить переплутані й ламані лінії, фізик – знімок відомих внутрішньоядерних процесів. Тільки після ряду таких трансформацій бачення студент стає «жителем» наукового світу, бачить те, що бачить учений, і реагує на це так, як реагує вчений. Проте світ, у який студент потім входить, не є світом, застиглим раз і назавжди. Цьому перешкоджає сама природа довкілля, з одного боку, і науки – з іншою. Швидше він детермінований одночасно і довкіллям, і відповідною традицією нормальної науки, наслідувати яку студент навчився в процесі освіти. Тому під час революції, коли починає змінюватися нормальна наукова традиція, вчений повинен навчитися наново сприймати навколишній світ – у деяких добре відомих ситуаціях він повинен навчитися бачити новий гештальт. Тільки після цього світ його дослідження здаватиметься в окремих випадках несумісним із світом, у якому він «жив» досі. Це складає другу причину, через яку школи, що сповідують різні парадигми, завжди діють як би одна наперекір іншій.

Очевидно, у своїх найбільш звичайних формах гештальт-експерименти ілюструють тільки природу перцептивних перетворень. Вони нічого не говорять нам про роль парадигм або ролі раніше набутого досвіду в процесі сприйняття. З цього питання є психологічна література, велика частина якої бере початок із перших досліджень Ганноверського інституту. Випробовуваний, якому надівають окуляри, забезпечені лінзами, що перевертають зображення, спочатку бачить зовнішній світ перевернутим «догори дном». Спочатку його апарат сприйняття функціонує так, як він був пристосований функціонувати без окулярів, і в результаті відбувається повна дезорієнтація, гостра криза особистості. Але після того, як суб'єкт починає звикати розглядати свій новий світ, уся його візуальна сфера перетвориться наново, зазвичай після проміжного періоду, коли вона

перебуває просто в стані безладу. З того часу об'єкти знову бачаться такими, якими вони були до того, як були надіті окуляри. Асиміляція поля зору, що був раніше аномальним, впливала на поле зору і змінила його. Як у прямому, так і у переносному значенні слова можна сказати, що людина, що звикла до перевернутого зображення, відчуває революційне перетворення бачення. <...>

Той, хто приймає парадигму на ранній стадії, повинен часто наважуватися на такий крок, нехтуючи доказом, який забезпечується вирішенням проблеми. Іншими словами, він повинен вірити, що нова парадигма досягне успіху в рішенні великого круга проблем, із якими вона зустрінеться, знаючи при цьому, що стара парадигма потерпіла невдачу при рішенні деяких із них. Ухвалення рішення такого типу може бути засноване тільки на вірі.

Це одна з причин, через які попередня криза виявляється такою важливою. Вчені, які не пережили кризи, рідко відкидатимуть неспростовну очевидність у рішенні проблем на користь того, що може легко виявитися і буде легко розглядатися як щось невловиме. Але самої по собі кризи недостатньо. Має бути основа (хоча вона може не бути ні раціональною, ні до кінця правильною) для віри в ту теорію, яка обрана як кандидат на статус парадигми. Щось повинно змусити принаймні декількох учених відчути, що новий шлях обраний правильно, і іноді це можуть зробити тільки особистості й нечіткі естетичні міркування. З їх допомогою вчені повинні повернутися до тих часів, коли більшість із чітких методологічних аргументів вказували інший шлях. Ні астрономічна теорія Коперника, ні теорії матерії де Бройля не мали інших будь яких значних чинників привабливості, коли уперше з'явилися. Навіть сьогодні загальна теорія відносності Ейнштейна діє привабливо головним чином завдяки своїм естетичним даним. Привабливість подібного роду здатні відчувати небагато з тих, хто не має відношення до математики.

Але це не припускає, що тріумф нової парадигми приходиться врешті-решт завдяки деякому містичному впливу естетики. Навпаки, дуже багато дослідників поривають із традицією виключно з цих міркувань. Часто ті, хто вступив на цей шлях, опинялися в безвиході. Але якщо парадигма все-таки призводить до успіху, то вона неминуче набуває своїх перших захисників, які розвивають її до того моменту, коли можуть бути створені і помножені тверезіші аргументи. І навіть ці аргументи, коли вони знаходяться, не є вирішальними кожен окремо. Оскільки вчені – люди розсудливі, той або інший аргумент врешті-решт переконує багатьох із них. Але немає такого єдиного аргументу, який може або повинен переконати їх усіх. Те, що відбувається, є швидше значніше зрушення в розподілі професійних схильностей, чим переконання відразу усього наукового співтовариства.

АСМОЛОВ Олександр Григорович

Олександр Григорович Асмóлов народився 22 лютого 1949 року в Москві. Академік Російської академії наук, завідувач кафедри психології особистості МДУ імені М.В. Ломоносова, директор Федеральної державної установи «Федеральний інститут розвитку освіти», Член Президії Російської академії наук. Будучи учнем О.М. Леонтєва і А.Р. Лурії, Асмолов є послідовником поглядів школи культурно-історичної психології і активним прибічником впровадження системно-діяльнісного підходу в педагогічну практику.

Результати наукових досліджень О.Г. Асмолова знайшли віддзеркалення в наступних роботах: «Діяльність і установка», «Особистість як предмет психологічного дослідження», «Психологія особистості: принципи загальнопсихологічного аналізу», «По той бік свідомості: методологічні проблеми неklasичної психології» та інших.

Асмолов А.Г. Истоки неклассической психологии / Александр Григорьевич Асмолов // По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М.: Смысл, 2002. – С. 433 – 448.

ИСТОКИ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Истоки многочисленных препятствий на пути построения неклассической психологии связаны, прежде всего, с надсознательными установками, схематизмами сознания и стереотипами мышления, присущими классической философии и науке конца XIX–начала XX века.

Вспоминая слова Н.Н. Ланге, сравнивающего психолога конца XIX века с Приамом на развалинах Трои, было бы уместно продолжить эту емкую аналогию и назвать «идеал рациональности» (М.К. Мамардашвили) тем троянским конем, которым одарила классическая философия и физика психологию двадцатого столетия,

В истории попыток преодоления последствий схем научного анализа, заимствованных из классической физики, могут быть выделены следующие вехи:

- выявление феноменов, способов постановки проблем и общих представлений о человеке, вытекающих из развертывания исследований по канонам идеала рациональности;
- рефлексия в психологии методологических предпосылок и постулатов, в обличии которых перед психологами открылись ограничения классического рационального мышления;
- выделение в психологии подходов и концепций, обладающих потенциалом неклассического мышления.

Неудобные феномены, логические дихотомии и образы рационального человека.

Неудобные феномены. В психологии, строящей исследования по образу и подобию классической физики, факты, свидетельствующие об активности

субъекта, интерпретировались как «ошибки», артефакты или досадные отклонения от нормы. В качестве примеров можно привести ошибки «ожидания» в психофизиологических экспериментах по измерению порогов чувствительности, «ошибку стимула» (Э. Литченер) и т. п. Практически весь тот долгий путь измерения порогов чувствительности, который проделала психофизика, является дорогой борьбы с этими «ошибками», борьбы, освященной стремлением к познанию типичных законов сенсорных процессов, очищенных от влияния активности субъекта: его мотивации, установок и, наконец, деятельности, в которую включены сенсорные или перцептивные процессы. Круг феноменов, не укладывающихся в схемы анализа классического рационального мышления и вытекающую из этой схемы модель рационального адаптивного действия (М.К. Мамардашвили), чрезвычайно широк в психологии и родственных ей гуманитарных науках: от упомянутых выше «ошибок» в экспериментальной психологии до отклонений от социальной или клинической нормы, расцениваемых как алогичность мышления, примитивность сознания в других культурах, различное странное поведение в стиле «безумия» Павла I и т. д. Модель рационального предсказуемого адаптивного действия, цели которого всегда представлены, прозрачны и понимаемы, стремится в психоаналитическом смысле слова рационализировать все непредсказуемое, уникальное, непохожее, неутилитарное. И тут уже не столь важно, будет ли это нетипичное и уникальное явление названо, например, «гениальностью» или «безумием». Отметим вслед за Мамардашвили, что человеческая история, просеянная сквозь фильтр идеала рациональности, избавляется от всего неутилитарного, т. е. от всего неспособного быть полезной вещью, например, от произведений первобытного искусства, которых не видят археологи, занятые раскопками понятных и утилитарных орудий человеческого труда.

Образы человека. Модель рационального адаптивного действия в значительной степени определила и «образы человека», которые соответствовали канонам классического рационального мышления. Если огрублять описание «образов человека», так или иначе бытовавших в науках о человеке, то можно выделить три спорящих друг с другом образа: «ощущающий человек» (поздняя проекция этого образа укрепилась в когнитивной психологии в виде компьютерной метафоры «человека как устройства по переработке информации»); образ «запрограммированного человека» (в поведенческих науках – «человек как набор реакций», в социальных науках – «человек как репертуар социальных ролей или сценариев»); образ «нуждающегося человека» – («человек как пучок потребностей, влечений и мотивов»). Эти «образы человека» соответствовали модели рационального действия. И даже приписывание влечениям и мотивам человека атрибута «неосознаваемых» влечений и мотивов по сути не меняло положения дел, т. к. и в психоанализе остается

неприкосновенной сущностная характеристика рационального действия – его подчиненность конечной, заранее предустановленной цели.

Логические дихотомии. В самых разных направлениях и теориях психологии личности с редким постоянством возникают «вечные» вопросы, которые по форме строятся как логические дихотомии, являющиеся характерным признаком рационального классического мышления. Приведем некоторые из наиболее типичных вопросов такого рода: является ли человек биологическим и/или социальным существом? Определяется ли природа человека средой и/или наследственностью? Выступает ли личность как рациональное и/или иррациональное существо? Управляется ли поведение личности заданной извне программой и/или программа поведения каждый раз строится личностью? Обладает ли личность статичной или динамичной структурой? Какой тип приспособления личности к среде – пассивный (реактивный) или активный – характеризует поведение личности? Был или не был древний грек личностью? За этими вопросами проступает взгляд на личность как «вещь среди вещей», которая, даже если она помещена в центр мироздания, заводится средой, программируется наследственностью, направляется душой или же регулируется взаимодействием этих трех «факторов». Исследуя подобную механику «личностных тел», являющуюся скрытой аналогией механики небесных тел в классической физической картине мира Ньютона, психологи попадают в ловушки логических дихотомий и пытаются дать точные ответы на поставленные в стиле классического рационального мышления вопроса.

Когда же не укладывающиеся в схему рационального адаптивного действия феномены и нерешенные вопросы достигают некоей критической массы, психология обращается к методологии науки и прорывается через барьеры классического рационального мышления.

Классическое рациональное мышление кажется «естественным» до тех пор, пока оно не становится объектом напряженной рефлексии. Именно рефлексия постулатов и установок классического мышления выступает как шаг к преобразованию культуры мышления, к его «потенциальной релятивизации» (С.С. Аверинцев), а не просто к обнаружению тех или иных методологических заблуждений. Продуктом преобразующей классическое рациональное мышление рефлексии и стали «постулат непосредственности», «постулат сообразности», различные формы познавательного эгоцентризма («евроцентризм», «лингвоцентризм», «эволюционный снобизм», «антропоцентризм»), а также некоторые методологические предпосылки дуалистических схем детерминации развития личности.

Постулат непосредственности. В традиционной психологии накопленные новые факты, в частности проявления активности человека, его неосознаваемых влечений, вступили в противоречие с постулатом непосредственности, согласно которому объективная действительность

непосредственно воздействует на психику субъекта и однозначно определяет возникающие вслед за этим воздействием проявления его психики и поведения. Постулат непосредственности был выделен Д.Н. Узнадзе в ходе анализа интроспективной психологии сознания и бихевиоризма. В основе постулата непосредственности лежит присущая механистическому детерминизму двучленная схема анализа психики: воздействие на рецепторные системы субъекта – ответные явления (субъективные или объективные), вызванные данным воздействием. Наиболее явно постулат непосредственности был выражен в центральной схеме бихевиоризма «стимул – реакция». Принятие постулата непосредственности приводит к тому, что активность субъекта либо выпадает из поля зрения психологов указанных направлений, либо объясняется вмешательством особых субъективных факторов, разных проявлений таинственного личностного начала.

Постулат непосредственности и представлял собой надсознательную установку мышления, которая была характерна для мышления естественных наук, в частности для классической физики и традиционной физиологии. Признание схемы механистического детерминизма – постулата непосредственности – определило то, что представители традиционной психологии, ориентированные в своих исследованиях на переживания отдельного индивида или факты поведения, резко обособили сферу психологической реальности от действительности и оказались либо в замкнутом круге сознания, либо в замкнутом круге поведения. В обоих вариантах человек оказывался изолированным от мира. В результате предметом психологического исследования становятся различные замкнутые «миры»: «психика вне поведения» и «поведение вне психики». В отечественной психологии преодоление постулата непосредственности осуществляется в русле теории установки Д.Н. Узнадзе и деятельностного подхода к изучению психических явлений.

Антропоцентризм

Антропоцентристская парадигма мышления. Сущность человека предполагается либо в самом человеке, либо в воздействующей на него среде (биологической, социальной или физической). Тем самым разработка проблемы соотношения биологического и социального ведется в контексте биологизированной, социологизированной или психологизированной антропоцентристской парадигмы мышления о человеке, изучающей «человека вне мира» и «мир вне человека». Иными словами, из антропоцентристской парадигмы мышления вытекает дуалистический взгляд на человека, приводящий к изъятию человека из природы и общества, а затем с помощью схем двухфакторной детерминации развития человека, превращающий его в кентавра из древнегреческих мифов –

полуживотное, получеловека, полубиологическое, полусоциальное существо.

Антропоцентристская парадигма мышления о человеке нередко приводит либо к взгляду на человека вне истории его развития, либо к абсолютизации закономерностей какого-либо этапа естественно-исторического процесса эволюции человека.

Бушующие дискуссии о «степени животности» или «степени человечности» человека, как правило, начинают свое обсуждение «биосоциальной» природы человека с рассмотрения его в онтогенезе, либо совершают рекордный по временному интервалу прыжок из филогенеза в онтогенез. При этом изменения человека в ходе эволюции, его образа жизни в антропогенезе и социогенезе сбрасываются со счетов.

Человек – существо социально-генетическое не только потому, что он родился в обществе. За его появлением на свет стоит сложнейший процесс преобразования эволюционных закономерностей образа жизни в истории филогенеза, антропогенеза и социогенеза.

В связи с этим постановка вопроса о «степени животности» и «степени социальности» человека в обществе некорректна в самой своей основе. Она, во-первых, изолирует человека из системы общества, в которой он только и существует; во-вторых, абстрагируется от истории преобразования образа жизни человеческого вида в антропогенезе и социогенезе, игнорирует специфику истории человеческого вида в эволюции, смену закономерностей этой эволюции.

Образцом скачка из филогенеза и эмбриогенеза в область изучения типологии личности служит конституционная концепция личности У. Шелдона. Беря за основание своей концепции понятие «соматотония» (тип телосложения), Шелдон из трех слоев зародышевых листков в эмбриогенезе выводит разные соматотипы, из них – типы темперамента, из них – характер личности, а затем и закономерности развития общества. Закономерности эмбриогенеза организма, присущие самым разным биологическим видам в филогенезе, абсолютизируются и возводятся в ранг закономерностей развития общества. Концепция У. Шелдона опять же не только не учитывает социального происхождения личности. Она еще в большей степени, чем концепция бихевиористов, погружает процесс развития человека в самые глубокие пласты биологической эволюции, забывая о специфике вида *Homo Sapiens*.

Примером абсолютизации закономерностей социогенеза и их прямого переноса на онтогенез личности является концепция рекапитуляции С. Холла, который устанавливает отношения изоморфизма между тремя разными периодами развития человеческого вида – эмбриогенезом, социогенезом и онтогенезом. Согласно Холлу, ребенок в индивидуальном развитии воспроизводит все фазы развития общества (животная фаза, фаза

охоты и рыболовства, конец дикости и начало цивилизации и т. д.), как эмбрион проходит основные этапы филогенеза.

За этими примерами стоит абсолютизация тех или иных частных реальных закономерностей эволюционного процесса и изолирование процесса становления личности из антропогенетического, социогенетического и онтогенетического естественно-исторического процесса развития человечества. Развитие личности опосредовано историей антропогенеза и социогенеза человеческого вида, а поэтому вопрос о существовании животного, «низшего» начала в человеке и т. п., упускает из виду тот факт, что человек родится человеком в мире человека.

В позитивистски ориентированной психологии процессы развития часто интерпретировались в духе «одностороннего» эволюционизма. В результате психология, во-первых, оказывалась во власти линейных схем развития, расчленяющих процессы развития на механически складывающиеся друг с другом «стадии», «периоды», «этапы» антропогенеза, социогенеза, онтогенеза или же «блоки» переработки информации в актуалгенезе психического образа. Во-вторых, следуя логике линейного эволюционизма психология выстраивала различные стадии развития человека по формуле: «раньше – примитивнее, позже – сложнее, развитее». Установка «однолинейного» эволюционизма оборачивалась своего рода «эволюционным снобизмом» и приводила к заключениям следующего рода: наглядное мышление – примитивнее логического мышления; «художественный тип» – ниже по уровню «мыслительного типа» (И.П. Павлов); бессознательное в развитии ребенка, проявляющееся в аутистичном характере мышления, слабости интроспекции, нечувствительности к противоречиям, – грубее, архаичнее, «недоразвитее» сознания. Абсурдность «однолинейного» эволюционизма становится очевидной, когда обращаешься к истории культуры и делаешь заключение, что Илья Репин проще и ниже Ильи Глазунова только потому, что он имел несчастье родиться в более «низком» по уровню XIX веке, а не «высоком» цивилизованном XX веке. В действительности же культуры и психологии предшествующих поколений вовсе не проще, примитивнее грубее или ниже. Они – иные, строящиеся по иным логикам, которые могут обеспечить в эволюции полновесный адаптивный эффект. Преодолению одностороннего эволюционизма при изучении социогенеза и персоногенеза способствует положение о гетерогенности мышления (Л. Леви-Брюль). Положение о гетерогенности мышления, дающее возможность понять сосуществование в сознании человека определенной культуры одновременно пралогического и логического мышления, в русле культурно-исторической психологии разработано П. Тульвисте. Дальнейшее развитие этого положения приводит к представлениям об исторической гетерогенности личности и, тем самым, выступает как еще одно из

направлений движения поверх барьеров классического рационального мышления.

Европоцентризм. Исследованию социогенетических и персоногенетических закономерностей развития личности препятствует такая типичная эгоцентрическая установка мышления как «европоцентризм». Многие кросскультурные исследования грешат европоцентризмом, выдавая образцы видения личности, закономерности ее функционирования и развития в европейской культуре за нечто абсолютное, раз и навсегда данное, а затем избирая эти образцы за единственную систему отсчета при изучении личности в других культурах и цивилизациях. В результате, например, европоцентризм натурализирует логику европейского мышления, придает ей статус «естественной» характеристики мышления, подобной цвету глаз или волос. В действительности же формальная логика представляет собой культурно-историческое изобретение, т. е. она не дана человеку, а задана культурой. В связи с этим вполне оправдано допустить возможность изобретения и существования иных логик, среди которых формальная логика как среди разных сосуществующих систем отсчета займет соответствующее место.

Лингвоцентризм. В обширном цикле исследований разных аспектов коммуникации личности господствует лингвоцентризм – описание закономерностей любого общения по образу и подобию речевого общения. В результате библейская формула «вначале было слово» во многом определяет логику исследований в поведенческих и социальных науках, в том числе и понимание объективного мира как материализации символической деятельности (Л. фон Берталанфи), а также появление образа человека как рационального «символического существа», «языковой личности» и т. п. Свое предельное выражение лингвоцентризм находит в гипотезе «лингвистического детерминизма» (Э. Сэпир). Уязвимость лингвоцентрической установки проявилась при изучении невербальных семиотических систем, в том числе в смешении филогенетических, социогенетических и онтогенетических аспектов невербальной коммуникации. С особой очевидностью ограниченность лингвоцентризма выступила в многочисленных попытках создания дискретного алфавита языка невербальной коммуникации. Невозможность воплощения симультанных смысловых проявлений личности в дискретных равнодушных знаках заранее обрекает на неудачу любые поиски дискретных формализованных словарей жестов и телодвижений и тем самым доказывает необходимость выхода за границы лингвоцентризма в современной психологии личности.

«Искусственные миры» вместо «мира человека в естественно-историческом процессе». Парадоксальность различных представлений о «бреде и культуре» и т. п, заключается в том, что так называемые «среды»

например «физическая среда» в понимании И. Ньютона, «геометрическое пространство» Евклида, «система координат» Декарта, являются человеческим деянием, как и любые другие системные проявления предметного мира. В психологии предпринималось немало усилий, чтобы человек очутился в «мире необработанного опыта». Логика подобных исследований неоднократно подвергалась критике в психологии за искусственность процедур анализа, помещение человека в неестественную обстановку. При этом, однако, упускалось из виду, что «мир необработанного опыта – это совсем не физическая среда обитания человека, а та открытая наукой на данный момент ее истории реальность, которая считается «физической средой». Гипертрофия «культуры», в свою очередь, приводила к тому, что воздействующая на развитие человека среда сводилась к «миру безличных социальных норм», которые как платья из дома готовых моделей одеваются на биологическую фигуру индивида. Из реальных фактов существования социальных норм в «мире человека» исследователь, оказавшийся под влиянием схем двухфакторной детерминации развития личности, вынужден сделать выводы о существовании двух изолированных миров – «мира социальных норм», присущего некоей типичной личности в данной культуре, и «психофизиологического мира» индивида, от индивидуальных естественных особенностей которого зависит в незначительной степени адаптация к этим социальным нормам (Р. Линтон).

При анализе «искусственных миров», подчиняющихся повторяемым неизменным законам классической науки, складывается поразительное впечатление, что многие исследователи психологии личности во что бы то ни стало пытаются вместить изучение личности в рамки обезличенной рациональной науки, в то время, как некоторые современные химики и математики, например, Н. Пригожин, Н.Н. Моисеев, восстали против дегуманизованного мира ньютоновской рациональности. Символом рациональности мирового порядка часто служили часы, И. Пригожин показывает, что взгляды, использующие идеал рациональности на мир как на мир-автомат и на мир, подчиненный богу, сходятся: автомату необходим бог. Именно принятие рациональной механистической картины природы и общества, мира универсальных законов равновесия и порядка сближает характеристики «искусственных миров», в которых любые индивидуальные проявления жизни человека подчинены принципу гомеостаза.

Постулат сообразности. В самом фундаменте различных направлений теории и методологии психологии, явно или неявно выражающей установки классического рационального мышления, лежит «постулат сообразности» (В.А. Петровский), В контексте постулата сообразности любое проявление активности субъекта выступает как восхождение к заранее заданной» предустановленной, конечной Цели, в

итоге подчиняющей себе жизненный путь личности. Подчиненность активности какой-либо заранее данной норме или цели и составляет существенную особенность поведения субъекта, характеризуемого как адаптивное. В зависимости от содержательной интерпретации предустановленной цели В.А. Петровским выделяются три варианта постулата сообразности: гомеостатический, гедонистический и прагматический.

Гомеостатический вариант. Идея гомеостаза досталась психологам в наследство от традиционных биологических теорий, утверждающих, что все реакции организма как системы, пассивно приспособляющейся к воздействиям среды, призваны лишь выполнять сугубо адаптивную функцию – вернуть организм в состояние равновесия. В эмпирической психологии этот вариант принимал самые различные формы. Особенно явно он выступил в рефлексологии, в которой активность субъекта сводится к поддержанию равновесия со средой. Гомеостатический вариант объяснения поведения личности нашел свое выражение в столь внешне непохожих общепсихологических концепциях, как психоанализ З. Фрейда; динамическая теория личности К. Левина; социально-психологические теории стремления к разрядке когнитивного несоответствия (диссонанса) Л. Фестингера или баланса, соответствия (Ч. Осгуд и др.); в необихевиористских концепциях редукции напряжения потребностей организма человека и животных. В историко-эволюционном подходе показывается, что лишь внешне противоположными, но близкими по содержанию являются концепции личности в гуманистической психологии, в которых идее гомеостазиса прогивопоставляется идея «стремления к напряжению», к нарушению равновесия как исходная методологическая предпосылка изучения мотиваций развития личности человека (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс и др.). В тех и в других концепциях личность противопоставляется социальной среде, а ее поведение подчиняется заранее предустановленной конечной цели – обрести равновесие с обществом за счет разрядки потребностей или достичь «равновесия» с самим собой за счет самоактуализации, т.е. стать таким, как предписано природой, как бы ни мешало или ни помогало общество.

Гедонистический вариант. В соответствии с гедонистической предпосылкой анализа поведения человека любые поведенческие акты направлены на максимизацию удовольствия и минимизацию страдания, в частности отрицательных эмоций, огорчений и т. п.

Прагматический вариант. Этот вариант, распространенный в функциональной и когнитивной психологии, выступает в виде положения о том, что любое оптимальное поведение направлено на максимизацию пользы, эффекта при минимальных затратах. Прагматический вариант, особенно в той форме, в которой он дается в когнитивной психологии,

исходит из определения человека, как «человека разумного, рационального», а тем самым любого человеческого действия как рационального и разумного. Отсюда при анализе развития человека в его индивидуальной жизни и в истории общества отбрасываются любые проявления, не вписывающиеся в рамки «разумного действия»: немотивированные поступки в жизни личности, неутилитарные проявления человека в истории общества,

И психологи, и антропологи, и археологи ищут объяснения проявлений сущности личности в ее индивидуальной жизни и в истории человечества в чисто рациональных приспособительных образованиях – в утилитарной полезной деятельности и ее продуктах. При этом соответствующий прагматическому варианту постулата сообразности образ «разумного человека» достраивается, подтверждается, а многие неутилитарные проявления жизни личности и человечества интерпретируются как недостойные внимания, странные, ненужные и бесполезные.

Среди трех указанных вариантов постулата сообразности наибольшее влияние на понимание развития личности в контексте биогенетической, социогенетической и персоногенетической ориентации в психологии оказала гомеостатическая модель развития. Именно гомеостатическая модель развития личности, сводящая любые проявления активности в ходе эволюции к достижению равновесия, стоит за схемами двухфакторной детерминации развития личности. Гомеостатическая модель развития лежит в основе столь разных теорий развития, как психоанализ З. Фрейда и генетическая психология Ж. Пиаже. Вместе с тем различные феномены, проанализированные в сфере изучения психосоматики В.С. Ротенбергом, а в сфере собственно психологии активности личности В.А. Петровским, доказывают, что модель гомеостатического развития имеет не универсальный, а частный характер. Так, среди этих не вписывающихся в данную модель фактов следует упомянуть факты падения процента психосоматических и инфекционных заболеваний в экстремальных критических ситуациях, «болезни достижения целей как синдром Мартина Идена» (В.С. Ротенберг), феномен «риск ради риска» (В.А. Петровский). Подобные факты побуждают психологов не только оказаться «по ту сторону постулата сообразности», как точно отмечает В.А. Петровский в своей монографии «Личность в психологии» (1996)» близкой по духу работам в сфере неклассической физики, но в целом выйти за пределы описанных выше барьеров классического рационального мышления в психологии личности.

От культуры полезности к культуре достоинства: социальная биография культурно-исторической психологии

Истоки зарождения неклассического мышления в психологии личности теснейшим образом связаны с разработкой проблемы

бессознательного в психоанализе (З. Фрейд), теорией установки (Д.Н. Узнадзе), культурно-исторической концепцией развития высших психологических функций (Л.С. Выготский) и деятельностным подходом к изучению психических явлений (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн).

Принципиальная новизна этих различных направлений методологии психологии состоит в прорыве за границы «постулата непосредственности» и поиске того «опосредующего звена», которое, порождая психические явления, само бы к сфере психического не принадлежало. В психоанализе акцент на таких особенностях бессознательного как «нечувствительность к противоречиям» и «вневременный характер» вызвал страх и отвращение у представителей классического рационального мышления, спешащих рационализировать психоанализ как «не науку», «мифологию» или странное «искусство». Теория установки Д.Н. Узнадзе по своей мировоззренческо-ценностной функции в психологии и культуре изначально выступила с протестом против рационального образа человека как изолированного, вырванного из мира эволюции существа. Сверхзадачей Узнадзе было исследование человека как активного творца «биосферы» (термин, использован Д.Н. Узнадзе в 1923 г., независимо от В.И. Вернадского). Отсюда методологии Узнадзе с самых первых этапов становления теории первичной установки присущи положение о целевой детерминации жизнедеятельности и источнике самодвижения деятельности в виде «функциональных тенденций» личности.

Особое внимание в разработке историко-эволюционного подхода в психологии личности уделено тем ценностным идеологическим установкам общественного сознания, которые на долгие годы вытеснили со сцены психологической науки парадигму мышления неклассической психологии, лежащую в основе культурно-исторической психологии и деятельностного подхода к изучению психических явлений.

Лишь в последние десятилетия имена Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна стали все чаще ассоциироваться со становлением парадигмы неклассического мышления в психологической науке. Среди последователей Л.С. Выготского прямая характеристика идей Выготского как неклассического подхода к сознанию принадлежит Д.Б. Эльконину (1981). По сути дела миф о Л.С.Выготском как рационалисте, близком по духу когнитивной психологии или даже необихевиоризму, начинает распадаться на Западе благодаря исследованиям Р. Харре, Дж. Верча, М. Коула, а также группы датских методологов психологии (Н. Poulsen, М. Engelsted... и др., 1988), недвусмысленно показавших родство между глубинными установками мышления деятельностного подхода в психологии и неклассической физикой Н. Бора.

В своем бунте против рационализма Р. Харре (1984, 1985) привлекает в союзники Л.С. Выготского и, опираясь на принцип «интериоризации-экстериоризации», совершает два шага:

– изобличение классической психологии в пяти грехах – сциентизме, универсализме, индивидуализме, механистической каузальности и опоре на картезианские оппозиции «внешнее-внутреннее», «субъективное-объективное»;

– построение пространства «истинной психологии с осями «индивидуальное-коллективное», «социальное-личностное», «публичное-приватное» с прямой опорой на положение Л.С. Выготского об «интериоризации-экстериоризации».

Упомянутые выше датские психологи открывают в деятельностном подходе методологию, снимающую оппозицию «объективное-субъективное» через категорию деятельности и, по сути, использующую при анализе соотношения физического, культурного и психического миров «принцип дополнительности» (Н. Бор).

Для Д.Б. Эльконина переход Л.С. Выготского от трактовки социальной среды как «фактора» к пониманию «социального» в качестве «источника развития личности» символизирует начало неклассической психологии сознания.

И не слабость, а сила культурно-исторической психологии Л.С. Выготского заключается в том, что эта теория нередко воспринимается как более близкая по духу искусству, чем психологии, опирающейся на классическое рациональное мышление.

Секрет современности Л.С. Выготского в истории науки почти нашли С. Тулмен, А. Пузырей, А. Козулин, которые, говоря о «феномене Выготского» как о загадке XX в., в самих своих характеристиках Л.С. Выготского почти приближаются к ее разгадке. Еще З. Фрейд учил, что переименования, метафоры не являются случайными обмолвками, а имеют потаенный смысл. В образных сравнениях этими авторами Выготского с Моцартом, в уподоблении судьбы Л.С. Выготского судьбам литературных героев Сервантеса, Т. Манна, Г.Гессе и Б. Пастернака – ключ к пониманию «феномена Выготского» и особенности его пути в науке. Выготский всегда, даже когда его тексты транслировались с помощью бихевиористской или рефлексологической научной терминологии, занимал глубинную смысловую позицию Мастера, подлинного художника, занятого строительством культурной конкретной психологии человека. Культурно-историческая психология и стала произведением новой культуры понимания человека, вышедшим из творческой мастерской Л.С. Выготского и его соратников. Если воспользоваться при понимании произведений Выготского условной типологией столь любимого Выготским поэта Осипа

Мандельштама, то можно сказать, что Выготский был «смысловиком», а не «рациональным формалистом».

Впоследствии идеи школы Выготского действительно, как отмечают некоторые философы, были погружены в многолетний анабиоз. Но эти идеи вовсе не потому погружались в анабиоз, что относились к сфере логики, философии или культурологии, а психологи не поняли их значения. Причина задержки движения культурно-исторической теории, ее замедления, разветвления по многим, порой внешне не связанным оттоком от основного русла заключена не в науке, а в социальной истории общества.

Для понимания социальной биографии культурно-исторической психологии необходимо прежде всего мозаику культур в ходе человеческой истории расположить как бы у двух полюсов – полюса полезности и полюса достоинства. В культуре полезности господствует представление о том, будто мир – большие часы, которые заводит мудрый часовщик. Все размерено, предсказуемо и подчинено раз и навсегда заданному распорядку социальных действий. В литературе подобный социальный рациональный мир точными мазками передан в романе-утопии Е. Замятина «Мы» и в романе-утопии Дж. Оруэлла «1984». Но, как пелось в песне, «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Сказки-утопии Е. Замятина и Дж. Оруэлла сделались былью, они стали безличной культурой полезности, в которой любая психология конкретного человека и, конечно же, гуманистическая культурно-историческая психология были противны самой сути культуры полезности, уже фактом своего существования посягали на устои этой культуры, а тем самым были для нее опасны и избыточны.

Культура полезности оснащена своего рода идеологическими фильтрами, которые чутко определяют, какой «образ человека имеет право поселиться в мышлении и обществе, стать предметом исследования в науке. Образ «человека-марионетки», «поведенческого робота», даже если этого не осознавали исследователи, наиболее оправдывался работами в области изучения условных рефлексов, рефлексологии и реактологии. Именно этот образ «рефлексологического робота» был в конечном счете востребован административно-командной системой тоталитарного социализма.

В 1930 годы тень культуры полезности тоталитарного социализма медленно, но верно напознала на генетику, ноосферную философию и педагогику. Наряду с генетикой и философией, проповедующей «принцип солидарности», в культуре полезности подвергается остракизму и человекознание.

Культурно-историческая психология школы Выготского стремительно формировалась в те годы как практическая психология развития, выступая основой педологии – науки об изучении развития и воспитания ребенка. Но в психологических исследованиях развития индивидуальности, диагностике индивидуальных способностей каждого

ребенка складывавшаяся в 1930 годы командно-административная система не нуждалась. В обстановке всеобщей унификации начала утверждаться педагогика казарменного типа. Тут-то рельефно обозначилось расхождение программы культурно-исторической психологии и программы построения тоталитарного социализма.

Культура полезности утверждала, что только она обладает правом решать, куда идти человеку, где ему быть, о чем ему позволительно думать. Резким контрастом по отношению к императивам культуры полезности дышат строчки писем Л.С. Выготского, написанные в 1930 и 1931 годах: «Каждый человек должен знать, где он стоит. Мы с Вами тоже знаем и должны стоять твердо. Поэтому итог: Вы – а не кто другой – напишите реакцию выбора, эту главу о развивающейся свободе человека от внешнего принуждения вещей и их воли...», «...Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь. Без философии (своей, личной, жизненной) может быть нигилизм, цинизм, самоубийство, но не жизнь. Но ведь философия есть у каждого. Надо растить ее в себе, потому что она поддерживает жизнь в нас <...>. Что может поколебать человека, ищущего истину <...>. Сколько в самом этом искании внутреннего света, теплоты, поддержки! А потом самое главное – сама жизнь – небо, солнце, любовь, люди, страдание. Это все не слова, это есть. Это подлинное. Это воткано в жизнь. Кризисы – это не временное состояние, а путь внутренней жизни, Когда мы от систем перейдем к судьбам <...> к рождению и гибели систем, мы увидим это воочию» (Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь: Письма Л.С. Выготского к ученикам и соратникам / публ. А. Пузыря, 1990). Комментировать эти строки, их потрясающую неуместность и нелепость в тридцатые годы – это все равно, что прозой пересказывать поэзию. И сказанного достаточно, чтобы ощутить драму и судьбы Л.С. Выготского, и всей программы культурно-исторической психологии.

МЕЛКОВ Юрій Олександрович

Мелков Юрій Олександрович – завідувач кафедри філософії Між-регіональної академії управління персоналом. Ю.О. Мелков – доктор філософських наук, професор. Коло наукових інтересів: філософія сучасної науки, практична філософія, філософія демократії. Мелков проводить філософський аналіз фундаментального елементу системи наукового пізнання, факту науки в ситуації сучасної постнекласичної парадигми наукового знання. Розгляд феномену наукового факту здійснюється в трьох його основних аспектах: гносеологічному, онтологічному і аксіологічному. Вивчаються специфічні особливості факту на сьогоденному етапі розвитку науки, його формування, структура, співвідношення факту з елементами об'єктивної дійсності, з загальнокультурними цінностями. Особлива увага приділена проблемам співвідношення фактичного знання з соціокультурними чинниками.

Автор більше 90 наукових робіт, серед яких 3 монографії: «Факт в постнекласичній науці», «Багатолика демократія» (в співавторстві з А.В. Толстоуховим і І.Г. Парапан), «Человекомерность постнеклассической науки».

Мелков Ю.О. Подія дійсності та факт науки: постнекласичний діалог / Мелков Юрій Олександрович // Практична філософія. – 2003. – № 1. – С. 77 – 82.

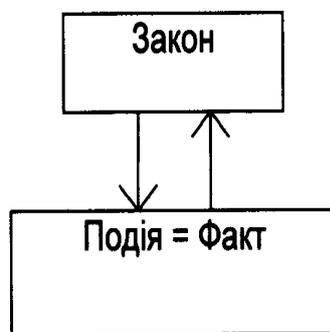
ПОДІЯ ДІЙСНОСТІ ТА ФАКТ НАУКИ: ПОСТНЕКЛАСИЧНИЙ ДІАЛОГ

Сучасний розвиток нових наукових концепцій, становлення таких трансдисциплінарних наукових підходів, як синергетика, дозволяє стверджувати, що наукова революція, яка відбувається на наших очах, має своїм результатом вибудову цілком нового типу наукової парадигми. Сучасна наука спрямовує свою дослідницьку увагу на об'єкти, які виявляються складними та унікальними системами, що саморозвиваються. Для уможливлення адекватного світогляду наука звертається до філософії – взагалі, сьогоденна ситуація глобальної кризи вимагає для свого вирішення сполучення зусиль та діяльності всіх форм культурної творчості людини: науки, філософії, релігії та мистецтва. Серед філософських концепцій сучасної науки найбільш ретельно розробленою є концепція В.С. Стьопіна, згідно з якою наука сьогодення розглядається як постнекласична, на протигагу класичній науці XVII – XIX ст. та некласичній науці першої половини XX ст. Слід відмітити, що подібна назва добре узгоджується з однією з найбільш характерних рис сучасної ситуації – намаганням позбутися старих класичних дихотомій, віднайти певний «третій шлях» між Сциллою та Харибдою.

Якщо поглянути на засади нової науки, можна виокремити їх особливості по відношенню до попередніх етапів розвитку науки. Я буду намагатись розглянути такі феномени як подія та факт – в той час як перша із них виявляється одиницею наукової картини світу, необхідною для

окреслення онтології сьогоденної науки, факт виступає як одиниця наукового пізнання, слугуючи компонентом гносеологічних засад науки.

Класична наука не дозволяла проведення розрізнення та філософського дослідження понять факту та події. Ці два терміни, і особливо перший із них, зберігали своє інтуїтивне, повсякденне значення. Факт міг бути зрозумілий як у сенсі дійсної події, так і в значенні нашого знання про цю подію. Що ж стосується власне події, то детерміністична картина світу класичної доби не залишала цьому феноменові великої значущості. Поняття події входить до науки завдяки Г. Галілею: у Всесвіті, що рухається, подія розуміється як зміна стану, яка відбувається в кожній точці та в кожному мить. Локальні події визначаються рухом усього Всесвіту, і тому всі вони пов'язані між собою, виступаючи проявом законів. Усі події, підпорядковані даному правилу, відбуваються однаково і можуть бути повторені в однорідному просторі – в межах однієї всеосяжної свідомості Трансцендентального суб'єкта – за умов відповідних обставин (мал. 1).

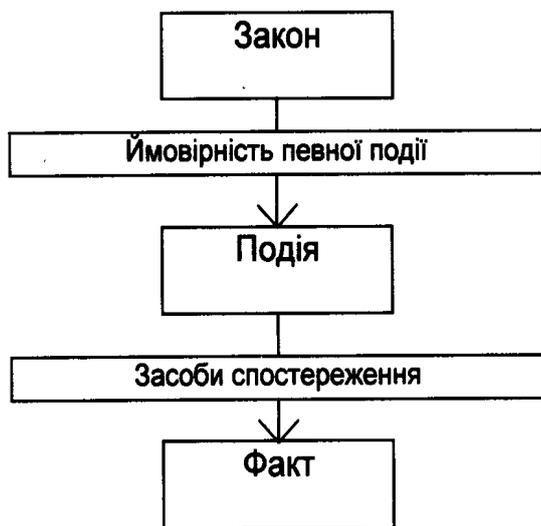
Мал. 1. Ототожнення події та факту в класичній науці

Некласична наука, становлення якої починається на самому початку ХХ ст., змінює цей погляд. Дослідження мікросвіту, до яких звертаються природничі науки в цей час, можливі лише за допомогою спеціальних приладів, котрі виступають частиною макросвіту, так само як і власне дослідник. Таким чином, відбувається розрив між системою та спостерігачем, і результати спостереження визначаються не лише подіями мікросвіту, але також і приладовою ситуацією. В результаті цього, поняття наукового факту як одиниці нашого знання перестає використовуватись у якості синоніма події дійсності, але постає як відображення відповідної події за певних умов, певних приладів та певних спостерігачів. Інша важлива зміна стосується детермінізму: подія більш не вважається простим проявом закону; вона може відбуватися випадково, згідно ймовірнісній природі статистичного закону (мал. 2).

Сучасна, постнекласична наука здійснює побудову нової картини реальності. Розвиток синергетики та осмислення процесу самоорганізації складних систем дозволяє реконструювати нову онтологію. Перш за все, її характерною рисою виступає зазначена "подвійна неогоця", як відображення спроби знаходження третього шляху, зокрема, між

детермінізмом та індетермінізмом, спроби обґрунтування доповняльності випадку та необхідності. Висуваються концепції «неповного детермінізму» (П. Флейсснер та В. Гофкірхнер).

За І.С. Добронравовою, в синергетичній парадигмі випадковість доповнює необхідність, а не є лише її «проявом». Точка біфуркації виявляється місцем народження спонтанного вибору щодо подальшого розвитку системи, що самоорганізується. <...>

Мал. 2. Ймовірно-статистична детермінація події та опосередковане відображення факту (за певних умов, певних приладів та певних спостерігачів) у некласичній науці

В ХХ ст. концепцію спонтанності розробляє такий видатний російський учений та філософ як В.В.Налімов. Згідно його системі, спонтанність як емерджентія – поява чогось нового – означає мультиплікативне поєднання напередвизначених принципів із свободою волі. Спонтанні явища не є визначеними причинними відношенням, проте, вони несуть у собі елементи необхідності. Насправді, спонтанність постає як розпакування, втілення «континууму сенсів», що потенційно закладені у природі. Іншими словами, подібна емерджентія відображує необхідність, оскільки наявний стан системи та її середовища визначає майбутній шлях розвитку даної системи, незалежно від вибору, який ця система зробить у момент біфуркації; з іншого боку, можливість вибору віддзеркалює елемент випадковості та свободи волі. За виразом В.В.Налімова, спонтанність позначає питання Майбутнього, що поставлене до Минулого у відповідності із ситуацією, яка відбувається у Теперішньому. Майбутнє існує у своїй нереалізованій потенціальності, і його реалізація здійснюється на основі вільного вибору – але цей вибір не є чимось цілком свавільним, чимось позбавленим смислу. В дійсності, спонтанність емерджентії переконливо демонструє, що самоорганізація є, згідно назви однієї зі статей В.В.Налімова, «творчим процесом».

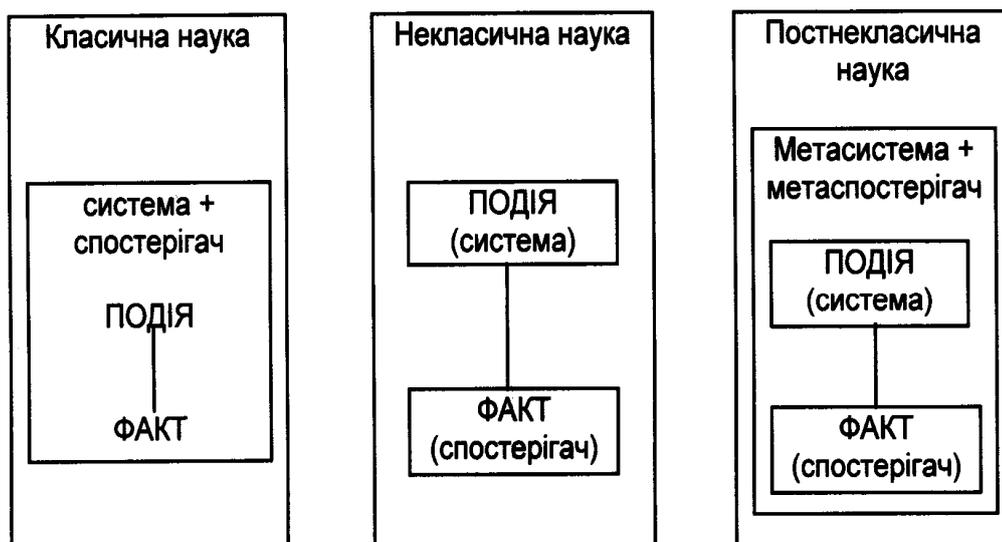
Така нова точка зору, що уможлиблюється розвитком постнекласичної науки та її філософського осмислення, дозволяє не лише позбутися ідей безумовного панування класичного детермінізму, але й помітити та дослідити інші рівні каузальних відносин. Так, Й. Вольф у своїй спробі розробити нову онтологію для сучасної науки пропонує розрізнення між двома типами причинності. Існує традиційний науковий тип причинності, який відбувається в просторі та часі: якщо наявні певні обставини і певна подія відбувається в деякий час, то це спричиняє іншу комбінацію обставин та подій у пізніший момент часу. Інший тип причинності, бачення якого уможлиблюється розвитком філософського осмислення нової наукової парадигми, має місце між цілим та його частинами – Й. Вольф називає його «холістичною каузальністю». Цей вид причинності не пов'язаний із ходом часу – події, що є співвіднесеними, можуть відбуватися цілком одночасно. За Й. Вольфом, «причина цього полягає в тому, що одна з цих подій не є результатом іншої у часі та просторі, а обидві події є результатом однієї «над-події» в просторі з більшою розмірністю».

Така холістична каузальність відповідає сучасним поглядам на природу складних систем, що самоорганізуються. У психології К.-Г. Юнг висунув ідею «синхроністичності» – «акаузального принципу, що поєднує». Синхроністичність є іншим яскравим прикладом «екзотичних» видів причинності, оскільки збіг двох паралельних подій здається спостерігачеві випадковим, бо між ними не може бути виявлено ніяких причинно-наслідкових стосунків.

Як можна помітити, нова наука починає розглядати свої об'єкти як цілісності. Некласична наука відкрила, що людина виступає спостерігачем, який належить до макросвіту, в той час як предмет його спостереження входить до складу світу субатомних об'єктів. Постнекласична наука відкриває ще один рівень спостереження та знання: людина виявляється не лише спостерігачем, але й метаспостерігачем (термін В.В. Налімова), людина є вже не лише суб'єктом, але виступає також і як мета-суб'єкт. За словами С.Б. Кримського, наука здійснює «рух до глибинного шару реальності, в якій суб'єктивне та об'єктивне інтегруються в деяке самобуття, першореальність». Тобто, як суб'єкт так і об'єкт поєднуються приналежністю до більш високого рівня цілого (Мал. 3).

Наука має справу не безпосередньо з подіями як такими, а з фактами. Класична наука, як уже було зазначено, не вбачала різниці між цими двома феноменами – вони були поєднані. Некласична наука привносить ідею багатоманітності систем: подія та факт опиняються в різних системах та, як результат, розділяються. Сучасна постнекласична наука рухається до нової єдності, не втрачаючи багатоманітність. Це – єдність класичної тези та некласичної антитези. Хоча спонтанна подія та факт науки, система та спостерігач відокремлюються один від одного на одному рівні, на іншому,

більш високому рівні структури реальності – вони належать до одного і того ж цілого.

Мал. 3. Поєднання події та факту на рівнині цілого (метасистеми та метаспостерігача) в постнекласичній науці

Подія в постнекласичній науці не лише є спонтанною, вона, більше того, володіє своїм власним значенням, вона отримує здатність змінювати хід розвитку системи. Іншими словами, подія як вибір, зроблений в момент біфуркації, як реалізація одного з можливих потенційних варіантів, виступає як вирішальний момент у розвитку системи, отримує значущості для подальшої еволюції системи. Щоправда, можна зробити тут одне зауваження: поняття «потенційності», концепція реалізації одного з багатьох можливих варіантів несе в собі певне відображення класичної дихотомії «потенційне / актуальне». Але ж і ця дихотомія виявляється неефективною за сучасної доби; «третім шляхом» у цьому випадку може виявитися концепція віртуального. Віртуалістика як новий трансдисциплінарний науковий підхід поряд із синергетикою, звертається до ідей поліонтичності – «багатобуттєвості». З такої концепції, яку розвиває, зокрема, М.О. Носов, можна зробити висновок, що віртуальне постає як проміжна ланка між «потенційним» та «актуальним». Континуум можливих подій, можливих варіантів розвитку складної системи існує не потенційно, очікуючи події – вибору одного варіанту з багатьох; натомість, всі можливі варіанти існують віртуально, одночасно, кожний у своїй власній реальності. Можна згадати тут і концепцію «можливих світів» Г. Лейбніца, і інтерпретацію квантової механіки з позиції «множинних світів» Х. Еверетта та Б. де Вітта. В такому випадку, як здається, втрачається схема часу: «Минуле – Теперішнє – Майбутнє», яку ми приводили на початку даної статті. Як зазначає С.Б. Кримський стосовно

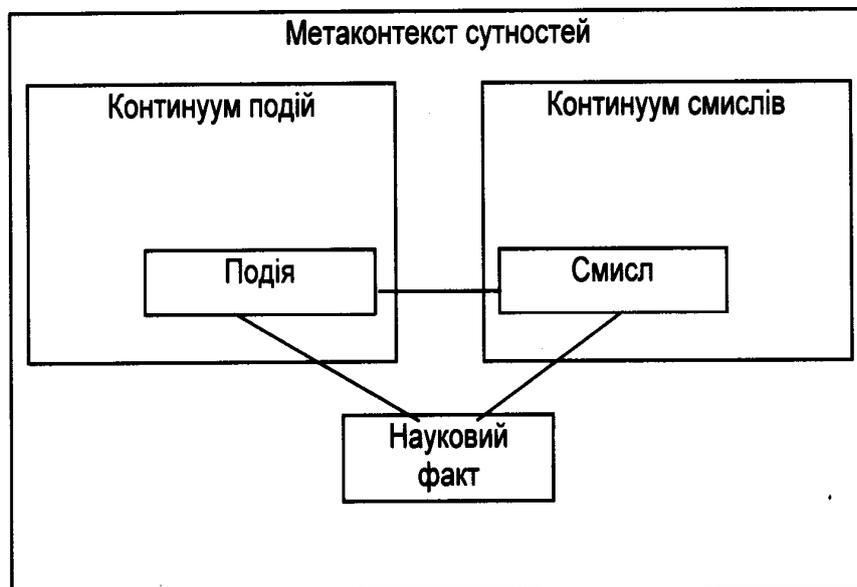
синергетики, тут відбувається переплетіння минулого, теперішнього та майбутнього: «саморозвиток йде не від точки до точки, а здійснюється шляхом закидання вперед із самого початку потенційної мети цілого. Подальший процес лише актуалізує окремі ланки цієї сітки. Тим самим утворюється окремий потенційний світ, де «сьогодні» здійснюється через «завтра». Щоправда, віртуалістика, на відміну від синергетики, відхиляється від проблематики часу – віртуальна реальність, як і холістична каузальність, існує поза часом. Звичайно, такі твердження є досить проблематичними – але вони демонструють потребу в подальшому дослідженні цього кола питань, потребу у філософському осмисленні онтології віртуальності.

Але повернемося до діалогу події та факту. Подія дійсності перетворюється на факт науки шляхом семантичної інтерпретації, шляхом внесення її у певний контекст. Як уже зазначалося, в некласичній ситуації факт виступає як подія, що спостерігається за певними особливими умовами – тобто, як подія в контексті приладової ситуації. Багатоманітність можливих приладових ситуацій та філософське осмислення цього стану справ відображається в борівському принципі доповняльності. Проте, філософія ХХ ст. показує, що некласичний тип мислення може привести до небажаного релятивізму. Якщо існує множинність, то за умов ще одної класичної дихотомії – «монізм / множинність» – можна прийти до підсумку про відсутність цілісності, до підсумку про замкненість, непрозорість систем. Звичайно, що такий висновок буде суперечним; взагалі, будь-який релятивізм спростовує сам себе, оскільки він виступає, за виразом Х. Патнема, твердженням про те, що «з точки зору Бога – точки зору Бога не існує!».

Постнекласична наука вказує шлях запобігання мертвого кута релятивізму. Перш за все, факт виявляється подією, що привнесена в контекст людського світобачення та світовідчуття, а не лише в контекст приладової ситуації. Оскільки подія є вибором шляху розвитку системи, нова наука бачить події дійсності як такі, що мають певний смисл та певну оцінку. І саме факт науки додає смислу до події. Водночас із виникненням емерджентної події відбувається виникнення смислу, що характеризує цю подію. Факт науки здійснює «поєднання» цих двох феноменів шляхом витлумачення події дійсності, шляхом надання їй певного місця в системі людського світогляду. Окрім того, континуум можливих подій та континуум можливих сенсів є взаємопов'язаними (Мал. 4).

Факти науки можуть бути змінені, дозволяючи подіям набувати нових смислів. При цьому, як демонструє філософська рефлексія щодо ідей сучасної науки, завжди існує певна більш широка система (метасистема), метаконтекст, який визначає можливі контексти подій, що ведуть до створення наукових фактів. Континуум смислів, наявних для

«розпакування» шляхом процесів самоорганізації, заснований на теперішньому стані розвитку метасистеми. Відносно людського пізнання – воно базується на наявному стані еволюції людства та визначається всіма надбаннями людського культурного розвитку.

Мал. 4. Факт науки здійснює «поєднання» події та її смислу шляхом витлумачення події дійсності та надання їй певного місця в системі людського світогляду в постнекласичній науці

Можна навести наступний приклад щодо наявності та функціонування метаконтексту. В астрономічній науці 1960-х років вельми актуальною була проблема пошуків позаземних цивілізацій. Було розроблено та проведено декілька програм із знаходження радіосигналів штучного походження та відправлення у простори Всесвіту подібних сигналів із інформацією про людство, але ніяких результатів отримано не було. Російський радіоастроном Б.М. Пановкін запропонував таку цікаву гіпотезу розв'язання цього парадоксу. Людські істоти є продуктами самоорганізації та утворюють єдину систему з їх середовищем. Зважаючи на це, за Б.М. Пановкіним, «об'єктивність» середовища не може бути відокремленою від «об'єктивності» живих організмів, і навпаки. Іншими словами, спосіб, яким ми бачимо світ – це той спосіб, яким ми бачимо світ. Людське пізнання визначається всім розвитком – як природи, так і культури. Знання не може бути відірваним від природно-культурної метасистеми та розглядатися як «знання саме по собі». Тобто, інформація, яку земні астрономи надсилали в космос у 1960-ті роки, може бути сприйнятою та зрозумілою лише дуже антропоморфними істотами, шлях розвитку яких був майже тотожним нашому – а на такий випадковий збіг обставин розраховувати досить важко.

Наявний стан метасистеми формує метаконтекст як для подій дійсності, так і для людського наукового знання, що вибудовується з фактів як смислових інтерпретацій цих подій. В той час як контекст конкретної події може бути змінений у пошуках інваріанта онтологічної одиниці, метаконтекст залишається незмінюваним, оскільки він виступає базисом і сутністю нашого існування та нашого пізнання. Це саме метаконтекст робить можливим наше пізнання та наше сприйняття; без цього ми не мали б змогу не лише зрозуміти окрему подію як факт, але й взагалі сприйняти щось як подію дійсності. Окрім цього, культурна віднесеність смислів у середині фактів науки дозволяє переосмислити проблему взаємовідношення наукового пізнання та людських цінностей, відкриваючи новий шлях світового розвитку в XXI столітті.

Ідеї, викладені в цій статті, звичайно, утворюють лише дуже приблизний нарис нової онтології для нелінійного природознавства та потребують багато уваги з боку філософів та інших дослідників; не зважаючи на це, можна підсумувати деякі основні моменти. Отже, діалектичний розвиток системи людського пізнання світу веде до формування нової наукової парадигми, що постає як постнекласична, як подвійна негодія, на протигагу класиці та некласиці. Становлення «третього шляху» приводить до зростаючої неефективності дихотомій на вподобу «детермінізм / індетермінізм», «потенційний / актуальний», «природа / культура», «система / спостерігач». Виникнення подій відбувається спонтанно, у поєднанні елементів необхідності зі свободою вибору. Факти як наукові репрезентації подій дійсності формуються шляхом семантичної інтерпретації подій на основі контексту смислів. Події можуть бути переінтерпретовані на базі метаконтексту, що виступає як континуум, як метасистема всіх потенційних смислів, що можуть бути надані подіям в умовах людського існування. <...>

ПСИХОЛОГІЯ ОСОБИСТОСТІ В КОНТЕКСТІ МЕТОДОЛОГІЇ ДІЯЛЬНІСНОГО ПІДХОДУ

ТАТЕНКО Віталій Олександрович

Віталій Олександрович Татенко народився 9 січня 1947 року в Києві. Працював у Інституті психології імені Г.С. Костюка НАПН України заступником директора з наукової роботи, тепер – в Інституті соціальної та політичної психології НАПН України головним науковим співробітником лабораторії методології психосоціальних та політико-психологічних досліджень.

Доктор психологічних наук, професор, член-кореспондент НАПН України. У колі наукових інтересів В.О. Татенка теорія та методологія психологічної науки, проблеми соціальної та політичної психології. Він відомий, слід за С.Л. Рубінштейном та В.А. Роменцем розробкою теоретично-методологічних засад суб'єктно-вчинкового підходу. Запровадив системний підхід до вивчення соціально-психологічних механізмів впливу людини на людину. Під його керівництвом захищено низку кандидатських та докторських дисертацій із психології.

Автор 280 наукових праць, серед них: «Психология в субъектном измерении», «Соціальна психологія впливу», «Сучасна психологія: теоретико-методологічні проблеми».

Татенко В.О. Сучасна психологія: теоретично-методологічні проблеми: навч. посібник / В.О. Татенко. – К.: НАУ-друк, 2009. – С. 262 – 269.

СУБ'ЄКТНО-ВЧИНКОВИЙ ВАРІАНТ ВИЗНАЧЕННЯ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГІЇ

Визначення предмета психології – це не псевдопроблема, як зауважував Ф.В. Бассін. Коли наука проходить певні кризові етапи свого зростання, зміна її предмета може бути несподіваною і радикальною. При цьому важливо враховувати принципову вимогу, якій має відповідати шукане визначення цього предмета. «Це повинно бути визначення не «універсальне», придатне «для всіх часів», а пройняте духом історизму, що враховує своєрідність нашого часу, своєрідність загальної проблемної ситуації, у рамках якої переважно розгортаються психологічні дослідження... своєрідність кардинальних завдань, висунутих цією ситуацією, її можливостей і перспектив її подальшого розвитку».

Суб'єктно-вчинковий варіант визначення предмета психології видається цілком адекватним цим критеріям сьогодення. Більше того, у певному розумінні він може претендувати на метаісторичний статус, оскільки суб'єктне, як це доводить наукова школа С.Л. Рубінштейна, і вчинкове, як це доводить наукова школа В.А. Роменця, суть метаісторичні

категорії, що означають сутнісно-смісловий онтологічний контекст психічного буття. <...>

Сучасна психологія, приймаючи в цілому ідею трьох пізнавальних стратегій – класичної, некласичної та постнекласичної, намагається уточнити їхній конкретний зміст і значення для себе – зокрема відповісти на питання про те, яким сьогодні має бути уявлення про її метод.

Специфіка нинішньої ситуації методологічного самовизначення психологічної науки полягає насамперед у тому, що одні фахівці розглядають цю тріаду в контексті розвитку уявлень про об'єкт, інші – з позицій предмета, а ще інші – з огляду на метод науки психології. Часто-густо поняття об'єкта і предмета взагалі не розрізняються. Хтось вважає, що метод психологічної науки конституюється уявленням про її об'єкт і предмет, хтось, навпаки, стверджує, що саме метод «фактично буде предмет дослідження».

Конструктивним кроком у цьому сенсі можна вважати спробу конкретизації уявлень про об'єкт, предмет і метод у їхньому взаємозв'язку, що формуються в межах кожної із зазначених вище пізнавальних стратегій. За аналог при цьому береться поділ типів системних об'єктів на прості системи (класика), складні системи, що саморегулюються (некласика), і складні системи, що самі себе організують і самі себе розвивають (постнекласика). Як простий системний об'єкт психологічного пізнання розглядається функція відображення, а як найбільш складний – здатність психічного породжувати нову реальність.

Ще одна особливість розвитку методології психологічних досліджень полягає у зміні уявлень про місце і роль самого суб'єкта у пізнавальному процесі. При цьому якщо для класичної стратегії об'єктивність пізнання забезпечується шляхом нейтралізації суб'єктивного фактора та інших перешкод, то некласичний і постнекласичний варіанти, навпаки, пов'язують досягнення об'єктивності спочатку з урахуванням, а потім із безпосереднім залученням дослідника і досліджуваного як суб'єктів до цільового проекту психологічного пізнання.

Отже, *класична психологія* як наука – починаючи від В. Вундта й дотепер – робить головний акцент на тому, що: а) психічна реальність існує як окреме сутне («онтос») і має якісну своєрідність; б) вона існує незалежно від того, пізнаємо ми її чи ні; в) вона може бути пізнана в її власних законах, а отже спроектована, сформована, вдосконалена й розвинена у відповідності до зразка. Свій предметний інтерес класична психологія зосереджувала й зосереджує на найбільш «простих» проявах психічного, а саме на функції відображення з його можливістю досягати рівня свідомості та самосвідомості. Сьогодні у цьому напрямку, зазнавши певних трансформацій, продовжують працювати феноменологічна психологія, гештальтпсихологія, когнітивна психологія та інші наукові системи, зберігаючи як основну суб'єктивну методологічну парадигму, що поєднує в собі інтроспекцію, ретроспекцію, різного роду інтуїтивні способи проникнення в сутність психічного тощо. До речі, в останні десятиліття у публікаціях вітчизняних психологів фактично не звучить критика на адресу інтроспективного підходу як такого, що, мовляв, не

дозволяє отримувати об'єктивну інформацію про психічне. Сучасні дослідники намагаються детально і всебічно проаналізувати можливості інтроспекції та повернути їй той чималий статус у сучасній методології, на який вона заслуговує. Доречним буде тут згадати про А. Пфендера, який ще на початку минулого століття застерігав проти того, щоби пов'язувати «суб'єктивний метод психології» із нездатністю дослідника ставитись «об'єктивно до рефлексії психічної дійсності».

Некласична психологія доповнює «класичне» уявлення про об'єкт психології констатацією того, що це уявлення сформовано не абстрактним, а конкретним суб'єктом, який осягає природу психічного за допомогою певного методу. В даному разі формулювання об'єкта психологічного пізнання вбирає в себе також уявлення про його метод. Тут суб'єкт пізнання вже не протиставляється його об'єктові, а, так би мовити, накладає на його розуміння певний відбиток. Починає визнаватися роль випадковості в детермінації психічних процесів. Свій предмет некласична психологія визначає з огляду на специфічні можливості психічного, пов'язані з його регулятивною функцією. Сутність будь-якої регуляції полягає в тому, щоб забезпечити функціонування системи в заданому режимі, дотримуючись «закону середніх чисел», вимог «соціально-типового», «загальноприйнятого» тощо. Відтак дістали розвиток бігевіоризм, рефлексологія, реактологія, психоаналіз та інші наукові системи, що намагаються розкрити можливості психіки у досягненні (відновленні) рівноваги, гармонії її носія з навколишнім світом, а також із самим собою. Відповідних змін зазнавала й методологія психологічного дослідження. Оскільки розкрити природу регулятивних функцій психічного шляхом безпосереднього споглядання, рефлексії, інтроспекції, інтуїтивного вчування і навіть ретроспекції було неможливо, дослідники вдалися до створення різного роду проблемних ситуацій, у яких змогла знайти об'єктивацію регуляторна функція психічного. Можливість вивчення природи психічного без звертання до самозвітів респондентів знайшла своє підтвердження у психологічних дослідах із тваринами та експериментах із відновлення психологічних можливостей людей, що зазнали психічних травм чи мали вади психофізичного розвитку. Власне тому є підстави пов'язувати некласичну психологію з уявленням про об'єктивну методологічну парадигму.

Постнекласична психологія визначає своїм об'єктом не психічну реальність як абстракцію, як щось існуюче саме по собі і не її методичну проекцію, а цілісну систему реальної, живої психіки, що охоплює як саме психічне (інструментальне, функціональне, ціннісне, смислове, душевне, духовне, індивідуально-неповторне, особистісне тощо), так і його носія, суб'єкта, який «має» цю психіку як свою і водночас є її невід'ємною частиною. Свій предметний інтерес ця психологія пов'язує з виявленням можливостей досягнення конкретною емпіричною людиною рівня її автентичного буття. При цьому під автентичністю розуміється можливість вільного (такого, що припускає вплив випадковості) кредитного вибору і здійснення індивідом власного унікального проекту самоактуалізації та саморозвитку.

Якою ж має бути методологічна орієнтація науки психології, що у такий спосіб визначає свій об'єкт і предмет?

Перед тим як спробувати відповісти на це питання, розглянемо більш прицільно, ніж раніше, вихідні позиції постнекласичної методології у її відношенні до психології.

Постнекласична картина світу формується на основі категорій нерівноважності, нестабільності, невизначеності. І. Пригожин відкрив існування так званих «дисипативних структур», які за певних умов, поглинаючи з навколишнього середовища масу і енергію, можуть здійснювати якісний стрибок до ускладнення. Причому такий стрибок не може бути провіщений виходячи із класичних законів. Мовляв, природа не знає задалегідь, чого вона хоче, вона мутує навмання, випробовуючи на міцність кожний отриманий результат.

Однією з найбільш сильних тез постнекласики, як вважають фахівці, є твердження про можливість перестрибування системи з однієї траєкторії на іншу, що супроводжується втратою системної пам'яті: система «забуває» свої минулі стани, діє спонтанно й непередбачувано. Відтак минуле ніяк не визначає теперішнє, а теперішнє не поширює свій вплив на майбутнє. Розвиток може піти в одному з кількох напрямків, що частіше за все провокується якимось незначним фактором. Постнекласична методологія звертає увагу на необхідність урахування ненавмисних наслідків людської діяльності, її побічних продуктів, що виникають за розбіжності цілей і результатів, яку важко прогнозувати. При цьому стверджується, що багатоваріантність перебігу подій, принципова відкритість майбутнього, споконвічна нерівноважність онтологічних структур, хаосомність і стохастичність потребують інших способів і засобів дослідницької роботи й актуалізують потребу в новій методології. Іншими словами, постнекласична методологія починається там і тоді, де і коли руйнуються тотальність та уніфікація, строгий детермінізм і нормативність та дедалі гучніше заявляють про себе поліваріативність, багатоальтернативний «сценарний» підхід, установка на індивідуацію.

Теза про індивідуацію є однією з найбільш евристичних для методології сучасної психології. Чимало сучасних учених схиляються до того, що специфіка психологічного дослідження якраз і полягає в розкритті індивідуально-неповторного, своєрідного, унікального, нетипового у проявах психічного життя. Про це, свого часу образно сказав Ф. Енгельс: «Не потрібно 10 000 парових машин, щоб довести принципи термодинаміки. Одна машина робить це не гірше». Проте нерідко усе залишається на рівні імажинарних проектів, оскільки виникають побоювання втрати психологією її наукового статусу, який традиційно пов'язується з узагальненням емпіричних даних, абстрагуванням від реальності, теоретизуванням тощо.

Цікавою в цьому плані може бути думка, висловлена, до речі, ще Гете, щодо значущості гносеологічної індивідуації, суть якої полягає у виявленні цілого на прикладі одного з його найважливіших системотворчих зв'язків. Міркуючи про протофеномени як наочно виявлені закономірності, він

шукав ту одиничність, що містить у собі загальність. У Канта процедура гносеологічної індивідуації обумовлює перехід від поняття до споглядання та уможлиблює розширення знання. Ретроспектива багатьох видатних відкриттів, на думку дослідників, дозволяє стверджувати, що вихідним моментом у ланцюжку міркувань, гіпотез і висновків дуже часто постає саме індивід – найпростіша природна або суспільна форма. Визнається, що установка на індивідуацію, виділення індивіда як основної методологічної одиниці, його концептуальне осмислення як виявленої закономірності є досить відчутними пріоритетами нової методології.

У контексті питання, що розглядається, важливо звернути увагу на те, як постнекласична методологія формулює свої кінцеві цілі. Може складатися враження, що основне своє завдання вона бачить у тому, аби утвердити в онтологічному статусі феномени, які дають нове бачення психічної реальності як чогось нестабільного, хаосомного, стохастичного, відмовивши у праві на існування класичній та некласичній методологіям. Проте, наприклад, постнекласична «теорія спрямованого безладу» пов'язується саме з вивченням специфіки й типів взаємозв'язку процесів структурування і хаотизації. В інших джерелах зауважується, що постнекласична картина універсуму припускає існування таких його станів, коли, незважаючи на непередбачуваність флуктуацій, набір можливих траєкторій (шляхів еволюціонування системи) є певним і обмеженим. Так, мовляв, випадкові флуктуації та точки біфуркацій важкопередбачуваним способом можуть змінювати траєкторію системи, однак самі траєкторії тяжіють до певних типів – атракторів – і внаслідок цього приводять систему в новий стабільний стан. Цікавим є також висновок про те, що живе й неживе по-різному знаходять шлях до впорядкування. Мовляв, живі системи мають унікальну здатність породжувати «порядок із порядку», тоді як неживі мусять пройти горнило хаосу, перш ніж стати на шлях структурогенезу. Отже, у постнекласичній методології є не тільки екстремали, а й помірковані методологи, які виступають проти абсолютизації тотальності, уніфікації, строгого детермінізму і нормативності в науці, натомість пропонуючи більш адекватний варіант картини світу і відповідну методологію її пізнання. Специфіка тут полягає в тому, щоб у дослідженні реальності, зокрема реальності психічної, максимально наблизитися до неї, аби побачити усю палітру її кольорів з їхніми відтінками, відчутти її дихання, живе пульсування, почути її справжні й найтихіші голоси, не приглушені і не спотворені гучними маршами відірваних від життя та байдужих до нього абстрактних конструктів. Саме таке наближення до психічної реальності дає підставу розраховувати на отримання інформації, збагаченої знанням про індивідуально-неповторні, унікальні прояви психічного і можливості його перетворення заради досягнення людиною як його носієм і суб'єктом автентичного рівня буття.

МОРГУН Володимир Федорович

Народився 23.03.1947 році у м. Сталіно (тепер – Донецьк), закінчив факультет психології МДУ імені М.В. Ломоносова (1971). У 1979 році під керівництвом академіка Н.Ф. Талізінної захистив кандидатську дисертацію за темою: «Психологічні умови виховання пізнавального інтересу учнів до навчального предмету». З 1980 по 2012 рік завідувач кафедри психології Полтавського національного педагогічного університету імені В.Г. Короленка, заслужений працівник освіти України. Засновник наукової школи «Психологія багатовимірної особистості», журналу «Психологія і особистість», підготував 8 кандидатів наук, автор або співавтор понад 300 наукових робіт, основні з них: «Проблема периодизации развития личности в психологии», «Делінквентний підліток» (1995, 2015), «Інтедифія (інтеграція і диференціація) освіти», «Учитель, которого ждуть», «Учителям и родителям о психологии подростка», «Психохірургія наклепів», «Основи психологічної діагностики» (2009, 2012, 2013), «Особистість в освіті: парадигма культури», «Психологічна культура: види, інваріанти, розвиток».

Моргун В.Ф. Багатовимірна концепція особистості та інтеграція психологічних теорій діяльності, установки і вчинку / В.Ф. Моргун // Особистість у розвитку: психологічна теорія і практика. Монографія / за ред. С.Д. Максименка, В.Л. Зливкова, С.Б. Кузікової. – Кн. 1. – Суми: Вид-во СумДПУ імені А.С. Макаренка, 2015. – С. 143-164.

БАГАТОВИМІРНА КОНЦЕПЦІЯ ОСОБИСТОСТІ ТА ІНТЕГРАЦІЯ ПСИХОЛОГІЧНИХ ТЕОРІЙ ДІЯЛЬНОСТІ, УСТАНОВКИ І ВЧИНКУ

Загальнопсихологічна теорія діяльності (Г.О. Балл, Л.І. Божович, П.Я. Гальперін, А.К. Дусавицький, А.В. Запорожець, П.І. Зінченко, В.П. Зінченко, О.Ф. Іванова, Г.С. Костюк, О.С. Кочарян, Н.П. Крейдун, М.А. Кузнєцов, О.М. Лактіонов, О.М. Леонтьєв, С.Д. Максименко, С.Л. Рубінштейн, Г.Г. Петренко, А.В. Петровський, К.В. Седих, Г.К. Середа, Н.Ф. Талізінна, Т.Б. Хомуленко та ін.), загальнопсихологічна теорія установки (Д.Н. Узнадзе, його наукова школа – А.С. Прангішвілі, Ш.А. Надірашвілі та ін.), загальнопсихологічна теорія вчинку (В.А. Роменець, його послідовники – І.П. Маноха, В.А. Татенко, Т.М. Титаренко та ін.) – є методологічними вершинами вітчизняної та світової психології. Їх сучасний розвиток відбувається, на наш погляд, за трьома сценаріями, реалізацію яких можна знайти в психологічній літературі:

- критичне взаємовиключення,
- ігноруюча альтернативність,
- взаємозбагачувальне доповнення.

Випадки таких сценаріїв у новітній історії психологічної науки непоодинокі. Так, наприклад, Д. і С. Шульци, аналізуючи розвиток

наукових шкіл у психології, стверджують, що «структурна психологія», «функціональна психологія», «гештальтпсихології», «психоаналіз» і «гуманістична психологія» не витримали конкурентної методологічної боротьби і в результаті «критичного взаємовиключення» припинили своє автономне існування ще до кінця ХХ сторіччя. Видатний український історик психології В.А. Роменець також не уникає крайніх оцінок. У його капітальній праці «Історія психології ХХ сторіччя» (у співавторстві з І.П. Манохой) зустрічаємо глави з такими апокаліптичними назвами, як «Крах психоаналізу» або «Кінець ідеї інтеріоризації» тощо. Ті ж Шульци вважають, що тільки дві школи психології – «біхевіоризм» і «когнітивна психологія», рухаючись паралельними курсами, перетнули рубіж ХХІ століття і мають види на «довгожителство».

Імена А. Маслоу, К. Роджерса, їх психологічна спадщина є яскравим прикладом реалізації третього сценарію розвитку наукових шкіл, в якому домінує принцип додатковості, бо їм вдалося в гуманістичній парадигмі інтегрувати як психоаналіз, так і академічну психологію. С.Л. Рубінштейн, Б.Г. Ананьев, Р. Ассаджолі, Г.О. Балл йдуть у цьому ж напрямку і роблять продуктивні спроби побудови цілісного «світу людини» (Рубінштейн), «нового синтетичного людинознавства» (Ананьев), «психосинтезу Я» (Ассаджолі) та інтеграції «раціо-гуманістичної психології» (Балл).

Завдання даної роботи – інтерпретація моністичної (інтегративної) багатовимірної концепції особистості автора як синтезу психологічних теорій діяльності, установки і вчинку та демонстрація її інтегративно-евристичних можливостей у побудові періодизації розвитку особистості, типології методів психодіагностики та людських ігор.

У процесі розбудови психологічної теорії особистості виділяють два діаметрально протилежні напрями – ідіографічний, тобто унікально-описовий, розуміючий, художній (В. Дільтей, К. Роджерс та ін.), і номотетичний, або нормативний, мірний, науковий (Г. Олпорт, В. Штерн, О.Ф. Лазурський). Крайнощі цих двох напрямів певним чином долає еkleктичний підхід (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Е. Фромм та ін.).

Утім, зняття суперечності між указаними напрямками можливе на основі діалектичного методу сходження від абстрактного до конкретного, який поступово складається у дослідженнях вітчизняних психологів – Л.С. Виготського, С.Л. Рубінштейна, О.М. Леонтьєва, Б.Г. Ананьєва, Г.С. Костюка, С.Д. Максименка, В.А. Роменця, В.В. Рибалка та ін. За цим методом, теорія особистості має виводитися з однієї категорії, з вихідної «засадово-межової» абстракції, або «клітинки» аналізу, яка під час її конкретизації допоможе дати розгорнуте психологічне уявлення про особистість, її сутнісний зміст, структуру зв'язків і розвиток». Водночас номотетичний та ідіографічний напрями стають полюсами єдиного наукового підходу у вивченні особистості. Характеристика останньої на шляху сходження від абстрактного номотетичного розуміння до конкретного ідіографічного опису поступово «збагачується безліччю

якостей, характеристик, параметрів (межово-безкінечного, тобто унікального)».

У запропонованій автором теорії багатовимірному розвитку особистості проаналізовано три етапи, або кроки, сходження від абстрактного до конкретного (позначимо їх як I, II, III).

I. На першому етапі такого сходження вихідною «клітинкою», або засадово-межовою абстрактною одиницею аналізу, обирається категорія «діяльна особистість». Діяльність особистості тлумачиться значно ширше, аніж індивідуальна предметно-практична діяльність суб'єкта, а саме – як система людської життєдіяльності.

II. За системного методологічного розуміння особистості наступний, другий, крок конкретизації на шляху сходження від обраної абстрактної одиниці аналізу до більш конкретної її характеристики має здійснюватися відповідно до трьох принципів: а) онтологізації структури особистості; б) становлення зв'язків (внутрішніх і зовнішніх) у цій структурі; в) детермінації розвитку особистості. Розглянемо ці принципи докладніше.

A. Онтологізація структури особистості передбачає визначення таких п'яти інваріантів, як: 1) просторово-часові орієнтації (на минуле, сучасне, майбутнє); 2) потребо-вольові естетичні переживання, пристрастність, небезсторонність (негативні, амбівалентні, позитивні); 3) змістовні спрямованості особистості (ділова: на предмет–засіб–продукт; комунікативна: на спілкування з іншою людиною; ігрова: на процес; самодіяльна: на самого себе); 4) рівні опанування досвідом (навчання, відтворення, пізнання, творчості); 5) форми реалізації діяльності (моторна, перцептивна, мовленнєво-розумова).

Б. П'ять зазначених інваріантів утворюють жмуток векторів, які перетинаються в одній точці, «вузлі» (за О.М. Леонтьєвим), або «хронотопі» (за М.М. Бахтіним), що представлено нижче на рис. 1).

В. Детермінація розвитку індивіда в особистість здійснюється, за даною теорією, на основі вирішення «головної рушійної суперечності між обмеженістю людини як природно-біологічної істоти та універсальністю людини як «родової» (суспільної) істоти». З іншого боку, через свою певну обмеженість людина не у змозі стати тотожною всій сукупності суспільних відносин і реалізувати відповідну до масштабу цієї сукупності суспільну сутність. Тому виникає необхідність відобразити цей бік особистості у понятті *індивідуальності*, тобто унікальності особистості конкретної людини як у природному, так і в суспільно-особистісному аспектах.

III. Третій етап (крок) сходження від абстрактного до конкретного відбувається через «психологічну концептуалізацію структури зв'язків», розвитку виокремлених на другому кроці п'яти інваріантів онтологізації структури діяльної особистості.

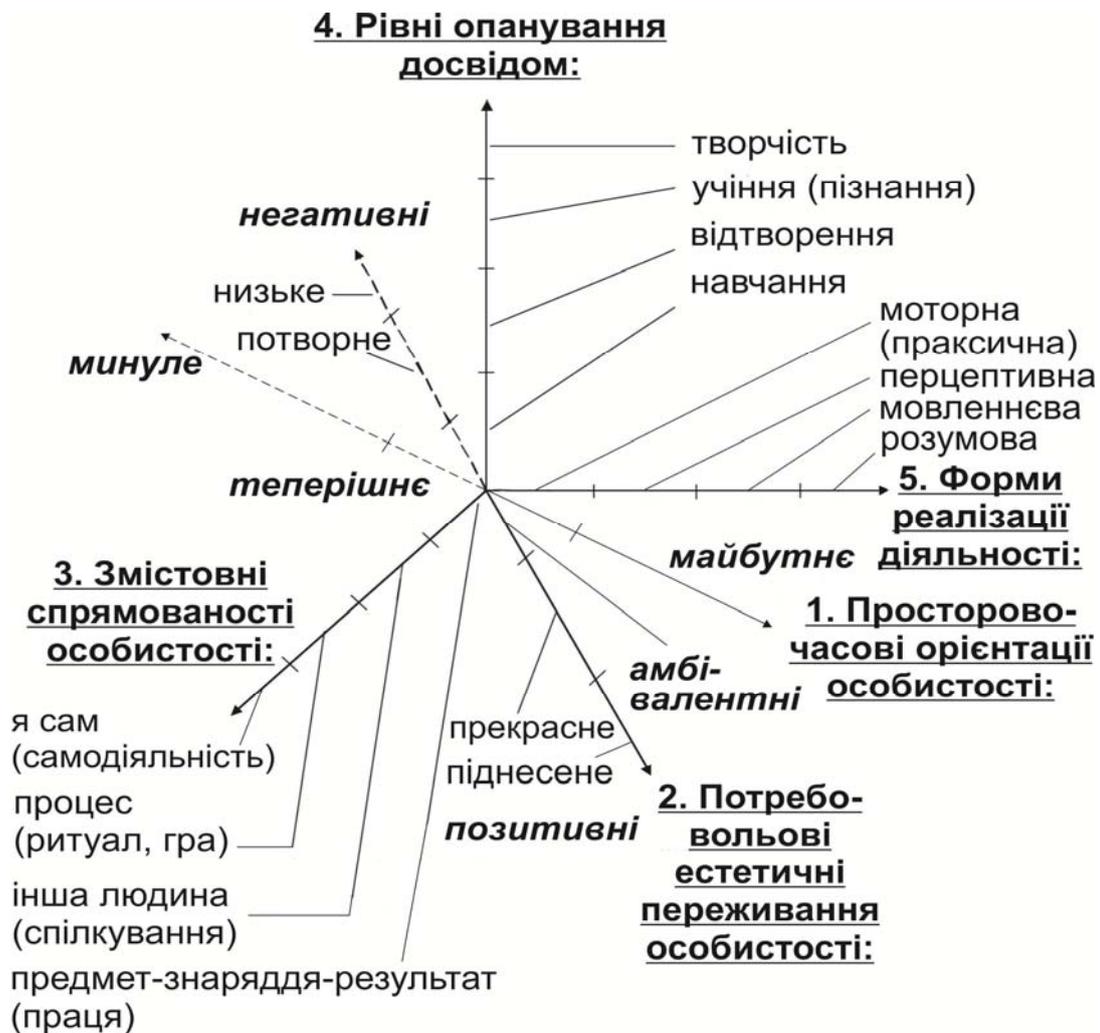

Рис. 1. Схематичне зображення багатовимірної структури особистості (за В.Ф. Моргуном)

Розглядаючи діалектично пов'язані інваріанти, можна виділити конкретні їх характеристики і суперечності, що задають кожну з них:

1) просторово-часові орієнтації особистості «складаються зі співвідношення локалізації особистості у минулому, сучасному й майбутньому» і визначаються вирішенням суперечності між буттям і небуттям матеріальних і духовних носіїв особистості – геному, тіла людини, тих, хто її знав, її діянь і творінь;

2) потребо-вольові переживання особистості виявляються в емоціях та естетичних почуттях, за якими стоять наявні й напружені потреби, мотиви, особистісні сенси, цілі, настанови. Структура потребо-вольових переживань представлена у вигляді певного співвідношення негативних (негідне, спотворене), амбівалентних (трагічне, комічне) і позитивних (прекрасне, піднесене) почуттів. Означені переживання задаються «суперечністю між життям індивіда (задоволенням потреб) і смертю (блокуванням або припиненням обміну речовин, енергії та інформації організму із середовищем)»;

3) змістовна спрямованість діяльності особистості відповідає усталеній системі поділу праці й онтогенезу суб'єкта діяльності й складається за змістом із наступних її видів: а) спрямованість на предметно-знарядчево-результативне перетворення природи (праця у вузькому розумінні); б) спрямованість на суб'єктно-знакове пізнання та вплив на інших людей (спілкування); в) спрямованість на перетворення способів власної активності (гра, ритуал); г) спрямованість на пізнання та перетворення самого себе («самодіяльність» за терміном С.Л. Рубінштейна, але ширше, бо включає не тільки творче самовдосконалення, саморозвиток – за В.М. Бехтеревим, О.Ф. Лазурським, С.Б. Кузіковою – людини, але і можливу самостагнацію чи самодеградацію).

Змістова спрямованість як інваріант особистості задається вирішенням суперечності «рід-природа», внаслідок чого людина як родова істота перетворюється з індивіда як споживача природних предметів на суб'єкта як виробника продуктів для задоволення своїх потреб, використовуючи знаряддя і свідому, ідеально-знакову кооперацію із суспільством;

4) рівні оволодіння досвідом шикуються в таку ієрархію: а) вчення (передача досвіду від вчителя до учня); б) відтворення досвіду діяльності особистістю; в) пізнання як «теоретична установка» (за Ш.А. Надірашвілі), «надситуативна активність» (за В.А. Петровським); г) творчість як вищий рівень оволодіння діяльністю. Зазначені рівні задаються розв'язанням суперечності між інтеріоризацією (розпредметненням) соціального та екстеріоризацією (опредметненням) індивідуального досвіду;

5) форми реалізації особистістю діяльності представлені таким чином: а) моторна (або матеріальна за П.Я. Гальперіним); б) перцептивна (за Н.Ф. Талізінною); в) мовленнєва; г) розумова (рефлексивна). Вони задаються вирішенням суперечності між підсвідомістю та свідомістю людини.

На підставі конкретно-психологічного аналізу п'яти розглянутих інваріантів, формулюємо наступне визначення особистості:

Особистість – це людина, що активно опановує і свідомо перетворює природу, суспільство і власну індивідуальність, внутрішній світ якої, має унікальне динамічне співвідношення просторово-часових орієнтацій, потребо-вольових переживань, змістовних спрямованостей, рівнів опанування досвідом і форм реалізації діяльності. Цим співвідношенням визначається свобода суб'єктного самовизначення особистості в її вчинках і міра відповідальності за їхні (включаючи й непередбачені) наслідки перед природою, суспільством і своїм сумлінням.

Дане визначення особистості може бути стисло представлене у вигляді символічної формули як функція (f) вищезазначених п'яти інваріантів її структури:

$$\text{Особистість} = f(\text{О} \cdot \text{П} \cdot \text{С} \cdot \text{Р} \cdot \text{Ф}),$$

де: О – просторово-часові *орієнтації* особистості; П – *потребо-вольові* емоційні *переживання*; С – *змістовні спрямованості*; Р – *рівні* опанування досвідом; Ф – *форми* реалізації діяльності.

Запропоноване розуміння структури особистості може бути співвіднесене із психологічними поняттями, якими традиційно описується особистість.

Так, *темперамент* визначається динамічними особливостями просторово-часових орієнтацій і характеристик особистості.

Здібності пов'язуються автором із інваріантами рівнів і форм реалізації діяльності особистості. Унікальна структура розумових здібностей складає *менталітет* особистості.

Ціннісні орієнтації, спрямованість особистості задаються потребо-вольовими переживаннями людиною змістів діяльності. Конкретним психологічним аналізом вони описуються як потреби (нужди – за Б.Ф. Скіннером та С.Д. Максименком), мотиви, сенси, цілі, настанови (установки, «аттітуди»).

Світогляд (внутрішній світ як «річ у собі», за І. Кантом) особистості виступає як певний синтез її менталітету і цінностей. Предметом світогляду є сама людина, її розуміння природного і суспільного світу та своїх місця і місії в ньому.

І.Г. Тітов, слідом за Д.О. Леонтьєвим та С.Д. Смирновим, визначає світогляд більш розгорнуто – як «ядерний компонент індивідуального образу світу, що містить певним чином структуровані, імпліцитні та експліцитні, генералізовані уявлення особистості про закономірності та характеристики реального або ідеального (досконалого) світу, суспільства, людини». Очевидно, що множина «генералізованих структур» світогляду людини (за Тітовим та ін.) відповідають і теорії багатовимірної особистості автора.

Характер виявляється у стабільності цілісної структури особистості, а *акцентуації* пов'язані з надмірним вираженням певних рис характеру і супроводжуються або особистими рекордами (у випадку відповідності акцентуації вимогам діяльності), або перенапруженням, чи неадекватністю поведінки людини (у випадку невідповідності акцентуації та діяльності).

Вчинковий підхід видатного українського психолога В.А. Роменця не слід вважати альтернативою діяльнісному підходу, бо в такому випадку відбувається прихована синонімія (або взаємопідміна цих категорій). *Вчинок* не є синонімом будь-якої дії. Він передбачає момент вибору серед альтернатив (за І.П. Манохою), вольові зусилля для подолання перешкод (за Т.М. Титаренко), а також моральну самооцінку суб'єктного вибору особистості (за В.О. Татенком).

У традиційних відповідностях між джерелом активності особистості та її видом (за О.М. Леонтьєвим [5]) первинна та вторинна установки (за *теорією установки* Д.М. Узнадзе [17], [18]) лежать в основі й укладають відому ієрархічну структуру індивідуальної діяльності Леонтьєва, а вчинок

(за В.А. Роменцем), на наш погляд, повинен заповнити існуючий пробіл у центральній ланці, бо є конгруентним ключовій категорії діяльнісного підходу – категорії «особистісного сенсу» (див. нижче табл. 1).

Таблиця 1

**Співвідношення психологічних категорій,
що характеризують структуру діяльності
в теоріях діяльності, вчинку та установки**
(за О.М. Леонтьєвим, у модифікації В.Ф. Моргуна)

Потреба (<i>індивідно-практична первинна установка</i> , за Д.М. Узнадзе; <i>нужда</i> , за С.Д. Максименком)	<i>Поведінка</i> (за Б.Ф. Скіннером)
Мотив (як опредметнена потреба, за О.М. Леонтьєвим)	Діяльність
<i>Особистісний сенс</i> (як співвідношення реальнодіючого мотиву і мети)	<i>Вчинок</i> (як дія, що потребує вибору, волі та моральної оцінки, за В.А. Роменцем)
Мета	Дія
<i>Вторинна «фіксована установка»</i> (за Д.М. Узнадзе [33])	Операція

Вторинні соціально сформовані (фіксовані) установки, набуваючи спонукальної сили, що починає перевершувати за своєю потужністю первинні вітальні установки, стають «сублімованими потребами» (за З. Фрейдом), «квазіпотребами» (за К. Левіном), «ціннісними орієнтаціями» (за М. Рокичем), «спрямованостями особистості» (за О.М. Леонтьєвим), «нуждами» (за С.Д. Максименком).

Отже, у розвиток відповідних ідей Г.С. Костюка, О.М. Леонтьєва, В.А. Роменця, С.Л. Рубінштейна, Д.М. Узнадзе, С.Д. Максименка на основі багатовимірної теорії особистості набуває подальшої конкретизації структура («морфологія») індивідуальної, особливої діяльності. Така конкретизація й модифікація індивідуальної діяльності особистості може бути представлена нижче у таблиці 2.

Дана структура дає змогу здійснювати аналіз і конструювання конкретних видів діяльності, що особливо важливо для педагогічної психології та психології праці. Як бачимо, в досить традиційній для вітчизняної психології особистісно-діяльнісній парадигмі маємо низку інноваційних надбань.

**Психологічна структура індивідуальної діяльності особистості
(за В.Ф. Моргуном)**

<i>Джерело активності особистості</i>	<i>Форма активності</i>	<i>Об'єкт активності</i>
Потреба (потреба), первинна установка	Поведінка	Природне й соціальне довкілля
Мотив	Діяльність	Предмет
Сенс	Вчинок	Завдання
Мета	Дія	Продукт
Вторинна установка	Операція	Результат (за стандартних умов)

По-перше, уточнено номенклатуру основних видів людської діяльності та їх послідовності як провідних у онтогенезі. Бо в психологічних наукових школах не було загально прийнятої номенклатури основних видів людської діяльності ні за кількістю, ні за змістом.

Наприклад, лідер Санкт-Петербуржської школи Б.Г. Ананьєв виходив із такого їх переліку: *гра* – спілкування – пізнання – *праця*. Лідер однієї з Московських психологічних шкіл О.М. Леонтьєв обстоював дещо інший: *гра* – навчання – *праця* (з імплікованим спілкуванням, яке було присутнім у кожному з трьох основних видів діяльності). Як видно, два корифеї психології знайшли консенсус тільки стосовно *гри* і *праці*, що виділені курсивом.

Багатовимірною теорією особистості уточнює кількість, зміст і послідовність основних видів діяльності особистості в онтогенезі: *праця* – спілкування – *гра* – самодіяльність.

Перетворення в ході життя основних діяльностей у провідні можна підсумувати за допомогою такої схеми:

праця – спілкування – *гра* – самодіяльність;
спілкування – *гра* – самодіяльність – *праця*;
гра – самодіяльність – *праця* – спілкування;
самодіяльність – *праця* – спілкування – *гра*.

Предметно-маніпулятивна діяльність у ранньому онтогенезі є первинним видом *праці*. Ще М.Я. Басов у своїй блискучій «Педології» (1932) розглядав *гру* і дитячу *працю* як два споріднених типи діяльності дитини. К. Коффка (1934), досліджуючи основну функцію дитинства на рівні навчання, прийшов до такого висновку: «Якщо ми приймемо, що навчання об'єктивно є трудовою діяльністю, то прийдемо до правильного розуміння дитинства, протягом якого обсяг та інтенсивність навчання (*праці* – за Коффкою, – В.М.) далеко перевищує всі пізніші періоди» (с. 31). Система виховання сліпоглухонімих дітей також доводить пріоритет трудової діяльності, співпраці (самообслуговування, догляд, прибирання,

володіння знаряддями тощо) у розвитку психіки і особистості (Мещеряков, 1974). Не випадково і теорія поетапного формування розумових дій П.Я. Гальперіна пропонує починати навчання в будь-якому віці з моторної форми дії, тобто – з реального перетворення предметів або їх моделей, що характерно саме для праці.

З моменту «комплексу поживлення» дитина з предметного світу виділяє найближчу людину; спрямованість на людей у подальшому стане головною у мотивації *спілкування*.

Просування на шляху психічної зрілості автономізує дітей, які через *ігрову* діяльність продовжують удосконалювати себе у *процесах* праці (ділові ігри), у *процесах* спілкування (рольові ігри, соціодрами – за Дж. Морено), у *процесах* *самодіяльності* (психодраматичні ігри – за Морено, сценаристом, режисером і співвиконацем яких виступає сама людина). Є вчені, що наполягають на домінуванні гри протягом усього життєвого шляху. Ф. Бартлетт, наприклад, дав своїй монографії, присвяченій психології дорослого життя, красномовну назву: «Психіка людини у праці та грі» (1959). Але й вони не заперечують ні проти праці (Бартлетт), ні проти існування «ширих (неігрових)» стосунків між людьми (Е. Берн, «Ігри, в які грають люди», 1988), ні проти «сер'йозних» видів діяльності (І. Хейзінга, «Людина, що грає», 1992).

Заміна навчання (за О.М. Леоньєвим), або пізнання (за Б.Г. Ананьєвим) на самодіяльність є ще однією інновацією багатовимірної теорії особистості. Але вона ніяк не применшує ролі навчання в житті людини. Навпаки, *навчання, відтворення, пізнання (учіння), творчість*, складаючи окремих четвертий інваріант в структурі особистості – рівнів опанування досвідом – стають дотичними до кожного з основних видів діяльності протягом усього життя людини, а не тільки однією з них – навчальною діяльністю, характерною переважно для школярсько-студентського віку.

По-друге, у логіці запропонованої теорії знаходять своє психологічне наповнення й інші поняття, зокрема, психічної й соціальної зрілості особистості, періодизації розвитку особистості протягом життя. У цілісній періодизації узагальнені погляди Л. Виготського, Л. Божович, Г. Костюка, Д. Ельконіна на періодизацію розвитку дитини та Е. Еріксона, Ш. Бюлер, Д. Бромлей та інших – дорослої людини (Моргун, 1981, 1995, 2013). У дитячому віці головними критеріями періодизації і становлення особистості вважається динаміка соціальної ситуації розвитку, динаміка провідних діяльностей та динаміка власних особистісних новоутворень у зазначеному порядку значущості. У дорослому віці ця послідовність суттєво змінюється, переієрархізується. Особистісні новоутворення дорослого стають вирішальними – завдяки ним він сам обирає, що робити, тобто провідну діяльність, із ким мати стосунки, тобто соціальну ситуацію власного розвитку. Схематично це виглядає так (див. нижче рис. 2).

Переієрхізація підстав періодизації

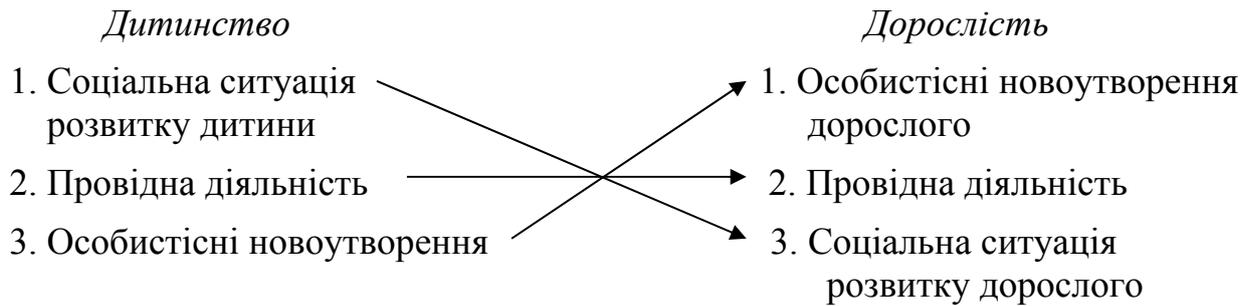

Рис. 2. Динаміка підстав періодизації розвитку особистості від дитинства до дорослості (за В.Ф. Моргуном)

У контексті багатовимірної теорії особистості нова схема періодизації базується на п'яти інваріантах структури особистості. Водночас недоцільно відмовлятися від класичних критеріїв періодизації Л.С. Виготського, Л.І. Божович, Д.Б. Ельконіна, Г.С. Костюка, але їх слід опосередковувати через структуру особистості. Тоді соціальну ситуацію розвитку і провідну діяльність слід розглядати не як зовнішні відносно особистості, а як змістовні спрямованості (направленості) діяльності особистості. Таким чином, можна уникнути підміни періодизації розвитку самої особистості «періодизацією соціальних інститутів і зовнішніх впливів», що часто і відбувається.

Відповідно до вищезазначених вихідних положень, усе життя людини розподіляється на чотири основні періоди (див. нижче таблицю 3). У першому періоді життя переважає ділова спрямованість дитини на предметно-знаряддево-продуктивне пізнання і перетворення довкілля. Це підтверджується тією обставиною, що вже немовля починає з предметно-маніпулятивної діяльності у співпраці з дорослим, у дошкільному віці провідними діяльностями стають ділові, рольові ігри, у шкільному – навчання предметним діяльностям, вибір професії.

У другому періоді розвитку особистості переважає спілкування, приміром, у підлітковому віці – у вигляді товаришування і дружби, в отрочстві – у формі емоційно забарвленого кохання, а у молодості – створення сім'ї та народження і виховання дітей.

Третій період пов'язується із працею як «серйозною грою» з амбівалентною орієнтацією на теперішнє, що виявляється у досягненні не тільки професійної майстерності, а й визнання у справі свого життя.

Четвертий період переходить у самодіяльність особистості, де домінують такі види діяльності як наставництво, спогади і самообслуговування.

У наведеній таблиці кожен із чотирьох періодів має характерну для нього просторово-часову орієнтацію й емоційну забарвленість. Так, для співпраці дитини з дорослим властива амбівалентна, зі швидкою зміною настроїв, орієнтація на сьогоднішнє, для спілкування юнаків притаманна «оптимістична орієнтація» на майбутнє, у «серйзних ділових іграх»

дорослого наявна амбівалентна орієнтація на сьогодення, а для самодіяльності людини поважного віку характерна ностальгічна орієнтація на минуле.

Таблиця 3

Вікові етапи періодизації багатовимірного розвитку особистості протягом життя (за В.Ф. Моргуном)

Періоди (за орієнтаціями, переживаннями, напрямленостями)	СТАДІЇ (за рівнями і формами діяльності)		НАВЧАННЯ (у моторній, наочній і словесно-розумовій фазах)	ВІДТВОРЕННЯ (у моторній, наочній і словесно-розумовій фазах)	ТВОРЧИСТЬ (у моторній, наочній і словесно-розумовій фазах)
		<i>Нормативні «кризи» адаптації-деадаптації</i>		<i>Нормативні «кризи» автономії-залежності</i>	
	<i>Криза новонародженості: «перший подих», 0-3,5 міс.</i>		<i>Криза немовляти: «перший крок», 11-18 міс.</i>		<i>Криза раннього дитинства: «я сам», 3-4 роки</i>
СПІВПРАЦЯ (з амбівалентною орієнтацією на теперішнє)	1. Вік немовляти: до 1 року		2. Раннедитинство: 1-3 роки		3. Дошкільне (ігрове) дитинство: 4-6 років
	<i>Криза дитинства: «відповідальність», 6-7 років</i>		<i>Криза молодшого школяра: «незалежність», 9-10 років</i>		<i>Криза отрочтва: «кохання» 14-15 років</i>
СПІЛКУВАННЯ (з оптимістичною орієнтацією на майбутнє)	4. Молодше шкільнедитинство: 7-9 років		5. Отрочтво (підліток): 10-14 років		6. Юність: 15-18 років
	<i>Криза юності: «покликання» 18-19 років</i>		<i>Криза молодості: «сім'я», «майстерність» 23-28 років</i>		<i>Криза дорослості: «визнання» 33-37 років</i>
«СЕРІОЗНА ГРА» (з амбівалентною орієнтацією на теперішнє)	7. Молодість: 19-25 років		8. Дорослість: 26-35 років		9. Зрілість: 36-60 років
	<i>Криза зрілості: «наставництво» 55-65 років</i>		<i>Криза похилого віку: «мемуари» 70-80 років</i>		<i>Криза старості: «самообслуговування» 85-95 років</i>
САМОДІЯЛЬНІСТЬ (з ностальгічною орієнтац. на минуле)	10. Похилий (поважний) вік: 61-75 років		11. Старість: 75-90 років		12. Довгожителство: понад 90... років

Другій групі підстав періодизації відповідають рівні опанування досвідом і форми реалізації діяльності. Кожен із періодів включає в себе три стадії: навчання, відтворення, творчості. Вони, в свою чергу, складаються з послідовних фаз розвитку: а) моторики, б) перцепції, в) мовленнєво-розумової форм реалізації діяльності. Динаміка переходів по стадіях і періодах включає в себе кризові етапи і етапи еволюційного розвитку. При переході від стадії творчості до навчання мають місце кризи «адаптації-деадаптації»; на стику навчання-відтворення – кризи «автономії-залежності», на стику відтворення-творчості мають місце кризи «самоактуалізації-конформізму».

По-третє, теорія багатовимірного розвитку особистості утворює фундамент для системного психологічного вивчення конкретної людини за допомогою систематизованого комплексу методів. Водночас методи об'єднуються у групи, що відповідають п'яти розглянутим раніше інваріантам структури особистості.

Застосування методів психодіагностики має враховувати загальну логіку дослідження, що містить спочатку емпіричний і теоретичний аналіз стану розроблюваної проблеми з використанням гіпотез, мисленнєвого експерименту й техніки моделювання, після чого можливий дослідницький контакт із піддослідним, коли за допомогою певних методик отримуються і фіксуються емпіричні дані, які далі піддаються первинній математичній обробці, кількісному аналізу і, урешті решт, – якісній інтерпретації, поясненню вірогідних результатів, на основі чого формулюються висновки. Останні перевіряються запровадженням і випробуванням на практиці.

Розглянемо типологію методів психодіагностики докладніше (див. також нижче рис. 3).

1). Під час дослідження орієнтації у просторово-часовій перспективі особистості піддослідного виділяється дві можливі часові перспективи – власне піддослідного і дослідника. Залежно від погляду дослідника на певний віковий період у житті піддослідного, можуть використовуватися *біографічний* метод (орієнтація на минуле), метод *зрізів* (орієнтація на «тут і тепер», тобто на актуальне сучасне) та *лонгітюдний*, або пролонгований, метод (орієнтація на майбутнє).

2). За особливостями потребо-вольового ставлення піддослідного до психодіагностики, методи дослідження особистості розподіляються на три групи – *прямі* (за адекватної мотивації піддослідного на умови дослідження), *непрямі*, або *проективні* (де мета маскується), та *природні*, коли людина не підозрює про свою участь у дослідженні та його мету.

3). Залежно від змістовної спрямованості та щільності взаємодії дослідника й піддослідного, розрізняються методи *експерименту*, *спостереження*, *опитування* (бесіда, інтерв'ю, анкетування) та *інтроспекції* (самоспостереження).

4). Щодо рівня взаємодії може бути виділений *формувальний* (навчальний), *констатувальний* і *розвивальний* методи.

5). Залежно від переважаючої форми діяльності піддослідного вирізняються *практичні* (інструментальні), *демонстраційні* (наочні), *вербальні* й *нейропсихологічні* методи.

На основі багатовимірної концепції особистості автором модифіковано або розроблено такі конкретні методики: мотивації навчання

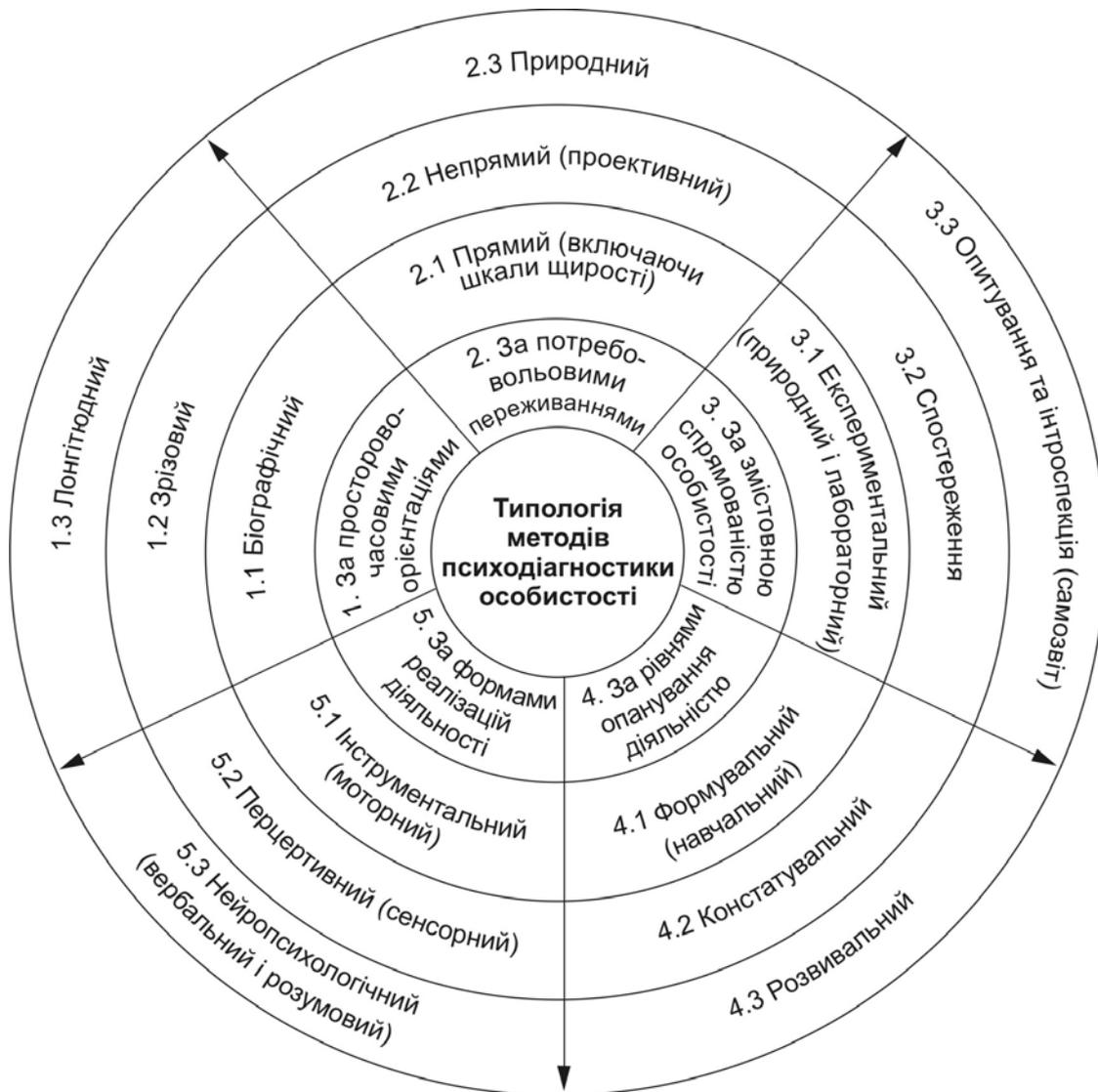

Рис. 3. Багатовимірна типологія методів психодіагностики особистості (за В.Ф. Моргуном)

(вибір улюблених навчальних предметів; парних порівнянь мотивів учня; опитувальник мотивації кохання; методика вивчення діяльнісної структури професійної адаптації (В.Ф. Моргун, Н.О. Чайкіна); методики складання: характеристики-рекомендації випускника школи; історико-психологічного портрету фахівця (В.Ф. Моргун, В.В. Колодочка); методика багатовимірного аналізу досягнень учня з метою профілювання освіти і профорієнтації; опитувальник реального, бажаного і фантастичного бюджетів часу людини; методика багатовимірного аналізу вільних словесних асоціацій, методика багатовимірного аналізу документів

абітурієнта; експертна співбесіда з абітурієнтом; обстеження оптанта в ході профконсультативного тренінгу (В.Ф. Моргун, Н.О. Гончарова, В.В. Колінько, Т.М. Пазюченко).

По-четверте, в епоху демонополізації словесного методу педагогічна психологія звертається до різних форм активного залучення особи до життя. Парадоксально, але факт, що видатні корифеї театральної педагогіки готують акторів до акторської праці, що обмежена рамками сцени, активнішими методами, ніж шкільні вчителі й вишівські викладачі готують своїх вихованців до професійного життя, не обмеженого жодними рамками.

Для обґрунтування можливості багатовимірного психолого-педагогічного аналізу особи і *активних ігрових методів* [7], [8], [13] пошлемося на наступне міркування В.І. Немировича-Данченка: «Для мене жодна форма сценічного мистецтва не має права відкидати область психології, чи буде це художній реалізм або щось, що наближається до символізму». Не випадково до мистецтва як потужного засобу пізнання людської індивідуальності зверталися такі видатні вчені, як Л.С. Виготський («Психологія мистецтва»), М.М. Бахтін («Естетика словесної творчості») та ін. Саме багатовимірне розуміння особистості актора (правда, імпліцитно) демонструє в своїй «Роботі актора над собою» класик театральної педагогіки К.С. Станіславський. Поглянемо на систему Станіславського крізь інваріанти багатовимірної теорії особистості.

1. *Просторово-часові орієнтації* в багатовимірній теорії особистості завдаються протиріччям між минулим і майбутнім, яке вирішується на «сцені» сьогодення. І саме ці проблеми обговорює Станіславський в таких розділах, як «Шматки і завдання»; «Надзадача»; «Навскрізна дія»; «Перспектива артиста і ролі»; «Темпо-ритм»; «Логіка і послідовність»; «Витримка і закінченість».

2. *Потребо-вольові* переживання особи визначаються протиріччями між позитивними (прекрасне, піднесене) і негативними (потворне, низьке) естетичними почуттями, проміжні амбівалентні форми яких складають трагічне і комічне. Наскільки важлива ця сфера людської індивідуальності для Станіславського, вказує те, що всю першу частину «Роботи актора над собою» він присвячує «творчому процесу переживання». Почуття, емоції, переживання розглядаються ним у таких розділах, як «Відчуття правди і віра»; «Емоційна пам'ять»; «Двигуни психічного життя»; «Лінія прагнення двигунів психічного життя»; «Сценічна чарівність і манкість».

3. *Змістовна спрямованість діяльності* особистості задається протиріччям між обмеженістю індивіда і відносною безмежністю природи і суспільства. До основних видів спрямованості, таким чином, можна віднести ділову (на працю), комунікативну (на спілкування) і самодіяльну спрямованість (на самого себе). Спеціально підкреслимо, що саме в такій послідовності йде аналіз змістовно і роботи актера над собою і у Станіславського! (Див., наприклад, розділи: «Дія»; «Якби»; «Пропоновані

обставини»; «Спілкування»; «Пристосування...»; «Внутрішнє сценічне самопочуття»; «Етика і дисципліна»).

4. Рівні опанування досвідом утворюються полюсами «навчання-творчість», включаючи проміжні рівні відтворення і пізнання (учіння). І знову, в роботі Станіславського знаходимо всю гаму цих рівнів: «Дилетантизм»; «Сценічне мистецтво і сценічне ремесло», а вся друга частина «Роботи актора...» присвячена найвищому рівню опанування досвідом – «творчому процесу втілення».

5. І, нарешті, *форми реалізації діяльності* в багатовимірній теорії завдаються протиріччям між підсвідомістю і свідомістю. Основними формами виступають: моторна, перцептивна і мовленнєво-розумова. І цей інваріант Станіславський не залишає таким, що не пропрацював (див., наприклад, розділи: (1) «Звільнення м'язів»; «Фізкультура»; «Зовнішнє сценічне самопочуття»; «Підсвідомість у сценічному самопочутті артиста»; (2) «Сценічна увага»; «Уява»; (3) «Спів і дикція»; «Мовлення і його закони»; «Логіка...»).

Інтегрують особу в цілісність наступні розділи Станіславського: «Характерність»; «Загальне сценічне самопочуття»; «Основи системи»; «Як користуватися системою». «Діяльну особу» актора необхідно доводити до вершин хоча би кваліфікованого «ремесла» за допомогою активних методів підготовки. Тонкий психолог Станіславський сміливо пише про такі непопулярні методи, як: «Тренінг і муштра»; «Вправа і етюди». Забезпечити привабливість цих методів для студентів ВНЗ можуть найрізноманітні ігри.

Реалізуючи завдання особистісно-орієнтованої освіти (І.Д. Бех, І.А. Зязюн, С.Д. Клепко, В.Р. Ільченко, С.Д. Максименко, Г.Ф. Москалик, Т.Б. Поясок, В.В. Рибалка, А.П. Самодрин, В.А. Семиченко, В.О. Татенко, Т.А. Устименко, О.Я. Чебикін та ін.) та розробки активних, комунікативних, діалогічних методів навчання та психокорекції (Н.І. Білик, Р.М. Білоус, М.В. Гриньова, Г.В. Дьяконов, В.В. Зелюк, О.В. Киричук, О.С. Куш, К.В. Седих, Н.М. Тарасевич, Т.М. Титаренко, А.В. Фурман, С.П. Яланська, Т.С. Яценко та ін.), евристичною виявляється типологія вказаних методів (див. нижче табл. 4).

У багатовимірній теорії особистості *гра* визначається як «діяльність, змістом якої є процес функціонування з моделями-заступниками предметів інших діяльностей. Дії з моделями праці породжують *ділові ігри*, з моделями спілкування – *рольові ігри*, з моделями самого себе – *психодраматичні ігри*».

Як бачимо у табл. 4, згідно з інваріантами структури особистості можуть бути виділені або сконструйовані такі типи і види ігор:

1) за просторово-часовими орієнтаціями: на минуле – історичні ігри, ігри за методом прецеденту; на сучасне – оперативно-тактичні ігри; за орієнтацією на майбутнє – прогностичні та стратегічні ігри;

2) за потребо-вольовими переживаннями: негативними – жорстокі ігри, ігри-трагедії; амбівалентними – спокійні або азартні (зі слабкими або гострими амбівалентними переживаннями); за позитивними емоціями – ігри-комедії, піднесені ігри;

Таблиця 4

Типологія дидактичних та психокорекційних ігор на основі багатовимірної теорії особистості (за В.Ф. Моргуном)

Інваріанти структури особистості, що покладені в основу типології ігор				
1. Просторово-часові орієнтації особистості	2. Потребо-вольові переживання	3. Змістовні спрямованості особистості	4. Рівні опанування досвідом	5. Форми реалізації діяльності
1.1.Історичні ігри (за методом прецедента)	2.1.Жорстокі ігри, трагедії	3.1.Ділові, організаційно-діяльнісні ігри	4.1.Дидактичні ігри	5.1.Предметно-маніпулятивні ігри
1.2.Оперативно-тактичні ігри	2.2.Спокійні або азартні ігри (з амбівалентними переживаннями)	3.2.Рольові ігри, ігри-змагання, соціодрами	4.2.Ігри-вправи, репродуктивні ігри	5.2.Наочні, ігри-спостереження
1.3.Прогностичні, стратегічні ігри	2.3.Піднесені ігри, комедії	3.3.Ігри-саморозкриття (рефлексивні), психодрами	4.3.Творчі (конструктивні, дослідницькі, евристичні ігри)	5.3.Вербальні, інтелектуальні ігри

3) за змістовними спрямованостями особистості: на предмет-результат справи – ділові ігри; на інших людей – рольові ігри, соціодрами; на процес діяльності – ігри за сценарієм, організаційно-діяльнісні ігри, ігри за правилами (*від максимальної регламентації сценарію й заданого наперед фіналу до максимальної свободи в межах правил і непередбачуваності фіналу – за слушним міркуванням доктора педагогічних наук А.О. Остапенка*); за змістовною спрямованістю на власну особу – ігри саморозкриття, «психодрами»;

4) за рівнями опанування діяльності: навчання – дидактичні ігри; відтворення – ігри-вправи, репродуктивні ігри; учіння, пізнання –

дослідницькі, пізнавальні ігри; за рівнем творчого опанування діяльності – конструктивні, евристичні, креативні ігри;

5) за формами реалізації діяльності: моторно-практична – предметно-маніпулятивні, інструментальні ігри; наочно-образна (сенсорно-перцептивна) – ігри-спостереження, наочні ігри; мовленнєва – вербальні ігри; за розумовою формою реалізації діяльності – інтелектуально-розумові ігри.

Отже, побудова на основі багатовимірної теорії особистості системи ігор допомагає озброїти педагога і практичного психолога дієвими інтерактивними засобами розвитку, корекції, реабілітації як юної, так і дорослої особистості. І, зокрема, ділові ігри у навчанні зробляють захоплення бізнесом не конкурентом, а фасилітатором мотивації освіти учнів, юних та дорослих студентів.

Висновок даного теоретичного дослідження полягає в тому, що реалізація принципу доповняльності діяльності, установки і вчинку на прикладі багатовимірної теорії особистості профілакує претензії деяких підходів на монополію в науці й відкриває можливість здійснювати більш глибоке методологічне дослідження відомих і конструювання нових видів діяльності людини, що особливо важливо для загальної, вікової, педагогічної психології та психології праці.

ФІЛОСОФСЬКО-МЕТОДОЛОГІЧНА ЄДНІСТЬ ПСИХОЛОГІЇ У БЕЗПОСЕРЕДНЬО-НАУКОВИХ КОНСТРУКТАХ

ВАСИЛЮК Федір Юхимович

Федір Юхимович Василюк народився 28 вересня 1953 у місті Сталіно (тепер Донецьк). Свою першу курсову роботу він писатиме у проф. О.К. Тихомирова. В майбутньому його науковими керівниками стануть спочатку В.Я. Дубровський, а потім О.Г. Асмолов. Декан факультету психології МДУ, О.М. Леонтьєв в 1978-му році прийме Федора Василюка в аспірантуру і стане науковим керівником його кандидатської дисертації. В.П. Зінченко продовжить це керівництво після кончини О.М. Леонтьєва. Після захисту Ф.Ю. Василюком в 1981 році кандидатської дисертації «Психологічний аналіз подолання критичних ситуацій» на її основі з'явиться книга «Психологія переживання», яка відразу зробить її тридцятирічного автора знаменитим, не лише у вітчизняному науковому співтоваристві, але і далеко за його межами. У ній автор вводить декілька нових категорій і понять, найважливішими з яких є категорія переживання як особливої форми душевної роботи по подоланню критичних життєвих ситуацій, а також поняття «життєвого світу». Ввесь професійний досвід був узагальнений Ф.Ю. Василюком у докторській дисертації «Розуміюча психотерапія як психотехнічна система», яку він захистив в 2007-му році. Ця масштабна праця включає методологічну і загальнопсихологічну частини, а також опис психотерапевтичної теорії, техніки розуміючої психотерапії, дидактичних принципів і форм навчання. Крім того, для Ф.Ю. Василюка актуальними є питання християнської психології і психотерапії.

Нині Ф.Ю. Василюк працює завідувачем кафедри індивідуальної і групової психотерапії Московського міського психолого-педагогічного університету, професор, президент Асоціації розуміючої психотерапії.

Основні праці: «Психологія переживання. Аналіз подолання критичних ситуацій», «Методологічний аналіз в психології», «Переживання і молитва. Досвід загальнопсихологічного дослідження».

Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии / Федор Ефимович Василюк. – М.: МГППУ; Смысл, 2003. – С. 27 – 45, 54 – 77, 89 – 100.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ПСИХОЛОГИИ

<...> 2.2. От Павлова к Бернштейну

Задачу данного исследования составляет методологический анализ развития проблемы поведения от теории условных рефлексов, созданной И.П. Павловым, до физиологии активности, разработанной Н.А. Бернштейном. Мы попытаемся выявить тот коренной сдвиг в физиологическом мышлении, который произошел, когда науки о поведении шагнули на очередную ступень, именуемую физиологией активности. Естественно, что только имея перед собой сам этот шаг в развитии

физиологического понимания поведения, мы обретаем возможность рефлексивно оглянуться назад на исходную точку, от которой он был сделан, – теорию условных рефлексов – и выявить тот методологический каркас, который поддерживал, но, понятно, и сдерживал традиционное физиологическое мышление. Опираясь на гениальную¹ теорию Н.А. Бернштейна, не так уж трудно методологически препарировать учение об условных рефлексах и развенчивать его претензии на универсальное объяснение поведения. Но при этом автору меньше всего хотелось бы, чтобы при чтении этого текста складывалось впечатление о том, что роль и значение научных трудов И.П. Павлова недооцениваются, – они не нуждаются в аттестации. Просто для того, чтобы по достоинству оценить вклад И.П. Павлова в развитие физиологических знаний, необходимо было бы осуществить исследование обратного, ретроспективного порядка, подобное, например, тому, которое выполнено в книге П.К. Анохина «От Декарта до Павлова» (1945). Структура и план исследования таковы.

Сначала мы осуществим первичный методологический анализ теории условных рефлексов И.П. Павлова. Анализ будет вестись по таким выделяемым в современной методологии науки звеньям научной теории, как онтология, объект, предмет, идеальный объект и метод исследования. Затем по подобной схеме будет проанализирована теория Н.А. Бернштейна, названная им «физиологией активности». Наконец, в завершающей части будет дано сопоставление методологий обеих концепций.

Несмотря на симметрию теорий И.П. Павлова и Н.А. Бернштейна в намеченном плане изложения, по отношению к задачам нашего методологического изыскания они занимают различное положение. Теория условных рефлексов и стоящая за нею философия являются главным предметом методологической критики. «Физиология активности» предстает как «плацдарм», с которого эта критика ведется, как образец физиологической теории, блестяще воплотившей совсем иные, необыкновенно плодотворные для исследования поведения методологические принципы. И хотя философско-методологические симпатии автора явно на стороне «физиологии активности», авторская позиция не совмещается полностью с голосом этого «положительного героя». Такой позицией, точкой зрения, с которой ведется исследование, является психологическая теория деятельности (Леонтьев, 1972). Хотя сама она почти не будет выходить на сцену, именно ее общетеоретическими потребностями и задачами, ее интересами к проблеме поведения и к тому,

¹ Это не столько восторженная оценка, сколько констатация факта. Призываю в свидетели авторитет А.Р. Лурия, который говорил, что знал в жизни трех гениев – Л.С. Выготского, С.М. Эйзенштейна и Н.А. Бернштейна. Это свидетельство стоит дорогого, поскольку «выбор» у А.Р. Лурии, имевшего обширнейшие научные контакты и, в частности, с 18 лет переписывавшегося с З. Фрейдом, был очень большим.

как ее решают смежные науки, ее собственными методологическими поисками мотивировано все исследование.

И.П. Павлов: теория условных рефлексов

1. Онтология

Онтологией мы называем общую картину изучаемой области действительности, которая имеется у данного исследователя. Для И.П. Павлова такой картиной является схема «организм – среда». Ведущее и определяющее отношение между элементами этой схемы – отношения уравнивания. Согласно Павлову, «основная задача организма – правильное ориентирование в окружающей среде, уравнивание с ней» (Павлов, 1951).

Это уравнивание, пишет Павлов, реализуется за счет «определенных реакций на падающие извне раздражения, что у более высших животных осуществляется преимущественно при помощи нервной системы в виде рефлексов. Первое обеспечение уравнивания и целостности отдельного организма, как и его вида, составляют безусловные рефлексы... Но достижение этими рефлексами уравнивания было бы совершенно только при абсолютном постоянстве внешней среды. А так как внешняя среда при своем чрезвычайном разнообразии вместе с тем находится в постоянном колебании, то безусловных связей, как связей постоянных, оказывается недостаточно и необходимо дополнение их условными рефлексами, временными связями» (Павлов, 1951–1952).

Несмотря на некоторое косноязычие, в этом описании разворачивается величественная панорама сотворения онтологической картины и населения ее «идеальными объектами» – концептами, которым приписывается статус реального существования и особой значимости для научного исследования. Вначале сотворил Павлов среду и организм. И сказал: да будет организм уравниваться с нею. И положил: да будет среда посылать раздражения, а организм отвечать реакциями. И стало так. И создал он низших животных и высших по роду их и дал им нервную систему. И повелел он высшим животным уравниваться со средой безусловными рефлексами. Но среда была разнообразна и постоянно колебалась. И сказал он: нехорошо быть животному одному, лишь с безусловными рефлексами, и образовал из них условные рефлексы в помощь им, для установления временных связей.

Так была нарисована первичная онтологическая картина учения о высшей нервной деятельности. Основными идеальными объектами павловской онтологии являются безусловный и условный рефлексы.

Собственно, речь здесь идет об одном идеальном объекте – рефлексе, поскольку открытие двух видов рефлексов – условных и безусловных – на

самом понятии рефлекса не сказалось². Необходимо возможно более тщательно проанализировать это понятие ввиду того важнейшего места, которое оно занимает в структуре теории И.П. Павлова.

2. Основной идеальной объект (понятие рефлекса)

Рассмотрим это понятие в соответствии с тремя звеньями, которые выделяют в рефлекторной дуге, – афферентным, центральным и эфферентным. Начнем с последнего.

2.1. Абстракция простого движения

Что происходит в эфферентном звене рефлекса? Возбуждение эфферентной клетки, проведение импульса и, наконец, сокращение мышцы или выделение секрета. Самое важное в этом представлении – предполагаемая однозначность связи между возбуждением клетки и конечным двигательным эффектом. Нажатие клавиши на пишущей машинке – отпечатывание буквы на бумаге – вот точная модель такой связи. Безразлично, как зафиксировать событие: можно сказать, что напечатана буква «А», а можно – что ударили по клавише «А».

Для анализа поведения с этой точки зрения безразлично знать, произошла ли данная реакция или возбуждена клетка или группа клеток в коре больших полушарий (КБП)³: зная одно, мы знаем другое, и наоборот.

В движении, за пределами передних рогов спинного мозга в принципе не может произойти ничего нового, чего не было бы уже в ЦНС. «Последняя инстанция движения – в клетках передних рогов», – прямо утверждает Павлов.

Такое представление, согласно которому двигательный эффект рассматривается как неизменное и простое, «точечное» событие, однозначно вызываемое другим столь же простым событием – возбуждением определенной зоны коры больших полушарий, – мы и называем *абстракцией простого движения*.

Все приспособительное поведение животного складывается из условных и безусловных рефлексов. Как известно, образование условного рефлекса состоит в установлении условной связи между ранее безразличным раздражителем и безусловной реакцией. Так что, когда такая связь установлена, организм реагирует на этот раздражитель, ставший теперь «условным сигналом», реакцией, которая раньше составляла эфферентное звено безусловного рефлекса. Из этого следует, что меняться в

² «Учение об условных рефлексах бесспорно утвердило в физиологии факт временной связи... Через эту прибавку, конечно, никакого существенного изменения в понятии рефлекса не произошло» (Павлов, 1932; цит. по: Анохин, 1945, с. 98).

³ Здесь и ниже мы будем пользоваться следующими сокращениями: КБП – кора больших полушарий головного мозга; ЦНС – центральная нервная система; ВНД – высшая нервная деятельность; УР – условный рефлекс; БУР – безусловный рефлекс.

индивидуальном опыте могут только афферентные звенья рефлексов, эфферентные же животному и человеку даны от рождения и неизменны. Таким образом, выходит, будто арсенал готовых движений изначально заложен в организме и при возбуждении определенной клетки высвобождается соответствующее движение⁴.

В чем же тогда состоит для животного основная проблематичность приспособления? Чтобы приспособиться, ему необходимо и достаточно установить, какие из безразличных раздражителей соприкасаются во времени или предшествуют каждому из безусловных раздражителей, реакция на которые уже, естественно, имеется; а далее отвечать этой реакцией на все эти новые, теперь уже условные, раздражители. Весь мир, таким образом, состоит для животного из сигналов потенциальных и актуальных, а упомянутая проблематичность приспособления – в установлении между внешними событиями отношений «сигнал – сигнализируемое».

Обнаружение сигнального характера работы больших полушарий было фундаментальным открытием и заслуженно принесло И.П. Павлову имя мирового ученого. Однако нельзя не заметить, что распространение этого принципа на все приспособительные поведения животного превращает реальное, деятельное освоение им действительности в информационное (причем лишь условное) ее усвоение. Отсюда становится понятным, почему в «основную задачу организма» из реальных функций И.П. Павлов включил лишь ориентировку (*Павлов, 1951-1952*). Вытекающий из этих положений примат восприятия над действием в теоретической картине павловского учения не привел, однако, к сколько-нибудь продуктивному развитию представлений о перцептивных процессах. Простое движение не требует сложного перцептивного обслуживания. Абстракция простого движения привела с собою *абстракцию простого восприятия*.

2.2. Абстракция простого восприятия

В текстах И.П. Павлова встречаются постоянные синонимические замены терминов «раздражитель» и «возбуждение». Сигналом в одних местах называется событие во внешней среде («раздражитель»), в другом – состояние клетки в КБП («возбуждение»). Это обстоятельство свидетельствует о том, что их различие в каком-то смысле несущественно. Дело изображается так, будто каждое событие в среде имеет единообразное и полное представительство в мозгу, оно отображается состоянием некоторой клетки. Как в абстракции простого движения устанавливалось однозначное соответствие между возбуждением эфферентной клетки и движением, так теперь такое же однозначное

⁴ Ср. с утверждением Дж. Уотсона, что у 5-6-дневного ребенка имеется уже весь репертуар движений взрослого человека (*Уотсон, 1926*).

соответствие устанавливается между внешним событием и возбуждением афферентной клетки. Это представление мы и называем абстракцией простого восприятия.

Восприятие с этой точки зрения по сути есть простое проникновение «снарядов» внешней среды через афферентные проводники в мозг. При таком положении дел всегда можно утверждать, что если в среде произошло некоторое событие, произошло и соответствующее событие в коре, ибо связь между ними однозначна. Эта однозначность, однако, отнюдь не свидетельствует об объективности отражения. Напротив, от афферентной функции совсем не требуется доставление объективно верной, содержательной информации, не требуется отражение реальных характеристик объекта, достаточно лишь сигнала о его наличии. Если в среде произошло безразличное для организма событие, всякое его отображение излишне, если же случилось событие, являющееся для организма безусловным или условным раздражителем, – важно лишь «проинформировать» организм об этом факте, а его перцептивное «исследование» лишено смысла, поскольку врожденная реакция на него давно готова и от специфических характеристик объекта не зависит. Рефлекторная система будет работать правильно, если за каждым эфферентным ответом будет закреплен свой пусковой сигнал. Он может быть совершенно условным, содержательно не связанным ни с отображаемым событием, ни с вызываемой реакцией, и, тем не менее, успешно выполнять свою сигнально-пусковую функцию в рефлекторной системе.

Итак, абстракция простого движения, фиксирующая представление о врожденной предуготовленности двигательных актов организма и однозначности их вызывающих эфферентных возбуждений, влечет за собой абстракцию простого восприятия. Восприятие, таким образом, сводится лишь к сигнально-пусковой функции. Выходит, что прижизненно образуемые в мозгу животного связи не отражают содержательных, предметных отношений между событиями среды, а отражают только временные и временные связи между ними. Поэтому эти связи и называются «условными». Следовательно, абстракции простого движения и простого восприятия порождают третью абстракцию – *условной связи*.

3. Предмет и метод исследования

Если онтологией И.П. Павлова является схема «организм – среда», а основным идеальным объектом в этой онтологии – рефлекс, то предметом его исследования – высшая нервная деятельность. «Мы последовательно изучаем, – пишет Павлов, – основные свойства корковой массы, определяем существенную деятельность больших полушарий...» (Павлов, 1951–1952). Учение об условных рефлексах имеет дело с целым организмом (Анохин, 1945), то есть непосредственный объект его исследования – целый организм

и его поведение в среде. Центральная же нервная система и большие полушария в частности – лишь органы, пусть особые и важнейшие, но органы этого организма. Естественно встает вопрос, как с точки зрения условно-рефлекторной теории относятся друг к другу деятельность этого органа (ЦНС, включающей в себя КБП), то есть высшая нервная деятельность, и деятельность целого организма по отношению к среде, его поведение?

После того как мы описали те абстракции, которые предполагает традиционное понятие рефлекса, – абстракции простого движения, простого восприятия и условной связи, согласно которым различение внешнего события (будь то движение животного или изменение в среде) и возбуждения (эфферентного или афферентного соответственно) в больших полушариях несущественно в силу однозначной связи между ними, после этого следовало бы ожидать, что окажется несущественным и различение высшей нервной деятельности и внешнего поведения. Для непредвзятого наблюдателя это методологическое предположение звучит более чем странно. Но И.П. Павлов, будучи последователем, это отождествление в самом деле осуществляет.

Вот что он говорил по этому поводу в докладе на XIV Международном физиологическом конгрессе в Риме в 1932 г.: «Эту реальную... деятельность больших полушарий с ближайшей подкоркой, деятельность, обеспечивающую нормальные, сложные отношения целого организма к внешнему миру, законно считать и называть вместо прежнего термина «психической» – высшей нервной деятельностью, внешним поведением животного...» (Павлов, 1951-1952). Там же были сказаны такие, например, слова: «...Мы изучаем работу больших полушарий. Это изучение неумолимо стремится вперед без малейших препятствий, перед нами только разворачивается все более длинный ряд отношений, составляющих сложнейшую внешнюю деятельность высшего животного организма». Отождествление ВНД с внешней деятельностью животного на страницах павловских произведений встречается неоднократно (Павлов, 1951-1952). Это тождество настолько обескураживает, что возникает желание спасти методологическую репутацию теории условных рефлексов. И тогда во спасение можно сказать, что указанное отождествление носит не онтологический, а эпистемологический характер, то есть оно означает не то, что с точки зрения теории условных рефлексов ВНД и внешнее поведение – это одно и то же, но лишь то, что, зная все о деятельности больших полушарий, мы знаем все о поведении.

Иными словами, законы внешнего поведения лежат внутри организма, а именно в его нервной системе, в процессах, отправляемых

мозговой тканью. Законы, которым подчиняются эти процессы, и есть законы поведения⁵. Подробно к этому положению мы вернемся ниже.

При анализе условных рефлексов, отмечает П.К. Анохин, «возможны были два пути: один – вверх, к более сложным актам поведения животного в его своеобразной экологической обстановке, другой – вниз, к физиологическим закономерностям, к деталям конструкции и к выяснению отдельных частных механизмов. С первых же шагов учения Павлов без колебаний принял второй аспект» (Анохин, 1945). И здесь, на этом пути Павлов, по словам Анохина, столкнулся с серьезным противоречием в идее условного рефлекса. «С одной стороны, сложный приспособительный акт целого животного, с другой стороны – элементарный процесс нервной ткани: как сочетать то и другое и преподнести удовлетворительную концепцию, дающую возможность физиологического объяснения ВНД?».

И эта задача была, по мнению Анохина, И.П. Павловым решена. С этим трудно не согласиться, Павлову действительно удалось решить эту, казалось бы неразрешимую, задачу. Средством ее решения явился созданный Павловым экспериментальный метод. Мы не будем останавливаться на процедурной стороне дела, она общеизвестна, а рассмотрим роль метода в павловской концепции. Метод здесь – то ядро, которое стягивает, цементирует и согласует между собой все остальные структурные компоненты теоретической системы. Главная его функция состоит в приведении в соответствие реального объекта исследования с идеальным объектом, что обеспечивает возможность получения знаний об интересующем Павлова предмете.

Объект исследования – животное, его целостный поведенческий акт, предмет же – деятельность больших полушарий, то есть одного органа исследуемого организма. Идеальным (в смысле предельно желаемым) экспериментальным объектом с точки зрения целей исследования был бы «очищенный» от тела, но сам по себе нормально функционирующий мозг. Однако создание такого экспериментального объекта – задача технически невыполнимая. Поэтому для того чтобы исследовать деятельность этого органа, необходимо было поставить животное в такие УСЛОВИЯ, при которых его функционирование как организма по возможности

⁵ «Говорить о рефлекторной деятельности как деятельности мозга можно только условно, ибо ее телесным субстратом служат «жизненные встречи» (Сеченов) целостного организма со средой. Ведь сама аналитико-синтетическая деятельность высших нервных центров производна по отношению к реальным действиям организма (конечно, регулируемым мозгом) в реальном времени и пространстве. Роль этих действий в расчленении и интеграции средовых раздражителей необъяснима двучленкой «внешнее-внутреннее». Поэтому ее приверженцы неотвратимо вынуждены перелagать на мозг («внутреннее») как таковой всю работу по анализу и синтезу и говорить о рефлекторной деятельности мозга, а не взаимодействующего с объектом организма. Соответственно и процесс воспроизведения внешнего объекта в чувственном образе оказывается «внутренним делом» одних только нервных клеток» (Ярошевский, 1972, с. 99).

«втиснулось» бы в форму функционирования изучаемого органа, то есть все поведение было бы сведено только к высшей нервной деятельности.

Для этого в «материале» организма необходимо было воплотить абстракции, составляющие идею рефлекса, и в первую очередь абстракцию простого движения. Эта задача и была решена зажиманием подопытного животного в знаменитый привязной станок. На время эксперимента такое высокоразвитое животное, как собака, превращалось в лабораторный препарат, единственной возможностью взаимодействия которого с миром становилось слюноотделение.

Ниже нам представится возможность детально рассмотреть, как метод материализует абстракции теории условных рефлексов.

4. Методологические основания концепции И.П. Павлова

Из всего сказанного выше необходимо следует то центральное методологическое положение, на котором базируется павловское учение: законы и механизмы поведения лежат внутри организма, а именно в больших полушариях, это законы высшей нервной деятельности.

Можно, конечно, считать, что Павлов и ставил перед собой не задачу объяснения поведения животного, а лишь задачу «изучения свойств корковой массы». Но можно представить дело и следующим образом. Павлов потому решал задачу анализа нервных процессов, протекающих в больших полушариях, что считал: законы, объясняющие поведение, нужно искать в свойствах нервных процессов. Вторая трактовка кажется более вероятной:

«...При анализе поведения высшего животного до человека включительно, – писал И.П. Павлов, – законно прилагать всяческие усилия понимать явления чисто физиологически, на основе установленных физиологических процессов» (Павлов, 1951-1952), то есть возбуждения, торможения, иррадиации и т. д.

Не будем, однако, гадать о намерениях ученого. Здесь утверждается только одно: даже если бы условно-рефлекторная теория была абсолютно адекватной для анализа «процессов мозговой ткани», то и в этом случае при распространении ее объяснительных схем на анализ *поведения* животного (а тем более человека) она неизбежно столкнулась бы с неразрешимыми трудностями, причина которых в принципиальной методологической установке. Установка эта была сформулирована чуть выше и, пожалуй, может быть названа *мозговым фетишизмом*. Перефразируя описание товарного фетишизма, данное К. Марксом (Маркс, 1967), можно сказать, что в павловской теории мозг представляется самостоятельным существом, одаренным собственной жизнью и стоящим в определенных непосредственных отношениях к внешней предметной действительности. Большие полушария с их ВНД исследуются как самостоятельное существо, при этом реальное поведение, реальное телесное взаимодействие животного со средой служит лишь своего рода оптическим прибором, сквозь который и с помощью которого осуществляется наблюдение за деятельностью

больших полушарий. Внешнее поведение при этом как бы лишается материальной предметности, делается лишь индикатором мозговых процессов и как таковое выпадает из научного рассмотрения, становясь «гносеологически прозрачным» (если воспользоваться термином В. Набокова). Дело представляется Павловым так: если в ситуации образования слюнных условных рефлексов мы объяснили (объяснили ли?) поведение животного с помощью физиологических процессов, то и всякое поведение объяснимо из законов этих процессов. При этом забывается, что сама экспериментальная ситуация создана таким образом, чтобы как можно более полно исключить активное предметное поведение животного, превратив его в смотровое окошко, сквозь которое можно наблюдать «чистое» функционирование мозга⁶.

Словом, методологическая установка, названная нами мозговым фетишизмом, при объяснении внешнего поведения проявляется в поиске его законов в процессах мозговой ткани. При последовательном ее проведении она, однако, не останавливается на этом уровне, а стремится редуцировать законы уже этих процессов вплоть до последнего физикального их объяснения. Идеалом научного исследования для И.П. Павлова является «механическое толкование», к которому «приближается изучение всей действительности, включая в нее и нас. Все современное естествознание, – пишет он, – в целом есть только длинная цепь этапных приближений к механическому объяснению» (Павлов, 1951-1952).

Считая разбираемый здесь вопрос о «мозговом фетишизме» крайне важным для четкого понимания той задачи, которую решала павловская концепция, и определения действительного места павловского учения в строе поведенческих дисциплин, поясним обсуждаемое здесь на примере.

Перед нами электрическое табло, на котором загораются надписи, например, рекламные сообщения. Подчиняются ли эти надписи законам электрического тока или каким-то другим законам? Ясно, что первые ни в коей мере не определяют того, какой текст появится на табло.

Равным образом и смены текста не влияют на законы электрического тока. Сопротивления проводников и емкости конденсаторов безразличны к разнице загорающихся слов. Однако функционирование табло как некоторой системы существенно зависит от того, какие слова должны в данный момент появиться на экране, – включаются связи между одними

⁶ Вот что писал о подобной методологической опасности «объективной» экспериментальной науки А.А. Ухтомский: «В таких тонких делах, как «ВНД», экспериментатору приходится опасаться самого себя более, чем где бы то ни было, дабы не вывести потом «нормальных закономерностей» и «обязательных правил» на основании того, что наделал в опыте своими руками. Человек – поистине мощное существо: он изменяет среду вокруг себя в сторону своих субъективных данных еще прежде, чем заметит это и захочет этого» (Ухтомский, 1954, с. 34-35).

элементами и выключаются между другими, изменяется последовательность их работы.

В действующей системе можно выделить несколько «слоев», подчиняющихся особым закономерностям. Слой, законы которого определяют протекание электрических процессов, назовем «субстанциональным». Слой, в котором происходит детерминация появления именно этого сообщения на экране, будет слоем «актуальным». Между ними располагается вспомогательный слой – «функциональный», задачей которого является организация и реорганизация субстанциональных элементов и связей так, чтобы их функционирование реализовало процессы слоя «актуальности»⁷.

Что дает для нашей проблемы анализ этого примера? С помощью полученной методологической конструкции мы можем теперь в первом приближении указать ту действительную задачу, которую решал и мог при его методологических и методических средствах решить И.П. Павлов.

Исследовательский интерес теории условных рефлексов, как уже говорилось, фактически не выходит за пределы рогов спинного мозга в реальное взаимодействие животного с предметной средой. Может быть, анализ того, что происходит здесь, анализ реальных поведенческих процессов ничего не прибавляет к нашему знанию о нервной деятельности? Да, для той задачи, которую фактически решает И. П. Павлов (независимо от его саморефлексии), исследования этих процессов несущественны. Он изучает законы процессов, происходящих в мозговой ткани, а они не изменяются в зависимости от изменения внешней деятельности животного, подобно тому как не изменяются законы электрического тока, реализующие работу компьютера, в зависимости от перемены программного обеспечения. *Функционирование мозга* меняется под влиянием осуществляемого поведения, а *законы протекания мозговых процессов* – нет.

Если мы видим, что камень летит вверх или падает вниз с ускорением, не равным g , это не значит, что мы присутствуем при нарушении закона всемирного тяготения. Однако действие этого закона во всей чистоте можно эмпирически наблюдать только при особых, идеальных условиях (отсутствии действия на тело сил сопротивления воздуха и других сил, кроме сил притяжения). В случае попытки анализа законов мозговых процессов в чистом виде таким приближением к подобным идеальным условиям явилась, как мы уже видели, ситуация образования слюнных условных рефлексов. Таким образом, действительной задачей исследований И.П. Павлова является, в нашей терминологии, изучение субстанционального слоя работы мозга как системы. Но как это ясно из

⁷ Сам пример и его анализ заимствуется из семинаров Московского методологического кружка под руководством Г.П. Щедровицкого, В.Я. Дубровского, О.И. Генисаретского. К сожалению, точно восстановить авторство этого примера не представляется возможным, но вероятнее всего он причаждает А.А. Тюкову.

примера, знание законов этого слоя нисколько не приближает нас к проникновению в тайны других слоев, их особых закономерностей⁸.

5. Рефлексы на свободе

Кажется, на научное понятие распространяются и закон Мерфи, и принцип Питера: если объем понятия может расти, он растет, и в этом росте понятие стремится достичь своего уровня некомпетентности.

Теория условных рефлексов не смогла, конечно же, ограничиться задачей анализа «мозговых процессов». «Мы имеем претензию, – писал И.П. Павлов, – все поведение животного объяснить физиологически» (Павлов, 1951-1952). Однако попытки вывести понятие условного рефлекса за пределы привязного станка и попытаться рефлексологически объяснить реальные психологические феномены оборачивались порой откровенным конфузом.

Приведем для примера попытку воспользоваться понятием рефлекса для анализа свободы и рабства. В мае 1917 г. Павловым совместно с Губергрицем был прочитан доклад в Петроградском биологическом обществе под примечательным заглавием «Рефлекс свободы». Вот фрагмент этого доклада: «Очевидно, что наряду с рефлексом свободы существует также прирожденный рефлекс рабской покорности... Как часто и многообразно рефлекс рабства проявляется на русской почве! Приведем один литературный пример. В маленьком рассказе Куприна «Река жизни» описывается самоубийство студента, которого заела совесть из-за предательства товарищей в охранке. Из письма самоубийцы ясно, что (что же ясно авторам? – Ф.В.) студент сделался жертвой рефлекса рабства, унаследованного от матери-приживалки. Понимай он это хорошо, он, во-первых, справедливее бы судил себя (то есть не позволил бы своей совести так укорять его за предательство, сославшись на дурную наследственность?! – Ф.В.), а во-вторых, мог бы систематическими мерами развить в себе успешное задержание, подавление этого рефлекса» (Павлов, 1951-1952). В комментариях подобное рефлексологическое литературоведение не нуждается.

Коснемся еще одной «территории» за пределами привязного станка, куда попыталось шагнуть понятие рефлекса. Речь идет о цели и целевой детерминации двигательных актов. Важность этой темы в том, что категория цели приобрела особую значимость в последующих теориях

⁸ Наглядную иллюстрацию этого положения можно найти у Ф.Г. Оллпорта. В статье «Структурирование событий» (Allport, 1954) он дает описание некоторого события на языке физических и физиологических законов. После почти двухстраничного их списка читателю предлагается идентифицировать это событие. Стоило, однако, только поставить задачу в таком виде, чтобы увидеть ее абсолютную неразрешимость. Оказывается же, событие состояло в том, что мальчик влез на стул, налил из графина воды и выпил ее. Почти буквальную аналогию такого описания представляет объяснение Павловым, например, чувства овладения (П. Жане) (Павлов, 1951–1952, т. 3, кн. 2).

П.К. Анохина и Н.А. Бернштейна, поставивших перед собой задачу физиологического объяснения активности животных.

6. Проблема цели

По существу И.П. Павлов обсуждал проблему цели всего один раз, в докладе «Рефлекс цели», сделанном на III съезде по экспериментальной педагогике в 1916 г. Центральное положение доклада заключалось в необходимости отличать акт стремления к цели от смысла и ценности самой цели (Павлов, 1951–1952).

Текст этого доклада, прочитанного в несвойственной автору «менталистской» манере, можно трактовать очень по-разному. Не подкрепленный другими высказываниями И.П. Павлова по этому поводу и экспериментами, основанный лишь на житейских наблюдениях, он оставляет слишком большую свободу интерпретаций и, значит, опасность внести в его понимание чрезмерно много чуждых, быть может, докладчику представлений.

Поэтому обратим внимание лишь на то, что само словосочетание «рефлекс цели» противоречит как понятию рефлекса, так и понятию цели, обесмысливая и то, и другое⁹. Больше к обсуждению этой проблемы И.П. Павлов фактически не возвращался. П.К. Анохин объясняет это тем, «что сам факт возникновения цели для получения этого или иного результата вступает в принципиальное противоречие с основными чертами рефлекторной теории» (Анохин, 1975), с ее последовательно-натуралистической методологией, добавим мы. Вот что пишет по этому поводу сам Павлов: «Видя развитие живой природы, проявление общего, нам еще не известного его закона, мы антропоморфически, субъективно, как вообще, так и на отдельных фазах, заменяем знание закона словами «цель», «намерение», то есть повторяем только факт, ничего не прибавляя к его настоящему знанию. При истинном же изучении отдельных систем

⁹ «Рефлекс, – писал Л.С. Выготский, – понятие абстрактное; методологически оно крайне ценно, но оно не может стать основным понятием психологии как конкретной науки о поведении человека. На деле мы не кожаный мешок, наполненный рефlekсами, а мозг – не гостиница, а сложные группы, соединения, системы, построенные по самым разнообразным типам.

В самом деле, рефлекс в том смысле, в каком он употребляется у нас, напоминает очень близко историю Каннитферштана, имя которого бедный иностранец слышал в Голландии всякий раз, в ответ на всякий свой вопрос: кого хоронят, чей это дом, кто приехал и т. д. Он в наивности думал, что все в этой стране совершается Каннитферштаном, между тем слово это означало только то, что его вопросов не понимали встречные голландцы. Вот таким свидетельством в непонимании изучаемых явлений легко может представиться иной «рефлекс цели» или «рефлекс свободы». Что это не рефлекс в обычном смысле – в том смысле как слюнной, – а какой-то отличный от него по структуре механизм поведения, ясно для всякого. И только при всеобщем приведении к одному знаменателю можно обо всем говорить одинаково: это – рефлекс, как это – Каннитферштан. Самое слово «рефлекс» обесмысливается при этом» (Выготский, 1925, с. 179).

природы, до человека включительно, из которых она состоит, все сводится лишь на констатирование как внутренних, так и внешних условий существования этих систем, иначе говоря, на изучение их механизма, и втискивание в это исследование идей цели вообще и есть смешение разных вещей и помеха доступному нам сейчас плодотворному исследованию. Идея возможной цели при изучении каждой системы может служить только как пособие, как прием научного воображения, ради постановки новых вопросов и всяческого варьирования экспериментов...» (Павлов, 1951-1952).

В приведенном отрывке мы видим различие цели как условного познавательного приема и как понятия объективно-онтологического. Признавая осмысленность и эвристичность первого употребления, И.П. Павлов решительно отвергает второе. Причина тому – методология механистического материализма, которой придерживался Павлов (отставая в плоскости философской рефлексии от своего собственного теоретического мышления, реализовавшего, по свидетельству М.Г. Ярошевского (1972), идеи более высокого порядка – идеи биологического детерминизма), а механицизм считает целевую связь не более чем идеалистически перевернутой причинной связью. А раз так, то признание ее реального существования влечет за собой признание влияния на ход событий будущего, то есть того, чего еще нет. Зная только такую цель, И.П. Павлов отвергает всякую возможность введения понятия цели в объяснение поведения.

Однако есть еще одна, не менее важная причина игнорирования этого понятия, прямо вытекающая из теоретических представлений И.П. Павлова. Как мы видели выше, исследования Павлова фактически отвлекаются (теоретически и методически) от рассмотрения реальных движений животного. «Цель же, – замечал еще Аристотель, – это цель какого-нибудь действия, а все действия сопряжены с движением. Так что в неподвижном не может быть этого начала (цели)» (Аристотель, 1975).

Н.А. Бернштейн: физиология активности

В наши задачи не входит сколько-нибудь подробный анализ концепции Н.А. Бернштейна. Думается, она вообще должна еще подождать своего историка – слишком мало мы отошли от того грандиозного события в развитии физиологического (а косвенно – и психологического) мышления, которое являет собой физиология активности. Тем не менее уже сейчас можно выделить те главные открытия, которые сделал Н.А. Бернштейн.

1. Факт сложности движения

Краеугольным камнем теоретических построений Н.А. Бернштейна является описанный им факт неоднозначной связи между эфферентным импульсом и результирующим движением. Чтобы проследить за логикой

мысли Н.А. Бернштейна¹⁰, нужно начать с элементарного вопроса: что непосредственно обеспечивает судьбу особи в процессе приспособления к реальным обстоятельствам жизни? Ответ очевиден: эффекторные функции. Рецепторика же представляет собой подсобную, обслуживающую функцию. «Нигде в филогенезе созерцание мира не фигурировало как самоцель, как нечто самодовлеющее» (*Бернштейн*, 1947).

При этом животное, обитающее и действующее в среде, своим внешним поведением вынуждено «говорить на языке этой среды». Это необходимое условие его приспособленности к внешнему миру. Кроту необходимо прорыть ход в почве, обладающей совершенно конкретными физическими характеристиками, рыси – приземлиться при прыжке именно в ту точку и в то время, когда там находится жертва, а той, чтобы выжить, нужно суметь убежать. Иначе говоря, в процессе приспособления животное постоянно решает «двигательные задачи». Двигательная задача – это определяющееся совокупной ситуацией изменение предметной действительности, которое необходимо осуществить животному в данный момент. Для того чтобы решить ее, естественно, нужно осуществить ряд движений.

Рассмотрим, как связаны между собой эти движения и эфферентная импульсация, которая их вызывает. Для упрощения изложения этой проблемы введем понятие «парциального» движения (хотя сам Н.А. Бернштейн им не пользуется) по аналогии с понятием парциального давления газа в физике. Парциальным будем называть такое гипотетическое движение, которое бы произошло, если бы во время движения тело оказалось бы вне поля действия каких-либо внешних сил. Иначе: парциальное движение мы получили бы, если бы из совокупности всех сил, определивших реальное движение, вычли все вектора внешних сил. Введением этого понятия фиксируется тот тривиальный, казалось бы, факт, что реальное движение тела зависит не только от сил внутренних, но и от внешних по отношению к организму сил (тяготения, сопротивления предметов и противников и т. д.).

Что представляют собой эти последние? Определяется ли парциальное движение только сокращением мышц? Стоит лишь попристальней взглянуть на тело как на механическую систему, чтобы убедиться, что это не так. То, каково будет парциальное движение, зависит и от положения, в котором находилось тело в момент сокращения мышц, и от тех относительных ускорений, с которыми двигались его отдельные звенья. То есть парциальное движение определяется сокращением мышц и инерцией тела. Но более того: оказывается, что само сокращение мышцы зависит не только от центрального импульса, но также от функционального состояния мышцы и от ее наличной длины (*Бернштейн*, 1966)

¹⁰ Увы, приходится браться за неблагодарное дело: пересказывать логически безупречные и стилистически поэтичные работы Н.А. Бернштейна (не зря в свое время автор учился на филологическом) – значит неизбежно огрублять их.

(Напомним, что между напряжением мышцы и ее наличной длиной существует механическая обратная связь: изменение напряжения мышцы изменяет распределение сил в сочленении, следовательно, и взаимораспределение и взаиморасположение звеньев сочленения, а значит, и длину мышцы.)

Таким образом, писал Н.А. Бернштейн, преодолевается «старое привычное представление, *implicite* принятое и до сих пор сохранившееся у многих физиологов и клиницистов, согласно которому скелетное звено вполне покорно центральному импульсу и однозначно повинует ему. По этому представлению центральный импульс «а» всегда вызывает движение «А», а импульс «в» – движение «В», из чего далее следует, что легко строится представление о двигательной зоне коры как о распределительном пункте с пусковыми кнопками» (Бернштейн, 1966).

Этой абстракции «простого движения» Бернштейн противопоставляет представление, которое можно было бы назвать *моделью сложного движения*. Попробуем изобразить ее в виде схемы 1.

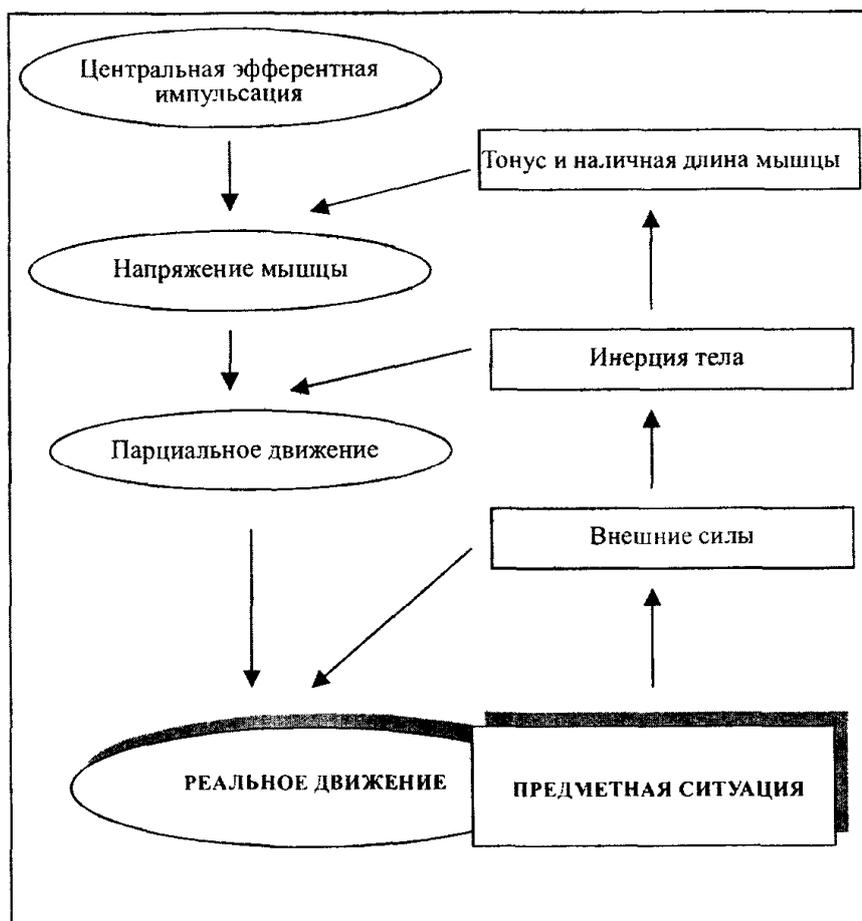

Схема 1. Модель сложного движения

Эта схема упрощает строгие математические и инженерные выкладки Н.А. Бернштейна, но и в таком виде она фиксирует главное – факт, что между центральной эфферентной импульсацией и реальным движением

животного существует связь сложная, неоднозначная и принципиально невычислимая до деятельного столкновения животного с конкретной предметной ситуацией. Это и есть факт сложности движения, как мы его назвали. Тем самым была преодолена одна из основных догм традиционных рефлексологических и бихевиористских теорий, полагавших, что любое движение животного содержится в потенциальной форме в организме, высвобождаясь в неизменном виде при наличии определенной, раз и навсегда заданной эфферентной импульсации.

К методологическим следствиям этого открытия у нас еще будет повод обратиться, но у медали факта сложности движения есть и конкретно-теоретическая обратная сторона – *сложность восприятия*.

2. Сложность восприятия

В сложной кинематической цепи, которую представляет собой тело высшего животного, поясняет НА. Бернштейн, всякая сила, возникающая в одном из звеньев, тотчас же вызывает целую систему реактивных и отраженных сил. «Эти реактивные силы наслаиваются на те силы, которые находятся в распоряжении организма и делают общую динамическую картину движения цепи... практически *непредусмотримой* из-за крайней их механической запутанности» (Бернштейн, 1947).

Если добавить к этому многообразные текущие воздействия на движущееся тело животного сил предметной среды, не только постоянных (таких, как сила тяжести) и независимых от его движений (таких, например, как скорость течения реки, по которой животное плавает), но и «развязываемых» каждым движением животного, то становится совершенно понятным, что центральной нервной системе приходится управлять чрезвычайно мало подчиненным ей «механизмом», движение которого хотя и зависит от центральной эфферентной импульсации, но также и от огромного количества других влияний. Особая парадоксальность положения ЦНС как управляющего органа в том, что учесть эти влияния загодя, в момент посылы импульса-распоряжения невозможно, поскольку до движения многих из них просто нет, они развязываются самим движением и меняются по ходу его осуществления.

«Путь, найденный природой к преодолению охарактеризованных трудностей, прямо подсказывается фактом двоякой обусловленности мышечных напряжений. Раз при данном физиологическом состоянии мышцы напряжение ее зависит от ее наличной длины, значит, ЦНС будет реально в состоянии придать мышце то или иное требуемое напряжение в том и только в том случае, если она будет в курсе этой наличной длины мышцы и всех претерпеваемых ею изменений» (Бернштейн, 1947). Значит, для адекватного управления напряжениями мышц с помощью эфферентных импульсов ЦНС должна постоянно иметь приток информации о позе кинематической Цепи и о мере растяжения каждой из влияющих на ее движение мышц. Наличие такой информации и путей, ее проводящих, было неоднократно доказано клинически и экспериментально.

Подобный принцип координации получил в концепции Бернштейна название *принципа сенсорных коррекций*. Естественно, что не одна лишь проприорецепторика, а «все виды афферентаций организма принимают в разных случаях и в разной мере участие в осуществлении сенсорных коррекций. Иными словами, каждому виду и качеству чувствительности доводится в очередь с ее основной экстерорецептивной (иногда и интерорецептивной) работой выполнять функции наблюдения за движениями собственного тела и сигнализировать о них в ЦНС в порядке выполнения сенсорных коррекций». Принцип сенсорных коррекций приводит к важному различению двух функций афферентаций: контрольно-корректировочной и сигнально-пусковой. В условнорефлекторной теории, как показано выше, могла быть замечена и принята в расчет только вторая из них – восприятие безусловных и условных стимулов реагирования, «что оставляло вне поля зрения глубоко важные формы работы рецепторики как неотрывного участника кольцевых процессов взаимодействия с внешним миром» (Бернштейн, 1963).

Если в павловской концепции на долю афферентаций выпадало лишь запускать движение, если она находила их готовыми (причем врожденно) и задача ее заключалась лишь в том, чтобы дать им толчок, когда требуется, то в свете факта сложности движения, того факта, что двигательный эффект центрального импульса не может быть предрешен в центре, стало ясно, что перед афферентацией наряду с сигнальной задачей стоит задача участия в построении движения. В то время как в павловской концепции вся проблематичность мира и жизни для животного заключалась в том, чтобы опознать ситуацию, то в теории Бернштейна к ней прибавляется не менее важная задача – совершить действие. Самый своевременный и громкий сигнал пожарной тревоги не погасит огонь. Животному требуется не только заметить опасность, но и избежать ее, не только установить по условным сигналам наличие привлекательного объекта, но и овладеть им, решив двигательную задачу, – вот целостный приспособительный акт.

Когда движение уже «запущено в ход» тем или иным сенсорным сигналом, от особи для решения двигательной задачи требуется уже не условное, кодовое, а объективное, количественно и качественно верное отображение окружающего мира. Оно обеспечивается, согласно теории Бернштейна, рядом так называемых сенсорных синтезов, или полей, к которым относятся схема тела, пространственно-двигательное поле, синтез предметного пространства и др. Объективность отражения животным среды, понятно, не означает зеркальности этого отражения, о чем говорит хотя бы наличие нескольких существенно разных сенсорных синтезов. Эти последние в действии и через действие подвергаются «прогрессирующей шлифовке и перекрестной выверке показаний» (Бернштейн, 1947).

Мы видим, какое усложнение представлений об афферентном процессе повлек за собой отказ от взгляда на движение животного как на простое событие, однозначно вызываемое эфферентным импульсом.

3. Идеальный объект концепции – рефлекторное кольцо

Открытие «сложности движения» и «сложности восприятия» привели Н.А. Бернштейна к пересмотру структуры отдельного поведенческого акта – схема дуги была заменена схемой *рефлекторного кольца* (Конради, 1934). Введение схемы кольца было вызвано доказательством принципиальной неуправляемости движений с помощью одних только сколь угодно тонких эфферентных последовательностей импульсов (Бернштейн, 1947).

Эта схема в одном из первоначальных вариантов выглядела таким образом (см. ниже схему 2):

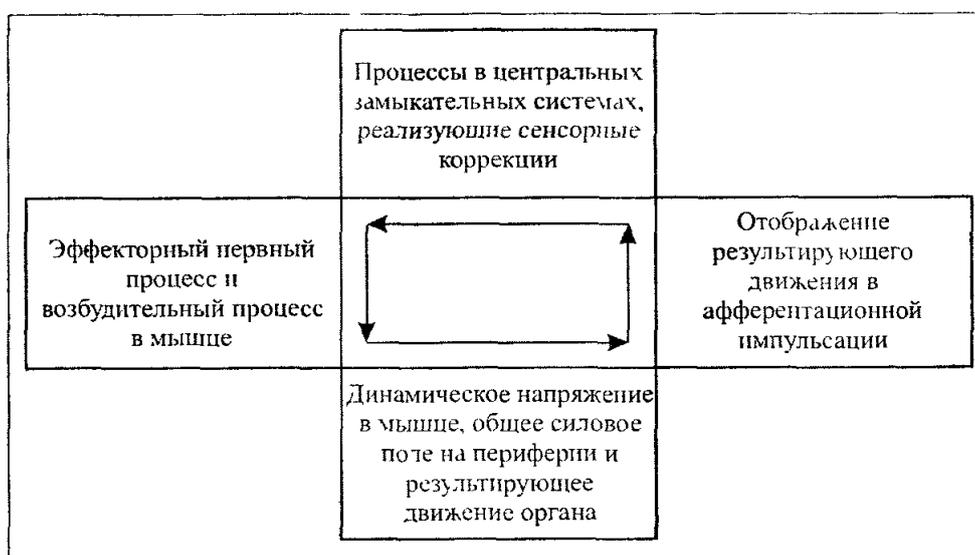

Схема 2. Схема рефлекторного кольца (по Бернштейну, 1947)

В связи с введением таких представлений произошел коренной пересмотр статуса рефлекса в поведении животного. Рефлексы перестали казаться атомами, из соединения которых складываются сложные поведенческие акты. «Рефлекс – не элемент действия, а элементарное действие, занимающее то или другое место в ранговом порядке сложности и значимости всех действий организма вообще» (Бернштейн, 1966).

4. Еще раз о методе теории условных рефлексов

Такое неуместное расположение этого раздела объясняется тем, что только теперь, обретя в концепции Н.А. Бернштейна необходимые теоретические средства, мы можем достаточно полно понять каждый момент методической процедуры образования УР и ту роль, которую играет экспериментальный метод И.П. Павлова в его концепции.

Основная функция экспериментального метода в структуре научной концепции состоит в приведении реального объекта исследования в

соответствие с основным идеальным объектом данной концепции. Реальный объект специальными процедурами и всяческими методическими ухищрениями как бы вталкивается в форму идеального объекта, там же, где это не удастся, выступающие детали отсекаются либо технически, либо теоретически: их считают артефактами.

В случае павловской концепции реальным объектом исследования можно считать поведение животного, а основным идеальным объектом теории, как мы видели, понятие рефлекса. Если экспериментальный метод должен в материале реального объекта исследования воплотить идеальный объект теории, это означает в данном случае, что поведение животного должно быть организовано в экспериментальной ситуации таким образом, чтобы обеспечить основные абстракции, которые конституируют понятие рефлекса, – абстракцию простого движения и абстракцию простого восприятия. Как это делалось?

Предположим, что изложенная выше схема «сложного движения» (см. схему 1) является совершенно адекватным отражением объективной реальности. Что нужно для того, чтобы привести это сложное движение в соответствие с абстракцией простого движения, то есть такого, где центральный импульс однозначно связан с результирующим эффектом? Иначе говоря, что нужно, чтобы «смоделировать» в эксперименте «простое движение»? Для этого необходимо согласно схеме «сложного движения» сделать константными величинами:

- (а) наличную длину мышц;
- (б) инерцию тела;
- (в) внешние силы.

Кроме того, необходим еще один пункт (г) – обеспечить независимость реального движения от влияний «предметной ситуации».

Задачи (а) и (б) в павловских опытах решались лишением животного возможности двигаться: собака зажималась в привязной станок. Требование (в) обеспечивается при этом автоматически. Наконец, последняя задача – достижение независимости реакции от предметной среды – решалась тем, что в качестве «зависимой переменной» в классических опытах павловской школы было выбрано слюноотделение, то есть реакция, которая может осуществляться безо всякого взаимодействия с предметной средой. Заметим, что выбор в качестве непосредственного объекта экспериментального наблюдения одних только слюнных реакций позволял кроме последней задачи еще раз продублировать и решение задач (а), (б) и (в), поскольку все эти механические величины для слюноотделения практически несущественны. Такое дублирование не было, однако, бессмысленной перестраховкой: животное нужно было обездвижить не только ради материализации абстракции простого движения, но и для

попытки экспериментального воплощения абстракции простого восприятия¹¹.

Воплотить эту абстракцию – такова была вторая необходимая задача экспериментального метода, стремившегося превратить реальный объект исследования (поведение) в идеальный объект (рефлекс). Восприятие, неотъемлемый «функциональный орган» (Зинченко, 1997; Зинченко, Гордеева, 1982) всякого процесса, заслуживающего имени «поведение», является (сейчас для психологов это кажется чуть ли не очевидным) активным процессом построения образа. Этому активному процессу в павловских опытах противостояла в качестве формы, к которой его нужно было привести, абстракция простого восприятия, описанная выше. Как ее пытались обеспечить в эксперименте? Главный путь, по которому пошли исследователи, строился по такой приблизительно логике.

Каждый раздражитель однозначно вызывает соответствующее событие в больших полушариях – возникновение очага возбуждения. В свою очередь эти очаги по законам функционирования мозговой ткани вызывают процессы иррадиации, индукции и т.д. Нам нужно исследовать эти процессы в чистом виде, как исходящие из двух контролируемых точек, соответствующих сигнальному и безусловному раздражителям, не допустив никаких дополнительных посторонних влияний на них из других источников. Этого можно достичь, если исключить из экспериментального поля все возможные стимулы, кроме тех, которыми управляет экспериментатор. Для этого необходимо, во-первых, устранить по возможности все движения животного, которые сами являются проприоцептивными раздражителями, да вдобавок воздействием на предметы в экспериментальном помещении могут создать неучтенные экспериментатором раздражители, а во-вторых, сконструировать искусственные «химически чистые» раздражители, оградив экспериментальные стимулы от всякого рода шумовых и фоновых примесей (Бернштейн, 1966). И вот для решения этой задачи строится специальное сооружение, со всякого рода звуко- и светоизоляцией, романтически названное «Башня молчания». Столько было вложено трудов, но на поверку оказалось, что животное хотя и живет в мире реальном, но реальность эта совершенно не совпадает с тем, как она видится натуралистическому, физикалистскому мышлению: то, что экспериментаторы считали чистым, нейтральным фоном, почти полным отсутствием раздражителей, явилось для подопытных собак сильнейшим раздражителем. Тишина «Башни молчания» была оглушительной.

Тем не менее при всех издержках и накладках можно утверждать, что свою миссию метод формирования условных рефлексов выполнил: поведение животного было уложено в прокрустово ложе понятия рефлекса,

¹¹ Вообще говоря, тотальный контроль над восприятием, имеем ли мы дело с политикой, воспитанием или экспериментами над животными, – задача намного более трудная, чем контроль над действием.

что и Дало возможность обширнейших экспериментальных исследований закономерностей обусловливания. С научной точки зрения все было сделано почти безупречно. С методологической же проблема состояла в том, насколько правомерны переносы этих закономерностей «идеального объекта» (рефлекса) на целостный реальный объект (поведение). Игнорирование этой проблемы привело к тому, что теорией условных рефлексов воспользовались в свое время для идеологических гонений на психологию. Впрочем, эта тема выходит за пределы наших исследовательских задач.

5. *Онтология и методология теории Н.А. Бернштейна*

Основное содержание онтологической картины концепции Бернштейна зафиксировано в самом ее названии – «физиология активности». Если действующие лица, на первый взгляд, остались здесь прежними (Н.А. Бернштейн так же, как и И.П. Павлов, рассматривает схему «организм – среда»), то содержание ролей радикально изменилось: понятию организма и его основному отношению к среде даются совершенно новые интерпретации.

В то время как традиционная физиология, занимаясь поведением, ограничивалась, по существу, рассмотрением отдельных приспособительных актов, в теории Н.А. Бернштейна горизонт физиологического умозрения расширяется до анализа жизни особи. Для этого потребовалось в первую очередь пересмотреть сложившееся понятие организма, трактовавшее его как реактивно-уравновешивающуюся систему.

В концепции Бернштейна организм рассматривается как организация, характеризующаяся двумя главными свойствами. Во-первых, это организация, сохраняющая свою системную тождественность сама с собой, несмотря на непрерывный поток как энергии, так и вещества, субстрата, проходящих через нее. Несмотря на то, что ни один индивидуальный атом в организме не задерживается в составе его клеток, организм остается сегодня тем же, чем был вчера, и его жизнедеятельность обуславливается всей его предшествующей жизнью.

Во-вторых, – развивает биологическую диалектику Н.А. Бернштейн, – организм на всех ступенях и этапах своего существования непрерывно и направленно изменяется. Эта направленность онтогенетической эволюции неоспоримо доказывается хотя бы тем, что тысяча представителей одного животного или растительного вида развивается в особей, одинаковых по своим основным или определяющим признакам, несмотря на иногда весьма резкую неодинаковость внешних условий жизни у разных индивидов. Что касается эмбриогенеза, то, начиная уже со стадии оплодотворенного яйца, организм обладает закодированной моделью будущего своего развития, оформления и закодированной же программой последовательных ступеней этого развития.

Самое же важное, по мнению Бернштейна, состоит даже не в этой «запрограммированности», а в том динамическом начале (в конце концов,

вероятно тоже как-то закодированном и обладающим своим вещественным субстратом-носителем в клетке), которое создает у особи активное антиэнтропийное, преодолевающее стремление к реализации этой кодированной модели (Бернштейн, 1963).

Какие следствия влечет за собой это изменение понятия организма для онтологической картины концепции? Ясно, что отмеченная выше тождественность результатов морфогенетического развития на фоне изменчивых условий говорит о том, что организм активно преодолевает возможные и неизбежные внешние препятствия на пути программы своего морфогенеза. Экспериментальные факты повреждений и частичных ампутаций (например, конечностей) в эмбриогенезе, ампутаций, не мешающих этим органам развиваться в полноценную конечность; факты анатомических, а еще более функциональных регенераций; клинический материал – все эти данные говорят о том, что организм активно борется за свое выживание, развитие и размножение. Процесс жизни – это не уравнивание с окружающей средой, как считал И.П. Павлов. Такое уравнивание обрекло бы каждую особь на полную зависимость от среды и ее изменений, в результате чего о программном морфогенезе с удержанием стойких признаков вида нельзя было бы и думать. Процесс жизни – это преодоление среды, направленное при этом не на сохранение статуса или гомеостаза, а на движение в направлении родовой программы развития и самообеспечения (Бернштейн, 1963).

Такому общему взгляду на жизнь особи, на отношение «организм – среда», важнейшее в онтологии биологических дисциплин, полностью соответствует произошедшая в концепции Н.А. Бернштейна смена представлений об отдельном акте поведения, рассмотренная выше. Он существенно определяется средой, но никогда полностью не детерминирован ею. Активность – эта важнейшая черта живых систем (Бернштейн, 1966) – на уровне отдельных поведенческих актов проявляется в их *целеустремленности*. Если понятие цели в концепции И.П. Павлова, как мы видели, в лучшем случае допускалось лишь в исследовательскую «кухню» как эвристический познавательный прием, то в физиологии активности Н.А. Бернштейна это понятие онтологизируется. Без него факты сложного поведения животного, факты координации и управления собственными движениями попросту необъяснимы.

Обнаружение и исследование «сложности движения» в своем методологическом звучании явилось открытием предметного характера движения. Тривиальный, но от этого не становящийся несущественным факт активного взаимодействия живого существа с вещами внешнего мира совершенно не учитывался павловской физиологией. Она видела, с одной стороны, *движение* (сводимое к реакции), с другой – *предмет* (сводимый чаще всего к раздражителю, условному или безусловному), но не видела *живого предметного движения*, то есть движения, во-первых, удовлетворяющего некоторую жизненно важную потребность организма, а

значит, в определенных своих параметрах жестко заданного этой потребностью, и, во-вторых, развертывающегося в предметном мире и вынужденного поэтому, чтобы быть успешным, соответствовать по своему составу объективным свойствам этого мира.

Сложное строение тела высшего животного, с одной стороны, и подвижное многообразие объективных обстоятельств, с другой, делают всякую поведенческую ситуацию практически уникальной, так что даже самый богатый репертуар врожденных реакций в принципе не мог бы обеспечить каждую из ситуаций адекватным движением. Движение должно быть всякий раз заново построено.

Нужно было коренным образом изменить представление об организме и способе его жизни, как это сделал Н.А. Бернштейн, чтобы поставить в конкретно-научной плоскости проблему построения движений. Ее решение с логической необходимостью потребовало перестройки концептуального аппарата физиологической науки в той его части, которая была предназначена для изучения поведения. Сюда относится переход от схемы рефлекторной дуги к схеме рефлекторного кольца, развитие представлений о коррекции движений с помощью проприорецепторики (в широком смысле), что означало открытие важнейшей контрольно-корректировочной функции афферентации наряду с открытой И.П. Павловым сигнально-пусковой ее функцией. Наконец, в аппарат поведенческих дисциплин был введен ранее считавшийся крамольным комплекс понятий: цель, задача, «модель потребного будущего». Эти понятия, фиксируя важнейший механизм реализации сложного поведения, явились в то же время конкретным воплощением общей идеи активности – активного, деятельного, преодолевающего отношения организма к среде, – пришедшей на смену представлениям об этом отношении как об уравнивании.

Столь значительный прогресс в теоретических представлениях был возможен лишь при овладении новыми, более мощными методологическими средствами. В этой методологической плоскости концепцией Н.А. Бернштейна был сделан шаг не меньший, чем в плоскости конкретно-научной. В науках о поведении это был шаг от методологии натуралистической к методологии деятельностно-ориентированной.

Центральная для методологии науки проблема детерминизма была в физиологии активности решена парадоксальным для классического физиологического натурализма образом: не столько законы функционирования мозговой ткани определяют поведение животного, то есть его реальную жизнь, сколько сама эта жизнь, деятельное решение жизненных задач определяет функционирование мозга, а в эволюционных масштабах и его строение.

Можно сказать, что Н.А. Бернштейн открыл для конкретно-научного физиологического исследования поведенческую реальность, сумев описать его единицу – «живое движение». Входящий в состав живого движения

механизм «сенсорных коррекций» делает его движением «умным», «зрячим», поэтически выражаясь – «исполненным очей», а психологически – осмысленным, изнутри просветленным отражением предметной реальности. Но само это отражение, этот «ум» живого движения вовсе не самостоятельная, отдельная от собственно движения инстанция, а «функциональный орган» (см. *Зинченко, 1997; Зинченко, Гордеева, 1982*), вне и помимо самого движения не работающий. Все это известные и житейскому самонаблюдению вещи: так нога, нащупывая в темноте тропинку, одновременно и исполняет очередной шаг, и изучает предметную реальность, и гибко перестраивает свое движение в соответствии с этой реальностью. Впрочем, то, что для житейского сознания просто, то нередко чрезвычайно сложно для точной научной фиксации.

Это, так совершенно устроенное у высших животных, внешнее поведение, в павловской теории, несмотря на ее претензии объяснить фундаментальные законы поведения, по существу изгонялось из физиологической науки. Реальное поведение (как действие, так и восприятие) низводилось в павловской системе до роли источника информации для мозга животного и индикатора гипотетических мозговых процессов (индукции, иррадиации, замыкания и т.п., что Б.Ф. Скиннер ядовито, но точно назвал «концептуальной нервной системой») для исследователя.

Ничего интересного от исследования строения самого поведения не ждали, весь интерес был направлен вглубь, за черепную коробку, содержащую, как думалось, в себе все тайны и законы поведения животного и человека.

Гносеологическая, лабораторная редукция поведения до роли источника информации невольно онтологизировалась, так что основной жизненной задачей животного считались не действия, а ориентирование в среде, получение своевременной информации о появившихся раздражителях. (Да и то сказать, если весь репертуар врожденных реакций всегда в распоряжении животного, главное – своевременная информация, точная ориентировка, а уж за правильным приказом и его точным исполнением дело не станет.)

Эта «информационно-ориентировочная» парадигма, заданная павловской методологией, продолжала реализовываться в трудах его учеников и последователей, в первую очередь в теории П.К. Анохина, несмотря на, казалось бы, радикальные преобразования, внесенные этой теорией в павловские представления о поведении, – понятие акцептора действия, принцип обратной связи и пр. И все же, несмотря на бесспорную продуктивность и на новейшую для того времени кибернетически-информационную терминологию, эти теории лишь закрепили главный методологический порок павловского учения – неспособность научно увидеть самостоятельную, полновесную реальность живых, предметных

двигательных актов, несводимых ни к каким условным сигналам, ни к какой информационной представленности в мозгу.

Кибернетического толка теории поведения при неоправданной экспансии информационных абстракций склонны к замещению реальности информацией о реальности, как в физиологическом мышлении И.П. Павлова реальное событие – раздражитель – легко замещалось нервным возбуждением афферентной клетки, а реальное движение – возбуждением клетки эфферентной (вспомним павловский тезис: «Последняя инстанция движения в клетках передних рогов спинного мозга»). Будь этот биологический иллюзионизм справедлив, для боксера было бы безразлично, получает ли он информацию об ударе или удар, для экспериментального животного – получает ли оно информацию о пище или саму пищу. Корыстолюбивый предтеча такой информационной теории взаимодействия живого существа с миром, хозяин стамбульской харчевни требовал от бедняка расплатиться за запах шашлыка, но Ходжа Насреддин указал ему на методологическую непоследовательность, предложив получить плату не монетами, а звоном монет¹².

Но, возвращаясь к физиологии активности, можно спросить: разве сам НА. Бернштейн, особенно в последних своих работах, не использовал в качестве ключевой идею обратной связи и не подошел к информационно-кибернетической методологии? Использовал и подошел, но стоит полностью согласиться с квалификацией А.Н. Леонтьевым этой переориентации взглядов Н.А. Бернштейна как «известного отступления от ранних работ, в которых развивался принцип активности...» (Леонтьев, 1972). Дело в том, что представление о кольцевой регуляции «живого движения» с помощью сенсорных коррекций, осуществляемых на разного уровня «сенсорных полях», хотя и содержит в себе с формально-логической точки зрения одну из центральных идей кибернетики – принцип обратной связи, но для исследования поведения намного продуктивнее и богаче этой идеи и сведена к ней быть не может.

Понятие обратной связи в физиологии поведения (реализованное, в частности, в концепции акцептора действия П.К. Анохина) оперирует поведенческими событиями как готовыми, атомарными сущностями. Движение при этом попадает в поле зрения теории только до его начала (в виде цели) и после его завершения (в виде результата). Представление же о

¹² С тревогой приходится констатировать, что информационно-кибернетический иллюзионизм, благодаря современным электронным средствам, получил возможность технически совершенного воплощения в разного рода устройствах, создающих виртуальную реальность. Как и всякое изобретение, это имеет множество замечательных приложений, но и несет в себе страшную угрозу наркотизации. Духовный смысл всякого наркотика, как утверждал П.А. Флоренский, – бегство от реальности. Но куда? В псевдореальность, которая тем сильнее пленяет, чем более притворяется подлинной.

сенсорных коррекциях и сенсорных полях разных уровней ухватывает движения животного в его живом протекании, в его динамическом построении, которое вовсе не является суммой атомарных проб исполнения данного движения. Не случайно главный труд Н.А. Бернштейна так и назван «О построении движений». Поэтому свести методологию «физиологии активности» к идее обратной связи – значит пройти мимо самого интересного, творческого, глубокого и перспективного в ней.

2.4. К проблеме единства общей психологии

Всякое исследование начинается с удивления. Более полувека тому назад Л.С. Выготский пришел к выводу, что преодоление кризиса в психологической науке прямо связано с созданием особой дисциплины – «общей психологии» – теории «психологического материализма» (Выготский, 1982; Ярошевский, 1985; Ярошевский, Гургенидзе, 1982). Создана ли в советской¹³ психологии (а лишь она будет интересовать нас в этой работе) такая общая теория? Стоит задуматься над этим вопросом, чтобы с удовлетворением ответить на него утвердительно, но тут же с недоумением признать, что... существует не одна, а по меньшей мере три общие психологии – теория отношений (В.Н. Мясищева), теория установки (Д.Н. Узнадзе) и теория деятельности (А.Н. Леонтьева)¹⁴.

Ситуация была бы понятна и естественна, если бы эти теории выросли на разных философско-методологических почвах, в разных социально-исторических условиях или если бы речь шла о отдельных областях действительности, над каждой из которых теоретически властвует отдельная концепция. Но и философские основания, и социально-исторические условия у них одни и те же, и «территория», объявляемая «юрисдикцией» всех этих концепций, – тоже одна на всех.

¹³ В данном случае определение «советская» означало государственно-географическую привязку – психология, развивавшаяся в СССР. Более подробное о лексических нюансах этого текста см. «Краткий исторический комментарий» к главе, помещенный в конце книги. Здесь и далее сноски и примечания, сделанные при подготовке текста к печати в 1998 и 2002 гг., будут помечены «звездочками», чтобы можно было отличить их от «родных» сносок, помеченных цифрами.

¹⁴ Почему названные теории приписаны именно этим авторам? Не они ведь были первооткрывателями психологических проблем отношения, установки и деятельности (достаточно вспомнить имена А.Ф. Лазурского, Л. Ланге, М.Я. Басова, С.Л. Рубинштейна). Да и что касается вклада в разработку этих проблем, то, например, заслуги С.Л. Рубинштейна в создании психологической теории деятельности не меньше, чем заслуги А.Н. Леонтьева. Дело в данном случае в другом, не в приоритете первооткрывателя и не в значимости теоретического вклада, а в возведении избранной психологической категории в особый методологический ранг: в отличие от Рубинштейна Леонтьев использовал категорию деятельности как ядро, центр всей психологической науки, а психологическую теорию деятельности превратил в общую психологию. Точно так же Мясищев превратил в общую психологию теорию отношений, а Узнадзе – теорию установки.

К этому странному обилию общих психологии нужно как-то отнестись. Речь ведь идет не о мелочах, и даже не о какой-нибудь важной, но частной психологической дисциплине, а о главном – дисциплине, которая определяет предмет всей психологической науки, формирует категориальный аппарат, связывает между собой все частные факты и закономерности, открываемые в отдельных специальных исследованиях, словом, – речь о «голове» всей психологической науки. Можно, конечно, радоваться научному многообразию: «пусть расцветают все цветы», но можно взглянуть на ситуацию и иначе. Отсутствие общей психологии рассматривалось Л.С. Выготским как симптом недоразвитости нашей науки или даже как своего рода уродство методологического тела психологии. Организм, лишенный важнейшего органа, разумеется, ненормален, но и существо о трех головах нормальным не назовешь. Не утрачивает ли смысл само понятие общей психологии, более того – само понятие научной истины, если соглашаться с тем, что в Ленинграде может быть одна общая психология и, значит, как бы одна истина, в Москве – другая, а в Тбилиси – третья? Если исходить из того, что психологическая наука должна иметь только одну общую психологию, то наличная теоретическая множественность превращается в настоящую проблему¹⁵.

Актуальность развернутой постановки этой проблемы определяется той глобальной исторической задачей, стоящей перед всей «новейшей» эпохой развития советской психологии, которая, по формулировке А.В. Петровского, заключается в формировании *системы* научных психологических знаний на основе марксистской философии (Петровский, 1967, с. 331-341). Но какая же может быть система без единой общей психологии? Ведь одного единства на уровне философско-методологических принципов, единства уже в основном достигнутого (Петровский, 1967; Рубинштейн, 1946, 1976; Ткаченко, 1977 и др.) явно недостаточно. Это философско-методологическое единство должно быть еще реализовано в конкретно-научных построениях, на предметно-теоретическом уровне¹⁶. Предложить один из возможных подходов к этой реализации – главная цель настоящей работы.

¹⁵ Ностальгическое: вот уж и «Ленинграда» нет, и Тбилиси – далеко за горами, и представление о том, что «истина одна», кажется смешным анахронизмом не только во второй своей части – «одна», но и в первой – «истина».

¹⁶ Стоит сразу же оговориться, что стремление к теоретическому единству, вытекающее из самой природы научного знания, отнюдь не совпадает со стремлением к объединению научных школ. Такое объединение не имеет смысла, да и неосуществимо, ибо школа – своего рода социальный «организм», целостность которого конституируется не одной только идейной общностью, но и целым рядом социальных, организационных, социально-психологических, биографических и прочих факторов.

Итак, имеются: с одной стороны, три общие психологии, три центральные категории (отношение, установка, деятельность)¹⁷, с другой – необходимость достижения теоретического единства. Конечно, рассуждая формально, можно приступить к решению задачи, так сказать, с дизъюнкцией в руках: верна одна и только одна теория. Но вряд ли кто-либо возьмется оспаривать, что в каждой из этих теорий содержится несомненная психологическая правда. Значит, задача достижения единства должна решаться путем *синтеза* этих концепций и их центральных категорий.

Однако само признание необходимости синтеза не предрешает того, будет ли одна из них взята за основу синтеза, а остальные включаться в нее как подчиненные, или все они будут использоваться на равных правах. Попытки пойти по первому пути¹⁸ кажутся нам недостаточно «экологичными». Поэтому основной тезис, который мы собираемся отстаивать, состоит в том, что теории и категории установки, отношения и деятельности являются равноправными, неотъемлемыми и незаменимыми «органами» потенциальной целостной диалектико-материалистической общепсихологической теории.

Сначала необходимо обосновать, почему именно и только теории установки, отношений и деятельности выбраны как синтезируемые объекты. Для этого в первую очередь нужно доказать, что каждая из них действительно является общей психологией.

¹⁷ Именно эти категории выбраны для анализа не потому, что все другие (скажем, категории отражения, сознания и пр.) можно считать менее важными, а в силу эмпирического исторического факта, что каждая из них послужила центром отдельной общепсихологической теории и дала ей свое имя.

¹⁸ Такие ассимилятивные попытки (сам факт которых лишний раз свидетельствует о тенденции к единству) предпринимались теорией деятельности и теорией установки друг по отношению к другу (*Асмолов, 1979; Шерозия, 1979*). Основным приемом состоит здесь в том, что центральная идея конкурирующей теории рассекается на две части – абстрактную и конкретную, затем первая из них отбрасывается, поскольку в ней отказываются видеть реальное психологическое содержание, и ассимилируется лишь вторая. За своей же центральной категорией, выступающей как главный объяснительный принцип, признается право выражать абстрактную и конкретную части идеи в их единстве. Так, из одной теории «выплескивается» идея первичной установки и оставляется лишь феномен фиксированной установки (*Асмолов, 1979*), а из другой устраняется категория деятельности как объяснительный принцип психологии и берется лишь понятие «актуальной («здесь-и-сейчас») деятельности» (*Шерозия, 1979, с. 24*). Словом, из концепции при такой процедуре извлекается ее, так сказать, методологическая «душа». И хотя для критикующей теории такая ассимиляция полезна, но в силу того, что она не осваивает полную суть критикуемой концепции, теоретическая победа оказывается иллюзорной, по крайней мере, с точки зрения обсуждаемой проблемы синтеза.

Воспользуемся представлениями Л.С. Выготского (*Выготский, 1982*) об общей психологии. Схематично их можно изложить следующим образом. Общая психология есть развивающееся научное образование, отвечающее объективной тенденции к единству научного знания. Тенденция к единству реализуется в двух взаимосвязанных тенденциях – к обобщению и к объяснению. Ядром общей психологии является центральная идея, которая включает в себя центральное (фундаментальное) понятие и главный объяснительный принцип. (Терминологически они могут выражаться одной категорией). Можно выделить две основные фазы развития общей науки: в первой преобладает тенденция к обобщению, во второй – к объяснению.

На первой фазе развития общая дисциплина (точнее, пока лишь претендент на роль общей дисциплины) выделяет из всех предметов исследования психологии один как центральный, имеющий наибольшую познавательную ценность. Далее все остальные предметы последовательно подводятся под понятие центрального, так что к концу первой фазы оно приобретает еще и статус *общего понятия*, фиксируя то общее, что есть во всех предметах данной сферы действительности. На протяжении всей первой фазы сохраняется непосредственный познавательный интерес к центральному предмету.

Во второй фазе развития общей науки центральный предмет постепенно заполняет собой всю онтологию и начинает пониматься как *сущность* по отношению другим предметам, рассматриваемым теперь как явления этой сущности. Соответственно этому в гносеологическом плане центральное, обобщающее понятие превращается в *объяснительную категорию*, или *объяснительный принцип*. При этом значительно утрачивается непосредственный познавательный интерес к нему и возбуждается интерес к другим, связанным с ним предметам и проблемам, которые начинают исследоваться и объясняться, исходя из этой категории. В результате происходит перестройка всей прежней структуры науки вокруг нового категориального центра.

Соответствуют ли такому понятию общей психологии теории отношений, деятельности и установки? Для теорий деятельности и установки, которые сами объявляют себя «общепсихологическими» и которые не раз подвергались критике именно за попытку централизации психологического знания вокруг одной категории (см. Обсуждение докладов по проблеме установки..., 1955; Юдин, 1978), это соответствие настолько очевидно, что в пределах данной работы мы считаем возможным опустить его подробное доказательство. Наибольшие сомнения в этой связи может вызывать теория отношений, развивающаяся меньше в общетеоретическом плане, а больше в плане конкретных исследований. Поэтому ограничимся демонстрацией соответствия понятию общей психологии лишь этой теории.

Ее претензии на роль общей психологии видны даже до специального методологического анализа, они проявляются уже чисто стилистически: в трудах В.Н. Мясищева психология отношений прямо со- и противопоставляется таким глобальным величинам, как «традиционная психология», «интроспективная психология», «функциональная психология», «структурная психология» и т. д. (Мясищев, 1960).

На первых этапах развития теории понятие отношения связывается со всеми другими важнейшими психологическими понятиями, тем утверждаясь как *центральное понятие* (ибо только центр в отличие от периферии непосредственно связан со всем). Далее оно начинает выступать как *общее родовое понятие*, под которое подводится все – ощущение, потребность, стремление, любовь, боязнь, интерес и т. д. Такое обобщение приводит к гносеологическому требованию рассматривать все психическое сквозь призму понятия отношения. «Все виды психической деятельности, – пишет В.Н. Мясищев, – в самом широком понимании можно рассматривать как известную форму отношения».

По мере развития концепции категория отношения, последовательно «поглощая» все другие понятия, заполняет собой всю онтологическую картину, превращаясь из центрального, но все же частного предмета психологических исследований в предмет психологии как науки:

«Психологию... можно определить как науку о человеке в его отношениях к действительности». Вследствие такого превращения отношение в онтологическом плане начинает выступать как единая *сущность*, обнаруживающая себя не непосредственно, а через все другие психологические *явления*. «Есть ли надобность говорить об отношениях, – спрашивает В.Н. Мясищев, – когда реально существуют лишь действия?». Да, утверждает он, поскольку «то, что называется способностями, психическими функциями, процессами, представляет собой объективно различные способы реализации отношения человека к действительности». Соответственно изменяется и гносеологический статус понятия отношения. Оно превращается в *объяснительный принцип* психологического познания, становится «принципом объективного исследования человека». И, наконец, в методологической плоскости понятие отношения (правда, не одно, а вместе с понятием сознательной личности, которое, впрочем, само определяется через понятие отношения) объявляется основой, на которой должна строиться вся система науки, «общим принципом психологии».

Итак, мы видим, что психология отношений стремится к централизации всего психологического знания вокруг категории отношения, через которую определяются предмет всей психологии и объяснительный принцип психологического метода. Это свидетельствует, что психология отношений осуществляет себя как общая психология.

Доказать, что теории отношений, установки и деятельности есть общие психологии и, значит, могут участвовать в синтезе, – это полдела.

Необходимо еще объяснить, почему для синтеза выбраны только эти три концепции. Строго говоря, нужно было бы, отвечая на этот вопрос, проанализировать теоретические представления П.П. Блонского, М.Я. Басова, Б.Г. Ананьева и др., но рамки работы позволяют коснуться лишь концепции такого выдающегося теоретика, как С.Л. Рубинштейн, имя которого прямо ассоциируется с задачей построения общей психологии. Почему же и эта концепция не включается нами в синтез как равноправный элемент? Может быть, ее автору не удалось решить поставленную задачу? Нет, С.Л. Рубинштейн создал общую психологию, но эта общая психология совсем иного рода, чем анализируемые три теории. Лежащее на поверхности (хотя в то же время весьма существенное) отличие общей психологии, созданной С.Л. Рубинштейном, состоит в том, что она не сузила предмет психологии до одной категории. Эта психология по изначальному замыслу, стилю мышления автора и способу построения была *синтетической*. Теория С.Л. Рубинштейна, если брать ее в целом, а не в частностях, не может быть поставлена в ряд с теориями А.Н. Леонтьева, В.Н. Мясищева и Д.Н. Узнадзе, но не потому, конечно, что она «слабее» или «сильнее» их, а потому, что она решала совсем другую задачу, работала в другой плоскости. Забегая вперед, скажем, что исторический вклад С.Л. Рубинштейна в систему советской психологии состоит в создании на основе марксистской философии общей онтологии психологической науки, «онтологии человеческого бытия»¹⁹, которая лишь неявно подразумевалась в концепциях установки, отношений и деятельности, а явно была разработана именно в теории С.Л. Рубинштейна.

Синтез теорий может быть плодотворен только в том случае, если всем им присуще глубинное родство, общность базовых методологических и онтологических представлений и в то же время у каждой из них есть своя категориальная специфика, отражающая различные аспекты реальности. Без этих условий синтезу грозит опасность искусственности, надуманности и пустого терминологического дублирования.

Чтобы определить, соответствуют ли теории отношений, установки и деятельности этому методологическому требованию, нужно сопоставить их друг с другом. Однако лучшим способом такого методологического сопоставления будет не сравнение теорий попарно, а «измерение» их с

¹⁹ В данном случае педалирование идеологической безупречности «онтологии человеческого бытия» было вызвано пониманием, что эти построения С.Л. Рубинштейна по своему экзистенциально-гуманистическому духу как раз противоречат антиперсоналогическим установкам марксизма и потому уязвимы и нуждаются в защите. Такая мимикрия под марксизм преследовала не только охранительные цели, но и решала еще задачу отвоевывания внутри номинального марксизма «свободной философской зоны» по аналогии с тем, как в тоталитарном государстве могут существовать свободные экономические зоны (конечно, примерно с той же степенью свободы). – *Прим.* 1998 г.

помощью одной общей меры. Таковую меру не приходится искусственно изобретать, она существует. Чтобы обнаружить ее, достаточно вспомнить, что каждая из разбираемых теорий создавалась и оформлялась в постоянном противопоставлении классической буржуазной психологии²⁰. Эту последнюю, следовательно, можно признать такой общей мерой, общей точкой отсчета и подойти к сопоставлению теорий (и категорий) отношения, установки и деятельности через анализ сходств и различий в их критике и преодолении классической буржуазной психологии.

Теория отношений В.Н. Мясищева

Начнем с концепции В.Н. Мясищева. Исходный пункт противопоставления теории отношений классической психологии состоит в принципиально различном понимании общих задач психологии как науки. Академизму классики Мясищев противопоставил практическую направленность новой психологии: научно-психологический интерес к человеку должен определяться практическими задачами «воспитательно-образовательной работы» с личностью, ее лечения и т. д. (Мясищев, 1960). Вполне понятно, что такой подход сразу же потребовал радикального преобразования общей онтологической картины психологической науки. Традиционная психология изучала, по словам В.Н. Мясищева (1960, с. 82), «субъекта в себе». Образ же человека, лежащий в основе психологии отношений, – это не рефлектирующий одиночка, а человек трудящийся, человек, живущий среди других людей.

В рамках общей картины действительности наука должна выделить свой *предмет*, то есть ответить на вопрос «о чем она»? В противоположность традиционной психологии, которая объявляла своим предметом психику, В.Н. Мясищев определял свою теорию как «учение о конкретной личности».

Осуществить конкретное исследование всего предмета науки «целиком» невозможно, поэтому необходимо выделить в нем такую доступную непосредственному эмпирическому исследованию «часть», изучение которой вело бы к познанию всего предмета. Эта «часть» в плане метода предстает как *«единица анализам*, а в онтологическом плане – как *центральный предмет исследований*. Если общим предметом психологической науки перестает быть психика как самостоятельная

²⁰ Это словосочетание «классическая буржуазная психология» не используется Леонтьевым, Узнадзе и Мясищевым. Они противопоставлялись *«старой»* психологии, а чаще – *«буржуазной»*. Понятно, что последняя квалификация, во-первых, не точна (ничего специфически *буржуазного* в психологии XIX века не было), а во-вторых, носит чисто идеологический классовый характер. Поэтому введение обобщенного наименования *«классическая буржуазная психология»* придавало более приличный, научный характер исторической полемике анализируемых теорий со старой психологией и, главное, являлось аллюзией на блестящую статью М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева, В.С. Швырева «Классика и современность – две эпохи в развитии буржуазной философии» (1972), где вводилось понятие «классической буржуазной философии». – Прим. 1998 г.

сущность и им становится «конкретная личность», то центральным предметом психологических исследований и, соответственно, «единицей анализа» перестает быть «абстрактный психический процесс» (*там же*, с. 34) и становится отношением личности.

В концепции В.Н. Мясищева необходимо различать широкий и узкий смысл понятия отношения. На первых шагах теоретического конструирования для В.Н. Мясищева было важно подчеркнуть понимание отношения именно как «единицы» личности, то есть подчеркнуть, что отношение – это в первую очередь чье-то отношение, хотя, разумеется, оно всегда остается отношением к чему-то. Это понятие отношения в широком смысле – как отношение личности к действительности вообще. На следующем (логическом, а не хронологическом) этапе формирования понятия отношения оно специфицируется под влиянием знаменитого тезиса Маркса о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Хотя на уровне методологической рефлексии Мясищев нередко соблазнялся предельно широким, неспецифическим для психологии понятием отношения, включая в него все – «от обмена веществ до идейного общения» (*Мясищев*, 1960), на уровне конкретно-научной проработки категории отношения ее доминантой становился смысл, заданный формулой Маркса. А именно: если задача состоит в психологическом изучении сущности человека, исследование должно поставить во главу угла не всякое его отношение к действительности, а особое, специфически человеческое «общественное отношение», то есть отношение к другому человеку, к людям, к различным их группам и общностям. Эти отношения признаются теорией В.Н. Мясищева исходными и формообразующими для всех других отношений: «Общественные отношения формируют все иные его отношения с внешней действительностью». А раз так, то и в познавательной плоскости они должны быть признаны центральными; «...Изучение человека в его отношениях представляет изучение человека прежде всего (*выделено нами. – Ф.В.*) в его связях с людьми, то есть преодоление той «робинзонады», которую разоблачили основоположники марксизма», – так заканчивает Мясищев, одну из своих программных статей (*Мясищев*, 1960).

Итак, академизму классической психологии В.Н. Мясищев противопоставил практическую направленность науки, исходному онтологическому представлению этой психологии о «субъекте в себе» – представлении о реальной социальной жизни человека, предмету старой психологии (психике) и «единице анализа этого предмета» (абстрактному психическому процессу) – новый предмет и новую «единицу» (конкретную личность и ее отношение к действительности). Причем главным смыслом, доминантой категории отношения и центральным предметом исследований следует считать отношение человека к человеку.

Теория установки Д.Н. Узнадзе

Д.Н. Узнадзе обнаружил в основании всей классической психологии одну «роковую предпосылку» – «постулат непосредственности». Общетеоретические построения Узнадзе вдохновлялись пафосом противопоставления развиваемого им подхода – классической психологии, опиравшейся на этот постулат. Поэтому для лучшего понимания теории установки стоит взглянуть в методологический облик классической психологии. Это тем более важно, что автор другой психологической школы, которую нам предстоит анализировать в этой главе, А.Н. Леонтьев, также строил свою теорию в контексте напряженного методологического оппонирования той же «традиционной» психологии.

Если попытаться развить идею Узнадзе о «постулате непосредственности» как едином корне традиционной психологии, можно выдвинуть историко-психологическую гипотезу о том, как собственно из этого корня вырастают все основные направления классического психологического мышления.

Выделим в «постулате непосредственности» две части – формально-логическую и содержательно-теоретическую. Формально-логический аспект «постулата непосредственности» фиксирует тип детерминизма, преобладавший в классической парадигме, а именно представление о простой и однозначной причинно-следственной связи как универсальной схеме психологического события.

В содержательном своем аспекте постулат непосредственности можно истолковать как ту философию классической психологии, согласно которой мир «делится на два» – на физические и психические явления.

Соединяя формальный и содержательный аспекты этого постулата, то есть полагая, а) что единицей психологического исследования выступает простое событие, состоящее из двух элементов – «причины» и «следствия», и б) что «причинным» элементом психологического события могут считаться и психические, и физические явления, равно как и «следствием» в составе психологического события могут быть все те же (иного в онтологии просто нет) физические или психические явления; соединяя, повторю, эти а) и б), получаем типологию вариантов «постулата непосредственности» (см. табл. 1).

Таблица 1

Типология вариантов «постулата непосредственности»

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ		СЛЕДСТВИЕ	
		Психическое	Физическое
ПРИЧИНА	Психическое	Тип 1	Тип 3
	Физическое	Тип 2	Тип 4

Эта типология логически выводит из постулата непосредственности общую картину всей психологии XIX – начала XX века. Отдельные ее

направления резко противостояли друг другу, являлись абсолютными антиподами (например, интроспекционизм и бихевиоризм), а между тем на уровне «философского гено типа» были кровными братьями. Каждый из этих вариантов постулата непосредственности послужил методологическим «архетипом» для одного из базовых направлений классической психологии. Перечислим их.

Тип 1. Причина – психическое, следствие – психическое. Первый тип репрезентирует основную проблематику интроспективной психологии, все ее системы, в основе которых лежит убеждение, что причины психических явлений следует «искать не где-нибудь за ними, а в них же самих, полагая, что психические явления обуславливаются психическими же причинами» (Узнадзе, 1966).

Тип 2. Причина – физическое, следствие – психическое. Второй тип задает основную схему классической психофизики.

Тип 3. Причина – психическое, следствие – физическое. В третьем типе фиксируются классические представления о психомоторике.

Тип 4. Причина – физическое, следствие – физическое. Четвертый тип выражает собой парадигму ортодоксального бихевиоризма и рефлексологии, этих «психологий без психики».

Всякое психическое явление непосредственно и однозначно вызывается другим психическим явлением (тип 1) или явлением физическим (тип 3). Всякий двигательный акт непосредственно и однозначно определяется некоторым психическим явлением (например, желанием) (тип 2) или физическим явлением (внутренним – возбуждением нервных клеток или внешним – стимулом) (тип 4). Таковы четыре варианта «постулата непосредственности».

Во всех этих случаях игнорируется роль субъекта – и в этом главный, с точки зрения Д.Н. Узнадзе, порок традиционной психологии (Прангшвили, 1960). Ее объяснения психики и поведения строились так, будто «...поведение осуществляется помимо существенного соучастия субъекта» (Узнадзе, 1966), а психические процессы являются самодостаточными и самодействующими сущностями. Вследствие этого классическая психология оказалась неспособной адекватно поставить и решить проблемы психического отражения и целесообразной деятельности (Узнадзе, 1966).

Д.Н. Узнадзе противопоставил старой психологии новые онтологические представления, в рамках которых эти проблемы могли быть поставлены и решены. В текстах основателя грузинской психологической школы может быть выявлена последовательная *система* процедур введения понятия установки, каждая из которых направлена против того или иного варианта «постулата непосредственности». Не излагая здесь всю эту систему, коснемся лишь важнейшей из этих процедур, которая осуществляется с помощью понятий «потребность» и «ситуация». Необходимым и действительным условием возникновения установки,

повторял Узнадзе, следует считать единство актуальной потребности субъекта и ситуации ее удовлетворения (Узнадзе, 1966). Попытаемся реконструировать из этого положения онтологию, лежащую в основе теории установки.

Субъектный полюс онтологии конкретизирован в данном случае понятием «потребность». Но потребность – это всегда потребность в чем-то, она определена не через самое себя, а через объект. Следовательно, в понятии потребности, хотя оно и является представителем субъектного полюса онтологии, уже имплицитно связана связь субъектного и объектного полюсов, вне которой это понятие бессмысленно. Точно так же обстоит дело и с понятием ситуации. Хотя ситуация удовлетворения потребности – это нечто объективное, существующее независимо от произвола и воображения субъекта, но собственно *ситуацией* она не может стать вне отношения к живому существу, к субъекту. Ситуация – это не само по себе чисто внешнее объективное обстояние, взятое в себе, безотносительно к жизненному состоянию субъекта, но и не это состояние, взятое само по себе вне отношения к объектам, *ситуация – это единство обстояния и состояния*. Стало быть, и понятию ситуации внутренне присуща связь субъектного и объектного полюсов.

Но если понятия потребности и ситуации сами лишены односторонности и каждое из них несет идею неразрывной связи субъекта и объекта, то ясно, что понятие установки, возникающей на основе единства потребности и ситуации, выражает эту связь не просто в усиленной степени, а является, по существу, таким понятием, которое указывает уже не на связь *между* субъектом и объектом, определенными будто бы до и вне этой связи, а на связь, объемлющую субъект и объект, которые только внутри нее и получают определение и выделяются как отдельные моменты. Отсюда следует, что онтологическая суть категории установки состоит не просто в обнаружении опосредующего звена между психическим и физическим мирами, а в создании представления о едином «*жизненном мире*», сущностно предшествующем своим моментам – субъекту, объекту и их взаимодействию. Таково, на наш взгляд, наиболее абстрактное значение категории установки, конституирующее главную онтологическую идею психологической теории Узнадзе²¹.

Как же определяет эта психология свой предмет? В противоположность традиционной психологии Д.Н. Узнадзе полагает, что к познанию психики можно подойти не прямо, а опосредованно – через изучение человеческой деятельности. Это и есть *предмет психологии как науки*.

²¹ Не случайно «предшественниками» понятия установки при развитии взглядов Д.Н. Узнадзе были понятия «биосфера» и «жизнедеятельность» (Сарджвеладзе, 1985).

«...Наша наука, – писал Д.Н. Узнадзе, – призвана поставить вопрос о психологическом анализе и изучении закономерностей человеческой деятельности» (цит. по: *Прангишвили*, 1960).

В силу того, что главный порок классической психологии Узнадзе видел, как уже говорилось, в том, что она отвлекалась от самого действующего индивида, от целостного субъекта, *основным объектом* изучения в рамках общего предмета психологии он избирает субъекта деятельности.

Что же является *«единицей»* анализа субъекта деятельности и соответственно *центральным предметом конкретных исследований?* «Установка, понимаемая как модификация целостного субъекта» (*Узнадзе*, 1966), отражающая в себе конкретное состояние «жизненного мира», возникшее в результате «встречи» потребности и ситуации. Всякий психический и поведенческий акт должен быть объяснен, согласно теории установки, по преимуществу из *субъекта*, как реализация определенного его состояния или «модуса» – установки, но само это состояние понимается не как внутри самого субъекта и только из него вызревшее *субъективное* состояние, а как *объективное субъектное* состояние, детерминированное единством потребности и предмета, ее удовлетворяющего (*Узнадзе*, 1966).

Таким образом, онтология, которую Д.Н. Узнадзе противопоставил онтологии классической психологии, может быть названа «онтологией жизненного мира» (см. *Василюк*, 1984). Предметом психологии становится человеческая деятельность, а основным объектом изучения в рамках этого предмета выступает субъект деятельности. Единица анализа субъекта деятельности и, соответственно, центральный предмет конкретных исследований – это определенная *«модификация целостного субъекта»*, или *установка*.

Теория деятельности А.Н. Леонтьева

По мысли А.Н. Леонтьева, исходное онтологическое различие классической психологии есть различие явлений внутренних, психических, данных в непосредственном переживании, и явлений внешних, материальных (*Леонтьев*, 1972). Психология, начинающаяся с такого различия, «не может стать действительно содержательной и реальной наукой». Марксистская, материалистическая²² психология, считает Леонтьев, должна исходить из совершенно другой онтологии – включающей «действительного индивида», материальный мир и процесс жизни индивида, практически связывающий его с миром.

Формируя предмет психологической науки в пределах своей онтологии, классическая психология объявляла им либо саму психику, отождествляемую с сознанием и понимаемую как самостоятельная

²² В такого рода контекстах хорошо видно, как слова «марксистская», «материалистическая» используются не столько как точные философские термины, сколько как идеологические замены слов «подлинная», «истинная», «реальная», «содержательная». – *Прим.* 1998 г.

субстанция, либо – в бихевиоральных системах, считавших психику эпифеноменом, – «поведение», мыслившееся механистически. В противоположность этому представлению психология, по определению А.Н. Леонтьева, есть наука «о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов» (Леонтьев, 1975). Иначе говоря, психика входит в предмет психологии, но не исчерпывает его, ибо она предстает как неотъемлемый элемент некой системы (жизни), не существующий вне ее. Следовательно, изучать психику невозможно в отрыве от изучения процессов жизни, и психология должна включать их в свой предмет. «Точка зрения психологии, – говорил А.Н. Леонтьев, – есть точка зрения жизни, и психология не смеет ее покидать» (Леонтьев, 1983). Но процессы жизни – это процессы деятельности. Значит, в соответствии с исходной онтологией в предмет психологии должна быть включена триада «субъект–деятельность–предмет», где субъект предстает как «единица» «действительного индивида», деятельность – как «единица» процесса жизни, а предмет – как «единица» мира. Каким образом деятельность – центральное звено этой триады – входит в предмет психологии? Она входит «не особой своей «частью» или «элементом», а своей особой функцией. Это функция полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности» (Леонтьев, 1975).

На уровне формирования «единиц» анализа абстрагирование от этой реальности приводило в классической психологии к тому, что деятельность, которую она изучала (а «психология, – замечает Леонтьев, – всегда, конечно, изучала деятельность...» – там же, с. 89), выступала либо в форме фетишизированных, самодействующих психических процессов, когда мышление мыслило, память запоминала и т. д., либо в форме «слепых» реакций, изнутри не просветленных отражением и извне не детерминированных предметами. Соответственно этому субъект предстает либо как «самосознание» – в интроспекционизме, либо как «реактивная машина» (Леонтьев, 1975) – в бихевиоризме и рефлексологии. И, наконец, предмет выступал в старой психологии либо как «стимул» (Асмолов, 1983), либо вообще изгонялся за пределы психологии, считаясь вещью «протяженной», материальной и потому не имеющей прямого отношения к изучению «непосредственного опыта». («Если я хочу познать ощущение сладости, зачем мне изучать сахар?» – восклицал психолог-интроспекционист).

Последняя из этих проблем, не нашедшая своего решения в классической психологии, – проблема предметности стала в концепции А.Н. Леонтьева решающей (Асмолов, 1983; Давыдов, 1983) при выработке представлений об «отдельной» деятельности как психологической «единице» анализа и центральном предмете конкретных исследований. Леонтьев совершил чудовищный с точки зрения классической психологии акт: он ввел в психологию реальную вещь, которая получила

психологическое гражданство, представ как предмет деятельности субъекта, более того, обретая порой достоинство главной детерминанты «отдельной» деятельности, ее мотива.

Итак, противопоставляясь классической буржуазной психологии, концепция А.Н. Леонтьева в качестве исходной онтологии использовала схему «жизнь – индивида – в мире», своим предметом она объявила предметную деятельность субъекта, порождающую психическое отражение и опосредствуемую им, в качестве «единицы» анализа и центрального предмета исследований она сформировала представление о структуре «отдельной» деятельности (деятельность – действие – операция; мотив – цель – условия).

Даже такого поневоле краткого и упрощенного анализа перехода от классической психологии к трем ведущим направлениям советской психологии достаточно, чтобы выбрать «масштаб» и структуру сопоставления теорий и категорий деятельности, установки и отношения.

Эти теории делали одно общее дело перестройки психологии на марксистской²³ основе. Каждой из них руководило убеждение, что психология и психолог должны включиться в реальную жизнь общества, в практику производственную, воспитательную, медицинскую и т. д. Такое

²³ Марксизму как официальной идеологии присягали все три теории, это была непреложная идеологическая константа. Проблема действительных отношений той или иной концепции с действительной философией Маркса в советское время не могла быть поставлена, ибо сам факт такой проблематизации, независимо от личной искренности вопрошающего, социально-идеологическим контекстом превратился бы в донос. Сейчас же выяснение отношений той или иной теории с марксизмом – историко-психологическая задача вполне правомочная, хотя, впрочем, столь же не актуальная. Ограничиваясь первыми впечатлениями, можно отметить, что теория установки внутренне была совершенно независима от марксизма, теория деятельности, напротив, сознательно развивалась А.Н. Леонтьевым именно как конкретно-научная психологическая реализация марксовской философии. Что касается теории отношений, хотя она и «припала» к небольшому набору подходящих цитат из сочинений Маркса, трактующих проблему человеческих отношений, но сам В.Н. Мясищев, обладая, нужно думать, многими талантами, в том числе и глубокой теоретической интуицией, был, кажется, лишен дара точной категориальной проработки своей теоретико-философской позиции. И, тем не менее, у всех трех концепций была, в самом деле, глубинная философско-методологическая общность, которая роднила их между собой и роднила с философией Маркса, но кроме нее и со множеством других направлений мысли, и которая в самом деле отличала их от психологической классики XIX века. Это общее – представление о том, что человеческая психика определяется реальным процессом жизни человека – приписывалось марксизму как единственному легальному (и по советской логике – «единственно истинному») философскому источнику, независимо от того, как дело обстояло на самом деле. Образно говоря, научный товар у всех трех теорий был вполне качественным и по принципиальным характеристикам сходным, но кроме того у всех имелся сертификат «марксистского», независимо от того, «производился ли он на Малой Арнаутской улице в Одессе» или был по происхождению настоящим «марксистским». – *Прим.* 1998 г.

понимание задач заставило эти психологии повернуться лицом к жизни и рассматривать психику не как над и вне жизни существующую субстанцию, а как реальный момент самой жизни. Старая психология стремилась познать жизнь души, новая – одушевленную жизнь.

На уровне полагания исходной онтологии три разбираемые концепции при всех терминологических различиях, которые мы здесь не учитываем, едины в убеждении, что психология человека должна исходить из действительных предпосылок, «от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни» (*Маркс*). Преодолевая классическую онтологию «изолированного индивида», все концепции противопоставили ей марксистское учение о деятельности и социальной сущности человека. Однако в рамках конкретно-научных разработок это преодоление в теории В.Н. Мясищева шло преимущественно по линии критики «робинзонады», то есть изолированности индивида от мира людей, а в теориях А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе – преимущественно по линии критики изолированности индивида от предметного мира²⁴.

Далее, на уровне формирования предмета психологической науки и В.Н. Мясищев, и Д.Н. Узнадзе, и А.Н. Леонтьев критиковали старую психологию за то, что она рассматривала психику в отрыве от системы «человек – жизнь – мир». Но и в этом пункте была различная акцентировка: В.Н. Мясищев и Д.Н. Узнадзе фокусировали свое внимание на том, что психика рассматривалась классической психологией в отрыве от своего «носителя» – личности, «целостного субъекта», от живущего человека, а А.Н. Леонтьев преимущественно направлял свои усилия на преодоление абстракции психики от человеческой жизни, которая ее порождает, и от мира, который она отражает. Теории отношений и установки пронизаны пафосом возвращения (введения) человека в психологию, теория деятельности – пафосом возвращения (введения) жизни в психологию.

²⁴ Нужно настойчиво подчеркнуть, что речь идет только об акцентах развития теорий и соответственно о доминантах кристаллизирующихся в них категорий. Признание и научно-психологическое раскрытие социальной сущности человека, его психики и деятельности является существенным и неотторжимым свойством теорий деятельности и установки. Это утверждение не требует специального доказательства. Достаточно вспомнить, что, по А.Н. Леонтьеву, деятельность человека всегда включена в систему отношений общества (*Леонтьев, 1975, с. 82*), что предмет ее – всегда человеческий, общественный предмет (*Леонтьев, 1972, с. 364-366*), что, по формулировке Д.Н. Узнадзе, «человек живет и действует, то есть существует, не только для себя, но и для другого; особенно следует остерегаться того, чтобы опять противопоставить «общество», как «абстракцию», «индивиду» (*Узнадзе, 1966, с. 275*). Равным образом В.Н. Мясищев, считая главным «...изучение человека прежде всего в его связях с людьми» (*Мясищев, 1960, с. 230*), конечно же, не абстрагировался и от его связей с предметной действительностью, не зря ведь в исследованиях 1930-х годов основное внимание он уделял отношению человека к труду. Все говорили обо всем, но логические ударения делали разные

Поэтому основным объектом изучения в психологической системе В.Н. Мясищева стала личность, в психологической системе Д.Н. Узнадзе – субъект деятельности, а в психологической системе А.Н. Леонтьева – деятельность субъекта.

На уровне выбора «единиц» анализа эти различия основного объекта изучения выразились в том, что В.Н. Мясищев и Д.Н. Узнадзе выделили структурные «единицы» (отношение как единица структуры личности, установка как единица структуры целостного субъекта²⁵), а А.Н. Леонтьев – «процессуальные» («отдельная» деятельность, действие, операция как единицы процесса деятельности). Другими словами, понятия установки и отношения фиксировали нечто потенциальное («динамическое»), что может реализовываться в процессах жизнедеятельности, а понятие деятельности – нечто актуальное, сам процесс такой реализации.

Эти сходства и различия между теориями и категориями деятельности, установки и отношения позволяют построить следующую категориальную типологию психологических единиц человеческой жизни.

Исходным предметом типологического анализа является «жизнь человека в мире». В нем выделяются два аспекта – «жизнь человека» и «мир». Каждый из них, в свою очередь, делится на два аспекта: «мир» – на «предметный мир» и «мир людей», а «жизнь человека» – на «человека», рассматриваемого как некая потенциально активная, то есть «динамическая» структура, и «жизнь», рассматриваемую как «актуальный процесс». Пересечение этих оппозиций дифференцирует исходное целое на четыре «состояния». Правило чтения типологии: например, деятельность (тип 2) – это психологическая единица анализа актуального процесса жизни человека, взятого в его отношении к предметному миру.

Таблица 2

Типология психологических «единиц» человеческой жизни

Жизнь человека в мире		Жизнь челове	
		Человек (как динамическая структура)	Жизнь (как актуальный процесс)
МИР	Предметный мир	1. УСТАНОВКА	2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
	Мир людей	3. ОТНОШЕНИЕ	4.

Из предшествующего обсуждения ясно, почему типы 1-й, 2-й и 3-й обозначены соответственно как установка, деятельность и отношение. Однако остается еще одна свободная клетка этой категориальной типологии. По логике схемы она должна быть заполнена категорией,

²⁵ В.Н. Мясищев (1970, с. 12) писал, что установка и отношение не представляют собой «в конкретном плане процесса, хотя и могут изменяться».

выражающей форму осуществления процесса жизни, который реализует отношение человека к другим людям. Вполне очевидно, что в качестве этой категории может выступать лишь одно – категория *общения*.

В процессе преодоления классической психологии в нашей науке были созданы три общепсихологические теории, центральными категориями которых являются категории установки, отношения и деятельности. Мы обнаружили, что эти теории едины в своем понимании онтологии, из которой должна исходить психологическая наука. В то же время при определении предмета науки, выборе основного объекта изучения и формировании «единицы» его анализа обсуждаемые концепции расходятся, что в итоге выражается в разнице их центральных категорий. Однако это расхождение мало напоминает ситуацию «лебедя, рака и щуки», а скорее ситуацию планомерного разделения труда, поскольку анализ обнаруживает, что данные категории связаны в стройную логическую систему, в которой они хотя и противопоставлены друг другу, но – не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие.

В этой категориальной системе есть еще один неотъемлемый элемент – категория общения. Следовательно, по логике истории в отечественной психологической науке должна быть создана и соответствующая теория. Такую задачу нужно было бы поставить, если бы она не была уже поставлена в исследованиях А.А. Леонтьева (*Леонтьев*, 1974), придавшего проблеме общения общепсихологический статус, и особенно – Б.Ф. Ломова (1975), который пошел дальше, наделив категорию общения статусом «нового методологического принципа» (см. *Абульханова-Славская*, 1980)²⁶.

Думается, что указанную задачу можно было поставить и более остро, как задачу построения особой общепсихологической теории общения, в которой общение выступило бы не просто как важная среди равных категорий и не просто как один из методологических принципов, а как центральная категория и главный объяснительный принцип²⁷. Подобную «острую» постановку проблемы следовало бы мотивировать не тем, что общение будто бы не может быть рассмотрено с точки зрения схемы предметной деятельности, разработанной А.Н. Леонтьевым, как полагает

²⁶ Речь не о том, что эти авторы первые открыли проблему общения для психологии, а о превращении ее из частной в общепсихологическую (ср. со сноской 1).

²⁷ Такая концепция позволила бы (а) ассимилировать огромный пласт исторических и онтогенетических фактов, где вещь выступает в действии и отношении к ней человека как «другой» (которого можно любить и ненавидеть, поклоняться и презирать) (*Зинченко, Смирнов*, 1983, с. 24), и (б) теоретически освоить в общепсихологическом контексте достаточно подробно проработанные вне этого контекста (в частности, в психоанализе и аналитической психологии, в транзакционном анализе и теории ролей, в философии и филологии) представления о личности как внутреннем общении, как «полифонии», а не «монолите» или механической структуре (*Рубинштейн*, 1976, с. 334; *Цапкин*, 1994).

Б.Ф. Ломов (1975; 1979)²⁸, а стремлением детально проработать саму категорию общения, чтобы проследить до конца все ее потенциальные возможности, стремлением, вытекающим из понимания огромного (хотя, естественно, не безграничного) значения этой категории для общей теории психологии.

Итак, мы убеждены в том, что создание общепсихологической теории (равноранговой теориям отношения, установки и деятельности), которая сделала бы общение центральной категорией и последовательно свела бы к ней все психологические реалии, принципиально возможно и даже желательно.

Но одно дело принципиальная возможность и желательность и совсем другое – фактическая возможность. То реальное историко-научное обстоятельство, что эта теория, во-первых, начала развиваться в ситуации наличия уже вполне развитых общепсихологических концепций и, во-вторых, что она объективно является завершающей сложившуюся парадигму, противодействует ее оформлению в чистом виде. Это противодействие «самой истории» на поверхности научной жизни проявилось в интенсивной дискуссии о месте и значении категории общения в системе психологического знания (Абульханова-Славская, 1980; Гусев, 1980; Леонтьев, 1975; Ломов, 1975, 1979, 1981; Радзиховский, 1982 и др.). Нам кажется, что за разногласиями взглядов и формулировок, прозвучавших в дискуссии, начинают вырисовываться контуры общей, единой для всех онтологической схемы, которая соответствует приведенной выше типологии психологических единиц жизни.

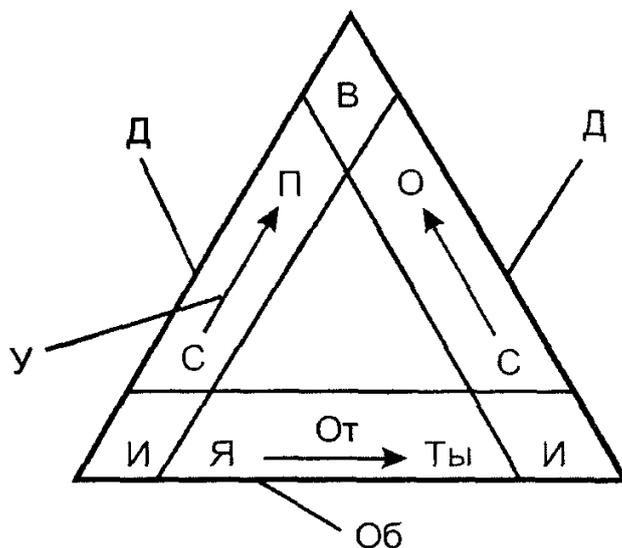

Рис. 1. Объединенная схема «психологических единиц»

На схеме одна из вершин треугольника символизирует индивида (И), вторая – вещь (В), третья – другого индивида (также И, чтобы не обозначать как «Ид», во избежание очевидных ассоциаций). Каждого

²⁸ Такое рассмотрение и возможно, и продуктивно, как показывает прекрасная (но почти незамеченная из-за малого тиража) работа Г.В. Гусева (1980).

индивида и вещь связывает деятельность (Д), в рамках которой индивид выступает как субъект (С), а вещь – как предмет (П) или объект (О). Вектор внутри тела деятельности, направленный от субъекта к предмету, символизирует установку (У). Двух индивидов связывает между собой общение (Об), в рамках которого они выступают друг по отношению к другу как Ты и Я. Вектор внутри общения, направленный от Я к Ты, означает отношение (От).

Эта схема изображает целостную «единицу» жизненного мира человека в дифференцированном виде. Изначально в жизненном мире ребенка все ее элементы слиты в одно нерасчлененное единство. Младенец, кормящийся у груди матери, не отличает себя от акта сосания, от молока, от матери. Но и затем, в жизненном мире взрослого, хотя и происходит реальная дифференциация всех указанных моментов, сохраняется их генетическое и функциональное единство. Поэтому психолог, делая предметом своего исследования индивидуальную ли деятельность субъекта, совместную ли его деятельность с другим человеком (на схеме – связка С–П/В/О–С)²⁹ или любой другой фрагмент целостности, должен осознавать, какую именно он при этом производит абстракцию.

Возьмем для примера самый «непсихологический» пункт схемы – полюс вещи. Разумеется, вещь сама по себе не может интересовать психологию, поэтому-то классическая психология, отвлекаясь от всей системы связей, вводящих вещь в человеческое бытие, отказывалась включать ее в психологическую онтологию. Вещь, как она предстает перед психологическим взглядом на реальность, должна браться и как предмет, то есть в своем отношении к деятельности субъекта, и как объект, то есть нечто произведенное или хотя бы выделенное из мировой связи для субъекта другим человеком (людьми), словом, как объективация деятельности другого, и как точка схождения совместного действия, и даже как отношение человека к человеку (*Зинченко, Смирнов, 1983*). «Предмет как бытие для человека, как предметное бытие человека есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку» (*Маркс*). Эта философская формула имеет отношение к самой обыденной реальности. Скажем, плохо сшитый костюм – это не просто некий вещный продукт работы портного, это «наличное бытие» портного

²⁹ Эта «связка» – одна из множества возможных частных модификаций исходной схемы (ср. с предложенной Б.Ф. Ломовым схемой «субъект – субъект», где средний элемент опущен, а также с выдвинутой Л.А. Радзиховским схемой «субъект – объект – субъект» (*Радзиховский, 1982*), в которой средний элемент присутствует, но в нерасчлененном виде). Упомянутое множество возможных модификаций создается, во-первых, тем, что в каждом конкретном случае могут рассматриваться не все компоненты исходной схемы, а во-вторых, тем, что структурные места схемы не связаны жестко с наполняющим их содержанием. Скажем, структурное место «вещи» может занять деятельность другого человека или «мое» отношение к другому человеку и т. д. Анализ этого множества – задача особого исследования.

«для другого человека», в котором в предметной форме выражается его «человеческое (или нечеловеческое) отношение к другому».

Таким образом, любой фрагмент «жизненного мира», становясь предметом психологического исследования, должен рассматриваться во всей сложной системе опосредствований, в результате которой он в действительности выделяется как некая отдельность из целостного «жизненного мира». Любое конкретное экспериментальное исследование должно задавать совокупность условий отвлечения своего предмета от этой целостности, только тогда оно может рассчитывать на сознательное и последовательное выявление реальных закономерностей.

Что касается теоретико-методологических исследований, то целый ряд категорий, представленных в схеме, уже достаточно хорошо проработан в отечественной психологии – это категории субъекта, индивидуальной предметной деятельности, отношения, установки. Теперь же на первый план должна выйти разработка категорий совместной деятельности, «совокупного действия» (Зинченко, Смирнов, 1983; Рубцов, 1987), и особенно категорий «другого» и «общения».

Подведем итоги. Было показано историческое и логическое единство категорий деятельности, общения, установки и отношения. Эти категории являются производными от единой онтологии «жизни человека в мире», содержащей в себе два аспекта – «жизнь человека» и «мир». Преимуществом заслуга разработки этих онтологических категорий, образующих фундамент единой общей психологии, принадлежит С.Л. Рубинштейну (1946; 1976). В этом его исторический вклад в систему советской психологии.

Разумеется, предложенная типологическая схема – не более чем историко-психологическая гипотеза. В рамках одной главы невозможно доказать эту гипотезу. Но главный смысл проведенного анализа даже не в таком доказательстве, а в демонстрации того, что поставленная Л.С. Выготским проблема единой общей психологии к 1980-м годам превратилась в конкретную теоретическую задачу создания единой категориальной системы, синтезирующей основные идейные достижения отечественной психологической мысли. Социальные перемены 1980–1990-х годов вывели такого рода задачу из круга актуальных, но логика истории не терпит пустоты – в том или ином виде эта задача должна быть решена.

Часть 3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНОЙ СИТУАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

3.1. Введение

В первой части пособия предметом методологического анализа становились отдельные психологические понятия и категории. Во второй части таким предметом выступали уже целые психологические концепции или школы. В третьей части фокусировка методологического объектива продолжает меняться, так что в кадр попадает теперь вся психологическая

наука. Это может быть психологическая наука в целом или какая-либо ее большая область, взятые в определенный исторический момент.

Жанр предлагаемого методологического исследования может быть обозначен как ситуационно-исторический анализ состояния научной дисциплины. Классическим образцом работ этого жанра является знаменитый труд Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса». Каковы характерные черты такого типа методологического анализа?

Во-первых, он должен быть «историческим». Ситуация, сложившаяся в науке, рассматривается в контексте исторического развития данной дисциплины. Однако если в обычном историко-психологическом исследовании история является «фигурой», а современная ситуация – «фоном», на котором (или даже «позицией», с которой) рассмотрение ведется, то в методологическом анализе как раз история становится фоном, а современное положение дел и перспектива будущего попадают в центр внимания исследователя.

Во-вторых и в-третьих, подобный методологический анализ должен быть «социологическим» и «культурологическим». Он рассматривает не только *ситуацию в науке*, но и *ситуацию науки*, ее положение в обществе и культуре. Перемены в науке происходят не только по имманентным законам развития самой науки, но и под воздействием изменений всего социально-культурного контекста, в котором наука существует. Новые практические задачи, новая общественно-актуальная тематика, новые культурные события, наконец, новые реалии – все это создает требовательную и формообразующую среду, создает глобальный вызов, на который наука, в данном случае психология, должна откликнуться. Этот вызов может потребовать от науки серьезных изменений, но ее задача состоит в том, чтобы, изменяясь, не потерять самое себя, не нарушить теоретическую, методическую, педагогическую и организационную преемственность своего развития.

Четвертое. Методологический анализ текущей ситуации должен быть «философским». Особенно это очевидно в кризисных, переломных для науки и общества эпохах. Это значит, что описать и оценить *ситуацию в психологии* и *ситуацию психологии* нельзя по-мюнхгаузеновски, изнутри самой психологии. Для этого нужны средства умозрения более широкие, нужны ценности внепсихологические, общий взгляд на мир и на человека, с позиций которого можно отнестись к тем представлениям о мире и человеке, которые культивируются в данный момент в психологии. Но не только расширение «узкого» научного сознания дает философский подход. Философия есть еще средство для бодрствования мысли. Позитивная наука, общество, да и культура всегда спешат, от одного исследования к другому, от одного свершения к следующему, вперед, вперед, вперед, настоящей же

философии чужды суета и спешка, она способна остановиться, оглянуться, взглядеться.

Пятое. Методологический анализ ситуации науки должен быть «стратегическим», в том смысле, что он не просто констатирует тот или иной статус, не только прогнозирует тенденции развития, но и занимает активную по отношению к этому развитию позицию, намечает стратегические задачи собственно научных, прежде всего теоретических исследований.

Читатель вправе спросить: а нужно ли стремиться обучить этому метанаучному анализу старшекурсников и аспирантов психологических факультетов, не миссия ли это психологических академиков – давать методологическую оценку ситуации и задавать общее направление развития психологической науки? Может и так, но проблема в том, что «академик», за редким исключением, не хочет радикально менять основания науки, «научные революции» – дело молодых ученых. Но даже не это главное. Вопреки пословице, не обязательно плох тот солдат, который обходится без честолюбивой мечты *стать генералом*, но по-настоящему хорош только тот солдат, который задолго до первой звездочки на погонах уже способен *быть* генералом, иметь общее, генеральное видение ситуации, чтобы ясно понимать и толково исполнять свой маленький, локальный маневр. Применительно к науке это не какие-то маниловские мечтания о глобальной методологической подготовке аспирантов, а самые обычные, рутинные требования ко всякой научной работе. Каждый пятикурсник, приступая к написанию диплома, а уж тем более каждый аспирант на начальном этапе работы над диссертацией должен ответить на сакраментальные вопросы – в чем актуальность, новизна, практическая значимость и теоретическое значение его исследования. Однако на эти вопросы нельзя ответить, не проведя методологический анализ ситуации, сложившейся в науке или по крайней мере в данной области науки. А раз так, то необходимо попытаться дать молодому исследователю необходимые средства методологического анализа научной ситуации.

Предлагаемые в данной части работы образцы таких анализов относятся к совершенно конкретному историческому периоду отечественной психологической науки, который можно достаточно точно датировать с 1980 по 1996 г. В первой главе анализируются изменения, произошедшие за десятилетие с 1980 по 1990, а во второй – за десятилетие с 1986 по 1996. Похоже, что весь этот цикл радикальных перемен, происходивших параллельно с переменами в обществе, к самому началу XXI века завершился, и, значит, требуются новые интеллектуальные усилия для того, чтобы наша психология могла в очередной раз ответить на главный вопрос: «Камо грядеши?».

3.2. От психологической практики к психотехнической теории

*Камень, который отвергли строители,
сделался главою угла*

(Пс117:22)

Практическая психология и психологическая практика

Отечественная психология так резко изменилась за последнее десятилетие³⁰, что кажется принадлежащей к другому «биологическому» виду, чем психология образца 1980 года.

Происходящие «мутации» заметны даже в сонной атмосфере официальной академической психологии, а уж в стихии социальной жизни от них просто рябит в глазах: появился массовый рынок психологических услуг – индивидуальное консультирование и психотерапия, детская и семейная терапия, развитие памяти и воображения, тренинга сензитивности и коммуникативных навыков, психологическая подготовка менеджеров и депутатов и прочее, и прочее.

Но в чем, спросят, такая уж принципиальная новизна? Разве это не простое расширение давно существующей прикладной, практической психологии? В том-то и дело, что у нас была именно и только прикладная, практическая психология (то есть приложения психологии к различным социальным сферам, по имени этих сфер и получавшие свои названия – педагогическая, медицинская, спортивная, инженерная и т. д.), но не было психологической практики (то есть особой социальной сферы психологических услуг). Будь, например, здравоохранение таким, какой еще совсем недавно была психология, у нас было бы несколько медицинских академических институтов и факультетов, сотни медицинских кафедр в вузах, различные исследовательские отрасли – от молекулярной до космической медицины и на всю страну – ... ни поликлиники, ни больницы, а лишь десяток подпольно практикующих фельдшеров-самоучек.

Множащиеся сейчас психологические службы – это не просто *еще одна* ветвь практической психологии, наряду с названными. В них и через них отечественная психология наконец-то становится *самостоятельной практической дисциплиной*. Это историческое для судьбы нашей психологии событие. В 1920-х годах, когда психология впервые столкнулась с высокоорганизованной практикой – промышленной, воспитательной, политической, военной, – Л.С. Выготский увидел в этом факте источник такого значительного обновления психологической науки,

³⁰ Текст этой главы был написан в 1990, а впервые опубликован в 1992 г. При подготовке его к публикации в 2002 автор намеренно не «модернизировал» содержание. Причина не столько в желании сохранить колорит исторического документа, сколько в главной функции работы в рамках данной книги – продемонстрировать метод анализа научной ситуации. Поэтому приглашаю читателя мысленно перенестись в отошедшую страну – СССР и в прошедшее тысячелетие, и из точки 1990 г. взглянуть, как выглядела наша психология.

что психолог, по его словам, мог бы сложить гимн новой практической психологии. Но если это было справедливо для практической психологии, то есть для включения психологии в существующие виды социальной практики, то это трижды справедливо для произошедшего на наших глазах рождения *собственно психологической практики*. Значение психологической практики для психологии трудно переоценить. Психологические службы не просто «важны» для психологии, она обретает в них свое *тело*, не больше и не меньше. Психологические службы для психологии – то же, что школа для педагогики, церковь для религии, клиника для медицины. Психологическая практика – источник и венец психологии, альфа и омега, с нее должно начинаться и ею завершаться (хотя бы по тенденции, если не фактически) любое психологическое исследование.

В чем же отличие психологической практики от практической психологии? В том, прежде всего, что первая – «своя» для психологии практика, а вторая – «чужая», точнее – участие в «чужой» практике. Различие кардинальное. Цели деятельности психолога, подвизающегося в «чужой» социальной сфере, диктуются ценностями и задачами этой сферы. Это во-первых. Во-вторых, главное практическое воздействие на «объект» (будь то личность, семья, коллектив) оказывает не психолог, а врач, педагог или другой специалист. Если же психолог и вовлечен в непосредственную практическую работу, то лишь как вспомогательный персонал, как своего рода «орган» главного субъекта данной практики, и действует он, естественно, лишь постольку, поскольку ему определены задачи и делегированы полномочия, то есть действует не от лица психологии, а от лица медицины, педагогики и пр. В-третьих, критерии оценки результатов деятельности психолога определяются ценностями данной социальной сферы, а они могут порой входить в противоречие с ценностями, которым хотела бы служить психология. Понятно, что и ответственность за конечные результаты несет не психолог, а другой специалист. Одним словом, практический психолог обслуживает не нуждающегося в психологической помощи человека, а деятельность другого профессионала³¹. При всей значимости практической психологии, нужно признать, что в ней психолог оказывается отчужденным от живой сердцевины практики, и это ведет к его отчуждению от собственно психологического мышления.

³¹ Речь, повторяю, не о том, что психолог не помогает пациенту или ученику, не участвует в системе практических мероприятий. Например, в психиатрической больнице объем его работы с некоторыми пациентами может превышать объем работы врачей и других специалистов, но тем не менее общий план лечения, последнее слово в диагностике и оценке результатов терапии, словом, все стратегические пункты деятельности принадлежат врачу. Так и в любой другой области.

Не вспомнить ли здесь одну из главных аксиом марксизма: «Бытие определяет сознание»? Реальное бытие практического психолога в сфере той или другой практической деятельности определяет его профессиональное сознание, вынуждает мыслить так, как этого требуют задачи, цели и традиции этой сферы: образуется мощная тенденция к утрате специфики психологического мышления. Эта тенденция хоть и не всесильна, но неуклонна и неизбежна: в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Например, патопсихолог лишается в области психиатрии одной из важнейших прерогатив полноценного научного исследования – самостоятельности в выделении из реальности предметов изучения. Он вынужден довольствоваться лишь психологическим исследованием и оправданием психиатрического расчленения реальности, которое диктуется медицинской практикой. Лишенный, таким образом, в психиатрии «эфферентного поля», он лишается и категориальной специфики своего восприятия

С появлением самостоятельных психологических служб, собственно психологической практики принципиально меняется *социальная позиция психолога*. Он сам формирует цели и ценности своей профессиональной деятельности, сам осуществляет необходимые воздействия на обратившегося за помощью человека, сам несет ответственность за результаты своей работы. И это резко изменяет и его отношение к людям, которых он обслуживает, и его отношение к самому себе и участвующим в работе специалистам другого профиля, и, главное, сам стиль и тип его профессионального видения реальности.

Психологическая теория и практика

Формирующееся в связи с появлением психологической практики новое положение психологии в общественной жизни создает новую ситуацию внутри самой психологии. Главный параметр оценки этой ситуации – отношения между психологической наукой и практикой.

Пока психология не начала оформляться в отдельную социально-практическую сферу такого же типа, как педагогика или медицина, пока не имела внутри своего состава и собственную практику, и науку, а совпадала с одной лишь наукой, она знала только «чужую» практику, имела дело только с практикой, принадлежащей другим сферам.

Психологию и практику разделяла тогда граница, – причем позволяющая движение лишь в одну сторону – от психологии к практике. Отношения между ними определялись принципом *внедрения*. Для психологии это всегда были «внешнеполитические» отношения, ибо, даже включившись во внутреннюю жизнь той или другой практики, войдя в самые ее недра, психология не становилась сродственным ей ингредиентом, то есть не становилась практикой, а оставалась все-таки наукой. Так существует посольство в чужом государстве, сохраняющее всегда статус частички «своей» территории. Поэтому патопсихолог, специалист по педагогической или инженерной психологии, даже став совсем «своим» в

больнице, школе и на заводе, все-таки неизбежно чувствовал себя «своим среди чужих». Самое непосредственное участие психолога и психологии в решении разных практических задач не меняло принципиально положения границы: практика всегда оставалась для психологии чем-то внешним, говоря словами Л.С. Выготского, «выводом, приложением, вообще выходом за пределы науки, операцией занаучной, посленаучной, начинавшейся там, где научная операция считалась законченной» (Выготский, 1982).

В новой ситуации в связи с рождением собственно психологической практики привычный лозунг о внедрении психологии в практику должен быть перевернут: наоборот, практику надо внедрять в психологию. Отношения между наукой и практикой должны стать для психологии «внутриполитическими», практика должна войти внутрь психологии, причем войти как главный философский принцип всей психологии. Камень, который отвергли строители, должен стать во главу угла. При всей важности для психологии участия в различных видах социальной практики, нужно отчетливо осознавать, что только своя психологическая практика может стать краеугольным камнем психологии. Это принципиальное уточнение мы должны сейчас сделать к прогнозу Л.С. Выготского, который рассчитывал, что столкновение с военной, промышленной, воспитательной практикой оздоровит нашу науку.

В гуще психологической практики впервые возникает настоящая жизненная, то есть вытекающая не из одной лишь любознательности, потребность в психологической теории. Впервые потому, что от «чужой» практики всегда исходил запрос не на теорию, а на конкретные рекомендации и оценки, ее представителями теория воспринимается как необязательная, досадная нагрузка к методикам.

Психологической же практике теория нужна как воздух. Но обращаясь к существующим психологическим концепциям личности, деятельности, коллектива и т. д., психолог-практик не находит в них ответа на главные свои вопросы: «Зачем» – в чем смысл, предельные цели и ценности психологического консультирования, тренинга и пр.?; «Что» именно он может и должен делать, какова зона его профессиональной компетенции?; «Как» достигать нужных результатов?; «Почему» те или иные действия приводят именно к такому результату, каковы внутренние механизмы, срабатывающие при этом? Словом, психолог-практик ждет от теории не объяснения каких-то внешних для практики сущностей, а руководства к действию и средств научного понимания своих действий. Но кроме того, и это самое важное, психологическая практика нуждается в такой теории, у которой можно не только что-то взять, но которой можно отдать. Практическая работа порождает живой богатейший материал, и, не имея подходящих теоретических средств для ассимиляции этого материала, психолог чувствует себя как сказочный герой, которому позволено унести столько золота, сколько он сможет, а у него нет под рукой даже захудалого

мешка. Это последнее требование: возможность отдавать, вкладывать в теорию свой капитал радикально отличает «свою» психологическую практику от «чужих» в их отношении к психологической теории.

Вполне очевидно, что теория, созревшая в академической исследовательской плоскости, в отрыве от психологической практики, не способна удовлетворить эти требования.

Таким образом, психологическая практика не может продуктивно развиваться без теории, и в то же время она не может рассчитывать на академическую теорию. Ей нужна особого типа теория, назовем ее *психотехнической*.

Мы используем этот термин в том особом методологическом смысле, который ему придавал Л.С. Выготский (1982) и который закреплен и развит в книге А.А. Пузыря (1986). «Несмотря на то, что она не раз себя компрометировала, – писал Л.С. Выготский о современной ему психотехнике, – что ее *практическое значение очень близко к нулю, а теория часто смехотворна, ее методологическое значение огромно*. Принцип практики и философии – еще раз – тот камень, который презрели строители и который стал во главу угла» (Выготский, 1982). Но что это за странный камень, спросим себя, претендующий быть краеугольным и в то же время не монолитный, состоящий из двух частей, философии и практики? И о какой философии идет речь?

Л.С. Выготский соглашается с Л. Бинсвангером, что решения главных вопросов психологии мы не можем ждать от логики, гносеологии или метафизики, то есть основных частей философии. Значит, не обычная философия имеется в виду, когда говорится о краеугольном камне. Какая же? «Философия практики», – формулирует Л.С. Выготский. А что такое «философия практики» применительно к психологии? Это «методология психотехники», – отвечает он. Итак, выстраивается синонимический ряд: *философия и практика = философия практики = методология психотехники = психотехника («в одном слове»)* (там же, с. 388-389).

Зная мышление Выготского, его метод выделения «единиц» анализа, можно не сомневаться, что «психотехника» для него как методологический принцип есть «единица», объединяющая в себя философию и практику. Поэтому «психотехника» и есть краеугольный камень новой психологии, содержащий практику в своем устройстве как «конструктивный принцип» (там же, с. 388) и в силу своего положения во главе угла требующий выравнять, выверять по себе все стены и перекрытия возводимого здания, неизбежно воспроизводя в каждом пункте этого строительства принцип практики, философию практики как руководящую идею.

Соответственно, все здание, вся теория, основанная на таком камне, будет психотехнической.

Академическая и психотехническая теория

В чем конкретно состоят особенности психотехнической теории? Попытаемся ответить на этот вопрос, сопоставив по ряду параметров

психотехническое познание с доминирующей пока в психологии естественнонаучной гносеологией. Мы называем последнюю «академической», потому что вся психология сводилась до недавнего времени к одной лишь психологической науке, та строилась в основном по образцам естественных наук, как самых «научных», а «академизм» есть символ «высокой» научности.

Ценности. Ценностная ориентация академической психологии в лучших ее образцах соответствует канонам классической науки и вообще «классической рациональности» (Мамардашвили, 1984). «Объективная истина», не зависящая от чьей-либо субъективности и произвола, считается здесь не только высшей, но единственной ценностью. Психотехническая же система, включающая в себя реальную практику как свой живой орган, обязана сознательно выбрать свою ценностную позицию в контексте всех основных ценностей – истины, добра, красоты, святости, пользы и пр. Речь идет не только о человеческой позиции психолога и не о ценностной рефлексии уже сделанного, а о том, что ценностная установка должна быть имманентным началом теории, должна войти в ее ткань. Это положение – не нравственный императив, а необходимое условие получения *научного*, но, разумеется, не «естественнонаучного» знания о «психотехнической реальности»³².

Адресат. Подавляющее большинство научных психологических трудов у нас писалось еще недавно для академических психологов и использовалось ими для работы над своими собственными научными сочинениями. При этом в аннотациях книг указывалось, разумеется, что работа будет интересна (или полезна) также для философов, педагогов, социологов и др., но сама процедура извлечения пользы или нахождения этого интереса была делом читателя, совершенно внешним по отношению к авторскому замыслу психолога.

Адресатом же психотехнической теории является психолог-практик, а это – особый читатель. Если, по выражению М.К. Мамардашвили, «Сезанн мыслит яблоками», то психолог-практик мыслит прецедентами, «клиническими случаями», практическим опытом. Поэтому создаваемая для него теория должна быть релевантна этому опыту. Психолог-практик – не просто внешний контролер адекватности, истинности и эффективности, он – неотъемлемый внутренний персонаж психотехнической теории. Эта теория от него, про него и для него.

Субъект познания. В соответствии с идеалами классического гносеологизма познание должно быть независимым от познающего субъекта, то есть от его отношения к объекту исследования, личной позиции, вкусов и предпочтений. Поэтому в реальной исследовательской практике психолог предпринимает попытку занять нейтральную,

³² Такая особенность позволяет отнести психотехническое познание к «постнеклассическому» типу по классификации В.С. Степина (1976).

отстраненную позицию если не «абсолютного», то хотя бы «среднестатистического» наблюдателя.

В психотехнической же практике, напротив, психолог занимает заинтересованную, участную и личную позицию и осуществляет познание именно из такой позиции. Его профессиональное мастерство состоит не в том, чтобы, объективности ради, устранять или игнорировать личностный характер этой позиции, а в том, чтобы максимально объективно и честно ее осознавать именно как личную и выковывать ее грани в соответствии с избранными предельными ценностями. Кроме того, в психотехнической ситуации психолог является не единственным познающим – его клиенты (пациенты, участники групп) выступают как вполне равнозначные и незаменимые партнеры, так что самые творческие моменты продвижения к истине возникают, когда образуется диалогический «совокупный субъект» познания.

Контакт. В естественнонаучном психологическом исследовании контакт с испытуемым рассматривается как неизбежное зло, которое может исказить объективную картину. Исследователя интересует объект в том виде, как он существует без и независимо от контакта. Соответственно, предпринимаются попытки минимизировать, стандартизировать контакт, сделать его эмоционально нейтральным. Контакт с испытуемым экспериментатор мечтал бы превратить в своего рода детектор или узкую смотровую щель, сквозь которую был бы виден только один, интересующий исследователя аспект.

В психотехнической практике, как правило, стремятся к интенсивному, уникальному и эмоциональному контакту. Разумеется, здесь есть свои тончайшие и строжайшие правила и ограничения. Но важно то, что если в естественнонаучном познании главное достоинство контакта – его узость и прозрачность, создающие ограниченную, но ясную и отчетливую область зрения, сама же эта смотровая щель не интересует исследователя, то в психотехническом знании нет стремления элиминировать сведения о контакте. Напротив, они являются самыми ценными и существенными. Если в естественнонаучной познавательной ситуации контакт связывает субъекта и объект узким «каналом», то в психотехнической – скорее объединяет их, образуя общее «поле», в которое включены участники.

Процесс и процедуры исследования. В исследованиях, отвечающих естественнонаучным идеалам, применяются «жесткие» и однонаправленные экспериментальные программы. Сама программа эксперимента может меняться только от опыта к опыту, но в ходе проведения опыта она не меняется в зависимости от складывающейся ситуации, поведения испытуемого и состояния экспериментатора. Обстоятельства могут, конечно, помешать выполнить программу, но тогда эксперимент считается сорванным, несмотря на то, что сам этот срыв порой может дать много ценной информации.

Духу психотехнического познания более отвечают процедуры, создающие человеку оптимальную ситуацию для самопознания и самораскрытия. Эти процедуры отличает *гибкость*, незапрограммированность, стремление к уникальному реагированию на уникальную ситуацию. Эта гибкость лишена произвола и необязательности примерно в той же степени, как ход в шахматной партии и слово в поэтической строке. Другой особенностью познавательных процедур является их направленность не только на пациента (клиента, участника тренинговой группы), но и на самого психолога, на его отношения с пациентом, на сам психотехнический процесс.

Знания. Естественнонаучные психологические знания о человеке являются достоянием исследователя и предназначены либо для научных нужд психолога, либо для практических нужд другого специалиста (врача, судьи, тренера), но не для самого исследуемого человека. По форме это знание не персонализированное, а общее и данное в третьем лице, знание о «них». Это знание неадекватно диалогу с конкретной личностью, его нельзя конвертировать в форму «Ты-сообщения» (*Gordon, 1970*): результаты исследования либо не сообщаются испытуемым, либо сообщаются в неполном и адаптированном виде.

В психотехническом процессе могут циркулировать знания самого разного типа, но знания, которые продвигают и углубляют этот процесс и которые, в то же время, являются симптомами такого продвижения и углубления, знания по своему характеру внутренние, личностные, диалогические, смысловые, знания не умом только, а всем человеческим существом. Предмет этого знания – Ты, Мы или Я, не обязательно Я САМ, но то, с чем я нахожусь в непосредственном живом контакте, с чем могу внутренне эмоционально отождествиться. Это знание не о чем-то внешнем, отсутствующем, отдаленном, знание не о «них», а о внутреннем, близком, что присутствует во мне или в чем присутствую Я, то есть знание «о тебе» или «о себе».

Предмет теории. В естественнонаучной теории действительность берется, говоря словами марксовых тезисов, «в форме объекта», а в психотехнической теории, напротив, – как «человеческая чувственная деятельность, практика», «субъективно», причем не со стороны – как *чья-то деятельность, практика*, а изнутри – как *моя практика*. Такое познание не смотрит на мир со стороны, из вне- и надмирной позиции, а изнутри практики смотрит на открываемый ею мир. Психотехническая теория – это не теория некоего «объекта» (психики, деятельности, мышления), а теория психологической работы-с-объектом. *Это теория практики.* Стилистическое подтверждение такой формулы содержится в названиях, данных, например, З. Фрейдом или П.Я. Гальпериным (1966) своим несомненно психотехническим по типу системам: не теория «бессознательного», а «психоанализ», не «теория умственной деятельности» или «развития мышления», а теория «поэтапного

формирования умственных действий». В обоих случаях – не теория внешнего «объекта», а теория *практической деятельности* (анализа, формирования) *самого психолога*.

Соотношение предмета и метода. Роль метода в естественнонаучном познании состоит в том, чтобы превратить эмпирический объект изучения в предмет исследования. Так, при изучении условных рефлексов у собак в школе И.П. Павлова животное ставилось в такие условия (ограничение стимуляции, движений и др.), чтобы все его поведение фактически сводилось к условно-рефлекторному реагированию. Создав такого рода искусственный препарат, метод как бы отходит в тень, предлагая рассматривать этот сфабрикованный предмет как натуральный объект³³.

В психотехническом познании происходит парадоксальный для классической науки методологический переворот: метод здесь объединяет участников взаимодействия (субъекта и объект познания – в неадекватной старой терминологии), как бы вбирает их в себя и превращается в своего рода «монаду», которая и становится предметом познания. Но, как известно, «монада не имеет окон» (Лейбниц), она познается изнутри,

Например, *психотехническая* постановка проблемы переживания горя состоит в исследовании «утешения горюющего», *психотехническая* постановка проблемы бессознательного – в исследовании «толкования бессознательного». И сколь бы изощренной ни была рефлексия таких исследований, сколь бы сами они ни были вторично объективно-научными, первично они исходят из утешения и толкования, и только здесь, внутри тела этих моих психотехнических действий, я профессионально и «научно» встречаюсь с горем и бессознательным, с собой – психологом, с тобой – моим собеседником и пациентом. Причем встречаюсь с ними (нет, с *нами*) как со взаимодополнительными и необходимыми моментами некоего единства, а не как отдельными и самодостаточными «объектами». Разумеется, в ходе внутреннего развития и дифференциации такого познания не избежать объективации и появления квазинатуралистических знаний о горе и бессознательном, но это, так сказать, «вторично-натуралистические» знания, выросшие на психотехнической закваске.

Что до методологического статуса таких знаний, то в отличие от самых развитых, «неклассических» естественнонаучных исследований, досрочных до того, чтобы знания о методе включать в знание об исследуемом объекте, здесь, в психотехническом познании, наоборот, знания об «объекте» (горе, бессознательном) включаются как аспект в искомое знание о методе.

Итак, если *общим предметом классической академической теории* является фрагмент, выделенный методом из объекта исследования, ограниченный и ограниченный этим методом, то *общим предметом*

³³ Подробнее см. главу 2.2.

психотехнической теории является сам метод, ограничивающий и создающий пространство психотехнической работы-с-объектом.

Всякая научная теория в своем общем предмете выделяет *центральный предмет* исследования, на котором сосредоточивает свое внимание, полагая, что познание законов этого центрального предмета является ключом к познанию всего общего предмета (в теории ВНД И.П. Павлова познание законов условного рефлекса – ключ к познанию всей высшей нервной деятельности). Отличие психотехнической от академической теории состоит в этом пункте в том, что если академическая теория подбирает метод, адекватный изучению центрального предмета, то психотехническая теория должна, наоборот, по работающему, эффективному психотехническому методу (нащупанному в живом опыте) восстановить такой *центральный предмет*, для которого этот практический метод является одновременно оптимальным и специфическим методом познания.

Так, например, кандидатом на центральный предмет психотехнической теории индивидуальной психологической помощи мог бы быть условный рефлекс на том основании, что механизмы обусловливания вполне способны объяснить эффективность методов бихевиоральной терапии. Однако если мы спросим, способны ли, наоборот, эти методы дать новое знание о рефлексе, является ли, скажем, метод систематической десенситизации (*Wolpe, 1958*) подходящим для изучения классического условного и оперантного рефлексов, то придется признать, что этот метод познавательного бесплоден и не идет ни в какое сравнение с павловским привязным станком или «скиннеровским ящиком».

Если бы станок и ящик, будучи оптимальными устройствами для исследования обусловливания, создавали еще и оптимальную ситуацию для эффективной психологической помощи (предположим на минуту, что критерии такой эффективности однозначны и общепризнанны), то бихевиоризм был бы *психотехнической системой*, а понятие условного рефлекса выражало бы центральный предмет этой системы. Либо наоборот, если бы методы *бихевиоральной терапии* были бы не только практически эффективны, но и оптимальны для исследований закономерностей обусловливания, то сама бихевиоральная терапия была бы не просто прикладным бихевиоризмом, лишь изоциренно эксплуатирующим научные идеи материнской теории, а была бы *психотехнической системой*, наращивающей исходный научный капитал. И в этом случае условный рефлекс стал бы центральным предметом подобной системы.

Эти рассуждения приложимы и к любому другому понятию, претендующему на роль центрального предмета психотехнической системы. Возьмем для примера понятие гештальта. С одной стороны, гештальтпсихология – чрезвычайно плодотворное научное направление, с другой, гештальттерапия – одна из самых развитых и продуктивных школ современной психотерапии. В категории гештальта сконцентрирована

блестящая научная традиция, целая развивающаяся система понятий, концепций и экспериментов, за ней встают такие масштабные имена, как М. Вертхаймер, К. Кофка, В. Келер. И эта же категория «гештальта» стала основой разветвленной системы методов гештальттерапии, созданных психотерапевтической звездой первой величины, каким считается Ф. Перлз. Казалось бы, о чем еще мечтать?! И все же для психотехнической системы этого мало. Дело в том, что категория гештальта не стала таким каналом, через который накапливаемые гештальтпсихологические знания превращались бы в карты гештальттерапевтической практики, а богатейший опыт гештальттерапии вливался бы в гештальтпсихологию и служил ее развитию, чтобы затем в этом развитии создавались бы понятия и формы, вновь передаваемые в гештальттерапию и превращающиеся там в психотерапевтические методы. Категория гештальта не превратилась в дорогу с двухсторонним движением. Именно поэтому гештальтпсихология и гештальттерапия не образовали психотехнической системы, а понятие гештальта не стало центральной категорией такой системы.

Итак, какое бы понятие мы ни пытались положить в основу психотехнической системы, сделав ее центральным предметом рефлекс или гештальт, самосознание или диалог, характер или переживание, – можно рассчитывать на научную и практическую полноценность такой системы только в том случае, если это понятие сможет исполнить роль центральной категории. Центральная же категория психотехнической системы должна удовлетворять следующим критериям.

а) Она должна концентрировать в себе идейную энергию и потенциал какой-то серьезной *научной психологической традиции*, а не быть выдумана на потребу сиюминутной практической выгоде или взята напрокат из внепсихологической сферы³⁴.

б) Центральная категория должна служить идейной основой эффективных практических методов, то есть, с одной стороны, быть их *конструктивным принципом*, позволяющим создавать такие методы и методики, а с другой – их *объяснительным принципом*, позволяющим научно объяснять механизм действия как собственных, так и заимствованных методов.

в) И, наконец, самое главное: центральная категория должна быть такой, чтобы на ее основе можно было сформировать особый *психотехнический метод*, который наряду с практической эффективностью является оптимальным эмпирическим *исследовательским* методом для предмета, выражаемого этой центральной категорией. Не простая сумма, а органический синтез практической эффективности и познавательной продуктивности – вот норма психотехнического метода.

³⁴ Такого рода «безродные» понятия, «понятия-дворянжки» часто встречаются в нейролингвистическом программировании. Например, понятие «якоря», плод незаконного соединения понятий «условного рефлекса» и «ассоциации по смежности».

Для разрабатываемой автором этих строк психотехнической системы «понимающей психотерапии» такой центральной категорией выступает понятие переживания, рассматриваемого как особая деятельность человека по преодолению критических жизненных ситуаций. Примером этого понятия легко проиллюстрировать последнее из названных методологических требований. Научные психологические представления о переживании дают возможность формирования тонко дифференцированных и эффективных методов психотерапии (см., например, *Джэндлин*, 2000). Но если бы, предположим, нас совершенно не интересовали практические вопросы эффективности психологической помощи, а перед нами стояла бы лишь чисто научная задача эмпирического исследования переживания, то трудно было бы создать лучшую «экспериментальную ситуацию», чем ситуация индивидуальной психотерапии. В самом деле, во-первых, для исследования переживания нужны испытуемые, которые находятся в критической жизненной ситуации, но не станешь же ради науки искусственно ставить человека в безвыходное положение, а клиенты психологической консультации как раз потому и оказываются на приеме у психотерапевта, что попали в критическую ситуацию. Во-вторых, в процессе психотерапии эти «испытуемые» не просто *рассказывают* о своем переживании, а *осуществляют* работу переживания. Словом, если бы вообще не существовало индивидуальной психотерапии, то для изучения проблемы переживания ее нужно было бы изобрести как оптимальный исследовательский метод. Таким образом, индивидуальная психотерапия способна обогащать научные представления о переживании, но и обратно – научные представления о переживании органично порождают эффективные методы психотерапевтической работы (см. *Василюк*, 1988).

Сведем в таблицу результаты сопоставления академической и психотехнической теорий (см. табл. 3).

Таблица 3

**Результаты сопоставительного анализа естественнонаучного
и психотехнического познания**

<i>Аспект познания</i>	Естественнонаучное познание	Психотехническое познание
<i>Философия</i>	Гносеологизм	Философия практики
<i>Ценности</i>	Внешние по отношению к познанию	Имманентны процессу познания
<i>Адресат</i>	Академический психолог или другой специалист	Психолог-практик
<i>Субъект познания</i>	Нейтральный, отстраненный наблюдатель	Заинтересованный, участный, совокупный субъект

<i>Аспект познания</i>	Естественнонаучное познание	Психотехническое познание
<i>Контакт</i>	Минимизированный, стандартизированный, эмоционально нейтральный. Связывает субъект и объект	Интенсивный, уникальный, эмоциональный Объединяет, включает в себя субъектов психотехнической ситуации
<i>Процесс и процедуры исследования</i>	Жесткие, неизменные в пределах данного опыта программы процедур	Гибкие, уникальные процедуры, тонко реагирующие на текущую ситуацию опыта
<i>Знания</i>	Знание неперсонализированное, в третьем лице, о «них» Знание, слово испытуемого о себе лишь один из фактов для научного анализа	Знание внутреннее, личностное, смысловое. Знание «о тебе», «о себе», «о нас», в то же время знание «твое», «мое», «наше»
<i>Предмет и метод</i>	Метод выделяет предмет из реальности и представляет его в «форме объекта», наблюдаемого извне	Метод объединяет участников психотехнической ситуации, и сам становится предметом исследования
<i>Центральный предмет</i>	К центральному предмету подбирается адекватный метод исследования	К эффективному практическому методу подбирается центральный предмет, для которого этот же метод является оптимальным методом исследования

Подведем итоги. Тот, кого всерьез волнует судьба нашей психологии, должен осознавать вполне реальную опасность вырождения ее в третьеразрядную дряхлую и бесплодную науку, по инерции тлеющую за академическими стенами и бессильно наблюдающую сквозь бойницы за бурным и бесцеремонным ростом примитивной, а то и откровенно бесовской, массовой поп-психологии, профанирующей как те достойные направления зарубежной психологии, которые ими слепо копируются, так и психологию вообще, игнорирующей культурные и духовные особенности среды распространения. Это не какая-то отдаленная опасность. Гром уже грянул. Единственный шанс для нашей научной психологии, шанс не

просто отсидеться еще какое-то время на теплой академической печи³⁵, а сделаться подлинной, сильной, полноценной наукой, состоит в том, чтобы радикально измениться. Это не внешнее вынужденное изменение, оно заложено в генотипе отечественной психологии. Ей, по сути, нужно всего-то стать самой собой, не зарыть свой, именно свой, талант в землю, а пустить его в оборот, реализовать уже заложенные в ней потенции, из психологии деятельности превратиться в деятельную и жизненную психологию. Пришло время услышать и исполнить все еще звучащие для нас слова Л.С. Выготского о психотехнике, значимость которых он не зря подчеркнул евангельской метафорой о краугольном камне – это есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в чем ином спасения.

3.3. Методологический смысл психологического схизиса

Карта отечественной психологии за последние 10 лет³⁶ изменилась, пожалуй, более радикально, чем карта Восточной Европы. Тогда, в 1985 г. над пустынными психологическими пространствами возвышались несколько академических крепостей (это были главным образом столичные психологические институты и факультеты психологии), кое-где виднелись ведомственные бастионы (психологические лаборатории в «ящиках», МВД, больницах, педагогических структурах и самый многочисленный их вид – кафедры психологии провинциальных педвузов), большей частью находившиеся в вассальном теоретическом положении у одной из крепостей, а ручейки вольной психологической практики с высоты птичьего полета почти не были видны.

Бурное пятилетие (с 1986 по 1991 гг.) подняло волну энтузиазма психологов-практиков. Волна окатила крепостные стены, кое-где перехлестнула через них и отхлынула, разлившись по обширным неакадемическим просторам. Она стала заполнять все ложбины и низменности – всюду появились психологические центры, службы, ТОО, ООО, да и просто лихие молодые люди с очень ограниченной ответственностью, но с безграничной готовностью на любую психологическую услугу от подготовки кандидата в президенты страны до снятия порчи.

Недавняя пустыня между академическими крепостями и ведомственными бастионами превратилась в беспокойное море психологической практики. Есть в нем уже и глубокие чистые течения, хотя, разумеется, преобладают пока мутноватые воды самоуверенного дилетантизма.

³⁵ «Заметно, впрочем, остывшей за два года, прошедшие с тех пор, как писались эти строки» – Это замечание 1992 г., но и к 2002-му, увы, печь эта остается холодной. Отличие в том, что теперь это воспринимается почти как норма.

³⁶ Данная работа была впервые опубликована в 1996 г. в знаменательном номере журнала «Вопросы психологии», посвященном столетию Л.С. Выготского.

Но нравятся нам последствия наводнения или нет, факт остается фактом: все это вместе и есть «отечественная психология», хотя ее рельеф и климат, флора и фауна неузнаваемо изменились. Раньше судьба нашей психологии ковалась за академическими стенами, отныне она определяется тем, как будут складываться отношения между образовавшимся «морем» и «сушей», между «психологической практикой» и «научной психологией».

В упомянутое выше пятилетие «энтузиазма», когда большинство психологов-практиков составляли специалисты с университетским академическим образованием, казалось иногда, что продуктивное соединение практики и науки произойдет само собою. Казалось, что началась уже новая историческая эпоха, что позади остались старые естественнонаучные идеалы, высокомерное отношение к практике как к косной сфере, куда «внедряются» научные достижения, что сбывается пророчество Л.С. Выготского:

«Практика входит в глубочайшие основы научной операции <...>, становится конструктивным принципом науки» (*Выготский*, 1982, с. 387–388). Думалось, что страстный философский призыв Л.С. Выготского наконец услышан, психология вобрала в свой состав практику и стала изнутри преобразаться.

Но, увы, как и в жизни, в науке ничто не совершается автоматически. Когда начался отлив, обнаружилось, что перехлестнувшая волна оставила после себя несколько психотехнически ориентированных лабораторий, но никакого внутреннего оплодотворения психологической науки «философией практики» не произошло. Напротив, отлив продолжался, разрыв между психологической практикой и наукой стал увеличиваться и достиг угрожающих размеров. Самое тревожное, что это расщепление, проходящее по телу психологии, никого особенно не волнует – ни практиков, ни исследователей. Если бы ситуация определялась острым противоборством, столкновением сторон, попыткой сломить сопротивление и перекроить всю психологию по-своему – это было бы драматично и... плодотворно. Тогда можно было бы говорить об очередном кризисе психологии. К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности расщепленной личности: у них нет взаимного интереса друг к другу, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о «звездах» психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами. Есть и другие симптомы схизиса, но наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят *научного*,

теоретического, методологического значения практики. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики.

Ниже мы надеемся показать, что наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит, прежде всего, в выработке *общепсихологической методологии*. Методологическая миссия психотехники определяется не только внешними факторами – массовым распространением психологических практик, порождающим соответствующий социальный заказ, но и *внутренними тенденциями самой психологической науки*. Последнее кажется особенно важным – убедиться, что психотехника есть не просто частная прикладная дисциплина, но – общепсихологическая методология, причем методология, не навязанная извне обстоятельствами, а присущая отечественной психологии как своего рода «генетическая программа». Наступило время, когда эта программа начала реализовываться. Попытаться расшифровать ее генетический код, проследить пути ее развертывания – вот задача данной работы.

Начнем с очевидной ценности психологической науки, лучше сказать, с ее заветной мечты о целостном уникальном человеке. Как бы аналитичны ни были те или другие психологические направления, как бы ни членили они человека и его жизнь на функции, состояния, процессы, их никогда не покидала мечта о синтезе, о том, что рано или поздно найдется сказочная мертвая вода, которая соединит части разъятого человека в цельное существо, и вода живая, которая это существо оживит. Но то, что является романтической мечтой традиционного психолога-исследователя (о которой он, разумеется, мгновенно забывает, когда дело доходит до дела и ему нужно действовать по неумолимой логике науки), недостижимым венцом всегда будущих научных синтезов, то для психолога-практика является вполне приземленной ежедневной реальностью, с которой ему с начала и до конца своей работы только и приходится иметь дело, борясь лишь со своими собственными аналитическими или редуционистскими привычками.

Однако эмпирически, опытно известное – отнюдь не то же самое, что научно знаемое. Для того чтобы научиться не только *действовать* с целостным человеком, но и *мыслить* действительность человеческой целостности, необходимо, прежде всего, задаться вопросом: чем она конституируется?

Строго говоря, культом (см. *Флоренский, 1977*). Только он обнимает человека во всей полноте его телесной, душевной и духовной жизни. Только в нем есть возможность сойтись и объединиться всему: бытовым житейским мелочам с высшим смыслом жизни, древнейшей традиции со злободневной современностью, глобальным историческим процессам с уникальной человеческой судьбой и главное – Богу и человеку. Но

поскольку наша научная психология не готова еще, кажется, к продуктивной встрече с полнотой и антиномичностью христианской антропологии, то, оставив до поры лучший ответ, вопрос нужно поставить заново: где, в каких контекстах мы находим человека в полноте и конкретности его бытия? В каких контекстах не расплескивается сущность человека или хотя бы сохраняется его узнаваемость, так что, вглядываясь в полученные в этих контекстах описания, можно безошибочно определить – да, да, речь идет о человеке, а не о механизме, организме или социальном атоме?

Человеческая целостность сохраняется, прежде всего, в контексте *сознания*, имея в виду и феноменологический горизонт жизненного мира человека, и все эстетические, этические и психологические формы его выражения и понимания.

Далее, она сохраняется в ориентированных на человека социальных *практиках* – в обучении, воспитании, лечении и пр.

Наконец, как смысловая сущность человеческая целостность может удерживаться в разного рода символических полях *культуры*, в поэтической строке, живописном образе и пр.

Эти контексты взаимоотражаются друг в друге, пронизывают друг друга и существуют как узлы в одной связке. *Сознание – практика – культура – такова тройная формула контекста, задающего действительность человеческой целостности.*

Но мало определить категориальные условия, обеспечивающие нередуцируемость человеческой целостности, необходимо еще ответить на вопрос, как эту целостность исследовать, коль скоро мы не оставляем задач науки внутри психотерапевтической и консультативной деятельности, не отказываемся и здесь искать истину, а не одну только пользу.

Практика как принцип познания

В современной методологии познания стало уже общим местом утверждение о нереализуемости классических научных канонov при изучении человека (не говоря уже об их относительной применимости даже в естествознании). Парадигма классической науки при изучении человека дает трещину в решающем пункте, гласящем: объект независим от познания. В тех дисциплинах, которые изучают конкретных людей, особенно очевидно, что названная аксиома не оправдывает себя. Во-первых, само знание о человеке реально изменяет его. Самый явный пример тому – психоанализ, антропологические концепты которого стали символическими орудиями, изменяющими сознание человека как в каждом конкретном клиническом случае, так и в смысле того культурного человеческого типа, который сформировался на Западе: психоаналитическое искусство, менеджмент, лечение, воспитание и пр. – все это сегодня неотъемлемые элементы реальной жизни обычного западного человека. Во-вторых, формы и методы познания влияют не только на характер получаемого знания (не безразлично, будет ли это знание об условных рефлексах или о жизненном

стиле), но и на самого исследуемого человека³⁷. В-третьих, сам процесс познания человека, само пребывание его в положении изучаемого объекта вовсе не безразличны для него: и потому, что «быть исследуемым» – лишь один из многих модусов социального существования человека со своими культурными нормами, ритуалами, ожиданиями, вовсе не совпадающий с другими модусами («я» как *испытуемый* вовсе не равен «себе» *играющему, работающему, любящему* и т. п.).

В этих констатациях для нашей психологии давно нет никакой гносеологической новизны. Повторять их приходится не потому, что они не известны, а потому, что из них вытекает *методологическое задание*, которое отечественная психология должна была выполнить, но так еще до конца и не выполнила. Суть этого задания в том, что психология деятельности должна стать деятельной психологией (А.Н. Леонтьев), или «психотехнической» (Л.С. Выготский). Казалось бы, еще в знаменитых «Тезисах о Фейербахе» К. Маркса, столь часто цитировавшихся в нашей психологической литературе, это методологическое задание было сформулировано ясно и четко. В одном из тезисов речь шла о том, что философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его. В другом – о том, что изучаемую действительность следует брать не в *форме объекта* и не в *форме созерцания*, а как человеческую чувственную деятельность, как *практику*, «субъективно».

Сами по себе эти идеи Маркса, разумеется, не раз оценивались советскими философами как гениальный вклад в гносеологическую теорию, состоящий во введении в нее категории практики. Мысль о том, что в основании научной деятельности должна лежать человеческая практика, систематически воспроизводилась. Вот, например, в каком виде ее формулирует В.С. Степин: «Как в любой познавательной деятельности, здесь (в эмпирическом слое науки. – Ф.В.) проявляется фундаментальный принцип теории отражения, согласно которому объект познания определен лишь относительно некоторой системы практики. Познающему субъекту предмет исследования всегда дан не в форме созерцания, а в форме практики... Поэтому во всех слоях научного знания содержится схематизированное и идеализированное изображение существенных черт практики, которое вместе с тем (а вернее, в силу этого) служит изображением исследуемой действительности» (Степин, 1976).

³⁷ Во всяком исследовании есть обучающий и мотивирующий компонент. Простой мысленный эксперимент: двух космонавтов на протяжении нескольких лет исследуют по разным программам – у одного систематически проверяют объем памяти, у другого – способность к решению творческих задач. Легко вообразить последствия таких экспериментов для развития соответствующих способностей. Даже в «чистой» экспериментальной психологии объект исследования зависит от факта и содержания исследования, а уж психотерапевтическая практика показывает, что даже тон и стиль задаваемого человеку вопроса изменяют характер включаемых для поиска ответа механизмов сознания.

Но одно дело признание идеи, и совсем другое – ее реализация. Не берусь судить о жизни марксовской идеи в современной российской философии, но в нашей психологии (теперь стыдливо вытесняющей все связи, ведущие к подозрению в марксизме) она чаще всего истолковывалась таким образом: исходный предмет психологического исследования – человеческая практика, деятельность. Но означает ли это, что действительность берется не в форме объекта и не в форме созерцания, а как человеческая чувственная деятельность, как практика, берется «субъективно», по словам Маркса? Нет. Центральный, решающий пункт состоит не в том, чтобы из всех возможных объектов познания *выбрать для исследования* деятельность, и не в том, чтобы всякую исследуемую действительность *рассматривать* как деятельность, а в том, *в какой позиции находится сам исследователь по отношению к этой действительности*. Одно дело, если он сохраняет позицию Абсолютного Наблюдателя, созерцающего особый объект – деятельность, и тогда он и саму деятельность берет «либо в форме объекта, либо в форме созерцания», берет «объективно». Совсем другое – если он занимает *участную позицию* в бытии, становится в практическое жизненное отношение к познаваемой действительности и именно свою человеческую чувственную деятельность, свою практику (а раз «свою», то, естественно, действительность берется «субъективно») делает исходным пунктом познания.

Эти две методологические схемы резко отличаются друг от друга. В первой исследователь полагает себя вне и над бытием, бытие мыслит независимым от своих исследовательских процедур, сами эти процедуры представляет как бесплотные лучи, лишь дающие информацию об объекте, но не затрагивающие его, а получаемое в результате знание – как не имеющее обратного влияния на объект. Зрительное восприятие предметов – вот метафора этой схемы. Назовем ее условно *«философией гносеологизма»*.

В пределах второй схемы исследователь должен не просто дать себе отчет в том, что он как человек находится в гуще бытия и потому неизбежно зависим в своем познании от своей связанности с бытием и погруженности в него; ведь, достигнув такого осознания, можно, тем не менее, избрать первую методологическую схему и пытаться, насколько это возможно, приблизиться к «идеальной» познавательной позиции, изыскивая методические средства, чтобы отряхнуть бытие с процесса познания. Реализуя вторую схему, нужно пойти на риск полагания себя именно как исследователя *внутри* изучаемой действительности, войти в поля чувственно-практической деятельности, которые не то чтобы связывают его отдельного с отдельной действительностью, а собственно, и являются первоначальной и единственной действительностью, в которой затем уже проступают объективный и субъективный полюса. Осознавать это *чувственно-практическое* поле как изначальный и определяющий факт познания и означает придерживаться второй схемы, которую можно назвать

«*философией практики*». Если образ первой схемы – зрительное восприятие, то образ второй – тактильно-кинестетическое. Здесь стоит вспомнить, что генетически рука учит глаз, а не наоборот, и в функциональном плане глаз – вовсе не пассивный приемник идущих от объекта световых «снарядов», он, активно «ощупывая» объект, лепит его образ (см. *Зинченко, 1997*).

Итак, философия практики – это вовсе не философское познание практики, это и не познание, ориентированное прагматически на то, чтобы служить исключительно практическим целям; философия практики не является вообще методологией одного лишь познания, так, чтобы научная истина мыслилась как высшая ценность. Но поскольку познание осуществляется в недрах философии практики, оно должно непрерывно удерживать в своих процедурах факт собственной жизненно-практической укорененности в познаваемом бытии. Познание, реализующее философию практики, не смотрит на практику извне, а изнутри практики смотрит на открываемый ею мир.

Каким образом можно эти общепсихологические положения превратить в конкретную методологию психологии?

Философия практики как методология психологии

Л.С. Выготский, анализируя кризис в психологии, пришел к выводу, что его глубинной причиной была оторванность психологии от практики. Связи, сложившиеся между теоретической и прикладной психологией, напоминали, по словам Л.С. Выготского, взаимоотношения между метрополией и колонией – «теория от практики не зависела нисколько» (*Выготский, 1982*). Выход психологии из кризиса Выготский связывал с тем, чтобы практические дисциплины заняли принципиально иное положение во всем строе науки. Какое же? Эпиграф, многократно повторяемый в труде Выготского, прямо указывает на это положение: «Камень, который презрели строители, стал во главу угла». Практика должна стать именно краеугольным камнем новой науки, то есть таким, на который опирается все возводимое здание, по которому выверяются все его стены. В новой психологии «практика входит в глубочайшие основы научной операции и перестраивает ее с начала до конца; практика выдвигает постановку задач и служит верховным судьей теории, критерием истины; она диктует, как конструировать понятия и как формулировать законы» (*Выготский, 1982*).

Л.С. Выготский надеялся, что столкновение психологии с высокоорганизованной практикой приведет к тому, что промышленность и армия, политика и образование реформируют нашу науку.

Надеждам Л.С. Выготского, однако, не суждено было сбыться. Практика не реформировала психологию. Почему? Во-первых, конечно, из-за тех гонений, которым подверглись именно практически ориентированные психологические дисциплины – педология и психотехника. Во-вторых, из-за уродливых форм самой социальной

практики, насквозь идеологизированной, ориентированной не на эффективность, а на фиктивные плановые показатели и потому не нуждающейся по-настоящему не только в действенной психологии, но вообще ни в какой психологии.

Однако непосредственной причиной задержки методологического развития нашей психологии явилось то, что она, взаимодействуя все же (особенно в шестидесятые годы) с различными видами социальной практики – медициной, промышленностью, педагогикой, участвовала только в этой «чужой» практике, не имела *своей психологической практики, не была самостоятельной практической дисциплиной.*

Только в последние десять-пятнадцать лет ситуация стала меняться. А еще так недавно, в семидесятые годы, по организационной структуре наша психология являла собой более чем странную картину. Чтобы в полной мере ощутить эту странность, мы в предыдущей главе уже сопоставляли организационные модели отечественной психологии и медицины: если бы здравоохранение была устроено так же, как тогдашняя психология, то в ней были бы факультеты, институты и лаборатории, но не было бы больниц и поликлиник. Теперь у психологии появились свои «поликлиники», возникла собственно психологическая практика. Буквально за несколько лет психологов-практиков стало на порядок больше, чем психологов-исследователей и преподавателей. Учитывая опыт развитых стран, страстное стремление студентов факультетов психологии к обучению практической психологической работе, огромный наплыв психотерапевтических «прозелитов», обращенных из врачей, педагогов, военных и других специалистов, можно с уверенностью утверждать, что пропорция «практики/исследователи» будет неуклонно расти.

Появление психолога-практика как массовой профессии (массовой хотя бы пока по масштабам цеха профессиональных психологов) создает радикально новую ситуацию для всей нашей психологии. Возникает потребность в новых теоретических подходах, новых формах обучения и новых типах психологических организаций.

Для психологов-исследователей наступили необычные времена: если раньше продукт их работы использовался либо коллегами-учеными для полемики или цитирования в собственных научных же трудах, либо лекторами для «просвещения населения», либо практиками других профессий – военными, инженерами, врачами, то теперь главным пользователем становится психолог-практик. А это очень требовательный пользователь и очень критичный читатель научных психологических сочинений. Он смотрит на исследовательский труд из гущи реального опыта практической психологической работы. Это вовсе не взгляд прагматика, озабоченного только «ноу-хау», он ждет настоящего научного слова, истины, логоса, ждет тем более горячо, что он эту истину уже опытно ощутил и способен «узнать» ее, как узнает душа в подлинно

поэтическом слове свое же однажды испытанное, но не до конца понятое чувство.

Чтобы отвечать этим ожиданиям, исследовательская, теоретическая психология должна реализовывать такой методологический подход, который позволил бы научно изучать не психику испытуемых, а *опыт работы с психикой*, прежде всего опыт профессиональной психологической работы, позволил бы черпать темы из этого опыта, создавать понятия и модели, описывающие и объясняющие опыт, формулировать результаты в виде, конвертируемом в опыт. Для того чтобы продуктивно развиваться, психологическая теория должна включиться в контекст психологической практики и сама включить эту практику в свой контекст. Двумя словами: психологическая теория должна реализовать *психотехнический подход*.

Но одно дело – «должна» и совсем другое – «может ли?», да и «хочет ли?», то есть соответствует ли это ее собственным внутренним тенденциям? И может, и хочет.

В отечественной психологии мы находим прекрасный образец реализованного психотехнического подхода. Это теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Без специального методологического анализа, уже чисто стилистически очевидна психотехническая суть этой теории: не теория *мышления*, не теория *умственных действий*, но именно теория *формирования*, то есть теория *работы с психикой*, а не самой психики. Нетрудно заметить, как переворачивается здесь классическая схема соотношения теории и практики: не от познания объекта к внедрению этих знаний в практику, а от опыта работы с объектом (формирования) к его познанию. Здесь в буквальном смысле исполняется надежда Л.С. Выготского на то, что практика войдет в основу научной операции.

Примера теории поэтапного формирования умственных действий достаточно для того, чтобы утверждать возможность реализации психотехнического подхода вообще. Но, повторяем, мало «быть должным», мало «мочь», нужно еще и «хотеть». «Хочет» ли отечественная психология стать психотехнической? Не под воздействием ли одной лишь моды на психологическую практику начинает она преобразовывать свои теоретические основания? Ведут ли ее к этому ее собственные, «генетически» заложенные в нее влечения, узнает ли она себя, став психотехнической?

Если проследить важнейшую линию развития отечественной психологии, линию «Выготский–Леонтьев», то психотехническая закваска обнаруживается в ней в явном виде уже с самого начала. Идеи Л.С. Выготского об интериоризации как возникновении психических образований в ходе процесса «сворачивания» межличностного взаимодействия, о высших психических функциях, воплощение этих идей в экспериментах А.Н. Леонтьева (1928, 1931) по изучению опосредованной памяти – все это уже опыт реализации психотехнической методологии в

психологическом исследовании. Ведь что собственно изучается в знаменитом эксперименте А.Н. Леонтьева? Вовсе не память, взятая как присущая индивиду по природе психическая функция, которая рассматривалась бы в качестве натурального объекта, свойства которого не зависят от его исследования. Изучается некое искусственное новообразование сознания, сформированное вместе экспериментатором и испытуемым с помощью предложенных средств (картинок) и в мотивирующем контексте социальной ситуации проверки памяти. Значит, изучается не память вообще, а, по сути, социальная мнемотехника, совместная деятельность двух людей – экспериментатора и испытуемого, свернутая в способности одного из них (испытуемого) воспроизвести ряд слов в данной специальной ситуации³⁸.

Итак, идея философии практики в приложении к психологической науке предстает как психотехническая методология. Психотехника – это философия практики для психологии. Отечественная психологическая традиция в лице культурно-исторической школы Выготского является психотехнической по своему изначальному замыслу, по своему методологическому «генотипу».

Психотехника

Сейчас понятие «психотехника» употребляется в самых разных смыслах: и как набор приемов психического воздействия на человека, и как совокупность методов саморегуляции, и как новейшая методология психологии, предполагающая новый тип рациональности (*Пузырей*, 1986), и как культура психической деятельности в той или иной философско-религиозной традиции, а иногда, кивая на психотехнику 1920–1930-х годов, это понятие осмысливают как «психология – технике», то есть как психофизиологическое исследование человека как субъекта труда с целью научной организации профотбора, профориентации, вообще рационализации труда.

Для наших рассуждений важно вернуться к истокам понятия и вспомнить, что называл психотехникой изобретатель термина Гуго Мюнстерберг, тем более что именно на его работы ссылался Л.С. Выготский, когда писал о том, что в психотехнике кроется зерно новой психологии. В предисловии к русскому переводу книги Г. Мюнстерберга «Основы психотехники» (1924) Б. Северный и В. Экземплярский писали, что автор преследует цель объединения существующих специальных областей прикладной психологии и развитие неразвитых (социальной

³⁸ Осознанно психотехническая постановка этих экспериментов может быть, например, такой: экспериментатор проводит ряд серий с каждым испытуемым, подбирая способы взаимодействия (мотивация, средства и пр.), приводящие к максимальному (или другому наперед заданному) результату. Вообще, большинство классических психологических экспериментов может быть перепланировано психотехнически.

психотехники, приложение психологии в области права, искусства, науки) – и этим ставит задачу психологизации культуры.

Г. Мюнстерберг был одним из главных героев истории перехода от классической к постклассической психологии, смысл которого можно выразить формулой: *старую психологию интересовала жизнь души, новую – душа жизни* (см. *Василюк, 1986*). Психолог классического периода, интроспекционист, видел свой профессионализм в том, чтобы научиться препарировать реальный жизненный процесс и готовить для исследования чистые психические формы, отделенные от предметной действительности существования; он был искренне убежден, что для «изучения ощущения сладости совсем не нужно исследовать сахар». На рубеже веков в психологии появились и громко заявили о себе совсем другие фигуры (среди них, прежде всего, З. Фрейд), которые, наоборот, пожелали повернуться лицом к жизни и именно в ней попытаться увидеть психическое. Разумеется, все они по-разному, иногда противоположным образом, пытались решить эту задачу. Особенность Мюнстерберга состояла в том, что он, не ставя целью реформировать психологическую науку изнутри, занялся прикладной психологией, казалось бы, периферической, а на деле решающей для исторического развития областью психологии, где она пересекалась с жизнью. Прикладную психологию Мюнстерберг делил на каузальную и телеологическую. Каузальная есть использование психологических категорий и методов для объяснения различных феноменов культуры, исследуемых кроме психологии и другими науками (например, включение психологических объяснений в политологический или исторический анализ). Каузальная психология – это «психология культуры». Телеологическая же – приложение психологических знаний и методов для достижения практических целей. Это и есть «психотехника».

Раз психотехника, по Мюнстербергу, – *прикладная дисциплина*, то, чтобы понять ее, стоит выделить и рассмотреть три ее части: *что*, собственно, «прикладывается», *как* и *куда*, то есть предмет, способ и область приложения.

Область приложения психотехники Мюнстерберг категориально осмысливает как *культуру*: «Во всех сферах человеческой культуры (*курсив мой. – Ф.В.*) возникают психотехнические проблемы» (*Мюнстерберг, 1924*). Учитель воздействует на ребенка, проповедник – на грешника, продавец – на покупателя, врач – на пациента и т. д. В их деятельности «те или иные цели могут быть достигнуты вполне или отчасти через посредство психических процессов, и задача психотехники состоит в том, чтобы показать, о каких процессах должна при этом идти речь и какие влияния необходимы для достижения желательного результата» (*там же, с. 5*). Заметим, что в качестве примеров сфер культуры Мюнстерберг использует не искусство или науку, а образование, церковь и торговлю, то есть социальные сферы, имеющие отчетливо выраженный *практический* характер. Психотехника здесь предстает как дисциплина, встроенная внутрь

социальной практики как ее необходимый элемент, позволяющий и познавать психику, и влиять на нее.

Что касается «предмета приложения», то в теоретической рефлексии Мюнстерберга им остается классическая психология сознания. В одной из ключевых дефиниций он говорит, что психотехника – это использование учения о явлениях сознания для того, чтобы решить, что мы должны делать³⁹.

Как бы мы ни оценивали теоретическое, методическое и практическое значение мюнстерберговой психотехники, но нельзя не согласиться с мнением Л.С. Выготского (1982), что методологическое ее значение огромно, и оно определяется, на наш взгляд, тем, что с самого начала каркас понятия «психотехника», состоящий из трех блоков: *предмет приложения – способ приложения – область приложения*, – был наполнен связкой трех категорий: *сознание–практика–культура*, то есть теми самыми категориями, которыми, как мы видели, конституируется *целостный человек*.

Но если так, то что же – «назад к Мюнстербергу!»? Может ли, в самом деле, идея психотехники, сформулированная Мюнстербергом, стать главной методологической доктриной новейшей психологии? И да, и нет. Да, поскольку она выдвинула важнейшую задачу *научно-практического* освоения проблемы «сознание–культура», то есть такого освоения, где теория сознания могла бы черпать жизненный материал не из интроспекции психолога, а из процессов реального взаимодействия людей в той или другой сфере культуры, и в то же время вносить действенный вклад в оптимизацию и развитие социально-психологических механизмов функционирования этой сферы (будь то школа, наука, искусство, медицина или менеджмент). Нет, прежде всего, потому, что созданная в недрах классической психологии теория сознания, на которую рассчитывал Г. Мюнстерберг, не была способна по-настоящему участвовать в решении этой задачи. Классическая психология сознания была неадекватна самой идее психотехники. Чтобы действительно, конкретно связать в рамках одной дисциплины под названием «психотехника» сознание с практикой и культурой, нужно было сделать радикальный шаг в теории сознания.

Сознание

Такой шаг был сделан в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского. Он состоял в том, что само сознание было понято как «культурное» и «практическое» по своему генезису, строению и функционированию.

Это утверждение лучше всего пояснить на примере какой-либо психической функции. При исследовании памяти в классической

³⁹ Заметим, кстати, что Г. Мюнстерберг не различает здесь два важных пласта – аксиологический и операциональный: что делать и как делать. А между тем психотехника обязана проблематизировать эту тему и решать возникающие в связи с ней проблемы. Есть горизонтальное и вертикальное измерения психотехники.

психологии (у Г. Эббингауза и др.) память понималась как автономная функция, самобытный процесс, натуральный объект, подчиняющийся собственным внутренним законам. У З. Фрейда, в его объяснениях процесса забывания, память стала рассматриваться в контексте личной судьбы, как личное действие, разворачивающееся во внутриспсихическом пространстве и участвующее в решении смысловых проблем жизни. У П. Жане, в его теории памяти как рассказа, как «реакции на отсутствие», память также понималась как действие, но разворачивающееся в социальном контексте и мотивированное этим контекстом (необходимостью воспроизвести в рассказе некое социально-значимое событие). П. Жане и З. Фрейд как бы извлекли память из замкнутого мирка психических функций классической психологии и вывели ее в виде человеческого действия в реальные жизненные контексты – биографический и социальный.

Однако радикальные преобразования понятия памяти совершились в культурно-исторической теории Л.С. Выготского, который добавил к предшествующим еще один контекст рассмотрения – контекст культуры – и сумел произвести в понятии «высшей психической функции», относящемся и к памяти, синтез всех этих контекстов. Вспомним еще раз вдохновленные Л.С. Выготским опыты А.Н. Леонтьева по изучению опосредованной памяти. Во-первых, им предшествовал культурологический экскурс в историю, который был не просто беллетристическим предисловием, а анализом функционирования *культурных средств* памяти. Использование средств запоминания стало центральным пунктом проводимых экспериментов. Во-вторых, *социальный контекст* (взаимодействие экспериментатора и испытуемого) был интимным внутренним механизмом, порождающим исследуемый предмет – опосредованное запоминание, а не просто внешним условием «включения» опыта и контроля результатов. В-третьих, память здесь изучалась в генетическом аспекте, но не в смысле естественного созревания, а в смысле *искусственного построения*. И последнее: память, изучавшаяся, так же как в теориях З. Фрейда и П. Жане, как действие, в отличие от этих теорий одновременно возвращала себе достоинство и облик *психической функции*, то есть вновь «возвращалась» сознанию. *Итак, в школе Л.С. Выготского память была понята как искусственное образование, порождаемое в социальном контексте совместной деятельностью людей с помощью культурных средств (знаков) и интериоризуемое, натурализируемое в биографическом контексте в новую «высшую» психическую функцию.* Таким образом, Л.С. Выготский добавил к контекстам рассмотрения памяти – функциональному, биографическому и социальному – три идеи – культурной опосредованности, генезиса и интериоризации и сумел осуществить синтез всех этих представлений в понятии «высшая психическая функция».

На этом примере отчетливо видно, что Выготский создал такую психологическую теорию, где сознание было понято как феномен, которому

внутренне присущи культура и практика. Эту теорию можно было бы назвать не только культурно-исторической, но и с равным успехом культурно-практической, поскольку один из основных смыслов слова «историческая» в принятом названии отражает идею генезиса сознания, но не естественного (поэтому это не «генетическая психология», как у Ж. Пиаже), а искусственного, производимого совместной деятельностью, опосредованной культурными средствами, то есть практикой.

Такое понимание сознания в отличие от классической психологии сознания адекватно общей идее психотехники, поскольку изначально включает в свернутом виде всю молекулярную структуру этой идеи – «сознание – практика – культура».

Но почему же Л.С. Выготский не назвал свою теорию культурно-практической, хотя считал практику краеугольным камнем новой психологии, и почему не создал все-таки психотехнического подхода, хотя признавал за психотехникой величайшее методологическое значение?

Ответ на этот вопрос кроется в понимании второго узла категориальной структуры психотехники – узла практики.

Практика

У Л.С. Выготского было понятие «практической психологии», но не было еще понятия «психологическая практика». На первый взгляд, это синонимы, но по существу между ними пропасть, радикальный сдвиг, отделяющий две исторические эпохи в развитии психологии (ср. *Пузырей*, 1986).

Практическая психология – это приложение и развитие психологических знаний в какой-либо сфере общественной практики – педагогике, медицине, обороне и т. д. Виды практической психологии получают соответствующие ведомственные имена – педагогическая психология, медицинская, военная и т. д. Каждая разновидность практической психологии включает в себя частную прикладную психологическую теорию, реализующую общепсихологические принципы в материале данной сферы социальной практики и для решения ее задач.

Психологическая практика – это самостоятельная практическая деятельность психолога, где он выступает «ответственным производителем работ», непосредственно удовлетворяющим и обслуживающим социально оформленные жизненные потребности заказчика. Психологическая практика обслуживает «первичного потребителя», а не профессионала, представителя той или другой социальной сферы деятельности. Одно дело – консультирование пациента, обратившегося за психологической помощью, другое – консультирование того же пациента по заказу его лечащего врача. Хотя процессы могут быть очень похожи, но их внутренний смысл, форма осмысления результатов, сам способ мышления и типы отношений, складывающиеся в этих деятельности, разительно отличаются друг от друга. Наиболее «чистыми» видами психологической практики являются

индивидуальное и семейное консультирование и различного рода «личностные» психологические тренинги.

Вернемся к поставленному выше вопросу. Почему, в самом деле, Л.С. Выготский при всей гениальности ума, при всем ясном понимании, что психотехника является краеугольным камнем новой психологии, что только она может вывести психологию из кризиса, не создал все-таки полноценной психотехнической системы? Потому, что у него не только не было, но и не могло быть понятия *психологической практики*. Не в том, разумеется, дело, что он чего-то не додумал, и даже не в том, что социально-политические условия тогдашней жизни в стране не позволили бы психологической практике как таковой осуществляться в сколько-нибудь массовом масштабе, а потому, что психологической практики при жизни Л.С. Выготского вообще не существовало как сложившейся социальной реальности, она еще только рождалась из недр практической психологии, которая сама в ту пору не достигла совершеннолетия.

Первой, и даже отчасти переходной, формой был ранний психоанализ. Психоанализ осуществлялся уже как самостоятельная психологическая практика, но осознал себя в начале как своего рода лечебную, медицинскую деятельность, оправдывающуюся ценностью здоровья. Однако это была уже не вполне медицина: слишком большой вес для психоаналитика имело раскрытие истины по сравнению с обычным медицинским прагматизмом, слишком много внимания уделялось душевным состояниям в процессе этого странного «лечения разговором», слишком всерьез для материалистической европейской медицины признавалась решающая роль психических процессов в этиологии заболевания. Медицинский миф и антураж долгое время удерживался, но всем было понятно, что это уже не медицина, что психоанализ – это какая-то психология. Но какая? Психоанализ совершенно не напоминал теоретическую и экспериментальную психологию того, да и нынешнего, времени. Это не была и «практическая», а именно медицинская психология, поскольку медицинский психолог как таковой обслуживает деятельность врача, а психоаналитик оказывал самостоятельную помощь пациенту. Это не была и «прикладная» психология, ибо психологические знания черпались не из научных психологических систем, чтобы затем быть использованными в психоаналитической работе, а складывались в опыте самой этой работы. Рождалась новая форма психологии.

Событие произошло, психоанализ дал небывалый еще в истории психологии и даже в истории культуры феномен *собственно психологической практики* как самостоятельной социальной сферы, живущей по своим законам, а не обслуживающей какую-либо иную сферу социальной жизни. Правда, этот феномен не был явлен еще, как сказано выше, в чистом виде, это был еще, быть может, не более чем «неандерталец» будущей психологической практики, несущей на себе зримый отпечаток своего происхождения из медицинской практики и

естественнонаучного мышления. Возможно поэтому Л.С. Выготский, казалось бы, более всех других гроссмейстеров психологической мысли подготовленный своими же теоретическими построениями к восприятию методологического значения психоанализа, не успел полностью оценить масштаба события, произошедшего с выходом психоанализа на сцену культурной жизни.

Начало века изобиловало грандиозными научными открытиями, философскими прозрениями, художественными свершениями. Но даже на этом фоне психоанализ по своему влиянию на европейскую, а через нее и мировую культуру предстает одной из первых, если не первой вершиной. Уже к 1960-м годам XX века чуть ли не в каждом втором литературном произведении, фильме или спектакле, философской доктрине и бытовом разговоре, а то и в сновидении образованного европейца можно было обнаружить следы влияния, отголоски образов, схем и понятий психоанализа. Он в тех или других своих вариантах буквально пронизал и изнутри реформировал культуру. Отвлечемся пока от вопроса, хорошо это или дурно, сейчас речь лишь о реальности факта и масштабах явления.

Разве мог кто-нибудь в конце XIX, да и в начале XX века предположить, что психология, только-только появившаяся на свет как самостоятельная наука и находившаяся на периферии как научной, так и культурной жизни, вдруг так быстро и так громко заявит о себе?

Но чему, собственно, психоанализ обязан своей головокружительной карьерой? Разве не было научных психологических теорий такого же ранга, разве гештальт-психология, генетическая эпистемология Ж. Пиаже или та же культурно-историческая психология Л.С. Выготского были менее мощными психологическими концепциями? Разумеется, нет. Волшебная сила психоанализа, собственно, в том и состояла, что он, несмотря на все естественнонаучные установки своего создателя, не был в строгом смысле слова *научной психологической теорией*. Ни научной, ни психологической, ни теорией. Он был первой *психотехнической системой*, поставившей «камень, который презрели строители», – психологическую практику – во главу угла.

И именно то обстоятельство, что ставка была сделана на свою, психологическую практику, определило как внутренние теоретические достижения психоанализа – развитие принципиально нового стиля и типа мышления, так и его внешние социальные продвижения.

И Г. Мюнстерберг, и Л.С. Выготский мечтали о новой, сильной, жизненной, реальной психологии, оказывающей влияние на человеческую жизнь, на культуру, но они предполагали, что психология войдет в город современной цивилизации через ворота существующих социальных практик педагогики, промышленности, медицины, юриспруденции и т. д. как надежный и дельный оруженосец этих практик. Процесс этот начинался тогда и продолжается до сих пор. Но психоанализ избрал другой путь. Он обошелся безо всякого покровителя, сам прорубил в городской стене для

себя ворота и въехал в город с невозмутимым видом «право имеющего». Без небольшого скандала, разумеется, не обошлось. Но с тем большим энтузиазмом новый пассионарий вскоре был принят в свете. Начался небывалый процесс психологизации культуры.

Если таким оказалось культурное значение первой, еще не до конца оформившейся и осознавшей себя психотехнической системы, то какую роль может сыграть развитая психотехника для судеб цивилизации, об этом можно пока только догадываться. Сомневаться не приходится только в одном, что эта роль, по крайней мере, не меньше, чем роль открытий в области ядерной физики⁴⁰.

Чем же, повторим, можно объяснить такой неслыханный «карьерный рост», который благодаря психоанализу совершила психология в первой половине XX века, заняв одну из самых влиятельных позиций в культуре? Неужели так сильны и масштабны были прямые результаты психоаналитических сессий, и с психоаналитической кушетки поднялся новый европейский человек? Вовсе нет. С точки зрения развиваемого здесь представления о психотехнике все социальные и культурные успехи психоанализа являются, так сказать, наградой за то, что он создал новую сферу культуры – самостоятельную психологическую практику.

Что до его научных заслуг перед наукой психологией, то главная из них состоит не в развитии категории бессознательного или теории влечений, а в реализации принципиально новой методологии, *в психоанализе практика стала методом научного познания, в то же время психологическое познание (анализ) стало методом практики.*

Итак, фундаментальный методологический вклад психоанализа в психологию состоит в создании и разработке категории психологической практики. Если категория сознания, разработанная Л.С. Выготским, включила в себя категории практики и культуры как внутренне присущие ей, то развитая в психоанализе категория психотехнической практики вобрала в себя категории культуры и сознания. Мы говорим сейчас не о понятиях и терминах, имевших обращение в самом психоанализе, а о внутренней категориальной их сути.

Психоаналитическая практика была, прежде всего, практикой работы с сознанием, сознание по существу и рассматривалось здесь не как отдельный натуральный объект, а как элемент системы «работа-с-сознанием». Такой подход принес, как известно, щедрые плоды в понимании человеческого сознания.

Что касается категории культуры, то впервые за историю психологии в психоанализе культурные, мифопоэтические формы (не только об «Эдипе» речь) стали не просто метафорой, а объяснительным принципом психологических феноменов. С другой стороны, в лице психоанализа

⁴⁰ А раз так, раз столь мощная энергия скрыта в невинных, казалось бы, психологических штудиях и практиках, то необходимо отдавать себе отчет и в масштабах потенциального зла, таящегося в психотехнике.

впервые возникла такая психологическая система, которая сделала психологические интерпретации культурных явлений достаточно вескими и серьезными⁴¹. Словом, психология впервые стала культурно конвертируемой: психоаналитические построения легко включались в культурную жизнь, впитывались в символику искусства, становились предметом философских интерпретаций, входили в поры каждой сферы культуры и, наоборот, сами впитывали в себя разного рода культурные влияния.

Таким образом, не просто сам факт психологической практики как новой социальной сферы, но развитие идеи этой практики, включившей в себя как необходимые органы сознание и культуру, – вот чем объясняется столь масштабное влияние психоанализа на европейскую цивилизацию.

Подведем итоги. Расщепление, грозящее расколоть психологию на две дисциплины, может быть преодолено развитием психотехнического подхода, вводящего психологическую практику внутрь психологической науки, а науку – внутрь практики. Принципиальная категориальная схема психотехнического подхода – «сознание – практика – культура» содержалась, пусть в недостаточно отрефлектированном виде, уже в труде Гуго Мюнстерберга (1924), инициатора психотехнического проекта. Понадобились выдающиеся мыслители, которые, ощущая начавшиеся тектонические сдвиги в глубинных основаниях психологии, смогли переосмыслить эти фундаментальные категории и тем помочь рождению новой психологической парадигмы.

Л.С. Выготский в культурно-исторической психологии развил такую теоретико-методологическую трактовку категории *сознания*, которая включила в его внутреннюю структуру категории культуры и практики, благодаря чему удалось создать принципиально новый (психотехнический) тип психологического эксперимента. З. Фрейд в психоаналитическом учении разработал другой, центральный, блок общей схемы – категорию *практики*, включающей в себя категории сознания и культуры, – и благодаря этому дал первый образец психотехнической системы. В соответствии с этой логикой наиболее актуальной задачей, замыкающей создание психотехнического подхода, является формирование категории *культуры* с психотехнической точки зрения.

Контуров новой психологии, которая на наших глазах завершает период своего становления, уже достаточно четко обозначились. Не отказываясь от задач *объяснения*, она выдвигает на первый план категорию сознания и потому становится *феноменологической* и *диалогической*, то есть *понимающей* психологией, способной профессионально относиться к

⁴¹ Отношение к ним с самого начала было крайне неоднозначным, кто-то был оскорблен и шокирован, кто-то (В. Набоков, например) не упускал случая, чтобы не попытаться уличить «венского кудесника» в шарлатанстве, кто-то (А. Эйнштейн, например) восхищался научным гением З. Фрейда, но, во всяком случае, уже нельзя было не замечать появившийся новый ракурс рассмотрения культурных феноменов.

предмету исследования не только как объекту, но и как к живому Ты. Не отменяя своих познавательных задач, она станет, прежде всего, деятельной, изменяющей психологией, ставящей психологическую *практику* во главу угла не только своего социального функционирования, но и своей исследовательской методологии. Не отбрасывая своих почтенных естественнонаучных традиций, она станет, наконец, и полноценной гуманитарной дисциплиной, способной понимать человека в культуре и культуру в человеке и взаимодействовать с ним с учетом этого понимания.

Итак, в рождающейся психологии выделяются три магистральных и взаимосвязанных подхода: категории практики соответствует «деятельный» подход, категории сознания – понимающий подход, категории культуры – гуманитарный подход. Следовательно, новая психология есть психология понимающая – деятельная – гуманитарная.

Обсуждение актуальных проблем, которые встают перед психологией в связи с психотехнической разработкой категории культуры, выходит за пределы задач этой главы, но одну из них – не столько психологическую проблему, сколько проблему психологии – необходимо назвать. Это проблема *культурной ответственности*. Чем далее развивается психология как социальная практика, тем более психологизируется культура. В то же время идет встречный процесс «культуризации» психологии, насыщения ее культурными содержаниями. Зачастую не осознавая философские, этические, религиозные источники своих идей, психология становится агентом, проводником, а благодаря совершенствованию техники психологической работы, и «сверхпроводником» различных содержаний из культуры в человеческое сознание. Многие внимательные наблюдатели процессов, происходящих в современной культуре, с тревогой смотрят на то положение, которое заняла психология в жизни европейского человека⁴². И в самом деле страшно сознавать, что через канал психологии в человеческую душу под

⁴² С.С. Аверинцев пишет об утрате европейским сознанием «императива значительности», в связи с чем для психологии возникает опасность быть все более востребованным массовой культурой «суррогатом» духовности: «...Смотрю сам на себя с удивлением! – все-таки ностальгия. Ностальгия по тому состоянию человека как типа, когда все в человеческом мире что-то значило или, в худшем случае, хотя бы хотело, пыталось, должно было значить; когда возможно было «значительное». Даже ложная значительность, которой, конечно, всегда хватало – «всякий человек есть лож», как сказал Псалмопевец (115:2), – по-своему свидетельствовала об императиве значительности, о значительности как задании, без выполнения коего и жизнь – не в жизнь... Значительность вообще, значительность как таковая просто улетучилась из жизни – и стала совершенно непонятной. Ее отсутствие вдруг принято всеми как сама собой разумеющаяся здоровая норма. Операция совершенно благополучно прошла под общим наркозом; а если теперь на пустом месте чуть-чуть ноет в дурную погоду, цивилизованный человек идет к психотерапевту (а в странах менее цивилизованных обходятся алкоголем или наркотиками)» (Аверинцев, 1996).

профессионально благовидными предложениями «эмоциональной поддержки», «расширения сознания», «устранения невротических симптомов» и т. д. вводятся чудовищные смеси мотивов, образов, идей из совершенно несовместимых культур и культов от шаманизма до бахаизма. Спасение от «идеологии» вовсе не в идеологической всеядности психологии (это замена рабства на худшее – быть слугой многих господ) и не в доморощенной антропологии, а в свободе. В свободе совести, в частности. Выбор культурной позиции, осуществляемый на основе этой свободы, – за пределами профессии. Но у нас нет свободы от свободы совести. Игнорировать саму ситуацию ценностного выбора культурной позиции для современного психолога уже не позволительно. Исследовательские проекты превратились в реальность, психология стала *культурно-исторической* в полном смысле слова. У нас теперь такая профессия, что мы в ответе за то, будет ли человек искать в своей душе Эдипа или Христа.

СМИСЛ ЯК ІНТЕГРАЛЬНА ОСНОВА ОСОБИСТОСТІ

МАМАРДАШВІЛІ Мераб Костянтинович

(Біографічну довідку див. на стор. 83)

Мамардашвили М.К. Наука и ценности – бесконечное и конечное / Мераб Константинович Мамардашвили // Вопросы философии. – М., 1973. – № 8. – С. 98-100.

НАУКА И ЦЕННОСТИ – БЕСКОНЕЧНОЕ И КОНЕЧНОЕ*

* *Выступление на «Круглом столе» по теме «Наука, этика, гуманизм».*

Можно бесконечно и с одинаковым основанием доказывать, как то, что наука имеет благотворное в нравственном смысле влияние на людей, занимающихся ею, так и то, что такое влияние не имеет места и что скорее, наоборот, она вырабатывает отвратительные человеческие типы или совместима с ними. Факты есть и для того и для другого. То же самое относится и к рассуждению о пользе или вреде практических применений науки в целом как социального института.

Дело в том, что смысл явлений, подобных науке (и, может быть, искусству), невыводим целиком из человеческих интересов, из той конечной размерности, какую это явление получает в отношении к измерениям, налагаемым на него естественным устройством человека и конкретного человеческого общежития, их потребностями и запросами, их способностью придать ценность этому явлению и ассимилировать его в своем "теле". Но этот невыводимый остаток – тоже человеческий, хотя мы и не можем пояснить его прямо, ибо находимся внутри него, внутри его связи со всем мирозданием, не можем указать на него в конечно-предметных терминах и в терминах какого-либо конкретного задаваемого образа человека, ибо не можем сами себя, в отличие от барона Мюнхгаузена, вытащить за волосы из болота. Это заставляет нас менять при тех же фактах просто характер самой аргументации и говорить косвенно, символически о том в нас, о чем мы не можем говорить прямо.

Действительно, в образовании и развитии человеческого существа участвуют прежде всего явления, имеющие конечную размерность, – это конкретные и всегда локальные человеческие (социальные, культурные, этические) установления, нормы и условности и связанная с ними упорядоченность. Они формируют человека и дают ту картину разброса локальных культур и общежитий по географической и временной осям, которую мы наблюдаем в мировой истории. Но это – не единственные

человекообразующие силы, и человеческие смыслы, упорядоченность существования формируется не только таким путем. Ведь с точки зрения бесконечности природы установления нашего бытия, культурного обмена, пользы, ценностей, правил жизни общения совершенно условны – в том числе и та процедура, которую мы сейчас осуществляем и которую мы называем "Круглым столом". Но думать об этом факте, сознавать его – тоже ведь человечно, это тоже участвует в образовании человеческого существа, в образовании и развитии того, что Маркс называл "человеческими сущностными силами" (напоминание об этом и дает изменение характера аргументации, о котором я говорил, придает ей трансцендентальный характер).

Объективное познание, наука (включая сюда, конечно, и философию) относятся к тому ограниченному числу явлений (я бы отнес к ним еще и искусство), которые не имеют конечной размерности. Я имею в виду то, что в науке человек направлен на явления, выходящие за пределы конечных целей, на надчеловеческое, безмерное – или как угодно, ибо здесь очень трудно подобрать термины. Хоть по свойству порядка (или антиэнтропии) этот объект и сопоставим с явлениями сознательной жизни (а она необходимо является человеческой формой). И человек в этом смысле – существо уникальное, способное думать о том, чем оно само не является и чем не может быть, ориентированное на высший (в том числе и внутри самого себя) порядок и стремящееся знать о нем, то есть знать о том, что не имеет никакого отношения к последствиям для человеческого существования и интересов; несоизмеримо с ними и ничем из них не может быть ограничено.

Действительно, что открывает нам объективное знание и чем оно само является? Оно открывает гармонии и порядок в мире, в котором человек живет, но большем, чем он сам, открывает сцепление и образ явлений целого, стоящие вне человеческих надежд, упований, желаний, использований, интересов, ценностей. А человек тем не менее стремится их знать и удерживать в своем видении независимо от того, каким бы страшным и ужасным в смысле своих последствий для человека не оказался открывшийся образ сцепления событий. Более того, объективное познание неразрывно связано с культивированием восприятия, согласно которому только это целое является чем-то действительно единым и осмысленным в отличие от явлений, обладающих конечной размерностью (размерностью ценностей и тому подобного), то есть с культивированием сознания относительности человеческой меры (= неантропологического, неантропоморфного сознания). Единственное, с чем может быть соразмерен мировой порядок, как, впрочем, и всякая, самая малая частная гармония, открывшаяся нашим представлениям и затем участвующая в бесконечном процессе их обогащения и упорядочивания, – это с нашими

интеллектуальными силами, способностью к объективному видению и пониманию, не имеющими предела в каком-либо конечном, окончательном знании, в какой-либо размерности порядка наших представлений. А это значит, что и эту, единственно соразмерную с предметным содержанием знания способность человека мы можем зафиксировать лишь как трансцендирующее человека напряжение его сил, а не в какой-либо натуральной форме или статично. Пробуждение, поддерживание и развитие этого рода переживаний, этого "органа чувств" и есть в человеческом смысле исходная, от древнейших времен идущая роль знания как явления, не имеющего размерности. Мне кажется, что объективное знание как таковое неотделимо от достоинства и самосознания человеческого существа, неотделимо от сознания им своего места в мироздании, от сознания высшей личностной свободы и независимости. При этом оно не имеет отношения к ценностям, не может быть к ним сведено, то есть не может быть сведено к значению чего-либо для человека. И если говорить словами Винера, что человек устанавливает "островки порядка в хаосе Вселенной", то нужно помнить, что этот порядок неантропоморфен, что ему как содержанию знания не может быть придана конечная размерность.

Но моя мысль состоит в том, что как раз такая ориентация в познании на нечеловеческое и тем самым установление в нашем внутреннем мире представлений и личностного склада некоего безразмерного порядка есть один из факторов, элементов (наряду с другими) образования самого человека, формирования и развития его сущности. В этом смысле человек, может быть, есть единственное, уникальное в мироздании существо, способное складываться, организовываться, формироваться вокруг такой ориентации, развиваться посредством нее, то есть посредством культивирования объективного восприятия того, чем само это существо не является. Это одна из человекообразующих сил. Завершая свою мысль, я бы сказал так: наука является ценностью ровно в той мере, в какой она никакой ценностью не является и не может быть ею, не перестав быть тем особым человекообразующим явлением, о котором шла речь. Или иными словами: наука представляется человеческой ценностью именно в той мере, в какой открываемым ею содержаниям и соответствующим состояниям человеческого сознания, "видения" не может быть придана никакая ценностная размерность.

Что же касается отношения науки к ее применениям, то мне кажется, что наука производит только знания и что не существует прикладных наук, существуют лишь наука и ее применения. Если понимать науку и познание не просто как сумму знаний, а как постоянное расширение способа восприятия человеком мира и себя в нем (а такое понимание предполагается моим рассуждением), то ясно, что знание существует в науке лишь как нечто такое, что непрерывно производит другое знание и

что все время находится в принципиально переходном состоянии. И там, где знание не находится в состоянии производства другого знания, мы – вне науки, вне познания. В науке речь идет лишь об одном: на основе одних имеющихся знаний и наблюдений производить другие знания. Вне этого определять знание невозможно. А если мы можем зафиксировать знание где-нибудь иначе, например, в виде элемента, участвующего в производстве технически полезных предметов, в образовании и т.п., то мы должны отдавать себе отчет в том, что имеем здесь дело не с явлением науки, а с какими-то другими явлениями, подчиняющимися другим законам. Степень (а она может быть максимально большой), в какой эти другие явления включают в себя и ассимилируют научные знания, при этом безразлична для определения и понимания сути феномена науки.

ЛЕОНТЬЕВ Дмитро Олексійович

Дмитро Олексійович Леонт'єв народився 28 липня 1960, в Москві. Достойний представник наукової династії російських психологів: син О.О. Леонт'єва, онук О.М. Леонт'єва.

Доктор психологічних наук, професор факультету психології Московського державного університету ім. М.В. Ломоносова, завідувач лабораторії проблем розвитку особистості осіб із обмеженими можливостями здоров'я Московського міського психолого-педагогического університету. Директор Інституту екзистенціальної психології і життєтворчості (Москва).

Фахівець в областях психології особистості, мотивації і смелу, теорії і історії психології, психодіагностики, психології мистецтва і реклами, психологічної і комплексної гуманітарної експертизи, а також в області сучасної зарубіжної психології. Лауреат премії Фонду Віктора Франкла м. Відня за досягнення в області орієнтованої на смелу гуманістичної психотерапії. Останніми роками розробляє питання нетерапевтичної практики психологічної допомоги, профілактики і фасилітації особистісного розвитку на основі екзистенціальної психології. Автор більше 400 публікацій, серед них: «Психологія смелу: природа, будова і динаміка смислової реальності», «Ключові проблеми психології мотивації», «Нарис психології особистості», «Тематичний апперцептивний тест».

Леонт'єв Д.А. Смысл как интегративная основа личности / Д.А. Леонт'єв. // Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 2-е исправленное издание. – М.: Смысл, 2003. – С. 37 – 51.

СМЫСЛ КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ ОСНОВА ЛИЧНОСТИ

Значительное повышение интереса к проблеме смысла в западной психологии личности и психотерапии приходится на 1950-1960-е годы. В определении причины этого все авторы проявляют редкое единодушие. «Пока жизнь осмысленна, – пишет один из авторов, – люди склонны размышлять и говорить о ее смысле относительно мало. Но как только возникает нехватка или отсутствие смысла, проблема смысла начинает играть важную роль в сознании и самовыражении личности» (Weisskopf-Joelson, 1968). <...>

Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни Франкл рассматривает как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности. Это «наиболее человеческий феномен, так как животное никогда не бывает озабочено смыслом своего существования» (Франкл, 1997). Из жизненных наблюдений, клинической практики и разнообразных эмпирических данных Франкл заключает, что для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в смысл, которым обладают его поступки. «Даже самоубийца верит в смысл – если не жизни, то смерти» (Frankl, 1979), в противном случае он не смог бы шевельнуть и пальцем для того, чтобы реализовать свой замысел.

Отсутствие смысла порождает у человека состояние, которое Франкл называет экзистенциальным вакуумом. Именно экзистенциальный вакуум, согласно наблюдениям Франкла, подкрепленным многочисленными клиническими исследованиями, является причиной, порождающей в широких масштабах специфические «ноогенные неврозы», распространившиеся в послевоенный период в странах Западной и Восточной Европы и в еще больших масштабах в США, хотя некоторые разновидности таких неврозов (например, «невроз безработицы») были описаны еще раньше. Необходимым же условием психического здоровья является определенный уровень напряжения, возникающего между человеком, с одной стороны, и локализованным во внешнем мире объективным смыслом, который ему предстоит осуществить, – с другой (Франкл, 1990). Смысл должен всегда находиться впереди бытия (Frankl, 1967), и его основная функция, «смысл смысла – задавать темп бытию» (Frankl, 1969). Итак, человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным.

Учение о смысле жизни учит, что смысл «в принципе доступен любому человеку, независимо от пола, возраста, интеллекта, образования, характера, среды, а также религиозности и вероисповедания» (Frankl, 1985). Однако нахождение смысла – это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни – жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него – не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации. <.>

Смысл жизни может, согласно Франклу, придать задним числом одно-единственное мгновение, одно ярчайшее переживание. Из числа ценностей переживания Франкл подробно останавливается на любви, которая обладает богатым ценностным потенциалом. Любовь – это взаимоотношения на уровне духовного, смыслового измерения, переживание другого человека в его неповторимости и уникальности, познание его глубинной сущности. Вместе с тем и любовь не является необходимым условием или наилучшим вариантом осмысленности жизни. «Индивид, который никогда не любил и не был любим, тем не менее может сформировать свою жизнь весьма осмысленным образом» (там же, с. 253).<...>

Понятие личностного смысла ассоциируется у Ройса и Пауэлла с понятием значимости, «которую каждый индивид приписывает критическим аспектам бытия» (там же). Хотя, в отличие от психодинамических теорий Фрейда, Адлера и Юнга и ноодинамической теории Франкла, Ройс и Пауэлл работают в парадигме академической науки, это не мешает им содержательно концептуализировать понятие личностного смысла, несмотря на всю его диффузность. В построенной ими иерархической системно-факторной модели личности личностный смысл

занимает вершину иерархии. Основной функцией интегративной сверхсистемы, обозначаемой термином «личность», является, по Ройсу и Пауэллу, поддержание, оптимизация и стабилизация личностного смысла, который рассматривается как чисто субъективное образование. Позиция Ройса и Пауэлла прямо противоположна в этом отношении позиции Франкла. «Личностный смысл не есть нечто существующее во внешнем мире или противостоящее индивидам извне и диктующее, какой шаг им предпринять. Это видение, которое каждый из нас должен создавать для себя заново» (Royce, Powell, 1983). В поиске личностного смысла человек сталкивается с тремя вопросами: 1) в каком мире я живу? 2) как я могу прожить свою жизнь, чтобы наилучшим образом удовлетворить мои потребности и ценности? И 3) кто я? Отвечая на эти вопросы, человек формирует свою картину мира, стиль жизни и образ своего Я (там же, р. 3–4).

Связь умысла с мировоззрением является для Ройса ключевой. Еще в книге «Инкапсулированный человек» (Royce, 1964) он развил своеобразный подход к проблеме упомянутой выше смыслоутраты, связав ее с гносеологической инкапсуляцией человека, т.е. с ограниченностью его видения мира, склонностью на основании частных данных делать выводы о целом. Результатом подобной инкапсуляции является неудача в нахождении смысла вследствие неудовлетворительности и ограниченности субъективной картины мира. Путь к обретению смысла связан, по Ройсу, с более высоким уровнем осознания действительности. Ройс отмечает роль ценностей, выступающих как «мост между смыслом и личностью». На литературных примерах он показывает, что глубина смысла обусловлена ориентацией на ценности, согласующиеся с индивидуальностью конкретной личности. Ройс также указывает на связь смысла с наличием структурной организации. Пытаясь в целом ответить на вопрос, откуда берется смысл, Ройс пишет: «...Он возникает как функция внутренней структуры индивида, структуры вне его и структуры взаимодействия организм–среда... Ключ к личностному смыслу заложен в структуре эпистемологических и ценностных иерархий каждого индивида» (Royce, 1964). В одной из статей того же времени Ройс делает важное добавление, что жизнь воспринимается нами не только в свете повседневных активностей и не только в свете глобального смысла всей жизни, но и в свете еще более глобального смысла существования человечества (Royce, Powell, 1983).

Ройс и Пауэлл отмечают, что личностный смысл развивается в течение жизни, смещаясь с физиологических потребностей в младенческом возрасте на ценности в возрасте более старшем; в целом с возрастом усиливается его экзистенциальная ориентация (Royce, Powell, 1983). Наконец, как и многие другие авторы, Ройс считает фрустрацию потребности в смысле причиной ряда психологических расстройств, образующих ядро того, что принято называть психическими заболеваниями.

Он пытается даже объяснить широким распространением смыслоутраты факт бурного роста психологии и психиатрии в нашем столетии (Royce, 1964).

С идеями Дж.Ройса во многом перекликается достаточно оригинальный подход М. Чиксентмихали. Он посвятил проблеме смысла последнюю главу книги, в которой излагает свою теорию «потока» и «текучего переживания» (Csikszentmihalyi, 1990). М. Чиксентмихали начинает с констатации того, что наивно полагать, будто жизнь может иметь единый всеохватывающий смысл, в свете которого приобретает смысл любая активность в настоящем, прошлом и будущем, если под смыслом понимать глобальную, общую для всех цель. Но если такого априорного смысла нет, это не значит, что жизни не может быть придан смысл. «Большая часть того, что мы называем культурой и цивилизацией, состоит в предпринимавшихся людьми попытках, обычно с минимальными шансами на успех, создать ощущение смысла и цели для себя и своих потомков». Констатируя трудности с определением понятия «смысл», М. Чиксентмихали связывает смыслообразование (meaning making) с внесением порядка в содержания сознания через интеграцию своих действий в единое переживание потока (там же, р. 216). Это, в свою очередь, может быть достигнуто тремя путями. Первый – наличие цели. Все культуры содержат себе системы смыслов, которые могут служить целевыми ориентирами, на которые человек направляет свои текущие цели. Второй – воплощение цели в действиях. Любая цель влечет за собой ряд последствий, и если человек не готов иметь с ними дело, цель лишается смысла. И третий, являющийся результатом первых двух, – внесение гармонии в сознание. «Тот, кто находится в гармонии, неважно, что он делает, неважно, что с ним происходит, знает, что его психическая энергия не растрачивается на сомнения, сожаления, вину и страх, но всегда применяется с пользой. Внутреннее согласие в конечном счете приводит к той внутренней силе и спокойствию, которое восхищает нас в людях, пришедших, по-видимому, к согласию с самими собой».

Наиболее развернутым подходом к смыслу в аспекте интеграции личной и социальной действительности является теория Ф. Феникса (Phenix, 1964). Поставив своей задачей философское обоснование принципов построения системы образования, Феникс строит в своей книге «Миры смысла» всесторонне разработанную философски-психологическую теорию смысла.

Как и ряд рассмотренных выше авторов, Феникс связывает саму сущность человека с его направленностью на осуществление смысла. «Человек – это существо, отличительная особенность жизни которого заключается в обладании смыслами и основной целью которого является их реализация. ...Его постоянно волнуют желания, чуждые животному существованию. В действительности он стремится к смыслу и, осознает он это или нет, все его стремления, каков бы ни был их видимый объект,

направлены на расширение и углубление смысла» (Phenix, 1964). В другом месте он определяет человека как существо, «создающее, открывающее, воспринимающее смыслы, наслаждающееся ими и действующее по отношению к ним». Феникс утверждает даже, что «...нет человека, для которого развитие внутренней жизни смысла не являлось бы реальной целью всех его стремлений», противореча тем самым собственному утверждению, что «сущность человека» характеризует лишь идеал, а не реальные факты.

Феникс пишет, что о смыслах следует говорить во множественном числе. Все возможное многообразие человеческих смыслов сводится к шести смысловым реальностям: символической, эмпирической, эстетической, синноэтической, этической и синоптической. Символика включает в себя языковые и другие, в том числе недискурсивные символические структуры, служащие для выражения и коммуникации любых смыслов. Эмпирика содержит фактическое знание о действительности. Эстетика охватывает разные виды искусства, содержанием которых является воплощенная в значимых смыслах уникальная субъективность автора. Синноэтика охватывает сферу значимых межличностных отношений. Этика связана со смыслами человеческих моральных обязанностей и добровольно принимаемых решений. Наконец, синоптика имеет дело с интегративными смыслами, объединяющими в единую перспективу смыслы, принадлежащие ко всем остальным реальностям. Синоптика объединяет такие области знания, как историю, религию (в широком смысле слова) и философию, каждая из которых осуществляет смысловую интеграцию в своем особом ракурсе. Различение шести реальностей выступает как чисто теоретическое; «любой конкретный смысл может рассматриваться как выражение одного из фундаментальных смыслов или как комбинация двух или более из них. На практике смыслы редко выступают в чистой и простой форме; они почти всегда образованы из нескольких элементарных» (Phenix, 1964). Шесть смысловых реальностей взаимосвязаны и являются частями единой иерархической смысловой системы.

Из всех авторов, рассматривавших смысл как интегративную структуру личности, Феникс дает наиболее подробное аналитическое описание самого смысла, хотя определение смысла у него, как и у других, отсутствует. Он выделяет четыре параметра смысла: 1) переживание, рефлексивное самоосознание, опосредующее поведенческие реакции; 2) логические принципы структурирования этого переживания; 3) выбор значимых смыслов из множества потенциальных комбинаций и разработка их в русле сложившихся в цивилизации традиций и 4) выражение смысловых структур посредством соответствующих символических форм (Phenix, 1964). Очень важна такая принципиальная характеристика смыслов, как их социальность: «Они являются общими. Никто не может жить осмысленно в изоляции. Общность смысла характеризует все ее

реальности без исключения. Любая смысловая структура является совместным способом понимания» .<...>

В заключение этого раздела остановимся еще на двух подходах к смыслу как интегративной структуре личности, которые, однако, нельзя с уверенностью отнести к какой-то одной из трех рубрик, выделенных Э. Вайскопф-Джолсон (Weisskopf-Joelson, 1968). Первый из них – это экзистенциальная персонология С. Мадди (Maddi, 1971; 1983), который также отводит смыслу роль высшего интегративного начала личности, почти не поясняя, однако, при этом, что такое смысл. «Человек не может стать взрослым, не решив, что является стоящим, что интересным, что истинным, чем стоит заниматься. Если человек работает, растит семью, вступает в клубы, собирает гостей, влюбляется, принимает вызов, то это потому, что все это – виды деятельности, приносящие ему какой-то смысл. Как только мы примем, что любая деятельность может иметь или не иметь для нас смысл, нам уже не избежать экзистенциального вопроса о том, почему мы вообще встаем с постели по утрам и, далее, почему мы продолжаем жить» (Maddi, 1971). Мадди постулирует у человека врожденную потребность в поиске смысла, выделяя три общих группы человеческих потребностей, – физиологические, социальные и психологические. Нахождение смысла обеспечивается благодаря основным психологическим потребностям: потребностям символизации, воображения и суждения. «В конечном счете цель или объект всех трех психологических потребностей, вместе взятых – увеличение смысла. Отчетливо что-то осознать – значит вложить в это больше смысла, чем оно бы имело, будучи неосознанным. Стремиться к изменениям – значит пытаться повысить осмысленность переживания, делая его более волнующим, менее скучным. Наконец, упорядочивать опыт в свете ценностных суждений и предпочтений – значит повышать его осмысленность, помещая его в личностный контекст».<...>

Обобщить пять теоретических подходов к проблеме смысла, представленных в данном разделе, – непростая задача. Хотя все они продолжают заложенную Юнгом и Адлером традицию, согласно которой принципиальной особенностью человека является его направленность на поиск и реализацию смысла, тем не менее конкретные представления о смысле и его интегративном воздействии на личность весьма различны. Не удивительно, что все рассмотренные авторы крайне редко ссылаются в своих работах друг на друга. Феникс понимает смысл как нечто чисто объективное, существующее в мире, но уникальное и единственное для каждого субъекта; Ройс – как субъективное видение, накладываемое на мир, а Бюдженталь – как продукт взаимодействия субъекта с миром или как глубинное внутреннее чувство. Феникс говорит о смыслах во множественном числе, Мадди и Ройс – в единственном, а Франкл и Бюдженталь объединяют и то и другое. По Франклу, задачей человека является найти и реализовать смысл; по Фениксу – расширять и углублять

его; по Ройсу, наоборот, стабилизировать; по Мадди – создавать смысл в процессе принятия решений, а по Бьюдженталю – осознавать его и ориентироваться на него.

Понять такие расхождения можно, если вспомнить о роли, отводимой этими авторами смыслу в понимании личности. Практически у всех смысл выступает как предельная категория, которую невозможно определить в рамках данной конкретной психологической теории, и природу смысла остается лишь постулировать, выводя уже из этих постулатов остальные положения теории. Поэтому те подходы, в которых смысл выступает как высшая интегративная основа личности, характеризующая ее сущность, не могут помочь нам в определении того, что есть смысл, хотя отвечают на целый ряд вопросов, касающихся влияния смысла на поведение и развитие личности. Для того, чтобы найти ответ на вопрос о самой природе смысла, обратимся ко второй группе подходов, а именно к тем, в которых смысл выступает как структурный элемент процессов сознания и деятельности человека.

Вторая большая группа теоретических подходов, к рассмотрению которых мы обратимся, апеллирует к смыслам во множественном числе, рассматриваемым как неотъемлемая часть самих механизмов функционирования сознания и деятельности человека. Приведенное ниже высказывание характеризует то общее, что объединяет эти подходы, и что отличает их от первой группы теорий, рассмотренных выше: «Человек устроен и функционирует так, что он перерабатывает и производит смыслы. В таком случае, пока человек жив и здоров, он не может не иметь дела со смыслами и не вычерпывать их из своего опыта. Говорить, что у него есть потребность найти смысл, столь же некорректно и столь же вводит в заблуждение, как и утверждение, что автоматическая вязальная машина обладает потребностью вязать, или что у семени есть потребность прорасти. ...Я убежден, что для структуры нервной системы человека, заложенной в организме, порождение смыслов столь же естественно, как и выделение пота потонными железами» (Holt, 1976).

Вместе с тем, разделяющие эту общую позицию авторы представляют не менее широкий спектр конкретных представлений о смысле, чем спектр теорий, рассматривающих смысл как интегративную основу личности. Условно «рассортировать» все эти подходы в целях удобства анализа нам помогает выдвинутое одним из авторов положение о трех источниках критериев для внутреннего оценивания субъективных смыслов: 1) внешний мир, включая других людей, рассматриваемых как объекты; 2) внутренний мир и 3) другие люди как носители общего смысла (Thomas, 1985). Отталкиваясь от этого, нам представляется удобным разделить рассматриваемые нами подходы на три группы: 1) подходы, в которых смысл действий и ситуаций для субъекта задается объективными отношениями; 2) подходы, в которых смысл выступает как чисто субъективная интерпретация действительности и 3) подходы, в которых

смысл задается социальной общностью, рассматривается в плоскости отношений с другими людьми.<...>

Смысловые структуры связывают в единое целое различные части индивидуального мира.

Вместе с тем, хотя сам смысл относится к субъективной реальности, процесс его постижения – процесс интерсубъективный, предполагающий диалог между двумя личными универсумами, что роднит этот подход с подходами третьей группы (см. ниже). «Различные паттерны смысла, которые возникают в психоаналитическом исследовании, высвечиваются на специфическом психологическом поле, локализованном в месте пересечения двух субъективностей» (Atwood, Stolorow, 1984).<...>

Личностные смыслы – всегда часть более широкой системы. Реальным пространством, в котором существует личностный смысл, является пространство диалога (conversational space), переживаемое как контекст личностного смысла. «У него нет фиксированных измерений, оно возникает там, где имеются хотя бы две системы личностных смыслов. Оно задается экспрессивными формами, посредством которых происходит обмен этими смыслами. Именно характер взаимной соотнесенности этих двух систем личностных смыслов определяет мерность пространства и тем самым возможности распада или развития» (Harri-Augstein, Thomas, 1979).

Взаимодействие смысловых систем, однако, не ограничивается ситуацией межличностного взаимодействия. Всевозможные объекты культуры «...отражают способы, которыми индивиды и группы пытались выразить и зафиксировать смысл... Эти объекты представляют собой хранилище наиболее мощных и устойчивых систем социальных смыслов данного общества, интеллектуальный фонд культуры» (Harri-Augstein, 1978). Тем самым в центре внимания оказывается процесс взаимодействия индивидов с этим интеллектуальным фондом, служащий задаче конструирования индивидами лично значимых и жизнеспособных смыслов, позволяющих им эффективно взаимодействовать с событиями, людьми и объектами, образующими их мир.

ПРОБЛЕМИ ЦІЛІСНОГО ПІЗНАННЯ І ФОРМУВАННЯ ОСОБИСТОСТІ В ПСИХОЛОГІЇ

МАМАРДАШВІЛІ Мераб Костянтинович
(Біографічну довідку див. на стор. 83)

Мамардашвили М.К. / Мераб Константинович Мамардашвили // Как я понимаю философию / под ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Культура, 1992. – С. 107 – 121.

СОЗНАНИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

<...> ФОРМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Для дальнейшего понимания связи сознания и цивилизации вспомним другой сформулированный Декартом закон мышления, имеющий отношение ко всем человеческим состояниям, включая и те, в которых формулируется причинная связь событий в мире. По Декарту мыслить исключительно трудно, в мысли нужно держаться, ибо мысль есть движение и нет никакой гарантии, что из одной мысли может последовать другая в силу какого-то рассудочного акта или умственной связи. Все существующее должно превосходить себя, чтобы быть собой в следующий момент времени. При этом то, что я есть сейчас, не вытекает из того, что я был перед этим, и то, что я буду завтра или в следующий момент, не вытекает из того, что я есть сейчас. Значит, мысль, которая возникает в следующий момент времени, там не потому, что начало ее или кусочек есть сейчас.

Цивилизация есть способ обеспечения такого рода «поддержек» мышления. Она обеспечивает систему остранений от конкретных смыслов и содержаний, создает пространство реализации и шанс для того, чтобы мысль, начавшаяся в момент А, в следующий момент Б могла бы быть мыслью. Или человеческое состояние, начавшееся в момент А, в момент Б могло бы быть человеческим состоянием. Приведу пример.

Сегодня наблюдается какая-то упоенность специальным мышлением. Считается, что именно оно и есть настоящее мышление, осуществляющееся как бы само собой. К такому выделенному мышлению можно отнести искусство и любые другие сферы так называемого духовного творчества. Однако умение мыслить – не привилегия какой-либо профессии. Чтобы мыслить, необходимо мочь собрать не связанные для большинства людей вещи и держать их собранными. К сожалению, большинство людей по-

прежнему, как и всегда, мало к чему сами по себе способны и ничего не знают, кроме хаоса и случайности. Умеют лишь звериные тропы пролагать в лесу смутных образов и понятий.

Между тем, согласно принципу первого «К» («я могу»), чтобы держаться в мысли, нужно иметь «мускулы мысли», наращиваемые на базе некоторых первоактов. Другими словами, должны быть проложены тропы связного пространства для мышления, которые есть тропы гласности, обсуждения, взаимотерпимости, формального законопорядка. Такой законопорядок и создает пространство и время для свободы интерпретации, собственного испытания. Есть закон названности собственным именем, закон именованности. Он – условие исторической силы, элемент ее формы. Форма, по существу, – единственное, что требует свободы. В этом смысле можно сказать, что законы существуют только для свободных существ. Человеческие учреждения (а мысль – тоже учреждение) есть труд и терпение свободы. И цивилизация (пока ты трудишься и мыслишь) как раз и обеспечивает, чтобы нечто пришло в движение и разрешилось, установился смысл и ты узнал, что думал, хотел, чувствовал, – дает для всего этого шанс.

Но тем самым цивилизация предполагает, следовательно, и наличие в себе клеточек незнаемого. Если не оставлять места проявлению не вполне знаемого, цивилизация, как и культура (что, по сути, одно и то же), исчезает. Например, экономическая культура производства (т. е. не только материальное воспроизводство конечных благ, умирающих в акте их потребления) означает, что неправомерна такая структура управления, которая определяла бы, когда крестьянину сеять, и распределением этого знания охватывала бы все пространство его деятельности. Повторяю, должен быть допуск на автономное появление в каких-то местах вещей, которых мы не знаем и не можем знать заранее или полагать их в какой-то всеведущей голове.

Еще один пример. К. Маркс говорил, что о природе денег сказано столько же глупостей, сколько о природе любви. Но, допустим, что природа денег неизвестна и закреплена в формальном цивилизованном механизме, что люди освоили деньги как культуру настолько, что можно не просто считать, но и с их помощью что-то производить. Почему это возможно? По одной простой причине: в этом случае предполагается, что обмен денег на покупаемый продукт сам, в свою очередь, не требует времени, поскольку в них уже закреплено трудовое время. И такое поведение – цивилизованное. Такая абстракция закреплена самой цивилизацией в цивилизованном устройстве человеческого опыта. А поведение похожее, но «зеркальное» – нецивилизованное. Когда культурного механизма денег нет, то появляется и существует зазеркальное поведение с деньгами, которое состоит в том, что если, скажем, заработано 24 рубля (т. е. вложено 8 часов труда), то, чтобы

их потратить, нужно затратить еще 10 часов, т. е. еще 30 рублей. В таком сознании, разумеется, отсутствует понятие денег как ценности. В этом случае, пользуясь знаком денежного знака, мы не можем просчитать экономику, организовать рациональную схему экономического производства. А мы пользуемся денежными знаками и, более того, попав в это денежное Зазеркалье с теми же, казалось бы, предметами, решили «квадратуру круга» – умудрились, не зная цену деньгам, стать корыстными и хитрыми.

Итак, цивилизация предполагает формальные механизмы упорядоченного, правового поведения, а не основанные на чьей-то милости, идее или доброй воле. Это и есть условие социального, гражданского мышления. «Даже если мы враги, давайте вести себя цивилизованно, не рубить сук, на котором сидим», – этой простой, по существу, фразой и может быть выражена суть цивилизации, культурно-правового, надситуативного поведения. Ведь, находясь внутри ситуации, договориться навечно не причинять друг другу вреда нельзя, поскольку кому-то всегда будет «ясно», что он должен восстановить нарушенную справедливость. Зла, которое совершалось бы без такой ясной страсти, в истории не бывало, ибо всякое зло случается на самых лучших основаниях, и эта фраза вовсе не ироническая. Энергия зла черпается из энергии истины, уверенности в видении истины. Цивилизация же блокирует это, приостанавливает настолько, насколько мы, люди, вообще на это способны.

Короче говоря, разрушение, обрыв «цивилизованных нитей», по которым сознание человека могло бы успеть добраться до кристаллизации истины (причем, не только у отдельных героев мысли), разрушает и человека. Когда под лозунгом потустороннего совершенства устраняются все формальные механизмы, именно на том основании, что они формальны, а значит, абстрактны в сравнении с непосредственной человеческой действительностью, легко критикуемы, то люди лишают себя и возможности быть людьми, т. е. иметь не распавшееся, не только знаковое сознание.

МОНОПОЛИЯ И РАЗРУШЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Приведу другой пример такого разрушения. Известно, что система, называемая монополией, стоит вне цивилизации, так как разрушает само ее тело, порождая тотальное опустошение человеческого мира. Не только в том смысле, что монополия поощряет самые примитивные и асоциальные инстинкты и создает каналы для их проявления. Достигнутое состояние мысли еще должно «обкататься», как на агоре, обрасти там мускулами, как обрастает снегом снежная баба, приобрести силу на осуществление своей же собственной возможности. Если нет агоры, чего-то развиваемого, то нет и истины.

Хотя перед человеком издревле стоит задача обуздания дикости, свирепости, эгоизма собственной природы, его инстинкты, алчность, темнота сердца, бездушие и невежество вполне способны аккомодировать мыслительные способности, рассудок и выполняться посредством их. И противостоять этому может только гражданин, имеющий и реализующий право мыслить своим умом. А это право или закон могут существовать лишь в том случае, когда средства достижения целей, в свою очередь, законны, т. е. растворенно содержат в себе дух самого закона. Нельзя волепроизвольными и административными, т. е. незаконными средствами внедрять закон, даже руководствуясь при этом наилучшими намерениями и высокими соображениями, «идеями». Ибо его приложения распространяют тогда (и чем шире и жестче приложения, тем они болезненнее) прецедент и образец беззакония, содержащегося в таких средствах. И все это – независимо от намерений и идеалов – «во благо» и «во спасение». Это очевидно в случае всякой монополии. Скажем так: если я могу, пусть ради самых высших соображений общественного блага, в один прекрасный день установить специальную цену на определенные товары, скрывать и тайно перераспределять доходы, назначать льготы, распределять товары, во имя плановых показателей менять предшествующие договоренности с трудящимися и т. д. и т. п., то в тот же самый день (и впредь – по вечной параллели) это же будет делаться кем-то и где-то (или теми же и там же) из совершенно других соображений. Из личной корысти, путем спекуляции, обмана, насилия, кражи, взятки – конкретные причины и мотивы в структурах безразличны, взаимозаменяемы. Потому что закон един и неделим во всех точках пространства и времени, где действуют люди и между собой связываются. В том числе и законы общественного блага. Следовательно, цели законов достигаются только законными путями! И если последние нарушаются, то в том числе и потому, что правопорядок обычно подменяют порядком идей, «истины». Как будто закон сам по себе существует, а не в человеческих индивидах и не в понимании ими своего дела. Возможность обойти индивида исключена не в силу гуманистического предпочтения и заботы о человеке, а в силу непреложного устройства самого бытия, жизни. Только на уровне сущностного равенства индивидов может что-либо происходить. Здесь никому ничего не положено, все должны сами проходить путь и совершать собственное движение «в середине естества», как писал когда-то Державин. Движение, без которого нет вовне никаких обретений и установлений. В противном случае будет разрушено все производство истины – ее онтологическая основа и природа и будет господствовать ложь, другими причинами производимая, но уже внечеловеческая и тотальная, занимающая все точки социального пространства, заполняющая их знаками. Игра в зеркалах, сюрреально-знаковое отражение чего-то другого.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ МИР

Конечно, появление такой зеркальной игры связано с ее особыми внутренними "зазеркальными" смыслами, когда кажется, что они и в самом деле обладают какой-то высшей мудростью. Ведь люди при этом видят целое. Для них внешний наблюдатель всегда не прав. Вспомним Г. Бенна: «...ведь целым обладаешь только ты».

Один наблюдатель видит то, что разрушают, другой, что строят, а многие смотрят и перемигиваются: мы-то знаем, что происходит на «самом деле», «целым располагаем». Вот что такое «внутреннее». Но для меня эта внутренняя, углубленная в себя жизнь без агоры то же самое, что искание истины в уборной. Если бы у меня был талант Кафки, я бы описал сегодня эти душевные внутренние искания как фантастические, странные искания истины там, где ее по онтологическим законам человеческой жизни быть просто не может.

В этом смысле люди неопределенных ситуаций или тотального знакового инобытия напоминают мне тех, кого Ф. Ницше не случайно назвал «последними людьми». Действительно (именно об этом крик его больной христианской совести), или мы будем «сверхлюдьми», чтобы быть людьми (*а два первые принципа "К" и есть принципы трансценденции человека к человеческому в нем же самом*), или окажемся «последними людьми». Людьюми организованного счастья, которые даже презирать себя не могут, ибо живут в ситуации разрушенного сознания и разрушенной материи человеческого.

Следовательно, если где-то происходят человеческие события, то они происходят не без участия сознания; последнее из их состава неустранимо и несводимо ни к чему другому. И это сознание двоично в следующем фундаментальном смысле. При введении принципа трех «К» я фактически давал два пересекающихся плана. План того, что я называл онтологией, который не может быть ничьим реальным переживанием, но тем не менее есть; например, таким переживанием не может быть смерть, а символ смерти есть продуктивный момент человеческой сознательной жизни. И второй – план «мускульный», реальный – умение жить под этим символом на деле, на основе актов первовместимости. И оба эти плана нельзя игнорировать: сознание фундаментально двоично. В зазеркалье же, где меняются местами левое и правое, все смыслы переворачиваются и начинается разрушение человеческого сознания. Аномальное знаковое пространство затягивает в себя все, что с ним соприкасается. Человеческое сознание аннигилирует и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигиваются не то что двусмысленно, но многосмысленно, аннигилирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия. Эти «сознательные» акты и знания перестают участвовать в мировых событиях, в истории. Не имеет значения, что у тебя

в «сознании», лишь бы знак подавал. В пределе при этом исчезает необходимость и в том, чтобы у людей вообще были какие-то убеждения. Верить в совершающееся или не верить – не имеет значения, потому что именно подаваемым знаком ты включаешься в действие и вращение колес общественного механизма.

В XX в. такого рода ситуации хорошо осознавались в литературе. Я имею в виду при этом не только Ф. Кафку, но и, например, великого австрийского писателя, автора романа «Человек без свойств» Р. Музиля. Музиль прекрасно понимал, что в той ситуации, которая была в грозящей развалиться Австро-Венгерской империи в силу того, что уже поздно, все, что ни делай, выльется в какую-то белиберду. Ищи правду или неправду – все одно – пройдешь по уже заданным путям бессмыслицы. Он хорошо знал, что внутри такой ситуации действовать и мыслить невозможно – из нее важно выйти.

Чтобы не заставлять читателя слишком серьезно думать над некоторыми терминами (я имею в виду только термины, а не проблемы; над проблемой стоит думать серьезно, но мои термины необязательны), выражу свой опыт «зазеркального существования» так. Вся моя «теория» сознания может быть сведена к одному семени в одном раннем переживании. К первичному впечатлению точки встречи цивилизации, с одной стороны, и глухой жизни – с другой. Я чувствовал, что моя попытка оставаться человеком в охарактеризованной ситуации гротескна, смешна. Основы цивилизации были подорваны настолько, что невозможно было вынести наружу, обсудить, продумать собственные болезни. И чем меньше мы могли вынести их наружу, тем больше они, оставшись в глубине, в нас прорастали, и нас уже настигало тайное, незаметное разложение, связанное с тем, что гибла цивилизация, что нет агоры.

В 1917 г. рухнул гнилой режим, а нас все еще преследуют пыль и копоть прогнившей громады, продолжающаяся «гражданская война». Мир еще полон неоплаканных жертв, залит неисккупленной кровью. Судьбы многих погибших неизвестно за что взыскуют о смысле случившегося. Одно дело погибнуть, завершая и впервые своей гибелью устанавливая смысл (например, в освободительной борьбе), и совсем другое – сгинуть в слепом одичании, так что после гибели нужно еще доискиваться ее смысла. Но кровь все равно проступает то там, то здесь, как на надгробьях праведников в легендах, в совершенно неожиданных местах и вне какой-то понятной связи.

И мы все еще живем как дальние наследники этой «лучевой» болезни, для меня более страшной, чем любая Хиросима. Наследники странные, мало пока что понявшие и мало чему научившиеся на своих собственных бедах. Перед нами поколения, как бы не давшие потомства, потому что неродившееся, не создавшее в себе почву, жизненные силы для прорастания

не способно и рождать. И вот бродим по разным странам безъязыкие, с перепутанной памятью, с переписанной историей, не зная порой, что действительно происходило и происходит вокруг нас и в самих нас. Не чувствуя права на знание свободы и ответственности за то, как ею пользоваться. К сожалению, и сегодня еще огромные, обособленные пространства Земли заняты таким «зазеркальным антимиром», являя дикое зрелище вырожденного лика человека. Зазеркальные «пришельцы», которых можно себе представить лишь в виде экзотической помеси носорога и саранчи, сцепились в дурном хороводе, сея вокруг себя смерть, ужас и оцепенение непроященного морока...

И поэтому, когда я слышу об экологических бедствиях, возможных космических столкновениях, ядерной войне, лучевой болезни или СПИДе, все это кажется мне менее страшным и более далеким – может быть, я ошибаюсь, может, воображения не хватает, – чем те вещи, которые я описал и которые есть в действительности самая страшная катастрофа, ибо касается она человека, от которого зависит все остальное.

АНОХІН Петро Кузьмич

Петро Кузьмич Анохін народився 14 (26) січня 1898 року в Царицині (нині Волгоград). Професор фізіології біологічного факультету Нижегородського університету, одночасно завідувач кафедри фізіології Нижегородського медичного інституту, академік АМН СРСР (1945) і АН СРСР (1966), лауреат Ленінської премії (1972), нагороджений орденами Леніна і Трудового Червоного Прапора (1966).

Запропонував принципово нові методи вивчення умовних рефлексів: секреторно-руховий метод, а також оригінальний метод із раптовою підміною безумовного підкріплення. П.К. Анохін розглядав теорію функціональних систем як «методологічний міст» між психологією і фізіологією, основу для системного аналізу нейрофізіологічних основ психіки. Системні механізми, які Петро Кузьмич Анохін відкрив і сформулював лежать в основі функціонування людини, суспільства і Всесвіту.

Основні праці: «Биология и нейрофизиология условного рефлекса», «Очерки по физиологии функциональных систем», «Теория отражения и современная наука о мозге», «Философские аспекты теории функциональной системы».

Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем / Петр Кузьмич Анохин. – М., 1975. – С. 17 – 62.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Если внимательно проанализировать успехи современной биологии и вдуматься в попытки обобщить и осмыслить значение этих успехов, то, пожалуй, системный подход представляет собой наиболее выраженное и широко принятое направление во всех этих поисках. <...>

В сущности эта проблема актуальна не только для исследователей-биологов, но и для физиков, экономистов и других специалистов. Достаточно проследить крайне интересную дискуссию между Нильсом Бором и Альбертом Эйнштейном, чтобы понять, какой животрепещущей проблемой является выработка этих новых принципов целостного подхода к изучаемому объекту. В этой дискуссии столкнулись два подхода к вопросу, как обеспечить уровень специфически целого в научном исследовании, например, организма, и в то же время не потерять огромных преимуществ уровня тончайшего анализа.

Как известно, Нильс Бор выразил свою точку зрения в концепции, известной как «принцип дополнительности». Согласно этой концепции, целое и целостный подход должны дать исследователю возможность найти дополнительные характеристики изучаемого объекта, более или менее отражающие специфические черты именно целого. Он считает, что условия наблюдения, т. е. ракурс, в котором мы наблюдаем изучаемый объект,

могут изменяться в процессе исследования и это дает дополнительные опорные пункты для всестороннего познания объекта. По своей сути этот подход, расширяя возможности изучения целостного объекта, ставит исследователя в положение наблюдателя, определяющего, как складываются наблюдаемые явления.

Альберт Эйнштейн, наоборот, стремился найти такой подход, который заменил бы феноменологический подход Бора динамическим подходом, позволяющим проникнуть в природу внутреннего взаимодействия в каком-либо сложном целостном феномене. В то время как при помощи феноменологического подхода к целостному процессу можно определить, как устроены изучаемые объекты, подход Эйнштейна заключается в стремлении эмпирически найденную закономерность представить, как логическую необходимость.

Нам сейчас важно подчеркнуть, что дискуссия между двумя величайшими учеными нашего времени принимает как нечто определенное и обязательное поиски переходного принципа целостного подхода к явлениям. Речь идет лишь о том, в какой форме этот принцип мог бы быть наиболее эффективным для конкретной научно-исследовательской работы, поскольку целостный подход вообще, оставаясь мечтой исследователя, не давал в то же время никаких конструктивных решений для формулировки задач повседневного исследования. «Целое» и аналитическое экспериментирование по-прежнему уживались в двух параллельных плоскостях, не обогащая друг друга.

Появление системного подхода дало ученым некоторую надежду на то, что, наконец, «целое» из диффузной и неконструктивной формы примет четкие очертания операционального исследовательского принципа. Однако, прежде чем анализировать причины, по которым этот принцип не был найден, мы хотим дать краткую оценку развития системного подхода в различных физиологических школах.

Термин «система» имеет весьма древнее происхождение, и едва ли есть какое-либо научное направление, которое его не употребляло. Достаточно вспомнить «систему кровообращения», «систему пищеварения» и т. д., которые до сих пор некоторыми исследователями принимаются за выражение системного подхода. Большой частью термин «система» употребляется там, где речь идет о чем-то собранном вместе, упорядоченном, организованном, по, как правило, не упоминается критерий, по которому компоненты собраны, упорядочены, организованы.

Эти общие недостатки естественны. Мы не должны забывать, что последовательное приложение системного принципа к явлениям различного класса (организму, машинам, обществу) не является простой сменой терминологии, перестановкой лишь порядка исследовательских приемов. Системный подход к исследованию является прямым следствием перемены теоретического подхода к пониманию изучаемых объектов, т. е. в какой-то

степени следствием изменения самой формы мышления экспериментатора. Естественно, что такой процесс не может быть одномоментным.

Как будет показано ниже, наиболее характерной чертой системного подхода является то, что в исследовательской работе не может быть аналитического изучения какого-то частичного объекта без точной идентификации этого частного в большой системе. Таким образом, со стратегической и практической точек зрения исследователь должен иметь прежде всего конкретную концепцию системы, которая должна удовлетворять основным требованиям самого понятия системы, и лишь после этого формулировать тот пункт системы, который подлежит конкретному исследованию. <...>

ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Интересно выяснить, какие же цели ставят перед собой различные группы исследователей, какими методами они осуществляют настойчивый поиск «системного подхода»?

При первой же попытке понять эти цели по имеющимся литературным источникам мы встречаемся по крайней мере с четырьмя оформившимися тенденциями.

Первая состоит в том, чтобы сделать системный подход достаточно понятным с формулировочной точки зрения и направить все внимание на философский смысл и объем системного подхода, примененного, в частности, к социальным явлениям. В этих поисках система выступает как научная и философская категория, ведущая к усовершенствованию познавательного процесса. Такое направление, в основном разрабатываемое философами и историками, развивается в настоящее время по пути исключительно теоретического поиска и теоретической оценки, при которых трудно пока говорить о каком-либо контакте с практическими запросами исследовательской работы.

Представителями второй тенденции являются сторонники математической формализации системы, или математической теории систем (Месарович, Раппопорт, В. Кухтин и др.).

Последователи системного подхода, поддерживающие третье направление, считают, что теория систем должна вырасти из изучения натуральных систем и затем стать конкретным инструментом исследования. Такие системы должны помогать исследователю ставить новые, более прогрессивные задачи научных исследований, быть способными объяснять накопленный ранее материал и преодолеть только аналитический подход к исследовательской работе. Эта категория ученых обычно ожидает, что теория систем проложит «концептуальный мост» через пропасть, пока еще разделяющую синтетический и аналитический подходы к объектам исследования. Можно считать, что к последнему направлению примыкают

сторонники системного подхода (четвертая тенденция), которые под этим углом зрения анализируют социально-экономические системы.

В последние годы становится особенно популярной проблема «больших систем», объединяющая все виды организации промышленных, производственных и обслуживающих систем (В.А. Трапезников, В.Г. Афанасьев, Д.М. Гвишиани, Ханике, Бросс и др.).

Как видно из этой краткой характеристики, исследования различных ученых значительно отличаются по своим подходам и целям, что по-разному влияет на репутацию самой полезности разработки теории систем. <...>

Если представленные выше особенности разработки различных аспектов теории систем затрагивают интересы различных сторонников системного движения, то фактор, который мы собираемся обсудить ниже, является общим и даже обязательным для любого исследователя теории систем с любыми требованиями к ее практическому эффекту.

РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕГО ФАКТОРА

Таким обязательным положением для всех видов и направлений системного подхода является поиск и формулировка системообразующего фактора. Эта ключевая проблема определяет как само понятие системы, так и всю стратегию его применения в исследовательской работе. Иначе говоря, принесет ли пользу конкретным наукам системный подход или не принесет, будет зависеть от того, насколько успешно мы выделим системообразующий фактор и насколько полно будет описано его операциональное значение для формирования системы. Только при этом условии мы можем применить принципы системообразования для всех тех классов явлений, в которых происходит упорядочивание.

Схема демонстрирует непрерывность исследовательского процесса, обеспечивающего непосредственный переход от системного уровня к тонким физиологическим деталям системы до молекулярного уровня включительно.

Между тем вокруг этой проблемы сложилась крайне странная ситуация. Почти все сторонники системного подхода и общей теории систем подчеркивают как центральное свойство системы «взаимодействие множества компонентов» (Берталанфи, Раппопорт и др.). Близким является «упорядоченное взаимодействие» или «организованное взаимодействие». По сути дела именно на этих определениях понятия системы и покоится все обсуждение системного подхода. Хотя весь успех понимания системной деятельности, особенно у организмов, зависит от того, определим ли мы, какой именно фактор упорядочивает до того «беспорядочное множество» и делает это последнее функционирующей системой, вопрос о системообразующем факторе просто никогда не был поставлен в отчетливой форме системологами. Он не ставится ни главным идеологом «общей теории

систем» Берталанфи, ни группой его последователей (Акоф, Раппопорт, Месарович, Уотерман и др.). Пожалуй, так же дело обстоит и у советских теоретиков системы, объединенных Институтом истории естествознания и техники и Институтом философии АН СССР (В.П. Садовский, И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, А.И. Уемов, К.М. Хайлов и др.).

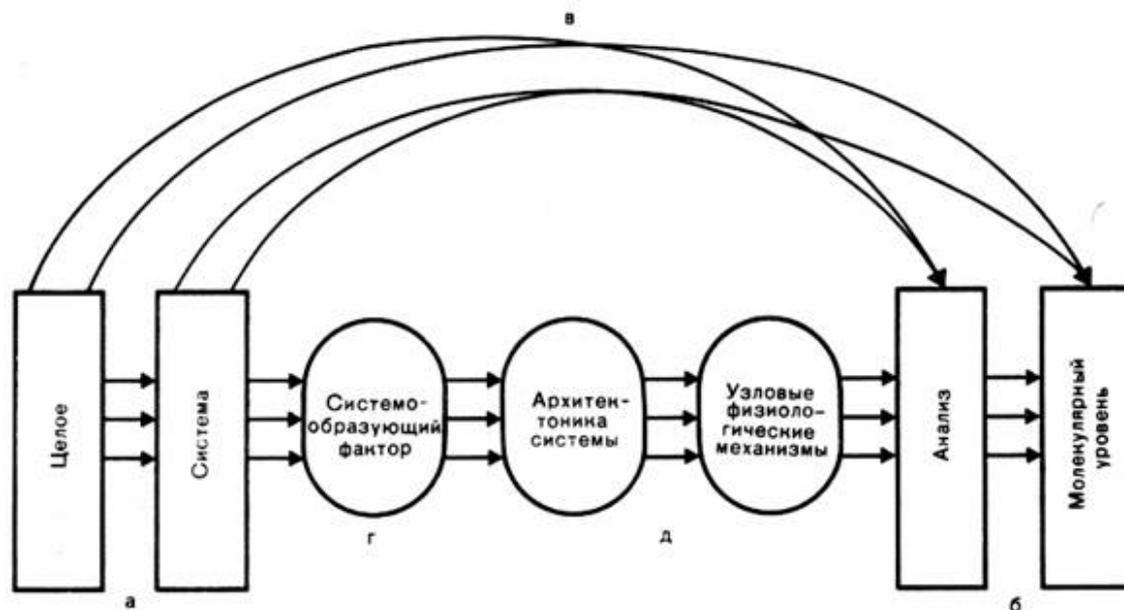

Рис. 1. Схематическое изображение «концептуального моста» между системным уровнем и тонкими аналитическими процессами.

А – уровень целостной системной деятельности; б – уровень тонких аналитических процессов; в – путь обычных корреляционных отношений; г – включение системообразующего фактора, который объясняет процесс упорядочивания между множеством компонентов системы; д – операциональная архитектура системы и ее узловые механизмы.

Схема демонстрирует непрерывность исследовательского процесса, обеспечивающего непосредственный переход от системного уровня к тонким физиологическим деталям системы до молекулярного уровня включительно.

Между тем вокруг этой проблемы сложилась крайне странная ситуация. Почти все сторонники системного подхода и общей теории систем подчеркивают как центральное свойство системы «взаимодействие множества компонентов» (Берталанфи, Раппопорт и др.). Близким является «упорядоченное взаимодействие» или «организованное взаимодействие». По сути дела именно на этих определениях понятия системы и покоится все обсуждение системного подхода. Хотя весь успех понимания системной деятельности, особенно у организмов, зависит от того, определим ли мы, какой именно фактор упорядочивает до того «беспорядочное множество» и делает это последнее функционирующей системой, вопрос о системообразующем факторе просто никогда не был поставлен в отчетливой форме системологами. Он не ставится ни главным идеологом «общей теории систем» Берталанфи, ни группой его последователей (Акоф,

Раппопорт, Месарович, Уотерман и др.). Пожалуй, так же дело обстоит и у советских теоретиков системы, объединенных Институтом истории естествознания и техники и Институтом философии АН СССР (В.П. Садовский, И.В. Блау-берг, Э.Г. Юдин, А.И. Уемов, К.М. Хайлов и др.).

В результате этого коренного недостатка – отсутствия системообразующего фактора – все имеющиеся сейчас определения системы случайны, не отражают ее истинных свойств и поэтому, естественно, не конструктивны, т. е. не помогают ставить новых, более объемных вопросов для исследования (рис. 1).

Ознакомившись подробно со всеми публикациями Общества общей теории систем (Society of General System's Theory), можно с уверенностью утверждать, что теоретическая неопределенность, отсутствие связи с конкретными научными дисциплинами и неконструктивность основных положений непосредственно для исследовательской работы являются следствием игнорирования основной проблемы системологии – раскрытия системообразующего фактора. Без определения этого фактора ни одна концепция по теории систем не может быть плодотворной. Трудно допустить без него существование какой-либо теории систем и прежде всего общей теории систем. Отсюда возникают и терминологические вопросы. Так, например, можно утверждать, что термин общая, примененный к теории систем Берталанфи, не имеет достаточного логического обоснования. Именно это чрезвычайно ограничивает ее конструктивное использование в научно-исследовательском процессе.

Постараемся произвести строгий логический анализ этой проблемы.

В каком случае мы могли бы говорить именно об общей теории систем? Только в том случае, если бы были даны убедительные доказательства того, что она может быть отнесена к самым разнообразным классами явлений, т. е. выявляет какие-то общие черты в разнообразных классах явлений, например в неорганической природе, организме, машинах, обществе. Так, например, клеточная теория является, несомненно, общей теорией для всего живого на земном шаре, поскольку клеточное образование является общим и изоморфным фактором для всех организмов независимо от уровня их развития и положения на биологической лестнице. Значит, растения и животные именно по этому критерию оказываются изоморфными образованиями.

Исходя из всего сказанного, мы можем достроить следующий ряд логических положений.

1. Теория может получить право стать общей только в том случае, если она вскрывает и объединяет собой такие закономерности процессов или механизмов, которые являются изоморфными для различных классов явлений.

2. Изоморфизм явлений различных классов может быть выявлен только в том случае, если мы найдем достаточно убедительный критерий

изоморфности. Чем более значимым является этот критерий для разбираемых явлений, тем более выраженным является их изоморфизм.

3. Для принятия «общей теории систем», пригодной для различных классов явлений, наиболее важным критерием изоморфности, естественно, является изоморфность системообразующего фактора.

Достаточно внимательно проанализировать эти три положения, чтобы увидеть, в чем состоят конструктивные трудности «общей теории систем», выдвинутой Берталанфи.

Эта теория не вскрыла того фактора, который из множества компонентов с беспорядочным взаимодействием организует «упорядоченное множество» – систему.

Это обстоятельство, т. е. отсутствие системообразующего фактора, не дает возможности установить изоморфность между явлениями различного класса, а следовательно, и не может сделать теорию общей. Именно этот недостаток бросается в глаза при изучении аргументов сторонников общей теории систем. И это же обстоятельство неизменно препятствует общей теории систем стать инструментом конкретного научного исследования.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СИСТЕМ

Оценивая все стороны системного движения, которые являются тормозящим фактором в быстром и широком использовании теории систем в повседневном научном исследовании, мы не можем оставить в стороне так называемую математическую теорию систем. <...>

Вопрос о том, какую помощь развитию системного подхода приносит математическая теория систем, становится особенно острым, если мы применим к ней наиболее важный для биолога и физиолога критерий: прокладывает ли математическая теория систем тот концептуальный мост, который должен соединить два края пропасти – синтетический уровень подхода исследователя к биологическим объектам и аналитический уровень изучения этих объектов. Этот чисто аналитический уровень исследования в биологии и физиологии становится все более и более опасным и угрожает утопить нас в половодье разрозненных и часто не объединенных ничем фактов.

Самый смысл концептуального моста, как мы увидим ниже, состоит в том, что система должна объединить непрерывно детерминистической логикой оба края этой пропасти, что дало бы возможность исследователю всегда видеть тот район целой системы, в котором ведутся его тончайшие аналитические исследования.

Само собой разумеется, что этот «мост» должен быть построен на материале фактов, терминов и понятий конкретных наук. Приходится глубоко сомневаться в том, что математическая модель системы обеспечит построение такого моста и значительно расширит творческие возможности исследователя. Тем не менее, поскольку этот вопрос является

дискуссионным, оставим то или иное решение его специалистам этой области системного движения.

В связи со сказанным выше совершенно особо выглядит точка зрения современной общей теории систем на ведущие закономерности системы, а именно на взаимодействие множества неупорядоченных компонентов и перевода их в ранг упорядоченной системы. Изучая систему как совокупность математически сформулированных заданий, математик – теоретик системы – обычно не идет дальше своих наиболее излюбленных формулировок о «взаимодействии множества компонентов» при формировании системы.

ПОНЯТИЕ СИСТЕМЫ

Как показано в одной из последних работ (П.К. Анохин, 1970), взаимодействие как таковое не может сформировать систему, поскольку анализ истинных закономерностей функционирования с точки зрения функциональной системы раскрывает скорее механизм «содействия» компонентов, чем их «взаимодействие». Это серьезный вопрос, связанный с выработкой самого понятия системы, и он требует специального и подробного разбора.

Возникает вопрос: может ли взаимодействие компонентов, взятое само по себе, создать что-то системное, т. е. что-то упорядоченное. Неопределенность и неконструктивность всех приведенных выше формулировок делает понятным тот удивительный факт, что, несмотря на многолетнюю пропаганду, системный подход, в особенности общая теория систем Берталанди, не стал достаточно популярным среди исследователей конкретных организмов и не привел к значительному преобразованию самой исследовательской практики.

В самом деле, что специфически системного может извлечь исследователь физиолог, например, из выражения «система – это комплекс взаимодействующих компонентов», если взаимодействие частей организма даже для начинающего исследователя является аксиоматическим фактором жизни?

Мне кажется, что именно здесь завязан тот узел, не развязав которого исследователь никогда не приблизится к истинным механизмам системы и потому, естественно, не сможет использовать ее в своей конкретной работе.

Попытаемся провести более глубокий анализ этих ходячих определений, чтобы вскрыть их недостаточность как для формулировки понятия системы, так и для утверждения ее как фактора научного прогресса. Прежде всего поставим перед собой вопрос: может ли вообще «взаимодействие компонентов» быть основой какого-то системного процесса. Мы даем совершенно определенный ответ: нет, не может. И этот ответ легко аргументировать на любом примере взаимодействия.

Для характеристики понятия множеств и для подсчета числа возможных степеней свободы для взаимодействия в этом множестве

приведем пример расчета, сделанного Эшби. Он берет площадку с 400 лампочками (20×20) и делает расчет возможного количества комбинаций взаимодействий, которые можно составить из этих лампочек. <...>

Но ведь эта квадратная площадка с 400 лампочками в количественном отношении совершенно ничтожна по сравнению с головным мозгом. Для того чтобы применить такое же вычисление по отношению к мозгу, мы должны взять в качестве исходного количества «лампочек», т. е. нервных клеток, по крайней мере, количеством в 14 млрд.

Кроме того, известно, что соединения между этими «лампочками» идут через синаптические контакты, так что каждая располагает не двумя возможными состояниями, как в примере Эшби, а в среднем по крайней мере 5000 возможных состояний в зависимости от приходящих к синапсам импульсаций. Причем надо помнить, что каждый из этих контактов может придать состоянию нейрона особое качество.

Однако для полной характеристики «множества взаимодействий» на примере мозга даже и этого количественного расчета недостаточно. Мы непременно должны учесть также и те общие состояния каждого отдельного нейрона, которые определяют характер его участия во взаимодействиях нейронального множества.

Так, например Буллок указывает, что имеется по крайней мере пять возможных изменений в градации состояний нейрона, а следовательно, и синаптического образования: возбуждение или торможение, облегчение или депрессия, положительное или отрицательное последствие (или оба вместе), спонтанное расслабление или тонизация нейрона, градуированные ответы спайкового или неспайкового характера. Важно, что каждое из этих взаимодействующих «множеств»: нейрон, синапс, градуированное состояние нейрона и др. – может создать условие, при котором деятельность элемента в таком обширном «множестве» может радикально измениться, а это значит, что конечный результат деятельности мозга может быть иным. Трудно решить даже воображением задачу подсчета того количества комбинаций взаимодействий в целом мозге, которое может быть выведено из указанных выше цифр.

Однако, предложив решить эту задачу опытным математикам, мы получили совершенно фантастическую цифру. Оказалось, что число степеней свободы нервных клеток мозга с учетом всех тех переменных, которые были разобраны выше, может быть выражено единицей с таким количеством нулей, что они могут уместиться только на ленте длиной... в 9500000 километров. Стоит только представить себе это «множество», чтобы понять, что человек практически никогда не сможет использовать всех грандиозных резервов своей мозговой деятельности.

Представим себе, какой хаос сложился бы в нервной системе, если бы все это «множество» стало «взаимодействовать» и «взаимовлиять» друг на друга! Ясно, что этот хаос не допустил бы никакого организованного поведения целого организма. И, тем не менее, взаимодействие вообще все-

таки непременно входит во все формулировки понятия системы как решающий критерий.

Нам кажется, что такое положение наблюдается потому, что этот важнейший вопрос никогда не был серьезно проанализирован до конца, по крайней мере для биологических систем, и именно поэтому мы не имеем исчерпывающей и научно обоснованной формулировки системы.

Применительно к поведенческому акту мы должны прежде всего исходить из абсолютно достоверного нейрофизиологического факта, что каждый отдельный нейрон потенциально имеет огромное число степеней свободы как объект взаимодействия с другими нейронами. Следовательно, говоря о взаимодействии вообще, мы тем самым неизбежно допускаем одновременное и неорганизованное использование всех этих степеней свободы нейрона.

И это действительно так, поскольку все формулировки понятия системы, делая акцент на «взаимодействии», не содержат в себе и не имеют даже в виду какие-либо факторы, ограничивающие многочисленные возможные степени свободы взаимодействия данного компонента с другими. Практически это касается не только центральной нервной системы, где этот процесс особенно отчетлив и многообразен. Это же наблюдается и в мышечной системе, где малейшее отклонение в механических соотношениях между сокращающимися мышцами ведет к хаосу и потере целенаправленности движения, и во многих химических конstellляциях.

Итак, мы пришли к очень важному выводу: взаимодействие, взятое в его общем виде, не может сформировать системы из «множества компонентов». Следовательно, и все формулировки понятия системы, основанные только на «взаимодействии» и на «упорядочении» компонентов, оказываются сами по себе несостоятельными.

Совершенно ясно, что именно в этом пункте мы имеем коренной недостаток в существующих подходах к выработке общей теории систем. Становится очевидным, что в проблему определения понятия системы необходимо ввести некоторые дополнительные аспекты, которые придали бы этому понятию конкретные механизмы организованного целого, детерминистически достоверного и логически понятного. Точнее говоря, мы должны вскрыть те детерминирующие факторы, которые освобождают компоненты системы от избыточных степеней свободы.

Внесение в формулировку системы выражения «упорядоченное множество» не исправляет исходного дефекта и, пожалуй, даже, наоборот, вносит в проблему некоторый привкус телеологического. В самом деле, кто «упорядочивает» распределение множества компонентов в системе? По какому критерию производится это «упорядочивание»? Не может же какое-либо множество стать «упорядоченным» без критерия (!) этой «упорядоченности». Должен быть конкретный фактор, который «упорядочивает» систему.

Ясно, что, не имея четкого ответа на эти вопросы, мы фактически продолжаем стоять на месте. Примером такой нечеткости может служить выражение Эшби, который определил существо «самоорганизующихся систем» как «изменение от неорганизованной системы к организованной». Все сказанное выше заставляет нас признать, что мы стоим перед необходимостью более глубоко проанализировать некоторые до сих пор еще не вскрытые детерминанты, направляющие взаимодействия компонентов в системе.

До тех пор пока системологи не определяют точно фактор, который радикально ограничивает степени свободы участвующих в данном множестве компонентов, все разговоры о системе и ее преимуществах перед несистемным подходом будут столь же неплодотворны, как до сих пор была неплодотворной в конкретной исследовательской работе и сама общая теория систем.

Ниже и будет сделана попытка вывести системообразующий фактор из свойств живого организма и обсудить изоморфность этого фактора для различных классов явлений (организма, машины, общества).

КОНКРЕТНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР

Достаточно понаблюдать после каких-либо нарушений за восстановлением какой-нибудь простой и очевидной функции с весьма четким результатом, например за удержанием тела человека в вертикальном положении, чтобы ответить с определенностью на поставленные выше вопросы.

Таким императивным фактором, использующим все возможности системы, является полезный результат системы, в данном случае вертикальная поза, и формируемая им обратная афферентация. Именно достаточность или недостаточность результата определяет поведение системы: в случае его достаточности организм переходит на формирование другой функциональной системы с другим полезным результатом, представляющим собой следующий этап в универсальном континууме результатов (П.К. Анохин, 1970).

В случае недостаточности полученного результата происходит стимулирование активирующих механизмов, возникает активный подбор новых компонентов, создается перемена степеней свободы действующих синаптических организаций и, наконец, после нескольких «проб и ошибок» находится совершенно достаточный приспособительный результат.

Мы не вскрываем всех детальных механизмов, при помощи которых система подбирает необходимый на данный момент результат. Это будет сделано в одном из последующих разделов статьи. Сейчас же нам необходимо лишь дать исчерпывающую формулировку системы, в которой результат является ведущим компонентом.

Включение в анализ результата как решающего звена системы значительно изменяет общепринятые взгляды на систему вообще и дает новое освещение ряду вопросов, подлежащих глубокому анализу.

Прежде всего оказывается возможным как всю деятельность системы, так и ее все возможные изменения представить целиком в терминах результата, что еще более подчеркивает его решающую роль в поведении системы. Эта деятельность может быть полностью выражена в вопросах, отражающих различные этапы формирования системы:

- 1) какой результат должен быть получен?
- 2) когда именно должен быть получен результат?
- 3) какими механизмами должен быть получен результат?
- 4) как система убеждается в достаточности полученного результата?

По сути дела, эти четыре вопроса разрешаются основными узловыми механизмами системы. Вместе с тем в них выражено все то, ради чего формируется система.

Возьмем для примера последний вопрос.

Центральная нервная система должна непременно получить информацию о полученном результате. Мы знаем, что в механических системах эта информация получила название «обратная связь». В нашей лаборатории она получила название «обратная афферентация» или «санкционирующая афферентация», поскольку она может санкционировать последнее распределение в системе эфферентных возбуждений, обеспечивших получение полезного результата.

Все это будет четко показано в дальнейшем изложении на основе конкретных физиологических механизмов. Сейчас же нам необходимо отметить одно решающее обстоятельство: результат обладает императивными возможностями реорганизовать распределение возбуждений в системе в соответствующем направлении.

Итак, мы видим, что формирование системы подчинено получению определенного полезного результата, а недостаточный результат может целиком реорганизовать систему и сформировать новую, с более совершенным взаимодействием компонентов, дающим достаточный результат. Что может быть более убедительным для доказательства справедливости положения о том, что результат является в самом деле центральным фактором системы. И вместе с тем, что может быть очевиднее того, что не может быть понятия системы без ее полезного результата.

Правда, нам приходилось не раз слышать замечания, что система с результатом – это «специальный случай» системы. Но тогда очень важно было бы узнать, что является у системы без результата тем фактором, который обеспечивает переход, выражаясь языком Эшби, «от неорганизованного к организованному», т. е. от хаоса взаимодействия к системе.

Такое положение радикально меняет и наше отношение к понятию «взаимодействие», которое, как мы видели, будучи основным критерием

для определения понятия системы у многих современных исследователей, определило общий неуспех всего направления.

Показанная выше роль результата во всех превращениях системы делает невозможной какую-либо формулировку системы, не основанную на роли результата в ее деятельности, ибо, как мы видели, только он может «изменить неорганизованное множество в организованное».

Важным последствием включения результата как решающего операционального фактора системы является то, что сразу же делаются понятными механизмы освобождения компонентов системы от избыточных степеней свободы. А ясность в этом вопросе – это серьезный шаг в разрешении противоречий, возникших в связи с недостаточностью понятия «взаимодействие».

Следует отметить, что, говоря о «степенях свободы» центральной нервной системы как важнейшего звена функциональной системы, мы имеем в виду не только степени свободы, определяемые количеством участвующих нейронов, но и степени свободы, определяемые количеством участвующих синапсов из всех синапсов, имеющих на каждом из 14 млрд. нейронов.

В самом деле, допустим, что какая-либо система имеет в своем составе а, б, с, d, е- компоненты. Возникает вопрос, какие факторы устанавливают вполне определенные системные (!) взаимоотношения, например между компонентами b и e. Что может вообще установить между всеми компонентами системы такие взаимоотношения, которые устранили бы хаос всеобщего взаимодействия, т. е. одновременной реализации всех степеней свободы каждого компонента?

Для нас ответ на этот вопрос является вполне определенным: упорядоченность во взаимодействии множества компонентов системы устанавливается на основе степени их содействия в получении целой системой строго определенного полезного результата.

Степени же свободы каждого компонента системы – нейрона, не помогающие получению полезного результата, устраняются из активной деятельности.

Таким образом, к системе с полезным результатом ее деятельности более пригоден не термин «взаимодействие», а термин «взаимоСОдействие». Она должна представлять собой подлинную кооперацию компонентов множества, усилия которых направлены па получение конечного полезного результата. А это значит, что всякий компонент может войти в систему только в том случае, если он вносит свою долю содействия в получение запрограммированного результата.

Именно по этому принципу, как мы увидим ниже, и происходит вовлечение всякого нового компонента в трудных условиях функционирования для получения полезного результата. Компонент при

своем вхождении в систему должен немедленно исключить все те степени своей свободы, которые мешают или не помогают получению результата данной системы. Наоборот, он максимально использует именно те степени свободы, которые в той или иной мере содействуют получению конечного полезного результата данной системы.

Главное качество биологической самоорганизующейся системы и состоит в том, что она непрерывно и активно производит перебор степеней свободы множества компонентов, часто даже в микроинтервалах времени, чтобы включить те из них, которые приближают организм к получению полезного результата.

Возвращаясь к спору Бора и Эйнштейна о наиболее эффективном подходе к изучению целостных организаций, мы бы сказали, что термин «взаимодействие» звучит более феноменологически, нейтрально, в то время как термин взаимодействие звучит более каузально, активно, поскольку для создания этого взаимодействия включаются многие новые специализированные механизмы.

Несколько удивляет то обстоятельство, что, несмотря на весьма широко развивающийся в настоящее время системный подход к биологическим и техническим объектам, результат системной деятельности как решающий самоорганизующий фактор системы не был взят в качестве основного операционального фактора, а соответственно с этим не были даны формулировки и не сделаны те преобразования в наших поисках, которые заставляют ставить многие вопросы по-новому.

Суммируя все сказанное выше, мы можем теперь легко дать ту формулировку понятия системы, которая, с нашей точки зрения, наиболее полно отражает ее суть. *Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата.*

Конкретным механизмом взаимодействия компонентов является освобождение их от избыточных степеней свободы, не нужных для получения данного конкретного результата, и, наоборот, сохранение всех тех степеней свободы, которые способствуют получению результата.

В свою очередь результат через характерные для него параметры и благодаря обратной афферентации имеет возможность реорганизовать систему, создавая такую форму взаимодействия между ее компонентами, которая является наиболее благоприятной для получения именно запрограммированного результата.

Таким образом, результат является неотъемлемым и решающим компонентом системы, инструментом, создающим упорядоченное взаимодействие между всеми другими ее компонентами.

Теперь мы сможем вполне определенно ответить на поставленный выше вопрос: такой фактор упорядочивает множество компонентов системы. Таким решающим и единственным фактором является результат, который, будучи недостаточным, активно влияет на отбор именно тех степеней свободы у компонентов системы, которые при их интегрировании определяют в дальнейшем получение полноценного результата (рис. 2).

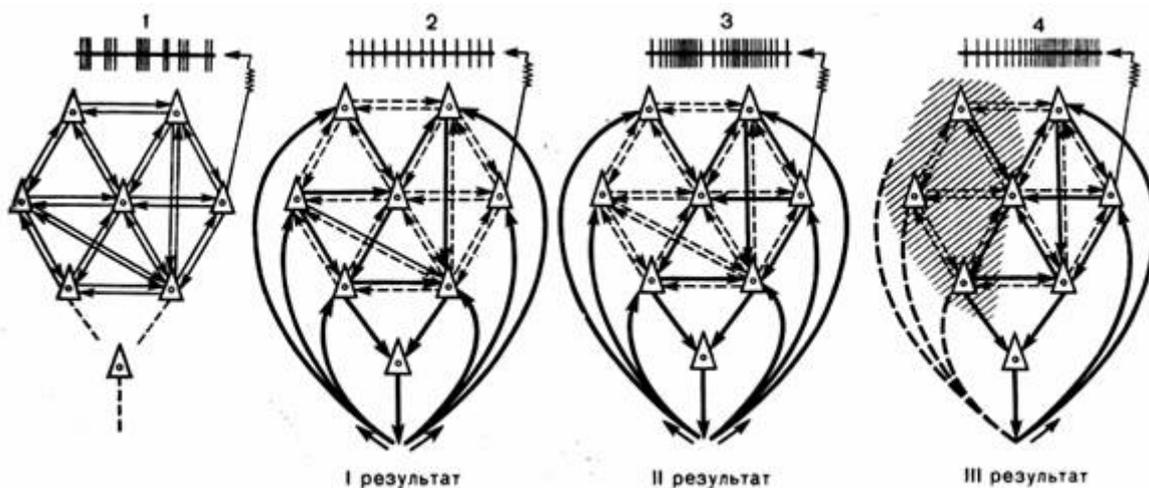

Рис. 2. Схематическое изображение упорядочивающего действия результата системы на реорганизацию ее степеней свободы

Сплошные линии – взаимодействия между нервными элементами только на основе общего числа их степеней свободы (1) и ограничение избыточных степеней свободы системы благодаря обратной афферентации, формирующейся на основе различных параметров результата (2–4). Пунктирные линии – исключенные степени свободы. В качестве одиночной степени свободы для центральной нервной системы предполагается одиночное синаптическое образование.

Именно потому, что в нашей концепции результат оказывает центральное организующее влияние на все этапы формирования функциональной системы, а сам полезный результат является, несомненно, функциональным феноменом, мы и назвали всю архитектуру функциональной системой. Ниже будет дана более подробная аргументация этого понятия. Сейчас же мы считаем нужным разобрать одно принципиальное следствие нашей концепции для общепринятой кибернетической терминологии.

Имеется в виду прежде всего весьма распространенное выражение «управляющая система», которое ни семантически, ни логически не может быть принято теорией функциональной системы. В самом деле, что означает это выражение? Ничего, кроме традиционного игнорирования результата системы при обсуждении кибернетических закономерностей.

Действительно, выражение управляющая система по самой своей сути предполагает, что управляемый объект не является компонентом

управляющей системы, т. е., попросту говоря, он находится за пределами (!) самой управляющей системы.

Из самого выражения «управляющая система» следует, что она уже сама является полноценной системой, несмотря на то что управляемый объект находится вне ее. С точки зрения всех решающих влияний результата на систему, которые были изложены выше, такое положение является неприемлемым.

В самом деле, стоит лишь поставить вопрос, что произойдет с управляющей системой, если результат, т. е. управляемый объект, окажется не совпадающим с запрограммированным результатом, т. е. если попросту результат окажется неполноценным. На основании предложенных нами выше представлений о системе результат должен сам немедленно сигнализировать о своей недостаточности и стимулировать управляющую систему на реорганизацию, которая временами заходит так далеко, что может привести к полной перемене установившихся взаимоотношений между компонентами системы.

Можно пойти еще дальше и поставить чисто риторический вопрос: откуда управляющая система «узнает», каким именно объектом ей надо управлять, если она уже система? Ведь чтобы управлять чем-то, надо иметь весьма адекватные связи и соотношения с управляемым. И не обстоит ли дело так, что уже начальные процессы формирования самой управляющей системы находятся полностью под управлением будущего, необходимого в данный момент организму результата?

Именно так позволяет смотреть на этот вопрос теория функциональной системы, которая включает приспособительный результат функционирования системы как органическую составную часть системы. Только в этом случае можно уйти от бесплодных терминов, которые, уводя мысль в сторону, несомненно, наносят ущерб пониманию самой системы. Именно к этому ведет чрезвычайно широко распространенная тенденция употреблять такие выражения, как «управляющая система», «управляемый объект», «управляемая система», «биоуправление» и т. п.

Как мы видели выше, при более глубоком анализе все эти понятия превращаются в научную фикцию, поскольку они не соответствуют истинным соотношениям в действительной регуляции, т. е. просто-напросто не имеют реального содержания.

Однако эта тенденция оперировать понятиями, не имеющими конкретной основы, отразилась и на построении моделей систем. Они все, как правило, имеют input и output, т. е. вход и выход. Большей частью выход замыкается на вход дополнительной петлей обратной связи.

Для примера можно указать на недостаточность схем Винера, Гродинса, Милсума, Эшби, Мак Кея, Паска и многих других, хотя они и внесли весьма полезный, а часто и решающий вклад в теорию регуляции.

Но что значит «выход» с точки зрения биологического объекта, например развитого организма? Выходом может быть и реальное возбуждение, выходящее всего лишь на эфферентные пути к рабочим органам; выходом может быть также и работа этих органов, т. е. то, что соответствует физиологическому термину «рефлекторное действие». Но этот выход никогда фактически не связывается с результатом функционирования системы, конкретные и измеримые параметры которого, как правило, определяют все дальнейшее поведение системы.

Традиция избегать результат действия как самостоятельную физиологическую категорию не случайна. Она отражает традиции рефлекторной теории, которая заканчивает «рефлекторную дугу» только действием, не вводя в поле зрения и не интерпретируя результат этого действия. Между тем сейчас становится все более и более очевидным, что именно результат функционирования системы является движущим фактором прогресса всего живого на нашей планете.

Еще одно замечание. Часто приходится встречаться с понятием «состояние системы», которое при неправильном его применении может повести мысль в ненужном направлении. Так, например, Ханике (1969) говорит: «Каждый раз, когда возникают возмущения равновесия, система стремится найти устойчивое состояние». Было бы совершенно непрогрессивным для живой природы, если бы система «стремилась» найти лишь устойчивое состояние.

Если уж употреблять термин «стремиться», то наиболее правильно такое выражение: система «стремится» получить запрограммированный результат и ради этого результата может пойти на самые большие возмущения во взаимодействиях своих компонентов. Следовательно, центральным пунктом, ради которого происходят всякого рода «изменения состояний системы», является опять-таки результат. Именно он в случае затрудненного его получения может привести всю систему в крайне беспокойное и неустойчивое состояние. Итак, вся трактовка состояния системы радикально меняется, как только мы пойдем естественным путем, приняв в качестве центрального фактора получение системой полезного результата.

Но так как организм живет в среде непрерывного получения результата, в подлинном континууме результатов, то после достижения определенного фазного результата начинается «беспокойство» по поводу последующего результата.

Надо обратить внимание на одну особенность функциональной системы, не укладывающуюся в обычные физиологические представления. Речь идет о том, что содержание результата, или, выражаясь физиологическим языком, параметры результата, формируется системой в виде определенной модели (см. ниже) раньше, чем появится сам результат. Именно этот чудесный и реальный подарок всему живому на земле,

имеющий характер предсказания, отпугнул от себя даже гениальных экспериментаторов.

Вряд ли кто-либо из теоретиков павловского учения о высшей нервной деятельности обратил внимание на один, па первый взгляд, странный эпизод в генеалогии творческих приемов И.П. Павлова. Как известно, в 1916 г. смелый гений ученого замахнулся на самое тонкое и самое сокровенное в работе головного мозга человека – на цель поведения. И.П. Павлов назвал свое известное выступление по этому вопросу «Рефлекс цели». Казалось бы, с этого момента должна была развиваться бурная исследовательская деятельность Павловской лаборатории по этому физиологически, психологически и идеологически столь важному вопросу. Однако нам хорошо известно, что Павлов никогда больше на протяжении всей своей дальнейшей жизни к этому вопросу не возвращался. Почему?

Нам кажется, что причина ухода И.П. Павлова от важнейшей проблемы – деятельности мозга – заключается в том, что сам факт возникновения цели для получения того или иного результата вступает в принципиальное противоречие с основными чертами рефлекторной теории. Павлов, несомненно, думал и об этом, несомненно, видел и то, что, поставив проблему цели, он вынужден был бы значительно перестроить то грандиозное здание, которое с такой гениальной смелостью и настойчивостью строил всю свою жизнь.

Как известно, представление о рефлекторном процессе построено на нерушимом принципе поступательного хода возбуждения от пункта к пункту по всей рефлекторной дуге.

В формировании цели Павлов, наоборот, встретился с совершенно неожиданным принципом работы нервной системы. Здесь модель конечного результата данного акта создается уже на начальных этапах распространения возбуждения, т. е. раньше, чем закончится весь процесс формирования поведенческого акта, и раньше, чем будет получен сам результат.

Действительно, совершенно ясно, что цель к получению данного результата возникает раньше, чем может быть получен сам результат. Причем интервал между этими двумя моментами может равняться и минуте, и годам. <...>

Такая грандиозная роль результата во всех поведенческих актах животных и человека, естественно, не может быть игнорирована, если мы хотим сформулировать системный подход и построить модель системы.

Сейчас, пожалуй, единственной областью, где результат, «полезность результата» и проблема оценки этого результата становится почти центральным фактором исследования, является область промышленно-экономических систем. Такой успех и значение результата именно в этой области системного подхода понятны, ибо здесь полезность деятельности делается настолько очевидной, что игнорировать ее было бы просто

неразумно. В самом деле, если мы имеем «большую систему» в виде производственно связанных заводских агрегатов, например в нефтеперерабатывающей промышленности, то игнорирование полезности результата на уровне каждой подсистемы этой большой системы привело бы к расточительности и полной нерентабельности всего предприятия. Именно состояние ценности и полезности результата в каждой подсистеме этого предприятия и сочетание их с окончательным результатом могут дать решающее суждение о том, насколько полезен конечный результат и в какой степени выгодно все обширное предприятие.

Один из теоретиков полезности, экономист Gross (1953), так определяет значение пользы: «Суд последней инстанции – это не блестящий словесный аргумент, не солидно звучащий абстрактный принцип и даже не ясная логика или математика, – это результат в реальном мире». Это высказывание весьма показательное для мышления теоретиков управления предприятиями. По сути дела и большие системы организма также сотканы из малых подсистем. Наконец, результат деятельности целого организма также является «судом последней инстанции».

Рис. 3. Схематическое изображение соотношений возбужденных и невозбужденных синапсов на нейроне. В зависимости от этих соотношений одна и та же клетка может выдавать разную активность.

Черные линии и точки – возбужденные в данный момент волокна и синапсы; пунктир и белые кружки – невозбужденные.

Мы уже видели, что именно отсутствие результата во всех формулировках системы и делает их неприемлемыми с операциональной точки зрения. Этот дефект полностью устранен в развиваемой нами теории функциональной системы.

1. В функциональной системе результат представляет собой ее органическую часть, оказывающую решающее влияние как на ход ее формирования, так и на все ее последующие реорганизации.

2. Наличие вполне определенного результата как решающего компонента функциональной системы делает недостаточным понятие «взаимодействия» в оценке отношений компонентов системы между собой. Именно результат отбирает все адекватные для данного момента степени свободы компонентов системы и фокусирует их усилие на себе.

3. Если деятельность системы заканчивается полезным в каком-то отношении результатом, то «взаимодействие» компонентов данной системы всегда будет протекать по типу их взаимосодействия, направленного на получение результата.

4. Взаимосодействие компонентов системы достигается тем, что каждый из них под влиянием афферентного синтеза или обратной афферентации освобождается от избыточных степеней свободы и объединяется с другими компонентами только на основе тех степеней свободы, которые вместе содействуют получению надежного конечного результата (рис. 3).

5. Включение результата в функциональную систему исключает необходимость применять как несовершенные формулировки самой системы, так и многие другие («управляющая система», «управляющий объект», «биоуправление» и т. д.).

СОСТАВ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ИЕРАРХИЯ СИСТЕМ

После того как мы определили само понятие системы, другим важным общим вопросом характеристики системы является выяснение ее состава и роли отдельных компонентов функционирования системы. Определение состава необходимо еще и потому, что именно в этом пункте происходит довольно часто интерференция нового представления о системе со всем тем, что в прежнее время свободно определялось термином «система» без каких-либо строгих ограничений формулировок и понятий.

Критериями для употребления термина «система» являлось все, что представляло собой нечто упорядоченное по сравнению с другими явлениями, относящимися к иным классам (например, система кровообращения, система пищеварения, мышечная система и др.). Ясно, что

здесь термин система употребляется в смысле принадлежности данного феномена к определенному типу анатомических преобразований, объединенных типом функционирования. Еще и до сих пор имеются исследователи, которые видят в употреблении термина «система» только этот смысл.

Говоря о системе в этом последнем смысле, мы выделяем из целого организма какую-то часть, объединенную типом анатомического строения или типом функционирования, и по сути дела исключаем возможность понимания этих выделенных структур в истинном системном плане. Совершенно очевидно, что система кровообращения никогда не выступает как нечто отдельное, ибо это было бы нонсенсом физиологии. В полноценном организме кровообращение всегда ведет к получению какого-то приспособительного результата (уровня кровяного давления, скорости кровотока и т. д.). Однако ни один из этих результатов нельзя получить только за счет системы кровообращения. Сюда непременно включаются нервная и эндокринная системы и др. И все эти компоненты объединены по принципу взаимодействия. Поэтому при новом системном подходе вопрос идет об акценте не на каком-либо анатомическом признаке участвующего компонента, а на принципах организации многих компонентов, из многих анатомических систем, с непременным получением результата деятельности этой разветвленной гетерогенной системы.

Очень часто приходится встречаться с каким-то нарочитым подчеркиванием именно структурно-анатомической принадлежности компонентов системы (например, «структурно-системная организация», «структурные уровни» и т. д.). Это, однако, ведет к неправильной ориентации читателя.

В самом деле, что значит «структурно-системный»? Разве может быть какая-то система организма, например дающая полезный приспособительный результат, бесструктурной, т. е. функционировать без структуры?

С самого начала надо подчеркнуть, что функциональные системы организма складываются из динамически мобилизуемых структур в масштабе целого организма и на их деятельности и окончательном результате не отражается исключительное влияние какого-нибудь анатомического типа участвующей структуры. Больше того, компоненты той или иной анатомической принадлежности мобилизуются и вовлекаются в функциональную систему только в меру их содействия получению запрограммированного результата. <...>

Между тем одним из самых характерных свойств функциональной системы является именно динамическая изменчивость входящих в нее структурных компонентов, изменчивость, продолжающаяся до тех пор, пока не будет получен соответствующий полезный результат. Ясно, что на

первый план в формировании истинно функциональных систем выступают законы результата и динамической мобилизуемости структур, обеспечивающие быстрое формирование функциональной системы в получение данного результата.

Нам хотелось бы отметить одно важное обстоятельство, которое проходит мимо внимания исследователя. Это свойство внезапной мобилизуемости структурных элементов организма в соответствии с непрерывными функциональными требованиями, которые функция предъявляет к структуре. Под свойством мобилизуемости мы понимаем возможность моментального построения любых дробных комбинаций, обеспечивающих функциональной системе получение полезного приспособительного результата.

Практически, если бы не было этой потенциальной способности структур к внезапной мобилизуемости, причем в любой аранжировке, моментальная организация функциональных систем была бы просто невозможна и, следовательно, приспособление было бы несовершенным.

Так, например, сидя за письменным столом, мы можем взять с него предмет правой рукой, но если нам в этот момент необходим другой предмет, лежащий позади нас, то мы с такой же легкостью, разворачивая руку в сторону, можем взять и этот предмет.

Ясно, что только способность иннервационных аппаратов мышц к внезапной перестройке и к выборочной организации отдельных дробных компонентов и обеспечивает формирование функциональных систем, полезных в данный момент. Таким образом, существование результата системы как определяющего фактора для формирования функциональной системы и ее фазовых реорганизаций и наличие специфического строения структурных аппаратов, дающего возможность немедленной мобилизации объединения их в функциональную систему, говорят о том, что истинные системы организма всегда функциональны по своей сути. Это значит, что функциональный принцип выборочной мобилизации структур является доминирующим, и потому вполне естественно назвать такую систему функциональной, что мы в свое время и сделали (П.К. Анохин, 1935).

В связи с вопросом структурного состава функциональной системы возникает также и вопрос об иерархии систем, который становится в последние годы все более и более актуальным. Мы никогда не имеем по-настоящему изолированные функциональные системы организма, можно только с дидактической целью выбрать определенную систему, обеспечивающую какой-то результат на данном уровне иерархии систем (рис. 4).

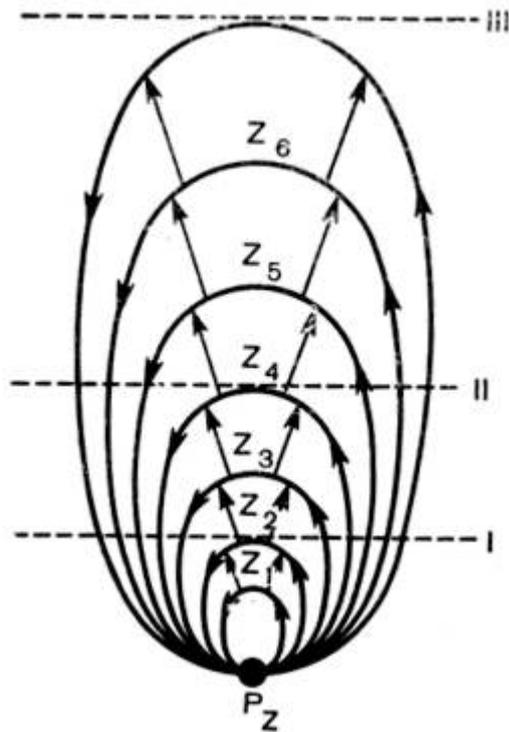

Рис. 4. Схема иерархических объединений функциональных систем различной сложности, но построенных на одном пейцмерном физиологическом образовании, например на возбуждениях пищевого центра. Схема дает возможность сопоставить реальную организацию функциональных систем $Z_1, 2, \dots, 6$, имеющих общий пейцмер (PZ).

Пунктирные линии показывают, что функциональные системы такого типа не могут быть поняты из концепции уровня, так как любой уровень организации неизбежно связан с энергетическим пунктом, питающим системы различных уровней.

Так, например, соотношение актина и актомиозина, конечно, составляет по своей операциональной архитектонике вполне очерченную функциональную систему, заканчивающуюся положительным результатом, который можно было бы сформулировать как сокращение мышечной фибриллы.

Но такая функциональная система представляется лишь промежуточной между еще более топкими молекулярными соотношениями протоплазмы мышечной клетки и между движением (например, движением охотника по лесу в поисках дичи), поскольку это движение осуществляется, в конце концов, также с помощью актина и актомиозина. Но как обширен диапазон, в который включено множество функциональных систем, составляющих эту грандиозную иерархию систем!

Естественно поэтому, что, говоря о составе функциональной системы, мы должны иметь в виду, что каждая функциональная система, взятая для исследования, неизбежно находится где-то между тончайшими молекулярными системами и наиболее высоким уровнем системной организации в виде, например, целого поведенческого акта. Нетрудно

понять, что, раскрыв реальные физиологические механизмы объединения функциональных систем различных уровней, мы приблизились бы к решению проблемы органического объединения анализа и синтеза в самом исследовательском процессе.

В самом деле, сокращение мышечного волокна представилось бы нам в двух аспектах: с одной стороны, это могло бы быть сокращение как процесс вообще сократительных структур, а с другой – сокращение, составляющее какую-то очень дробную подсистему, например в спортивном прыжке. Ясно, что мы имеем грандиозное различие в составе этих систем и, может быть, еще более грандиозную задачу определения места компонента в большой системе.

В последние годы вопрос об «уровнях» организации больших систем особенно подчеркивается рядом советских (Кремянский, Введенский и др.) и зарубежных авторов (Джерард, Браун, Новиков и др.). Наиболее полный обзор этого направления в поисках интегративных закономерностей дан в книге и статьях В.И. Кремянского. Это направление выступает под различными названиями: «интегративные уровни», «структурные уровни», «иерархия систем» и др. Однако опять-таки в силу того же излишнего теоретизирования ни один из авторов не дает ничего конструктивного для конкретного исследовательского процесса и не отвечает на основные вопросы иерархии.

В сущности, на это указывает и употребление термина «уровни», который находится в абсолютном противоречии с понятием «система». Главное же то, что ни в одной концепции уровни не обладают какой-либо функциональной архитектурой и, следовательно, как способ соединения уровней, так и механизмы, удерживающие единство всей архитектуры целого, естественно, не могут быть найдены.

Все сказанное выше с совершенной очевидностью убеждает нас в том, что перед исследователем стоят по крайней мере два кардинальных вопроса, не решив которые он не может надеяться на понимание тонких механизмов сложных функциональных систем организма.

Несколько лет назад эти вопросы были сформулированы нами в следующем виде.

1. Различается ли чем-либо принципиально архитектура функционирования как у весьма элементарных, так и у сложных подсистем? Иначе говоря, функционируют ли системы всех уровней по одной и той же архитектуре, которая характерна для функциональной системы вообще, или эти архитектуры чем-то отличаются друг от друга?

2. Какими конкретными механизмами соединяются между собой подсистемы при образовании суперсистемы? Учитывая наличие в функциональной системе определенного количества специфических для нее узловых механизмов, вопрос можно поставить более конкретно: какими именно узловыми механизмами своей архитектуры соединяются подсистемы, чтобы образовать суперсистему?

Не объединяются ли поэтому же принципу и «большие системы» промышленных предприятий? Мы предоставляем право судить об этом соответствующим специалистам. Но, если бы это было так, перед нами встал бы вопрос о замечательной гармонии в организации всех тех систем, где результат является решающим фактором системообразования.

Мы допускаем, что при анализе такого ответственного вопроса, как объединение subsystemов в суперсистему, могут возникнуть другие вопросы, однако несомненно одно, что без решения двух поставленных выше вопросов нельзя надеяться на решение всей проблемы иерархии систем в целом. Они принципиальны по своей сути.

Отвечая на первый вопрос, нужно исходить из того вывода, к которому мы пришли при формулировке самого понятия «система». Центральным моментом для системы является результат, так как любой комплекс и любое множество становятся системой только благодаря результату. Вместе с тем система не может быть стабильной, если сам результат своими существенными параметрами не влияет на систему обратной афферентацией. А если это так, то любая система, какой бы значительной она ни была в иерархическом ряду, должна подчиняться этим правилам.

Все эти соображения приводят нас к окончательному и фундаментальному выводу о составе иерархии: все функциональные системы независимо от уровня своей организации и от количества составляющих их компонентов имеют принципиально одну и ту же функциональную архитектуру, в которой результат является доминирующим фактором, стабилизирующим организацию систем.

Решение второго из поставленных выше вопросов облегчается принятием положения, что архитектуры систем принципиально тождественны.

Если допустить, что какие-то subsystemы соединяются между собой, вступают в контакт с помощью каких-то промежуточных механизмов, ведущих к получению полезного результата, то сразу же будет видно, что такое допущение не может быть сделано. Тогда какие-то subsystemы не смогут развить своего основного функционального смысла, т. е. получения результата, и, таким образом, сама система не может быть названа системой. Поэтому наиболее вероятно, что именно полезный результат системы, какой бы малой она ни была, представляет тот реальный вклад, который она может сделать при образовании суперсистемы, или «большой системы».

Отсюда следует, что при образовании иерархии систем всякий более низкий уровень систем должен как-то организовать контакт результатов, что и может составить следующий, более высокий уровень систем и т. д. Очевидно, организм формирует свои системы именно таким образом, и только при этом возможно организовать системы с обширным количеством компонентов. Естественно, что в этом случае «иерархия систем»

превращается в иерархию результатов каждой из субсистем предыдущего уровня.

Другой важный вопрос, возникающий при образовании иерархии систем, состоит в следующем: как действует эта субординированная иерархия, когда ей надо выступать как целое?

Хороший пример представляет соотношение уровня кровяного давления и какого-либо эмоционального состояния, возникшего под влиянием внешних воздействий. Мы знаем, что при возникновении эмоции, например, страха, происходит быстрый подъем кровяного давления, что имеет несомненное приспособительное значение. Но в то же время мы знаем, что постоянный уровень кровяного давления представляет собой результат самостоятельной разветвленной функциональной системы, независимой от эмоционального разряда (П.К. Анохин, 1960). Как эмоциональный разряд, возникший по внешнему поводу, находит доступ к функциональной системе кровообращения? На какие компоненты этой более низко организованной системы действует эмоциональный разряд?

Кора головного мозга и вызванная ею эмоция заинтересованы в поддержании высокого уровня кровоснабжения и метаболических процессов в условиях стрессового состояния целого организма. Поэтому ясно, что эмоциональный разряд должен оказать свое действие на «результат» функциональной системы – на уровень кровяного давления. Но этот уровень – физическая величина.

Таким образом, эмоциональный разряд должен действовать прежде всего на эфферентные механизмы, определяющие уровень кровяного давления. Следовательно, в нисходящем направлении эмоциональный разряд должен подействовать на эфферентное звено системы, определяющее уровень давления, т. е. на сосудосуживающий центр.

Обращает на себя внимание один весьма интересный факт: в этом случае уровень кровяного давления не зависит от того афферентного синтеза, который производится каждую секунду сосудосуживающим центром на основе барорецепторной афферентной сигнализации. В случае эмоционального разряда возбуждение суперсистемы прямо занимает эфферентные пути субсистемы и устанавливает нужный уровень кровяного давления, минуя афферентный синтез «хозяина» субсистемы. На долю же этой последней остается лишь сопротивляться при помощи барорецепторов чрезмерному давлению, оказываемому на ее сосуды...

Подводя итог сказанному, следует заметить, что главной чертой каждой функциональной системы является ее динамичность. Структурные образования, составляющие функциональные системы, обладают исключительной мобилизуемостью. Именно это свойство систем и дает им возможность быть пластичными, внезапно менять свою архитектуру в поисках запрограммированного полезного результата.

ВНУТРЕННЯЯ ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТОНИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Не будет преувеличением сказать, что трудность развития системного подхода вообще и «общей теории систем» Берталанфи в частности состоит именно в том, что обсуждение ведется на уровне глобальных свойств системы, так сказать обсуждение системы «черного ящика». Подавляющее большинство исследователей не делают попытки проникнуть во внутреннюю архитектуру системы и дать сравнительную оценку специфических свойств ее внутренних механизмов. При таком подходе обсуждаемая система всегда выглядит как нечто гомогенное, в котором клетки одинаковы, все компоненты равноценны и все механизмы равнозначны.

В действительности же дело обстоит совсем наоборот. Функциональная система всегда гетерогенна. Она всегда состоит из определенного количества узловых механизмов, каждый из которых занимает свое собственное место и является специфическим для всего процесса формирования функциональной системы. Становится очевидным, что, не вскрыв этих своеобразных механизмов, составляющих внутреннюю операциональную архитектуру системы, мы не приблизимся к самой решающей цели системного подхода вообще – обеспечению органического единства в исследовательском процессе системного уровня функционирования с индивидуальной характеристикой каждого дробного элемента или механизма, принимающего участие в этом функционировании (рис. 5).

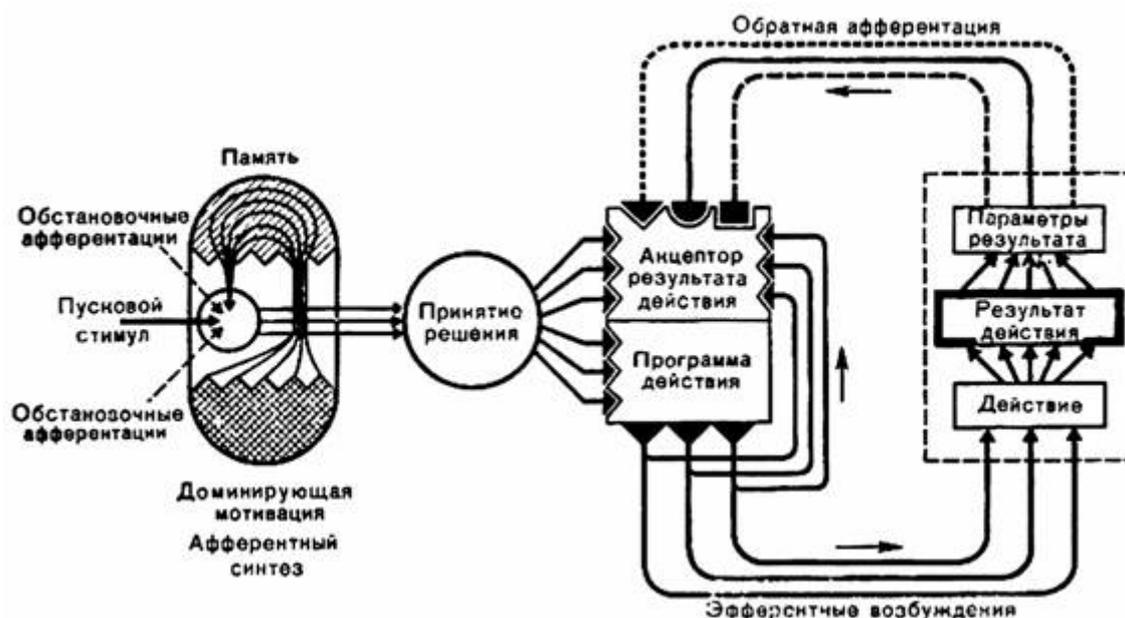

Рис. 5. Общая архитектура функциональной системы, представляющая собой основу «концептуального моста» между уровнями системных и аналитических процессов

Смысл системного подхода состоит именно в том, что элемент или компонент функционирования не должен пониматься как самостоятельное и независимое образование. Он должен пониматься как элемент, чьи оставшиеся степени свободы подчинены общему плану функционирования системы, направляемому получением полезного результата. Компонент должен быть органическим звеном в весьма обширной кооперации с другими компонентами системы. Естественно, что это правило относится к любому компоненту любой подсистемы, как бы элементарна она ни была.

Одним из существенных и даже, пожалуй, решающих отличий теории функциональной системы от всех предлагаемых к обсуждению системных моделей является наличие в ней четко отработанной внутренней операциональной архитектоники. Такая внутренняя архитектура, выраженная в физиологических понятиях, является непосредственным инструментом для практического применения функциональной системы в исследовательской работе, если даже она касается молекулярного уровня исследуемого объекта.

Практически система может стать методологическим принципом исследования и перебросить концептуальный мост от синтетических обобщений к аналитическим деталям только в том случае, если она будет иметь четко очерченную, физиологически достоверную и логически оправданную внутреннюю архитектуру.

Внутренняя архитектура функциональной системы выражает собой дальнейшее развитие идеи взаимодействия компонентов системы, она раскрывает ее топкие механизмы, при помощи которых компоненты системы освобождаются от избыточных степеней свободы, чтобы установить взаимосвязь с другими компонентами на основе императивного влияния результата на всю систему.

В одной из своих работ Эшби очень разумно говорит о том, что сама множественность компонентов системы и их потенциально безграничное взаимодействие должны быть упрощены в соответствии с требованиями анализа, поскольку, как мы видели на примере с площадкой с 400 лампочками, совершенно невозможно эффективно анализировать хаотические «взаимодействия» этого множества. Именно это обстоятельство заставило его говорить об упрощении и об «улучшенной логике механизма». Он выразился даже еще более радикально, говоря, что «теория систем должна строиться на методах упрощения и что она представляет собой науку упрощения» (Эшби, 1962).

Однако опять-таки он не указывает самого важного: на основе какого же критерия должна быть построена «логика механизма» и должно быть произведено «упрощение множества». Теория функциональной системы решает этот вопрос четко и обоснованно. Центральным критерием

упрощения множеству является результат системы, который, как мы видели, предъявляет решающие требования к определенным степеням свободы компонентов системы. С точки зрения теории функциональной системы, «улучшенная логика механизма» есть не что иное, как внутренняя операциональная архитектура системы, отвечающая на все требования тончайшего физиологического анализа механизмов системы до молекулярного уровня включительно.

Ниже мы приводим узловые специфические механизмы, представляющие собой внутреннюю архитектуру системы и вместе с тем обеспечивающие объединение в одной исходной концепции и высшего синтеза и тончайшего анализа.

АФФЕРЕНТНЫЙ СИНТЕЗ

Как мы уже установили в начале раздела, для функциональной системы характерно то, что вопрос, какой результат должен быть получен, решается внутри системы и на основе ее закономерных механизмов. Это обстоятельство радикально отличает биосистему от самых сложных машинных устройств автоматической регуляции. Практически для всех машин цель поставлена за пределами машины и для нее допускается лишь некоторая способность самоорганизации в процессе получения запрограммированного не ею результата. Биосистема даже очень простой иерархии сама, на основе своих внутренних процессов, принимает решение о том, какой результат нужен в данный момент ее приспособительной деятельности. Вопрос этот решается именно в стадии афферентного синтеза.

Поскольку этот процесс много раз описывался нами в различных публикациях, мы дадим здесь лишь краткую формулировку его особенностей. Прежде всего вопрос о его составе. Какие именно афференты синтезируются в этой стадии?

Мы предложили четыре решающих компонента афферентного синтеза, которые должны быть подвергнуты одновременной обработке с одновременным взаимодействием на уровне отдельных нейронов: доминирующая на данный момент мотивация, обстановочная афферентация, также соответствующая данному моменту пусковая афферентация и, наконец, память (рис. 6).

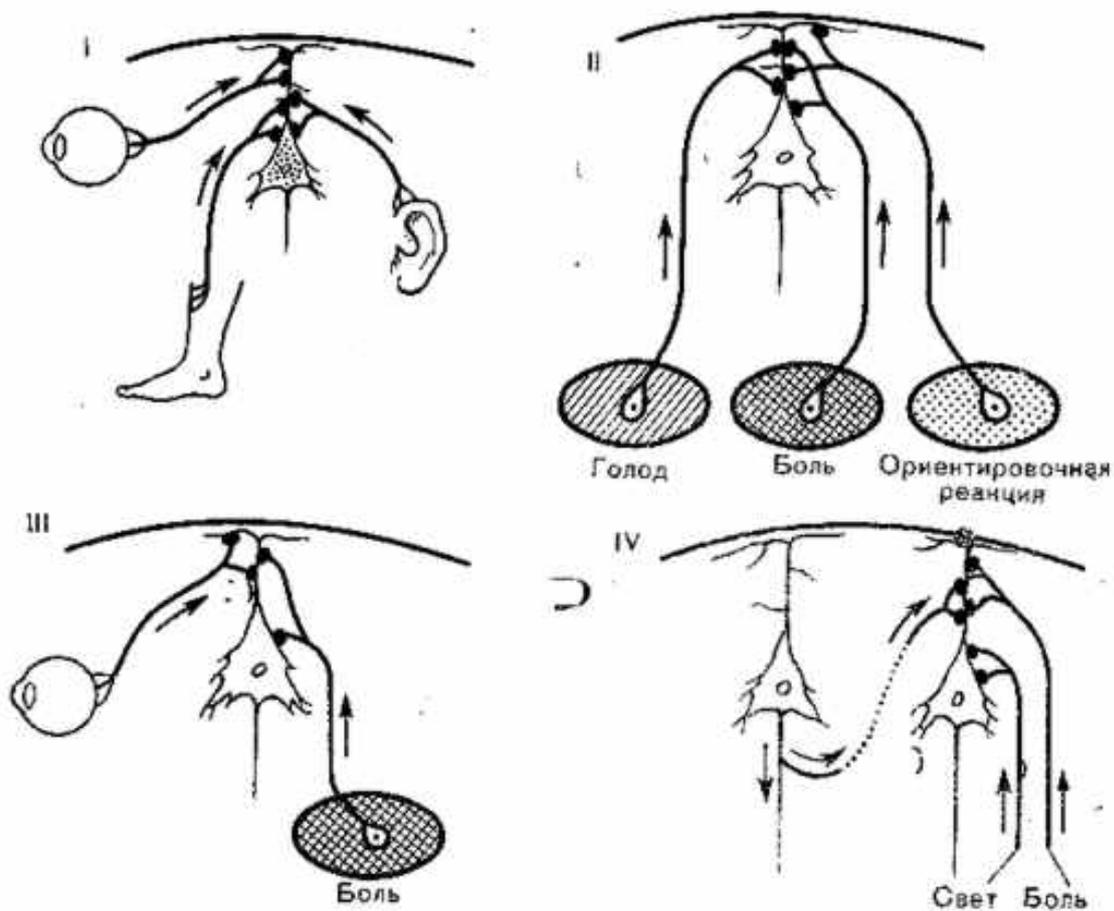

Рис. 6. *Различные типы конвергенции возбуждений на одном и том же нейроне*

I – мультисенсорная конвергенция – встреча возбуждений от различных рецепторных поверхностей; II – мультибиологическая конвергенция – возможность конвергенции от различных биологических состояний, например голода, боли, ориентировочно-исследовательской реакции; III – сенсорнобиологическая конвергенция, благодаря которой различные сенсорные возбуждения имеют возможность вступать в контакт с биологическими состояниями организма, широко генерализованными по огромному количеству корковых и подкорковых нейронов; IV – аксонально-сенсорно-биологическая конвергенция, благодаря которой на одном и том же нейроне или на комплексе нейронов создается возможность встречи не только сенсорных, биологических, интрацентральных возбуждений, но и тех возбуждений, которые выходят на конечный нейрон в виде эфферентных. Эти возбуждения отходят по коллатеральным ответвлениям от основного аксона. Такая конвергенция возбуждений с полифункциональным содержанием представляет собой подлинный интегративный блок.

Основным условием афферентного синтеза является одновременная встреча всех четырех участников этой стадии функциональной системы. Микроэлектродный и микрохимический анализы и другие формы аналитического исследования нейрона в момент встречи на нем всех упомянутых выше типов возбуждений показали, что этот процесс поддерживается и облегчается рядом динамических процессов нервной

системы. К ним относятся прежде всего восходящая активация, вызванная ориентировочно-исследовательской реакцией, как правило, сопутствующая афферентному синтезу и предшествующая принятию решения, процесс корково-подкорковой реверберации и процесс центробежного повышения возбудимости вовлеченных в афферентный синтез рецепторов.

Своеобразие состоит в том, что этот синтетический процесс, если его отнести к масштабам нейрона, совершается на основе центральной закономерности интегративной деятельности мозга, именно на основе конвергенции возбуждений на одном и том же нейроне. Основным условием афферентного синтеза является одновременная встреча всех четырех участников этой стадии функциональной системы.

Нам хотелось бы обратить внимание на следующее: одновременность обработки всех четырех типов возбуждений в стадии афферентного синтеза основана на том, что каждый из них приобретает свои особенные физиологические свойства именно в процессе симультанной обработки. Именно здесь происходит освобождение нейрона от избыточных степеней свободы благодаря приходу к нему именно тех, а не других возбуждений.

В связи с этим уместно отметить, что существующая в нейрофизиологии тенденция изучать и рассматривать такие компоненты афферентного синтеза, как мотивация, память, стимул и т. п., в качестве отдельных, самодовлеющих проблем неверна и малоэффективна.

Возьмем, например, проблему памяти. Взятая в отдельности, сама по себе, как самодовлеющая проблема, она уже показала, что может повести мысль исследователя совершенно в другую сторону. Действительно, в каком аспекте сейчас развивается проблема памяти? Подавляющее большинство исследователей проблемы памяти все внимание сосредоточивают на моменте фиксации пережитого опыта живой системы. Это, несомненно, важная сторона памяти, но совсем по-другому выглядит весь вопрос о ней, как только мы будем ее рассматривать как один из компонентов, органически включенных в проблему принятия решения. Здесь сразу же центр событий перемещается с фиксации опыта на динамическое извлечение этого опыта из молекулярных агрегатов большой системы.

Этот процесс извлечения из памяти является еще более поразительным, если вспомнить, с какой легкостью он ежесекундно и безошибочно помогает принять нужное решение в конце афферентного синтеза. Обратим внимание, с какой легкостью мы извлекаем из памяти самые тончайшие нюансы нашей мысли, разговора и всего того, что было накоплено за всю нашу жизнь. Совершенно очевидно, что эта чудесная способность памяти быть готовой ежесекундно отдать то, что было накоплено за много лет и что требуется в данной стадии афферентного синтеза, не может быть изучена иначе, как на основе полного контакта и взаимодействия всех четырех компонентов афферентного синтеза.

Значительное облегчение при решении проблемы афферентного синтеза нам принесла разработка концепции об интегративной деятельности нейрона. Она дала возможность сформулировать положение, на основе которого строится динамическое участие памяти в афферентном синтезе: извлечение прошлого опыта из памяти происходит по той же нейрохимической трассе, по которой он был зафиксирован в момент приобретения опыта (П.К. Анохин, 1974).

Таким образом, афферентный синтез, приводящий организм к решению вопроса, какой именно результат должен быть получен в данный момент, обеспечивает постановку цели, достижению которой и будет посвящена вся дальнейшая логика системы.

Нетрудно видеть, что афферентный синтез, являющийся абсолютно необходимым этапом формирования функциональной системы, содержит все необходимое для постановки цели, которая так долго пугала исследователя-материалиста и так долго находилась в безраздельном владении идеализма.

Все детали афферентного синтеза в нашей лаборатории изучаются на протяжении многих лет с помощью экспериментально-физиологических методик. Так, например, неразделимое единство пусковой и обстановочной афферентации было показано на основе опытов с экстирпацией лобных отделов коры собаки и последующим изучением реакции выбора на различные условные раздражители (А.И. Шумилина).

В последнее время были подробно изучены различные виды восходящих активирующих влияний, которые своеобразно помогают афферентному синтезу. Здесь прежде всего надо указать на чрезвычайное увеличение дискриминационной способности коркового нейрона к частоте импульсаций под влиянием «мотивационных» раздражений гипоталамуса (С.Н. Хаютин, 1971). Другой важный механизм, выявляющийся при раздражении лимбической системы, – это перевод нейронов из категории мономодальных в мультиконвергентную категорию (В.А. Макаров, 1970). Легко видеть, что уже только эти два механизма могут значительно повысить информационную емкость нейрона и, следовательно, вместе с другими описанными выше механизмами сделать особенно эффективной стадию афферентного синтеза. К разряду механизмов, облегчающих афферентный синтез, надо отнести также детекторные свойства периферических рецепторов и побочное вытормаживание «шумовых процессов» при прохождении афферентной информации по центральной нервной системе.

Особенно подробно (до микроэлектродной и до микрохимической методик включительно) была изучена роль доминирующей мотивации в установлении синтетических взаимодействий в этой стадии на поверхности одиночного нейрона. Само собой разумеется, что возможность такого тонкого анализа отдельных процессов, составляющих систему, появилась

только тогда, когда была выработана «улучшенная логика механизма», т. е. внутренняя операциональная архитектура системы.

В управленческом деле, как и в биологических системах, также следует поставить вопрос, какой результат должен быть получен системой. Иначе говоря, совокупность всех предварительных расчетов и соображений должна составить (например, в торговом деле) основу афферентного синтеза, приводящего к решению и выбору действия с наилучшим результатом. Так, например, Ханике (1969), касаясь проблемы управления, пишет: «Цель заключается в том, чтобы обеспечить принятие решений на основе систематического анализа».

Насколько отчетливо именно в проблеме управления предприятиями встают вопросы о необходимости афферентного синтеза, совершенно схожие с биологическими проблемами, видно из того удивительного совпадения, которое получилось в аргументации Ханике и нашей собственной по поводу роли афферентного синтеза.

Для выявления наличия широкого афферентного синтеза у человека перед принятием решения рассмотрим пример, когда пешеход переходит улицу. Перед тем как принять решение о переходе, человек должен тщательно оценить довольно большое количество компонентов этого афферентного синтеза (число машин, скорость движения, ширину улицы, свои силы и др.). Аргументируя наличие этой стадии в системной деятельности человека, Ханике также приводит именно этот пример, перечисляя все параметры, которые должны быть учтены для принятия решения о переходе.

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ

Принятие решения – один из самых интересных моментов в развертывании системных процессов. Тот факт, что само понятие принятия решения долгое время изгонялось так называемой чистой наукой из области научных исследований, – лучшее доказательство того, что оно происходит на основе весьма комплексных процессов мозга.

В настоящее время, как видно из предыдущего изложения, теория функциональной системы сделала «принятие решения» полноценным участником объективного процесса формирования системы, критического процесса, благодаря которому афферентная оценка всех условий завершается доступным исследованию механизмом. Афферентный синтез, подчиняясь доминирующей в данный момент мотивации и под коррекцией памяти, ведет такой подбор возможных степеней свободы, при котором возбуждения избирательно направляются к мышцам, совершающим нужное действие.

Возникает весьма существенный для всей нашей концепции вопрос, когда и как происходит принятие решения о получении именно того, а не другого результата.

Последние данные сотрудников нашей лаборатории (А.И. Шумилина, В.Б. Швырков) заставляют думать, что оценка возможных результатов при данной доминирующей мотивации происходит уже в стадии афферентного синтеза. Однако эти результаты не получаются реально, а следовательно, их оценка происходит при помощи какого-то пока не изученного нами механизма. То же, что происходит в «принятии решения», является уже результатом выбора на основе длительной оценки различных, внутренне (!) формирующихся результатов.

Иначе говоря, любое принятие решения, после того как закончится афферентный синтез, является выбором наиболее подходящих степеней свободы в тех компонентах, которые должны составить рабочую часть системы. В свою очередь эти оставшиеся степени свободы дают возможность экономно осуществить именно то действие, которое должно привести к запрограммированному результату.

Как происходит это освобождение от избыточных степеней свободы? Почему момент принятия решения часто имеет характер внезапной интуиции?

В настоящее время мы еще не можем ответить на эти вопросы, но выработанный подход к ним дает полную гарантию того, что принятие решения в биологических системах с большой и малой иерархией является вполне анализируемым и доступным для объективной науки феноменом.

Прежние опыты А.И. Шумилиной, которая производила удаление лобных отделов у собаки, находящейся в условиях активного выбора одной из сторон станка, убедительно показали, что в этот момент, т. е. в момент принятия решения, вся обрабатываемая информация интегрируется именно в области лобных отделов, откуда и идет команда к подбору наиболее оптимальных аппаратов поведения.

Интересно отметить, что, являясь наиболее требовательным к объему афферентной информации, процесс принятия решения страдает в первую очередь после различных вмешательств в центральную нервную систему. Весьма доказательной иллюстрацией являются результаты опытов Gamberyan (1971). Разрушая некоторые подкорковые аппараты (бледное тело и др.), он нашел, что прежде всего длительно страдает активный выбор стороны станка, на которой должно быть сделано пищевое подкрепление. Наоборот, казалось бы, более сложный «произвольный акт» – нажатие педали для подачи корма – остается неразрушенным или мало пострадавшим.

Попытаемся понять сам момент принятия вполне определенного решения с точки зрения общепсихологических закономерностей. Его механизмы станут ясными, если мы представим себе на минуту, какое количество возможных действий может сделать человек, употребляя хотя бы только один мышечный аппарат. Мы уже знаем, что вся афферентная часть организма должна обладать свойством экстренной мобилизуемости. Малейшего изменения в распределении мышечных усилий достаточно для

того, чтобы было произведено вполне целенаправленное движение конечности или целого организма.

Принципиально таких возможностей движения у организма существует необозримое множество – вероятно, не меньше, чем количества комбинаций взаимодействия на площадке с 400 лампочками. Вместе с тем мы знаем, что в каждом отдельном случае, в соответствии с принятым решением, возбуждения выходят на совершенно определенные мышечные группы. Иначе говоря, происходит очень быстрое отбрасывание всех тех степеней свободы в наших движениях, которые не соответствовали бы принятому решению. Таким образом, сама проблема реализации принятого решения в физиологическом плане должна объяснить два важных вопроса:

1. Какие механизмы производят отбор нужных в данный момент степеней свободы и вытормаживают все те степени свободы на моторных нейронах и мышечных аппаратах, которые не имеют отношения к получению данного результата.

2. Где может быть преимущественная локализация этого в высшей степени конденсированного процесса, который одновременно обрабатывает на основе доминирующей мотивации всю прошедшую в мозг афферентную информацию, производит непрерывное сопоставление этих результатов с прошлым опытом и, наконец, переводит результаты этой обработки на эфферентные пути, точно соответствующие распределению возбуждений для совершения нужного акта, обеспечивающего получение нужных результатов?

С постановкой этих двух вопросов мы переходим в область, абсолютно новую для нейрофизиологии и потому, естественно, совсем не разработанную. Насколько интересны те новые вопросы исследования, которые при этом возникают, показывает, например, роль доминирующей мотивации в отборе необходимой в данный момент афферентной информации на уровне коры, на ее нейронах.

Микрофизиологическое исследование нейронов вентро-медиального гипоталамуса показало, что уровень их возбудимости зависит от начального возбуждения латерального ядра гипоталамуса «голодной кровью». Дозируя это возбуждение в натуральных условиях сроками голодания (1–4 дня), мы показали, что количество доминирующего возбуждения меняется на соответствующих синапсах корковых нейронов и в связи с этим значительно меняется интегрирующее влияние доминирующей мотивации на соотношение других синаптических возбуждений данных кортикальных нейронов. Эти исследования дают нам лишнее доказательство того, что системный подход радикально влияет на постановку вопроса каждого конкретного исследования.

Есть основание предполагать, что этот механизм сосредоточен в наиболее интегрирующих и компактных структурах головного мозга. Однако вопрос физиологической интерпретации принятия решения,

возникший благодаря системному подходу к предмету, должен быть фактически разработан заново.

ФОРМИРОВАНИЕ АКЦЕПТОРА РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЙСТВИЯ

Аппарат акцептора результатов действия – один из самых интересных в деятельности мозга и практически так же универсален и «вездесущ», как обратная афферентация и афферентный синтез. Формирование этого механизма нарушает устоявшееся представление о поступательном ходе возбуждений по центральной нервной системе согласно рефлекторному процессу. Акцептор результатов действия на основе многостороннего механизма афферентного синтеза не является выражением последовательного развития всей цепи явлений поведенческого акта. Он «предвосхищает» афферентные свойства того результата, который должен быть получен в соответствии с принятым решением, и, следовательно, опережает ход событий в отношениях между организмом и внешним миром.

Акцептор результатов действия является весьма сложным аппаратом. По сути дела он должен сформировать какие-то тонкие нервные механизмы, которые позволяют не только прогнозировать признаки необходимого в данный момент результата, но и сличать их с параметрами реального результата, информация о которых приходит к акцептору результатов действия благодаря обратной афферентации. Именно этот аппарат дает единственную возможность организму исправить ошибку поведения или довести несовершенные поведенческие акты до совершенных. Здесь следует также подчеркнуть, что различного рода «поиски» и компенсации также могут повести к полезному результату через такого рода оценку обратной афферентации. Циркуляторное развитие этих возбуждений при «узнавании» и «поиске» может быть столь быстрым, что каждый блок этой функции, состоящей из компонентов: результат – обратная афферентация – сличение и оценка реальных результатов в акцепторе результатов действия – коррекция – новый результат и т. д., может развиваться буквально в доли секунды.

Особенно быстро этот процесс протекает в условиях «сканирования» и «слежения». Факт организации этого аппарата непосредственно после принятия решения был доказан в нашей и других лабораториях как в обычном эксперименте с условными рефлексам, так и при помощи тонких электрофизиологических приемов.

Возможно, сам момент встречи опережающего комплекса возбуждений с информацией о реально полученных результатах происходит на основе каких-то весьма тонких признаков возбуждения вообще, допускающих количественное и композиционное сличения.

Одна из интересных форм сличения в акцепторе результатов действия, хотя ее автор и не был знаком с общей архитектурой

функциональной системы, была недавно представлена японским ученым Suga (1964).

Он изучал получение обратного, отраженного от объекта сигнала при ультразвуковой локации у летучих мышей. Оказалось, что при посылке ультразвукового поискового сигнала в пространство в мозге летучей мыши формируется комплекс из возбужденных клеток с различными латентными периодами, периодом торможения и частотной конфигурацией. Именно эти комплексы в зависимости от фазы, в которой происходит встреча их с отраженным от объекта ультразвуковым сигналом, решают вопрос о расстоянии, на котором находится преследуемый объект.

Конечно, этот аппарат оценки результата действия сравнительно простой, но он подсказывает нам, какими возможностями и параметрами нервного возбуждения решает проблему сличения. В более сложных формах результата, например при очинке карандаша, этот аппарат, включающий несколько сенсорных компонентов, является, несомненно, более сложным. Наши последние исследования по составу акцептора результатов действия как комплекса разнородных возбуждений показали, что эти средства сличения могут быть очень различны.

Что может входить в состав этого аппарата? Совершенно очевидно, что существенные признаки будущего результата динамически формируются благодаря многосторонним процессам афферентного синтеза с извлечением из памяти прошлого жизненного опыта и его результата.

Некоторые последние данные заставляют, однако, думать, что в стадии афферентного синтеза складывается несколько возможных результатов, но они не выходят на эфферентные пути и поэтому не реализуются. Решение же совершается после того, как произведен выбор наиболее адекватного результата по отношению к данной доминирующей мотивации.

Этот комплекс возбуждений – в подлинном смысле слова афферентная модель будущего результата, и именно эта модель, являясь эталоном оценки обратных афферентаций, должна направлять активность человека и животных вплоть до получения запрограммированного результата.

В последнее время были получены дополнительные сведения о том, что в этот нервный комплекс, обладающий высокой степенью мультиконвергентного взаимодействия, приходит еще одно возбуждение, совершенно иной, не афферентной, а уже эфферентной природы. Речь идет о коллатеральных ответвлениях пирамидного тракта, отводящих ко многим межучасточным нейронам «копии» тех эфферентных посылок, которые выходят на пирамидный тракт. Интересно, что эти эфферентные возбуждения конвергируют на те же межучасточные нейроны сенсомоторной области, куда поступают и все те афферентные возбуждения, которые могут составить параметры реального результата.

Таким образом, момент принятия решения и начала выхода рабочих эфферентных возбуждений из мозга сопровождается формированием обширного комплекса возбуждений, состоящего из афферентных признаков будущего результата и из коллатеральной копии эфферентных возбуждений, вышедших на периферию по пирамидному тракту к рабочим аппаратам. В зависимости от интервала между постановкой цели и ее реализацией к этому же комплексу возбуждений через определенное время приходят возбуждения и от реальных параметров полученного результата. Самый процесс оценки полученного реального результата осуществляется из сличения прогнозируемых параметров и параметров реально полученного результата. Именно здесь, в этом пункте, осуществляется таинство оценки полученного результата, которое, как мы видели на примере с летучей мышью, производится специальным динамически формирующимся аппаратом. Оценка же и ее результат определяют дальнейшее поведение организма. Если результат соответствует прогнозируемому, то организм переходит к следующему этапу поведенческого континуума.

Если же результат не соответствует прогнозу, то в аппарате сличения возникает рассогласование, активирующее ориентировочно-исследовательскую реакцию, которая, поднимая ассоциативные возможности мозга на высокий уровень, тем самым помогает активному подбору дополнительной информации. Все эти процессы поведения акцептора действия достаточно хорошо изучены в нашей лаборатории.

Так, например, было показано, что в момент выхода из коры головного мозга пирамидное возбуждение отдает копию эфферентного возбуждения не только в комплексы оценки результата, т. е. в кору мозга, но и в ретикулярную формацию. Ретикулярная формация в обратном кортикопетальном направлении имеет возможность оказать дополнительное энергетическое воздействие на те циркулярные возбуждения («круги ожидания»), которые должны удерживать свою активность до момента прихода информации о получении полезного результата. Как мы знаем, в некоторых случаях комплекс акцептора результатов действия должен очень долго быть в напряженном состоянии, прежде чем будет получен реальный запрограммированный результат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большая часть раздела посвящена тем разграничительным линиям, которые отделяют общее движение за системный подход от разработанной в нашей лаборатории теории функциональной системы, имеющей и иное начало, и иной путь отработки принципиальных позиций и понятий.

В одной из своих работ Берталанфи пишет, что идея «организменного», или «целостного», подхода родилась у него очень рано, кажется, в 1937 г., однако интеллектуальный климат того времени не был подходящим для восприятия «организменной» идеи, которую он предложил. Действительно, интеллектуальный климат того времени был

воспитан на подражании законам физики и механики, и потому считалось научным только то, что могло быть переведено на принципы этих наук.

И только в 1950 г. Бергаланфи решился сделать официальные шаги в защиту своей идеи, ибо в это время, т. е. в послевоенные годы, резко изменился сам интеллектуальный климат. Весьма быстро и настоятельно проявился интерес к абстрактным формулам, моделям, синтетическим понятиям и вообще к интердисциплинарным взаимоотношениям между учеными, и только в этот период стало возможным говорить об общей теории систем.

Теория функциональной системы претерпела также немало изменений с момента ее первой формулировки, однако условия ее возникновения и самые первые шаги в ее развитии принципиально отличались от путей развития общей теории систем. Как концепция она зародилась примерно в 1932–1933 гг. и была сформулирована в достаточно развитой форме уже в 1935 г. в сборнике «Проблема центра и периферии в физиологии нервной деятельности».

Однако в первых же формулировках функциональная система как интегративное образование организма включала все те компоненты, которые характерны для нее и сейчас, в том числе и обратную, или санкционирующую, афферентацию. В отличие от общей теории систем, которая до сих пор пребывает в стадии исканий конкретных и полезных путей, теория функциональной системы в первые же годы после ее формулировки явилась для нашей лаборатории толчком к бурному развитию именно конкретной исследовательской работы, которая нашла в функциональной системе совершенно очевидный конструктивный стимул к формулировке новых задач исследования.

Эта особенность теории функциональной системы как конкретной конструктивной теории резко отличает ее от судьбы общей теории систем, которая даже к настоящему времени практически еще не имеет связи с конкретной исследовательской работой.

Достаточно указать, что уже в 1937 г. была опубликована кардинальная для наших исследований работа «функциональная система как основа интеграции нервных процессов в эмбриогенезе». Фактически это была зарождением той эволюционной концепции, которая в 1945 г. была сформулирована как теория системогенеза.

Очень часто задают вопрос, к каким принципиальным обобщениям привели исследования, проведенные на основе теории функциональной системы. Системогенез может служить самым демонстративным примером конструктивной продуктивности теории функциональной системы как методологического инструмента, помогающего поставить новые проблемы.

Системогенез приводит к существенным изменениям имевшихся представлений о путях эмбрионального развития. Это стало возможным только потому, что теория функциональной системы оказалась конструктивным принципом, подсказывающим положительно в каждой

области новый подход, новые трактовки и новые формы экспериментирования. Мы не можем здесь перечислять все те направления исследований в различных областях биологии и физиологии, которые получили совершенно новое освещение при использовании теории функциональной системы как рабочего принципа в исследовании.

Казалось бы, общая теория систем в соответствии с ее весьма радикальными и даже эволюционными стремлениями в борьбе с механистическим анализмом должна была бы вызвать немедленное преобразование самой логики научного исследования и, несомненно, приобрести всеобщую симпатию реально мыслящих ученых. Почему же этого не случилось?

В этом разделе мы пытались выявить причины этого парадоксального явления. Нам кажется, ясным, что имеются две причины того ничтожного результата, который был получен при обсуждении «общей теории систем».

Первая состоит в том, что авторы ее пошли по неправильному пути как в поисках понятия системы, так и в общей тактике ее разработки.

Как можно было видеть, при всякой попытке сформулировать само понятие системы, т. е. дать принципиальное кредо этому новому интересному направлению, положительно все исследователи попадают в заколдованный круг традиционных понятий. Здесь непрерывно цитируются «целостность», «организованность», «взаимодействия», «организованная сложность», «упорядоченное множество» и другие подобные термины, которые становятся даже центральными критериями понятия системы.

Ясно, что все эти термины по самой своей сути являются лишь вариациями понятия целостности. Именно поэтому, не выходя за пределы понятийного поля целостности, все эти определения не дают какого-либо существенного скачка как в понимании системы, так и в ее разработке.

Между тем главный смысл системного подхода состоит именно в том, что любая деталь наблюдения или экспериментирования должна быть неизбежно вписана в какой-то из узловых механизмов внутренней архитектоники системы. Практически никакая новая научная тема не могла бы быть сформулирована вне конкретной внутренней архитектоники системы, где эта тема только и может получить широкий познавательный смысл. Точно так же и трактовка полученных результатов даст наибольший эффект, если она будет построена на основе системных механизмов.

Вторая причина состоит в том, что интеллектуальный климат для принятия системного воззрения действительно изменился. Однако подавляющее большинство ученых с большим трудом отказываются от устоявшихся традиций рассматривать все научное накопление в аналитическом аспекте. Такой переход – не простая перемена названий и выражений, как поначалу думали некоторые исследователи; он требует радикального изменения самих принципов подхода к элементарным процессам и общей тактике исследования.

Действительно, для исследователя, имеющего в руках теорию функциональной системы как методологический инструмент экспериментирования, не может быть «возбуждения вообще», «афферентации вообще», «мотивации вообще» и даже «памяти вообще». Конструктивная роль этих привычных понятий выявляется благодаря их положению в том или ином качественно своеобразном механизме внутренней архитектоники функциональной системы.

Возьмем для примера зрительную афферентацию. Она обычно определяется как сенсорная модальность, и с точки зрения этой аналитической характеристики специфической чертой этой афферентации будет именно ее оптический характер. Но так ли обстоит дело, если оценивать зрительную афферентацию по ее месту в архитектонике функциональной системы?

Зрительная афферентация может быть «пусковой афферентацией», как это, например, наблюдается в случае условного зрительного стимула. Но та же зрительная афферентация в других условиях может составлять и обстановочную афферентацию, определяющую совсем другой механизм системы – предпусковую интеграцию нервных процессов.

И даже больше того, зрительная афферентация может иметь еще третью и совершенно иную функциональную значимость: она может участвовать в оценке полученного системой результата. Таким образом, сформулировав внутреннюю операциональную архитектуру системы, мы тем самым изменили подход к привычным для нас физиологическим понятиям и процессам.

Еще более заметной становится роль функциональной системы, когда надо, так сказать, «анатомировать» какое-то сложное явление в работе мозга животных или человека. Так, например, оценка изменения психической деятельности человека после операции на мозге производится обычно при помощи стандартных тестов, а в последние годы – при помощи оценки различных электрофизиологических показателей в работе мозга (ЭЭГ, вызванного потенциала, активности нейронов).

Функциональная система вносит определенный порядок и логическую последовательность в эту оценку. Можно задать вопрос, изменился ли афферентный синтез у данного больного при выработке определенного решения? Если он изменился, то больной не может принять адекватного решения. Тогда сейчас же возникает следующий вопрос: какой из компонентов и какой из нейродинамических процессов, определяющих успех афферентного синтеза, является нарушенным? Но мы знаем, что может оказаться ненарушенным ни один из компонентов афферентного синтеза и больной принимает вполне адекватное решение и выполняет соответствующее движение. Однако у этих больных может быть нарушен очень важный завершающий механизм системы: оценка результатов действия в акцепторе результатов действия. В этом случае мы видим, что, правильно выполняя инструкцию, больной не может остановиться на

правильно выполненном результате и продолжает его «выполнять» повторно. Физиологически это значит, что больной не может оборвать действие при правильно полученном результате только потому, что аппарат сличения и, следовательно, торможения дальнейшего повторения оказывается неполноценным (систематические исследования А.Р. Лурия).

Можно назвать многие другие области научного знания, которые получили с применением теории функциональной системы иное и более конструктивное решение, чем при обычном подходе. Так, например, в корне изменилась расшифровка компенсаторного процесса при восстановлении нарушенных функций, более глубоко понят генез гипертензивных состояний вообще и, в частности, гипертонической болезни, изменилась расшифровка понятий заболевания и выздоровления и т. д. Практически все формы нарушений и нормальные функции организма значительно более легко расшифровываются с точки зрения теории функциональной системы, чем при обычном подходе. И здесь, конечно, на первом плане стоит расшифровка самого поведения животного и человека. Каждый поведенческий акт, приносящий какой-то результат, большой или малый, неизбежно формируется по принципу функциональной системы.

И, наконец, решительно изменилось понимание онтогенетического развития функций и механизмов отбора на протяжении филогенеза.

Приведенные выше примеры являются далеко не единственными, и практический успех во всех этих случаях делает особенно необходимой глубокую разработку теоретических основ функциональной системы.

Обратимся к вопросу о развитии системного подхода в Советском Союзе. Нам кажется, что попытки популяризировать системный подход как новую форму трактовки и вообще подхода к научным фактам весьма полезны. Мы должны вооружить нашу научно-исследовательскую молодежь этим методом и дать ей возможность работать в ускоренном темпе, с более рациональным исходом. Однако надо отметить, что публикации последнего года, относящиеся к этой проблеме, весьма мало сдвигают проблему системного подхода именно в сторону конструктивных методов исследования. Виной этому, повторим, излишнее теоретизирование конкретных биологических, машинных или общественных систем.

Общая теория систем может быть интересна исследователям в области конкретных наук только в одном плане, именно в обогащении приемов и подходов к конкретному научному исследованию. В познавательном же отношении максимальный интерес и максимальное внимание должны заслужить те концепции, гипотезы и теории, которые показали совершенно очевидный конструктивный эффект.

Можно только вкратце отметить важнейшие обобщения, которые нами были разработаны с помощью общей теории функциональных систем, обобщения, которые не могли быть получены иначе. Прежде всего это – концепция системогенеза, которая сейчас помогла понять основной закон

эмбрионального созревания функций, обеспечивающих выживание новорожденного (П.К. Анохин, 1937, 1948, 1964, 1968).

Концепция системогенеза по своей сути вступает в противоречие с общепринятым понятием органогенеза и дает реальное объяснение многому, что не находило до этого достаточно четкой расшифровки. Многочисленные работы наших сотрудников, начиная с 1932 г., охватывают эмбриогенез животных самых разнообразных видов, включая и изучение живых плодов (рыб, амфибий, птиц, млекопитающих, человека) (Я.А. Милягин, К.В. Шулейкина, Е.Л. Голубева и др.).

Особенно интересно подчеркнуть, что приложение новой концепции – системогенезе – к онтогенетическому развитию животных разных видов дало возможность по-новому подойти к некоторым нерешенным проблемам теории естественного отбора и «биогенетического закона» Мюллера – Геккеля (Ф.А. Ата-Мурадова, 1970). Эта широкая перспектива приложения системогенеза к раскрытию некоторых сторон фундаментальных проблем биологии сделала данную концепцию одним из отправных пунктов для построения теоретической биологии (П.К. Анохин, 1970).

Однако все сказанное выше о системогенезе касается целиком той стадии созревания плода, когда отдельные фрагменты функциональной системы (мышцы, нервные центры, кости и др.) закладываются отдельно и развиваются, так сказать, навстречу друг другу до момента их функциональной консолидации. Последняя обычно происходит за несколько дней или недель до рождения, и к моменту рождения система готова функционировать и обеспечить новорожденному выживание.

Рано или поздно должен возникнуть вопрос о том, какие факторы в раннем эмбриогенезе направляют возникновение и развитие так гармонически сочетающихся впоследствии компонентов системы. Этот вопрос подвел нас вплотную к закономерностям общей генетики, ибо только она может помочь решить кардинальный вопрос развития: как закодированы функциональные системы в геномных организациях и какой фактор в дальнейшем дирижирует таким синхронным объединением всех компонентов функциональной системы (гетерохрония в закладках компонентов и синхронность в консолидации к моменту рождения). Для решения этих вопросов в настоящее время мы вступили в рабочий контакт с Институтом общей генетики АН СССР и надеемся, что новый вопрос о генетике конкретных функциональных систем организма будет в какой-то степени освещен.

Другим значительным обобщением, вытекающим из физиологической архитектоники функциональной системы, является формулировка интегративной деятельности нейрона, построенная на совершенно иных основаниях, чем это принято в современной нейрофизиологии.

Эта новая концепция возникла как следствие тонкого анализа механизмов афферентного синтеза, являющегося аванпостным узловым механизмом в развертывании функциональной системы.

В самом деле, суть афферентного синтеза состоит в том, что процессы возбуждения различного функционального смысла и различного пространственного рецепторного происхождения должны быть неминуемо обработаны совместно и часто одновременно.

Возникает критический вопрос, где может быть организована эта «встреча» возбуждений, составляющих афферентный синтез функциональной системы.

Ответ может быть только один: такая встреча может произойти на одном и том же нейроне, сколько бы ни было переключений и обогащений этих возбуждений на пути к коре головного мозга. Отсюда возникла целая серия работ, которая привела вначале к формулировке идеи о гетерохимическом характере субсинаптических образований и новой концепции – представление об интегративной деятельности нейрона (П.К. Анохин, 1974).

Сейчас можно лишь перечислить те новые направления, которые возникли у нас в лаборатории и которые, как правило, повели мысль по новому пути.

Совсем другой аспект возник в объяснении природы вызванного потенциала, и, что особенно важно, он перестал быть только электрическим феноменом с изменяемыми «параметрами»: амплитудой, частотой, длительностью латентного периода и др. Благодаря системному подходу вызванный потенциал стал инструментом нейрофизиологического анализа субкортикальных взаимодействий, а вместе с тем дал возможность сделать оценку восходящих возбуждений этих подкорковых образований (Ф.А. Мурадова).

Можно назвать области физиологии, которые получили от общей теории функциональных систем новое направление и в объяснении и в разработке. Сюда относятся компенсация нарушенных функций, гипертоническая болезнь, эмоциональные стрессы и т. д.

Если к этому прибавить использование теории функциональных систем педагогами, медиками, музыкантами и многими другими специалистами, то можно достаточно уверенно утверждать, что в общей теории функциональных систем были найдены универсальные черты функционирования, изоморфные для огромного количества объектов, относящихся к различным классам явлений.

Это обстоятельство полностью удовлетворяет тем требованиям, которые мы предъявили в самом начале этой статьи к теории систем вообще и общей теории функциональных систем в частности.

СУДАКОВ Костянтин Вікторович

Костянтин Вікторович Судаков народився 6 липня 1932 в Челябінську. З 1974 по 2008 рік очолював Науково-дослідний інститут нормальної фізіології імені П.К. Анохіна РАМН, завідувач кафедру нормальної фізіології Московської медичної академії імені І.М. Сеченова, доктор медичних наук, професор, академік Російської Академії медичних наук.

К.В. Судаков – учень і послідовник академіка П.К. Анохіна. Упродовж більше 40 років розвиває запропоновану П.К. Анохіним загальну теорію функціональних систем. У розвиток теорії функціональних систем Судаков сформулював і обґрунтував новий принцип системного квантування процесів життєдіяльності.

Основні наукові праці Судакова присвячені вивченню системних механізмів цілеспрямованої поведінки – мотивацій людини і тварин, а також емоцій і емоційних стресів. Є автором понад 650 наукових робіт, у тому числі 8 персональних монографій, двох підручників із нормальної фізіології та 17 книг у співавторстві, зокрема: «Системокванти фізіологічних процесів», «Системні механізми емоційного стресу», «Теорія функціональних систем», «Інформаційний феномен життєдіяльності».

Судаков К.В. Потребностно-результативная теория эволюции: роль системоквантов поведения / А.Г. Зусмановский, К.В. Судаков // Вестник Уральской медицинской академической науки. – 2009. – № 1. – С. 92 – 107.

ПОТРЕБНОСТНО-РЕЗУЛЬТАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ: РОЛЬ СИСТЕМОКВАНТОВ ПОВЕДЕНИЯ

Предложенная П.К. Анохиным теория функциональных систем позволила с новых позиций рассмотреть процессы жизнедеятельности и ее эволюционные аспекты.

Функциональные системы – динамические самоорганизующиеся и саморегулирующиеся построения живых организмов, все составляющие центральные и периферические компоненты которых взаимодействуют и взаимосодействуют достижению живыми организмами полезных для их жизнедеятельности приспособительных (адаптивных) результатов.

Полезных приспособительных результатов, строящих различные функциональные системы, множество. Это – удовлетворяющие различные потребности живых существ метаболические, гомеостатические, поведенческие результаты, результаты зоосоциальной деятельности, результаты социальной деятельности человека, наконец – результаты психической деятельности человека и животных. Многообразие адаптивных результатов свидетельствует о множественности в организмах функциональных систем различного уровня организации.

Одни функциональные системы своей деятельностью определяют различные показатели внутренней среды – гомеостазис. Другие – своей

деятельностью обуславливают поведение живых существ, их взаимодействие с окружающей средой и себе подобными. Одни функциональные системы, особенно метаболического и гомеостатического уровня, генетически детерминированы, другие складываются в процессе обучения живых существ по мере формирования и удовлетворения метаболических и, особенно, поведенческих потребностей организма.

Самоорганизация функциональных систем начинается с эмбрионального периода развития плода и продолжается всю жизнь индивидов.

Инициативным фактором формирования функциональных систем всегда выступают биологические (метаболические), а у человека – социальные потребности.

Потребности избирательно охватывают отдельные молекулярные и клеточные образования организма, объединяя их в специфическую деятельность, направленную на удовлетворение исходной потребности. Потребности и возникающие на их основе избирательные возбуждения структур головного мозга – мотивации объединяют хаотически действующие элементы организма в системную организацию, выполняя тем самым системоорганизующую, системооблигующую функцию.

Однако организованные потребностью системы еще не являются функциональными. Только после удовлетворения соответствующих потребностей – достижения полезных приспособительных результатов – складываются функциональные системы...

В развитие теории функциональных систем одним в 1992 году сформулированы представления о том, что динамика работы саморегулирующихся функциональных систем складывается из континуума дискретных, тесно связанных друг с другом отрезков жизнедеятельности – системоквантов – от потребности к ее удовлетворению.

Системокванты проявляются на разных уровнях жизнедеятельности: от одиночных клеток, до целостных организмов и их популяций. Каждый системоквант строится специальной функциональной системой с ее центральной архитектурой, включающей указанные выше последовательно развертывающиеся стадии.

Системокванты, организующие поведение живых существ, объединяют следующие узловые механизмы: исходную потребность, мотивацию, поведение, направленное на удовлетворение исходной потребности, взаимодействие с промежуточными и конечными результатами, удовлетворяющими или, наоборот, препятствующими удовлетворению исходной потребности. Все этапы деятельности в системоквантах непрерывно оцениваются соответствующим акцептором результатов действия с помощью обратной афферентации. В результате этого в системоквантах происходит непрерывная коррекция акцептора результата действия и всей центральной системной архитектуры каждого поведенческого акта.

Представления о системном квантовании поведения оказались очень близкими потребностно-результативной теории эволюции, развиваемой автором.

Уже у предшественников Ч. Дарвина – Э. Дарвина и Ж.-Б. Ламарка просматривается стремление связать эволюцию живых существ с их потребностями. Эволюционные концепции Эразма Дарвина и Ламарка выделяли в качестве главных потребностей организмов – потребности существования и размножения.

Однако Ламарк считал, что ведущим движущим фактором прогрессивной эволюции выступает активность самих организмов, которая обусловлена их жизненной силой и обеспечивает стремление к совершенствованию – «градаций» – главным образом путем упражнений.

По Ламарку, жирафы произошли от предков с короткой шеей. Удлинилась же она у них потому, что в частые засушливые годы при высыхании травы жирафы стремились добывать листья с высоких ветвей деревьев, затрачивая на это усилия. В процессе «упражнений» шея жирафов вытягивалась, и эти последовательные удлинения передавались по наследству.

Ч. Дарвин оказал огромное влияние на всю сферу естественных наук включением в научное мышление парадигмы эволюционизма. Он, безусловно, знал эволюционные концепции своих предшественников, в том числе своего деда. Э. Дарвина и Ж.Б. Ламарка. Тем не менее, по совокупности объективных и субъективных оснований Ч. Дарвин выбрал собственный подход к объяснению механизмов развития организмов.

Объективным фактором концепции Дарвина стала идея – эволюция организмов обусловлена избыточным воспроизводством особей и разнообразием их форм, как материала для отбора тех из них которые лучше вписываются в эволюционирующую среду. Концепция естественного отбора организмов и видов стала фундаментом эволюции.

Согласно эволюционной теории Ч. Дарвина ведущими факторами эволюции являются изменчивость, наследственность и естественный отбор, обусловленный борьбой организмов за существование. <...>

Ч. Дарвин предпочел для объяснения механизма изменчивости – случайность, понимая под этим не абсолютную случайность, а что он постоянно подчеркивал, отсутствие сведений о происхождении признака.

По Дарвину, у предков жирафа шея была разной длины в силу случайных вариаций. Передаваемое по наследству последовательное из поколения в поколение, удлинение шеи поддерживалось естественным отбором. <...>

Выяснилось, что избыточность воспроизводства не является решающим условием прогрессивного развития. Напротив, по мере прогрессивной эволюции и повышения сложности строения воспроизводимость животных снижается, однако это не препятствует им

занимать господствующее положение в природе, уступая его только новым, более эволюционно продвинутым формам.

К концу XX столетия создана научная база для рассмотрения проблемы видообразования на основе неслучайной изменчивости организмов.

Почти все многообразие признаков жизни: самоорганизация, саморегуляция, саморепликация, антинэнтропность и др. характеризуют жизнь не с позиции формы, как ее первичного определения, а с позиции функций, неотъемлемых от понятия жизнь.

При изучении эволюции жизни эволюцию структур и функций следовало бы поставить в один ряд. Но так подучилось, что в центре эволюционных исследований оказались формы. И иначе не могло быть. Учение об эволюции возникло на основе гербариев ботаников и коллекций зоологов и палеонтологов, занимающихся систематикой. Только эти специалисты располагали материальными источниками для выработки тех или других суждений. На такой основе мог сложиться лишь соответствующий тип мышления и учение о первичности формы относительно функции. <...>

Потребностно-результативная теория эволюции

Суть развиваемой теории состоит в том, что ведущим фактором эволюционного развития живых существ является необходимость удовлетворения их потребности – «существовать» в условиях постоянно изменяющейся среды, изыскивая для этого все новые пути и образуя все новые формы и функции.

Потребности выступают в ряде факторов, ответственных за стабильность гомеостаза и целостности организмов, и включены вместе с иницирующими физиологическими функциями в единый потребностно-результативный механизм адаптации и развития. Происходит последовательное развертывание признаков на основе принципа выводимости по схеме «потребность-результат-потребность».

Рассмотрение роли потребностей в эволюционном аспекте потребностно-результативной теории эволюции привело к следующему их определению.

Потребности есть особые, имманентные всем формам живых систем, свойства, информационно отражающие состояние организмов в зависимости от согласованности или рассогласования их жизненных функций между собой и с условиями среды и определяющие целенаправленный характер действий живых существ на основе принципа избирательности. Потребности представляют собою ключевой элемент древнейшего, основанного на принципе обратной связи, информационно-силового регуляторного механизма, целостно развивающегося адекватно эволюции организмов, определяя их порядок направленной самоорганизации, самовоспроизведения и поддержания целостности в процессе упорядоченности внутрисистемных отношений.

Актуализация потребностей относится к категории физиологических актов, информационно отражающих состояние организма вследствие нарушения и даже выпадения какой-либо из его жизненно важной функции по причине отсутствия или недостаточности условий для ее осуществления. Следствием актуализации одной из фундаментальных функций является рассогласование координации физиологических процессов и дестабилизация гомеостаза. Актуализация потребности означает переход организма на режим открытости к внешней среде.

Возникшая в многообразии вариантов форм, в силу колоссального потенциала размножения и изменчивости организмов жизнь чрезвычайно быстро осваивала сферы Земли и изменяла их по многим параметрам. В результате предковые формы организмов оставляли потомкам измененную среду обитания, вынуждая их искать все новые способы удовлетворения жизненных потребностей, изменяться самим и вносить свою лепту в изменение биосферы. Если организм, утратив прежний источник питания, не находил другой, к которому был в состоянии быстро выработать способ использования, – он погибал.

Посредством механизма «актуализация потребности – источник ее удовлетворения» живые организмы черпали из абиогенной среды все новую физико-химическую информацию и, трансформируя ее в биологическую информацию, прогрессивно развивались, преобразуя природу в собственных интересах.

Животные удовлетворяют все жизненные потребности в процессе локомоции. Их эволюция сопряжена с эволюцией форм поведения.

Отсюда приоритетное развитие органов локомоции – прямое свидетельство того, что движущим фактором этих процессов является необходимость удовлетворения жизненных потребностей.

Главной причиной смены среды обитания чаще всего является голод, побуждающий животных к поиску новых способов добывания корма, а также потребности в защите и к размножению.

Сухопутные млекопитающие, обладающие большой массой и потребляющие огромное количество корма, при истощении кормовой базы на суше нашли для себя возможным использовать водную среду, решив проблемы удовлетворения потребности питания и снижения гравитационной нагрузки. За счет значительно более широких морфогенетических конструкторских возможностей генетического аппарата нейронов они быстро и рационально преобразовали фенотипы применительно к новой среде обитания, выдержав жесткую конкуренцию с постоянными хозяевами океана и освоив новые формы коэволюции...

Это означало длительную, на протяжении тысяч поколений, конкуренцию двух влиятельных потребностей, а также постоянную актуализацию внутренней упорядоченности, согласующей и совмещающей в фенотипе возникающие в ходе развития специализированные структуры и функции.

В миоцене, когда климат на планете стал приобретать континентальный характер, площадь лесов значительно сократилась, и изменился их видовой состав в направлении преобладания груболистных деревьев и кустарников, предки лошади перешли в открытые степи, прерии. Здесь их единственным кормом стала трава, включающая грубостебельчатые злаковые и бобовые. В осенне-зимний период они приобретают свойства грубых, солоmistых кормов с преобладанием целлюлозы. Это потребовало перестройки зубного аппарата, а также всей пищеварительной системы, с образованием структуры, функционально аналогичной преджелудкам жвачных, где, благодаря бактериологическому гидролизу целлюлозы, возможно дополнительное извлечение углеводов. У лошади роль «бактериологического фактора» взяла на себя слепая кишка.

С переходом на питание грубыми кормами важнейшим приобретением лошади стала новая система зубов, что отразилось изменением формы черепа. Он стал шире и сильно вытянулся за счет лицевых костей. При этом зубная аркада оказалась локально разделенной беззубым промежутком на две части. Передние крупные резцы смыкаются по прямой линии так, что позволило им гораздо быстрее поедать траву и откусывать ее значительно ниже, чем доступно «хозяевам» прерий – бизонам. Это обеспечило лошади свою пищевую нишу. Значительно увеличились в размере жевательные зубы. Их число возросло в два раза за счет моляризации трех ложнокоренных зубов. Жевательные поверхности приобрели сильную складчатость, покрытую эмалью; между складками образовался цемент.

В приведенных примерах совершенно очевидно проявление принципа развития на основе геномного поиска, преадаптации, подкрепления эффективных вариантов питания и развитие признаков на основе их упражнений. С переходом из леса на обитание в открытом пространстве резко актуализировалась потребность защиты. Доминанта потребности питания на длительные периоды уступила место доминанте потребности защиты.

Эволюция лошади сочетала увеличение размеров и массы с развитием механизма локомоций. Длинные ноги требовались не только для ухода от преследования хищниками, но и для быстрых и длительных переходов на водопой и смены пастбищ. Развитие этого признака как фактора удовлетворения потребности питания, так и защиты получало положительное подкрепление как со стороны организма, так и экологического отбора. Уже в конце миоцена гиракотериум приобретает черты однопалости. В ходе непрерывных тренировок в быстром беге по сухой и жесткой степи их два боковых пальца трехпалой конечности постепенно утратили свои функции и сохранились в настоящее время в форме рудиментарных грифельных косточек. Кости же среднего пальца, удлинившись, стали перпендикулярно поверхности земли с опорой крайней фаланги пальца на копытный «башмак». Это производное ногтя обладает

пружинными и стабилизирующими свойствами, позволяющими современной лошади преодолевать длительные пространства, достигая скорости 50 – 60 км/час.

Таким образом, при актуализации доминирующих потребностей происходят глубокие перестройки первоначального плана строения живых существ.

Потребности организмов выполняют функции посредников между фенотипом и генотипом, обеспечивая единство и целостность организмов и их эволюцию. <...>

В основе механизма самоорганизации живых существ лежит принцип подкрепления как фактора сопоставления ожидаемого результата удовлетворения потребности с фактическим.

Подкрепление с полным правом может быть определено в качестве универсального фактора естественного отбора, ответственного за все формы упорядоченности внутренних отношений в живых организмах.

И.П. Павлов в теории условных рефлексов подчеркнул ведущую роль подкрепления для их образования.

Подкрепление – это полезный приспособительный результат, удовлетворяющий потребность организма, писал П.К. Анохин.

Подкрепление выступает в качестве критерия, ориентирующего организм на выбор наиболее эффективного варианта способа удовлетворения исходной потребности. Естественный же отбор, действуя на надорганизменном уровне, устраняет от передачи потомкам недостаточно эффективные для удовлетворения потребностей структуры, функции и процессы, открывая возможность распространения полезных форм. <...>

Свойство опережения будущих событий тесно связано с деятельностью аппарата акцептора результата действия, на котором отпечатываются (запоминаются) параметры удовлетворения исходных потребностей животных – адаптивных результатов поведения. В свою очередь это оказывает влияние на функции генома и может при длительном однотипном удовлетворении потребности приводить к изменению формы исполнительных органов, обеспечивающих удовлетворение этой потребности.

Приобретая посредством зондирования информацию об окружающей среде, организмы одновременно познают себя, свое место в природе и перспективы развития. Зондирование меняющейся среды позволяет выявлять особей с адекватными адаптивными потенциями. Популяция как бы выставляет для участия в «кросс-диалогах» «команды» гетероморфных особей, и по информации о подкреплении или отборе (элиминации) тех или иных форм и функций выявляет особи, перспективные для развития в данной ситуации. Формы, получившие высоко значимое подкрепление, при последующем размножении консолидируются в высокоадаптивные фенотипы. <...>

По современным представлениям структурой клетки, манипулирующей системной информацией, является геном. Геномы бактерий и вирусов, интегрированные в геномы более сложных организмов путем горизонтального переноса генов, являются носителями специфичной каждому из них информации и активно участвуют этой информацией в регуляции тех функций организма хозяина, которые были свойственны их организмам.

Гены, которые многие десятилетия воспринимались как чрезвычайно глубоко консервативные структуры, с функциями охраны наследственной информации от внешних влияний, в свете обсуждаемых материалов, выступают в качестве и активных, и пластичных структур. В ответ на мобилизующие сигналы об актуализации жизненных потребностей они синтезируют новые белки, определяющие новые формы поведения и их новые исполнительные структуры.

В организмах нет никаких других внутренних факторов, кроме потребностей, способных запускать цепь генофенотипических процессов, направленных на удовлетворение этих потребностей. Нет также никаких иных структур, кроме генетических, обладающих информационно-аналитическими и пространственно-конструктивными свойствами, необходимыми для направленного поиска способов удовлетворения новых жизненных потребностей организмов и, следовательно, для направленного изменения фенотипов живых существ. <...>

В приведенных экспериментах инициатором образования нового кода биоинформации стала актуализированная потребность организма. При этом новая последовательность генома, кодирующая новую информацию, не складывалась из отдельных нуклеотидов. Она получалась методом «выведения» из кодирующей последовательности предшественника носителя гомологичных свойств. Последний, утратив ставшую ненужной лабильную часть ДНК, объединялся с таким мобильным генетическим элементом, который придал принципиально новому белку необходимые свойства нового фермента.

Таким образом, в качестве фактора образования биоинформации выступает актуализированная потребность. Генерация новых кодов биоинформации осуществляется по принципу «выведения из предшественника» с использованием стабильной и лабильной кодирующих последовательностей ДНК.

Если внешних источников удовлетворения потребности несколько, то кодируется соответствующее число последовательностей в которых лидирующей остается гомологичная последовательность, определяющая ведущую потребность. Используя потребности, результативный механизм, живые организмы черпают из абиогенной среды все новую информацию и включают ее в генетические программы удовлетворения новых потребностей, трансформируя ее посредством кодирования в биологическую информацию.

Механизм выведения из предшественника наблюдается при амплификации генов, включая гены самого высокого ранга, при формировании гомологичных признаков, программирования «серийного» разнообразия форм и образовании новых видов.

Можно полагать, что борьба за существование организмов разных видов одного экологического сообщества – это конкуренция их информационно-генетических механизмов, в которой каждая из сторон извлекает новую для себя информацию, расширяя свой опыт и возможности удовлетворения ведущих потребностей.

В свою очередь, изменчивость прямо или косвенно мотивирована актуализацией какой-либо потребности и имеет отношение к ее удовлетворению.

Известно, что мухи цеце распространяют сонную болезнь. Популяция паразитов, несущих на клеточной оболочке поверхностный антиген, проникнув в кровяное русло животного, в течение нескольких дней быстро пролиферирует. Тем временем иммунная система хозяина расшифровывает структуру антигена и образует соответствующие антитела, убивающие паразитов. Когда их популяция сокращается примерно в десять раз и более, у части особей как бы внезапно происходит мутация соответствующего гена, обеспечивающего образование нового антигена, незнакомого иммунной системе животного. Быстрое размножение паразитических микроорганизмов будет продолжаться до тех пор, пока животное не выработает соответствующий вариант антител. Подобные циклы могут повторяться многие сотни раз до исчерпания потенциала к образованию все новых вариантов, как антигенов – у паразитов, так и антител – у животного. Механизм смены антигенов трипаносомы включает направленную транспозицию мобильных элементов в ген, кодирующий структуру антигена и его дублирование. В результате меняется положение гена по отношению к промотору, который инициирует экспрессию гена и транскрипцию на перемещенных последовательностях нового варианта поверхностного антигена.

Предсказанные Барбарой Мак-Клинтон мобильные генетические элементы (МГЭ) как факторы нестабильности геномов значительно повлияли на формирование представлений о природе изменчивости организмов. Существенный вклад в разработку данной проблемы внесли исследования Г.П. Георгиева.

Происхождение МГЭ – один из самых значительных примеров превращения организмами чуждого, и даже смертельно вредного, в полезное и необходимое. Организмы, преодолевая вирулентность вирусов и бактерий, включают в свой генетический пул и ставят себе на службу их генетические аппараты вместе с накопленной в них информацией.

Т.И. Герасимова давая оценку открытию МГЭ ввела понятие – транспозиционных взрывов. Постулируется, что мобильные гены являются

одним из главных источников спонтанного мутагенеза, приводящего к скачкообразным превращениям генома. <...>

Установлено, что функции контроля состояния среды, обучения, образования памяти – связаны с теми же генетическими структурами нейронов, которые являются участниками эмбрионального морфогенеза. И те, и другие находятся в зависимости от актуализации потребностей организмов и от афферентной информации об эффективности повторяющихся воздействий, т.е. от «подкрепления». Иначе говоря, имеются основания считать, что запуск всех процессов в организмах, которые так или иначе связаны с удовлетворением их потребностей, осуществляется единым генетическим механизмом.

Таким образом, регулярное подкрепление эффекта стимулирует экспрессию генов, а отсутствие подкрепления, освобождая факторы репрессии транскрипции, прекращает синтез белка. Это значит, что функции генов осуществляются с участием физиологических информационных механизмов, посредством которых фенотип оказывает регулирующее влияние на генетический аппарат.

Потребность связывает фенотип с генотипом в единую функциональную систему.

С эволюционной точки зрения стрессовая индукция транспозиции служит мощным фактором образования новой генетической изменчивости. Оказавшаяся в стрессовых условиях существования популяция, проходя через «бутылочное горлышко», может быстро изменить свою популяционную норму признаков и стать основателем новых форм.

С состоянием стресса связывают образование так называемых «белков теплового шока» – БТШ. После стрессовых воздействий на клетки БТШ обнаружены в центросомах, ядрышке, хроматине, мембранах и других структурах клеток, что свидетельствует об их участии в восстановительных процессах важнейших клеточных структур. <...>

«Когда стрессирующее воздействие затрагивает непосредственно ДНК и приведет к перестройке генома, происходит активация экспрессии мобильных генетических элементов, перемещение которых является одним из важнейших механизмов дестабилизации генома».

К обсуждаемой проблеме имеет отношение смена пола самок на самцов в репродуктивной изоляции. Известно множество видов рыб, моллюсков, насекомых и даже млекопитающих, у которых при отсутствии в популяции самцов, главная из самок превращается в самца. Молодые самки кротов при длительной невозможности спаривания с самцами способны менять строение своих половых органов и форму полового поведения.

Тропические тихоокеанские рыбы живут небольшими группами – один самец и несколько самок. При гибели самца, самка – лидер меняет свой пол и принимает на себя функции самца. Изменения пола с образованием гермафродитизма – не редкость среди разных видов. Генетико-гормональный механизм подобного превращения в настоящее

время известен. Инициатива этого процесса исходит от самок, испытывающих неудовлетворенность потребности размножения. В целом феномены симбиоза, репродуктивной изоляции с образованием видовой адекватности половых органов самок и самцов, а также смены пола самок на самцов (при их отсутствии), не могут быть объяснимы без введения в модель эволюции такой категории, как поле общих потребностей организмов.

Автором выдвинуто и обосновано представление об «общем поле потребности организмов». Общее поле потребности, связывающее самца, самку и детеныша в семью, особей – в стаи, растения и опыляющих его насекомых, лежит в основе различных форм симбиотических отношений между представителями филогенетически далеких видов. На уровне организмов общее поле потребностей, информационной основой которого являются гены и их продукты, выступает в качестве главного фактора самоорганизации сложных форм организмов и выработки программ эмбрионального морфогенеза.

В целом, приведенные факты образования определенной изменчивости как основы новых способов удовлетворения потребностей дают представление о важнейшем механизме накопления биоинформации.

Любой фенотипической изменчивости всегда предшествует кодирование новой биоинформации.

В авангарде поиска объяснения изменчивости фенотипов идут иммуногенетики, которым приходится оперировать не отдельными формами изменчивости, а их разнообразием, исчисляемым в десятки и сотни тысяч вариантов. Согласно расчетам Ф. Бернета, автора «Клонально-селекционной теории иммунитета», для противостояния организмам всей совокупности инфекционных факторов, «в ходе развития в нужное время и в подходящих тканях должны одновременно появиться все 10 тысяч структур... если в родоначальных мезенхимных клетках та часть генетического механизма, которая ответственна за специфичность строения антитела, в течение эмбрионального развития станет на некоторое время высокомутабельной, то организм получит множество самых разнообразных структур, которое обеспечит всех мыслимых типов антитела. ...все это заставляет нас отдать явное предпочтение временно возникающей высокой мутабельности».

Отчетливо вырисовывается связь эволюции с цефализацией, увеличением ассортимента общей массы нейронов и общего количества генетического материала нейронов головного мозга и в первую очередь регуляторных генов. Крупные морские животные более высокого уровня цефализации в своем стремлении к удовлетворению потребностей обладают большими возможностями для образования более совершенных механизмов, обеспечивающих ароморфозные преобразования фенотипов, открывающих им океанический нектон.

За всеми реальными природными процессами, обозначенными как модусы, корреляции, координации, встает непрекращающаяся, напряженная регулирующая работа геномов, направленная на удовлетворение жизненных потребностей организмов. Возможность достижения этой цели находится в прямой зависимости от подкрепления.

В целом общая схема эволюционного процесса может быть представлена как: потребность → движение → стресс при неудовлетворении потребности → мутация → естественный отбор.

Последовательно, по мере своего развития, придавая биосфере все новые свойства, предыдущие поколения ставят потомков перед необходимостью непрерывно расширять способы освоения ими все новых придатных объектов, для чего – приобретать все новую информацию и, кодируя ее на ДНК, использовать в новых формообразовательных процессах.

Генетический поиск

Генетический поиск является ключевым звеном развиваемой нами потребностно-результативной теории эволюции.

В стрессовых условиях, неблагоприятных для выживания популяции, её преобладающая часть погибает в первой фазе стресса – шоковой. Участвует в генетическом поиске новых механизмов удовлетворения потребностей та часть особей, которая адаптировалась, оказалась способной выжить и дать потомство, продолжающее развитие по новому вектору, определенному первоначально в процессе генетического поиска.

А.Г. Ивашова и др., исследуя влияние разных типов стрессов на изменчивость морфологических признаков у дрозофил, пришли к выводу, что «все изученные виды стресса ведут к увеличению фенотипической изменчивости и флуктуирующей асимметрии билатеральных признаков. Генетическая изменчивость морфометрических признаков в условиях стрессов была выше, чем в нормальных условиях». Подобной же точки зрения придерживаются и другие ученые.

Реакция на стресс свойственна как сложным организмам, так и каждой отдельной клетке.

Глубокая связь между состоянием организма, обусловленным стрессом, и реакцией на него генетической системы в форме интенсивных мутаций не могла не привести к возникновению представления о генетическом поиске как ответной реакции на дестабилизацию гомеостаза организмов.

Генетический поиск – это те чрезвычайные режимы работы генетической системы, когда в ней изготавливаются новые тексты ДНК.
<...>

Выявлено, что первичность изменений функций головного мозга при стрессе включает активацию ранних генов *c-fos*, более выраженной у предрасположенных к стрессорной нагрузке животных, отмеченную в паравентрикулярных ядрах гипоталамуса, в лимбических структурах,

стволе головного мозга, префронтальной и орбитальной коре. В лимбических структурах головного мозга предрасположенных к стрессу животных и в частности в гипоталамусе наблюдается усиление перекисного окисления липидов и образование свободных радикалов, порождающих психосоматические нарушения. Изменения химических свойств нейронов головного мозга лежат в основе формирования «застойного возбуждения», определяющего при эмоциональном стрессе у животных нарушения наиболее ослабленных механизмов саморегуляции функциональных систем. К числу механизмов, индуцирующих развитие патологического процесса, относятся перестройки катехоламинового метаболизма, изменение содержания олигопептидов – вещества П, пептида, вызывающего дельта-сон, и бета-эндорфина в гипоталамусе. Животные с повышенным содержанием указанных веществ в структурах гипоталамуса достоверно более устойчивы к стрессорным нагрузкам.

В зависимости от соотношения дестабилизирующих и стабилизирующих внутренних факторов у разных животных, помещенных в одни и те же стрессогенные условия, наблюдается широкий спектр реакций – от полной невосприимчивости, до гибели с разной патологоанатомической картиной.

Объяснению механизма генетического поиска особенно способствуют опыты на тлях Б.С. Смирнова и Г.Х. Шапошникова.

Б.С. Смирнов проводил свои опыты в течение 11 лет. В качестве экспериментальных объектов использовались тли *Neomysus circumflexus* Вакт. Этот вид относится к группе размножающихся только партеногенетически. Следовательно, устранялась возможность влияния на результат опытов эффекта кроссинговера. Исследования проводились на группах самок – троюродных сестрах, т.е. на «генетически однородных клонах», что позволяло контролировать изменчивость, передаваемую от поколения к поколению. Методика проведения опыта обеспечивала однозначность ответа на вопрос: является ли естественный отбор единственно возможным фактором образования наследуемых признаков или этот феномен связан с функциями иных факторов...

Результаты опытов Шапошникова полностью совпадают с результатами опытов Смирнова.

В новых условиях существования высокая степень изменчивости тлей отмечалась только у первых 3-х поколений. Постепенная стабилизация фенотипа отмечена у особей 8-го поколения. Эти наблюдения абсолютно совпадают с многолетними наблюдениями ученых исследовавших процессы доместикации хищных животных разных видов. <...>

В опытах Г.Х. Шапошникова непосредственным фактором стресса стал голод – актуализация потребности питания подопытных тлей, что связано с токсичностью соков нового растения.

В настоящее время известно, что: «Когда стрессирующее воздействие затрагивает непосредственно ДНК и приводит к перестройке генома,

происходит активация экспрессии мобильных генетических элементов, перемещение которых является одним из важнейших механизмов дестабилизации генома». Соответствующие мобильные элементы участвуют в конструировании новых кодирующих последовательностей ДНК. Следовательно, дестабилизирующий отбор является именно тем фактором, который, актуализируя потребности, инициирует мутации генов.

Третья форма – «стабилизирующий отбор» по И.И. Шмальгаузену – ответствен за образование корреляций между новыми и старыми, но полезными признаками, а также и за устранение структур и функций, оставшихся от прежних адаптаций и не используемых в новых условиях существования. «Большинство формообразовательных реакций имеет явно целесообразный характер – они как будто обеспечивают согласованность в расположении с относительной величиной органов». <...>

Общая схема генетического поиска нового способа удовлетворения актуализированной жизненной потребности имеет следующий вид. Дестабилизирующий отбор → зондирование среды набором неопределенных признаков (результат интенсивных мутаций) → выбор физиологическим подкреплением «определенного», т.е. полезного признака → развитие и совершенствование нового признака регулярным использованием (упражнениями) → естественный отбор (экологическая оценка нового признака). <...>

Исходя из изложенных выше представлений, формирование фенотипов рассматривается как процесс интеграции всей совокупности структур и функций, включенных в способы, обеспечивающие удовлетворение живыми существами их многочисленных и разносторонних жизненных потребностей. Разное время, частота и степень актуализации разных потребностей ведут к гетерохронии и мозаицизму, инициируя развитие центробежных тенденций и актуализацию потребности внутренней упорядоченности. Ее удовлетворение сопряжено с макроэволюцией.

При актуализации потребностей питания и защиты в поиск способов их удовлетворения включаются разные элементы генома. Последующими поколениями производится перебор множества разных вариантов получения необходимого адаптивного результата: смена пищевой ниши, увеличение размеров тела, скорости движения, использование ядов, приманок, ловчих и других приспособлений, а также новой тактики поведения и т. д. Из всех этих способов приоритетным может оказаться не самый эффективный вариант удовлетворения потребности данной функции, а тот, который по эффектам подкреплений, получаемых в ряде поколений, наиболее успешно согласуется с более филогенетически старыми способами удовлетворения прочих потребностей. <...>

У высших животных, включая человека, поведение строится на основе генетически детерминированных врожденных механизмов ориентировочно-исследовательской деятельности, мотиваций, эмоций и

реакций на действие подкрепляющих факторов. Однако главная роль при этом принадлежит обучению. Обучение может осуществляться с помощью родителей, но и самостоятельно.

Особо значимым механизмом системоквантов поведения является опережающее программирование деятельности, направленное на удовлетворение исходной потребности.

У животных, осуществляющих инстинктивные формы поведения, программы поведения генетически детерминированы и являются жесткими. Поведенческая деятельность у них разворачивается последовательно от этапа к этапу с постоянной оценкой с помощью обратной афферентации каждого этапа поведения. При отсутствии полноценной информации о достигнутых результатах деятельность настойчиво продолжается до тех пор, пока не будет получена полноценная информация о потребном результате.

В отличие от этого, у животных, адаптирующихся к изменяющимся условиям существования, программы поведения, наряду с врожденными, наследственно обусловленными механизмами, в значительной степени строятся на основе обучения. При этом используются открытые И.П. Павловым механизмы условных рефлексов, при которых субъекты опережающее ориентируются на специальные информационно значимые условные раздражители.

Между тем при стабильных условиях существования программирование у этих существ может также приобретать жесткий характер динамических стереотипов поведения.

В соответствии с теорией функциональных систем программы поведения строятся структурами акцепторов результатов действия.

Доминирующие мотивации, как показывают специальные опыты, при наличии потребности опережающе извлекают из акцепторов результатов действия информационные параметры потребных результатов и способов их достижения.

Формируемое в результате удовлетворения исходной потребности подкрепление – другой, не менее значимый механизм системоквантов.

Информация о получаемых результатах с помощью многоканальной обратной афферентации поступает к акцептору результатов действия соответствующей функциональной системы. При этом у каждого вида животных имеется ведущий канал оценки потребных результатов. При нарушении ведущего канала обратной афферентации его функции берут на себя другие каналы. В случае, если обратная афферентация не несет в акцептор результата действия полноценную информацию о результате, удовлетворяющем исходную потребность, на основе возникающей ориентировочно-исследовательской деятельности животного активизируется экспрессия ранних генов, формируется новый афферентный синтез, принимается новое решение и совершается новое действие. Эти процессы повторяются до тех пор, пока не будет получена полноценная

обратная афферентная информация об оптимальном уровне результата, удовлетворяющего исходную потребность организма. <...>

Ведущая роль в формировании информационных моделей акцепторов результатов действия в различных функциональных системах кроме доминирующей мотивации принадлежит также механизмам памяти.

При каждом очередном возникновении соответствующей потребности доминирующее мотивационное возбуждение последовательно охватывает элементы выработанной в функциональной системе на основе предшествующего опыта энграммы акцептора результатов действия, опережающее возбуждая ее до конечного пункта, связанного с удовлетворением исходной потребности субъекта. При этом мобилизуется необходимая информация о возможных средствах и условиях удовлетворения соответствующей потребности.

Доминирующие биологические мотивации, как показали специальные исследования, постоянно адресуются к геному нейронов головного мозга, в которых под влиянием подкрепления (удовлетворения или неудовлетворения исходной потребности) все время осуществляется модификация ранних и поздних генов, экспрессирующих специфические эфферентные белковые молекулы. В результате при очередном возникновении данной потребности под влиянием сформированной на ее основе доминирующей мотивации геном нейронов, ранее вовлеченных в системную деятельность, начинает экспрессировать эти белковые молекулы, участвующие в построении поведения, направленного на удовлетворение исходной потребности.

В случае затруднения достижения потребного результата или совершения ошибки поведения формируется ориентировочно-исследовательская реакция, усиливается экспрессия ранних генов, перестраивается вся архитектура функциональных систем. В акцепторе результатов действия при этом формируется новая программа (с коррекцией!) поведения, и поведение определяет в конечном счете достижение потребного результата. При этом снижается активность ранних генов.

Получение отрицательного подкрепления на апробируемый способ удовлетворения потребности сопровождается распадом функциональной системы и формированием новой, с включением в нее новых структур. Следовательно, синтез (кодирование) организмом биоинформации предваряется перебором ряда вероятных вариантов и, следовательно, перебором вариантов построения функциональных систем.

В конфликтных ситуациях, когда субъекты лишены возможности длительно удовлетворять свои ведущие потребности, возникает стресс, ведущий к мутациям генетического аппарата. А это в свою очередь, как указывалось выше, ведет к изменчивости организмов.

Изменчивость функций, процессов и форм является результатом пластической функции генетического аппарата, инициированной мотивацией, исходящей из актуализированной потребности фенотипа.

Пластическая функция геномов осуществляется посредством регулярного зондирования окружающей среды наборами полимодальных признаков по принципу «предъявление – подкрепление». Особой формой зондирования среды является использование «заготовок» в виде преадаптаций и пророческих форм изменчивости. Указанные механизмы системной организации поведенческих актов могут лежать, как мы полагаем, в основе эволюционной изменчивости живых существ.

Естественный отбор в качестве информационного фактора следует рассматривать в функциональном единстве с положительным и отрицательным подкреплением. <...>

Сложившиеся в результате естественного отбора в новых условиях среды обучения генетические механизмы передаются по наследству.

Совокупность функциональных систем в популяциях организмов образует единую функциональную систему коллективного выживания особей через непрерывные совершенствования коллективных способов удовлетворения потребностей, составляющих популяцию особей. Результатом этой коллективной деятельности является биосферогенез, фундамент которого заложен одноклеточными организмами, главным образом прокариотами.

Предки изменяют условия существования для потомков, поэтому потомки должны искать новые способы удовлетворения жизненных потребностей. Все это определяет направленность эволюции.

В геномах предшественников при новых способах удовлетворения потребностей формируются преадаптации, информация о которых передается по наследству и реализуется потомками.

При этом приобретается более новая информация, которая кодируется на ДНК и может быть использована в новых формообразовательных процессах построения новых фенотипов, позволяющих успешно выжить.

Новые поколения особей, не помня формы предков, стремятся принять форму, обеспечивающую им наиболее эффективные функции. Таким в целом видится механизм квантового системогенеза который Ж. Ламарк и Ч. Дарвин справедливо объясняли упражнениями и тренировками.

Следовательно, ни борьба за существование, ни естественный отбор не являются ведущими факторами эволюции, а потребности и их удовлетворение в форме динамических системоквантов. Борьба за существование и естественный отбор являются вторичными процессами сложных мутационных изменений у особей, наблюдаемых в стрессорных ситуациях при невозможности удовлетворения ими ведущих потребностей. Системокванты поведения выступают в качестве ведущих факторов направленной эволюции живых существ.

МЕТОДОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ НАУКОВОЇ СИТУАЦІЇ У ПСИХОЛОГІЇ

ХОМСЬКА Євгенія Давидівна

Хомська Євгенія Давидівна народилася 7 серпня 1929 року в Москві. Доктор психологічних наук (1971), професор (1976), зав. кафедрою нейро- і патопсихології факультету психології МДУ (1977-1980), зав. лабораторією нейропсихології в Інституті Психології АН СРСР. Лауреат премії Ломоносова 2-го ступеня і бронзової медалі ВДНХ. Підготувала 35 кандидатів наук.

Є автором новаторських розробок в області нейропсихологічного вивчення емоцій та індивідуальних відмінностей у протіканні психологічних процесів у нормі. Одна із засновниць нового напрямку в психофізіології – психофізіології локальних уражень мозку.

Є автором більше 250 наукових публікацій, нею опублікований ряд статей із різних розділів загальної і медичної психології в ВМЭ. Більше 30-ти її робіт опубліковані в іноземних журналах («Cortex», «Neuropsychology» та ін.).

Основні наукові праці: «Мозок і активація», «Процес екстраполяції в окоруховій системі» (співавт. А.Д. Володимирський), «Нейропсихологія», «Мозок і емоції» (співавт. Н.Я. Батова).

Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии / Е.Д. Хомская // Вопросы психологии. – М., 1997. – № 3. – С. 112 – 125.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В новые постперестроечные времена философские методологические проблемы психологии все меньше интересуют научную общественность. Наметились новые тенденции: с одной стороны, к чистому прагматизму, к определенному пренебрежению академической наукой в разных ее ипостасях, в том числе и методологической, как, якобы, не имеющей практической ценности, с другой – к явному оживлению интереса ко всяким чудесам, мистике (экстрасенсорному восприятию, телекинезу и т. п.). Объединяет эти тенденции скрытый или явный уход от вопросов, связанных с четким определением методологических основ психологических исследований, к «размыванию» или даже отрицанию естественнонаучной, материалистической методологии как философской основы научного психологического знания.

Этот процесс наблюдается не только в психологии. Достаточно явно он прослеживается и в такой «строгой» науке, как физика. Известно, что в последнее время ряд физиков вводит в свои физические теории внефизические категории: идеи буддийской, индийской, японской религии и мифологии. Происходит как бы объединение научных физических

воззрений с восточными религиозными идеями, что и выдается за новое слово в физике. Современная физика стала использовать такие понятия, как сознание, семантика, смысл и др. Некоторые физики утверждают, что физические феномены и сознание едины, не существуют друг без друга, более того, что сознание «творит» реальность, и объекты физического познания создаются в процессе восприятия. При этом само сознание (или одно из его проявлений) трактуется как трансличностное сознание, которое функционирует на космическом уровне.

Целый ряд статей, опубликованных за последнее время в «Вопросах философии», свидетельствует о далеко зашедшем процессе изменения естественнонаучной материалистической методологической базы физической науки, о явных попытках – на материале физических реалий – идеалистического решения гносеологической проблемы. Нередко это происходит под флагом критики марксизма. Этот процесс можно обозначить как появление «альтернативной» физики.

Нечто подобное наблюдается и в психологии, где также можно констатировать появление «альтернативной» психологии. В работах этого направления также делается попытка отрицать (или хотя бы поставить под сомнение) естественнонаучные материалистические методологические основы психологического знания. Поэтому обсуждение методологических проблем современной психологии весьма актуально, так как наличие методологических трудностей в различных отраслях психологии – уже случившийся факт, осознание которого полезно и для общей оценки состояния современной психологии, и для прогноза ее будущего развития.

В различных областях психологии методологические трудности проявляются в разной степени. Особенно явно они просматриваются в тех областях психологии, которые занимаются проблемами личности и сознания.

Оживление нематериалистических тенденций в психологии личности наиболее очевидно в ее прикладных областях: психотерапии и психокоррекции. Происходящее в настоящее время широкое распространение различных видов психологической помощи населению (в виде разных способов психологического воздействия на личность пациента) явно опережает теоретическое осмысление проблемы. Фрейдизм в своей классической форме – как теоретическая основа психологии личности в области психоанализа – теперь уже не признается большинством западных психологов. Более того, по мнению многих западных специалистов, даже как прикладная дисциплина психоанализ З. Фрейда уже исчерпал себя. Однако в России он все еще достаточно популярен. Планируется даже создание целевой программы, предусматривающей дальнейшее развитие психоанализа (в соответствии с Указом Президента «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа», август 1996 г.). Достаточно

популярны у нас и более современные модернизированные варианты психоанализа (неофрейдизм, постфрейдизм и др.).

С философской методологической точки зрения фрейдизм является биологизаторской концепцией личности, одной из разновидностей биологизаторского редукционизма, рассматривающего врожденные инстинкты и влечения в качестве главных детерминант психики, признающего ведущую роль бессознательного в поведении человека. Фрейдизм принижает роль социальных, культурно-исторических факторов в развитии личности, в детерминации психических процессов и поведения в целом.

Другая концепция личности лежит в основе разных вариантов гуманистической психологии, имеющей большое распространение у нас и за рубежом. Гуманистическая психология, основанная К. Роджерсом, А. Маслоу, Г. Олпортом и другими, появившаяся как «третья сила», оппонентная и бихевиоризму, и психоанализу, выступает принципиально против детерминизма, против управления поведением, за индирективную психотерапию. Детерминизм, если и признается, то только в качестве чисто внутреннего, духовного фактора развития личности. Гуманистическая психология базируется на гуманистической парадигме, в центре которой – идеи саморазвития личности, отрицание внешних (в том числе, социальных) факторов (стимулов) ее развития. В качестве практического выхода гуманистическая психология (и ее варианты) предлагает иной, чем психоанализ, набор психологических воздействий на личность пациента, в частности диалоговую личностно-центрированную терапию.

В целом в современной психотерапии доминируют две основные концепции личности: одна из них – идущая от психоанализа «глубинная психология», апеллирующая к глубинам личности, другая – идущая от гуманистического направления «вершинная психология», апеллирующая к высотам духа. Если первая исходит из упрощенных представлений о детерминантах развития личности, из примата влечений, телесных ощущений над духом, то вторая отрицает глубинные факторы развития и детерминизм – как причинно-следственные (включая и социальные) движущие силы развития личности – в пользу духа. Каждая из этих концепций обосновывает свой подход к человеку (т. е. свою «философию человека») и свою психотерапевтическую практику (т. е. свои техники воздействия на личность пациента).

Следует отметить, что в психотерапию и психокоррекцию в настоящее время проникает и восточная философия (буддийская, индийская и др.) с ее идеологией личности и ее техниками воздействия. Восточная философия, основанная на отрицании чисто рационального мышления, не только рассматривающая человека в единстве с окружающей средой, с космосом, но и отрицающая независимость окружающего мира от субъекта, принимается некоторыми психотерапевтами как новая научная парадигма, более продуктивная, чем другие. Это направление психотерапии предлагает

свой набор методов психологического воздействия (медитации и др.). Концепция личности этого направления психотерапии представляет собой эклектическое смешение различных воззрений на природу человека, заимствованных и из западной, и из восточной философий и религий.

В целом – при общей ориентации на западные исследования – в отечественной психотерапии ни одна из концепций личности не может претендовать на статус общепризнанной. Одновременно сосуществуют разные «философии человека», предлагающие разные техники воздействия на личность пациента и по-разному объясняющие их результаты. Подобное положение дел в психотерапии дает основание некоторым практикующим психологам (и врачам) вообще пренебрегать какими-либо теориями личности и использовать различные приемы безотносительно к их происхождению (подобную психологическую практику Л.С. Выготский, как известно, называл «фельдшеризмом»).

Таким образом, можно констатировать, что наряду с безусловно полезной и широко применяемой практикой психологического воздействия на личность пациента в этой области психологии сосуществуют явно противоречивые теоретические концепции личности, интерпретирующие практические результаты с диаметрально противоположных позиций. Отдавая должное сложности самой проблемы (общая теория личности, ее структура, детерминанты развития, соотношение сознательного и бессознательного и т.д.), следует все же признать, что именно в данной области (а не в психологии памяти, внимания и др.) сконцентрированы сегодня наиболее острые теоретические и методологические трудности и противоречия. Не случайно в психологической литературе практически отсутствуют работы, объясняющие конкретные психологические механизмы тех или иных технологий и анализирующие причины их действия на субъекта. Сравнительно малая интенсивность научных поисков в этом направлении (и вообще объективизации результатов психотерапии), прежде всего, связана с отсутствием адекватных – в теоретическом и методологическом отношениях – концепций личности. Все увеличивающийся разрыв практики и теории в этой области психологии грозит самыми плачевными последствиями для всей психологической науки, потому что ничто так не разлагает науку изнутри, как невнимание к теории, исходящее из профессиональной среды.

Нужно отметить также, что особенностью нашей отечественной психологии является слияние академической психологии с «психотерапевтической». Как известно, во многих странах последняя рассматривается как чисто практическое направление, не занимающееся теоретическими обобщениями. У нас же «психотерапевтическое» направление претендует на статус самостоятельной психологической науки (а не только практики), что и позволяет предъявлять к ней повышенные требования. Так, по мнению одного из известных идеологов практической психологии (психотерапии), последняя не является прикладной отраслью

академической психологии, а представляет собой самостоятельную гуманитарную науку со своей методологией (див. вище, наприклад, працю Ф.Є. Василюка. – Прим. ред.).

Следует также отметить, что психотерапия и психокоррекция – области знания, пограничные с медициной, – находятся под большим влиянием чисто медицинских воззрений на человека, в связи с чем представления о психике, сознании, бессознательном несут на себе печать клинического прагматизма, а кроме того, к сожалению, распространено отождествление понятий «личность» и «индивид».

Не менее тревожная ситуация складывается и вокруг проблемы «психология и религия». Как известно, за последнее время в нашем обществе быстрыми темпами стал возрождаться интерес к различным религиям – не только к традиционному православию, как ветви христианства, но и к другим конфессиям, – в связи с чем анализ связи психологии и религии стал очень актуален. В центре этой проблемы – старый и опять новый вопрос о соотношении науки и религии, научного и религиозного мировоззрения. Для психологии этот вопрос особенно важен, потому что и у психологии как науки, и у религии как определенного мировоззрения один и тот же предмет познания: человек, личность. Принято считать, что изучение человека психологической наукой и религией ведется с различных методологических позиций. Психология как отрасль научного знания, строится на системе доказательств (фактов) и без таковых не принимает никаких теоретических положений. Религия не нуждается ни в каких доказательствах, ее положения основаны на постулатах веры.

Однако современная психология (в лице ее некоторых представителей) оспаривает эту точку зрения. Так, авторы коллективной монографии «Начала христианской психологии» считают, что способы религиозного познания только кажутся ненаучными, субъективными. На самом деле истинное познание души человека возможно только через религию. Отрицается оппозиция религии и науки в познании психологической реальности, делается попытка объединить религию и науку под видом «единства познания психической жизни человека». Ориентация на естественнонаучный материалистический подход в отечественной психологии, берущий начало от работ И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева и других естествоиспытателей, объявляется ошибочной. Авторы «Начал...» считают, что «после многих десятилетий главенства материализма в отечественной психологии... необходимо сменить научную парадигму в соответствии с предметом исследования», так как «душа была принесена в жертву научному мировоззрению». В качестве нового слова в давнем споре между психологией и религией провозглашается «христианская психология» (кстати, а как быть с другими конфессиями?). Авторы «Начал...» не раскрывают содержания нового направления, его

методов (очевидно, интроспекция?). Ясно лишь, что под душой понимаются прежде всего нравственные категории.

Подобное смешение религиозного и научного психологического мировоззрений можно встретить и в других публикациях, причем многие истинные проблемы, встающие перед отечественной психологией в связи с возрождением религии, не затрагиваются, хотя они весьма важны и с научной, и с социальной точек зрения (проблемы религиозного внушения, фанатизма, сектантства и др.).

Совершенно очевидно, что в основе сложной ситуации, сложившейся в этой области психологического знания, – лежит невнимание к методологическим проблемам психологического знания, неразличение научно-психологического и религиозного подходов к человеку. Более того, авторы делают попытку объявить эту эклектическую методологическую несовместимость в качестве нового истинного слова в психологической науке, нового пути отечественной психологии. Подобная ситуация весьма опасна (особенно в перспективе), так как она создает возможность – якобы с позиций новой психологии – пренебрежительно относиться к научному прошлому, отрицать очевидные научные истины и утверждать – в качестве последних достижений психологической науки – сомнительные «факты» и просто вымысел (из области парапсихологии и т.п.). По-видимому, назрела необходимость открытого обсуждения всего круга психологических проблем, связанных с религией, и в первую очередь методологических основ научно-психологического и религиозного подхода к изучению человека. Если учесть, что психология в течение многих столетий была частью теологии и философии и лишь сравнительно недавно выделилась в самостоятельную дисциплину и приобрела статус научного знания, то опасность возврата к старому не покажется надуманной.

Можно говорить о наличии методологических трудностей и в других областях психологии, например в нейропсихологии.

Нейропсихология как одна из нейронаук, занимающихся изучением мозговой организации психических явлений, всегда была ареной острой борьбы материалистических и идеалистических концепций, по-разному объясняющих соотношение мозга и психики. Заслугой А.Р. Лурия и его школы явилась разработка принципиально нового подхода к этой проблеме, отличного от двух основных способов ее решения (узкого локализационизма или психоморфологической концепции и концепции эквипотенциальной организации мозга).

Концепция А.Р. Лурия о системной динамической локализации высших психических функций открыла новые возможности для изучения проблемы «мозг и психика» с чисто материалистических позиций. Если прежде (до А.Р. Лурия) никто не сомневался в возможности локализации (т.е. в четком соотношении с определенными мозговыми образованиями) так называемых элементарных сенсорных и моторных процессов (зрительных, слуховых ощущений, моторных реакций и т.д.), однако оставался открытым

вопрос о возможностях локализации высших психических функций (восприятия, памяти, речи и др.), то после работ А.Р. Лурия этот вопрос был в принципе решен. Факторный анализ нарушений высших психических функций позволил по-новому объяснить их мозговую организацию и открыл широкие перспективы дальнейших исследований в этой области.

На современном этапе развития нейропсихологии весьма актуальными становятся вопросы о мозговой организации наиболее сложных форм психической реальности – эмоционально-личностной сферы и сознания. И вновь раздаются голоса о принципиальной недопустимости самой постановки вопроса об их мозговой организации (или локализации), о невозможности связывать эти сложные психические явления с какими-либо конкретными мозговыми образованиями. Вновь дискутируются вопросы об общественно-исторических, социальных и биологических, генетических детерминантах психики, причем в процессе таких дискуссий нередко смешиваются вопросы о содержании психических явлений (определяемом социальными факторами) и способах их реализации (с помощью конкретных мозговых механизмов). При решении этих проблем в рамках нейронаук на современном уровне вновь всплывают упрощенные представления о материальных основах психики (идеи о мозговых «центрах» эмоций, центрэнцефалическая теория сознания), с одной стороны, и современные «эквипотенциальные» теории (голографические концепции работы мозга) – с другой. Наряду с этими концепциями достаточно распространены и представления о принципиальной невозможности естественнонаучного объяснения таких сложных психических явлений, как личность и сознание в естественнонаучной материалистической парадигме.

Как известно, А.Р. Лурия, разрабатывая нейропсихологию как новую отрасль психологической науки, намеренно ограничивал сферу своих интересов высшими психическими функциями (когнитивными, двигательными), что отразилось и на названии теории, объясняющей соотношение мозга и психики («теория системной динамической локализации высших психических функций»). Эмоционально-личностные явления и сознание, как предметы специальных нейропсихологических исследований в его трудах, если и встречаются, то только в контексте общего описания нейропсихологических синдромов. Их изучение должно стать следующим этапом развития нейропсихологии. Однако Лурия не сомневался в безусловной необходимости и принципиальной возможности изучения проблем личности и сознания с позиций нейропсихологии.

Относительно нейропсихологии личности (или эмоционально-личностной сферы) Лурия говорил, что в истории науки известны неудачные попытки связать понятия «личность» и «мозг» в виде «неоклейстизма» (одного из вариантов узкого локализационизма) или апелляции к исключительно надматериальной духовной природе личности. Решение этой проблемы он видел лишь в рамках теории системной

динамической локализации психических функций, считая, что признание прижизненного формирования личности и поиски системной динамической мозговой организации ее различных составляющих (параметров, компонентов, аспектов) являются необходимыми условиями нейропсихологического рассмотрения проблемы. Учитывая большой вклад Б.В. Зейгарник в изучение проблемы личности, патологии мотивов деятельности и их иерархии, А.Р. Лурия указывал на необходимость строго дифференцировать в личности то, что связано с органической патологией мозга, и то, что обусловлено социальными факторами жизни, преломленными через ситуацию болезни. К личностным дефектам, как известно, А.Р. Лурия относил нарушения саморегуляции поведения, расстройства произвольного контроля, нарушения критики, которые он связывал с патологией третьего блока мозга, а также эмоциональные и мотивационные нарушения, возникающие при поражении и третьего, и первого блоков. Он считал, что «вопрос об отношении нейропсихологии к проблеме личности является очень сложным, однако крайне актуальным... Его решения требует само развитие и нейропсихологии, и общей психологии».

Эти и другие высказывания А.Р. Лурия относительно нейропсихологического анализа эмоционально-личностной сферы не оставляют сомнения в том, что он был убежден в возможностях решения этого круга проблем с естественнонаучных позиций.

Достаточно определенно А.Р. Лурия высказывался и о проблеме сознания. Он отмечал ее принципиальную важность для понимания предмета психологической науки и многократно писал о том, что именно изучение различных форм сознательной деятельности человека и составляет основной предмет психологии, причем в задачи психологии входит не только их описание, но и объяснение с материалистических детерминистических позиций. А.Р. Лурия как последователь Л.С. Выготского, распространял культурно-исторический подход на изучение не только высших психических функций, но и сознания в целом. Он проводил четкую грань между социально-историческими «истоками», детерминантами сознания, определяющими его возникновение и содержание как высшей формы отражения действительности, и мозговым субстратом сознания, мозгом как органом, реализующим сознание. Индивидуальное сознание с точки зрения его детерминант, генеза и содержания рассматривалось А.Р. Лурия как общественно-историческая категория. Он писал, что *«для того, чтобы объяснить сложнейшие формы сознательной жизни человека, необходимо выйти за пределы организма, искать источники... сознательной деятельности и «категориального» поведения не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни... в социально-исторических формах существования человека»*. В своей статье «Философские приключения известного нейрофизиолога» он критикует непоследовательность взглядов Д. Экклза, придерживавшегося

строго материалистической точки зрения на мозговую организацию элементарных физиологических процессов и одновременно считавшего сознание проявлением божественного начала в человеке. Лурия не сомневался в возможности строго материалистического объяснения мозговых механизмов не только отдельных сознательных актов (в виде высших психических функций), но и сознания в целом. Как последователь Л.С. Выготского, А.Р. Лурия развивал представления о смысловом и системном строении сознания, объединяя проблему сознания (и отвлеченного мышления) с проблемой языка.

За годы, прошедшие со времени кончины А.Р. Лурия, ситуация в этих областях нейропсихологии изменилась мало. Нейропсихология личности и нейропсихология сознания пока еще не сформировались как экспериментальные направления, как это произошло с нейропсихологией памяти, речи, восприятия и других высших психических функций.

Изучение нейропсихологии личности в настоящее время сводится к двум типам работ. Во-первых, это использование в клинике локальных поражений мозга личностных опросников (Кеттелла, ММРІ и др.). Результаты тестирования прямо сопоставляются с локализацией поражения. Если учесть, что сами тесты (опросники) составлены для иных целей и не имеют специального нейропсихологического обоснования, а полученные данные основаны только на самонаблюдении пациентов, то, очевидно, что серьезных выводов на основании таких данных делать нельзя. А главное, в подобных исследованиях отсутствует основной принцип луриевского подхода к изучению мозговой организации психических явлений – факторный, или синдромный, анализ последствий локальных поражений мозга. С теоретической точки зрения это вариант современного психоморфологического подхода к решению проблемы «мозг и личность».

Другой тип более традиционных исследований – анализ вклада личностных компонентов (планирования, контроля и др.) в нарушения различных психических функций (памяти, мышления, речевого общения и др.). Но эти исследования не могут рассматриваться как раскрывающие тему «мозг и личность» по существу.

Более продуктивно в нейропсихологии разрабатываются проблемы, связанные с мозговой организацией эмоций, особенно в контексте проблемы межполушарной асимметрии мозга. Однако и эти исследования не посвящены собственно нейропсихологии личности.

Нейропсихологические исследования проблемы сознания, как состояния полной или измененной ориентировки пациента в окружающем и себе самом, за последние годы проводились лишь в контексте общих клинических описаний различных нейропсихологических синдромов, т. е. на феноменологическом уровне. Как и во времена Лурия, продолжалось изучение патологии сознания в рамках нейропсихиатрических представлений. Описывались феноменология нарушений сознания, характерная для поражения правого и левого полушарий у

правшей, особенности нарушений сознания у левшей. Подобные исследования, как и все клинические описания нарушений сознания в психиатрии, основаны только на наблюдениях за больными и их высказываниями. Поэтому в ряде случаев их интерпретация выглядит не очень убедительно (например, утверждения, что в сознании больных присутствует только прошлое или только будущее время и т. п.). Описания патологии сознания у больных с локальными поражениями мозга, безусловно, содержат очень интересный пласт клинической реальности, который нуждается в точном экспериментальном исследовании. К сожалению, в современной нейропсихиатрии, как и в нейропсихологии, нет достаточно ясной концепции сознания, что тормозит развитие экспериментальных исследований. Достоинством этих нейронаук является то, что обе они исходят из положения об имманентной связи сознания с мозгом. В этой области знания психиатры прокладывают дорогу нейропсихологическому эксперименту, однако, поле фактов, описанных ими, нуждается, прежде всего, в теоретическом осмыслении.

В других нейронауках (например, в нейрофизиологии) проблема сознания также далека от своего решения. Главный вопрос в этих нейронауках тот же, что и в психологии, а, именно: является ли сознание особой, но материальной по своей основе функцией мозга или нематериальным явлением, воплощением духа? В целом в нейронауках преобладает естественнонаучная традиция в изучении проблемы сознания, в соответствии с которой сознание определяется, как «осознание нашей умственной и/или физической деятельности» и рассматривается, как функция мозга. При этом многие нейробиологи, как и Лурия, считают, что осознаются только те внутренние события, которые прошли переработку в речевой системе.

Что касается конкретных мозговых механизмов, ответственных за процессы сознания, то наиболее популярны в нейробиологии представления, согласно которым сознание как проявление интегративных процессов высшего порядка обеспечивается корой больших полушарий, преимущественно ассоциативной. Широко известна гипотеза В. Маунткастла и соавторов, согласно которой основу сознания составляет широко разветвленная по всей коре сеть нейронных ансамблей, организованных по принципу вертикальных «колонок», объединяющих нейроны разного типа. Считается, что важным достоинством этой гипотезы является ее доступность экспериментальной проверке.

Таким образом, специалисты по нейронным сетям связывают сознание с конкретными нейронными образованиями. Однако на другом полюсе нейронаук к идее поиска конкретных «носителей» сознания относятся отрицательно. Представители многих зарубежных нейропсихологических школ, не разделяющие взглядов Лурия, отрицают саму возможность мозговой организации таких сложных психических явлений, как личность и сознание. Так, в хорошо известном руководстве по клинической

нейропсихологии, вышедшем в 1993 г. третьим изданием, главы, посвященные нейропсихологии личности и нейропсихологии сознания, отсутствуют. Нет каких-либо упоминаний об этих проблемах и в других авторитетных нейропсихологических источниках.

Таким образом, в современных нейронауках, занимающихся проблемами личности и сознания, можно констатировать весьма широкий набор позиций: от полного отрицания связи личности и сознания с мозгом до узкоконкретных представлений об определенных типах нейронов – «носителях» сознания. Эта ситуация, безусловно, свидетельствует о неразработанности проблем, относящихся к личности и сознанию, в том числе, и на теоретическом и методологическом уровнях, а не только о личных вкусах, пристрастиях, позициях различных исследователей этих проблем (включая и нейропсихологов).

Можно привести примеры методологических трудностей и противоречий, связанных с проблемами личности и сознания, и из других отраслей психологии. Однако сказанного вполне достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

В современной психологии, и особенно в отечественной, можно видеть признаки методологического кризиса, наиболее явно проявляющиеся в тех областях психологии, которые занимаются проблемами личности и сознания. Как это уже было в истории психологии, оживились (или появились) различные «альтернативные» подходы к изучению человека. Эта ситуация в психологии не случайна. Как уже говорилось выше, она является частью более общего методологического кризиса, распространившегося и на другие научные дисциплины (физику, астрономию, биологию и др.), который обусловлен, по-видимому, и внешними, и внутренними причинами. Внешние (социальные факторы) – это прекращение идеологического «давления» на науку, полная свобода мнений, а также проникновение в психологию непрофессионалов, не знакомых (или даже не считающих нужным знать) с уже накопленными психологическими сведениями (фактами, законами, теориями) и, вследствие этого, склонных к иным упрощенным или вообще вне-научным объяснениям психологических данных. Внутренние (логика развития самой науки) – это расширение сферы интересов современной психологии, появление новых проблем, для решения которых она еще не готова, что естественно для развития науки.

В истории отечественной и мировой психологии можно выделить несколько критических периодов, когда проблемы методологии обсуждались особенно активно.

В 60-70-е гг. прошлого века, после публикации работ И.М. Сеченова («Рефлексы головного мозга», «Кому и как разрабатывать психологию»), как известно, развернулась острая дискуссия между сторонниками «объективной» и «субъективистской» психологии, т. е. между И.М. Сеченовым и его последователями, которые рассматривали психику

человека (включая и самые сложные ее формы) как объект научного познания, с одной стороны, и теми, кто отрицал подобную возможность, – с другой.

На рубеже XIX и XX вв. вновь обостряется борьба двух методологий в психологии, а именно той, которая лежала в основе «объясняющей» (или номотетической) психологии, стремящейся, как и всякая наука, найти общие закономерности психики, и той, на которой базировалась «понимающая» (или идиографическая) психология, стремящаяся понять конкретного человека со всем его своеобразием и отрицающая всеобщие законы психики.

В начале 20-х гг. нашего века вновь разразился психологический кризис, которому Л.С. Выготский придавал историческое значение, и суть которого состояла в борьбе за новую психологию против редукционизма и дуализма, в попытке Л.С. Выготского и его школы сформулировать новые методологические основы психологии, вытекающие из философии марксизма.

В начале 50-х гг. – во время Павловской сессии – также происходил пересмотр методологических позиций в психологии, их приспособление к идеологии классического павловского учения – в трактовке А.Г. Иванова-Смоленского (в конечном счете – к бихевиоризму).

Сейчас, в 90-е гг. наметился очередной методологический кризис в связи с новой и социальной, и внутри-психологической ситуацией (в частности, вследствие широкого распространения психоаналитических и гуманистических идей).

При всех кризисах, в конечном итоге, происходит борьба двух основных методологий: естественнонаучной и гуманитарной. Соответственно центральным во всех случаях является вопрос о принципе детерминизма психических явлений, его роли в психологии.

Представители естественнонаучных направлений в психологии («объективной», «номотетической», «физиологической» психологии, бихевиоризма, психоанализа, рефлексологии, гештальтпсихологии, «марксистской» психологии) отстаивали принцип детерминизма как основу изучения причинно-следственных отношений в психологии. Представители противоположного подхода («субъективистской», «понимающей», «идиографической», «гуманистической» психологии) отказывались от всякого детерминизма, провозглашая «духовную свободу личности» (субъекта, индивида), ее непредсказуемость и независимость от объективной реальности.

Таким образом, признание или непризнание принципа детерминизма психических явлений – одно из важнейших различий между естественнонаучной и гуманистической парадигмами в психологии.

Однако, известно, что детерминизм, как основной методологический принцип в психологии, по-разному трактуется различными направлениями. Это либо механистическое понимание детерминант психики, апеллирующее

непосредственно к внешним стимулам (бихевиоризм, рефлексология), либо упрощенное сведение психического к физиологическому («физиологическая», «павловская» психология), либо признание психического следствием врожденных влечений (психоанализ и его варианты), либо непосредственное выведение психического из социального («марксистская» психология и ее варианты); наконец, это может быть «гибкий» (внутренний) детерминизм в виде опосредствования психических процессов орудиями, знаками, речью, имеющими культурно-историческое (внешнее) происхождение, как это утверждает школа Л.С. Выготского.

Можно, следовательно, говорить о «качестве» детерминизма, но сам принцип детерминизма, т.е. применение к психике философских законов о всеобщей обусловленности психических явлений реалиями объективного материального мира и распространение на психику причинно-следственных закономерностей, является важнейшим критерием естественнонаучной парадигмы в психологии.

Можно говорить и о других критериях этого подхода: рациональности познания, доступности для эмпирической проверки, включения в систему уже накопленных знаний, опоре на уже сложившиеся научные традиции и др. Совершенно очевидно, что с точки зрения и этих критериев современные «альтернативные» направления в психологии (например, так называемая гуманистическая психология) не выдерживают критики.

Развитие отечественной психологии в значительной степени находится под влиянием работ Л.С. Выготского и его школы. Это связано прежде всего с тем, что Л.С. Выготский и его последователи внесли важнейший вклад в формирование методологических основ современной психологии. В 20-х гг. нашего столетия Л.С. Выготский впервые сделал попытку сформулировать основную методологическую концепцию, которая позволила бы создать новую научную психологию. Как методолог психологической науки Л.С. Выготский опирался на философию марксизма, но для него марксизм был не идеологией, а философской методологией, которая должна быть использована для разработки конкретной методологии «общей психологии», т.е. для разработки конкретно-психологической «философии человека». Однако, завершить эту работу он не успел. Тем не менее, Л.С. Выготский впервые сумел преодолеть упрощенное социологизаторское понимание соотношения человека и общества, которое было присуще другим строителям «марксистской» психологии. Он выдвинул тезис об опосредствованной (через орудия, знаки, символы, речь) детерминации психических процессов и сознания в целом социальными, культурно-историческими факторами. Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского и была той конкретной методологической позицией, которая позволила начать создание новой научной психологии и ее различных отраслей не только в нашей стране, но и за рубежом, где за последние годы происходит второе

рождение трудов Л.С. Выготского, которые приобрели большую популярность.

Л.С. Выготский в соответствии с философией марксизма выделял несколько уровней методологического осмысления (методологических принципов) науки, а именно:

- 1) общие методологические принципы марксизма (диалектического материализма), как общей методологической основы всего естествознания;
- 2) методологические принципы конкретной науки – психологии («общей психологии»);
- 3) более частные методологические принципы определенной отрасли психологии (например, нейропсихологии, детской психологии и др.).

В качестве общей методологии всего естествознания, включая и психологию, рассматривались принципы детерминизма, системности, развития, перехода количества в качество и др.

В качестве конкретной методологии «общей психологии» была сформулирована концепция культурно-исторического геза психических функций (в онтогенетическом и историческом плане).

В качестве еще более конкретных форм методологии, созданной на основе культурно-исторической теории, Л.С. Выготский начинал, например, разработку теоретических основ нейропсихологии, продолженную и завершенную А.Р. Лурия (в виде теории системной динамической локализации высших психических функций).

Все уровни методологического анализа, по мысли Л.С. Выготского, должны тесно взаимодействовать друг с другом, составляя целостное здание методологии психологической науки.

Как известно, Л.С. Выготский скептически относился к попыткам непосредственно «приспособить» к нуждам психологии общие философские принципы марксизма. Он иронизировал над попытками написать учебник психологии «с позиций диалектического материализма», которые предпринимались в 20–30-е гг. В трудах классиков марксизма Л.С. Выготский искал лишь метод построения психологии, как науки, а не конкретные рецепты решения психологических проблем.

Методологические проблемы психологической науки, как известно, активно обсуждались и после Л.С. Выготского в трудах многих ведущих психологов (С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперина, М.Г. Ярошевского, Б.Ф. Ломова, В.П. Зинченко, С.Д. Смирнова, Г.М. Андреевой, А.В. Брушлинского, О.К. Тихомирова, Н.И. Чуприковой и др.). В результате сложилась достаточно устойчивая естественно-научная парадигма, в рамках которой были получены многие достижения отечественной психологической науки, признанные мировой научной общественностью. Продуктивно развивались намеченные Л.С. Выготским различные направления научной психологии в трудах

А.Н. Леонтьева (в виде концепции деятельностного подхода к изучению психики), А.Р. Лурия (в виде создания новой отрасли психологической науки – нейропсихологии), П.Я. Гальперина (в виде теории поэтапного формирования умственных действий) и других отечественных учёных. Однако процесс создания новой научной («общей») психологии не завершён. Не завершена и работа по формированию методологических принципов психологической науки (общих и частных). Об этом свидетельствует и та ситуация, в которой оказалась современная психология, – ситуация методологического кризиса. Для обсуждения различных проблем современной психологии и, прежде всего, трудных методологических вопросов, необходима открытая дискуссия. Она тем более актуальна, что сейчас в психологии почти официально сложились две явно противоположные точки зрения. Помимо традиционной для нашей отечественной психологии естественнонаучной материалистической позиции, идущей от И.М. Сеченова и других естествоиспытателей и продолженной плеядой выдающихся советских ученых (Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия, П.Я. Гальпериным и др.), достаточно популярными, если не сказать модными, стали различные нематериалистические концепции психики, особенно в психологии личности и сознания.

В процессе этой дискуссии необходимо попытаться ответить на вопросы: исчерпала ли себя естественнонаучная материалистическая парадигма в психологии? если так, то что именно может ее заменить? может быть, не исчерпала, но имеет ограничения в сферах применения? если так, то каковы эти границы? и, главное, справедлива ли доктрина всеобщего детерминизма в психологии (включая и самые сложные явления – уровня личности и сознания)? иными словами, справедлива ли естественнонаучная материалистическая методология психологической науки?

Для того чтобы ее опровергнуть, необходима не просто декларация нового пути (или путей) в психологии (типа «христианской» психологии), а убедительная аргументация. В противном случае критика естественнонаучной парадигмы в пользу гуманитарной рискует выплеснуть за борт вместе с водой и ребенка.

РИБАЛКА Валентин Васильович

В.В. Рибалка народився 1 січня 1947 року, м. Ютербог, Німеччина. Доктор психологічних наук, професор, головний науковий співробітник відділу педагогічної психології і психології праці Інституту педагогічної освіти і освіти дорослих НАПН України, головний науковий співробітник лабораторії психології творчості Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України. Радник директора Інституту обдарованої дитини НАПН України, член Наукової консультативної ради з соціально-психологічних питань Національної експертної комісії України з питань захисту суспільної моралі.

Сфера наукових інтересів В.В. Рибалки – теоретична, прикладна і практична психологія, психологія особистості, психологія праці і професійної підготовки, педагогічна та вікової психологія.

Серед найвагоміших наукових результатів – створення психологічної теорії особистості, що спирається на модель тривимірної, поетапно конкретизованої психологічної структури особистості, а також розробка концепції розвитку творчо обдарованої особистості, культурологічних та аксіологічних аспектів психології честі та гідності особистості, особистісного підходу в психології праці та професійної підготовки. В.В. Рибалка є автором понад 420 наукових робіт з психології, серед них: «Особистісний підхід у профільному навчанні старшокласників», «Методологічні питання наукової психології (Досвід особистісно центрованої систематизації категоріально-поняттєвого апарату)», «Теорії особистості у вітчизняній філософії, психології та педагогіці», «Честь і гідність особистості як предмет діяльності практичного психолога».

Рибалка В.В. Методологічні проблеми психології майбутнього та наукова програма «Особистість – XXI століття» / В.В. Рибалка // Методологічні питання наукової психології (Досвід особистісно центрованої систематизації категоріально-поняттєвого апарату): навчально-методичний посібник; АПН України, Ін-т педагогіки і психології проф. освіти АПН України. – Київ: Ніка-Центр, 2003. – С. 168-189.

МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ ПСИХОЛОГІЇ МАЙБУТНЬОГО ТА НАУКОВА ПРОГРАМА «ОСОБИСТІТЬ – XXI СТОЛІТТЯ»

<...> Які ж це проблеми? По-перше, однією з найважливіших серед них О.М. Леонтьєв вважає інтеграцію психологічної науки, її галузей, саме як системи психологічних знань, що відповідає проблемам людини і суспільства. Отже, створення системи психології залишається найважливішою з методологічних проблем. У цьому плані його передбачення збігається з думками інших психологів, зокрема, К.К. Платонова, який ще у 1972 році запропонував проект «системи психології». По-друге, вершинними проблемами психології О.М. Леонтьєв

називає проблеми «розвитку особистості та освіти, котра має породжувати особистість, а не бути фабрикою суспільства зроблених голів». Саме у становленні психології особистості, що як наука тісно пов'язана з етикою, з аксіологією, він вбачає перспективу перетворення психології у провідну науку про людину ХХІ століття.

У зв'язку з цим, О.М. Леонтьєв переконаний, що майбутня психологія – психологія особистості – має стати системною та аксіологічною психологією. У зв'язку з цим, він розуміє особистість у коперніковському тлумаченні: «Я знаходжу своє... «Я» не в собі самому (його в мені бачать інші), а у поза мене існуючому – у співбесіднику, у коханому, у природі, а також у комп'ютері, у Системі.

<...> Психологія особистості є психологія драматурга. Грунт і центр цієї драми – боротьба особистості проти своєї духовної руйнації. Ця боротьба ніколи не зупиниться. Суть у тому, що існують епохи її загострення. Побіжне міркування про культури як типи шляхів (або глухих кутів) глобальних рішень усіх загострень. Шлях звільнення від зовнішнього – індуїзм, дзен, християнство. Шлях організації зовнішнього – соціальні концепції суспільства майбутнього.

Слід відмітити, що у сартрівському екзистенціалізмі цікаво схоплені зміни, що зазнає особистість при переході від життя».

У своєму «самозаповіті» О.М. Леонтьєв висловлює незвичне розуміння психології майбутньої, як психології ціннісної, етичної, драматичної, наскрізь культурно-історичної. Психологія виступає як соціальне конструювання світів. Як слушно зауважує О.Г. Асмолов, передбачення О.М. Леонтьєва не можна відірвати від психології ХХІ століття, від культурно-історичної психології Л.С. Виготського, від романтичної психології А.Р. Лурії, а також, додамо, від думок про «психозойську еру» видатного українського вченого В.І. Вернадського. Адже не можна не помітити, що саме перетворення психології із суто теоретичної, експериментальної у практичну, дієву науку «соціального конструювання світів» співзвучно ідеям В.І. Вернадського про «ноосферу», «психозойську еру» тощо.

Саме ці погляди О.М. Леонтьєва спонукали О.Г. Асмолова інтерпретувати їх як програму створення психології ХХІ століття. Дані погляди привели останнього до розробки власного проекту побудови неокласичної релятивістської психології, що базується на історико-еволюційному підході у психології особистості, на «любві до психоісторії і спробі змінити, звернувшись до організації шкільного життя, психосоціальні сценарії розвитку суспільства в епоху життєвої дії.

Саме історико-еволюційний підхід дозволяє прогнозувати і структурувати поле проблем і напрямків, із якими пов'язаний майбутній розвиток неокласичної релятивістської психології: ріст міждисциплінарних досліджень, що спираються на універсальні закономірності розвитку систем; перехід при постановці проблем аналізу розвитку особистості від

антропоцентрованої феноменографічної орієнтації до історико-еволюційної, поява дисциплін, що розглядають психологію як конструктивну проектувальну науку, котра виступає фактором еволюції суспільства».

Інакше кажучи, за О.І. Асмоловим, для неklasичної релятивістської психології головним є питання про побудову її як науки, що «виробляє історію суспільства, психології, що виступає фактором еволюції суспільства. Саме це і змінює статус цієї науки у суспільстві, робить її провідною наукою XXI століття». З позицій історико-еволюційного підходу неklasична психологія постає як фактор реформування сфери освіти, її переходу з під уніфікованої адаптивної парадигми «знань, умінь і навичок» – до парадигми «варіативної розвивальної освіти». Слід відмітити, що окреслена О.Г. Асмоловим психологія вже продемонструвала свої можливості у соціальному конструюванні реальності й тим самим сприяла зміні суспільного статусу психології у російській освіті як сфері соціальної практики – «в ході відомого експерименту 1988-1998 р.р., в умовах якого було створене нове покоління підручників загальною кількістю біля 300 мільйонів примірників – як унікальне культурно-історичне знаряддя оволодіння цілої генерації дітей і вчителів». Відмітимо, що в цьому експерименті психолог О.Г. Асмолов одночасно виступав і як заступник міністра освіти Росії.

Відомий український психолог В.Ф. Моргун пропонує свій прогноз основних проблем психології майбутнього на основі власної моністичної концепції багатовимірного розвитку особистості. Вона виконує свою пояснювальну, конструктивну, розвивальну тощо функції у різноманітних галузях теоретичної, науково-прикладної та практичної психології. Можна стверджувати, що концепція В.Ф. Моргуна набуває у вітчизняній науковій психології статусу справжньої теорії особистості. Про це свідчить також здатність даної теорії до прогнозування майбутнього поступу людства.

У зв'язку з цим, дослідник використовує свою концепцію особистості для конкретизації передбачення, яке дав ще у 1927 році «велетень серед натуралістів світу, перший президент Академії наук України – Володимир Іванович Вернадський», який «назвав нову геохронологічну епоху «психозойською (технозойською) ерою», а простір, до якого наблизилось людство, відповідно – «техносферою», або «ноосферою» (сферою розуму)».

У відповідності з поглядами В.І. Вернадського, Б.Ф. Кедрова, Ж. Піаже, В.Ф. Моргун зауважує, що поняття психозойської ери визначає інтеграцію психології з геокосмологією, з геополітикою, з розумом людини як космопланетарним явищем, або, стисло кажучи, – інтеграцію психології з природним і людським довкіллям. Таким чином, В.Ф. Моргун фактично дійшов думки Тер'яра П'єра де Шардена про нерозривність Психогенезу і Космогенезу, на завершальних етапах яких, на стадіях Ноосфери і в так званому пункті Омега головним діячем, суб'єктом поступу людства виступає Особистість і Надособистість.

На основі врахування запропонованих ним інваріантів багатовимірної структури розвитку особистості, вчений передбачає появу п'яти головних психолого-геологічних проблем, які постануть перед людством у психозойську еру.

По-перше, у психозойську еру зростатиме частота і амплітуда *просторово-часової локалізації людини у довкіллі*. При цьому він приєднується до думки В.І. Вернадського, що для того, щоб уникнути виснаження природних запасів, людство повинно зробити більш інтенсивнішою «хімічну роботу», «концентрувати руди», щоб прискорити геологічну працю, яка виконується природою надто повільно, протягом тисячоліть. Розвиток соціотехнологій буде здійснюватись на тлі зростання ролі екології.

По-друге, на думку В. Моргуна, інтеграція людини і довкілля буде здійснюватись і по лінії *психо-емоційних переживань*. Мова йде про те, що взаємозв'язки між людиною і довкіллям завжди відбиватимуться у негативно-врівноважено-позитивних переживаннях людства, визначаючи «перемоги-поразки» в їх стосунках, «подяку-помсту» за втручання людини з боку довкілля, «оптимізм-песимізм» у прогнозах долі людини і довкілля у майбутньому. Вчений кваліфікує психоемоційне ставлення самого В.І. Вернадського до майбутнього людини і довкілля як «виважений оптимізм», про що свідчать і неодноразові висловлювання останнього щодо «вічного безсмертя розуму людини».

По-третє, у понятті психозойської ери інтегруються як *психо-геологічні, так і психо-соціальні та психо-індивідуальні* аспекти стосунків людини і довкілля. З цього випливає головне завдання людини майбутнього, яке за В.І. Вернадським полягає в тому, щоб «надавати якомога більшої користі оточуючим». Ознакою майбутньої психозойської ери має стати незаперечний гуманізм, який вважає найбільшою у світі цінністю вільну людську особистість. Моргун особливо виділяє думку Вернадського: «Вся історія науки на кожному кроці показує, що окремі особистості були більше праві у своїх твердженнях, ніж цілі корпорації вчених чи сотні й тисячі дослідників, які дотримувалися панівних поглядів».

По-четверте, у психозойську еру здійснюватиметься інтеграція всіх *рівнів людської діяльності – навчання, відтворення і творчості*. Видатні творчі особистості, а серед них і В.І. Вернадський, випереджали свій час і в цьому відношенні органічно поєднували зльоти творчої думки з навчанням впродовж усього життя та з рутинною, якщо необхідно і механічною, практичною працею. Це передбачення, за рівнями людської діяльності, пов'язане з наступним – за формами опанування людської діяльності.

По-п'яте, психозойська ера характеризуватиметься *інтеграцією моторної, перцептивної і розумової форми дії* людини. І знову прогноз В.Ф. Моргуна спирається на приклад наукового життя В.І. Вернадського, який прагнув завжди до живого споглядання – через практичну роботу у

наукових мандрах, експедиціях, геологічних розкопках, через вивчення наукових даних із різних джерел, через набуття необхідного світогляду, глибини розуму, знань, спираючись на «вільну наукову думку», закликаючи до відповідальності за можливі наслідки своєї наукової роботи. <...>

Відштовхуючись від зроблених, на основі власної моністичної концепції багатовимірного розвитку особистості, уточнень геніальних передбачень В.І. Вернадського, спираючись на праці відомих психологів, В.Ф. Моргун висуває гіпотезу про інтегративне мислення, менталітет майбутньої людини, адже саме вони утворюють основу ноосфери як сфери розуму. Такий інтелект властивий творчій особистості, яка «для розв'язання проблемної ситуації користується синтетичною інтуїцією, що в свою чергу забезпечується п'ятьма фундаментальними інтелектуально-особистісними інтеграціями: трансперспективною (минулого-позаду, сучасного-тут, майбутнього-попереду), емоційно-вольовою (загрози, безпеки, захоплення), змістовною (предметною, комунікативною, рефлексивною), порівневою (навчання, відтворення, творчості) та формодіяльнісною (моторною, образною, мовленево-розумовою формами дії)».

Універсальність, евристичність, продуктивність, прогностичність розробленої В.Ф. Моргуном моністичної теорії багатовимірної структури і розвитку особистості являє собою своєрідний феномен вітчизняної наукової психології. Тому зрозуміло, що в її ріднісінькі працює багато найближчих колег і послідовників автора, вона привертає увагу теоретичних, прикладних і практичних психологів і педагогів, тобто має незаперечну перспективу подальшого розвитку. <...>

Однак, наведені вище прогнози методологічних проблем психології XXI століття не є однозначними. Цей висновок впливає з аналізу переліку питань, які редколегія відомого журналу «Вопросы психологи» поставила на «круглому столі» перед провідними російськими психологами – А.В. Брушлінським, М.М. Нечаєвим, О.Б. Орловим, В.І. Пановим, В.І. Слободчиковим, В.С. Собкіним, І.С. Якіманською та ін. Ось цей перелік:

1. Чи стане XXI століття століттям психології?
2. Чи здійснилися пророцтва В.І. Вернадського щодо вступу людства у психозойську еру?
3. За якими психологічними напрямками і науковими школами майбутнє?
4. На чії роботи вітчизняних і зарубіжних психологів будуть продовжувати посилятись у XXI столітті?
5. Чи відбудеться зближення у XXI столітті психології, релігії та мистецтва?
6. Чи потрібна психологу клятва Гіпократата? Етика психології і психологія етики у XXI столітті.
7. Яка доля репресованих наук і ідей у психології? Чи є шанс у педології та психотехніки відродитися?

8. У чому полягає історичний смисл психологічної кризи на межі ХХ і ХХІ століть? (К. Бюлер, Л.С. Виготський – хто наступний?).

Розглянемо деякі відповіді на дані запитання, віддаючи перевагу тим вченим, які торкались саме методологічних проблем наукової психології майбутнього.

Для видатного вітчизняного психолога, найближчого співробітника і учня С.Л. Рубінштейна, доктора психології А.В. Брушлінського головним і методологічно найбільш важким є питання пошуку єдиного, загального фундаменту для різних напрямків психологічної науки. На його погляд, «перспективною теоретичною основою, що може поступово зблизити ряд течій і тенденцій у психології, у міру виявлення і розвитку потенційно спільного для них концептуального ядра, можуть стати передусім ті теорії, котрі все більш послідовно і системно реалізують у психології принцип суб'єкта, його діяльності, спілкування тощо. Цілісність людини як суб'єкта – це онтологічна основа для системності, інтегральності усіх її психічних якостей. Вона і визначає гносеологічний бік справи – постановку і вирішення усієї проблеми, що розглядається, тобто розробка психології суб'єкта (індивідуального, групового тощо) закономірно веде до встановлення єдності психологічної науки...». Але для цього в межах психологічного товариства мають бути прийняті правила нормальної взаємодії між різними науковими школами, зокрема, проведені чесні і відкриті дискусії щодо полемічних аспектів існуючих теорій. Як безпрецедентний приклад протилежного підходу, він нагадує про відсутність впродовж майже 40 років наукової дискусії у вітчизняній психології щодо культурно-історичної теорії вищих психологічних функцій, що, на його думку, не сприяло виявленню її справжньої перспективності.

Доктор психології В.І. Слободчиков вважає, у зв'язку з вищезазначеним, очевидніше що, «поряд із класичною природничо-науковою парадигмою, у психології інтенсивно формується антропологічна парадигма; вони породжують відповідно два різних види знання: об'єктного – знання про той чи інший психічний феномен і суб'єктного – знання людиною своєї власної суб'єктивності (самості)». Ці дві парадигми будуть суперечливо співіснувати у наявному соціокультурному просторі і головним симптомом кризи класичної психології при цьому стануть, як це не дивно, успіхи прикладної психології і психологічної практики. Адже джерелом нового знання і нових засобів психологічної роботи з клієнтом стає сам досвід цієї роботи, а не строгі канони наукового, теоретичного і експериментального дослідження, культура якого катастрофічно знижується.

При цьому, на думку вченого, «різко змінились критерії достовірності знання: замість об'єктивності, загальнозначущості, верифікованості – реалістичність, успішність, реалізованість. Дух постмодернізму все більше охоплює класичну психологію – безмежний плюралізм у вихідних засадах,

базових принципах, нормах раціональності; головне, щоб психологічне знання максимально відповідало вищезазначеним прагматичним критеріям».

В.І. Сдободчиков висловлює песимістичну оцінку щодо пророцтва В.І. Вернадського про «психозойську еру», адже це пророцтво «збувається у своїй найнепривабливішій формі: як психопрограмування і духовне кодування особистості. Прагматичне і психологічне знання, що одвічно отримується у надрах власне наукової психології як строге знання про психічні явища, виявилось чудовим засобом (інструментом, знаряддям, технологією) інсценування ким-небудь чужого життя у власних цілях (реклама, піарівські технології, виборчі рейтинги і т.п.). На такому терені у психології карколомні перспективи, і цілком можливо, що ХХІ століття найменше само себе психологічним століттям».

У цих умовах відомі вітчизняні напрямки психології – культурно-історичний та діяльнісний – вже перестають бути вченнями, перетворюючись «на інструментарій практичних дійств із невиявленими або свідомо переплутаними ціннісно-смісловими засадами». За даних обставин, як вважає В.І. Слободчиков, «саме релігійна, передусім, християнська точка зору на людину може сильно допомогти, а здебільшого і унеможливити швидкоплинне перетворення наукової психології у практичну магію, у власне парапсихологію. Саме головне, що слід пам'ятати: християнське учення про людину – це цілісний погляд на усю людину, у всій її тотальності, це одночасне бачення людини у її походженні, сутності, бутті та призначенні. Стосовно такого осмислення усі інші точки зору на людину (етична, наукова, естетична, прагматична тощо) мають, за В.І. Слободчиковим, частковий, а тому і неістинний характер. Тільки в такому випадку будуть осмислені і забезпечені як етика психології, так і клятва Гіпократата».

Для доктора психології В.С. Собкіна відповідь на запитання «За якими напрямками і науковими школами майбутнє?» пов'язана з тим, як ці напрямки і школи відчують і вловлюють «правду життя», як вони «зорієнтовані на розуміння соціокультурного та історичного контексту, ... на сценування життя, реконструкцію і проектування різних соціальних і життєвих сценаріїв...». Для вченого «...майбутнє власне експериментальних досліджень у психології буде здебільшого пов'язане з тією культурою експериментальної роботи, котра характерна для школи К. Левіна. Саме цей тип експериментальних досліджень можна позначити як сценарний експеримент, що передбачає певну режисуру. Якщо прогнозувати ситуацію суспільних трансформацій, то тут, за припущенням вченого, найважливішим виявляється проблематика цінностей (або їх відсутності) людської поведінки в ситуації ціннісно-нормативної невизначеності».

На погляд доктора психології І.С. Якіманської, «психологія як культурна складова суспільного розвитку ХХІ ст. – це передусім

психологія, що обстоює цінності та пріоритети особистості як індивідуальності.

Становлення індивідуальності у нашому суспільстві пов'язане передовсім із визнанням самотності та самоцінності кожної людини, повагою особистості, дотриманням її прав і обов'язків, наданням вибору в прийнятті рішень, відповідальності за їх наслідки».

Психологія нового століття – це, на переконання І.С. Якіманської, вивчення, виявлення, становлення у людини інтелігентності як особливого відношення до світу людей і речей, як стану духа, особливих душевних якостей людини.

За думкою доктора психології М.М. Нечаєва, на наших очах народжується дійсно нова вітчизняна психологія, не «книжна», а «психологія життя», оскільки «точка зору життя» є «основна точка зближення психології і теології, богослов'я», він вважає природним те, що «невіруючі професійні психологи і вчені богослови бачать досліджувані прояви людської психіки під різними кутами зору. Однак це аж ніяк не недолік психологічного знання, а його перевага: саме у взаємній додатковості релігійної та світської науки... перспективи поглиблення наших знань про механізми психіки».

У передбаченнях доктора психології В.І. Панова дещо іншим чином конкретизуються думки колег по круглому столу – він, зокрема, стверджує, що на межі ХХ і ХХІ ст. намічається тенденція зміщення психологічного змісту в науці і освіті «від способів людської діяльності, спрямованих на перетворення зовнішньо-предметного світу, у бік способів діяльності, безпосередньо орієнтованих на цілеспрямоване перетворення свідомості (психіки) людини, у відповідності з власною природою його розвитку і тому виступаючих у якості психологічних засобів саморозвитку індивіда...». Більш того, «...визнаючи психіку як загальноприродну форму буття, ми тим самим виходимо на такі фундаментальні принципи й закономірності її становлення й розвитку, котрі повинні мати універсальний характер і для інших форм буття, що складають предмет дослідження... точних наук. Інакше кажучи, має відбутися своєрідна методологічна інверсія.

Замість переносу фізикальних методів наукового пізнання на вивчення психіки (і відповідну редукцію психічного до тих чи інших форм буття), має відбутися методологічний переніс принципів вивчення і формопородження психічної реальності на вивчення інших видів реальності природного буття, приміром, реальностей мікросвіту і мегасвіту (фізика), а також рослинної та тваринної форми життя (біологія)». За прогнозом вченого, психологія, релігія, мистецтво зближуватимуться, але ніколи не замінять одне одного. Що ж стосується стану кризи, то це природний, перманентний для психології стан – із причини співпадіння психіки як об'єкту і як засобу вивчення психічних явищ. Внаслідок цього здійснюється формування різних «картин психіки» та, відповідно, логічне несприйняття інших «концептуалізацій» психіки і, як результат, – перманентний стан

кризи її емпіричних і концептуальних засад. Вихід з цього стану В.І. Панов вбачає саме «у подоланні фізикальних, продуктних засад осмислення психіки в якості об'єкта і предмета вивчення і практики».

Передбачення доктора психології О.Б. Орлова полягають у тому, що «стаючи все більш століттям психології, ХХІ століття може стати століттям психопрактики». Цей прогноз будується на визнанні принципової різниці між поняттями психологія і психопрактика. У сучасній практичній психології, перш за все, у психотерапії та психологічному консультуванні, виникає новий напрямок – психопрактика (може, краще – пспхопраксія. – Р.В.), що йде на зміну психології. Її головною особливістю є те, що в її структурі не емпірія (власне практика) обслуговує теорію, а, навпаки, теорія (міф) створюється для того, щоб породжувати і обслуговувати конкретну практику. У структурі психопрактики логос як когнітивне, раціональне пізнання, свідомий інтелект, стає лише однією, частковою формою відображення певних змістів.

Виходячи з цього, О.Б. Орлов робить висновок, що «психозойська ера неможлива як ера психології (часткової, конкретної форми наукового знання і пізнання), але можлива як ера психопрактики». Отже, психозой, як психопрактична ера, вельми вірогідний у ХХІ столітті «у зв'язку з масовим проникненням психотерапії і психологічного консультування (цих проміжних між психологією та психопрактикою, протопсихопрактичних форм) у соціальне та особисте життя людей». Він визначається саме «трансформацією психології у психопрактику». В цьому плані «майбутнє належить тільки тим сучасним напрямкам і науковим школам, котрі є ланом психопрактики; передусім, це школи глибинної і вершинної психології і психотерапії...».

О.Б. Орлов впевнений, що «у ХХІ ст. психологи почнуть поступово усвідомлювати усю безвихідь і згубність методології класичної науки і спробують здійснити її радикальні перетворення. Інтелект – лише часткова форма життя. Практика життя – ось деміург «наук про людину», в тому числі і психології. Становлення справжньої психопрактики як науки цілісного і повноцінного буття у психіці людини, у всій її інтегральності, спонтанності, красі і творчій міці, нерозривно пов'язане з переглядом функції і ролі теорії (міфа) у діяльності самого вченого. Усяка теорія має сенс рівно настільки, наскільки вона здатна активізувати (фасилітувати) позитивну практику життя. Ніяка теорія не повинна бути знанням про людину і його життя, не повинна розуміти, пояснювати, передбачати і визначати людину та її життя. Єдина осмислена функція теорії – допомогти життю конкретної людини. Сама професійна роль людини «вченого» (знатока, експерта, референта, авторитета) неминуче трансформується в особистісну позицію людини «досвіченої» (фасилітатора, лідера і майстра життя)».

У цьому зв'язку, як запевняє О.Б. Орлов, «історичний сенс психологічної кризи полягає у самому існуванні психології. Ця криза

вирішиться лише в тому випадку, якщо завершиться її історія, якщо сучасна психологія, продовжуючи розв'язуватись чисельними психотеоріями, нарешті наважиться стати психопрактикою» .

Доктор психології В.Ф. Петренко пов'язує майбутнє психології у ХХІ столітті з загальним футурологічним прогнозом щодо змін самої людини, її буття. Адже світ рухається до постіндустріального суспільства, де пануватиме виробництво ідей та інформації, тобто види трудової діяльності, що відповідають, згідно відомої класифікації професій Є.О. Клімова, таким сферам, як «Людина-знак», «Людина-художній образ». Вже зараз 60% працюючого населення США зайнято у сфері інформатики, тоді як у промисловості – лише 13%, а у сільському господарстві – всього 3%.

Ця тенденція тільки посилиться. Майбутній робітник буде працювати за монітором власного комп'ютера у власному будинку, маючи необмежений доступ через Інтернет до абияких інформаційних ресурсів, до «всесвітнього архіву», до будь-кого з мешканців Землі. А це принципово змінить спосіб життя людини, її психологію, призведе до аутизації людства – як реакції на розширення просторових і часових меж людського буття, на його віртуалізацію. Так, на зміну звичним соціальним групам прийдуть віртуальні спільноти «по інтересах», що об'єднані за допомогою «світового павутиння».

На зміну соціальної або етнічної спільноті людей, яка забезпечує цінність розмаїття, прийде спільність за менталітетом, що збільшує інтелектуальну й культурну своєрідність людства. В якості антитези «шизоїдизації» людства, пов'язаної з відривом свідомості від чуттєвої тканини, посилиться роль досугу – спорту, мандрів, гри... У майбутньому, за В.Ф. Петренко, можливо, з'явиться професія, що інтегрує ролі режисера, психолога й історика. Імітаційна гра, можливо, стане не тільки реалізацією творчого досугу, але і формою історичного пізнання, осягнення менталітету людей минулих епох, історичних персонажів, розширивши межі часового буття людини. «Освоєння і рефлексія безмежних культурних прошарків історії почалися (за еволюційними мірками) порівняно недавно, і людству (і, зокрема, психологічній науці) ще доведеться зробити ту роботу, про яку, правда, в іншій формі, пророчо писав М.Ф. Федоров, як про «оживлення предків своїми нащадками».

За переконанням В.Ф. Петренка, значно зросте роль психології мистецтва в її розвивальній та терапевтичній функції, збільшиться культурна диференціація населення – через масове звернення до духовних, естетичних цінностей, до світових шедеврів. Виникнуть нові форми синтезу мистецтв, які через нові комп'ютерні технології нададуть нові можливості для творчого самовираження особистості.

Важливими складовими психологічної науки стануть, на думку вченого, розвиток екологічної свідомості, пошук нових форм гармонії із живою природою. У зв'язку з цим, посилиться роль зоопсихології.

Інтеграція штучного, людино-машинного інтелекту «буде суттєво доповнена різними формами біотехнічних інтелектуальних систем, де фрагменти клонованих органів тварин, як носіїв чуттєвості, будуть включені в єдиний контур біокомп'ютерних систем обробки інформації та управління».

За припущенням В.Ф. Петренка, у зв'язку зі збільшенням тривалості життя, зросте роль геронтопсихології, а в умовах впровадження у життя останніх досягнень генетики, постануть нові проблеми генетики, що зацікавлятиме й інтереси психологічної науки, по-новому поставить питання еволюції, «реконструкції особистісно-генетичних профілів людини». За цих обставин, «довільність і зростаюча усвідомленість людини у виборі свого життєвого шляху, соціального оточення, інформаційних і ментальних просторів, що структурують його буття, не тільки дозволять їй емансипуватись від Природи, переходячи, як писав Ф. Енгельс, із царства необхідності у царство свободи, але і зробить її відносно незалежною і від соціуму, відкривши шлях до свободи Духа».

В.Ф. Петренко слушно розглядає розмаїття різних психологічних шкіл як прояв не перманентної кризи психології, а як відображення плюралізму у розумінні людини, її особистості, коли кожна зі шкіл пропонує свою фрагментарну модель особистості, яка виражає певний ціннісний, аксіологічний компонент. У майбутньому це розмаїття тільки збільшиться, пропонуючи людству різноманітні моделі духовного розвитку. «З описової науки ХХ ст. психологія перетвориться у конструктивістську науку, що володітиме широким набором психотехнік, розширюючих свідомість (в тому числі і в її змінених формах). Психологія, знаходячись на вістрі еволюційного поступу, займатиметься побудовою можливих ідеальних моделей буття...».

За прогнозом В.Ф. Петренка, «стосунки науки і релігії ...будуть тотожні стосункам наукового і поетичного бачення світу, де поетичний образ Висхідного сонця не суперечить геліоцентрованої моделі М. Коперніка, а породжує багатовимірність людського світогляду і пристрасну центрованість, що виявляється у трактовці людини як «міри усіх речей».

Підсумовуючи результати дискусії, головний редактор журналу, кандидат психології О.В. Щедрина відмітила жвавий інтерес учасників круглого столу до означених у переліку питань. Зрозуміло, що думки по деяких пунктах суттєво розійшлися, зокрема, щодо питання про зближення психології, мистецтва, релігії і щодо прийняття клятви, подібної до клятви Гіпократу у медиків. Сама ж О.В. Щедрина, як одна з двох учасниць і ведуча дискусії, зупинилася на першому і п'ятому питаннях.

На її думку, початок психозойської ери залежить від того, «чи зможе психологія сьогодні запропонувати суспільству дещо таке, щоб її затребуваність перевищила міру затребуваності інших областей знань... Для цього робиться багато. Порівняння є, але за ним не завжди настає

прорив». Умовою настання психозойської ери О.В.Щедріна слушно вважає «підвищення психологічної культури суспільства в цілому, що передбачає розуміння і прийняття психології як реальності не менш значущої, аніж, приміром, економіка». Поняття психозойської ери вона трактує, зокрема, «в тому сенсі, що, можливо, не тепер, а у достатньо віддаленому майбутньому людство підійде до того, щоб оцінювати якість життя не за продуктами технічного прогресу, що забезпечує все більш високий рівень фізичного комфорту й безпеки, а за психологічним самопочуттям кожного представника суспільства <...>

Психозойська ера настане тоді, коли людина усвідомить, що її пріоритетною метою має стати не технічний прогрес, в ім'я якнайскорішого, незупинного просування якого вона поступається багатьма людськими достоїнствами, а сама людина як така – з її внутрішнім світом».

На думку О.В. Щедріної, «гарне мистецтво поки що глибше і повніше розуміє людину, аніж психологічна наука», що свідчить про обмеженість абстрактного психологічного аналізу, який має бути доповнений «можливостями інтуїтивного проникнення у сутність істинно людського, духовного в людині. Звідси випливає, що зближення психології з мистецтвом (зближення, якому перша буде чинити опір, називаючи профанацією усе, що не йде від науки) і, почасти, з релігією (правда, лише в тому її аспекті, котрий має відношення до духовного складу людини, до спроб осягнення її внутрішнього світу), вірогідно, буде мати місце. Хоча, зрозуміло, кожна наука до тих пір залишається окремою областю знань, допоки шукає свої особливі шляхи осягнення власного предмету.

Вивчення природних основ залишається прерогативою психології, поряд із іншими областями саме наукового знання – біологією, фізіологією, нейропсихологією тощо і ніколи – релігії й мистецтва».

Розглядаючи актуальні методологічні проблеми сучасної і майбутньої психології, не можна обминути погляди українського психолога, учениці і найближчого співробітника академіка В.А. Роменця – доктора психології І.П. Манохи. В якості перспективних тенденцій розвитку психологічної науки вона пропонує розглядати методологічні конструкти, що можуть бути виведені з узагальнення теоретичних і практичних здобутків структуралізму.

Конкретно, мова йде про наступні п'ять принципів і положень:

– положення про можливість створення універсальної методології, що може використовуватись для різних галузей психологічного знання, для переходу з однієї галузі, простору однієї пояснювальної концепції до іншої галузі та простору іншої концепції;

– принцип міждисциплінарного пізнання, за яким стає можливим поєднання позитивних можливостей кожної з дисциплін, галузей науки у сфері психологічного пізнання;

– принцип синтетичності засобів пізнання, що може бути реалізований на основі структурного поєднання змістових і функціональних сторін існування досліджуваного явища чи феномена;

– принцип системності, що через конструювання «структури», «моделі», «системи» сутнісних характеристик досліджуваного психологічного явища забезпечує побудову його цілісного «теоретичного портрету»;

– принцип трансформації, за яким передбачається вивчення тієї чи іншої психологічної системи через трансформації, зміни, які вона зазнає – переживає, проходить, здійснює. Це дає можливість пізнання не тільки статичних, усталених, відтворюваних «за інерцією» характеристик психологічної системи, але і змінних, динамічних, створюваних характеристик.

Відмітимо, що запропоновані І.П. Манохою принципи і положення про провідні методологічні конструкти психології певною мірою реалізуються у запропонованому нами у початкових розділах даного посібника положенні про методологічний простір сучасної наукової психології тощо.

З точки зору нашого досвіду особистісне центрованої систематизації категоріально-поняттєвого апарату сучасної психологічної науки, можна погодитись із думкою американських психологів Л. Хьєлла і Д. Зіглера про початок ери персонології у психології, що є продуктом її розвитку у ХХ столітті. Дослідники переконані в тому, що «бурхлива наукова діяльність у персонології вказує на зростаюче усвідомлення того, що найбільш нагальні проблеми людства знаходяться в ньому самому; вони стосуються життя людини та її реальних взаємостосунків зі значущими іншими. Розуміння людської поведінки – тайни сексуальності, агресії, конфлікту, міжособистісних стосунків тощо – постає неодмінною умовою для виживання нашого роду».

У зв'язку з цим, вони вбачають як актуальні і перспективні такі проблеми теоретичного й емпіричного дослідження особистості:

– вивчення когнітивних процесів особистості та їх взаємозв'язку з іншими аспектами психологічного функціонування;

– вивчення взаємодії ситуаційних факторів та особистісних змінних й їх відносного внеску у поведінку людини;

– вивчення нейрофізіологічних, біохімічних й генетичних основ особистості;

– вивчення розвитку особистості у середньому і старшому віці;

– вивчення проблем, що відносяться до практичної діяльності людини.

Отже, ми бачимо, що у психології на перший план висуваються саме проблеми особистості – у різних її масштабах, контекстах, аспектах, теоріях, що породжені «особистісним рухом» у психології ХХ століття.

Означені особистісні проблеми не усувають традиційних для минулих століть психологічних проблем, приміром тих, що були усвідомлені ще

Е. Дюбуа-Реймоном у його роботі «Про межі пізнання природи» (1874) або Е. Геккелем у його «Світових загадках» (1899).

З'являються продуктивні можливості вирішити ці та інші психологічні проблеми в контексті розв'язання саме проблем особистості. Про таку можливість говорив ще Л.С. Виготський, стверджуючи, що навіть анатомію мавпи і менш складних тварин можна краще зрозуміти через анатомію людини, а природу більш простих літературних жанрів через вивчення трагедії і комедії.

Тому слушною є думка Б.Ф. Ломова про те, що традиційні психологічні проблеми, зокрема, проблема розуміння психіки як відображення, проблема психічної діяльності, проблема міжособистісного спілкування, психофізіологічна проблема, проблема соціального і біологічного у психіці, проблема розвитку психіки, психологічні проблеми антропогенезу тощо – всі вони можуть бути розв'язані через системно-психологічний підхід, який у психології має трансформуватися в особистісний підхід, або особистісно центрований підхід.

Саме в межах цього підходу мають бути усвідомлені ті проблеми, що у різні часи були висунуті багатьма поколіннями вітчизняних психологів – від М.М. Ланге, В.М. Бехтерева, І.О. Сікорського, О.Ф. Лазурського, Л.С. Виготського, С.Л. Рубінштейна, Г.С. Костюка, О.М. Леонтєва, П.Р. Чамати, О.М. Ткаченка, В.А. Роменця тощо до сучасних психологів і утворюють єдину лінію психологічної спадковості, її науковий геном. <...>

Наукове видання

ФІЛОСОФІЯ ПСИХОЛОГІЇ

Тексти

Відповідальний за випуск *В. Ф. Моргун*

Технічний редактор *І. М. Ковальова*

Дизайн та верстка *О. М. Нарижна*

Підписано до друку 3.07.2017 р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура Times New Roman. Друк офсетний.
Ум.-друк. арк. 19,18. Обл.-вид. арк. 17,36.
Зам. № 1713

Віддруковано в ПНПУ імені В. Г. Короленка,
вул. Остроградського, 2, м. Полтава, 36003

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
Серія ДК № 3817 від 01.07.2010 р.